Николай Михайловичъ

ПРЖЕВАЛЬСКІЙ.

Есть счастливыя имена, которыя довольно произнести, чтобы возбудить въ слушателяхъ представленіе о чемъ то великомъ и общеизвѣстномъ. Таково имя Пржевальскаго. Имя Пржевальскаго будетъ отнынѣ синонимомъ безстрашія и энергіи въ борьбѣ съ природою и людьми и беззавѣтной преданности наукѣ

Рѣчь, произнесенная Непремѣннымъ Секретаремъ Академіи Наукъ К. С Веселовскимъ въ засѣданіи Академіи 26 декабря 1888 года

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

СОСТАВИЛЪ

Н. Ѳ. Дубровинъ.

СЪ 4 ПОРТРЕТАМИ Н. М., 3 АВТОГРАФАМИ, 2 ФОТОТИПІЯМИ И ОТЧЕТНОЮ КАРТОЮ ЧЕТЫРЕХЪ ЕГО ПУТЕШЕСТВІЙ.

Складъ изданія у **В. А. Березовскаго.** Спб., Колокольная № 14.

Цѣна 5 руб.

Переводъ безъ согласія автора не дозволяется

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Военная Типографія (въ зданіи Главнаго Штаба).
1890.

Ин-та русского языка
им. А. С. Пушкина
и МО. яз. и Мышления АН. СССР
9970

ФУНДАМЕНТ
БИБЛИ
Академии наук СССР
1633
58

Николай Михайловичъ

ПРЖЕВАЛЬСКІЙ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Предисловіе 1

Глава I. Происхожденіе рода Пржевальскихъ. — Рожденіе и юность Николая Михайловича.—Семейная обстановка.—Первые уроки.—Пребываніе въ Смоленской гимназіи.—1839—1854. 1

Глава II. Поступленіе въ военную службу.—Служба въ званіи вольноопредѣляющагося.—Производство въ офицеры.—Поступленіе въ академію генеральнаго штаба.—Возвращеніе въ полкъ.—Назначеніе полковымъ адъютантомъ.—Служба въ Варшавскомъ юнкерскомъ училищѣ.—Жизнь въ Варшавѣ.—Причисленіе къ генеральному штабу, съ переводомъ въ Восточно-Сибирскій округъ.—1855—1866. 19

Глава III. Прибытіе Н. М. Пржевальскаго въ Петербургъ.—Неудачная попытка получить матеріальную помощь со стороны географическаго общества для осуществленія идеи о путешествіи.—Прибытіе въ Иркутскъ.—Содѣйствіе Сибирскаго отдѣла географическаго общества къ осуществленію желанія Пржевальскаго.—Командированіе его въ Уссурійскій край.—Цѣли, ему намѣченныя.—Впечатлѣніе, произведенное на него Сибирью.—Выѣздъ изъ Иркутска.—Первые дни путешествія.—Восторженное состояніе путешественника.—Письма его къ роднымъ, друзьямъ и ученикамъ.—Характеръ и особенности Уссурійскаго края.—Результаты шестимѣсячнаго путешествія въ Уссури.—Мечты о путешествіи по Манчжуріи.—Жизнь на озерѣ Ханка для наблюденія за пролетомъ птицъ.—Охота.—Возстаніе Хунъ-хузовъ.—Назначеніе Николая Михайловича начальникомъ штаба

стран.

Сучанскаго отряда.—Усмиреніе возстанія.—Жизнь въ Николаевскѣ.—Характеристика общества.—Публичная лекція въ Иркутскѣ.—1867—1869. 48

Глава IV. Прибытіе въ Петербургъ въ началѣ 1870 г.—Характеристика Н. М. Пржевальскаго.—Предположеніе его о путешествіи въ сѣверный Китаи.—Опредѣленіе Ягунова въ Варшавское юнкерское училище.—Пріисканіе новаго спутника.—Основанія, на которыхъ состоялось командированіе Пржевальскаго въ Китай.—Сборы въ экспедицію.—Прибытіе въ Иркутскъ.—Причины, послужившія поводомъ къ прерванію сношеніи съ Сибирскимъ отдѣломъ географическаго общества.—Происшествіе съ его академическою статьею: «Военно-статистическое описаніе Приамурскаго края».—Отъѣздъ изъ Иркутска.—Переходъ черезъ степь Гоби.—Прибытіе въ Пекинъ.—Впечатлѣніе, произведенное на него китаицами.—Недостатокъ денежныхъ средствъ, ассигнованныхъ на экспедицію, и употребленіе собственныхъ.—Послѣднія приготовленія къ выступленію изъ Пекина.—1870—1871. 86

Глава V. Первое путешествіе въ Монголію и страну тангутовъ.—Выступленіе изъ Пекина.—Путь до Калгана.—Характеристика жизни путешественника.—Враждебность туземнаго населенія.—Корыстолюбіе китайскихъ властей.—Пребываніе въ городѣ Дынь-юань-инъ.—Свиданіе съ амбанемъ (правителемъ).—Охота въ Ала-шаньскихъ горахъ.—Невозможность дальнѣйшаго движенія впередъ, за недостаткомъ денежныхъ средствъ.—Обратный путь въ Калганъ.—Трудность зимняго пути.—Почти бѣдственное положеніе путешественниковъ.—Пропажа верблюдовъ.—Возвращеніе въ Пекинъ.—1871. 116

Глава VI. Содѣйствіе, оказанное Н. М. Пржевальскому нашимъ посланникомъ въ Пекинѣ къ продолженію путешествія.—Письмо А. Е. Влангали предсѣдателю Императорскаго русскаго географическаго общества графу Литке.—Возвращеніе Пржевальскаго изъ Пекина въ Калганъ.—Характеристика китайцевъ.—Новое снаряженіе въ экспедицію.—Практическая стрѣльба командѣ.—Выступленіе изъ Калгана.—Вторичное прибытіе въ городъ

СТРАН.

Дынь-юань-инъ.—Присоединеніе экспедиціи къ Тангутскому каравану.—Въ горахъ Гань-су.—Кумирни Чертынтонъ и Чейбсенъ.—Переходъ на озеро Кукуноръ.—Встрѣча съ дунганами.—Молва о томъ, что Н. М. Пржевальскій волшебникъ или великій святой.—Равнины Цайдама.—Перевалъ Бурханъ-Будда.—Обыденная жизнь путешественниковъ.—Голубая рѣка.—Обратный путь.—Наводненіе въ Ала-шаньскихъ горахъ.—Прибытіе въ Ургу.—Результаты путешествія.—Отъѣздъ въ Кяхту и Иркутскъ.—1872—1873. 139

Глава VII. Пржевальскій въ Иркутскѣ.—Публичныя лекціи.—Прибытіе въ Петербургъ.—Встрѣча въ столицѣ.—Награды.—Лекціи въ географическомъ обществѣ и другихъ мѣстахъ.—Осмотръ коллекціи Императорами Александромъ II и австрійскимъ Францомъ-Іосифомъ.—Покупка коллекціи въ собственность музея Императорской Академіи наукъ.—Вопросъ объ изданіи описанія путешествія.—Отъѣздъ въ деревню и жизнь въ ней.—Возвращеніе въ Петербургъ.—Избраніе Пржевальскаго членомъ-корреспондентомъ Берлинскаго географическаго общества.—Большая Константиновская медаль русскаго географическаго общества.—Избраніе дѣйствительнымъ членомъ С.-Петербургскаго общества естествоиспытателей.—Непригляднность для Н. М. петербургской жизни.—Подарокъ штуцера офицерами генеральнаго штаба.—Предположеніе о новой экспедиціи.—Присканіе спутниковъ.—Почетная грамота международнаго географическаго конгресса въ Парижѣ.—Медаль «Palme d'Academie».—Планъ новаго путешествія.—Сборы въ путь, отъѣздъ изъ Петербурга.—Задержка въ Перми.—Прибытіе въ Кульджу.—1873—1876. 179

Глава VIII. Второе путешествіе Пржевальскаго въ центральную Азію.—Выступленіе изъ Кульджи.—Движеніе по долинѣ Кунгеса.—Юлдусъ.—Отправленіе одного изъ спутниковъ въ Россію.—Пребываніе во владѣніяхъ Якубъ-бека.—Затрудненія, встрѣчаемыя путешественниками.—Озеро Лобъ-норъ.—Курла.—Свиданіе съ Якубъ-бекомъ.—Положеніе Кашгара.—Возвращеніе на Юлдусъ.—Печальное положеніе экспедиціи отъ потери

СТРАН.

верблюдовъ.—Возвращеніе въ Кульджу.—Извѣстіе о кончинѣ дяди.—Выступленіе въ Тибетъ.—Прибытіе въ Гученъ.—Болѣзнь, поразившая Николая Михайловича и нѣкоторыхъ изъ его спутниковъ.—Возвращеніе въ Зайсанъ.—Сборы къ новому выступленію въ Тибетъ.—Затрудненія со стороны китайскаго правительства.—Кончина матери.—Приказаніе остановить экспедицію въ виду натянутости отношеній съ китайскимъ правительствомъ.—Разрѣшеніе пріѣхать въ Петербургъ.—1876—1878. 222

Глава IX. Прибытіе въ Петербургъ.—Почетныя награды: золотая медаль Парижскаго географическаго общества и большая золотая медаль имени Гумбольдта Берлинскаго общества.—Жизнь въ деревнѣ.—Предположеніе о новой экспедиціи въ Тибетъ.—Лекція въ географическомъ обществѣ.—Возраженіе барону Рихтгофену.—Пожертвованіе собранной коллекціи въ музей Императорской Академіи наукъ.—Избраніе почетнымъ членомъ Академіи наукъ и Императорскаго ботаническаго сада.—Командированіе Н. М. Пржевальскаго въ Тибетъ на два года.—Затрудненія, ожидаемыя впереди.—Переписка съ китайскимъ правительствомъ.—Отъѣздъ изъ Петербурга.—Прибытіе въ Зайсанъ.—Составъ экспедиціи и ея матеріальное обезпеченіе.—1878—1879. . 259

Глава X. Третье путешествіе Пржевальскаго въ Центральную Азію.—Выступленіе каравана.—Прибытіе въ г. Баркуль.—Бивачная жизнь путешественниковъ.—Хамійскій оазисъ.—Пребываніе въ г. Хами.—Свиданіе съ губернаторомъ.—Оазисъ Са-чжоу.—Дурной пріемъ путешественниковъ.—У подошвы хребта Бурханъ-Будда.—Стоянка у Сыртына.—Происшествіе съ унтеръ-офицеромъ Егоровымъ.—Стойбище Курлыкскаго князя.—Свиданіе съ нимъ.—Хырма Дзунъ-засакъ.—1879. . . 280

Глава XI. Движеніе въ Тибетъ.—Лишенія, которыя пришлось встрѣтить путешественникамъ.—Урочище Дынсы-обо.—Богатство животнаго царства.—Въ долинѣ р. Шуга.—Трудность дальнѣйшаго движенія.—Долина р. Муръусу.—Верховья знаменитои Голубой рѣки.—Хребетъ Танъ-ла.—Нападеніе грабежей.—Невозможность про-

СТРАН.

никнуть въ Хлассу. — Трудное положеніе каравана.— Свиданіе съ тибетскимъ посланникомъ.—Рѣшеніе вернуться назадъ.—Путь до Цайдама.—Прибытіе въ хырму Дзунъ-засакъ.—Слухъ, о томъ, что Пржевальскій и его спутники погибли въ Тибетѣ. — Прибытіе въ Шалахото.—Поѣздка въ Синінъ.—Свиданіе съ амбанемъ.— Путь къ Желтой рѣкѣ.— Оазисъ Гуй-дуи. — Возвращеніе въ Ургу.—Отъѣздъ въ Петербургъ.—1879—1880 306

Глава XII. Встрѣча Николая Михаиловича въ Петербургѣ.—Просьба его о награжденіи спутниковъ.—Общее сочувствіе къ путешественнику. — Торжественное собраніе Императорскаго русскаго географическаго общества.—Избраніе Пржевальскаго почетнымъ членомъ географическаго общества и почетнымъ гражданиномъ г. С.-Петербурга.— Постановленіе Думы выставить его портретъ.— Просьба Николая Михайловича употребить эти деньги съ благотворительною цѣлью.— Избраніе почетнымъ гражданиномъ г. Смоленска и почетнымъ членомъ разныхъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ обществъ. — Докучливые посѣтители и письма.—Чтеніе лекцій.—Выставка для публики привезенныхъ коллекцій въ залѣ Академіи наукъ.— Чтеніе лекцій Его Высочеству Наслѣднику Цесаревичу. — Отъѣздъ въ деревню. — Письмо Н. Г. Нахтигаля. — Жизнь въ деревнѣ. — Покупка имѣнія «Слободы».—Отношенія къ своимъ спутникамъ.—Командированіе въ Тибетъ на два года. — Выходъ его книги: «Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ» и отзывы о ней.—Сборы въ дорогу.—Подарокъ Наслѣдника Цесаревича.—Отъѣздъ изъ Петербурга.—1881—1883. . 350

Глава XIII. Четвертое путешествіе Пржевальскаго въ центральную Азію.—Составъ экспедиціи.—Путь до Урги.—Приказъ по отряду.—Порядокъ движенія.—Прибытіе въ г. Дынюань-инъ.—Кумирни Чертынтонъ и Чейбсенъ.—Путь на Куку-норъ.— Стоянка у хырмы Дзунъ-засака.—На истокахъ Желтой рѣки.—Ночь, проведенная подъ открытымъ небомъ среди бури и мятели.—Голубая рѣка.—Стрѣльба тангутовъ по Пржевальскому и Роборовскому. — Трудность обратнаго пути къ истокамъ

СТРАН.

Желтой рѣки.—Озеро Русское и озеро Экспедиціи.—Нападеніе тангутовъ и голыковъ. — Приказъ Пржевальскаго.— Путь къ Лобъ-нору. — Прибытіе въ Черченъ. — Недоброжелательство китайскихъ властей.—Пребываніе въ Кэріи.—Свиданіе съ мѣстнымъ амбанемъ.—Колонія Полу. — Балъ, устроенный жителями этой колоніи для экспедиціи.—Изслѣдованіе Кэрійскаго хребта.—Прибытіе въ Хотанъ.—Столкновеніе съ китайскими солдатами.—Возвращеніе на родину.—Приказъ Пржевальскаго по отряду. — Прибытіе въ Караколъ.—Отъѣздъ въ Петербургъ.—1883—1885. 382

Глава XIV. Производство Пржевальскаго въ генералъ-маіоры.—Награды членамъ экспедиціи.—Жизнь въ Слободѣ.—Загадочное письмо непремѣннаго секретаря Академіи.—Вызовъ Николая Михайловича въ Петербургъ, для участвованія въ комитетѣ по китайскимъ дѣламъ.—Постановленіе Академіи наукъ выбить въ честь Пржевальскаго особенную именную золотую медаль.—Возвращеніе въ деревню.—Избраніе дѣйствительнымъ членомъ императорской германской академіи естественныхъ и медицинскихъ наукъ въ Галлѣ и почетнымъ членомъ Императорскихъ обществъ любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при Московскомъ университетѣ.—Торжественный актъ въ Академіи наукъ 29-го декабря 1886 года.—Рѣчь непремѣннаго секретаря Академіи К. С. Веселовскаго. — Избраніе Пржевальскаго почетнымъ членомъ франкфуртскаго и голландскаго географическихъ обществъ. — Выставка для публики коллекцій, собранныхъ Пржевальскимъ.—Проектъ пятаго путешествія въ Азію. — Предполагаемый составъ экспедиціи.—Вопросъ объ изданіи описанія научныхъ результатовъ, собранныхъ въ прежнія экспедиціи.—Пожалованіе на изданіе 25,000 рублей Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. — Приготовленія къ путешествію.—Ожидаемыя затрудненія со стороны китайскаго правительства.—1886—1888. 419

Глава XV. Сборы въ пятое путешествіе.—Грустное настроеніе Николая Михайловича. — Болѣзнь няни Макарьевны.—Отъѣздъ изъ Слободы.—Прибытіе въ Петербургъ.—

СТРАН.

Представленіе Государю Императору. — Прощаніе съ близкими и товарищами.—Впечатлѣніе, произведенное на Николая Михайловича извѣстіемъ о кончинѣ няни — Отъѣздъ изъ Москвы.—Закаспійская желѣзная дорога.—Самаркандъ.—Прибытіе въ Пишпекъ.—Поѣздка въ Вѣрный.— Возвращеніе въ Пишпекъ.— Охота.— Прибытіе въ Караколъ.— Начало болѣзни.— Бивуакъ внѣ города.— Приказъ по отряду.— Дальнѣйшее развитіе болѣзни.—Перенесеніе больнаго изъ юрты въ глазной баракъ Каракольскаго лазарета. — Послѣдняя воля и завѣщаніе.—Кончина Николая Михайловича.—Похороны.—Увѣковѣченіе памяти Пржевальскаго: переименованіе г. Каракола въ г. Пржевальскъ и наименованіе именемъ Пржевальскаго барака, въ которомъ онъ скончался.—Пожалованіе Государемъ Императоромъ пожизненнаго пенсіона тремъ его племянницамъ Пыльцовымъ.— Высочайшее повелѣніе о постановкѣ ему памятника.— Чествованіе памяти Н. М. Пржевальскаго въ европейскихъ ученыхъ обществахъ.—1888. 447

Глава XVI. Научные результаты путешествій Н. М. Пржевальскаго.—Его географическія открытія.—Этнографическія данныя.—Значеніе собранныхъ коллекцій: зоологическихъ и ботаническихъ.—Астрономическія, метеорологическія и климатологическія наблюденія 477

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 1. Отзывы о трудѣ Н. М. «Путешествіе въ Уссурійскомъ краѣ» (Къ стр. 100). 547

№ 2. Письмо Н. М. редактору «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» (Къ стр. 101). 549

№ 3. Замѣтка М. П. Тихменева (Къ стр. 101). 551

№ 4. Письмо М. П. Тихменева, генералъ-губернатору Корсакову (Къ стр. 101). 554

№ 5. Письмо доктора П. Пржевальскому отъ 21-го октября 1870 г. (Къ стр. 104). 556

СТРАН.

№ 6. Представленіе академиковъ Брандта, Шренка и Штрауха президенту Академіи наукъ гр. Литке, читанное въ засѣданіи физико-математическаго отдѣленія 9 апрѣля 1874 г. (Къ стр. 184). 556

№ 7. Записка Н. М. Пржевальскаго Академіи наукъ отъ 25-го марта 1874 г. (Къ стр. 184). 559

№ 8. Записка Н. М. Императорскому русскому географическому обществу 14 января 1876 г. (Къ стр. 204). 560

№ 9. Рескриптъ Е. И. В. В. Кн. Константина Николаевича министру финансовъ статсъ-секретарю Рейтерну. (Къ стр. 208). 563

№ 10. Письмо Н. М. къ М. А. Пыльцову 8 іюня 1876 г. (Къ стр. 217). 564

№ 11. Пиеьмо къ Н. М. генеральнаго штаба капитана Куропаткина изъ Курла 15 января 1877 г. (Къ стр. 231) . . . 565

№ 12. Записка Н. М. 6 іюня 1877 г. о современномъ состояніи Туркестана (Къ стр. 239). 570

№ 13. Письмо М. В. Пѣвцова Н. М. Пржевальскому 23 іюля 1877 г. (Къ стр. 241). 577

№ 14. Записка Н. М. о предполагаемой экспедиціи въ Тибетъ. 24 августа 1878 г. (Къ стр. 262). 579

№ 15. Письмо Н. М. отъ 6 ноября 1878 г. въ конференцію Академіи наукъ съ просьбою принять въ даръ собранную зоологическую коллекцію (Къ стр. 268). 587

№ 16. Отношеніе Н. М. Пржевальскаго въ Совѣтъ Императ. русск. географ. общества отъ 9 февраля 1883 г. (Къ стр. 376). 588

№ 17. Дипломъ, полученный Н. М. въ 1886 г. отъ императорской германской академіи естественныхъ и медицинскихъ наукъ въ Галлѣ на званіе дѣйствительнаго члена академіи. (Къ стр. 431). 593

№ 18. Инструкція, данная Н. М. управляющему имѣніемъ Слободою отъ 1 августа 1888 г. (Къ стр. 449). 595

№ 19. Рѣчь подполковника Я. И. Королькова, произнесенная надъ могилою Николая Михайловича (Къ стр. 469). . . 600

№ 20. Нѣсколько словъ, сказанныхъ докторомъ И. И. Крыжановскимъ при преданіи землѣ тѣла Н. М. Пржевальскаго. (Къ стр. 469). 601

Алфавитный указатель именъ упоминаемыхъ въ текстѣ 603

СТРАН.

Поясной портретъ Н. М., снятый въ 1886 году 1

Портретъ Н. М. молодымъ офицеромъ Полоцкаго полка. . . . 26

Портретъ Н. М. въ костюмѣ, которыи онъ носилъ въ Уссурійскомъ краѣ 68

Портретъ Н. М., снятыи на Лобъ-норѣ, при возвращении съ охоты. 230

Общій видъ выставки зоологической коллекціи Н. М. въ 1886 г. въ Академіи наукъ 433

Памятникъ, сооружаемый правительствомъ на могилѣ Н. М. на берегу озера Иссыкуля 473

Снимокъ съ листа № 14 (р. Муръ-усу) маршрутно-глазомѣрной съемки, произведенной Н. М. во время 3-го его путешествія. 479

Листъ изъ записной книжки Н. М., въ которую заносились астрономическія наблюденія. Опредѣленіе долготы покрытіемъ звѣздъ; рѣка Таримъ близъ зап. оконечности Лобъ-нора 7 (19) февраля 1885 г. и опредѣленіе широты; рѣка Таримъ д. Абдаллы 10 (22) февраля 1885 г. 481

Автографъ письма Н. М. къ управляющему имѣніемъ Слободою, Е. С. Денисову по поводу смерти няни Макарьевны, Москва, 22-го августа 1888 г. 602

Отчетная карта четырехъ путешествій Н. М. Пржевальскаго.

Предисловіе.

Вскорѣ послѣ кончины Николая Михайловича Пржевальскаго, товарищи и друзья покойнаго обратились ко мнѣ съ просьбою написать біографическій очеркъ его жизни, и, пользуясь воспоминаніями лицъ, близко его знавшихъ, сохранить тѣ черты и особенности его характера, которыя съ теченіемъ времени легко могутъ утратиться изъ памяти его современниковъ.

Будучи вдвойнѣ товарищемъ Николая Михайловича и по Императорской Академіи наукъ и по Военно-ученому Комитету Главнаго Штаба, я не счелъ себя вправѣ отказаться отъ такой просьбы, но къ сожалѣнію, по недостатку времени, не могъ принять на себя собираніе необходимыхъ матеріаловъ. Дѣло это принадлежитъ всецѣло одному изъ ближайшихъ друзей покойнаго, генералъ-лейтенанту Ѳедору Александровичу Фельдману. При неутомимой его дѣятельности въ сравнительно короткій промежутокъ времени было собрано до 600 писемъ, которыя и послужили основнымъ матеріаломъ для біографическаго очерка нашего столь выдающагося товарища.

Не могу не сказать при этомъ, что всѣ лица, знавшія Николая Михайловича и бывшія съ нимъ въ перепискѣ, съ особенною готовностью передавали въ распоряженіе автора письма, замѣтки и воспоминанія; другія рылись въ архивахъ и доставляли необходимыя справки, дѣлая это съ любовью въ память о высоко

симпатичномъ человѣкѣ, какимъ былъ Николай Михайловичъ. Наибольшее число писемъ принадлежитъ І. Л. Фатѣеву и М. А. Пыльцову, которымъ, какъ и всѣмъ остальнымъ лицамъ, доставившимъ матеріалы, я считаю долгомъ принести искреннѣйшую благодарность, во имя тѣхъ побужденій, съ которыми написанъ настоящій біографическій очеркъ.

Н. М. Пржевальскій еще такъ недавно жилъ среди насъ, что полная его біографія пока невозможна. Лица, съ которыми приходилось ему сталкиваться, еще живы и принадлежатъ къ числу дѣятелей на различныхъ поприщахъ науки и администраціи. По близости времени, авторъ не считалъ себя вправѣ касаться нѣкоторыхъ эпизодовъ жизни покойнаго, и будущій біографъ его будетъ въ этомъ отношеніи гораздо счастливѣе и самостоятельнѣе въ оцѣнкѣ его современниковъ. Большая часть научныхъ собраній Николая Михайловича еще не обработана и его ученыя заслуги могутъ быть опредѣлены вполнѣ только впослѣдствіи. Въ настоящемъ очеркѣ имѣлось въ виду сохранить лишь тѣ черты характера Пржевальскаго, которыя легко ускользнутъ отъ потомства, и набросать краткій очеркъ его тяжелой странической жизни во имя науки и славы Россіи.

Предлагая вниманію читателей посильный свой трудъ, я считаю долгомъ заявить, что деньги, вырученныя отъ продажи книги, поступятъ въ собираемый Императорскимъ русскимъ географическимъ обществомъ **капиталъ имени Н. М. Пржевальскаго** и предназначаются для усиленія средствъ необходимыхъ на постановку бюста Николая Михайловича въ садикѣ у Чернышева моста, передъ помѣщеніемъ названнаго общества.

Н. Дубровинъ.

Н. Гришковецкій

Фототипія В. Класенъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7–9

I.

Происхожденіе рода Пржевальскихъ —Рожденіе и юность Николая Михайловича.—Семейная обстановка.—Первые уроки —Пребываніе въ Смоленской гимназіи

1839—1854.

Гордиться заслугами предковъ пріятно и составляетъ нравственную обязанность потомковъ, но переносить ихъ заслуги на себя, прикрываться ихъ блескомъ —едва-ли справедливо. Когда однажды, въ присутствіи Наполеона, многіе маршалы стали хвастаться своею родовитостью, Ней сказалъ: „у меня нѣтъ знаменитыхъ предковъ, *но я самъ буду хорошимъ предкомъ*“. То же самое могъ сказать и Николай Михайловичъ, личныя заслуги котораго были поводомъ къ разъясненію происхожденія рода Пржевальскихъ.

Пржевальскіе ведутъ свой родъ отъ запорожскаго казака Карнилы Анисимовича Паровальскаго, поступившаго въ польскую службу и принявшаго впослѣдствіи фамилію Пржевальскаго [1]). Дослужившись до чина ротмистра войскъ казацкихъ, Карнила Пржевальскій принималъ участіе въ сраженіяхъ подъ Полоцкомъ и Великими Луками и за свое мужество и храбрость пожалованъ Стефаномъ Баторіемъ въ 1581 году, 28-го

[1]) Фамилія Паровальскій означала храбраго человѣка—„пáромъ валитъ“. Въ польскомъ языкѣ „прже“ означаетъ „черезъ“, а вáлить—„воевать“. Отсюда произошла передѣлка фамиліи изъ Паровальскаго въ Пржевальскаго, такъ какъ Карнила Анисимовичъ извѣстенъ былъ своею храбростію и черезъ войну пріобрѣлъ шляхетское (дворянское) достоинство Въ закладной крѣпости, данной въ Витебскѣ 10-го апрѣля 1623 года, жена Карнилы Марія Митковна называетъ себя *Превальскою*. Почему пропущена здѣсь буква *ж*—неизвѣстно (Дѣло Витебскаго дворянскаго собранія 1841 г, № 123).

ноября, достоинствомъ польскаго дворянина и особымъ гербомъ. Въ красномъ полѣ этого герба былъ натянутый лукъ съ направленною вверхъ стрѣлою, а въ шлемѣ три страусовыхъ пера[1]). Продолжая доблестную службу свою, Карнила Пржевальскій въ 1589 году получилъ отъ витебскаго воеводы и старосты Велижскаго и Суражскаго, Николая Сапѣги, пять деревень, которыя привилегіею Сигизмунда III и были утверждены за нимъ въ томъ-же году.

Карнила Пржевальскій имѣлъ двухъ сыновей—Богдана и Гавріила; послѣдній оставилъ послѣ себя одного сына Григорія, который вступилъ въ супружество съ дѣвицею Христиною Гостиловичъ и имѣлъ трехъ сыновей: Леона, Ивана и Лаврентія. Энергичная и религіозная женщина Христина стремилась воспитать дѣтей въ духѣ православной религіи и всю свою жизнь употребила на то, чтобы предохранить свою семью отъ всякой попытки обратить ее въ католичество. Впослѣдствіи, достигнувъ преклоннаго возраста, она составила, 10-го марта 1701 года, духовное завѣщаніе, на столько характерное, что его нельзя не привести въ подлинникѣ.

„Грѣшное тѣло мое, взятое отъ земли, должно быть отдано землѣ и погребено усердными заботами и общими издержками братьевъ и моихъ милыхъ дѣтей, Льва, Лаврентія и Ивана Григорьевичей Пржевальскихъ, на обычномъ мѣстѣ томъ, гдѣ само собою будетъ слѣдовать, по обряду *русской моей вѣры, чрезъ русскихъ же священниковъ, съ соблюденіемъ принятаго издревле* порядка. По смерти моей поминать душу мою во всемъ такъ, какъ требуетъ тоже моя *русская вѣра* и согласно моему духовному завѣщанію и моей волѣ для хвалы Божіей и *для будущей славы нашего бѣднаго рода*“.

Далѣе эта истинная и непоколебимая православ-

[1]) Аттестатъ, выданный витебскимъ дворянскимъ депутатскимъ собраніемъ въ 1823 году отцу Н. М. Пржевальскаго, Михаилу Кузьмичу (Выписка изъ книги протоколовъ витебскаго дворянскаго депутатскаго собранія 8 марта 1818 г.). Доставленіемъ какъ этихъ, такъ и нѣкоторыхъ другихъ документовъ, мы обязаны содѣйствію генерала А. В. барона Каульбарса и витебскаго губернатора кн. Долгорукова, сообщившаго выписки изъ дѣлъ витебскаго дворянскаго депутатскаго собранія.

ная христіанка завѣщаетъ тремъ сыновьямъ своимъ родовыя свои имѣнія: Скуратово, Романово и Замѣржино въ Витебскомъ воеводствѣ, но съ тѣмъ, что если бы который изъ сыновей ея уклонился отъ исполненія вышеизложенной воли ея, то лишается своей наслѣдственной части [1]). Сыновья въ точности исполнили завѣщаніе матери; православіе долго сохранялось въ фамиліи Пржевальскихъ, и когда они перешли въ католичество—намъ неизвѣстно.

Лаврентій Пржевальскій также имѣлъ трехъ сыновей: Мартына, Дмитрія и Антона, причемъ послѣ старшаго брата остались сыновья: Антоній и Ѳома, у котораго былъ сынъ Казиміръ, дѣдъ Николая Михайловича. Онъ воспитывался въ іезуитской школѣ въ Полоцкѣ, но до окончанія курса бѣжалъ изъ училища и перешелъ въ православіе, принявъ имя Кузьмы Ѳомича. Проживая въ наслѣдственной части имѣнія Скуратова, Кузьма Ѳомичъ женился на Красовской и имѣлъ одного сына Михаила и двухъ дочерей, умершихъ безъ потомства [2]). Михаилъ поступилъ, въ маѣ 1817 года, юнкеромъ въ бывшій 4-й Карабинерный полкъ. Въ августѣ того же года, Михаилъ Пржевальскій былъ произведенъ въ портупей-юнкера, а въ январѣ 1820 года вышелъ въ отставку. Въ январѣ слѣдующаго 1821 года онъ снова поступилъ на службу сначала въ Бородинскій пѣхотный полкъ, съ переименованіемъ портупей прапорщикомъ, а затѣмъ перешелъ въ Бѣлевскій пѣхотный. Въ августѣ 1824 года Михаилъ Кузьмичъ [3]) былъ произведенъ въ прапорщики съ переводомъ въ Эстляндскій полкъ. Въ январѣ 1834 года, уже въ чинѣ поручика, онъ былъ переведенъ въ Невскій морской полкъ.

[1]) Дѣло Витебскаго дворянскаго депутатскаго собранія 1834 г., № 66.

[2]) Кузьма Ѳомичъ въ 1818 г. находился на службѣ въ г. Старицѣ надзирательскимъ помощникомъ, потомъ награжденъ чиномъ канцеляриста, переведенъ на ту же должность въ Вышній Волочокъ, а въ 1822 г. въ Весьегонскъ. 2-го сентября 1822 г. онъ вышелъ въ отставку. Въ ноябрѣ 1824 г. онъ опредѣленъ былъ сверхъ комплекта въ канцелярію Тверскаго дворянскаго депутатскаго собранія, гдѣ и оставался до 1826 года. Грамотою же 1825 г. онъ былъ занесенъ въ VI родословную книгу Тверскаго дворянства.

[3]) Самъ онъ подписывался: Михайло Кузьминъ Пржевальскій.

Участвуя въ кампаніи 1831 г. противъ польскихъ мятежниковъ и будучи вообще тѣлосложенія весьма слабаго, онъ заболѣлъ воспаленіемъ глазъ и хотя долгое время лечился, но болѣзнь перешла въ хроническую и окончилась потемнѣніемъ роговой прозрачной оболочки. Къ этому недугу присоединилась болѣзнь легкихъ съ сильнымъ кашлемъ и кровохарканіемъ, заставившая Михаила Кузьмича просить о помѣщеніи его въ клинику при виленской медико-хирургической академіи. Восьмимѣсячное леченіе въ клиникѣ было однако же безуспѣшно и впослѣдствіи оказалось, что главною причиною неуспѣшнаго выздоровленія былъ колтунъ, усиливавшій болѣзни другихъ органовъ. При такихъ условіяхъ оставаться въ военной службѣ было невозможно. Но прежде чѣмъ выходить въ отставку, М. К. Пржевальскій поступилъ въ динабургскій военный госпиталь, въ которомъ „неоднократно подвергался кровохарканію, потемнѣнію зрѣнія, обморокамъ, сильнымъ болямъ груди и находился въ крайне разслабленномъ и изнуренномъ отъ болѣзни состояніи“ [1]); каждая перемѣна въ атмосферѣ имѣла на него весьма дурное вліяніе и болѣзнь его признавалась тяжкою и неизлѣчимою. Уволенный 10 мая 1835 г. въ отставку съ пенсіею $^2/_3$ оклада [2]), Михаилъ Кузьмичъ, имѣя всего 32 года отъ роду, поселился близъ Смоленска, у отца, управлявшаго тогда имѣніемъ Митюлинъ (Ельнинскаго уѣзда) помѣщика Палибина. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ этого имѣнія находилось другое село Кимборово, принадлежавшее А. С. Каретникову.

Родомъ изъ Тульской губерніи, Алексѣй Степановичъ Каретниковъ былъ дворовымъ и въ февралѣ 1798 г. поступилъ на службу рядовымъ въ Адмиралтейскую коллегію, былъ магазейнъ-вахтеромъ и въ ноябрѣ 1803 г. переведенъ въ фельдъегерскій корпусъ. Въ 1805, 1807 и 1808 годахъ онъ находился въ свитѣ Государя и былъ

---

[1]) Формулярный списокъ и медицинское свидѣтельство старшаго доктора динабургскаго военнаго госпиталя.

[2]) Арх. Главн. Штаба, дѣло 1835 г., № 741, по 1-му отдѣленію и 3-му столу.

посылаемъ нѣсколько разъ въ армію къ главнокомандующимъ. Въ концѣ января 1809 г. онъ былъ уволенъ въ отставку, съ награжденіемъ чиномъ коллежскаго регистратора и поступилъ на службу въ таможню, гдѣ былъ смотрителемъ одного изъ пакгаузовъ въ Петербургѣ.

А. С. Каретниковъ былъ большаго роста и красивой наружности. Онъ женился на дочери тульскаго купца Ксеніи Ефимовнѣ Демидовой также женщинѣ очень красивой, и имѣлъ четырехъ сыновей и трехъ дочерей, изъ которыхъ самая младшая, Елена, родившаяся 17-го апрѣля 1816 г., была впослѣдствіи матерью Николая Михайловича.

Сыновья А. С. Каретникова всѣ воспитывались въ коммерческомъ училищѣ и служили потомъ въ разныхъ департаментахъ, а дочери были отданы въ пансіонъ г-жи Зейдлеръ, причемъ обѣ старшія были интернами, а младшая приходящею. Каретниковъ имѣлъ три дома въ Петербургѣ: одинъ на Михайловской площади, гдѣ жилъ самъ, другой на Екатерининскомъ каналѣ, а третій у Покрова. Сыновья его вели разгульную жизнь и заставляли отца часто платить ихъ долги. Чтобы положить этому конецъ и обезпечить дочерей, которыхъ Алексѣй Степановичъ любилъ болѣе, чѣмъ сыновей, онъ въ тридцатыхъ годахъ (около 1832 г.) вышелъ въ отставку, продалъ два дома и купилъ съ аукціона, за 29 т. руб. ассигнаціями, въ Смоленскомъ уѣздѣ, село Кимборово, принадлежавшее помѣщику г. Лесли. Имѣніе находилось въ 40 верстахъ отъ Смоленска, по линіи нынѣшней Орловско-Витебской желѣзной дороги и въ немъ числилось 160 ревизскихъ душъ съ 1200 десятинами земли.

Собираясь перемѣнить столичную жизнь на деревенскую, Алексѣй Степановичъ отослалъ въ деревню всю свою петербургскую мебель на крестьянскихъ подводахъ, а слѣдомъ за нею отправился и самъ со всею семьею. Поселившись въ Кимборовѣ, Каретниковы скоро пріобрѣли много знакомыхъ и успѣли заслужить всеобщее уваженіе. Человѣкъ очень добрый, много

помогавшій бѣднымъ, большой любитель пѣнія и музыки, Алексѣй Степановичъ говорилъ красно и охотно разсказывалъ про свои заграничныя поѣздки. Онъ велъ правильный образъ жизни: вставалъ очень рано, занимался хозяйствомъ и въ 8 часовъ вечера ложился спать. Не занимаясь никогда охотою, Алексѣй Степановичъ имѣлъ однакоже страсть къ птицамъ и обезьянамъ: въ Петербургѣ у него была особая комната, въ которой содержалось 10 соловьевъ, 10 щегловъ и нѣсколько заграничныхъ птицъ; въ другой комнатѣ находились обезьяны. Съ переселеніемъ въ деревню онъ купилъ 10 попугаевъ, изъ коихъ одинъ пѣлъ русскія пѣсни, забавлявшія многочисленныхъ гостей радушнаго хозяина.

Любя общество, Каретниковы часто приглашали въ свое имѣніе знакомыхъ, и скоро Кимборово прославилось своими вкусными кулебяками, сладкими и сытными обѣдами. Званые обѣды Алексѣя Степановича славились по всему уѣзду и въ такихъ случаяхъ провизія привозилась изъ Москвы. Въ числѣ лицъ, пользовавшихся хлѣбосольствомъ и радушіемъ хозяевъ, былъ и отставной поручикъ Михаилъ Кузьмичъ Пржевальскій, влюбившійся въ младшую дочь Алексѣя Степановича, Елену, дѣвушку умную и миловидную. Родители долгое время не соглашались выдать дочь за отставного пѣхотнаго офицера, считая такой бракъ мезаліансомъ, по сравненію съ замужествомъ старшихъ дочерей [1]).

Первое время Михаилъ Кузьмичъ очень не нравился семейству Каретниковыхъ. Онъ былъ нехорошъ собой, говоритъ лицо его знавшее [2]), высокаго роста, худой

---

[1]) Старшая дочь Алексѣя Степановича, Елизавета, вышла замужъ за полковника Завадовскаго, впослѣдствіи извѣстнаго дѣятеля на Кавказѣ. Она получила въ приданое петербургскій домъ и уѣхала съ мужемъ въ Екатеринодаръ. Елизавета Алексѣевна умерла раньше родителей, въ 1840 г. Вторая дочь, Александра, была замужемъ за капитанъ-лейтенантомъ Павломъ Николаевичемъ Потемкинымъ. Черезъ годъ послѣ свадьбы Потемкинъ вышелъ въ отставку и поселился въ имѣніи Дуброва, Бѣльскаго уѣзда, Смоленской губерніи. На деньги, полученныя въ приданое, было куплено другое имѣніе Бортники, гдѣ и жили потомъ Потемкины. Павелъ Николаевичъ умеръ въ 1839 г, а вдова его живетъ и теперь въ Отрадномъ

[2]) Воспоминанія смоленскаго помѣщика Севрюкова, сосѣда Каретниковыхъ по Кимборову

и блѣдный, глаза мутные съ поволокою, а на головѣ шапочка, прикрывающая колтунъ. Каретниковы смотрѣли на него какъ на человѣка, не подходящаго быть мужемъ Елены Алексѣевны, и Алексѣй Степановичъ, обыкновенно никогда не высказывавшій своего мнѣнія о сосѣдяхъ, далъ почувствовать Михаилу Кузьмичу, что ему не нравятся частыя его посѣщенія ихъ семейства.

М. К. Пржевальскій переставъ было ѣздить, но потомъ сосѣдка по имѣнію, г-жа Севрюкова, посовѣтовала ему продолжать посѣщать Каретниковыхъ, говоря, что Алексѣй Степановичъ передумаетъ и перемѣнится. Предсказаніе сбылось, и въ 1838 году бракъ состоялся [1]); молодые поселились въ Кимборовѣ, гдѣ 31-го марта 1839 г. родился у нихъ первый сынъ Николай—впослѣдствіи знаменитый путешественникъ, а 6-го іюля 1840 года родился и второй сынъ Владиміръ.

Вскорѣ послѣ рожденія послѣдняго, Каретниковъ выдѣлилъ для дочери изъ Кимборовскаго имѣнія хуторъ съ деревнями Малинино и Раковичи. Хуторомъ, а чаще фольваркомъ, называлась одинокая хижина, стоявшая посреди лѣса и находившаяся въ полутора верстахъ отъ с. Кимборова. Жить въ такой хатѣ съ малолѣтними дѣтьми не было возможности, а о постройкѣ новаго дома, за неимѣніемъ денегъ, и думать было нечего. Положеніе молодыхъ Пржевальскихъ было крайне тяжелое, пока Елена Алексѣевна не получила, по завѣщанію умершей сестры [2]), 2,500 руб. На эти деньги была построена усадьба, которая и названа *Отрадное*. Сюда переселились, въ 1843 году, Пржевальскіе и здѣсь Николай Михайловичъ провелъ годы самой ранней молодости.

Отъ мамки-крестьянки Марьи, изъ деревни Старинокъ [3]), онъ поступилъ на попеченіе горничной Ольги,

---

[1]) Вѣнчались въ церкви ближайшаго села Лобкова, а праздновали свадьбу въ Кимборовѣ.

[2]) Бывшей замужемъ за Завадовскимъ.

[3]) Николай Михайловичъ всегда съ уваженіемъ относился къ бывшей мамкѣ и платилъ ей пенсію по 25 руб. въ годъ.

извѣстной впослѣдствіи подъ именемъ няни Макарьевны. Небольшаго роста, полная и некрасивая, Макарьевна принадлежала къ тому своеобразному типу стараго крѣпостнаго времени, какой теперь встрѣчается очень рѣдко и почти выродился. Крутость ея нрава, доходившая иногда до полной жестокости, страннымъ образомъ уживалась съ добротою и баловствомъ дѣтей. Сверхъ обязанностей няни, Макарьевна исполняла должность ключницы, экономки и главной помощницы по хозяйству. Замужъ она никогда не выходила и потому всю жизнь строго относилась ко всѣмъ романамъ, происходившимъ въ передней и дѣвичьей: вся дворня отъ нея страдала, въ особенности дѣвушки, имѣвшія любовныя приключенія. На такихъ она доносила Еленѣ Алексѣевнѣ и обыкновенно виновную отдавали замужъ за перваго попавшагося парня. Въ Кимборовѣ и до сихъ поръ живутъ еще старушки, потерпѣвшія отъ Макарьевны и не добромъ вспоминающія ее.

Нянькою она была прекрасною и заслужила самую нѣжную и слѣпую любовь Николая Михайловича. Онъ не замѣчалъ недостатковъ Макарьевны и былъ всегда внимателенъ къ ней, какъ къ самой близкой родственницѣ, но старушка злоупотребляла его довѣріемъ: она отравляла жизнь управляющему и всей дворнѣ. Конечно, Николай Михайловичъ не зналъ этого, но онъ былъ такъ ослѣпленъ привязанностію къ бывшей нянѣ, что не повѣрилъ-бы, если-бы ему сказали какова Макарьевна для его окружающихъ.

Отъ природы она была женщина умная, умѣвшая вести свои дѣла и потому пользовавшаяся большимъ вліяніемъ въ домѣ. Елена Алексѣевна любила Макарьевну, не могла жить безъ нея, но между ними бывали частыя стычки, такъ какъ и та и другая отличались настойчивостью характера. По свидѣтельству еще живыхъ современниковъ, Елена Алексѣевна была женщина умная, красивая брюнетка, высокаго роста и нѣсколько полная. Характера твердаго и настойчиваго, она была строга ко всѣмъ вообще, не исключая и своихъ дѣтей.

12-го апрѣля 1842 года она лишилась отца, Алексѣя Степановича Каретникова. Передъ кончиною онъ раздѣлилъ Кимборово на равныя части между женою и дѣтьми, причемъ каждому досталось по 35 душъ. Елена Алексѣевна заложила свое Отрадное за 15 т. руб. и на эти деньги прикупила части матери и брата Александра. Братья-же Гавріилъ и Павелъ не согласились продать своихъ частей, хотя имъ и предложена была хорошая цѣна. Они вели разгульную жизнь, предоставивъ приказчикамъ распоряжаться хозяйствомъ по своему произволу. При такихъ условіяхъ доходы съ имѣнія съ каждымъ годомъ уменьшались, дѣла запутывались и, пользуясь этимъ, сосѣдній помѣщикъ Повало-Швыйковскій купилъ Кимборово за безцѣнокъ, съ обязательствомъ, впрочемъ, содержать обоихъ братьевъ на свой счетъ до ихъ смерти. Обязательство это, конечно, не было исполнено и Каретниковы скоро остались безъ крова и пристанища. Старшій, Гавріилъ Алексѣевичъ, пріютился у богатаго смоленскаго помѣщика Аничкова, а Павелъ Алексѣевичъ поселился у сестры въ Отрадномъ.

Онъ былъ страстный охотникъ и цѣлые дни проводилъ въ полѣ. Эта страсть передалась потомъ и Николаю Михайловичу Пржевальскому. Живя у сестры, Павелъ Алексѣевичъ училъ всѣхъ ея сыновей читать, писать, а потомъ и стрѣлять. Дядя гордился своими учениками и говаривалъ не разъ, что изъ нихъ вышли умные и дѣльные люди потому, что мать ихъ не баловала, а онъ былъ первымъ ихъ учителемъ.

Съ мужемъ Елена Алексѣевна прожила всего восемь лѣтъ и Михаилъ Кузмичъ скончался 27 октября 1846 г. [1]), на 42 году жизни, когда Николаю Михайловичу было всего семь лѣтъ. Дѣти не помнятъ отца, но чтятъ его память какъ человѣка, пользовавшагося уваженіемъ и характера рѣшительнаго.

Оставшись вдовою въ молодые годы, Елена Алексѣевна принялась сама за воспитаніе дѣтей и хозяй-

[1]) Письмо Н. М. Пржевальскаго брату Владиміру « » сентября 1878 г.

ство. Какъ въ томъ, такъ и другомъ случаѣ, она вела дѣло отлично и была извѣстна своею справедливостью. Домъ свой и хозяйство она содержала въ порядкѣ и, не имѣя другихъ средствъ, кромѣ доходовъ съ имѣнія, жила очень тихо и скромно [1]). Въ семьѣ имѣла рѣшающій голосъ, любила очень дѣтей, но за шалость иногда наказывала розгами. Тѣмъ не менѣе, первое время Николаю Михайловичу и его брату Владиміру была предоставлена полная свобода; въ одной рубашкѣ они выбѣгали на улицу, подъ проливной дождь, бѣгали по снѣгу и проч. „Росъ я въ деревнѣ дикаремъ, говоритъ Н. М.; воспитаніе было самое спартанское; я могъ выходить изъ дому во всякую погоду“. Лѣтомъ любимымъ занятіемъ дѣтей была ловля бабочекъ и гулянье въ лѣсу, въ которомъ водились и медвѣди.

Товарищей-сверстниковъ у братьевъ Пржевальскихъ никого не было [2]), а изъ дворни Николай Михайловичъ особенно любилъ Ваську шалуна, никого не боявшагося и не признававшаго никакихъ властей и препятствій. Мальчику шаловливому и непокорному, какимъ былъ самъ Николай Михайловичъ, Васька былъ подъ пару и они вдвоемъ лазили по деревьямъ, придумывали разныя шалости и были за то часто наказываемы.

Съ раннихъ лѣтъ дѣтей стали учить грамотѣ: Николаю Михайловичу было 4—5 лѣтъ, когда, 1-го декабря, посадили его за первый урокъ. Въ этотъ день чтится память св. пророка Наума и ребенка начали учить для того, чтобы, какъ говорили, наука шла на

---

[1]) 3-го февраля 1854 года Елена Алексѣевна вступила во второй бракъ съ Иваномъ Демьяновичемъ Толпыго, который служилъ въ Смоленской палатѣ государственныхъ имуществъ.—У нихъ было трое дѣтей: дочь Александра, родившаяся 15 марта 1855 г. и вышедшая замужъ за М. А. Пыльцова; сынъ Николай, родившійся 4 декабря 1856, нынѣ инженеръ путей сообщенія, строитель Самаркандскаго участка желѣзной дороги, и Ипполитъ, родившійся въ январѣ 1858, нынѣ врачъ въ Москвѣ. И. Д. Толпыго былъ человѣкъ добрый и мягкій, весьма хорошо относился къ своимъ пасынкамъ и былъ искреннимъ ихъ другомъ.

[2]) По сосѣдству былъ только одинъ сверстникъ—Петя Семичевъ, но мальчикъ слабаго здоровья и вовсе не подходилъ къ братьямъ Пржевальскимъ; они видѣлись рѣдко

умъ. Братъ Владиміръ приглядывался и прислушивался къ урокамъ Николая и четырехъ лѣтъ уже выучился читать; тогда рѣшили учить ихъ вмѣстѣ и оба брата не разлучались до окончанія гимназическаго курса.

Дядя Павелъ Алексѣевичъ занимался съ племянниками два года: училъ ихъ грамотѣ и французскому языку, а затѣмъ стали нанимать учителей изъ молодыхъ людей, окончившихъ курсъ наукъ въ духовной семинаріи. Всѣ они оказывались плохими педагогами и ихъ часто мѣняли. Одинъ изъ семинаристовъ, Дмитрій Прохоровичъ Зезюлинскій, прожилъ въ семействѣ 3—4 года, оказался лучшимъ и приготовилъ дѣтей для поступленія въ гимназію.

Въ 1840-хъ годахъ дворянство считало обязанностію отдавать своихъ дѣтей въ кадетскіе корпуса. Мать Николая Михайловича также хлопотала объ опредѣленіи своихъ сыновей въ Павловскій кадетскій корпусъ, но когда это ей не удалось [1]), тогда она рѣшилась отдать ихъ въ Смоленскую гражданскую гимназію.

Во второй половинѣ 1849 года, дворовый человѣкъ Игнатъ, отецъ Васьки, любимца Николая Михайловича, повезъ Николая и Владиміра Пржевальскихъ въ Смоленскъ, гдѣ они отлично выдержали экзаменъ и были приняты во 2-й классъ. По случаю исправленія и передѣлки гимназическаго зданія ихъ отпустили недѣли на двѣ опять въ Отрадное, но ремонтъ такъ затянулся, что дѣтей раза четыре возили въ Смоленскъ и привозили обратно, пока, наконецъ, 7-го ноября не начался курсъ. Этотъ промежутокъ времени братья Пржевальскіе провели въ полной свободѣ. Игнатъ часто жаловался матери, что съ „*паничами*“ сладу нѣтъ, что они шалятъ, но, не смотря на то, дѣти вовсе его не боялись и любили какъ человѣка добраго и сердечнаго.

Въ Смоленскѣ Пржевальскіе жили въ очень небольшой квартирѣ, нанятой для нихъ за два рубля съ

[1]) Ей посчастливилось только относительно третьяго сына, Евгенія, который и воспитывался въ Александринскомъ московскомъ корпусѣ.

половиною во флигелѣ дома Шаршавицкаго, противъ церкви Божьей Матери Одигитріи. При нихъ находился Игнатъ и кухарка Анна, сестра няни Макарьевны. Первые годы дядька каждый день водилъ ихъ въ гимназію и провожалъ обратно домой, носилъ имъ завтракъ, а иногда замѣнялъ его выдачею 2—3 коп. на покупку булки или хлѣба. Столъ и одежда были самыя скромные и улучшались только когда пріѣзжала мать, привозившая сыновьямъ запасы деревенской провизіи.

По своимъ лѣтамъ Николай Михайловичъ былъ моложе всѣхъ своихъ одноклассниковъ, но по физическому развитію и нравственнымъ свойствамъ стоялъ гораздо выше ихъ. Имѣя твердый характеръ и сосредоточенный въ себѣ самомъ, онъ неохотно сближался съ товарищами и не имѣлъ близкихъ друзей, но пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Никто кромѣ Николая Михайловича не заступался за новичковъ, когда къ нимъ приставали, и никто имъ не покровительствовалъ, кромѣ его. Прекрасный товарищъ, вѣрный данному слову, Николай Михайловичъ былъ вожакомъ своего класса и всегда стоялъ во главѣ его.

Блестящія способности и феноменальная память скоро сдѣлали его однимъ изъ первыхъ учениковъ; ему достаточно было прочитать одинъ разъ заданные уроки, чтобы всегда имѣть отличныя отмѣтки. Братъ его Владиміръ обладалъ также хорошею памятью и они не имѣли никогда отдѣльныхъ руководствъ, а всегда учились по одному.

Объ огромной памяти Николая Михайловича сохранилось много разсказовъ и изъ позднѣйшей его жизни. По словамъ І. Л. Фатѣева, его друга, товарища по академіи генеральнаго штаба и по варшавскому юнкерскому училищу, Пржевальскій часто предлагалъ раскрыть знакомую ему книгу на любой страницѣ и прочитать для него вслухъ одну—двѣ строки, а затѣмъ онъ уже продолжалъ говорить наизусть цѣлыя страницы, нисколько не отступая отъ текста сочиненія.

„Такія испытанія, говоритъ І. Л. Фатѣевъ, сколько помню, производились ему, въ присутствіи другихъ

лицъ, на сочиненіи Костомарова: „Сѣверно-русскія народоправства“; на физической географіи моря—Мори; на небесныхъ свѣтилахъ—Митчеля. Ни одна изъ этихъ книгъ, какъ это мнѣ было достовѣрно извѣстно, не была взята Н. М. въ Сибирь. Поэтому, когда онъ, почти чрезъ три года пріѣхавъ изъ Сибири, навѣстилъ насъ въ Варшавѣ, я по этимъ-же сочиненіямъ провѣрялъ на сколько текстъ удержался въ его памяти и былъ пораженъ ея силою и свѣжестью. Но тогда же Н. М. замѣтилъ мнѣ, что, къ сожалѣнію, избытокъ памяти и живаго яснаго представленія всегда ему мѣшали въ занятіяхъ математикой. Не то, чтобы усвоеніе математическихъ наукъ было для него затруднительно; при усиленіи вниманія понималось все легко, но бѣда въ томъ, что при обиліи памяти никакихъ усилій не требовалось. Память и даръ представленія при отвѣтахъ всегда его выручали,—ему всегда ясно представлялись и страница книги, гдѣ былъ отвѣтъ на заданный вопросъ, и какимъ шрифтомъ онъ напечатанъ, и какія буквы на геометрическомъ чертежѣ, и самыя формулы со всѣми ихъ буквами и знаками“.

— Если-бы, говорилъ впослѣдствіи Пржевальскій, преподаватели въ гимназіи или академіи, догадавшись, перемѣнили во время отвѣта буквы на чертежѣ, я навѣрняка все-бы спуталъ и провалился самымъ пошлымъ образомъ. Но моя счастливая звѣзда всегда, во всѣхъ случаяхъ жизни, съ самаго дѣтства, меня вывозила и я вѣрю въ свое счастье—оно не дастъ мнѣ погибнуть, не совершивъ всего мнѣ предназначеннаго.

Во все время пребыванія въ гимназіи братья Пржевальскіе находились подъ строгимъ контролемъ и безъ дядьки ихъ никуда не выпускали. Въ гости они также не ходили и встрѣча съ товарищами по гимназіи происходила только на Смоленской стѣнкѣ, куда они иногда ходили съ дядькою поиграть и ловить воробьевъ, или въ крѣпостномъ рву, гдѣ гимназисты играли въ мячъ и лапту.

Отсутствіе частаго общенія съ товарищами-гимназистами имѣло весьма хорошую сторону, такъ какъ

большинство ихъ не могли служить имъ примѣромъ, достойнымъ подражанія. Составъ гимназистовъ былъ крайне разнообразный: рядомъ съ 10-лѣтними мальчиками сидѣли 20-лѣтніе лѣнтяи, оказывавшіе дурной примѣръ на остальныхъ. Въ воспоминаніяхъ обучавшихся въ гимназіи сохранился слѣдующій случай: одинъ изъ такихъ лѣнтяевъ, кое-какъ добравшійся до 4-го класса, выражалъ неудовольствіе учителю, имѣвшему взрослую дочь, слѣдующими словами: „я на твоей Катькѣ не женюсь“.

Преподаваніе въ гимназіи было самое примитивное: заставляли заучивать наизусть отъ такой-то до такой-то страницы и рѣдкій изъ учителей пытался выйти изъ рамокъ учебника. По словамъ Владиміра Михайловича, умственное развитіе его и покойнаго брата началось послѣ окончанія курса въ гимназіи. „Хотя я, записалъ Н. М., и отлично кончилъ курсъ въ Смоленской гимназіи, но, скажу по истинѣ, слишкомъ мало вынесъ оттуда. Значительное число предметовъ и дурной методъ преподаванія дѣлали рѣшительно невозможнымъ, даже и при сильномъ желаніи, изучить что-либо положительно [1]). Подборъ учителей, за немногими исключеніями, былъ невозможный; они пьяные приходили въ классъ, бранились съ учениками, позволяли себѣ таскать ихъ за волосы. Изъ педагоговъ особенно выдавался въ этомъ отношеніи одинъ учитель, какъ говорили, бывшій вольно-отпущенный, который, не взирая на вѣроисповѣданіе учениковъ, всѣхъ обращалъ въ православіе. Во время его класса постоянно человѣкъ 15 было на колѣняхъ“ [2]).

Николай Михайловичъ сохранилъ добрую память о директорѣ гимназіи *Лыкошинѣ* (помѣщикѣ Вяземскаго уѣзда), какъ о человѣкѣ очень мягкомъ, но мало занимавшемся гимназіею; о законоучителѣ священникѣ *Доронинѣ*, человѣкѣ разумномъ и добромъ, умѣвшемъ

[1]) Собственноручная черновая записка, оставшаяся въ бумагахъ Н. М., отъ 6 февраля 1862 года.

[2]) Автобіографическія записки Н. М. Пржевальскаго. «Русская Старина» 1888 года, № 11, стр. 529.

какъ-то мягко обращаться съ воспитанниками. Учитель исторіи, *Домбровскій*, былъ человѣкъ нервный, очень строгій, но способный и привлекавшій вниманіе учениковъ интереснымъ изложеніемъ своего предмета. Учителю естественной исторіи Пржевальскіе не обязаны ничѣмъ—это былъ человѣкъ взбалмошный и мало знающій. Самое тяжелое воспоминаніе сохранилось объ инспекторѣ-извергѣ, усиленно сѣкшемъ воспитанниковъ по субботамъ, „для собственнаго удовольствія“, какъ не разъ выражался Николай Михайловичъ. Вообще въ гимназіи „науки было мало, а свободы много, и гимназисты не выглядывали такими стариками, какъ нынѣшніе, не ходили въ pince-nez или очкахъ и долго оставались дѣтьми часто шумными и драчливыми“. Къ числу сорванцовъ принадлежалъ и Николай Михайловичъ, подвергавшійся часто наказаніямъ дома и въ гимназіи. „Вообще, вспоминалъ онъ въ своей автобіографіи [1]), розогъ не мало мнѣ досталось въ ранней юности, потому что я былъ препорядочный сорванецъ, такъ что бывавшіе въ гостяхъ деревенскіе сосѣди обыкновенно совѣтывали моей матери отправить меня современемъ на Кавказъ, на службу“.

Въ гимназіи онъ, по возможности, увертывался отъ наказаній и только одинъ разъ, будучи уже въ 6-мъ классѣ, подвергся строгому взысканію. Однажды учитель чѣмъ-то не угодилъ его одноклассникамъ и рѣшено было уничтожить списокъ, въ которомъ ставились отмѣтки. Бросили жребій и онъ выпалъ на долю старшаго Пржевальскаго, который стащилъ списокъ и бросилъ его въ Днѣпръ. Всѣхъ подозрѣваемыхъ, въ томъ числѣ и Пржевальскаго, посадили въ карцеръ, пока не признается виновный. Послѣ нѣсколькихъ дней сидѣнья онъ признался въ своей винѣ и начальство постановило исключить его изъ гимназіи. Мать просила не исключать сына, а хорошенько его высѣчь за сдѣланную шалость. Ей отвѣчали, что учениковъ 6-го класса сѣчь нельзя, но на этотъ разъ сдѣлали исключеніе и виновный былъ высѣченъ и остав-

[1]) «Русская Старина», изд. 1888 г. № 11, 530.

ленъ въ гимназіи. Случай этотъ остался навсегда въ памяти наказаннаго и впослѣдствіи онъ сильно возставалъ противъ отмѣны розогъ въ гимназіяхъ [1]).

— Что́ было бы со мною, говорилъ Николай Михайловичъ въ товарищескихъ бесѣдахъ, если-бы меня не отодрали, а исключили-бы изъ гимназіи, — навѣрно вышелъ-бы изъ меня повѣса изъ повѣсъ.

Скучный и тяжелый зимній періодъ гимназическаго курса проходилъ среди ожиданій праздниковъ Рождества, масляницы, Пасхи и каникулъ, когда Пржевальскіе получали разрѣшеніе отправиться въ свое Отрадное. Особенно ожидали они каникулъ, обыкновенно начинавшихся съ мая и продолжавшихся до октября, а иногда и до ноября. Подъ предлогомъ ремонта или перестройки зданія начальство само старалось протянуть каникулы, что, несомнѣнно, имѣло хорошую сторону для мальчиковъ, долѣе остававшихся въ домѣ родителей и не портившихся городскою жизнію. Послѣдняя была не по сердцу Николаю Михайловичу и съ наступленіемъ весны онъ чувствовалъ тоску и рвался на свободу. По словамъ доктора Сердечнаго, товарища по гимназіи, Пржевальскій употреблялъ всѣ средства и разные предлоги, чтобы убѣжать въ окрестности Смоленска побродить по лѣсамъ и полямъ. Онъ любовался природою, увлекался ею, жилъ ея жизнію и наслаждался ею. „Да, пусть говорятъ что хотятъ, писалъ онъ позже [2]), но то вѣрно, что въ сочувствіи природѣ есть что-то особенное, что-то безконечно глубокое“.

Съ наступленіемъ каникулъ и съ возвращеніемъ въ Отрадное, оба брата помѣщались съ дядею Павломъ Алексѣевичемъ въ отдѣльномъ флигелѣ или, правильнѣе сказать, въ избѣ, въ которой стояли три кровати и находился незатѣйливый ихъ охотничій скарбъ. Сюда приходили они только ночевать, проводя весь день или на рыбной ловлѣ или на охотѣ.

---

[1]) Письмо Денисова Ф. А. Фельдману 21-го января 1889 г.

[2]) Воспоминанія охотника. «Журналъ Коннозаводства и Охоты» 1862 г., № 6.

Библіотеки въ Отрадномъ почти не было и читать было нечего. Въ то время помѣщики пріобрѣтали книги большею частію у разнощиковъ-коробейниковъ, ходившихъ по селамъ съ разнымъ мелочнымъ товаромъ и книгами. Онѣ состояли изъ сказокъ, житій св. отцовъ, разрозненныхъ журналовъ и проч. Всѣ купленныя книги прочитывались дѣтьми съ увлеченіемъ, но о Пушкинѣ, Лермонтовѣ, Гоголѣ и другихъ новѣйшихъ писателяхъ знали тогда развѣ только въ городахъ, а братья Пржевальскіе, за все время своей жизни въ Отрадномъ, о нихъ и не слыхивали. Первыми книгами, прочитанными ими, была какая-то иллюстрація, а потомъ басни Крылова. За неимѣніемъ книгъ они проводили все время въ лѣсу вмѣстѣ съ дядею, страстнымъ охотникомъ. Николай Михайловичъ пристрастился къ охотѣ съ самыхъ юныхъ лѣтъ, слушая сказку Макарьевны объ „Иванѣ великомъ охотникѣ". Сначала, будучи ребенкомъ, онъ стрѣлялъ жолудями изъ игрушечнаго ружья, потомъ сдѣлалъ себѣ лукъ и, наконецъ, когда ему было лѣтъ 12, то получилъ оставшееся отъ отца ружье тульской работы [1]), изъ котораго и учился стрѣлять. Такъ какъ ружье было только одно, то братьямъ приходилось ходить на охоту по очереди или выпрашивать кремневыя ружья у кого-либо изъ дворни. Дядя снабжалъ племянниковъ порохомъ и дробью, а дѣти увеличивали свои боевые запасы тѣмъ, что выбирали дробинки изъ заборовъ и собирали постоянно свинцовую бумагу, въ которую заворачиваютъ чай, топили ее на свѣчкѣ и отливали пули.

Въ Отрадномъ была такая богатая охота, что, не уходя далеко, мальчики почти ежедневно доставляли дичь къ столу [2]). На двѣнадцатомъ году отъ роду Николай Михайловичъ убилъ первую лисицу и, полный восторга, принесъ ее матери. Окровавленное платье сначала испугало ее, но потомъ, оправившись, она

---

[1]) У этого ружья какъ-то расплющился конецъ ствола, его обрѣзали и въ такомъ видѣ употребляли въ дѣло.

[2]) Въ одинъ сезонъ, по словамъ Владиміра Михайловича, они настрѣляли 540 штукъ разной дичи.

997 С
Ин-та русского языка
Ин. яз. и мышления АН. СССР

строго запретила сыну носить такимъ образомъ дичь, но не лишила его возможности охотиться и бродить по лѣсамъ, окружавшимъ Отрадное.

Лѣса выработали въ немъ человѣка здороваго душою и тѣломъ, нравственно-чистаго, тонко-наблюдательнаго, неутомимаго и энергичнаго въ борьбѣ съ физическими и нравственными препятствіями и страстнаго охотника, не останавливавшагося ни передъ какими препятствіями. Онъ на столько увлекался охотою, что, замѣтивъ добычу, въ раннюю весну раздѣвался до нога, переходилъ черезъ ручьи и въ костюмѣ Адама продолжалъ дальнѣйшіе поиски [1]). Въ такихъ случаяхъ онъ забывался совершенно и не обращалъ никакого вниманія на происходившее кругомъ его.

Во время послѣднихъ смутъ въ Польшѣ онъ находился въ отрядѣ генерала Ченгеры, преслѣдовавшемъ шайку Тачановскаго. Посланный съ однимъ казакомъ развѣдать о противникѣ, Николай Михайловичъ взялъ, конечно, съ собою ружье и собаку, которая скоро наткнулась на слѣдъ дичи. Онъ соскочилъ съ лошади, бросился вслѣдъ за собакою и въ пылу охоты не замѣтилъ появленія повстанцевъ, собиравшихся уже захватить его въ плѣнъ. Къ счастію, подоспѣлъ казакъ съ лошадью и Пржевальскій едва успѣлъ ускакать отъ преслѣдователей.

Онъ родился охотникомъ. Твердость его руки и вѣрность глаза поражали всѣхъ, кто бывалъ съ нимъ на охотѣ. „Иногда рѣшительно являлся онъ виртуозомъ: бьетъ дробью волка, а изъ другаго ствола пулей кладетъ въ летъ мелкую пичужку [2]). Всегда лѣнивый, съ тяжелою и медленною походкою въ развалку, Николай Михайловичъ совершенно измѣнялся на охотѣ, былъ чутокъ ко всякому шороху и могъ ходить много и долго [3]).

---

[1]) Воспоминанія охотника. «Журналъ Коннозаводства и Охоты» 1862 г., № 7, 114.

[2]) *Немира.* Воспоминанія о Н. М. Пржевальскомъ.

[3]) Замѣтки *І. Л. Фатѣева.*

II.

Поступленіе въ военную службу — Служба въ званіи вольноопредѣляющагося. — Производство въ офицеры — Поступленіе въ академію генеральнаго штаба — Возвращеніе въ полкъ. — Назначеніе полковымъ адъютантомъ — Служба въ Варшавскомъ юнкерскомъ училищѣ — Жизнь въ Варшавѣ — Причисленіе къ генеральному штабу, съ переводомъ въ Восточно-Сибирскій округъ

1855—1866.

Въ ранней молодости Николай Михайловичъ не увлекался литературою, но случайно прочитанная имъ книга „Воинъ безъ страха“ произвела на него сильное впечатлѣніе и рѣшила его судьбу. Написанная прекраснымъ языкомъ, книга эта убѣдила читавшаго юношу, что только слѣдуя описанному примѣру можно сдѣлаться добродѣтельнымъ, и Николай Михайловичъ рѣшился поступить въ военную службу. Онъ пересталъ готовить себя къ поступленію въ университетъ и по заявленіи объ этомъ гимназическому начальству былъ освобожденъ отъ изученія латинскаго языка. Имѣя всего 16 лѣтъ отъ роду, онъ окончилъ курсъ въ гимназіи съ правомъ на первый гражданскій чинъ [1]) и былъ выпущенъ въ 1855 году, когда геройская защита Севастополя не сходила съ устъ и вызывала удивленіе всей Россіи.

Человѣкъ впечатлительный и энергичный, Николай Михайловичъ рвался на войну. „Геройскіе подвиги защитниковъ Севастополя, писалъ онъ нѣсколько лѣтъ спустя [2]), постоянно разгорячали воображеніе 16-ти лѣтняго мальчика, какимъ я былъ тогда. Не имѣя ни

[1]) Что соотвѣтствовало медали.

[2]) Воспоминанія охотника. «Журналъ Коннозаводства и Охоты» 1862 г. №№ 6—8.

малѣйшаго понятія о дѣйствительной обстановкѣ этой (военной) службы, читая постоянно увлекательные разсказы о подвигахъ разныхъ героевъ, я не иначе представлялъ себѣ каждаго, какъ Баярдомъ съ его знаменитымъ девизомъ: „sans peur et sans reproche“ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ той минуты, когда на дѣлѣ могъ видѣть все, о чемъ зналъ только по книгамъ“.

Обстоятельства сложились, однако-же, такъ, что пришлось ждать до сентября, когда мать могла отвезти его и брата Владиміра въ Москву, для опредѣленія одного въ университетъ, а другаго—въ военную службу. Въ ожиданіи назначеннаго срока отъѣзда, Николай Михайловичъ проводилъ цѣлые дни на охотѣ, и впослѣдствіи называлъ это время нескончаемымъ рядомъ удовольствій и счастливѣйшимъ періодомъ всей его жизни. Охоту смѣняла верховая ѣзда и рыболовство, которому Николай Михайловичъ предавался точно также съ большимъ увлеченіемъ. „Въ небольшой рѣчкѣ, пишетъ онъ [1]), протекавшей немного далѣе версты отъ нашего дома, было довольно рыбы, и я бывало, въ жаркій день, взявъ нѣсколько человѣкъ дворовыхъ, отправлялся на ловлю. Усердно всегда хлопоталъ я около заставленной сѣти съ одной стороны и натянувшагося бредня съ другой. Радостно билось сердце, когда его подтягивали къ берегу и серебристая плотва и окуни уже трепетали на мели. Впрочемъ, и самъ я не былъ только простымъ зрителемъ: раздѣвшись, я помогалъ или тянуть неводъ или болталъ около заставленной сѣти, и эта работа продолжалась до тѣхъ поръ, пока я не могъ попасть, какъ говорится, зубъ на зубъ“.

Въ такихъ занятіяхъ время проходило очень быстро, и Николай Михайловичъ не замѣтилъ какъ наступилъ сентябрь, а съ нимъ и время отъѣзда изъ роднаго, любимаго гнѣздышка. Сборы въ далекій путь начались еще въ концѣ августа: исправляли коляску, приготов-

---

[1]) Воспоминанія охотника. «Журналъ Коннозаводства и Охоты» 1862 г., №№ 6—8.

ляли все необходимое и мать нѣсколько разъ ѣздила въ Смоленскъ для разныхъ закупокъ.

Наступило 4-е сентября 1855 года—день отъѣзда. Какъ ни рвался Николай Михайловичъ поступить въ военную службу, какъ ни казалась она ему привлекательною, но когда приходилъ часъ разлуки, когда приходилось оторваться отъ того, что̀ съ самыхъ раннихъ лѣтъ было свято, мило и дорого, тогда онъ невольно чувствовалъ тоску и неизвѣстное будущее его безпокоило. Въ послѣдніе дни своего пребыванія въ Отрадномъ 16-ти лѣтній юноша находился въ мрачномъ расположеніи духа и чувствовалъ себя какъ-то неловко. Всѣ окружающіе предметы, на которые обыкновенно не обращалось вниманія, пріобрѣли теперь въ его глазахъ особенную цѣну, стали какъ-бы ближе и роднѣе. Онъ обошелъ на прощаньи всѣ любимыя мѣста, побывалъ и на болотѣ, гдѣ билъ много дичи, и, поднявшись на гору, посмотрѣлъ еще разъ на болото, далъ прощальный выстрѣлъ-салютъ и отправился домой. Наступившая ночь была проведена подъ впечатлѣніемъ близкаго отъѣзда, и Николай Михайловичъ спалъ очень дурно. Утромъ всѣ встали рано и отправлявшіеся въ путь братья бродили безсознательно изъ угла въ уголъ. Повсюду они видѣли заплаканныя молчаливыя лица и чувствовали необходимость выйти изъ тяжелаго положенія и быстрымъ отъѣздомъ порвать натянутыя струны.

„Наконецъ, говоритъ Николай Михайловичъ, наступила роковая минута. Меня позвали къ матери; я вошелъ въ залъ. У большаго образа теплилась лампада, а на колѣняхъ передъ нимъ, съ горячими слезами, молилась мать моя. Въ углу стояла няня, нѣсколько дворовыхъ и всѣ плакали. „Станьте здѣсь и молитесь“, обратилась ко мнѣ и брату мать. Мы молча исполнили ея приказаніе. Глубокая тишина водворилась въ комнатѣ, изрѣдка прерываемая тяжкими вздохами. Наконецъ, мать встала и взяла образъ; я подошелъ къ ней.—„Да сохранитъ тебя Господь Богъ во всей твоей жизни“, сказала она и начала благословлять. Этой

минуты не вынесла моя переполненная душа. Долго сдерживаемыя слезы разомъ брызнули изъ глазъ и я зарыдалъ какъ ребенокъ. Братъ тоже сильно плакалъ...

„Прощай, мой голубчикъ“, сказала, поцѣловавъ меня, старуха няня.—„Прощайте, баринъ, прощайте, дай Богъ вамъ счастья“, слышалось со всѣхъ сторонъ. Да, это была минута тяжкаго испытанія, я не забуду ея никогда“.

Тяжелыя минуты разставанія окончились. Мать и два ея сына сѣли въ коляску и отправились въ Москву. Тамъ Николай Михайловичъ, 11-го сентября 1855 года, поступилъ унтеръ-офицеромъ въ сводно-запасный Рязанскій пѣхотный полкъ 18-й сводной дивизіи, и, спустя нѣсколько дней, выступилъ въ походъ. Послѣ двѣнадцати-дневнаго перехода полкъ прибылъ въ Калугу. Молодому унтеръ-офицеру пришлось сразу испытать всѣ невзгоды походной жизни, дѣлать въ день по 30 и болѣе верстъ пѣшкомъ и питаться самою простою пищею. „Кормили насъ такими кушаньями, писалъ онъ въ первомъ письмѣ матери [1]), что просто *объѣденіе*, вездѣ почти намъ давали щи, цвѣтомъ они были похожи на *самыя грязныя помои*, да и вкусомъ-то немного отличались отъ помой; но съ голодухи намъ и такія щи были хороши; на нѣкоторыхъ станціяхъ я покупалъ себѣ молоко и яйца; но иныя деревни были такъ хороши, что нельзя было достать и этого, и тогда я долженъ былъ довольствоваться только этими щами“.

Въ Калугѣ Николай Михайловичъ простоялъ нѣсколько дней, успѣлъ купить и послать въ подарокъ матери калужскаго тѣста. „Тѣсто это бываетъ, писалъ онъ, сахарное и медовое; сахарное по 20 коп. фунтъ, а медовое по 10 коп. Я вамъ посылаю сахарное“.

Изъ Калуги полкъ двинулся въ Бѣлевъ, гдѣ всѣ юнкера и вольноопредѣляющіеся были собраны въ городѣ и изъ нихъ составлена особая юнкерская команда. Пржевальскому отвели квартиру въ кухнѣ, въ кото-

[1]) Отъ 27-го сентября 1855 г., изъ Калуги.

рой, по его словамъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ было такъ холодно, что даже и въ то время, когда топилась печь, было 5 градусовъ морозу. Единственнымъ спасеніемъ были палати, на которыя забирались всѣ желавшіе отогрѣться.

Ежедневно отъ 10 часовъ утра до часу пополудни юнкера должны были собираться въ манежъ на строевыя занятія. Подъ именемъ манежа былъ извѣстенъ длинный погребъ, выкопанный въ землѣ и на столько темный, что въ 20 шагахъ едва можно было различить человѣка. Сюда сходились юнкера въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ: кто безъ сапогъ, кто въ изорванномъ халатѣ, а кто и въ сюртукѣ безъ рукавовъ. Это былъ, можно сказать, сбродъ порочныхъ людей, картежниковъ и пьяницъ, занимавшихся кражею вещей и пропиваніемъ ихъ въ кабакѣ.

„Всѣхъ насъ человѣкъ 60, писалъ Николай Михайловичъ матери [1]), но большая часть изъ нихъ негодяи, пьяницы, картежники. Видя себя между такими сотоварищами, невольно вспомнишь слова, что я буду алмазъ, но въ кучѣ навоза. Впрочемъ, есть и хорошіе, но число ихъ весьма ограничено... Кормятъ меня здѣсь постоянно однѣми щами; но я покупаю гречневую крупу и варю изъ нея кашу, также иногда покупаю говядину на жареное; но чѣмъ я здѣсь объѣдаюсь— это сушеными дулями, которыя я покупаю по 10 коп. ассигн. за фунтъ; чай я пью не всегда, потому что или иногда негдѣ нагрѣть его или такъ, не хочется. Чайникъ мѣдный я не купилъ себѣ, потому что здѣсь нѣтъ, а воду кипятитъ мнѣ хозяйка въ горшкѣ, изъ котораго я потомъ наливаю въ чайникъ; чаю у меня еще довольно, болѣе чѣмъ полъ-фунта—его мнѣ хватитъ до самаго производства въ офицеры“.

Служба въ полку велась очень плохо, никто и ничего не дѣлалъ. На юнкеровъ не обращали вниманія, но съ солдатами обращались жестоко. Офицеры вели жизнь разгульную и проводили время среди картъ и

[1]) Въ письмѣ отъ 3-го декабря 1855 г., изъ Бѣлева.

пьянства. Поступившему въ полкъ новичку трудно было не поддаться общему теченію, но если ему это удавалось, то онъ заслуживалъ общее уваженіе среди товарищей-пьяницъ. Такъ Н. М. разсказываетъ объ одномъ изъ своихъ ротныхъ командировъ, который заставлялъ его пить, но, получивъ отказъ, говорилъ:

— Изъ тебя, братъ, прокъ будетъ.

— Онъ не нашъ, говорили другіе офицеры, — а только среди насъ.

Полковая обстановка не особенно нравилась молодому и энергичному вольнопредѣляющемуся. Онъ ходилъ въ лѣсъ на охоту и часто тамъ плакалъ. Тогда онъ былъ еще такъ молодъ, что походилъ скорѣе на ребенка, чѣмъ на воина.

— За что это, тебя, спрашивали часто крестьяне, — такого молодаго въ солдаты отдали?

Прелесть военной службы, почерпнутая изъ книгъ, сразу рушилась, и Николай Михайловичъ, переносясь мыслью къ родному Отрадному, просилъ мать взять его на праздники домой, чтобы хотя на нѣсколько дней забыть суровую и скучную обстановку военной жизни. Побывавъ дома, онъ въ январѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 1856 г. находился въ той же, если не худшей, обстановкѣ, потому что финансовыя средства его совершенно истощились. Жилъ онъ на той же квартирѣ, питался такою же пищею, но ходилъ на ученье въ Бѣлевскій полкъ, къ которому былъ прикомандированъ. Полкъ готовился въ февралѣ къ походу въ Финляндію и предстояли смотры старшихъ начальниковъ, начиная съ бригаднаго командира. Все чистилось и охорашивалось и нижнимъ чинамъ выдавали полушубки и лапти [1]). Походъ предстоялъ черезъ Москву и Петербургъ. Николай Михайловичъ ласкалъ себя надеждою повидаться съ братомъ и матерью.

Одиночество и жизнь среди не симпатичнаго общества еще болѣе привязали его къ семьѣ и онъ поддер-

---

[1]) Письмо Н. М. матери, отъ 30-го января 1856 г

живалъ постоянную переписку съ матерью, которой сообщалъ о всѣхъ мелочахъ полковой жизни, не исключая описанія новыхъ системъ ружей и патроновъ, выданныхъ нѣсколькимъ нижнимъ чинамъ.

Походъ въ Финляндію былъ, однако-же, отмѣненъ и, вмѣсто того, лѣтомъ 1856 г. полкъ двинулся въ г. Козловъ, Тамбовской губерніи. Этотъ походъ полка Николай Михайловичъ называетъ передвиженіемъ шайки грабителей, „потому что обыкновенно ничего не покупалось какъ людямъ, такъ и лошадямъ—все бралось даромъ. Въ этомъ соблюдалась очередь, и разъ, когда пришелъ мой чередъ, я, между прочимъ, закололъ штыкомъ индюка, котораго потомъ съѣли на станціи“ [1]). Все это было въ обычаяхъ тогдашняго времени и Бѣлевскій полкъ не былъ исключеніемъ. Воровство на продовольствіе офицеровъ продолжалось и впослѣдствіи, такъ что, по словамъ Пржевальскаго, его человѣкъ, Иванъ Марковъ, постоянно кормилъ даромъ и офицеровъ и лошадей [2]).

Стоянка въ Козловѣ не отличалась ничѣмъ отъ предъидущихъ: та же разгульная жизнь и то же отсутствіе порядочнаго общества. Николай Михайловичъ обыкновенно или уходилъ на охоту, или проводилъ время съ однимъ изъ товарищей, съ которымъ читалъ книги историческія, путешествія, романы и, получивъ въ гимназіи свѣдѣнія изъ зоологіи и ботаники, пристрастился къ собиранію растеній. „Это, говоритъ онъ, навело меня на мысль, что я долженъ непремѣнно отправиться путешествовать“. Храня эту завѣтную мечту, онъ оставался, однако-же, въ военной службѣ и по окончаніи установленнаго срока въ ноябрѣ (24-го) 1856 г., былъ произведенъ въ прапорщики въ Полоцкій пѣхотный полкъ, стоявшій въ родной ему Смоленской губерніи, въ г. Бѣломъ. Помѣстившись въ д. купца Пиронскаго, Николай Михайловичъ попалъ едвали не въ худшее общество, чѣмъ прежде. Офицеровъ этого пол-

[1]) «Русская Старина» 1888 г., № 11, стр. 532.
[2]) «Русская Старина» 1888 г, № 11, стр. 532

ка никто не хотѣлъ пускать на квартиру. На площадкѣ среди города былъ нанятъ особый домъ; мебели никакой, кромѣ кроватей, да и то не у всѣхъ. Посреди комнаты стояло ведро съ водкой и стаканы. День начинался и кончался пьянствомъ въ перемежку со скандалами въ родѣ сѣченія квартальнаго и т. п. Мѣстные жители обходили этотъ домъ далеко, чтобы не попасть на глаза офицерамъ и избѣжать скандала [1]).

Въ началѣ 1860 г. Полоцкій полкъ былъ переведенъ въ г. Кременецъ, Волынской губерніи, и Николай Михайловичъ сталъ подумывать о томъ, какъ бы выйти изъ того безотраднаго положенія, въ которомъ онъ находился.

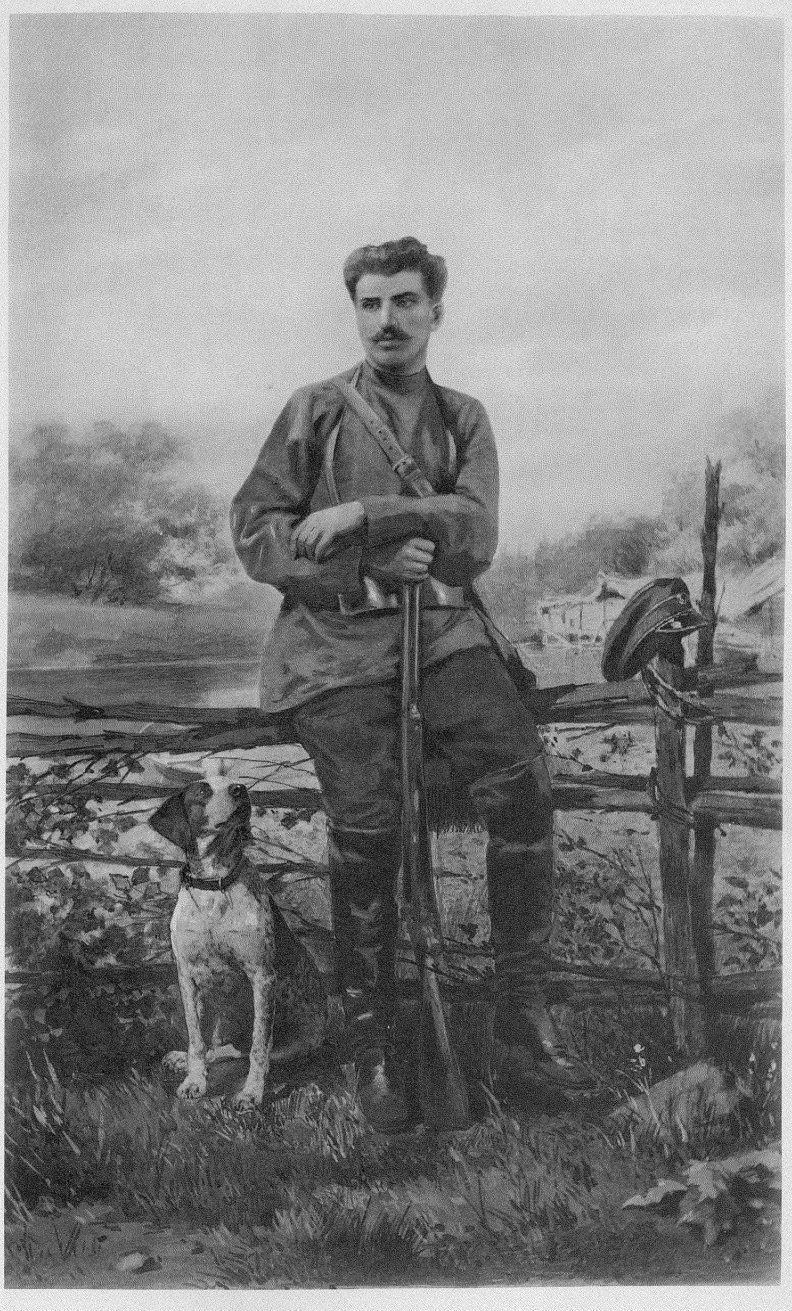
„Прослуживъ пять лѣтъ въ арміи, пишетъ онъ [2]), потаскавшись въ караулъ и по всевозможнымъ гауптвахтамъ и на стрѣльбу со взводомъ, я, наконецъ, ясно сознадъ необходимость измѣнить подобный образъ жизни и избрать болѣе обширное поприще дѣятельности, гдѣ бы можно было тратить трудъ и время для разумной цѣли. Однако, эти пять лѣтъ не пропали для меня даромъ. Не говоря уже о томъ, что они измѣнили мой возрастъ съ 17 на 22 года и что въ продолженіе этого періода въ моихъ понятіяхъ и взглядѣ на жизнь произошла огромная перемѣна,—я хорошо понялъ и изучилъ то общество, въ которомъ находился“.

Сознавая, что, оставаясь въ полку, неизбѣжно придется слѣдовать общему теченію, Николай Михайловичъ написалъ по начальству письмо, въ которомъ просилъ о переводѣ на Амуръ, но, вмѣсто отвѣта, его посадили подъ арестъ на трое сутокъ. Тогда онъ рѣшилъ избрать другой путь, болѣе правильный, и поступить въ Николаевскую академію генеральнаго штаба. Онъ сталъ усиленно готовиться къ экзамену, тѣмъ болѣе, что военныя науки ему были вовсе неизвѣстны и онъ долженъ былъ пройти ихъ самъ, не разсчитывая на

---

[1]) Письмо В. М Пржевальскаго Ф. А. Фельдману отъ 20 октября 1889 г.

[2]) Въ собственноручной черновой запискѣ, оставшейся въ его бумагахъ и помѣченной 6-го февраля 1862 г.



Фотопечать В. Клосень, С. Петербургъ, Кадетская лин., № 7–2.

чью либо помощь. Н. М. Пржевальскій просиживалъ за книгою часовъ по 16 въ сутки, а затѣмъ, не желая лишить себя самаго высокаго удовольствія, отправлялся на охоту, проводя все свободное время въ окрестностяхъ Кременца.

Кременецъ бѣденъ и грязенъ, какъ и всѣ еврейскіе города западной Россіи, но за то окрестности его поражаютъ своею красотою. Отрасль Карпатскихъ горъ—Авратынскій хребетъ—идетъ здѣсь по направленію съ запада на востокъ и образуетъ прелестные ландшафты, которыми невольно любуется каждый. Къ сѣверу отъ горъ, покрытыхъ большею частью лиственнымъ лѣсомъ, тянется обширная равнина, сливающаяся съ широкимъ горизонтомъ. На этой равнинѣ, верстахъ въ 5—6-ти отъ города, протекаетъ рѣчка, извиваясь прихотливыми изгибами и образуя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ болота и поемные луга.

„Великолѣпная панорама, говоритъ Николай Михайловичъ [1]), представлялась съ вершины этихъ горъ, когда весною, во время разлива, всѣ низменности около рѣки были покрыты водою. Я никогда не забуду впечатлѣнія, произведеннаго на меня въ первый разъ этимъ видомъ. Когда я отправился на горы полюбоваться оттуда на весенній разливъ и когда предо мною, какъ широкое зеркало, открылась затопленная версты на двѣ въ ширину долина, теряющаяся въ безконечной дали, тогда невольный трепетъ пробѣжалъ по моимъ нервамъ и это былъ трепетъ безотчетнаго восторга. Великолѣпіе картины еще болѣе дополняло заходившее солнце, блѣдные лучи котораго отражались на свѣтлой поверхности водъ. Самая рѣка во многихъ мѣстахъ не замерзаетъ зимою, такъ что въ это время на ней постоянно держатся утки“.

Онѣ-то и привлекали къ себѣ страстнаго охотника, приходившаго сюда отдохнуть отъ усиленныхъ умственныхъ занятій. Всю весну 1861 г. однополчане почти

---

[1]) Воспоминанія охотника. «Журналъ Коннозаводства и Охоты», 1862 г., № 6, стр. 129—131.

не видѣли его, называли ученымъ, но въ общемъ были внимательны и Николай Михайловичъ съ удовольствіемъ вспоминалъ время, проведенное съ ними [1]).

Не имѣя понятія о тѣхъ требованіяхъ, которыя встрѣтитъ въ академіи, онъ думалъ, что на экзаменъ можно явиться не иначе, какъ изучивши глубоко каждый предметъ, и потому занимался усиленно почти въ продолженіе цѣлаго года. Всѣ предметы, кромѣ математики, къ которой, говоритъ онъ, „я питалъ рѣшительное отвращеніе“, и уставовъ, онъ зналъ очень хорошо, а нѣкоторые даже отлично.

Послѣ предварительнаго испытанія въ корпусномъ штабѣ, Пржевальскій отправился въ Петербургъ безъ гроша денегъ. Одна знакомая ссудила его 170 р. съ тѣмъ, чтобы онъ отдалъ потомъ 270 р. Пріѣхавъ въ столицу въ первый разъ, онъ остановился въ гостинницѣ около Варшавскаго вокзала и платилъ по 30 к. въ день за нумеръ. Явившись въ военную академію, онъ съ ужасомъ узналъ, что всѣхъ желающихъ поступить пріѣхало 180 человѣкъ.

— Ну, думалъ я, говорилъ онъ, — вѣрно между ними найдется много такихъ, предъ которыми мои знанія будутъ какъ муха передъ слономъ, и былъ вполнѣ увѣренъ, что придется ѣхать обратно во-свояси.

Но вышло наоборотъ—и Николай Михайловичъ поступилъ однимъ изъ первыхъ, такъ какъ половина явилась на экзаменъ совершенно неподготовленными и изъ 180 человѣкъ экзаменовавшихся было принято не болѣе 90 чел.

При первоначальномъ знакомствѣ поступившихъ между собою, Пржевальскій обращалъ на себя вниманіе. Онъ былъ высокаго роста, хорошо сложенъ, но худощавъ, симпатиченъ по наружности и нѣсколько нервенъ. Прядь бѣлыхъ волосъ въ верхней части виска при общей смуглости лица и черныхъ волосахъ привлекала на себя невольное вниманіе [2]).

---

[1]) «Русская Старина» 1888 г., № 11, стр. 538.

[2]) Воспоминанія *М. Лауница*, товарища Пржевальскаго по академіи.

Первое время онъ сильно бѣдствовалъ въ Петербургѣ и часто оставался совсѣмъ безъ обѣда. Безденежье было отчасти причиною, что Николай Михайловичъ сторонился товарищей, держалъ себя особнякомъ и ни къ какому кружку, на которые обыкновенно разбиваются слушатели академіи, не принадлежалъ. Лекціи онъ посѣщалъ аккуратно и въ свободное время много читалъ, преимущественно сочиненія историческія и по естественнымъ наукамъ, а военными предметами вовсе не занимался, не чувствуя къ нимъ ни малѣйшаго влеченія. Обладая громадною памятью, онъ былъ увѣренъ, что для экзамена ему не трудно будетъ усвоить военныя науки по литографированнымъ запискамъ профессоровъ и что экзаменъ, во всякомъ случаѣ, онъ выдержитъ удовлетворительно. Такъ и было въ дѣйствительности.

Съ наступленіемъ лѣта, когда обучающіеся офицеры обыкновенно посылаются на съемку, Пржевальскій попалъ въ Боровичскій уѣздъ и все время охотился; съемка его оказалась плохою, планшетъ былъ грязный и перевернутый вверхъ ногами. Ему поставили 4 балла и едва не пришлось возвратиться въ полкъ; только благодаря прекрасному устному отвѣту изъ геодезіи и по другимъ предметамъ, онъ удержался въ академіи. Перебравшись въ старшій курсъ, онъ взялъ темой для своего сочиненія „Военно-статистическое обозрѣніе Приамурскаго края“. При тщательномъ и добросовѣстномъ изученіи источниковъ, онъ скоро написалъ свое сочиненіе и вполнѣ удовлетворительно. Оно было вторымъ опытомъ его авторскаго пера, такъ какъ будучи еще въ младшемъ классѣ академіи и крайне нуждаясь въ деньгахъ, онъ написалъ „Воспоминанія охотника“ и снесъ статью въ редакцію журнала „Коннозаводства и Охоты“. Статья была принята [1]), но редакторъ объявилъ, что гонораръ не будетъ выданъ, такъ какъ это первое произведеніе начинающаго автора. „Тѣмъ не менѣе, говоритъ Нико-

[1]) Напечатана 1862 г. въ №№ 6—8.

лай Михайловичъ, я былъ безконечно радъ, что статья явится въ печати“ [1]).

Въ маѣ 1863 года, съ началомъ польскаго возстанія, всѣмъ офицерамъ старшаго курса въ академіи было предложено, что если кто изъ нихъ желаетъ, не ѣздивши на съемку, отправиться въ Польшу, тотъ будетъ выпущенъ изъ академіи на льготныхъ основаніяхъ, съ правами втораго разряда. Въ числѣ первыхъ желающихъ былъ и Н. М. Пржевальскій, рѣшившійся возвратиться въ свой полкъ. Въ іюлѣ 1863 г. онъ былъ произведенъ въ поручики и назначенъ полковымъ адъютантомъ. Бывшій командиръ Полоцкаго полка, нынѣ генералъ-лейтенантъ Нильсонъ, былъ тогда самъ человѣкъ новый и мало знавшій своихъ офицеровъ. Онъ встрѣчалъ большое затрудненіе въ выборѣ адъютанта, на мѣсто выбывшаго, когда ему доложили, что прибывшій изъ академіи въ полкъ офицеръ желаетъ ему явиться. Офицеръ этотъ былъ Николай Михайловичъ Пржевальскій. Пріятное впечатлѣніе первой встрѣчи, а также и то обстоятельство, что онъ окончилъ академическій курсъ, побудили генерала Нильсона предложить ему мѣсто полковаго адъютанта. Принявъ эту должность почти съ перваго дня прибытія въ полкъ, Николай Михайловичъ былъ встрѣченъ радушно прежними товарищами и скоро заслужилъ общее уваженіе и любовь. Всѣмъ извѣстно, что полковой адъютантъ, какъ ближайшій докладчикъ командира, имѣетъ возможность пользоваться вліяніемъ въ полку. Вліяніе это зависитъ, конечно, отъ характера, способностей и бо́льшаго или мѐньшаго довѣрія командира полка къ своему адъютанту. При полной самостоятельности характера, устраненіи себя отъ всякихъ партійныхъ интригъ и при выдающихся способностяхъ, Пржевальскому не трудно было стать во главѣ общества офицеровъ и быть незамѣтнымъ для нихъ руководителемъ. Полковаго адъютанта уважали и прислушивались къ его мнѣнію, всегда прямому и откровенному; всѣ видѣли въ немъ человѣка честнаго,

[1]) «Русская старина» 1888 г., № 11, стр. 534.

искренняго и съ теплымъ сердцемъ, всегда готовымъ на доброе дѣло.

Вотъ одинъ изъ образчиковъ того положенія, которое онъ занималъ среди офицеровъ.

Въ началѣ 1864 г. обнаружилось, что полковой квартирмистръ растратилъ значительную сумму казенныхъ денегъ и, конечно, подлежалъ суду и наказанію по всей строгости законовъ. Какъ только растрата сдѣлалась извѣстною, Николай Михайловичъ, пользуясь своимъ вліяніемъ на офицеровъ, рѣшился придти на помощь несчастному, спасти его и честь полка. Онъ разослалъ офицерамъ циркулярное письмо, въ которомъ выказалась вся теплота его сердца.

„Милостивые государи! писалъ Николай Михайловичъ. Товарищъ нашъ, поручикъ К., при сдачѣ должности полковаго квартирмистра, оказался виновнымъ въ растратѣ 5,823 р. казенныхъ денегъ, изъ которыхъ 1,700 р. выданы имъ на вексель штабсъ-капитану Л., остальныя дѣлись неизвѣстно куда.

„Хотя, конечно, всякому изъ насъ извѣстно, что эта растрата произошла только вслѣдствіе безпечности и слабости характера, но законъ не принимаетъ подобныхъ оправданій и поручикъ К. долженъ поплатиться своею службою за опрометчиво имъ принятое отъ насъ же предложеніе—быть полковымъ квартирмистромъ.

„Но дѣло это еще не безвозвратно, еще отъ насъ зависитъ спасти или погубить его. Подумаемъ же, какъ сдѣлать первое.

„Изъ недостающихъ денегъ, 900 рублей соглашается заплатить командиръ нашего полка, полковникъ Нильсонъ, 523 руб. принимаетъ на себя поручикъ Юскевичъ, такъ что затѣмъ остается 4,400 р. (въ томъ числѣ вексель Л., по которому деньги будутъ современемъ взысканы и раздѣлены между заплатившими за поручика К., пропорціонально взносу каждаго), раздѣливъ которые на 36 состоящихъ на лицо въ полку

офицеровъ, подписавшихъ выборъ поручика К., придется по 123 руб. на каждаго. Но эта цифра значительно уменьшится, если мы всѣ согласимся участвовать въ подпискѣ за поручика К., видя въ немъ только несчастнаго товарища, а не лицо, отвѣтственное передъ закономъ, тѣмъ болѣе, что во всякомъ случаѣ, даже если онъ будетъ отданъ подъ судъ, большей части изъ насъ придется заплатить не менѣе, какъ по 100 руб.

„Но неужели одни эгоистическіе разсчеты могутъ руководить нами? Неужели мы будемъ хладнокровно смотрѣть, когда товарищъ нашъ надѣнетъ солдатскую шинель и съ горькими упреками и проклятіемъ будетъ вспоминать ту минуту, когда мы сдѣлали его квартирмистромъ? Нѣтъ, мы не допустимъ этого, мы покажемъ, что общество нашего полка руководствуется иными, болѣе широкими принципами. Мы выручимъ К.

„Тогда каждый изъ насъ, съ полнымъ сознаніемъ величія и благородства своего поступка, можетъ съ гордостью сказать: „я спасъ своего товарища; я сдѣлалъ святое, честное дѣло“.

Это письмо-воззваніе спасло офицера, спасло его семью и честь полка. Къ сожалѣнію, въ должности полковаго адъютанта Николай Михайловичъ оставался менѣе года. Все свободное отъ службы время онъ употреблялъ на чтеніе, охоту въ окрестностяхъ Петрокова и въ средѣ офицеровъ бывалъ очень рѣдко, а отъ женскаго общества положительно бѣгалъ.

Не любя пересудъ о достоинствахъ и недостаткахъ какъ знакомыхъ, такъ и общественныхъ дѣятелей, онъ говорилъ, что женщины исключительно занимаются этимъ. Называя ихъ вообще фантазерками и судашницами, онъ мало цѣнилъ ихъ сужденія, относился къ нимъ съ недовѣріемъ и бѣжалъ отъ ихъ общества, часто назойливаго и для него крайне непріятнаго [1]).

„Всего болѣе радъ я тому, писалъ онъ впослѣд-

[1]) *І Л. Фатѣевъ.* Воспоминанія о Н. М. Пржевальскомъ.

ствіи одному изъ своихъ спутниковъ по путешествію [1]), что ты не хочешь жениться и не искушаешься выбранными для тебя невѣстами. Ихъ всегда будетъ довольно, да и время твое не уйдетъ, хотя бы ты пробылъ еще нѣсколько лѣтъ холостымъ. Вѣдь женитьба важнѣйшій шагъ въ жизни, на него нужно рѣшиться очень осмотрительно и не лѣзть добровольно въ петлю".

Когда родные говорили ему, что надо жениться, что подъ старость онъ почувствуетъ свое одиночество и некому будетъ за нимъ ходить, Н. М. отвѣчалъ всегда отказомъ [2]).

— Моя профессія не позволяетъ мнѣ жениться, говорилъ онъ обыкновенно.—Я уйду въ экспедицію, а жена будетъ плакать: брать же съ собою бабье я не могу. Когда кончу послѣднюю экспедицію—буду жить въ деревнѣ, охотиться, ловить рыбу и разрабатывать мои коллекціи. Со мною будутъ жить мои старые солдаты, которые мнѣ преданы не менѣе, чѣмъ была бы законная жена.

Въ карты Н. М. игралъ очень рѣдко и притомъ всегда въ азартныя игры [3]). Самымъ любимымъ занятіемъ его было чтеніе сочиненій по естественнымъ наукамъ, по исторіи и описанію путешествій. Обѣдая постоянно у своего холостаго командира полка и проводя съ нимъ цѣлые вечера въ бесѣдѣ, онъ мечталъ о жизни, подобной Ливингстону въ Африкѣ.

Такъ прошло десять мѣсяцевъ и единственнымъ измѣненіемъ въ общественномъ положеніи Пржевальскаго было избраніе его дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго русскаго географическаго общества за доставленную имъ рукопись „Военно-статистическое обозрѣніе Приамурскаго края". Хотя сочиненіе это было написано на заданную тему въ Николаевской ака-

[1]) Казаку Телешову, въ письмѣ отъ 5-го іюля 1887 года.

[2]) Воспоминанія племянника В. В. Пржевальскаго.

[3]) Впрочемъ, по свидѣтельству генерала Нильсона, за время пребыванія въ Полоцкомъ полку, Пржевальскій игралъ всего два раза, о чемъ каждый разъ говорилъ своему полковому командиру.

деміи генеральнаго штаба, но оно имѣло такія достоинства и было на столько выдающимся въ литературѣ того края, что обратило на себя вниманіе членовъ географическаго общества. Трое изъ нихъ: В. П. Безобразовъ [1]), А. Г. Баркманъ и А. О. Штакельбергъ внесли предложеніе объ избраніи Пржевальскаго членомъ общества, какъ человѣка весьма много занимающагося и путешествовавшаго по Россіи. Изъ числа 56 человѣкъ, присутствовавшихъ въ засѣданіи, Николай Михайловичъ получилъ 46 избирательныхъ голосовъ и съ 5-го февраля 1864 года состоялъ дѣйствительнымъ членомъ географическаго общества.

Между тѣмъ начальникъ 7-й пѣхотной дивизіи скоро обратилъ вниманіе на адъютанта Полоцкаго полка и, не спрашивая согласія ни его, ни командира полка, назначилъ поручика Пржевальскаго старшимъ адъютантомъ своего штаба [2]). Тяжелый и капризный характеръ начальника дивизіи былъ причиною того, что, черезъ два мѣсяца послѣ назначенія, Николай Михайловичъ подалъ прошеніе объ увольненіи въ 4-хъ-мѣсячный отпускъ, и 23-го іюля 1864 года былъ отчисленъ обратно въ полкъ.

Отправившись въ Отрадное, онъ проводилъ все время отпуска среди любимой имъ охоты и серьезнаго изученія зоологіи и ботаники. Чѣмъ болѣе онъ углублялся въ свои занятія, тѣмъ сильнѣе назрѣвала мысль объ осуществленіи завѣтнаго желанія отправиться въ отдаленныя, невѣдомыя страны и проникнуть туда, гдѣ не ступала еще нога европейца. Онъ мечталъ сначала идти по слѣдамъ Беккера для открытія истоковъ Бѣлаго Нила; но при этомъ часто вздыхалъ, говоря, что недостатокъ средствъ [3]) препятствуетъ исполненію этой мечты. Это послѣднее обстоятельство заставило его отказаться отъ странствованій по Африкѣ и обратить вниманіе на изученіе Азіи, путешествіе по кото-

---

[1]) Академикъ, скончавшійся въ 1889 г.

[2]) Записка генерала *Нильсона*, бывшаго командира Полоцкаго полка.

[3]) *М. Лауницъ*. Бѣглыя замѣтки изъ воспоминаній моихъ о покойномъ товарищѣ Н. М. Пржевальскомъ.

рой казалось возможнымъ и при его служебномъ положеніи. Даже и тѣ части Азіи, въ которыхъ находились русскія войска, были мало или вовсе не изслѣдованы. Въ этомъ Николай Михайловичъ имѣлъ возможность убѣдиться, какъ только принялся за серьезное изученіе этой части свѣта. Пріобрѣтаемыя на скудные остатки оберъ-офицерскаго жалованья книги не удовлетворяли его; ихъ было слишкомъ недостаточно для того, чтобы восполнить ту научную подготовку, которую онъ считалъ необходимою для путешественника. Жажда знаній могла быть удовлетворена только въ какомъ нибудь научномъ центрѣ, гдѣ имѣлась обширная общественная библіотека, и Николай Михайловичъ рѣшился съѣздить въ Варшаву, чтобы похлопотать о поступленіи въ только что открытое тогда юнкерское училище. Въ Варшавѣ онъ встрѣтилъ своихъ бывшихъ товарищей по академіи генеральнаго штаба: М. Лауница и Желтухина. При содѣйствіи ихъ, при посредствѣ начальника училища подполковника Акимова [1]) и помощника начальника штаба Варшавскаго округа генерала Черницкаго, онъ, въ декабрѣ 1864 года, былъ назначенъ взводнымъ офицеромъ въ училище и вмѣстѣ съ тѣмъ преподавателемъ исторіи и географіи.

Пребываніе въ Варшавѣ или, иначе говоря, варшавскій періодъ службы былъ однимъ изъ счастливѣйшихъ для Пржевальскаго, и мнѣ не разъ приходилось отъ него слышать, что Варшава окончательно сформировала его и оставила по себѣ самыя пріятныя воспоминанія. Изъ скучной и безотрадной стоянки, изъ полуневѣжественнаго общества, погруженнаго въ самые мелочные интересы, онъ очутился въ европейскомъ городѣ, обладающемъ научными средствами, среди товарищей по академіи, людей образованныхъ. Все это, конечно, въ самомъ корнѣ измѣняло положе-

---

[1]) *Василій Петровичъ Акимовъ*, впослѣдствіи былъ начальникомъ Павловскаго военнаго училища и умеръ въ этой должности въ чинѣ генералъ-лейтенанта.

ніе Пржевальскаго и онъ могъ всецѣло предаться своимъ любимымъ занятіямъ.

Предъидущая служба и стремленіе не затеряться въ толпѣ и не поддаться общему теченію выработали въ немъ самостоятельность и твердость характера; недостатокъ средствъ въ юные годы службы ограничилъ его потребности и заставилъ довольствоваться самымъ необходимымъ, не допускать въ себѣ никакихъ привычекъ и существовать тѣмъ, что есть. Его живой, впечатлительный и пытливый умъ привыкъ сравнивать и обобщать все окружающее, давать всему должную цѣну и не увлекаться первыми впечатлѣніями. Всегда веселый и шутливый, онъ привлекалъ къ себѣ вниманіе и былъ одинаково любимъ, какъ товарищами, такъ и юнкерами. Послѣдніе его боготворили за то, что онъ всегда внимательно и любовно относился къ нимъ и ихъ трудамъ. Въ теченіе короткаго пребыванія въ училищѣ, Николай Михайловичъ успѣлъ сформировать прекрасную библіотеку и внимательно руководилъ чтеніемъ юнкеровъ. Онъ смотрѣлъ на нихъ какъ на своихъ дѣтей, примѣнялся къ ихъ возрасту, подготовкѣ и стремился къ ихъ развитію. Исполняя должность дѣлопроизводителя, завѣдуя библіотекой и читая лекціи по двумъ предметамъ, Николай Михайловичъ былъ въ училищѣ почти постоянно: его можно было видѣть тамъ ежедневно, и утромъ, и вечеромъ.

Вставалъ онъ всегда рано, часа въ четыре, и въ нижнемъ бѣльѣ садился заниматься. Кромѣ чтенія разныхъ сочиненій по исторіи и географіи, онъ спеціально изучалъ зоологію и ботанику, составлялъ записки географіи для юнкеровъ, которыя потомъ литографировались. Къ 8-ми часамъ утра онъ являлся въ училище и шелъ прямо въ классъ, гдѣ знаніемъ своего предмета и даромъ слова привлекалъ къ себѣ многочисленныхъ слушателей. Говорилъ онъ громко, ясно и увлекалъ юнкеровъ цитированіемъ на память обширныхъ выдержекъ изъ самыхъ блестящихъ представителей науки. Дѣлалъ это онъ не съ цѣлью блеснуть своею памятью или краснорѣчіемъ, а для того, чтобы

вызвать у своихъ учениковъ охоту къ изученію предмета, такъ сказать, подогрѣть ихъ и направить къ самостоятельной работѣ. Только такими побужденіями и можно объяснить его снаровку во-время и кстати продекламировать на лекціяхъ подходящія страницы изъ извѣстныхъ авторовъ, чтобы побудить слушателей прочитать эти книги (а онѣ были въ библіотекѣ училища) въ надеждѣ, что такое чтеніе еще успѣшнѣе подстрекнетъ ихъ къ серьезному труду.

„Я утверждаю, говоритъ человѣкъ, близкій къ Николаю Михайловичу [1]), что не простое увлеченіе и трескотня фразами были въ методѣ Н. М., но извѣстный способъ воздѣйствія на учащихся и извѣстная цѣль, направленная къ развитію въ нихъ характера и пробужденія дремлющихъ умственныхъ силъ. Объ этомъ не мало было разговоровъ между дѣятелями училища, но Н. М. и по положенію въ средѣ преподавателей, и по таланту, и по разносторонности знаній, и по убѣжденности былъ полезнѣе другихъ, и за нимъ юноши шли безъ оглядки на то, что изъ всего этого выйдетъ“.

Если бы въ рукахъ Николая Михайловича былъ другой матеріалъ, то, нѣтъ сомнѣнія, онъ и дѣйствовалъ бы иначе. Но на юношей мало учившихся, бѣжавшихъ изъ другихъ школъ отъ книжной премудрости и имѣвшихъ не менѣе 20-ти лѣтъ отъ роду, только и можно было подѣйствовать увлекательнымъ, а не сухимъ чтеніемъ. Впослѣдствіи составъ юнкерскихъ училищъ значительно измѣнился и по подготовкѣ и по возрасту учащихся; имъ можно было предъявить болѣе строгія требованія въ знаніяхъ, но въ первое время существованія этихъ училищъ только увлекательный примѣръ, кстати разсказанный анекдотъ или блестящая страница изъ путешествія могли разбудить дремлющія научныя силы.

Тѣмъ важнѣе заслуга того лектора, который умѣлъ вести дѣло такъ, что на его чтенія собирались юнкера

[1]) *І. Л. Фатѣевъ*, въ письмѣ Ф. А. Фельдману, отъ 7-го марта 1889 г.

изъ сосѣднихъ отдѣленій класса. Это обстоятельство возбуждало зависть и неудовольствіе другихъ преподавателей, жаловавшихся начальнику училища, въ самыхъ комическихъ формахъ, что Пржевальскій отбиваетъ у нихъ слушателей. Послѣдній не обращалъ на эти жалобы никакого вниманія и съ полнымъ жаромъ и энергіею предавался дѣлу воспитанія юношества. Онъ составилъ краткія, но весьма интересныя записки по общей географіи, никогда не пропускалъ лекцій и сверхъ того въ теченіе масляницы 1866 г. прочелъ четыре публичныхъ лекціи по исторіи географическихъ открытій, привлекшихъ массу постороннихъ слушателей, въ числѣ которыхъ были и профессора варшавскаго университета. Лекціи эти всегда читались съ благотворительною цѣлью и сборъ съ нихъ поступалъ въ пользу русскихъ семействъ, члены которыхъ погибли въ польскомъ повстаніи, или въ пользу недостаточныхъ студентовъ варшавскаго университета русскаго происхожденія.

Николай Михайловичъ былъ прекрасный лекторъ и справедливый въ оцѣнкѣ познаній своихъ учениковъ; система поблажки любимчиковъ находилась у него въ полномъ отсутствіи. Онъ былъ вполнѣ безпристрастенъ и зачастую ставилъ единицу и нуль самымъ любимымъ юнкерамъ.

„Посѣщавшему его часто, говоритъ одинъ изъ его учениковъ [1]), и довольно близко къ нему стоявшему юнкеру К. пришлось остаться на второй годъ въ классѣ за невыдержаніемъ экзамена именно по исторіи и географіи. Самъ Николай Михайловичъ настоялъ на этомъ. Ни слезы матери, ни увѣренія К., что онъ будетъ учиться, ни просьбы за него товарищей и начальниковъ—ничто не тронуло справедливаго рѣшенія Николая Михайловича.

На всѣ докучливыя моленія онъ отвѣчалъ намъ: „не буду ли я вамъ, юноши, смѣшенъ и жалокъ послѣ такой уступки? Гдѣ же справедливость? Переправивъ

[1]) *Немира.* Воспоминанія о Н. М. Пржевальскомъ.

К. двойку на тройку, во имя той же справедливости необходимо сдѣлать и для А., для Р. и другихъ. Вспомните прекрасныя слова: я знаю одинъ народъ—человѣчество, одинъ законъ—справедливость".

Юношество вообще отзывчиво на все справедливое и легко подчиняется силѣ и таланту,—оно легко подчинялось и Николаю Михайловичу, выходившему изъ ряда обыкновенныхъ людей. Своимъ вліяніемъ и стараніемъ развить природныя наклонности своихъ учениковъ, Пржевальскій достигъ того, что многіе изъ его питомцевъ, по окончаніи курса въ юнкерскомъ училищѣ, поступали потомъ, для дальнѣйшаго образованія, на естественный факультетъ въ университетъ, или въ земледѣльческую академію и проч. Воспитательныя задачи Николая Михайловича достигались вполнѣ и не разъ приносили ему нравственное наслажденіе.

Посвящая всецѣло училищу время отъ 8 до 12 часовъ и затѣмъ позавтракавъ гдѣ нибудь на дорогѣ, Пржевальскій отправлялся въ зоологическій музей при варшавскомъ университетѣ или въ ботаническій садъ, гдѣ въ бесѣдахъ съ консерваторомъ музея В. К. Тачановскимъ, или съ директоромъ ботаническаго сада Александровичемъ, закрѣплялъ пріобрѣтенныя изъ книгъ свѣдѣнія [1]).

Къ 3-мъ часамъ онъ снова приходилъ въ училище и, пообѣдавъ у В. П. Акимова, тогда холостаго, занимался текущею перепискою какъ правитель дѣлъ и библіотекарь. Вечернихъ лекцій онъ не имѣлъ и бо́льшую часть вечеровъ проводилъ дома. Никакихъ общественныхъ увеселеній онъ не посѣщалъ, а театровъ положительно не любилъ. „Какъ человѣкъ вполнѣ цѣльный и послѣдовательный, онъ не терпѣлъ самообмана. Этимъ и слѣдуетъ объяснить его нелюбовь къ театру и подобнымъ увеселеніямъ" [2]).

---

[1]) *І. Л. Фатьевъ.* «Воспоминанія о Н. М. Пржевальскомъ». Съ Тачановскимъ онъ поддерживалъ постоянныя сношенія до конца жизни и въ началѣ своей ученой карьеры часто обращался къ нему за совѣтами.

[2]) Тамъ-же.

Погруженный въ свои занятія, онъ рѣдко ходилъ въ гости и то только къ товарищамъ и сослуживцамъ. Небольшой и довольно тѣсный кружокъ его близкихъ составляли офицеры генеральнаго штаба: М. Лауницъ, Желтухинъ, начальникъ юнкерскаго училища Акимовъ, инженеръ-капитанъ Энгель, І. Л. Фатѣевъ и немногіе другіе. Собираясь то у одного, то у другаго, часто поигрывали въ карты, „преимущественно въ азартныя игры, гдѣ, говоритъ одинъ изъ его товарищей [1]), Николай Михайловичъ исключительно металъ банкъ, собирая съ насъ иногда почтенную дань, которая совмѣстно съ деньгами, вырученными по изданію учебника географіи, и послужила основаніемъ скромнаго фонда при поѣздкѣ его въ Сибирь“ [2]). Кромѣ этого общества онъ нигдѣ не показывался, и если удавалась свободная минута, то уходилъ на охоту въ окрестности Варшавы.

Удовлетворяя природной страсти, охота была для него и необходимостью, такъ какъ бывали случаи, что, не имѣя возможности побывать на охотѣ, онъ затѣмъ слѣдующую недѣлю страдалъ головными болями и подвергался даже обморокамъ. Къ сожалѣнію, при тогдашнемъ политическомъ положеніи Царства Польскаго, охота была сопряжена съ нѣкоторыми затрудненіями и однажды ему, одѣтому въ охотничье платье, пришлось довольно долгое время отсидѣть въ циркулѣ (полицейской части), пока не разъяснились обстоятельства и его личность [3]).

Такая строгость заставляла отказаться отъ частой охоты и Николай Михайловичъ проводилъ бо̀льшую часть времени среди молодежи въ юнкерскомъ училищѣ или у себя дома. Онъ былъ всегда окруженъ юношествомъ, что соотвѣтствовало его природнымъ наклонностямъ и стремленію вліять на другихъ и слу-

---

[1]) *М. Лауницъ* «Бѣглыя замѣтки изъ воспоминаній моихъ о покойномъ товарищѣ Н. М. Пржевальскомъ».

[2]) При отправленіи въ Иркутскъ у него было 1,000 рублей.

[3]) *М Лауницъ* «Бѣглыя замѣтки изъ воспоминаній моихъ о покойномъ товарищѣ Н. М. Пржевальскомъ»

жило поддержкою живаго и веселаго настроенія духа. „Это обстоятельство, говоритъ І. Л. Фатѣевъ въ своихъ воспоминаніяхъ, при громадной впечатлительности Николая Михайловича, было необходимымъ условіемъ его житейской обстановки; иная обстановка—и онъ становился мнительнымъ, раздражительнымъ и неспособнымъ къ умственной работѣ. Любовь и преданность къ нему молодежи, живое и горячее ихъ отношеніе къ дѣлу подогрѣвало и его самого и держало всегда въ дѣятельномъ и живомъ напряженіи силъ. Онъ сознавалъ это и, съ своей стороны, ласками и заботами о молодежи проявлялъ свойственную ему нѣжность“.

Онъ заботился о юнкерахъ, какъ отецъ о дѣтяхъ; два раза въ недѣлю раздавалъ имъ книги изъ сформированной имъ же библіотеки и затѣмъ около 7 часовъ вечера, забравъ съ собою помощниковъ въ этомъ дѣлѣ, юнкеровъ: Пыльцова [1]), Хотинскаго, а иногда пригласивъ и другихъ, отправлялся съ ними домой [2]).

Квартира его состояла изъ трехъ небольшихъ комнатъ съ самою обыкновенною оберъ-офицерскою обстановкою. Нѣсколько буковыхъ стульевъ, простой столъ, такая же кровать и ружья составляли все ея убранство. Но самыми дорогими для него предметами были: гербарій, составленный изъ флоры Смоленской, Радомской и Варшавской губерній, въ которыхъ онъ успѣлъ побывать, и полки, на которыхъ стояли книги научнаго содержанія. Беллетристику Николай Михайловичъ не особенно любилъ и ею мало интересовался, но газеты читалъ всегда и на нѣкоторыя изъ нихъ подписывался. Изъ поэтовъ онъ особенно любилъ Байрона и Лермонтова; „Демона“ зналъ наизусть и часто его декламировалъ. Изъ иностранныхъ авторовъ онъ

[1]) Сопровождавшаго впослѣдствіи своего учителя при путешествіи послѣдняго въ Монголію.

[2]) Приглашеніе юнкеровъ дѣлалось съ разборомъ и преимущественно тѣхъ, въ которыхъ онъ подмѣчалъ выдающіяся способности, живой наблюдательный глазъ, любовь къ природѣ, страсть къ охотѣ и путешествіямъ.

сочувственно отзывался о Викторѣ Гюго, изъ сочиненій котораго онъ помнилъ цѣлыя страницы. Его настольными книгами были „Картины природы“ Гумбольдта, „Азія“ Риттера и другія. На пріобрѣтеніе научныхъ сочиненій по своей спеціальности онъ затрачивалъ почти всѣ свободныя деньги; постоянно выписывалъ „Извѣстія Императорскаго русскаго географическаго общества“, и когда не хватало средствъ, то бралъ книги въ долгъ въ магазинѣ Кожанчикова, куда ходилъ почти ежедневно справляться о вновь вышедшихъ сочиненіяхъ. Знакомый со всѣми новостями, онъ дѣлился пріобрѣтенными познаніями съ своими учениками при помощи бесѣдъ въ училищѣ, во время дежурства, или у себя на квартирѣ.

Въ послѣднемъ случаѣ, онъ заготовлялъ для своихъ гостей-юнкеровъ обильное угощеніе и тратилъ на это много денегъ. Преданный ему вполнѣ слуга Заикинъ былъ мастеръ приготовлять разнаго рода водянки: грушевую, яблочную и другія. Николай Михайловичъ самъ любилъ ихъ очень, всегда имѣлъ въ запасѣ цѣлые боченки и угощалъ ими своихъ гостей. Въ кругу знакомыхъ и близкихъ онъ былъ извѣстенъ человѣкомъ въ высшей степени добрымъ, довѣрчивымъ, радушнымъ и гостепріимнымъ. Приглашая гостей, онъ всегда придерживался русской пословицы: „Что есть въ печи, все на столъ мечи“. Онъ былъ самъ большой охотникъ много и сладко покушать; ѣлъ онъ всегда скоро, любилъ, чтобы гости слѣдовали его примѣру, не копались, но насыщались, какъ говорится, „вплотную“ [1]). Страсть эта съ годами все усиливалась,

[1]) «Николаю Михайловичу подали большую миску супу, говоритъ одинъ изъ присутствовавшихъ во время обѣда. По размѣру посуды я думалъ, что, вѣроятно, онъ ожидаетъ кого нибудь изъ гостей; но каково было мое удивленіе, когда, между разговорами, онъ уничтожилъ все содержимое въ мискѣ, затѣмъ налилъ полъ-стакана краснаго вина, залпомъ выпилъ его, потомъ стаканъ сельцерской воды и приказалъ подавать второе блюдо, которое заключалось въ подобной же мискѣ, но меньшихъ размѣровъ. Въ этой мискѣ находилось три куска бифштекса, которые были уничтожены одинъ за другимъ, при этомъ повторилось запиваніе ихъ краснымъ виномъ пополамъ съ сельцерской водой» (Воспоминанія Валентина Большева).

способствовала ожиренію, что, впрочемъ, его крайне раздражало, и въ концѣ концовъ, отчасти была причиною его рановременной кончины.

По словамъ одного изъ частыхъ посѣтителей Николая Михайловича [1]), за чаемъ, вмѣстѣ съ хлѣбомъ, вареньемъ, конфектами, подавались колбаса, сыръ, сардины, яблоки, фиги, финики и апельсины, а затѣмъ передъ уходомъ — сельди, семга и лососина, вмѣсто ужина. „Горячихъ ужиновъ не приготовлялось, такъ какъ Николай Михайловичъ стола дома не держалъ. Виномъ насъ не угощалъ и самъ не пилъ.

„Мы никогда не стѣсняли его и не мѣшали ему, да онъ и не принадлежалъ къ числу такихъ лицъ, которыя церемонятся. Чутьемъ мы знали, когда онъ намѣревался заниматься; тогда никто изъ насъ не дерзалъ войти въ ту комнату, гдѣ онъ сидѣлъ. Въ такихъ случаяхъ брали мы съ завѣтныхъ полокъ книги и просиживали цѣлый вечеръ за чтеніемъ. Случалось, бывали и такіе дни, когда мы уходили не видавъ его, пробывши въ квартирѣ его 6—7 часовъ. Заикинъ въ такіе вечера, подавая чай и всевозможныя закуски, грозилъ намъ пальцемъ и говорилъ безпрерывно шопотомъ: „Тише, тише, господа юнкаря, Николай Михайловичъ не уважаютъ шуму, когда въ книжку читаютъ“. Затѣмъ онъ наливалъ чай, клалъ на тарелку яства и на цыпочкахъ входилъ безмолвно къ своему господину“.

Около 9-ти часовъ вечера юнкера уходили и Николай Михайловичъ обыкновенно ложился спать. Исключеніе составляли тѣ немногіе вечера, когда собирались у него товарищи, офицеры генеральнаго штаба, офицеры юнкерскаго училища, студенты естественнаго факультета варшавскаго университета, консерваторъ зоологическаго музея Тачановскій [2]) и воль-

---

[1]) *В. Немира.* «Воспоминанія о Н. М. Пржевальскомъ».

[2]) Послѣ перваго путешествія Николай Михайловичъ пріѣзжалъ въ Варшаву, что бы повидаться съ Тачановскимъ и вмѣстѣ съ нимъ опредѣлить виды новыхъ птицъ.

нопрактикующій препараторъ Робертъ Кёхеръ, ополячившійся нѣмецъ. Въ такомъ обществѣ хозяинъ любилъ побесѣдовать и часто не отпускалъ своихъ гостей до глубокой ночи. Любимыми темами для разговоровъ, конечно, были естественныя науки и исторія, причемъ лучшимъ историкомъ Пржевальскій считалъ Іоганна Шерра.

— Вотъ это я понимаю, говорилъ онъ,—вотъ это исторія. На исторію надо смотрѣть, какъ на зеркало, въ которомъ отражаются всѣ глупости человѣческія.

Пользы современной цивилизаціи для человѣчества онъ не признавалъ и говорилъ, что статистическія данныя доказываютъ, что прогрессъ не можетъ возмѣстить человѣчеству его нравственныхъ утратъ за послѣдній вѣкъ.

—Вѣяніе человѣка, говорилъ Пржевальскій, страшнѣе и истребительнѣе всяческихъ невзгодъ природы! Ни холода и бури, ни скудный кормъ, ни разрѣженной воздухъ—ничто это далеко не можетъ сравниться съ тою роковою гибелью, которую несутъ для дикихъ созданій прогрессивно возрастающая культура и такъ называемая цивилизація рода человѣческаго. Равновѣсіе природы нарушается, искусство замѣняетъ творчество и современемъ, какъ говоритъ Уэллесъ, быть можетъ только одинъ океанъ въ своихъ недоступныхъ нѣдрахъ останется дѣвственнымъ и непокорнымъ человѣку.

„Въ блага цивилизаціи не особенно вѣрую, писалъ Пржевальскій гораздо позже [1]).—Эти блага вѣдь сводятся главнымъ образомъ къ тому, что горькія пилюли нашего существованія преподносятся въ кацюляхъ или подъ разными соусами, не говоря уже про уничтоженіе всѣхъ иллюзій, которыми только жизнь и красна. По моему, умственная ограниченность — одно изъ непремѣнныхъ условій продолжительности личнаго счастія“.

---

[1]) А. А. Штрауху 27 іюня 1887 г

Возникавшіе вопросы и обмѣнъ мыслей по естественной исторіи оживляли Николая Михайловича; онъ всегда старался захватить иниціативу разговора и стать во главѣ бесѣдующихъ. Здѣсь онъ обнаруживалъ громадную начитанность, умѣнье обобщать и подмѣчать характерныя особенности. Онъ увлекался и своею рѣчью увлекалъ другихъ. „Ваше письмо, писалъ ему одинъ изъ товарищей много лѣтъ спустя [1]), какъ нѣкогда ваше присутствіе имѣетъ что-то такое, что̀ будитъ душу, требуетъ оглядки. Вы были мнѣ близки, какъ человѣкъ, возлѣ котораго всегда глубже чувствовалось, шире думалось. Помню хорошо какъ вы умѣли и любили дѣлиться вашею любовью къ прекрасному „Божьему міру“.

Природа, съ ея безчисленными красотами, увлекала Н. М. Пржевальскаго, манила къ себѣ и его постоянно преслѣдовала мысль о путешествіи, о розысканіяхъ въ странахъ неизслѣдованныхъ, но для осуществленія этой мечты пока не предвидѣлось никакихъ средствъ. Онъ былъ не болѣе какъ штабсъ-капитанъ Полоцкаго пѣхотнаго полка и первыя попытки его перейти въ генеральный штабъ не удавались, главнымъ образомъ, потому, что фамилія его казалась польскою. Только участіе помощника начальника штаба Варшавскаго округа, генералъ-маіора Черницкаго, помогло дѣлу и оказало громадную услугу наукѣ.

Въ мартѣ 1866 года, генералъ Черницкій отправилъ докладную записку начальнику военно-учебныхъ заведеній, генералъ-адъютанту Н. В. Исакову, въ которой просилъ о командированіи штабсъ-капитана Пржевальскаго на службу въ Туркестанскій край, для перевода впослѣдствіи въ генеральный штабъ.

„Офицеръ этотъ, прибавлялъ Черницкій [2]), при обширныхъ познаніяхъ въ географіи, исторіи и ста-

---

[1]) *Аркадій Беневскій*, въ письмѣ отъ 25 января 1874 г.

[2]) Въ докладной запискѣ отъ 12-го марта 1866 г. Арх. Главн. Штаба, дѣло канцеляріи № 82.

тистикѣ будетъ весьма полезенъ для составленія статистическаго обозрѣнія нашихъ областей въ Средней Азіи, до сихъ поръ еще мало изслѣдованныхъ".

Ходатайство Черницкаго было передано начальнику главнаго штаба графу Гейдену, при слѣдующей запискѣ генералъ-адъютанта Н. В. Исакова [1]):

„Вотъ, любезный графъ Ѳедоръ Логгиновичъ, просьба Черницкаго изъ Варшавы о Пржевальскомъ. Я его видѣлъ въ преподаваніи; онъ, кажется, очень способный и бойкій офицеръ; онъ желаетъ дѣятельности и не можетъ ее тамъ удовлетворить".

Прошло восемь мѣсяцевъ и Николай Михайловичъ, не получая никакого отвѣта, рѣшился возобновить свою просьбу. Въ октябрѣ, начальникъ штаба Варшавскаго округа генералъ-лейтенантъ Минквицъ просилъ о причисленіи штабсъ-капитана Пржевальскаго къ генеральному штабу и о назначеніи его, если не въ Туркестанскій округъ, то въ войска, расположенныя въ Восточной Сибири [2]). При этомъ, два дня спустя, генералъ Черницкій писалъ Г. В. Мещеринову [3]): „Зная лично этого офицера съ весьма хорошей стороны, я, независимо сдѣланнаго представленія, считаю долгомъ и съ своей стороны покорнѣйше просить ваше превосходительство о причисленіи названнаго офицера, тѣмъ болѣе, что онъ вполнѣ соотвѣтствуетъ условіямъ службы въ генеральномъ штабѣ".

Такъ какъ Пржевальскій былъ выпущенъ изъ академіи на льготныхъ правахъ, по второму разряду, и не держалъ выпускнаго экзамена, поэтому въ главномъ штабѣ являлся вопросъ, будетъ ли онъ соотвѣтствовать всѣмъ условіямъ службы въ генеральномъ штабѣ? Сомнѣнія разсѣялись, когда начальникъ академіи генералъ Леонтьевъ заявилъ, что въ теченіе

---

[1]) Отъ 7-го мая 1886 г. Арх. Главн. Шт., дѣло канцеляріи № 82.

[2]) Отношеніе генерала Минквица въ Главный Штабъ, 20-го октября, № 6,532.

[3]) Помощнику начальника Главнаго Штаба, въ письмѣ отъ 22-го октября, за № 6,502.

двухъ-лѣтняго пребыванія въ академіи Пржевальскій былъ извѣстенъ какъ способный и усердный офицеръ[1]). Тогда 17-го ноября 1866 года послѣдовалъ приказъ[2]) о причисленіи его къ генеральному штабу, съ назначеніемъ для занятій въ Восточно-Сибирскій округъ.

Ученики и товарищи съ грустью узнали о такомъ перемѣщеніи, но самъ Николай Михайловичъ былъ въ восторгѣ и торопился уѣхать къ новому мѣсту служенія.

---

[1]) Письмо генерала Леонтьева генералу Мещеринову 7-го ноября 1866 г.

[2]) По генеральному штабу отъ 17-го ноября 1866 г.

III.

Прибытіе Н. М. Пржевальскаго въ Петербургъ —Неудачная попытка получить матеріальную помощь со стороны географическаго общества, для осуществленія идеи о путешествіи —Прибытіе въ Иркутскъ — Содѣйствіе Сибирскаго отдѣла географическаго общества къ осуществленію желанія Пржевальскаго.— Командированіе его въ Уссурійскій край —Цѣли, ему намѣченныя.—Впечатлѣніе, произведенное на него Сибирью —Выѣздъ изъ Иркутска —Первые дни путешествія.—Восторженное состояніе путешественника —Письмо его къ роднымъ, друзьямъ и ученикамъ —Характеръ и особенности Уссурійскаго края — Результаты шестимѣсячнаго путешествія по Уссури —Мечты о путешествіи по Манчжурии —Жизнь на озерѣ Ханка для наблюденія за пролетомъ птицъ —Охота —Возстаніе Хунъ-Хузовъ.—Назначеніе Николая Михайловича начальникомъ штаба Сучанскаго отряда. — Усмиреніе возстанія. — Жизнь въ Николаевскѣ —Характеристика общества —Публичная лекція въ Иркутскѣ

1867—1869.

Сборы въ путь были не долгіе: распоряженіе о переводѣ было получено въ декабрѣ 1866 года, а въ половинѣ января 1867 года Николай Михайловичъ уже выѣхалъ изъ Варшавы. Онъ взялъ съ собою знакомаго намъ нѣмца-препаратора Роберта Кёхера, съ тѣмъ, чтобы всю коллекцію, которую соберутъ въ предстоявшемъ путешествіи, раздѣлить пополамъ; но, къ сожалѣнію, передъ отъѣздомъ изъ Варшавы Робертъ влюбился въ какую-то Амалію, впадалъ часто въ страшную тоску и Пржевальскій принужденъ былъ впослѣдствіи отправить его изъ Сибири обратно.

Въ концѣ марта 1867 года Пржевальскій со своимъ спутникомъ прибылъ въ Иркутскъ и 28 числа явился начальству.

Проѣздомъ черезъ Петербургъ онъ, какъ членъ географическаго общества, впервые познакомился съ тогдашнимъ предсѣдателемъ отдѣленія физической географіи, а нынѣ вице-президентомъ Императорскаго русскаго географическаго общества, П. П. Семеновымъ, и,

объяснивъ ему намѣченную имъ программу путешествія въ Средней Азіи, просилъ оказать помощь и покровительство со стороны Императорскаго Русскаго географическаго общества.

„Въ то время, говоритъ П. П. Семеновъ [1]), общество крайне рѣдко помогало матеріальными средствами молодымъ путешественникамъ, отправлявшимся въ путешествія по собственной иниціативѣ, можетъ быть потому, что такая иниціатива проявлялась еще слишкомъ рѣдко; но отъ времени до времени, оно снаряжало свои экспедиціи, подбирая въ составъ ихъ исключительно лицъ ужь извѣстныхъ своими научными трудами и рекомендуемыхъ организаторами экспедиціи. Н. М. Пржевальскій былъ въ научномъ мірѣ еще совершенно неизвѣстною величиною и дать пособіе ему на его предпріятіе, а тѣмъ болѣе организовать подъ его руководствомъ цѣлую экспедицію, совѣтъ общества не рѣшился. Въ качествѣ предсѣдательствующаго въ отдѣленіи и въ глубокой увѣренности, что изъ талантливаго молодаго человѣка можетъ выйти замѣчательный путешественникъ, я, однакоже, старался ободрить Н. М. и теплымъ участіемъ и рекомендательными письмами къ моему старому другу генералъ-губернатору Корсакову [2]) и предсѣдателю нашего сибирскаго отдѣла и начальнику штаба сибирскихъ войскъ, умному и дѣльному генералу Кукелю. При этомъ я обѣщалъ Н. М., что если онъ на собственныя средства сдѣлаетъ какія бы то ни было интересныя поѣздки и изслѣдованія въ Уссурійскомъ краѣ, которыми докажетъ свою способность къ путешествіямъ и географическимъ изслѣдованіямъ, то, по возвращеніи изъ Сибири, онъ можетъ надѣяться на организацію со стороны общества, подъ его руководствомъ, болѣе серьезной экспедиціи въ Среднюю Азію“.

Генералъ Кукель принялъ Николая Михайловича

---

[1]) Въ рѣчи, произнесенной 9 ноября 1888 г. „Памяти Н. М. Пржевальскаго“.—Издан. Импер. географ. общества. С.-Петербургъ. 1889 г.

[2]) Генералъ Корсаковъ и П. П. Семеновъ были товарищи по училищу гвардейскихъ подпрапорщиковъ.

очень ласково и отнесся къ нему крайне дружелюбно, и въ ожиданіи возможности дать ему командировку поручилъ провѣрить и разобрать библіотеку, надъ приведеніемъ въ порядокъ которой онъ и просидѣлъ цѣлый мѣсяцъ.

Между тѣмъ вопросъ о путешествіи Н. М. въ Уссурійскій край былъ въ полномъ ходу. Онъ просилъ командировать его для статистическаго описанія края и обѣщалъ заняться изслѣдованіемъ его и по другимъ отраслямъ географической науки. Съ этою цѣлью онъ предложилъ свои услуги Сибирскому отдѣлу географическаго общества, который выразилъ свою готовность оказать содѣйствіе выдачею ему топографическихъ и астрономическихъ инструментовъ и небольшой суммы денегъ. Эта послѣдняя помощь была весьма кстати для человѣка, истратившаго свой кошелекъ [1]) еще въ Петербургѣ на пріобрѣтеніе охотничьяго оружія и книгъ, касающихся описанія Восточной Сибири и въ особенности Амурскаго края. Съ другой стороны, участіе отдѣла было крайне лестно и для Николая Михайловича. Сибирскій отдѣлъ въ глазахъ тамошнихъ генералъ-губернаторовъ имѣлъ большое значеніе и пользовался почетомъ, какъ ученое учрежденіе. Графъ Муравьевъ-Амурскій сильно поддерживалъ отдѣлъ и передавалъ на его заключеніе всѣ научные вопросы [2]). Престижъ отдѣла сохранялся и при послѣдующихъ генералъ-губернаторахъ, и для Н. М. Пржевальскаго было весьма важно заручиться его покровительствомъ. Надо сказать однакоже, что многіе изъ членовъ сибирскаго отдѣла смотрѣли на него съ нѣкоторымъ недовѣріемъ и въ особенности потому, что о значительныхъ результатахъ своего бу-

[1]) Кошелекъ этотъ не былъ особенно полонъ. По словамъ самого Пржевальскаго, у него была небольшая сумма, накопленная отъ лекцій, жалованье по чину, прогоны на двѣ лошади и тысяча рублей выигранныхъ въ карты (Русск. Старина 1888 г. № 11, 536. Разсказъ Н. М., слышанный мною отъ него лично).

[2]) Со словъ Л. П. Софьяно, бывшаго начальникомъ артиллеріи Восточной Сибири и предсѣдателемъ Сибирскаго отдѣла географическаго общества.

дущаго путешествія онъ говорилъ *съ такою увѣренностію*, которая давала поводъ приписывать *это самонадѣянности и хвастовству* молодаго человѣка, не имѣвшаго въ прошедшемъ никакихъ данныхъ на такую увѣренность.

„Послѣдствія показали, однакоже, пишетъ одинъ изъ бывшихъ членовъ сибирскаго отдѣла[1]), что въ увѣренности этой сказывалась сила генія, проявленіе котораго весьма рельефно обнаружилось въ трудѣ, къ которому онъ готовился".

Въ началѣ мая 1867 года Николай Михайловичъ узналъ, что онъ командируется въ Уссурійскій край, съ цѣлью: 1) осмотрѣть расположеніе находящихся тамъ двухъ линейныхъ баталіоновъ; 2) собрать свѣдѣнія о числѣ и состояніи поселеній, тамъ находящихся, какъ нашихъ, такъ и инородческихъ, т. е. манчжурскихъ и корейскихъ; 3) изслѣдовать пути, ведущіе къ границамъ Манчжуріи и Кореи; 4) исправить маршрутную карту и добавить ее новыми пунктами, въ которыхъ будетъ, и 5) производить какія угодно ученыя изысканія. Сверхъ того Сибирскій отдѣлъ географическаго общества поручилъ ему описать, на сколько будетъ возможно, флору и фауну этой почти неизвѣстной страны и собрать зоологическую и ботаническую коллекціи.

Новая обстановка произвела на Н. М. сильное впечатлѣніе и Сибирь его поразила:—„дикость, ширь, свобода безконечно мнѣ понравились", говоритъ онъ въ своей автобіографіи, а тутъ еще предстояла такая командировка, о которой онъ мечталъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ.

Достигнувъ своего завѣтнаго желанія, Николай Михайловичъ сталъ усиленно посѣщать библіотеку Сибирскаго отдѣла географическаго общества, въ которой онъ просиживалъ по цѣлымъ днямъ, разыски-

[1]) В. Липинскій въ письмѣ Ф. А. Фельдману 22-го ноября 1888 г. То же впечатлѣніе Н. М произвелъ и на П. П. Семенова при первомъ знакомствѣ.

вая и прочитывая рукописи и книги, имѣвшія какое либо отношеніе къ Уссурійскому краю. Неутомимость его въ этомъ отношеніи была поистинѣ изумительна: каждая статья, помѣщенная въ „Извѣстіяхъ“ отдѣла, всякая незначительная рукопись или замѣтка, помѣщенная въ какомъ нибудь литературномъ журналѣ, была прочитана или просмотрѣна [1]). Мѣста, почему-либо обращавшія на себя вниманіе Николая Михайловича, вносились имъ въ памятную книжку, составлявшую справочникъ при предстоящемъ путешествіи. Столь усиленная и вполнѣ добросовѣстная подготовка давала возможность Н. М. съ полнымъ сознаніемъ и гордостью сказать, что въ научномъ отношеніи онъ хорошо подготовленъ.

— Я хорошо зналъ ботанику, говоритъ онъ, орнитологію и пр., при этомъ имѣлъ съ собой большой запасъ разныхъ книгъ.

Онъ просилъ своего друга І. Л. Фатѣева выслать ему вновь вышедшіе листы зоологическаго атласа Фрича, и такъ какъ онъ заключалъ въ себѣ только однѣхъ птицъ, то поручилъ узнать нѣтъ-ли хорошаго полнаго французскаго или нѣмецкаго атласа млекопитающихъ, гадовъ и рыбъ; просилъ выслать ему польско-русскій лексиконъ [2]), слѣдующіе выпуски птицъ Брема и проч.

Усиленныя занятія и хлопоты по сборамъ въ путь съ излишкомъ окупались тѣмъ восторженнымъ состояніемъ, въ которомъ находился тогда Николай Михайловичъ. „Уже давно собирался писать вамъ, говоритъ онъ въ письмѣ І. Л. Фатѣеву [3]), но все не находилъ свободной минуты,—столько я имѣю хлопотъ въ настоящее время. Да и какъ не хлопотать! Черезъ три дня, т. е. 26 мая, я ѣду на Амуръ, оттуда на р. Ус-

[1]) Письмо В. Липинскаго Ф. А. Фельдману 22-го ноября 1888 г.

[2]) „Я имѣю отличную орнитологію Тизенгауза, на польскомъ языкѣ, писалъ онъ при этомъ, и ради этого учился по польски здѣсь у одного ссыльнаго поляка, но все-таки лексиконъ мнѣ необходимъ“.

[3]) Отъ 23-го мая 1867 г. Иркутскъ.

сури, озеро Ханка и на берега Великаго океана, къ границамъ Кореи.

„Вообще экспедиція великолѣпная. Я радъ до безумія! Главное, что я одинъ и могу свободно располагать своимъ временемъ, мѣстомъ и занятіями. Да, на меня выпала завидная доля и трудная обязанность—изслѣдовать мѣстности, въ большей части которыхъ еще не ступала нога образованнаго европейца. Тѣмъ болѣе, что это будетъ первое мое заявленіе о себѣ ученому міру, слѣдовательно нужно поработать усердно. Одна бѣда, что срокъ, назначенный мнѣ для обратнаго возвращенія въ Иркутскъ, слишкомъ коротокъ—всего шесть мѣсяцевъ—такъ что, полагая по мѣсяцу на проѣздъ до озера Ханка и обратно, выходитъ, что я не болѣе 3—4 мѣсяцевъ могу быть въ южныхъ частяхъ Уссурійскаго края, который я избралъ главнымъ мѣстомъ своихъ изслѣдованій. Впрочемъ, я написалъ П. П. Семенову (предсѣдателю физическаго отдѣленія географическаго общества) письмо и просилъ его ходатайства у Корсакова объ оставленіи меня по крайней мѣрѣ на годъ въ Уссурійскомъ краѣ.

„Нѣмецъ (Робертъ Кёхеръ), котораго я привезъ изъ Варшавы, оказался никуда негоднымъ и рѣшительно неспособнымъ къ перенесенію какихъ либо физическихъ трудностей. Кромѣ того (онъ) каждый день плакалъ о своей невѣстѣ (Амаліи) и о Варшавѣ, такъ что я, наконецъ, прогналъ его отъ себя; послѣднее время онъ даже не хотѣлъ идти на охоту и ровно ничего не дѣлалъ, говоря, что его ничего не тѣшитъ“.

Лишившись неожиданно спутника, Николай Михайловичъ былъ поставленъ въ нѣкоторое затрудненіе; но однажды совершенно случайно зашелъ къ нему Ягуновъ, мальчикъ лѣтъ 16, очень бѣдный, сынъ женщины, сосланной на поселеніе и недавно поступившій въ топографы. Съ первой же встрѣчи Ягуновъ такъ понравился Н. М., что онъ предложилъ ему ѣхать на Уссури; тотъ согласился и Пржевальскій сталъ учить его снимать и препарировать шкурки живот-

ныхъ. Это обученіе нѣсколько задержало отъѣздъ, не смотря на желаніе Н. М. какъ можно скорѣе выбраться изъ города на волю.

„Про самый Иркутскъ, писалъ онъ [1]), нечего писать — гадость ужасная, все дорого до безобразія; въ два или три раза дороже, чѣмъ въ Европѣ. Но всѣ эти невыгоды ничего въ сравненіи съ тѣмъ, что можно каждый годъ отправляться въ экспедицію! Кромѣ того, начальство здѣсь великолѣпное, такое что въ Европѣ не найдешь и днемъ съ огнемъ, такъ что служить здѣсь въ генеральномъ штабѣ отлично“.

„Поклонитесь отъ меня всѣмъ моимъ ученикамъ, когда въ сентябрѣ они опять соберутся въ школу; скажите имъ, что на далекомъ Востокѣ я всегда помню о нихъ.

„Передайте имъ мою просьбу: если будутъ снимать группу, такъ же какъ въ прошломъ году старшій классъ, то я прошу ихъ прислать мнѣ одинъ экземпляръ. Это будетъ для меня дорогой подарокъ. Также передайте отъ меня преподавателямъ, чтобы они прислали мнѣ свои обѣщанныя карточки.

„Снаряженіе мое въ экспедицію все сдѣлано въ самыхъ гигантскихъ размѣрахъ, такъ наприм. я имѣю съ собою четыре пуда одной дроби [2]). Все это придется таскать на вьючныхъ лошадяхъ по лѣсамъ. Возня страшная. На Уссури встрѣчу тигра и непремѣнно поохочусь, а можетъ быть и убью его. Вообще по возвращеніи я буду нѣчто въ родѣ олицетвореннаго *„Лѣснаго бродяги“* Ферри. Попросите Василія Петровича (Акимова), чтобы онъ написалъ Бобровскому, если моя географія будетъ напечатана, то пусть мнѣ вышлютъ 25 экземпляровъ въ Иркутскъ“ [3]).

---

[1]) І. Л. Фатѣеву отъ 23 мая 1867 г.

[2]) Изъ письма къ дяди П. А. Каретникову отъ 21 мая видно, что онъ взялъ съ собою 25 ф. пороху.

[3]) Павелъ Осиповичъ Бобровскій завѣдывалъ тогда всѣми юнкерскими училищами (нынѣ начальникъ военно-юридической академіи). „За-

Присоединивъ къ себѣ еще одного спутника, г. Николаева, Пржевальскій оставилъ этотъ городъ 21 мая 1867 г. и направился по дорогѣ, ведущей къ озеру Байкалу и далѣе черезъ все Забайкалье къ Амуру.

— Дорогъ и памятенъ для каждаго человѣка тотъ день, говорилъ онъ, въ который осуществятся его завѣтныя стремленья, когда, послѣ долгихъ препятствій, онъ видитъ наконецъ достиженіе цѣли, давно желанной.

Въ 60 верстахъ отъ Иркутска, онъ увидалъ передъ собою громадную водную поверхность озера, окаймленнаго высокими горами, на вершинахъ которыхъ еще виднѣлся мѣстами лежавшій снѣгъ. Сообщеніе черезъ Байкалъ производилось частными купеческими пароходами, на одномъ изъ которыхъ путешественники перебрались на противоположную сторону и тотчасъ же на почтовыхъ отправились въ дальнѣйшій путь. Проѣхавъ безостановочно тысячу верстъ поперекъ всего Забайкалья, Пржевальскій и его спутники, 5 іюня, прибыли въ сел. Срѣтенское на р. Шилкѣ, откуда начиналось пароходное сообщеніе съ Амуромъ.

Не смотря на то, что сообщеніе по Амуру производилось при помощи 24 различнаго рода паровыхъ судовъ, его нельзя было назвать скорымъ и удобнымъ. Опредѣленныхъ и правильныхъ рейсовъ не было: пароходы направлялись въ разныя стороны и въ разное

писки всеобщей географіи для юнкерскихъ училищъ“ Пржевальскаго напечатаны въ 1867 году и составляли курсъ одного младшаго класса. Записки долгое время служили руководствомъ не только для юнкерскихъ училищъ, но и для другихъ учебныхъ заведеній. По своему содержанію и изложенію ихъ можно считать выдающимися въ учебной литературѣ того времени. Руководствуясь установленной программой, налагавшей на подобный трудъ стѣснительныя рамки, Николай Михайловичъ задался мыслью дать своимъ ученикамъ возможно полныя свѣдѣнія по географіи, какъ общеобразовательномъ предметѣ, знакомящемъ съ природою и человѣкомъ. Расширеніе умственнаго кругозора учениковъ и возбужденіе въ нихъ любви къ природѣ лежатъ въ основѣ учебника, а популярное его изложеніе, строгое и систематическое группированіе фактовъ дѣлаютъ его вполнѣ доступнымъ пониманію, при томъ уровнѣ знаній, которыя имѣли ученики юнкерскихъ училищъ того времени.

время, смотря по надобности и распредѣленію начальства; при большомъ числѣ пассажировъ, ожидавшихъ отхода пароваго судна, ихъ размѣщали какъ попало: „кто въ каютѣ, набитой народомъ какъ сельди въ бочкѣ, а кто и на палубѣ, подъ открытымъ небомъ“ [1]); на многихъ пароходахъ не было буфетовъ, а запастись продовольствіемъ, при короткихъ остановкахъ и по бѣднымъ казачьимъ станицамъ, было крайне затруднительно. Ко всему этому надо прибавить и то, что срочность рейсовъ нарушается весьма часто мелководіемъ р. Шилки, причемъ пароходы нерѣдко садятся на мель, а иногда дѣлаютъ себѣ пробоины. Такъ, когда 9-го іюня Пржевальскій вышелъ изъ Срѣтенска, пароходъ не успѣлъ сдѣлать и сотни верстъ, какъ, налетѣвши съ размаху на камень, сдѣлалъ себѣ огромную пробоину и принужденъ былъ чиниться. Николай Михайловичъ рѣшился ѣхать далѣе на лодкѣ, что отчасти было лучше потому, что онъ могъ ближе ознакомиться съ мѣстностью, по которой проѣзжалъ.

Благодаря быстрому теченію Шилки, путешественники, не смотря на частыя остановки для охоты на звѣря или птицу, успѣвали дѣлать по сто верстъ въ сутки и 14 іюня прибыли къ мѣсту сліянія Шилки съ Аргунью, къ началу великаго Амура. Отсюда Николай Михайловичъ отправился въ Албазинъ—богатую казачью станицу, гдѣ пересѣлъ на пароходъ, отходившій въ Благовѣщенскъ и далѣе въ Николаевскъ. 26 іюня, ровно чрезъ мѣсяцъ послѣ отъѣзда изъ Иркутска, путешественники высадились въ селеніи Хабаровкѣ, лежащемъ при устьѣ р. Уссури, по которой они могли уже ѣхать не торопясь и значительную часть времени посвящать на изученіе страны, ея природы и жителей.

На Амурѣ Пржевальскій первый разъ увидѣлъ страну, дикую въ полномъ смыслѣ этого слова. Только изрѣдка попадались небольшія казацкія станицы, среди непроходимаго лѣса или *тайги*, какъ здѣсь его называютъ. На берегу рѣки иногда встрѣчались юрты манчжуръ, сдѣланныя изъ кольевъ и покрытыя кожами

[1]) Путешествіе въ Уссурійскомъ краѣ. С.-Петерб. 1870 г., стр. 5.

звѣрей. „Увидавъ пароходъ, пишетъ Николай Михайловичъ, вся толпа этихъ дикарей, изъ которыхъ многіе были въ чемъ мать родила, выбѣгали на берегъ и смотрѣли на насъ съ изумленнымъ любопытствомъ. Быстро катилъ мимо ихъ пароходъ и вслѣдъ за нимъ опять водворялась страшная тишина, обыкновенно царствующая въ этихъ лѣсахъ,—тишина, только изрѣдка нарушаемая завываньемъ вѣтра, журчаньемъ горнаго ручья или отрывистымъ крикомъ какой нибудь птицы или звѣря".

Всѣ лѣса по рр. Шилкѣ и Амуру, да и вообще всѣ сибирскія *тайги* характеризуются своей могильной тишиной. Пѣвчую птицу можно услышать только изрѣдка, да и сами столѣтнія деревья какъ-то угрюмо смотрятъ кругомъ. Густое мелколѣсье и гніющіе пни затрудняютъ путь и даютъ чувствовать на каждомъ шагу, что находишься въ лѣсахъ дѣвственныхъ, до которыхъ не коснулась еще рука человѣка.

По мѣрѣ движенія на югъ по Амуру картина растительности измѣняется: хвойные лѣса исчезаютъ и ихъ замѣняютъ лиственные самыхъ роскошныхъ размѣровъ. Къ европейскимъ породамъ: дубу, липѣ и клену присоединяется грецкій орѣхъ и пробковое дерево, достигающіе иногда громадныхъ размѣровъ. Густо сплетаясь своими вѣтвями, они образуютъ столь густую чащу, черезъ которую иногда не проникаютъ лучи солнца. Внизу почва покрыта самымъ густымъ подлѣскомъ, состоящимъ преимущественно изъ молодыхъ побѣговъ орѣха, пробковаго дерева и другихъ кустарниковъ, переплетенныхъ вьющимися растеніями: виноградомъ и діоскореею, которыя стелятся по землѣ и покрываютъ ее сплошнымъ ковромъ зелени, то обвиваютъ деревья или свѣшиваются съ нихъ самыми роскошными гирляндами.

„Когда я, писалъ Николай Михайловичъ, въ первый разъ видѣлъ все это, то мнѣ живо представилась картина тропическаго лѣса: эти высокоствольныя деревья съ густыми вершинами напоминали собой пальмы, а

вьющійся виноградникъ — ліаны тропическаго пояса. Какъ-то странно видѣть это смѣшеніе формъ сѣвера и юга, которыя сталкиваются здѣсь какъ въ растительномъ, такъ и въ животномъ царствѣ. Въ особенности поражаетъ видъ ели, обвитой виноградникомъ, или пробковое дерево и грецкій орѣхъ, растущіе рядомъ съ кедромъ и пихтой. Охотничья собака отъискиваетъ вамъ медвѣдя или соболя и тутъ же рядомъ можно встрѣтить тигра, не уступающаго въ величинѣ и силѣ обитателю джунгловъ Бенгаліи. И торжественное величіе здѣшней природы не нарушается присутствіемъ человѣка, развѣ изрѣдка пробредетъ звѣроловъ или раскинетъ свою юрту кочующій дикарь, но тѣмъ скорѣе дополнитъ, нежели нарушитъ, картину дикой дѣвственной природы.....“

Такова природа на Амурѣ, таковою же она оказалась и на р. Уссури.

Купивъ лодку и проведя нѣсколько дней въ Хабаровкѣ, Н. М. Пржевальскій взялъ гребцовъ [1]) и отправился вверхъ по рѣкѣ Уссури. Плаваніе отъ устья рѣки до послѣдней станицы Буссе (477 в.) продолжалось 23 дня, среди постоянныхъ дождей, мѣшавшихъ всякаго рода экскурсіямъ. Вышедшая изъ береговъ Уссури затопила всѣ луга и не давала возможности иногда въ теченіе цѣлаго дня выходить на берегъ. „Во время слѣдованія въ лодкѣ, говоритъ Н. М. [2]), что происходило крайне медленно противъ быстраго теченія, мы съ товарищемъ обыкновенно шли берегомъ, собирали растенія и стрѣляли попадавшихся птицъ. То и другое сильно замедляло движеніе впередъ и невообразимо несносно было для гребцовъ казаковъ, ко-

[1]) Гребцы брались посмѣнно въ каждой казачьей станицѣ. Въ Уссурійскомъ краѣ гоньба почты и провозъ проѣзжающихъ составляютъ повинность казаковъ-поселенцовъ, которые обязаны въ каждой станицѣ выставлять зимою лошадей, а лѣтомъ—гребцовъ и лодки. Каждая очередь стоитъ недѣлю; прогоны платятся по три копѣйки на версту зимою на лошадь, а лѣтомъ за каждаго гребца. Зимою обыкновенно ѣздятъ на лошадяхъ, а лѣтомъ другаго сообщенія какъ водянаго не существуетъ.

[2]) Путешествіе въ Уссурійскомъ краѣ 1867—1869 г. С.-Пет. Изд. 1870 г., стр. 47.

торые на подобнаго рода занятія смотрѣли, какъ на глупость и ребячество".

Чуть свѣтъ путешественники обыкновенно вставали, наскоро напившись чаю, отправлялись въ дальнѣйшій путь, а съ наступленіемъ прохладнаго вечера останавливались, чтобы просушить собранныя растенія, сдѣлать чучелу—другую птицъ и набросать замѣтки обо всемъ видѣнномъ въ теченіе дня.

Въ такихъ случаяхъ выбирался сухой песчаный берегъ, лодка причаливала, устраивался бивуакъ, разводился костеръ, варился чай и ужинъ. „Окончивъ, иногда уже поздно ночью, свои работы, пишетъ Н. М.[1]), мы ложились тутъ-же у костра и, не смотря на несносныхъ комаровъ, скоро засыпали самымъ крѣпкимъ сномъ. Утренній холодъ обыкновенно заставлялъ просыпаться на восходѣ солнца и спѣшить въ дальнѣйшій путь. Такъ проводили мы дни своего плаванія по Уссури. Къ несчастію, частые и сильные дожди много мѣшали успѣшному ходу путешествія и принуждали, въ такое время, ночевать въ станицахъ, чтобы, хотя во время ночи, обсушить себя и собранныя коллекціи".

Изъ станицы Буссе Н. М. Пржевальскій направился на пароходѣ по р. Сунгачѣ къ озеру Ханка, и черезъ два съ половиною дня прибылъ въ станицу Турій-рогъ, гдѣ прожилъ двѣ недѣли, а потомъ переѣхалъ въ станицу Камень-Рыболовъ и оставался тамъ цѣлую недѣлю. На берегахъ озера Ханка онъ провелъ весь августъ, занимаясь перепиской крестьянъ, собираніемъ растеній и охотою. „Если бы могли меня теперь видѣть, писалъ онъ І. Л. Фатѣеву[2]), то навѣрно бы не узнали, потому что вотъ уже почти два мѣсяца какъ я все живу въ лѣсахъ; борода выросла на вершокъ, а одѣяніе сдѣлалось такимъ, что въ Европѣ, пожалуй, не надѣлъ бы и нищій. Но еще самые великіе труды предстоятъ зимою, когда (въ октябрѣ и ноябрѣ) я долженъ пройти тысячу верстъ на вьюкахъ,

[1]) Путешествіе въ Уссурійскомъ краѣ 1867 — 1869 г. С.-Петерб. Изд. 1870 г., стр. 49.

[2]) Отъ 28-го августа 1867 г. Озеро Ханка.

безъ дорогъ. Когда вернусь въ Иркутскъ, то непремѣнно сниму съ себя карточку въ томъ самомъ видѣ и костюмѣ, въ какомъ буду, и пришлю къ вамъ въ Варшаву". Тамъ онъ провелъ лучшіе годы своей жизни, тамъ онъ окончательно развился и окрѣпъ, тамъ онъ оставилъ лучшихъ друзей и потому естественно, что всходя, въ началѣ іюля, на горы Хехцыръ, лежащія при устьѣ рѣки Уссури, онъ вспоминалъ о жизни въ Варшавѣ. На вершинѣ одной изъ горъ, которая высоко поднялась надъ окрестною равниною, стоитъ громадная ель. На этомъ деревѣ онъ вырѣзалъ свое имя и имя двухъ любимыхъ своихъ учениковъ: Пыльцова и Хотинскаго. На озерѣ Ханка онъ также часто переносился мыслію въ Варшаву, вспоминалъ о пріятеляхъ и ученикахъ.

„Незабвенные ученики! писалъ онъ [1]). Изъ далека, изъ глубины Манчжуріи, съ береговъ озера Ханка пишу къ вамъ. Не взыщите, если письмо это будетъ слишкомъ кратко и не полно—для него я имѣю только полчаса времени, а для того, чтобы описать все, что я видѣлъ до сихъ поръ, нужно, по крайней мѣрѣ, недѣли двѣ. Мои записки, которыя я веду для печати, до сихъ поръ заключаютъ въ себѣ болѣе 150 листовъ еще не обработанныхъ вполнѣ, слѣдовательно вы можете судить, какая масса интересныхъ предметовъ представляется каждому любознательному человѣку въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я теперь путешествую.

„Теперь вотъ уже три недѣли, какъ я изучаю флору и фауну озера Ханка, которое я объѣхалъ почти все кругомъ. За все время своего пребыванія на Уссури и Ханка, я успѣлъ собрать болѣе 1,200 растеній, нѣсколько земноводныхъ, сдѣлалъ 60 чучелъ птицъ и нашелъ 22 вида птицъ, еще неизвѣстныхъ до сихъ поръ на Уссури и озерѣ Ханка. Обо всемъ я пишу подробно для печати, а кромѣ того произвожу метеорологическія наблюденія. Работы гибель, такъ что я сплю не болѣе пяти часовъ въ сутки. Хотя у меня и

[1]) Отъ 28-го августа 1867 г. Озеро Ханка, $44^1/_2{}^0$ сѣв. ширины, постъ Камень-Рыболовъ.

есть нанятой изъ Иркутска юноша для работы, но въ ученыхъ занятіяхъ онъ, конечно, не можетъ мнѣ пособить.

„Завтра оставляю Ханка и поѣду на берега Великаго океана, къ границамъ Кореи, въ заливъ Посьета, откуда съѣзжу въ самую Корею, въ городъ Хунъчунъ. Потомъ отправлюсь на два мѣсяца (октябрь и ноябрь) въ горы и въ началѣ декабря выйду опять на Уссури, оттуда къ новому году пріѣду въ Иркутскъ, если только не оставятъ меня здѣсь еще на полгода, о чемъ я просилъ.

„Трудно будетъ ходить зимою на вьючныхъ лошадяхъ по горамъ безъ дорогъ, но я нарочно избралъ это время, чтобы имѣть возможность изслѣдовать млекопитающихъ, тамъ водящихся. Кстати поохочусь и на тигровъ, которыхъ здѣсь вездѣ много; но я еще не видалъ ни одного, а только истребляю иногда, съ своею лягавою собакою, смиренныхъ фазановъ.

„Затѣмъ я кончаю свое письмо. Если вы хотя сколько нибудь помните обо мнѣ, то напишите на него отвѣтъ, адресуя письмо на мое имя въ г. Иркутскъ, въ штабъ военнаго округа. Этимъ письмомъ вы какъ нельзя болѣе обрадуете того, кто всегда былъ и будетъ вашимъ добрымъ другомъ“.

Не смотря на позднее время года, Н. М. нашелъ еще 130 видовъ цвѣтущихъ растеній; охотничьи экскурсіи были также обильны по своимъ результатамъ и дали очень много новаго и интереснаго. Такъ, на Уссури онъ нашелъ одно новое млекопитающееся— чернаго зайца. Недостатокъ пропускной бумаги былъ причиною того, что на Уссури онъ собралъ не всѣ растенія, а только тѣ, которыя рѣдки или вовсе не встрѣчаются въ Европѣ. На озерѣ же Ханка онъ собралъ рѣшительно всѣ растенія, какія только могъ найти въ позднее время года. Кромѣ того, въ его коллекцію вошли 40 бабочекъ, около 50 пауковъ, нѣсколько ужей и жабъ. Вообще всѣ собранныя растенія и чучела птицъ едва уложились въ три большихъ ящика вѣсомъ пу-

довъ пять. Эту посылку онъ отправилъ съ пароходомъ въ г. Срѣтенскъ, гдѣ она и должна была ожидать его возвращенія[1]). Въ началѣ сентября онъ оставилъ озеро Ханка и отправился къ побережью Японскаго моря. Сообщеніе съ послѣднимъ черезъ степную полосу производится по почтовой дорогѣ, которая идетъ отъ поста Камень-Рыболовъ [2]) къ р. Суйфуну.

Дорога эта довольно хороша для колесной ѣзды, но вообще почтовое сообщеніе съ побережьемъ Японскаго моря и въ особенности съ бассейномъ р. Уссури возможно только зимою, такъ какъ оно проходитъ по Сунгачинскимъ болотамъ, рѣшительно недоступнымъ во время лѣта.

Въ самой южной части степной полосы расположены двѣ русскія деревни Николаевская и въ 5 верстахъ отъ нея—Суйфунская. Побывавъ въ той и другой, Пржевальскій поплылъ внизъ по р. Суйфуну и, спустившись до устья рѣки, отправился на винтовой шкунѣ „Алеутъ“ въ Новгородскую гавань, лежащую въ заливѣ Посьета, въ самой южной оконечности нашихъ владѣній. Здѣсь онъ провелъ почти мѣсяцъ и затѣмъ предпринялъ вьючную экспедицію въ гавань Св. Ольги и оттуда по р. Уссури, съ цѣлью познакомиться съ мало-извѣстною частію Южно-Уссурійскаго края и исполнить возложенное на него порученіе,—переписать нашихъ крестьянъ, живущихъ на Сучанѣ и около гавани Св. Ольги.

Сборы въ путь вызвали большіе хлопоты: нужно было купить шесть лошадей, снарядить ихъ вьюкомъ, что не легко въ странѣ, гдѣ нельзя достать самыхъ обыкновенныхъ вещей, напримѣръ: ремней, веревокъ и проч. Наконецъ, всѣ приготовленія были окончены и Николай Михайловичъ 16-го октября выступилъ, въ сопровожденіи своего спутника Ягунова и двухъ сол-

---

[1]) Письмо Н. М Пржевальскаго къ правителю дѣлъ сибирскаго отдѣла Императ. русскаго географич. общества. Извѣстія общества, т. IV, № 1, 1868 г.

[2]) Постъ этотъ лежитъ на юго-западномъ берегу оз. Ханка и въ немъ былъ расположенъ штабъ 3-го линейнаго баталіона.

датъ, взятыхъ имъ для присмотра за вьючными лошадьми. Экспедиція направилась къ посту Раздольному на р. Суйфунѣ. На всемъ этомъ 170 верстномъ пространствѣ идетъ одна вьючная тропа и выстроено шесть станцій, на которыхъ содержатся по нѣсколько лошадей и живутъ по три солдата, исполняющіе должность ямщиковъ.

„Быстро начали мелькать дни моего путешествія, пишетъ Н. М. Обыкновенно вставши съ разсвѣтомъ, я приказывалъ вьючить лошадей, которыя должны были слѣдовать, вмѣстѣ съ солдатами, по указанному направленію; самъ же отправлялся впередъ, иногда вмѣстѣ съ товарищемъ, или, чаще, одинъ. На случай встрѣчи съ какимъ нибудь врагомъ—человѣкомъ или звѣремъ, я имѣлъ при себѣ, кромѣ ружья, кинжалъ и револьверъ, а неизмѣнный другъ—лягавая собака, всегда заранѣе могла предупредить объ опасности“.

Та же собака отыскивала такую массу дичи, что путешественникъ-охотникъ, не зная куда ее дѣвать, съ сожалѣніемъ бросалъ даже дикихъ козъ. Чтобы судить объ обиліи дичи, достаточно сказать, что Николай Михайловичъ, вмѣстѣ съ товарищемъ, менѣе чѣмъ въ полтора года, разстрѣлялъ 12 пудовъ дроби и свинцу.

Отъ поста Раздольнаго, по весьма плохой тропѣ, Н. М. направился черезъ Суйфунскія болота, мимо вершины Амурскаго залива, берегомъ моря, вдоль полуострова Муравьевъ-Амурскій и подъ вечеръ 26 октября прибылъ во Владивостокъ. Отвратительнѣйшій путь изнурилъ лошадей, причемъ, отъ неумѣнья вьючить, многія сбили себѣ спины и нашъ путешественникъ принужденъ былъ прожить недѣлю въ маленькомъ городкѣ, въ которомъ вмѣстѣ съ гарнизономъ было не болѣе 500 челов. жителей. 4-го ноября онъ выступилъ далѣе и, пройдя вверхъ по полуострову Муравьевъ-Амурскій, въ полдень 6-го числа, дошелъ до русскаго поста въ вершинѣ Уссурійскаго залива.

Побывавъ затѣмъ на устьѣ р. Цыму-хэ, гдѣ расположена наша деревня Шкотова, путешественники на-

правились сначала къ р. Шито-хэ, потомъ къ р.р. Ся-Удми, Та-Удми и, переваливъ горы, перешли въ долину Сучана. На всемъ этомъ пути они испытывали массу лишеній и невзгодъ: то ихъ застигала мятель и морозы и они принуждены были ночевать подъ открытымъ небомъ, то дорога была такъ плоха и мало примѣтна, что они блудили и, проходивъ нѣсколько часовъ, возвращались на то же мѣсто, съ котораго вышли.—„Ей-ей, пишетъ Николай Михайловичъ, всякая межа, между десятинами нашихъ пашенъ, вдесятеро примѣтнѣе подобной тропинки, по которой только изрѣдка пробредетъ манза, или какой нибудь другой инородецъ, но измятая трава тотчасъ-же опять поднимается и растетъ съ прежнею силою. Положительно, можно держать какое угодно пари, что новичокъ не пройдетъ, не сбившись, и трехъ верстъ по бо́льшей части лѣсныхъ тропинокъ—этихъ единственныхъ путей сообщенія въ здѣшнемъ краѣ“.

Преодолѣвъ всѣ трудности и спустившись въ долину р. Сучана, Николай Михайловичъ былъ пораженъ красотою природы, ея плодородіемъ и обиліемъ дичи, въ особенности фазановъ. Въ Сучанской долинѣ, сверхъ китайскаго поселенія, находится два русскихъ селенія, Александровское и Владимірское, которыя лежатъ одно возлѣ другаго и верстахъ въ 12 отъ берега моря. Къ нему, къ безбрежному океану, стремились всѣ помыслы Н. М., и 25 ноября, оставивъ долину Сучана, онъ направился въ гавань Св. Ольги.

Тропинка, по которой шли, часто выхо́дила на самый берегъ океана. „Присядешь, бывало, говоритъ Пржевальскій [1]), на вершинѣ утеса, заглядишься на синѣющую даль моря и сколько различныхъ мыслей зароится въ головѣ! Воображенію рисуются далекія страны, съ иными людьми и съ иною природою, тѣ страны, гдѣ царствуетъ вѣчная весна и гдѣ волны того же самаго океана омываютъ берега, окаймленные пальмовыми лѣсами. Казалось, такъ бы и полетѣлъ туда стрѣлою, посмот-

[1]) Путешествіе въ Уссурійскомъ краѣ 1867—1869 г.г., стр. 150.

рѣть на всѣ эти чудеса, на этотъ храмъ природы, полный жизни и гармоніи....

„Погрузится затѣмъ мысль въ туманную глубину прошедшихъ вѣковъ, и океанъ является передъ нею еще въ большемъ величіи. Вѣдь онъ существовалъ и тогда, когда ни одна растительная или животная форма не появлялась на нашей планетѣ, когда и самой суши еще было немного! На его глазахъ и, вѣроятно, въ его же нѣдрахъ, возникло первое органическое существо! Онъ питалъ его своею влагою, убаюкивалъ своими волнами! Онъ давнишній старожилъ земли; онъ лучше всякаго геолога знаетъ ея исторію, и развѣ только немногія горныя породы старѣе маститаго океана!....“

Пробираясь далѣе по самымъ труднымъ тропинкамъ, переправляясь въ бродъ черезъ замерзшія рѣки, путешественники, 1-го декабря, прибыли къ р. Та-Уху, на лѣвомъ берегу которой стоятъ высокія и покрытыя снѣгомъ горы. Всѣ ночи сряду они должны были ночевать въ лѣсу, среди зимней непогоды. Не смотря на усталость и разведенный костеръ, спалось очень плохо: со стороны противоположной огню морозъ сильно холодилъ бокъ, заставлялъ часто переворачиваться и солдаты говорили что съ одной стороны (съ одного бока) Петровка, а съ другой—Рождество. Усталые, въ изношенныхъ сапогахъ и лохмотьяхъ истлѣвшей отъ сырости одежды путешественники, 7-го декабря, наконецъ, прибыли въ гавань Св. Ольги [1]). „Отсюда, писалъ Н. М. братьямъ, предстоялъ мнѣ самый трудный путь на протяженіи 400 верстъ къ бассейну Уссури“.

Отдохнувъ, починившись, перемѣнивъ сбитыхъ лошадей и запасшись всѣмъ необходимымъ, Н. М. 14-го

---

[1]) Въ гавани Св. Ольги Николай Михайловичъ видѣлъ трехъ маленькихъ дѣвочекъ, круглыхъ сиротъ, оставшихся послѣ смерти отца, доктора. Бѣдныя дѣти жили ради Христа у лейтенанта Векмана, который скоро долженъ былъ уѣхать, оставивъ сиротъ на произволъ судьбы. Теплое сердце Н М. не могло остаться безучастнымъ и онъ просилъ М. П. Тихменева опредѣлить ихъ въ Николаевскій институтъ, прибавляя, что „я въ этомъ случаѣ человѣкъ посторонній, но хлопочу во имя гуманнаго, человѣческаго чувства“.

декабря выступилъ, и среди морозовъ, доходившихъ до 28° Реомюра, 18-го декабря достигъ до р. Тазуши, долина которой густо населена китайцами и тазами и изобилуетъ соболями.

Отъ крайняго поселенія въ верховьяхъ р. Тазуши предстоялъ перевалъ черезъ хребетъ Сихотэ-Алинъ въ въ долину р. Лифудинъ. На всемъ 80 верстномъ пути не было ни одного жилаго мѣста, и четыре дня, употребленные на переходъ, были самые трудные изъ всей экспедиціи. Въ эти дни морозы были отъ 23—27°, а ночевка на такомъ холодѣ и въ снѣгу на два фута глубиною была чрезвычайно тяжела. На нѣкоторыхъ ночлегахъ не было воды и для чая и ужина приходилось пользоваться талымъ снѣгомъ.

Во время пути приходилось то переправляться вплавь черезъ рѣки, ходить по лѣсамъ безъ всякой тропинки или лазить чуть не вертикально на высокія горы. „Только здѣшнія привычныя лошади, писалъ Николай Михайловичъ [1]), могутъ вынести все это; европейскія низачто не проходили бы и двухъ недѣль. У меня и то одна лошадь издохла отъ натуги, а другая утонула при переправѣ черезъ рѣку шириною саженъ 100, да по которой въ то время шелъ ледъ.“

Пробѣжавъ верстъ 70 по прямому направленію, р. Лифудинъ сливается съ р. Сандогу, которая отсюда несетъ названіе Ула-хэ, сохраняя его до впаденія Дауби-хэ, а затѣмъ соединенная рѣка принимаетъ уже имя Уссури. Къ началу ея или, лучше сказать, къ устью Дауби-хэ спѣшилъ Николай Михайловичъ, чтобы придти наканунѣ новаго года и встрѣтить его подъ кровомъ телеграфной станціи Бѣльцовой, тамъ расположенной. Но желанія не сбылись. Бывшая 30 декабря сильная мятель до того занесла тропинку, что на слѣдующій день къ вечеру путешественники были еще въ 25 верстахъ отъ желаннаго мѣста. Новый годъ пришлось встрѣтить въ грязной и убогой фанзѣ.

---

[1]) Въ письмѣ В. П. Акимову отъ 25 января 1868 г.

„И здѣсь, въ этой фанзѣ, записалъ Николай Михайловичъ въ своемъ дневникѣ, среди грубыхъ и невѣжественныхъ манзъ, пришлось мнѣ встрѣтить новый годъ и встрѣтить его даже не имѣя хлѣба и ничего кромѣ нѣсколькихъ фунтовъ буды (проса). За то обстановка была такая оригинальная, какая можетъ встрѣтиться только развѣ въ кочевой жизни путешественника. Опять невольно припомнилось, какъ и гдѣ встрѣчалъ прошлые новые годы, въ кругу родныхъ или добрыхъ товарищей.

„Теперь же, когда я пишу эти строки, кругомъ меня десятка полтора грубыхъ, грязныхъ и отвратительныхъ манзъ, которые обсѣли и обступили кругомъ и безсмысленно смотрятъ какъ я пишу. Между собою они говорятъ, сколько я могу понять, что вѣрно я купецъ и записываю сколько прежде продалъ или купилъ. Грубыя понятія этихъ невѣждъ не возвышаются далѣе разныхъ спекулятивныхъ выгодъ.

„Во многихъ мѣстахъ вспомнятъ обо мнѣ сегодня въ Европѣ, и вѣроятно, ни одно гаданіе, самое вѣрное, не скажетъ гдѣ я теперь нахожусь. Этихъ мѣстъ, куда я забрался, пожалуй, не знаетъ и самъ дьяволъ....

„Самъ же я только мысленно могу понестись въ далекую Европу къ своимъ друзьямъ, роднымъ и матери, которая десятки разъ вспомнитъ сегодня о томъ, гдѣ ея Николай.

„Миръ вамъ, мои добрые родные и друзья! Желаю вамъ всѣмъ весело встрѣтить и счастливо прожить новый годъ; придетъ время, когда мы опять повеселимся вмѣстѣ въ этотъ день, а сегодня черезъ полчаса, окончивъ свой дневникъ, я поѣмъ каши изъ послѣдней буды (проса), и крѣпкимъ сномъ засну въ дымной холодной фанзѣ....“

Выступивъ на слѣдующее утро въ дальнѣйшій путь, члены экспедиціи цѣлый день тащились цѣликомъ по глубокому снѣгу и къ вечеру добрались до телеграфной станціи. Отсюда, миновавъ небольшую

деревню Романовку, 7-го января они прибыли въ станицу Буссе, гдѣ и была закончена зимняя экспедиція, продолжавшаяся почти три мѣсяца и въ теченіе которой было пройдено 1,060 верстъ.

Не узналъ Николай Михайловичъ хорошо знакомыя ему мѣста. Подъ покровомъ трехъ-футоваго снѣга все измѣнилось: могучая растительность покрылась снѣгомъ и тамъ, гдѣ лѣтомъ не было возможности пробраться по травянистымъ зарослямъ, кой-гдѣ торчали засохшіе стебли. Виноградъ, переплетавшійся лѣтомъ густою стѣною, казался веревками, обвивавшими деревья; птицъ почти совсѣмъ не было видно, кромѣ тетеревей, дятловъ и синицъ — онѣ покинули страну, покрытую снѣговымъ покрываломъ и бѣлѣвшую какъ снѣговая тундра...

Результаты шестимѣсячной экспедиціи Н. М. Пржевальскаго были слѣдующіе: 1) онъ собралъ 248 видовъ растеній въ числѣ болѣе 1000 экземпляровъ и около 100 видовъ сѣмянъ различныхъ травъ; 2) нашелъ 36 видовъ птицъ новыхъ для Уссури и озера Ханка; нѣкоторые изъ этихъ видовъ были даже новыми для науки; 3) сдѣлалъ 86 чучелъ птицъ; 4) собралъ коллекцію бабочекъ и пауковъ; 5) написалъ спеціальные отдѣлы орнитологіи и маммалогіи; 6) описалъ всѣ наши колоніи; 7) описалъ инородческое населеніе, преимущественно китайское и корейское; 8) производилъ все время метеорологическія наблюденія и 9) далъ подробныя свѣдѣнія о состояніи сухопутныхъ путей сообщенія и о возможности движенія по нимъ различныхъ родовъ войскъ. Между прочимъ, онъ подробно разсмотрѣлъ: а) пути, удобные для движенія къ границамъ Манчжуріи и Кореи и б) пути, ведущіе отъ бассейна Уссури къ гаванямъ Тихаго океана.

„Изъ этого перечня можно видѣть, писалъ онъ братьямъ [1]), что работы самой разнообразной у меня

[1]) Письмо Н. М. братьямъ Владиміру и Евгенію Михайловичамъ 25 января 1868 г. изъ ст. Буссе. См. также Отчетъ о дѣйствіяхъ Сибирскаго отдѣла Имп. Рус. Географ. общес. 1868 г., стр. 12—17.

Фотопечать В. Клавеля, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7–2.

было по горло, тѣмъ болѣе, что я все долженъ былъ дѣлать самъ, потому что хотя у меня есть помощникъ, но это юноша лѣтъ 16-ти, который умѣетъ только сушить растенія, да обдирать шкуры птицъ.

„Собранныя мною коллекціи я частью отдалъ въ Иркутскій музеумъ, частью пошлю въ Петербургъ въ Академію наукъ, а все писанное (въ дневникѣ) напечатаю по возвращеніи изъ экспедиціи.

„Теперь мнѣ предстоитъ совершить лѣтомъ нынѣшняго (1868) года другую, весьма трудную и рискованную экспедицію въ Манчжурію, къ истокамъ рѣки Сунгари, въ знаменитый хребетъ Чанъ-бо-Шань, еще не посѣщенный ни однимъ европейцемъ. Не знаю навѣрное удастся-ли эта экспедиція, но во всякомъ случаѣ я попробую сходить лѣтомъ въ Манчжурію, а кто знаетъ, быть можетъ доберусь и до Чанъ-бо-Шаня“.

Значеніе Н. М. Пржевальскаго какъ путешественника и его дѣятельность были тотчасъ-же оцѣнены по достоинству. Сибирскій отдѣлъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества видѣлъ въ немъ „оживленіе своей дѣятельности, потому что для поприща нашихъ ученыхъ путешествій, въ средѣ насъ почти никого не осталось изъ людей предпріимчивыхъ и готовыхъ, по собственному побужденію, съ такимъ самоотверженіемъ совершать многотрудныя и отдаленныя путешествія, какъ бывало въ прежніе годы. Отдѣлъ съ живѣйшимъ интересомъ ожидаетъ полученія разработанныхъ матеріаловъ, собранныхъ г. Пржевальскимъ и которые послужатъ лучшимъ украшеніемъ будущихъ Записокъ отдѣла [1])“.

Разсчитывая пробыть на Уссури до половины февраля, Николай Михайловичъ мечталъ уже о томъ, какъ онъ поѣдетъ встрѣчать весну на озеро Ханка и проживетъ тамъ до половины мая, наблюдая пролетъ птицъ. „Весною на озеро Ханка, писалъ онъ [2]), гово-

[1]) Отчетъ о дѣйствіяхъ Сибирскаго отдѣла Импер. Русск. Географ. общества за 1868 г.

[2]) Въ письмѣ братьямъ отъ 25 января 1868 г. ст. Буссе.

рятъ птицъ бываетъ милліоны. Пролетъ ихъ начинается съ конца февраля. Вотъ я набью-то! Пропасть надѣлаю чучелъ. Для того, чтобы купить три пуда дроби, я долженъ ѣхать за 400 верстъ отъ мѣста, гдѣ теперь живу, т. е. въ Хабаровку. Пудъ дроби стоитъ здѣсь не менѣе 25 руб. сер.“.

Будучи въ Хабаровкѣ и мечтая объ экспедиціи въ Манчжурію, Николай Михайловичъ писалъ [1]) начальнику штаба войскъ Приамурской области Михаилу Павловичу Тихменеву, что если экспедиція въ Манчжурію состоится, то онъ, такъ сказать, закончитъ, округлитъ свое путешествіе и доставитъ большую пользу наукѣ, такъ какъ его изслѣдованію будутъ предоставлены страны, въ которыхъ не ступала еще ни одна нога европейца. Пржевальскій просилъ снабдить его пособіями, безъ которыхъ невозможно было достигнуть никакихъ научныхъ результатовъ. Пособія эти состояли: 1) въ прикомандированіи къ нему унтеръ-офицера Новгородской постовой команды Бѣлобородова въ качествѣ переводчика, безъ котораго нельзя было сдѣлать ни шагу въ Манчжуріи [2]); 2) прислать ему термометръ Реомюра или Цельзія и барометръ Паррота или анероидъ; 3) выслать ему карту Манчжуріи (т. е. собственно Амура) Шварца; 4) прислать ему для сушенія растеній три стопы пропускной бумаги, если таковая есть въ Николаевскѣ, въ противномъ случаѣ прислать обыкновенную чайную (красную) и 5) всѣ ассигнованныя на экспедицію деньги выдать серебромъ, потому что въ Манчжуріи бумажекъ брать не будутъ, а въ Хабаровкѣ серебра не было и нужно бы было заплатить два кредитныхъ за одинъ металлическій рубль.

„Самъ я думаю, прибавляетъ Николай Михайловичъ въ томъ же письмѣ, отправиться подъ видомъ купца, даже купить немного товаровъ, которыми будетъ торговать находящійся у меня юноша; такимъ

---

[1]) Въ письмѣ отъ 1-го февраля 1868 г.

[2]) «Я былъ съ нимъ, говоритъ Н. М., въ Хунъ-Чунѣ и видѣлъ, что онъ хорошо говоритъ по манчжурски».

образомъ, я думаю, удобнѣе будетъ пройти, нежели въ офицерской формѣ.

„Наконецъ, есть еще одна къ вамъ просьба. Въ настоящее время я пріѣхалъ въ Хабаровку, но весь мой багажъ и 5 вьючныхъ лошадей оставилъ въ 23-й станицѣ для того, что я рѣшился въ половинѣ февраля отправиться на озеро Ханка, на пятый станокъ и прожить тамъ до начала мая, наблюдая весенній пролетъ птицъ. Для служебныхъ интересовъ, мнѣ кажется, все равно, буду-ли я жить въ Хабаровкѣ или на озерѣ Ханка, между тѣмъ какъ для науки это огромная разница. На Ханка, да еще притомъ весною, не былъ ни одинъ натуралистъ, и орнитологическая фауна его почти вовсе неизвѣстна. Какое будетъ пріобрѣтеніе для науки, если я препарирую въ два мѣсяца сотни двѣ птицъ и опишу ихъ весеннюю жизнь въ этомъ пустынномъ мѣстѣ. Мѣстность же 5-го станка великолѣпная: справа и слѣва воды двухъ озеръ, а кругомъ пустыня въ полномъ смыслѣ этого слова. Вотъ мѣсто, подобающее для монашествующей братіи гораздо болѣе, чѣмъ наши монастыри, исполненные всякихъ житейскихъ треволненій.

„Я отправлюсь туда въ половинѣ февраля, слѣдовательно, если около этого времени, паче всякаго чаянія, будетъ изъ Иркутска отказъ экспедиціи, то все-таки я не могу вернуться въ Иркутскъ раньше открытія навигаціи, а это можно тоже удобно исполнить и съ береговъ озера Ханка“.

Весну, проведенную на этомъ озерѣ при истокѣ изъ него р. Сунгачи, Н. М. считалъ лучшими днями своего годичнаго странствованія, хотя и терпѣлъ во многомъ недостатокъ, въ особенности въ пищѣ. Сахару у него не было и въ замѣнъ чая онъ питался кашею, которая до того надоѣла, что онъ не могъ смотрѣть равнодушно даже и на крупу. Не смотря на то, новизна обстановки и страстныя ощущенія охотника не только заглушали всѣ лишенія, но онъ готовъ былъ пойти на новыя. Пустынное мѣсто, на которомъ, кромѣ поста № 4, на нѣсколько сотъ верстъ во всѣ стороны

нѣтъ жилья человѣческаго, представляло полное раздолье для поэтической жизни съ природою и пернатымъ царствомъ. Съ незапамятныхъ временъ милліоны птицъ, съ наступленіемъ ранней весны, во время перелета своего къ сѣверу, находили здѣсь, сначала на не замерзающей рѣкѣ Сунгачѣ, а потомъ на необозримыхъ болотахъ, самое удобное мѣсто для отдыха. Никогда не тревожимыя человѣкомъ, онѣ жили здѣсь покойно и представляли для наблюдателя столько интереснаго и оригинальнаго, что онъ съ ненасытнымъ интересомъ слѣдилъ за ними и днемъ и ночью.

„Я уже привыкъ, говоритъ Н. М. [1]), къ громаднымъ массамъ, въ которыхъ проявляется животная жизнь въ здѣшнихъ мѣстностяхъ, но то, что я видѣлъ весною на озерѣ Ханка, превзошло всякія ожиданія. Не десятки и не сотни тысячъ, но цѣлые милліоны птицъ появились здѣсь, лишь только пахнуло первою весною. Стада гусей и утокъ всѣхъ возможныхъ породъ, которыя я здѣсь видѣлъ во время пролета, можно уподобить развѣ тучамъ саранчи, но и это, пожалуй, будетъ слабое сравненіе“.

Первыми гостями этой мѣстности бываютъ стаи тетеревей, появляющихся тогда, когда образуются только первыя проталины, но еще уныло и безжизненно смотрятъ снѣжные берега озера Ханка. Въ такіе дни мертвая тишина царитъ кругомъ и только изрѣдка въ береговыхъ кустахъ раздается стукъ дятла, да писк болотной синицы. Но вотъ наступаютъ теплые дни, природа постепенно оживаетъ и высоко въ воздухѣ съ громкимъ свистомъ пролетаетъ нѣсколько утокъ *гоголей*, а за ними летятъ и остальныя самыя разнообразныя породы птицъ. Сколько ученой пищи для нашего неутомимаго наблюдателя! Вотъ пара красивыхъ китайскихъ журавлей, важно расхаживающихъ или стоящихъ на льду залива. Они неподвижны и, кажется, погружены въ глубокое раздумье, но на самомъ дѣлѣ очень чутки и охотнику нельзя разсчитывать

[1]) Въ письмахъ къ братьямъ Владиміру и Евгенію Михайловичамъ, отъ 17 іюля 1868 г. изъ Хабаровки, и В. П. Акимову отъ 18 іюля 1868 г.

на ихъ оплошность. Прикрываясь кустами и притаивъ дыханіе, Н. М. приближался къ нимъ ползкомъ, съ пріостановками, чтобы не нарушить тишины, не шевельнуть ни вѣткой, ни травой. Продвинувшись такимъ образомъ сотню другую шаговъ, онъ выглядывалъ украдкою, и если журавли оставались неподвижны, продолжалъ ползти далѣе. Вдругъ раздается громкій, отрывистый крикъ и вниманіе птицы обращается къ тому мѣсту, откуда слышенъ шорохъ: шевельнулась трава—и журавли, взмахнувъ крыльями, улетаютъ очень далеко.

Убѣдившись въ безполезности попытокъ подойти близко, Николай Михайловичъ стрѣлялъ на авось и дѣйствительно убилъ одного журавля шаговъ на двѣсти, но за то и промаховъ было множество. „Грустно и обидно, пишетъ онъ [1]), бывало видѣть, какъ пуля взрывала снѣгъ, не долетая или перелетая черезъ журавлей и, такимъ образомъ, всѣ трудности далекаго ползанья, иногда черезъ весеннія лужи, пропадали совершенно даромъ. Но за то, когда удавалось подкрадываться въ мѣру мѣткаго выстрѣла, и пронизанный пулею журавль падалъ какъ снопъ на землю, я радовался какъ ребенокъ, и изъ всѣхъ силъ пускался бѣжать съ дорогой добычей“.

Точно также трудна охота и на ибисовъ и цапель, чуткихъ и осторожныхъ не менѣе журавля. „Вѣдь, кажется, ползешь, бывало, говоритъ путешественникъ, по такой густой и высокой травѣ, что самъ чортъ не углядитъ; нѣтъ, смотришь, не приблизился еще и на сотню шаговъ, какъ тебя уже замѣтили эти длинноногіе дьяволы (цапли), взлетѣли и, вмѣстѣ съ ибисами, отправились на другое мѣсто“.

За то охота на утокъ не представляла никакихъ затрудненій; ихъ было такъ много и онѣ плавали такими большими стаями, что однажды съ одного выстрѣла Н. М. убилъ 14 штукъ, а по 5 и 7 штукъ случалось убивать весьма часто. Почти всю весну охотники-

[1]) Путешествіе въ Уссурійскомъ краѣ 1867—1869 гг., стр. 173 и 174.

путешественники продовольствовались гусями и утками. Обиліе послѣднихъ было до того велико, что онѣ не только попадались на каждомъ шагу въ рѣкѣ, но садились на лужи возлѣ домика, гдѣ жилъ Николай Михайловичъ.

Не перечисляя всѣхъ видовъ пернатыхъ, передадимъ слова увлеченнаго путешественника-натуралиста, писавшаго дядѣ [1]), что на озерѣ Ханка столько породъ птицъ, „что никому и во снѣ не приснится. Какихъ тамъ только нѣтъ утокъ и другихъ птицъ. Нѣкоторыя такъ красивы, что едва-ли такую можно сдѣлать и на картинѣ. У меня теперь уже есть 210 чучелъ этихъ птицъ. Въ числѣ чучелъ есть у меня журавль весь бѣлый, только половина крыльевъ черная; этотъ журавль имѣетъ 8 футовъ въ размахѣ крыльевъ. Есть на Ханка еще куликъ величиною съ большаго гуся и весь превосходнаго розоваго цвѣта, есть иволга величиною съ голубя и ярко желтаго цвѣта, а свиститъ-то она какъ громко! есть цапли бѣлыя какъ снѣгъ, черные аисты и много, много есть рѣдкаго какъ между животными, такъ и между растеніями. Между послѣдними въ особенности замѣчательна огромная (величиною съ шапку) водяная кувшинка, родной братъ гвіанской Викторіи; она вся красная и превосходно пахнетъ“.

Съ наступленіемъ весны Сунгачскія равнины оживляются и кишатъ не однѣми только птицами, но съ конца марта или начала апрѣля начинается тамъ ходъ дикихъ козъ, ежегодно, осенью и весною, переселяющихся изъ бассейна р. Уссури на югъ и обратно. Животное это такъ граціозно и охота на него такъ интересна и заманчива, что „у меня, говоритъ Н. М., всегда тряслись руки и сильно билось сердце, когда я еще издали замѣчалъ козъ, которыя должны были проходить мимо засадки“.

Охота была на столько обильна и удачна, что Пржевальскому приходилось мыть ружье два раза въ

[1]) Отъ 6-го декабря 1868 г. изъ Николаевска.

сутки и за $1^1/_2$ мѣсяца онъ разстрѣлялъ три пуда дроби. „Повѣришь-ли, писалъ онъ брату Владиміру [1]), что были дни, въ которые я дѣлалъ по 100 выстрѣловъ и набивалъ просто цѣлый возъ, такъ что даже надоѣдало стрѣлять“.

Обыкновенно лучшіе экземпляры убитыхъ птицъ отдѣлялись и въ тотъ-же день вечеромъ приступали къ выдѣлкѣ изъ нихъ чучелъ [2]).

Но если здѣсь онъ имѣлъ большой успѣхъ и удачу, то предположенія его объ экспедиціи въ Манчжурію оказались совершенно неосуществимыми. На нашемъ прибрежьи Японскаго моря появилось нѣсколько сотъ китайскихъ разбойниковъ (хунъ-хузовъ), которые за запрещеніе разработывать имъ золото, сожгли три нашихъ деревни, два поста и перебили нѣсколькихъ человѣкъ русскихъ. Мѣстное китайское населеніе также по большей части перешло на ихъ сторону, такъ что безпорядки съ каждымъ днемъ увеличивались. Необходимо было принять съ нашей стороны самыя энергическія мѣры: страна была объявлена на военномъ положеніи, двинуты войска, и „началась война, очень похожая на войну во время польскаго возстанія 1863 г.“ Николай Михайловичъ былъ оторванъ отъ своихъ занятій, назначенъ начальникомъ штаба и командовалъ отрядами, дѣйствовавшими на рѣкѣ Сучанѣ. Въ одинъ мѣсяцъ волненіе было усмирено: хунъ-хузы разбиты, частію истреблены, частію бѣжали въ Манчжурію и спокойствіе возстановлено [3]). За Сучанскую

---

[1]) Отъ 20-го января 1869 г. изъ Николаевска.

[2]) Письмо Пржевальскаго братьямъ Владиміру и Евгенію Михайловичамъ 17 іюля 1868 г.

[3]) Во время Сучанской экспедиціи съ Николаемъ Михайловичемъ былъ случай, едва не стоившій ему жизни. Вотъ какъ онъ самъ описываетъ этотъ случай. „Однажды я замѣтилъ двухъ огромныхъ медвѣдей и, не смотря на то, что со мною былъ только одинъ двухстволъный штуцеръ и больше никакого оружія, бросился одинъ (другихъ охотниковъ не нашлось) на обоихъ этихъ медвѣдей и первымъ выстрѣломъ пробилъ ближайшаго насквозь подъ лопатку. Раненый звѣрь сначала было бросился на меня, но потомъ, видя, что другой его товарищъ пустился на уходъ, также бросился за нимъ. Пробѣжавъ шаговъ полтораста, оба звѣря залегли въ кустахъ. Зарядивъ свой штуцеръ, я пустился за ними и не

экспедицію Николай Михайловичъ былъ представленъ къ производству въ капитаны и переводу въ генеральный штабъ, „чего до сихъ поръ не дѣлали изъ Иркутска, писалъ онъ [1]), по разнымъ интригамъ [2])“. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ назначенъ исправлять

успѣлъ подойти шаговъ на 50 къ этому мѣсту, какъ вдругъ въ кустахъ раздался страшный трескъ, и раненый медвѣдь съ отворенною пастью бросается на меня. Приложившись, я хладнокровно ждалъ его поближе и, подпустивъ на 4 шага, посадилъ ему пулю между глазомъ и ухомъ. Медвѣдь былъ убитъ какъ перепелка и, рухнувшись всѣмъ тѣломъ, покатился внизъ съ горы. Какъ гора свалилась у меня съ плечъ въ эту минуту, но не успѣлъ я еще вздохнуть свободно, какъ вдругъ на меня бросается другой медвѣдь. Я выстрѣлилъ по немъ изъ другого ствола шаговъ на 12 и, вѣроятно, далъ промахъ; медвѣдь прямо на меня, но, къ счастію, подъемъ былъ довольно крутъ, такъ что онъ не могъ быстро бѣжать. Инстинктивно я бросился на березу, бывшую въ двухъ шагахъ отъ меня и не успѣлъ еще взобраться саженъ на $1^1/_2$ какъ медвѣдь уже былъ подъ моими ногами, но не полѣзъ на дерево, а, видя, что его убитый товарищъ катится внизъ съ горы, началъ спускаться потихоньку за нимъ. Поспѣшно зарядивъ свой штуцеръ, я спрыгнулъ съ дерева и пустился за нимъ въ догонку и подбѣжавъ шаговъ на 50, пробилъ его пулею, такъ что и этотъ медвѣдь покатился внизъ, туда же, куда и первый. Между тѣмъ стемнѣло, и я, оставивъ обоихъ медвѣдей въ лѣсу, отправился ночевать къ ближайшему китайцу. На другой день съ разсвѣтомъ пришелъ на мѣсто боя и нашелъ одного медвѣдя (перваго) мертвымъ, другой, сильно раненый, скатившись съ горы, пошелъ вдоль пади, оставляя широкій кровавый слѣдъ. Я слѣдилъ его около версты, но потомъ оставилъ, потому что долженъ былъ спѣшить къ своимъ отрядамъ; съ убитаго же снялъ шкуру. Этотъ медвѣдь такихъ громадныхъ размѣровъ, что трудно повѣрить: длина его $3^1/_2$ аршина; вышина спереди 2 аршина; задняя нога 8 вершковъ длины и 4 ширины; когти на $^1/_3$ вершка длиннѣе моихъ пальцевъ и скорѣе похожи на грабли; голова $^3/_4$ аршина длины и столько же ширины; вѣсъ приблизительно около 29 пудовъ. Вотъ каковы были дѣтинки, съ которыми мнѣ пришлось мѣряться. Убитый медвѣдь былъ скорѣе похожъ на огромнаго вола, чѣмъ на медвѣдя. Черепъ его я пошлю въ Петербургъ въ Академію (Письмо дяди 20 іюля 1868 г.).

[1]) Еще въ сентябрѣ 1867 г. главный штабъ спрашивалъ начальника штаба Восточно-Сибирскаго округа заслуживаетъ-ли штабсъ-капитанъ Пржевальскій перевода въ генеральный штабъ, съ назначеніемъ для порученій при штабѣ Восточно-Сибирскаго округа. Находившійся въ то время въ Петербургѣ генералъ-губернаторъ Корсаковъ отвѣтилъ 25 октября безъ всякихъ объясненій, что съ своей стороны признаетъ неудобнымъ назначеніе этого офицера на эту должность. Такимъ образомъ переводъ Николая Михайловича въ генеральный штабъ состоялся только годъ спустя, а именно 5 октября 1869 г.

[2]) В. П. Акимову въ письмѣ отъ 18 іюля 1868 г. с. Хабаровка.

должность старшаго адъютанта штаба войскъ Приморской области и былъ доволенъ этимъ потому, что имѣлъ возможность изучать „здѣшній чрезвычайно богатый своею природою край“. Онъ отправился въ Николаевскъ на Амурѣ, гдѣ и прожилъ зиму, занимаясь обработкою собранныхъ коллекцій и составленіемъ описанія своего путешествія.

Онъ просилъ В. П. Акимова выслать ему тѣ сто рублей, которые онъ не дополучилъ за лекціи и сообщить приняты ли къ руководству его записки географіи и если приняты, „то сколько за нихъ опредѣлено вознагражденія и откуда и когда я могу его получить?“ Всѣ эти деньги онъ собиралъ для того, чтобы имѣть возможность напечатать на свой счетъ описаніе путешествія по Уссурійскому краю. „Экземпляръ этого сочиненія, писалъ онъ Фатѣеву [1]), я пришлю въ библіотеку вашего училища. Пишите побольше про школу, лекціи, юношей, однимъ словомъ обо всемъ подробно. Въ такой дали каждая вѣсть изъ родной Европы имѣетъ десятерной интересъ“.

Жизнь въ Николаевскѣ, въ особенности зимою, проходила довольно монотонно и скучно—„такая мерзость, писалъ Н. М. брату Евгенію, что и Боже упаси. Водка и карты, карты и водка—вотъ девизъ здѣшняго общества. Что-же касается до умственной жизни, то она здѣсь процвѣтаетъ едвали не менѣе, чѣмъ среди папуасовъ Новой Гвинеи“. Охоты вокругъ Николаевска не было никакой; снѣга выпадали глубокіе и обыкновенно лежали здѣсь до конца мая мѣсяца. Осенью Николай Михайловичъ ѣздилъ на лиманъ Амура въ Охотское море и въ два раза убилъ до 70 утокъ и гусей, но такія рѣдкія поѣздки не удовлетворяли страстнаго охотника и ему въ Николаевскѣ было скучно, томительно. Онъ находилъ нравственное удовлетвореніе только въ тѣсномъ кружкѣ своего штаба, среди лицъ образованныхъ и рѣзко выдѣлявшихся отъ всего остальнаго общества. Въ то время командующимъ войсками области былъ контръ-адмиралъ Фуру-

[1]) Письмо Пржевальскаго І. Л. Фатѣеву 18 іюля 1868 г. с. Хабаровка.

гельмъ, а начальникомъ штаба генералъ-маіоръ Тихменевъ, должность котораго во время отсутствія замѣщалъ генеральнаго штаба полковникъ Іосифъ Гавриловичъ Барановъ; старшими адъютантами были: Н. М. Пржевальскій, М. П. Степановъ и Губановъ; для порученій состоялъ подполковникъ Бабкинъ; а должность дивизіоннаго доктора занималъ Плаксинъ. Всѣ были дружны между собою и составляли какъ бы одну семью.

Жилъ Николай Михайловичъ со своимъ спутникомъ Ягуновымъ, которому ежедневно задавалъ уроки изъ географіи и исторіи и передъ обѣдомъ повѣрялъ его знанія. Вставалъ онъ очень рано и прежде всего производилъ метеорологическія наблюденія, потомъ писалъ путешествіе по Уссурійскому краю и затѣмъ отправлялся въ штабъ, гдѣ занятія кончались въ два часа по полудни. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ онъ этого времени, такъ какъ не любилъ канцелярскихъ занятій; бумагъ никогда самъ не составлялъ, а диктовалъ ихъ писарямъ; отъ всякихъ работъ, выходящихъ изъ круга прямыхъ его обязанностей, всегда отказывался. Начальство смотрѣло на это снисходительно, а товарищи по штабу нерѣдко и выручали.

Около трехъ часовъ всѣ старшіе адъютанты собирались къ обѣду у І. Г. Баранова и оставались вмѣстѣ часовъ до шести. Вечера проводили дома, а разъ въ недѣлю всѣ штабные товарищи отправлялись на чашку чая къ большому хлѣбосолу Бабкину, единственному семейному изъ всего кружка. Семейство Бабкина состояло изъ супруги и пріемной дочери (Поповой), дѣвушки лѣтъ двѣнадцати. Ей давали уроки мѣстные служащіе, приглашали Николая Михайловича учить ее географіи, но онъ, всегда избѣгавшій женскаго общества, уклонился отъ этого, а подарилъ ей свой курсъ географіи съ ироническою надписью: *„долби пока не выдолбишь“* [1]).

---

[1]) Впослѣдствіи Попова получила въ Цюрихѣ дипломъ доктора медицины и въ одинъ изъ пріѣздовъ Н. М. въ Петербургъ, въ отвѣтъ на подаренную имъ географію, поднесла ему свою докторскую диссертацію (Воспоминанія подполковника М. П. Степанова).

Въ свободное отъ занятій время или когда ему надоѣдало писать, Николай Михайловичъ очень любилъ играть въ карты. Во время своего путешествія онъ пріѣзжалъ нѣсколько разъ во Владивостокъ, и всегда останавливался въ домѣ, гдѣ жили морскіе офицеры лейтенанты: А. А. Этолинъ, М. П. Крускопфъ и др., которые переносили зимою въ это зданіе свою каютъ-компанію, т. е. устраивали артель. Къ нимъ примыкала вся мѣстная интеллигенція, въ томъ числѣ и два брата Кунста, образованные гамбургскіе купцы. Въ артели обыкновенно послѣ обѣда занимались музыкою—Крускопфъ хорошо игралъ на скрипкѣ; вечеромъ иногда устраивалась азартная игра, въ которой Н. М. принималъ живѣйшее участіе. Онъ игралъ бойко и весьма счастливо. „Кружокъ моряковъ, говоритъ Константинъ Степановичъ Старицкій [1]), очень любилъ Николая Михайловича и всегда радовался его пріѣзду, потому что интересные его разсказы и пріятная бесѣда оживляли все общество. Николаю Михайловичу, какъ счастливому игроку, дали прозвище *„золотой фазанъ“*.

Въ Николаевскѣ онъ также продолжалъ вести большую игру, игралъ хорошо и счастливо, но товарищей никогда не допускалъ въ свою партію, а обыкновенно игралъ съ мѣстными купцами и морскими офицерами. Коммерческая игра, которая иногда устраивалась у Н. М. на квартирѣ, весьма часто переходила въ азартную. Хозяинъ дома всегда понтировалъ и игралъ смѣло и ставилъ на карту по 200 и по 300 руб. „Игралъ онъ, говоритъ М. П. Степановъ [2]), чрезвычайно счастливо и почти не зналъ проигрыша; при выигрышѣ тысячи рублей всегда прекращалъ игру, и никогда не имѣлъ при себѣ болѣе 500 руб.“—Деньги хранились у М. П. Степанова, которому было настрого запрещено выдавать ихъ во время игры, не смотря ни на какія просьбы;—запрещеніе строго исполнялось. Въ карточные вечера водка у Николая Михайловича никогда не подавалась, а угощалъ онъ презервами, фруктами, раз-

[1]) Воспоминанія К. С. Старицкаго.

[2]) Воспоминанія подполковника Степанова.

ными сластями и краснымъ виномъ. Въ азартную игру онъ всего болѣе выигралъ во Владивостокѣ съ гамбургскаго купца Кунста, а въ Николаевскѣ—съ купцовъ Сафонова и Галецкаго.

— Я играю, говорилъ онъ, для того, чтобы выиграть себѣ независимость, и дѣйствительно достигъ своей цѣли.

Впослѣдствіи уѣзжая изъ Николаевска онъ бросилъ свои карты въ Амуръ.

— Съ Амуромъ, сказалъ онъ при этомъ, прощайте и амурскія привычки.

Въ зиму 1868 года онъ выигралъ въ карты 12,000 рублей „такъ что теперь, писалъ онъ дядѣ [1]), могу назваться состоятельнымъ человѣкомъ и располагать собою независимо отъ службы [2])“. Къ этимъ деньгамъ, большая часть которыхъ была отослана въ банкъ [3]), присоединилась еще тысяча рублей, присланная изъ Москвы братомъ Евгеніемъ Михайловичемъ, отъ продажи соболей, скупленныхъ Н. М. въ разное время его путешествія. Онъ отправилъ ихъ къ братьямъ съ просьбою продать ихъ въ Москвѣ. Всѣ соболи были разложены по пачкамъ, по 40 штукъ въ каждой; изъ этихъ пачекъ двѣ (80 штукъ) были отличныя, три (120) — хорошія, одна (40) — порядочная, двѣ (80)— посредственныя и, наконецъ, одна (12) плохая—всего 332 штуки. Отправивъ ихъ по почтѣ, Николай Михайловичъ былъ человѣкъ неопытный въ этомъ дѣлѣ, а потому и послалъ ихъ безъ печатей на каждой пачкѣ, какъ обыкновенно дѣлаютъ сибирскіе купцы. Пользуясь этою оплошностью, въ Иркутской таможнѣ, гдѣ распечатываютъ и осматриваютъ всѣ посылки, конечно, замѣнили хорошихъ соболей дурными, такъ какъ въ этомъ случаѣ таможня и почта отвѣчаютъ только за

---

[1]) Въ письмѣ отъ 6 декабря 1868 года.

[2]) «Здѣсь всѣ сильно играютъ въ карты, писалъ онъ брату Евгенію и я за нѣсколько пріемовъ выигралъ 12,000 съ хвостикомъ».

[3]) Изъ письма Н. М. Пржевальскаго къ І. Л. Фатѣеву отъ 27 января 1869 г. видно, что имъ было отправлено въ государственный банкъ 10,000 рублей.

вѣрный счетъ, а не за достоинство. Въ результатѣ вышло то, что Николай Михайловичъ, заплативши самъ на мѣстѣ 900 слишкомъ металлическихъ рублей или до 1400 руб. бумажками[1]), выручилъ за нихъ только тысячу рублей.

Такая продѣлка чиновниковъ, впрочемъ, нисколько его не удивила. „Здѣсь вездѣ такіе мошенники, отвѣчалъ онъ брату [2]), что любые острожники даже въ нашей Россіи несравненно выше по нравственнымъ качествамъ.....

„Нѣтъ ни одной пакости, ни одного самаго гнуснаго дѣла, которое не совершалось бы здѣсь совершенно открыто, какъ будто такъ и слѣдуетъ. Справедливо можно сказать, что Амуръ, да и вся восточная Сибирь есть одна помойная яма (конечно, относительно людей, а не природы), куда отливаютъ все низкое, отвратительное съ цѣлой Россіи".

„Я не приберу словъ, писалъ онъ въ другомъ письмѣ [3]), чтобы, хотя приблизительно, описать вамъ тотъ православный русскій людъ, который является сюда изъ родимой страны и здѣсь обитаетъ.

„Какъ на воротахъ Дантоваго ада была надпись: *всѣ вошедшіе сюда теряйте надежду*, такъ можетъ это написать въ своемъ дневникѣ каждый офицеръ и чиновникъ, ѣдущій сюда на службу, потому что обратный переводъ отсюда такъ же труденъ, какъ и выходъ изъ ада, а законъ о трехъ и шести годахъ существуетъ только на бумагѣ. Во всякомъ случаѣ, нравственная гибель каждаго служащаго здѣсь неизбѣжна, будь онъ сначала хоть распрехорошій человѣкъ. Ему предстоитъ одно изъ двухъ: или пойти по общей колеѣ, т. е. сдѣ-

[1]) Инородцы не берутъ бумажекъ, а только серебро, а потому приходится платить за все звонкою монетою. Достать ее въ Сибири крайне затруднительно и за серебряный рубль приходится платить иногда до 1 р. 50 к. бумажками. Вотъ почему Н. М. просилъ братьевъ выслать ему деньги изъ Москвы непремѣнно серебромъ, и притомъ новымъ, потому что стараго туземцы не брали вовсе.

[2]) Въ письмѣ отъ 20 января 1869 г. изъ Николаевска.

[3]) І. Л. Фатѣеву 27 января 1869 г. изъ Николаевска.

латься такимъ же, какъ и всѣ здѣсь (пьяницею, негодяемъ и т. д.), или стать одному противъ всей этой банды. Дѣйствительно, бывали примѣры и послѣдняго рода, но они обыкновенно кончались весьма печально, такъ какъ подобный выродокъ обыкновенно черезъ годъ или два втягивался самъ мало по малу въ общій строй, или дѣлался крайне желчнымъ, раздражительнымъ и, наконецъ, сходилъ съ ума, или, если это было дѣйствительно твердая, честная натура, то оканчивалъ самоубійствомъ".

„Не думайте, что это преувеличеніе или выдумка; я могу представить вамъ сотни фактовъ, но, конечно, этого неудобно дѣлать въ письмѣ. При томъ же я человѣкъ совершенно посторонній въ этомъ случаѣ, такъ какъ нахожусь здѣсь исключительно для своихъ цѣлей и, окончивъ свои работы, тотчасъ уѣду въ Россію".

„Прочтите мой отзывъ объ Амурѣ каждому, который, какъ и я, во дни оны, страстно желаетъ попасть сюда".....

Николай Михайловичъ былъ недоволенъ жизнію въ Николаевскѣ. Вѣсти изъ Россіи шли весьма долго и онъ не зналъ, что дѣлается съ родными и близкими. „Нужно быть здѣсь, говорилъ онъ, въ такой страшной дали отъ всего дорогаго и среди такихъ людей, какіе обитаютъ въ Амурской странѣ, чтобы понять и оцѣнить всю радость, которую испытываешь, получивъ какую нибудь вѣсть отъ людей, къ которымъ самъ расположенъ". О женитьбѣ брата Владиміра онъ узналъ спустя почти полгода; о томъ, что лѣтомъ 1868 г. въ имѣніи матери градъ побилъ почти весь хлѣбъ, онъ получилъ свѣдѣніе только въ половинѣ января 1869 г. Отправивъ матери 300 рублей и дядѣ Павлу Алексѣевичу 50 руб., Н. М. въ началѣ декабря поздравлялъ ихъ уже съ новымъ годомъ и былъ увѣренъ, что письмо это они получатъ гораздо позже, такъ какъ всякая вѣсть изъ Европы и въ Европу шла очень долгое время. Онъ не могъ дождаться того времени, когда отправится опять въ экспедицію.

„Трудно вольной птицѣ сидѣть въ клѣткѣ, писалъ онъ брату Владиміру [1]), такъ и я не могу вынести канцелярскихъ занятій и черезъ недѣлю, т. е. въ концѣ января, опять отправлюсь на озеро Ханка, чтобы совсѣмъ покончить тамъ свои изслѣдованія“. Къ концу августа ему кончался трехгодичный срокъ пребыванія въ Сибири и онъ надѣялся отправиться въ Петербургъ или курьеромъ или на собственный счетъ въ отпускъ, чтобы имѣть возможность напечатать свою книгу о путешествіи.

Въ половинѣ января 1869 года Николай Михайловичъ окончилъ писать общій отдѣлъ своего путешествія, который и состоялъ изъ 8 главъ. За описаніе птицъ онъ намѣренъ былъ приняться по возвращеніи изъ втораго своего путешествія на озеро Ханка и написать его частію въ Николаевскѣ, частію въ Петербургѣ. „Всѣ же собранныя растенія, писалъ онъ [2]), отдамъ въ Академію для описанія ихъ, такъ какъ самъ не имѣю такихъ познаній въ ботаникѣ, чтобы это сдѣлать; всѣ свои коллекціи я привезу съ собою, частью на почтовыхъ, частію транспортомъ изъ Иркутска. Отправлять ихъ по почтѣ онъ, наученный опытомъ, считалъ дѣломъ рискованнымъ и совершенно невозможнымъ. Посылки получались въ такомъ видѣ, что жалко было на нихъ смотрѣть. 26 января Пржевальскій получилъ отъ І. Л. Фатѣева посылку съ книгами, о высылкѣ которыхъ просилъ еще въ 1868 году. Въ какомъ видѣ пришли онѣ въ Николаевскъ, трудно себѣ представить: ящикъ былъ разбитъ въ дребезги, а книги, которыя, вѣроятно, гдѣ нибудь купались въ водѣ, представляли одну обледенѣлую массу, „въ родѣ ледянки, на которой мальчишки въ нашихъ деревняхъ катаются во время масляницы по льду“. Сначала пришлось оттаивать посылку, потомъ сушить, чтобы сохранить книги, хотя въ искаженномъ видѣ. Жаль было бы Николаю Михайловичу подвергнуть такой же участи собранную имъ коллекцію, а потому естествен-

[1]) Въ письмѣ отъ 20 января 1869 г.

[2]) Тамъ-же.

но, что онъ предпочиталъ отправить часть ея транспортомъ, а не по почтѣ.

Передъ отъѣздомъ изъ Николаевска Николай Михайловичъ отправилъ въ Сибирскій отдѣлъ географическаго общества статью подъ заглавіемъ: „Инородческое населеніе въ южной части Приморской области“, которая и была напечатана въ „Извѣстіяхъ“ отдѣла (1869 года, т. V, стр. 185—201) [1]). Статья эта обратила на себя вниманіе ученыхъ географовъ. 30-го декабря Императорское русское географическое общество присудило за нее Пржевальскому малую серебряную медаль. Это была первая медаль изъ числа многихъ, полученныхъ имъ впослѣдствіи.

Въ началѣ февраля Н. М. Пржевальскій отправился на озеро Ханка, наблюдалъ за перелетомъ птицъ, занимался охотою, приготовленіемъ чучелъ, собираніемъ растеній, и оставался тамъ до половины мая. Затѣмъ въ теченіе двухъ слѣдующихъ мѣсяцевъ до половины іюля онъ находился въ западной и южной частяхъ Ханкайскаго басейна для изысканія тамъ новыхъ путей сообщенія, потомъ сопровождалъ генералъ-адъютанта Сколкова во время его поѣздки по Уссурійскому краю, и наконецъ, въ началѣ октября возвратился въ Иркутскъ [2]). Здѣсь онъ узналъ о производствѣ его въ капитаны, а вслѣдъ затѣмъ былъ полученъ приказъ о переводѣ его въ генеральный штабъ штабсъ-капитаномъ.

29 октября 1869 г. состоялось въ Иркутскѣ засѣданіе Сибирскаго отдѣла русскаго географическаго об-

---

[1]) Статья эта была напечатана при слѣдующей замѣткѣ редакціи. «Нижепоименованная статья заимствована изъ печатаемаго нынѣ отчета Сибирскаго отдѣленія (за 1868 годъ). Въ ней мы находимъ въ первый разъ довольно обстоятельныя свѣдѣнія о новыхъ инородческихъ племенахъ, вошедшихъ въ составъ Россійской Имперіи. Безпорядки, произведенные этими китайцами въ 1868 г., побудили правительство обратить на нихъ вниманіе. Н. М. Пржевальскій, отличный зоологъ, оказывается, судя по этой статьѣ, и прекраснымъ этнографическимъ наблюдателемъ. Эта статья касается исключительно китайцевъ и корейскаго населенія».

[2]) Отчетъ Императорскаго русскаго географическаго общества за 1869 г., стр. 36.

щества, на которомъ присутствовали генералъ-губернаторъ, генералъ-лейтенантъ Корсаковъ, генералъ-адъютантъ Сколковъ, много другихъ генераловъ и до 225 челов. публики, въ томъ числѣ и дамы. Въ этомъ засѣданіи Николай Михайловичъ познакомилъ присутствовавшихъ съ общимъ характеромъ своихъ изслѣдованій и съ особенностями Уссурійскаго края въ климатическомъ отношеніи и съ контрастами, представляемыми животнымъ и растительнымъ міромъ [1]). Онъ говорилъ краснорѣчиво и съ такимъ увлеченіемъ, что, подражая пѣнію различныхъ птицъ, дѣлалъ это такъ хорошо, что одинъ изъ его слушателей, нѣсколько лѣтъ спустя, проѣзжая по Амуру, по напѣву Пржевальскаго узналъ иволгу [2]). Чтеніе было покрыто продолжительными рукоплесканіями.

---

[1]) Въ частности лекція Н. М. дробилась на слѣдующіе отдѣлы: 1) Особенности климата Уссурійскаго края, обусловленныя его географическимъ положеніемъ; 2) контрасты, представляемые животнымъ и растительнымъ міромъ, въ зависимости отъ особенностей климатическихъ условій края; 3) выдержки изъ приготовляемаго сочиненія: а) характеръ уссурійскаго лѣса; б) день на Уссури; в) охота гольдовъ за дикими козами на водѣ; г) описаніе лѣснаго бивуака; д) бытъ тазовъ; е) зимній видъ Уссури и ж) посѣщеніе корейскаго г. Кыгень-цу.

[2]) Воспоминанія генералъ-лейтенанта Клевецкаго.

IV.

Прибытіе въ Петербургъ въ началѣ 1870 г. — Характеристика Н. М. Пржевальскаго. — Предположеніе его о путешествіи въ сѣверный Китай. — Опредѣленіе Ягунова въ Варшавское юнкерское училище. — Пріисканіе новаго спутника.—Основанія, на которыхъ состоялось командированіе Пржевальскаго въ Китай —Сборы въ экспедицію —Прибытіе въ Иркутскъ —Причины, послужившія поводомъ къ прерванію сношеній съ Сибирскимъ отдѣломъ географическаго общества — Происшествіе съ его академическою статьею: «Военно-статистическое описаніе Приамурскаго края» —Отъѣздъ изъ Иркутска —Переходъ черезъ степь Гоби —Прибытіе въ Пекинъ —Впечатлѣніе, произведенное на него китайцами —Недостатокъ денежныхъ средствъ, ассигнованныхъ на экспедицію и употребленіе собственныхъ.—Послѣднія приготовленія къ выступленію изъ Пекина

1870—1871.

Въ январѣ 1870 года Николай Михайловичъ прибылъ въ Петербургъ. Онъ явился въ столицу совершенно не тѣмъ человѣкомъ, какимъ оставилъ ее уѣзжая въ Сибирь. Двухъгодичное путешествіе среди разнообразной азіятской природы положило на него свою печать. Она пріучила его обдумывать свои дѣйствія и разсчитывать каждый шагъ. То окруженный прелестною природою, сытый, среди жаркаго дня и въ темную ночь, онъ спалъ безмятежнымъ сномъ подъ открытымъ небомъ, то голодный, среди мороза и вьюги, онъ карабкался по голымъ скаламъ и могъ заснуть только у костра, да и то переворачиваясь съ боку на бокъ. Рѣзкія перемѣны климата, то знойные, то холодные вѣтры, роскошная растительность и голыя, дикія скалы принуждали его приспособляться ко всякимъ условіямъ жизни и, не требуя никакихъ удобствъ, довольствоваться тою обстановкою, которая была въ данную минуту.

Николай Михайловичъ не имѣлъ привычекъ, связанныхъ съ жизнію на одномъ мѣстѣ: онъ могъ спать гдѣ и какъ попало, ѣсть когда и какъ придется. Разно-

образная охота выработала въ немъ упругость, гибкость и настойчивость въ преодолѣніи препятствій; приходилось примѣняться къ характеру птицы или звѣря и перехитрить ихъ, чтобы достигнуть цѣли. Встрѣча съ хищными звѣрями, гигантскими медвѣдями или тиграми пріучила его къ презрѣнію опасности и сообщила ему твердость характера. Въ теченіе двухлѣтняго пребыванія на Уссури онъ возмужалъ, окрѣпъ духомъ и тѣломъ. Такъ какъ природа не знаетъ ни лжи, ни лести, то и Николай Михайловичъ былъ человѣкомъ вполнѣ чистымъ, правдивымъ до наивности, откровеннымъ и вѣрнымъ другомъ. Привязанность его была всегда искренняя и полная; онъ не допускалъ ни измѣны, ни коварства, и если впослѣдствіи ему приходилось разочароваться въ людяхъ, и какъ онъ выражался, вычеркнуть нѣкоторыхъ изъ своей памяти, то это продожалось не долго, да и въ этомъ случаѣ онъ не питалъ къ нимъ никакого отвращенія, досады или злобы: при встрѣчахъ съ ними онъ былъ ласковъ и привѣтливъ какъ и прежде.

— Что дѣлать, говорилъ онъ, не могу долго сердиться.

Къ себѣ самому онъ былъ очень строгъ и всякое поползновеніе къ блеску и славѣ уравновѣшивалъ разсчетомъ общей пользы и сознаніемъ долга передъ обществомъ и государствомъ. „Не одинъ разъ, говоритъ одинъ изъ ближайшихъ его друзей [1]), въ теченіе своихъ экспедицій, онъ насильно отрывалъ себя отъ пути, гдѣ можно было сорвать болѣе блестящій вѣнокъ и направлялъ себя на путь болѣе тернистый, но и болѣе для Отечества важный“.

Всегда привѣтливый и веселый, онъ подкупалъ своею наружностью. Высокаго роста и стройный, съ красивымъ и умнымъ лицомъ онъ производилъ впечатлѣніе при первой встрѣчѣ. Вспыльчивый по характеру, онъ былъ до крайности добръ и щедръ; сильный физически и нравственно, Николай Михайловичъ не

[1]) І. Л. Фатѣевъ въ письмѣ Ф. А. Фельдману 8-го сентября 1889 г.

могъ выносить слезъ другихъ и этимъ пользовались многіе, чтобы заставить его исполнить просьбу—въ такихъ случаяхъ онъ былъ безоруженъ и со слезами на глазахъ съ нимъ можно было сдѣлать все, что угодно. Простой въ обращеніи, онъ легко становился душою общества — его центромъ, около котораго группировались желавшіе слышать его интересные разсказы. Общительный вообще, онъ скоро привыкалъ къ окружавшимъ его лицамъ и разставаться съ ними, хотя-бы и за проступки, ему было крайне трудно. Онъ не любилъ щегольства, роскоши, кутежей и празднаго препровожденія времени; любилъ иногда оставаться одинокимъ. Если снималъ военную форму, то одѣвался очень просто, и зимою, напримѣръ, у него не было лучшей шубы, какъ дубленая, черная, экспедиціонная. Городской жизни онъ не выносилъ, а предпочиталъ жизнь тихую, скромную — деревенскую. Современной цивилизованной жизни онъ также не долюбливалъ.

— Въ Азіи, говорилъ онъ, я съ берданкою въ рукахъ гораздо болѣе гарантированъ отъ всякихъ гадостей, оскорбленій и обмана, чѣмъ въ городахъ Европейской Россіи. По крайней мѣрѣ въ Азіи знаешь кто врагъ, а въ городѣ всякія гадости дѣлаются изъ-за угла. Вы идете, напримѣръ, по улицѣ и всякій можетъ васъ оскорбить, если при этомъ нѣтъ свидѣтелей. Воровства въ пустынѣ гораздо менѣе, чѣмъ въ городахъ Европы.

Азія доставила ему извѣстность и изъ Азіи онъ привезъ много новыхъ и никому неизвѣстныхъ коллекцій. Онѣ заключали въ себѣ: 1) 310 экземпляровъ чучелъ птицъ, 2) около 300 видовъ травянистыхъ растеній въ числѣ 2,000 экземпляровъ, 3) около 10 шкуръ млекопитающихся, 4) яйца 42 видовъ птицъ въ числѣ 550 штукъ, 5) 83 вида сѣмянъ различныхъ растеній Уссурійскаго края, 6) метеорологическія наблюденія, производившіяся ежедневно три раза въ теченіе 15 мѣсяцевъ, и 7) спеціальные отдѣлы по маммалогіи и въ особенности орнитологіи, „такъ какъ,

говорилъ онъ [1]), изслѣдованія надъ птицами составляли главный предметъ моихъ спеціальныхъ занятій. Столь значительное собраніе убѣждало самого Николая Михайловича, что два года путешествія не прошли безслѣдно и онъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ сознаніемъ, что часть его предположеній, о которыхъ онъ прежде говорилъ съ нѣкоторою застѣнчивостью и которыя выслушивали съ недовѣріемъ, теперь осуществлены; что его пребываніе въ Сибири и собранныя тамъ коллекціи обогатили естественную науку новыми данными по всѣмъ ея отраслямъ. Академія наукъ и Императорское русское географическое общество встрѣтили Пржевальскаго съ полнымъ радушіемъ и уваженіемъ къ его трудамъ, и въ зиму 1870 г., говоритъ П. П. Семеновъ, „Пржевальскій сдѣлался въ нашемъ общественномъ кругу своимъ человѣкомъ“ [2]).

Въ мартѣ Николай Михайловичъ дѣлалъ сообщеніе въ собраніи отдѣленія физической географіи. Въ трехъ сообщеніяхъ онъ охарактеризовалъ строеніе Уссурійскаго и Зауссурійскаго края и его климатъ, флору, фауну и, наконецъ, его инородческое населеніе. Особенно заинтересовало слушателей указаніе, на основаніи числовыхъ данныхъ, что Южно-Уссурійскій край зимою и весною пользуется суровымъ континентальнымъ климатомъ, лѣтомъ-же умѣреннымъ морскимъ, вслѣдствіе чего климатическія условія далеко не такъ благопріятны, какъ то можно ожидать отъ страны при ея южномъ и приморскомъ положеніи.

Въ общемъ собраніи Императорскаго географическаго общества 1-го апрѣля Николай Михайловичъ прочелъ о русскомъ населеніи Уссурійскаго края и пришелъ къ заключенію, что будущность края, какъ страны земледѣльческой, зависитъ отъ переселенія крестьянъ, большимъ или меньшимъ приливомъ которыхъ обусловливается и самый ходъ колонизаціи [3]).

---

[1]) Въ письмѣ барону Ф. Р. Остенъ-Сакену отъ 29-го марта 1670 г. Архивъ Императ. Русскаго Географич. общества, д. № 10.

[2]) Рѣчь П. П. Семенова 9 ноября 1888 г. См. брошюру „Памяти Н. М. Пржевальскаго“. С.-Петерб. 1889 г., стр. 18.

[3]) Извѣстія Импер. Рус. Геогр. Общества. Т. VI, отд. I, стр. 163—165. Статьи о русскомъ и инородческомъ населеніи вошли въ его книгу (Пу-

„Всѣ эти лекціи, писалъ Н. М. дядѣ, сошли такъ хорошо, какъ лучше и желать нельзя. Цѣлый взрывъ рукоплесканій, по окончаніи каждаго чтенія, былъ лучшимъ заявленіемъ того, что публика оставалась довольна".

Занимаясь описаніемъ своего путешествія и печатаніемъ его, онъ надѣялся къ осени окончить всѣ свои работы и предлагалъ свои услуги географическому обществу. Онъ обратился въ совѣтъ общества съ просьбою исходатайствовать ему разрѣшеніе отправиться въ сѣверныя окраины Китая и преимущественно въ мало извѣстныя страны верхняго теченія Желтой рѣки въ земли ордосовъ и Куку-норъ.

„Меня лично въ особенности манятъ, писалъ онъ барону Ѳ. Р. Остенъ-Сакену [1]), сѣверныя окраины Китая и восточныя части южной Монголіи, какъ мѣстности, почти еще неизвѣданныя европейцами, но представляющія громадный интересъ для географіи и естествознанія; тѣмъ болѣе, что и доступъ въ эти далекія страны съ чисто научною цѣлью не представляетъ особенныхъ затрудненій по заявленію нашего посланника въ Китаѣ генерала Влангали, который находится въ настоящее время въ Петербургѣ.

тешествіе въ Уссурійскомъ краѣ), но первоначально были напечатаны въ Вѣстникѣ Европы (1870 г., №№ 5 и 6). Въ нихъ авторъ, между прочимъ, говоритъ, что казачье населеніе нищее, а результатами этого являются болѣзни, развратъ и апатія къ честному труду. При недостаткѣ земледѣльческихъ орудій и скота, казаки (переселенные по жребію изъ Забайкалья) не могли заняться какъ слѣдуетъ разработкою земли на новыхъ мѣстахъ и получали продовольствіе отъ казны заимообразно. Это дѣлалось безъ разбора и было ошибочною мѣрою, вліяніе которой чувствуется долго; она потворствовала лѣни. Николай Михайловичъ предполагалъ возвратить казаковъ (кто пожелаетъ) на родину, оставшихся обратить въ переселенцевъ, привлечь крестьянъ, выслать штрафованныхъ нижнихъ чиновъ и не отводить земель отставнымъ солдатамъ, служившимъ въ краѣ.

Правдивое описаніе положенія русскаго населенія въ Уссурійскомъ краѣ навлекло на автора неудовольствіе восточно-сибирскаго начальства.

[1]) Въ письмѣ отъ 29 марта 1870 г. Арх. Импер. Рус. Геогр. Общества, дѣло № 10.

„Если географическое общество, съ своей стороны, найдетъ возможнымъ устроить поѣздку въ выше названныя страны, то какъ помощь къ необходимымъ для того средствамъ, я могу предложить отъ себя лично по тысячѣ рублей ежегодно, разсчитывая всю экспедицію не менѣе какъ на три года.

„Наконецъ, если мои служебныя условія станутъ какимъ-либо препятствіемъ для выполненія предполагаемой поѣздки, то я всегда готовъ выдти въ отставку и посвятить себя исключительно на посильное служеніе наукѣ“.

Въ отставку выходить не было надобности, такъ какъ военное министерство отнеслось болѣе чѣмъ сочувственно къ результатамъ путешествія Николая Михайловича по Уссурійскому краю и къ дальнѣйшимъ его планамъ. Зачисленный по генеральному штабу, онъ могъ посвятить себя всецѣло путешествію и просилъ только географическое общество, чтобы оно ассигновало нѣкоторую сумму въ дополненіе къ тѣмъ тысячамъ рублямъ, которые онъ рѣшилъ тратить ежегодно изъ своихъ собственныхъ средствъ.

Предложеніе Пржевальскаго было принято съ большимъ сочувствіемъ, и вице-предсѣдатель географическаго общества графъ Литке видѣлъ въ немъ путешественника, соединяющаго въ себѣ весьма выгодныя условія для ученой экспедиціи въ дальніе края и притомъ такого, который готовъ жертвовать собственными, довольно значительными денежными средствами на предполагаемую экспедицію. Но прежде чѣмъ вносить предложеніе Пржевальскаго въ совѣтъ общества, гр. Литке призналъ необходимымъ воспользоваться пребываніемъ въ Петербургѣ нашего посланника въ Пекинѣ, генералъ-маіора Влангали (нынѣ тайный совѣтникъ и товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ) и спросить его мнѣніе: 1) возможно-ли отправить въ названныя мѣста ученую экспедицію изъ двухъ или болѣе лицъ; 2) встрѣтила-ли бы подобная экспедиція покровительство нашего посольства въ Пекинѣ, и 3) ка-

кимъ путемъ и въ какое время удобнѣе всего отправить такую экспедицію [1]).

„Изслѣдованіе сѣверныхъ окраинъ собственно Китая, отвѣчалъ на это Александръ Егоровичъ Влангали [2]), представляетъ столько научнаго интереса, что нельзя не сочувствовать этому дѣлу и не содѣйствовать всѣми силами успѣху означеннаго предпріятія. Верхнее теченіе Желтой рѣки, земля ордосовъ, Кукуноръ и прочія мѣста, прилегающія съ сѣвера къ Тибету, до настоящаго времени не изслѣдованы, между тѣмъ какъ землевѣдѣніе можетъ обогатиться тамъ многими весьма любопытными и важными для науки свѣдѣніями.

„Изслѣдованія эти намъ нельзя уступить другимъ и дать себя опередить въ этой части Азіи, какъ вслѣдствіе нашего географическаго положенія къ Китаю, такъ и потому, что нами предприняты уже были важныя изысканія на сѣверо-западномъ концѣ этой страны въ Тянь-шаньскихъ горахъ.

„Возможность проникнуть въ настоящее время въ землю ордосовъ, Куку-норъ и верхнее теченіе Желтой рѣки опредѣлить положительно трудно. Въ бытность мою въ Пекинѣ инсуррекція магометанъ отдѣляла эти мѣста отъ прочихъ провинцій и сообщенія съ ними были затруднительны. Нѣтъ сомнѣнія, что такое положеніе не можетъ оставаться неизмѣннымъ и препятствія къ свободному проѣзду могутъ по временамъ уменьшаться и даже вовсе уничтожаться. Въ поѣздкахъ, предпринимаемыхъ въ Китаѣ, многое зависитъ отъ самого путешествующаго лица, и если онъ какими-либо выходками не возбудитъ противъ себя народонаселенія, то препятствія могутъ быть рѣдки.

„Относительно времени года, въ какое должна быть отправлена экспедиція, я полагалъ-бы, что лучше всего

[1]) Письмо графа Ѳ. Литке А. Е. Влангали 6 апрѣля 1870 г. № 491. Арх. Географ. общ., дѣло № 10.

[2]) Въ письмѣ графу Ѳ. П. Литкѣ 23 апрѣля 1870 г. Тамъ-же.

прибыть ей сухимъ путемъ въ Пекинъ осенью; въ теченіе зимы она подготовится, а весною отправится къ мѣсту изслѣдованія. Въ Пекинѣ находится въ помѣщеніи миссіонеровъ лазаристовъ коллекція птицъ и другихъ животныхъ, собранныхъ католическими миссіонерами въ различныхъ провинціяхъ сѣвернаго Китая, также имѣется обширная библіотека. Помощію этихъ средствъ экспедиціи возможно будетъ немного подготовиться къ поѣздкѣ.

„Независимо отъ сего должно сказать, что всѣ вообще путешествія, предпринимаемыя изъ Пекина во внутрь Китая, встрѣчаютъ менѣе препятствій и затрудненій отъ мѣстныхъ властей“.

Говоря, что Императорская миссія всегда будетъ рада оказать экспедиціи полное содѣйствіе и гостепріимство, А. Е. Влангали въ заключеніи своего письма прибавлялъ, что экспедиція найдетъ самое горячее сочувствіе „лично во мнѣ и въ стараніяхъ моихъ облегчить ей задачу, имѣющую столь важныя научныя изслѣдованія“.

Письмо это имѣло рѣшающее значеніе и члены совѣта географическаго общества почти единогласно высказались въ пользу предложенія Пржевальскаго. По ихъ мнѣнію, кромѣ результатовъ въ географическомъ и естественно-историческомъ отношеніяхъ, отъ путешествія Пржевальскаго можно было ожидать весьма важныхъ свѣдѣній по этнографіи и исторіи. Если же ему удастся достигнуть до сѣверо-восточной окраины той области, которую въ настоящее время охватило мусульманское возстаніе, то можно было надѣяться, что онъ успѣетъ собрать болѣе или менѣе положительныя данныя о возстаніи.

„Императорское русское географическое общество, писалъ графъ Литке [1]), которое успѣло обнародовать первыя свѣдѣнія объ этомъ возстаніи [2]), считало бы

[1]) Дмитрію Алексѣевичу Милютину 6-го мая 1870 г. № 604. Архивъ Главн. Штаба, дѣло Военно-ученаго комитета № 67.

[2]) Статья А. К. Гейнса. См. Извѣстія Императорскаго русскаго географическаго общества за 1867 годъ.

вполнѣ согласнымъ съ своею задачею воспользоваться настоящимъ случаемъ, чтобы хотя сколько нибудь пролить свѣтъ на происходящія въ центрѣ Китая событія, о которыхъ въ послѣднее время до него доходятъ только самые неопредѣленные слухи".

На этомъ основаніи совѣтъ географическаго общества постановилъ просить содѣйствія военнаго министра къ осуществленію предполагаемаго путешествія Пржевальскаго.

По взаимному соглашенію послѣдняго съ П. П. Семеновымъ былъ выработанъ планъ путешествія. Ордосъ, Гань-су и Амдосское нагорье были избраны предметомъ его изслѣдованія, какъ географа-натуралиста. Особенное вниманіе путешественника обращено на природу Гань-суйской провинціи, далеко вторгающуюся въ нагорную Азію, между исполинскими горными хребтами, на склоны и долины этихъ хребтовъ и на Голубое озеро (Куку-норъ) [1]).

Громадный научный интересъ, представляемый тѣми частями Азіи, въ которыя направлялась дѣятельность Николая Михайловича, заставлялъ его позаботиться о возможно полномъ снаряженіи экспедиціи и онъ сталъ искать себѣ товарища-спутника. Опытъ двухлѣтняго пребыванія въ Уссурійскомъ краѣ убѣждалъ его, что одинокому путешественнику нѣтъ возможности справиться со всею массою матеріаловъ, которые ежедневно являются передъ нимъ въ странахъ, мало изслѣдованныхъ. Товарищъ-спутникъ, хотя бы человѣкъ и не подготовленный въ научномъ отношеніи, приноситъ громадную пользу. На долю его могутъ быть отнесены такія работы, которыя не требуютъ особыхъ знаній: метеорологическія наблюденія, препарированіе животныхъ и проч. — словомъ, все то, что собирается путешественникомъ въ сыромъ видѣ и обрабатывается только по окончаніи путешествія.

Въ первомъ путешествіи по Уссурійскому краю

---

[1]) Рѣчь вице-предсѣдателя географическаго общества П. П. Семенова 9 ноября 1888 г. См. брошюру: „Памяти Н. М. Пржевальскаго", стр. 18.

такимъ спутникомъ Николая Михайловича былъ Ягуновъ. Сердечно привязавшись къ послѣднему и любя его какъ роднаго брата, Николай Михайловичъ не желалъ лишать его будущности и считалъ своимъ нравственнымъ долгомъ устроить его положеніе. Вскорѣ послѣ пріѣзда въ Петербургъ онъ опредѣлилъ Ягунова въ Варшавское юнкерское училище и сдалъ на попеченіе своего друга І. Л. Фатѣева [1]). Ягуновъ учился отлично, кончилъ курсъ первымъ ученикомъ и впослѣдствіи служилъ въ Австрійскомъ полку офицеромъ. Вмѣсто Ягунова Н. М. необходимо было выбрать новаго спутника и онъ поручилъ ему подъискать подходящаго человѣка. Какъ человѣкъ новый въ училищѣ, не успѣвшій хорошо ознакомиться съ товарищами, Ягуновъ долго не могъ остановиться въ выборѣ, что крайне безпокоило Пржевальскаго. „Если поиски юноши, писалъ онъ І. Л. Фатѣеву [2]), до мая не увѣнчаются успѣхомъ, то нельзя-ли будетъ найти подходящую личность между полковыми юнкерами, которые тогда будутъ въ лагерѣ. Впрочемъ это дѣло еще далеко впереди, мнѣ все-таки кажется, *что бѣжавшій изъ гимназіи юноша* (о чемъ писалъ мнѣ Ягуновъ) *самый подходящій для путетествія.* Да, наконецъ, мало-ли такихъ юнцовъ, которымъ дѣться некуда и ѣсть нечего, а тутъ дорога ко всему открыта“.

Цѣня въ путешественникѣ прежде всего отвагу и рѣшимость, Николай Михайловичъ, одновременно съ письмомъ къ Фатѣеву, написалъ и нѣкоторымъ бывшимъ его любимымъ ученикамъ. Одинъ изъ нихъ Пыль-

---

[1]) „Податель сего письма, писалъ Николай Михайловичъ І. Л. Фатѣеву, есть тотъ самый юноша, который путешествовалъ со мною по Сибири и который ѣдетъ теперь опредѣлиться на службу юнкеромъ. Будьте столь любезны, направьте его къ Лауницу, къ которому я далъ ему письмо. Лауницъ обѣщалъ мнѣ опредѣлить сего юношу во 2-й гренадерскій стрѣлковый баталіонъ и вѣроятно исполнитъ свое обѣщаніе. Если можно, то сведите сего юнца въ училище и на лекціи, чтобы онъ видѣлъ свою будущую жизнь и дѣятельность. При этомъ могу вамъ рекомендовать его какъ прекраснаго, добраго, честнаго и усерднаго молодаго человѣка, который современемъ будетъ, вѣроятно, однимъ изъ лучшихъ вашихъ учениковъ“.

[2]) Въ письмѣ отъ 25 февраля 1870 г.

цовъ, служившій подпоручикомъ въ Алексопольскомъ полку, съ охотою изъявилъ согласіе принять участіе въ путешествіи и даже, если бы понадобилось, то выдти и въ отставку.

Зная Пыльцова съ юныхъ лѣтъ, какъ бывшаго своего ученика, Пржевальскій просилъ начальника главнаго штаба, генералъ-адъютанта графа Гейдена, о назначеніи его ему товарищемъ.—„Страны Ордосъ и Кукуноръ, писалъ Николай Михайловичъ [1]), не только совершенно не изслѣдованы въ научномъ отношеніи, но въ большей своей части даже еще не посѣщены ни однимъ европейцемъ—слѣдовательно, представляютъ такое широкое поприще для изысканій географическихъ и естественно историческихъ, какое трудно найти въ другихъ частяхъ азіятскаго материка“.

„Притомъ же, товарищъ необходимъ еще и на тотъ случай, *если мнѣ лично не суждено будетъ вернуться на родину*. Тогда мой спутникъ можетъ сохранить и доставить всѣ бумаги и коллекціи, которыя, въ противномъ случаѣ, должны будутъ также погибнуть“. Въ этихъ послѣднихъ словахъ высказывается человѣкъ, беззавѣтно преданный дѣлу и для котораго наука выше жизни.

Принимая на свой счетъ всѣ расходы по содержанію Пыльцова во время экспедиціи, Пржевальскій просилъ только сохранить жалованье по чину и зачислить его по армейской пѣхотѣ, такъ какъ служба составляла единственный источникъ его существованія. Просьба его была исполнена и 20 іюля состоялся Высочайшее повелѣніе о командированіи Пржевальскаго и Пыльцова на три года въ сѣверный Китай и Монголію, съ зачисленіемъ перваго по генеральному штабу, а втораго по армейской пѣхотѣ. Военное министерство, кромѣ прогоновъ до Кяхты и обратно и жалованья по чинамъ, ассигновало на экспедицію по 1000 руб. въ годъ звонкою монетою [2]), географическое общество по 1000 руб. кре-

[1]) Въ докладной запискѣ графу Гейдену 19 мая 1870 г. Арх. Глав. Штаба, дѣло Военно-ученаго комитета № 67.

[2]) Письмо Д. А. Милютина гр. Литке 19 іюля 1870 г. № 548.

дитными билетами, а Императорскій Ботаническій садъ по 300 руб. въ годъ [1]).

Пржевальскій былъ вполнѣ доволенъ этимъ пособіемъ и сталъ дѣятельно готовиться къ экспедиціи. Онъ хлопоталъ, чтобы достать себѣ ружье, превосходное въ полномъ смыслѣ этого слова. Его агенты искали такое ружье въ Варшавѣ, Москвѣ и Петербургѣ, а самъ онъ написалъ Ланкастеру въ Лондонъ, прося его увѣдомить, можетъ ли онъ ему сдѣлать ружье въ четыре мѣсяца?

— Если онъ возьмется сдѣлать въ такой срокъ, говорилъ Николай Михайловичъ, то я буду имѣть ружье отъ перваго мастера въ мірѣ.

Ассигнуя на такое ружье отъ 400 до 500 руб., онъ считалъ необходимымъ имѣть его въ предстоящемъ путешествіи, какъ самаго вѣрнаго друга. Онъ просилъ мать предупредить владѣльцевъ двухъ продающихся сетеровъ, чтобы они не продавали ихъ до его пріѣзда въ Смоленскъ, и обѣщалъ купить того, который окажется наиболѣе подходящимъ. Заботамъ той же нѣжно имъ любимой матери онъ поручилъ поторопить своего дворового человѣка Ивана Макарова скорѣйшимъ шитьемъ ему сапогъ; палатку и неводъ просилъ непремѣнно смазать рыбьимъ жиромъ и сушить на солнцѣ; земляной валъ для стрѣльбы вновь исправить и, наконецъ, привезти изъ Смоленска въ деревню 30 бутылокъ лимонаду „для услажденія“.

Въ началѣ августа книга его о путешествіи по Уссурійскому краю была окончена, посвящена „любимой матери“ и ему оставалось только дождаться пріѣзда спутника и получить деньги, ассигнованныя на экспедицію. То и другое однакоже замедлили отъѣздъ и задержали его на нѣсколько дней въ Петербургѣ. Еще 20 іюля онъ писалъ въ Варшаву І. Л. Фатѣеву: „Сдѣлайте одолженіе, сходите въ штабъ (Варшавскаго округа) и попросите кого надо ускорить увѣдомленіемъ въ полкъ

[1]) Отношеніе графа Литке Сибирскому отдѣлу общества 19 ноября 1870 г. Арх. Географ. общества д. № 10.

Пыльцова, относительно его командировки. Теперь дорогъ каждый день, нужно спѣшить отъѣздомъ. Пыльцова также гоните изъ Варшавы сейчасъ, какъ только онъ туда покажется....

„Изъ обѣщанныхъ десяти тысячъ на экспедицію, въ настоящее время я получу только полторы тысячи, такъ какъ изъ лицъ, распоряжающихся суммами въ географическомъ обществѣ и ботаническомъ саду, теперь нѣтъ никого на лицо въ Петербургѣ, а военное министерство даетъ только за полгода впередъ, а остальныя деньги переводитъ на Пекинское посольство, откуда я ихъ получу по прибытіи на мѣсто. Если подождать до половины сентября, то можно получить деньги и отъ географическаго общества и отъ ботаническаго сада, но я не могу ждать въ интересахъ самой экспедиціи. Хорошо еще, что я располагаю своими средствами и хотя теряю теперь очень много отъ невольной продажи акцій, но все-таки жертвую всѣмъ этимъ для успѣха дѣла, о которомъ мечталъ съ юныхъ лѣтъ [1])“.

„Съ акціями плохо, очень плохо, писалъ онъ матери [2]), но я теперь объ этомъ не очень забочусь, такъ какъ поѣздка въ Монголію для меня самая лучшая и счастливая удача. Отъ этой экспедиціи, конечно, зависитъ вся моя будущность. Въ Петербургѣ гадко невыносимо, пыль, жара, вонь“.

Николай Михайловичъ рвался на чистый воздухъ и стремился въ неизвѣстныя страны. Въ половинѣ августа онъ былъ уже въ Смоленскѣ, откуда и счелъ своимъ долгомъ благодарить совѣтъ географическаго общества, „доброй иниціативѣ“ котораго онъ всего болѣе былъ обязанъ въ предстоящемъ путешествіи. Проведя зиму въ Пекинѣ, онъ съ раннею весною располагалъ двинуться въ Ордосъ, потомъ въ Куку-норъ и если будетъ возможно, то даже и къ озеру Лобъ-норъ, въ бассейнъ р. Тарима. Вообще, если обстоятельства позволятъ, то онъ хотѣлъ изъ Пекина пробраться въ нашъ

[1]) Письмо Н. М. Пржевальскаго І. Л. Фатѣеву 20 іюля 1870 г.
[2]) Въ письмѣ отъ 22 іюля 1870 г.

Туркестанъ. „Впрочемъ, писалъ онъ [1]), это только идеальный планъ, который, конечно, можетъ и долженъ измѣниться при личномъ знакомствѣ со всѣми условіями путешествія".

„Снаряженіе мое сдѣлано въ широкихъ размѣрахъ. „Средства, которыми я располагаю, слѣдующія: независимо отъ тысячи рублей, которые я еще прежде ассигновалъ отъ себя на каждый годъ экспедиціи, я получаю отъ военнаго министерства ежегодно, сверхъ жалованья (360 р.), по тысячѣ рублей, а отъ ботаническаго сада по 300 руб. Прогоны выданы мнѣ только отъ Петербурга до Кяхты. При этомъ нужно принять во вниманіе, что за исключеніемъ пособія отъ военнаго министерства, остальныя деньги состоятъ въ кредитныхъ билетахъ, при промѣнѣ которыхъ на звонкую монету нужно потерять 25—30%.

„Если совѣтъ Императорскаго русскаго географическаго общества найдетъ возможнымъ помочь мнѣ съ своей стороны денежными средствами, то я буду просить перевести на мое имя по телеграфу въ Иркутскій банкъ ту сумму, которая будетъ ассигнована на первый годъ экспедиціи. Въ Иркутскѣ буду около 20 сентября".

Предположенія, однако же, не оправдались. Отвратительная и грязная по колѣно дорога на протяженіи тѣхъ трехъ тысячъ верстъ, которыя легли между Тюменью и Иркутскомъ, была причиною того, что, выѣхавъ 4 сентября изъ Москвы, Николай Михайловичъ только 10 октября добрался до Иркутска, да и то благодаря курьерской подорожной. Тамъ онъ получилъ изъ отдѣленія банка тысячу руб., переведенныхъ изъ географическаго общества, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ крайне опечаленъ тѣмъ пріемомъ, который встрѣтилъ въ Иркутскомъ обществѣ.

Будучи въ Петербургѣ, Николай Михайловичъ напечаталъ, какъ мы сказали, въ Вѣстникѣ Европы двѣ статьи о населеніи Уссурійскаго края и откровенно

[1]) Въ совѣтъ Императорскаго русск. геогр. общества отъ 19 августа 1870 г

выставилъ бѣдственное положеніе мѣстныхъ казаковъ. Статья эта привела въ сильное негодованіе иркутское начальство и общество [1]). Всѣ были недовольны авторомъ статьи и не „будучи въ состояніи сотворить какую нибудь пакость по службѣ“, напечатали въ Извѣстіяхъ Сибирскаго отдѣла географическаго общества библіографическія замѣтки, въ которыхъ самымъ безцеремоннымъ и голословнымъ образомъ обвинили автора въ умышленной лжи [2]).

„Хорошо ученое общество, писалъ Николай Михайловичъ [3]), которое занимается такими милыми дѣлами, каковы сплетни на своего же члена!“ Прискорбно подѣйствовала на Н. М. эта недостойная выходка и онъ рѣшился уплатить долгъ „краснымъ платежомъ“. Дождавшись общаго собранія отдѣла, которое происходило 22 октября, Пржевальскій явился въ засѣданіе какъ членъ онаго, заявилъ собравшимся о недостойной выходкѣ „Извѣстій“ и прочелъ свое возраженіе на первую статью, прося напечатать его въ тѣхъ же самыхъ „Извѣстіяхъ“. Отдѣлъ общества и редакція „Извѣстій“ отказались напечатать возраженіе и тогда Николай Михайловичъ написалъ на имя предсѣдателя письмо, въ которомъ отказывался имѣть какое либо сношеніе съ Сибирскимъ отдѣломъ общества.

„Вчера я получилъ черезъ Усольцева, писалъ онъ [4]), отвѣтъ вашъ относительно письма, прочитаннаго мною въ общемъ собраніи отдѣла и предложеннаго къ напечатанію въ „Извѣстіяхъ“.

„Противъ всякаго ожиданія, отвѣтъ этотъ заключалъ въ себѣ отказъ редакціи напечатать мое возраженіе на извѣстную вамъ библіографическую замѣтку, въ которой такимъ нецеремоннымъ образомъ меня обвинили въ умышленной лжи. Вторично оскорбленный настоящимъ отказомъ—прямымъ доказательствомъ нежеланія

---

[1]) Письмо Н. М. бар. Ф. Р. Остенъ-Сакену 26 октября 1870 г.
[2]) См. приложеніе № 1.
[3]) М. П. Тихменеву отъ 26 октября 1870 г.
[4]) Предсѣдателю отдѣла 24 октября 1870 г.

со стороны редакціи выслушать обѣ стороны и тогда уже взвѣсить истину—я съ своей стороны прерываю всякія сношенія съ Сибирскимъ отдѣломъ, о чемъ покорнѣйше прошу ваше превосходительство заявить въ слѣдующемъ общемъ собраніи. Письмо же, адресованное въ редакцію „Извѣстій", отправлено мною для напечатанія въ одну изъ петербургскихъ газетъ".

Избравъ для этого „Петербургскія Вѣдомости", Николай Михайловичъ просилъ М. П. Тихменева, какъ человѣка вполнѣ безпристрастнаго, хорошо знающаго край и бывшаго въ то время въ Петербургѣ, похлопотать, чтобы письмо это было скорѣе напечатано и одинъ нумеръ газеты отправить по городской почтѣ въ конвертѣ тогдашнему генералъ-губернатору Корсакову, также находившемуся въ столицѣ.

Въ № 334 С.-Петербургскихъ Вѣдомостей появилось письмо Николая Михайловича Пржевальскаго [1]), къ которому М. П. Тихменевъ присоединилъ и свою замѣтку [2]). Въ ней онъ говоритъ, что въ продолженіе трехъ лѣтъ былъ начальникомъ штаба войскъ Приморской области и заявляетъ, „что въ статьѣ г. Пржевальскаго „Русское населеніе Уссурійскаго края", напечатанной въ майской книжкѣ Вѣстника Европы за 1870 г., вошедшей сполна, въ видѣ особой главы, въ описаніе его „Путешествія по Уссурійскому краю", нѣтъ ни одного факта, достовѣрность котораго была бы подвержена сомнѣнію и котораго я не могъ бы, въ случаѣ надобности, подтвердить или документально или свидѣтельствомъ лицъ, проживших на Уссури, по служебнымъ или частнымъ дѣламъ, въ средѣ казачьяго населенія, по нѣскольку лѣтъ".

Отправивъ при своемъ письмѣ [3]) нумеръ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей генералу Корсакову, М. П. Тихменевъ писалъ Пржевальскому [4]): „Я признавалъ

---

[1]) См приложеніе № 2.
[2]) См. приложеніе № 3.
[3]) См. приложеніе № 4.
[4]) Въ письмѣ отъ 22 декабря 1870 г.

необходимымъ напечатать заявленіе съ своей стороны, дабы предупредить, что если они (члены Сибирскаго отдѣла географическаго общества), пользуясь вашимъ отсутствіемъ на три года и невозможностью отвѣчать, вздумаютъ писать что нибудь противъ васъ, то (имъ) придется уже имѣть дѣло со мной. Я далъ себѣ слово, что если они хоть пискнутъ еще, то я ихъ разберу по косточкамъ.....

„Дай вамъ Богъ полнаго успѣха въ вашемъ трудномъ и многополезномъ дѣлѣ. Этого желаютъ всѣ знающіе васъ, всѣ преданные наукѣ, всѣ гордящіеся своимъ предпріимчивымъ ученымъ соотечественникомъ“.

Такъ разыгралась эта неблаговидная исторія, въ которой Н. М. Пржевальскому пришлось быть однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ.

„Но согласитесь, Ѳедоръ Романовичъ, говорилъ онъ въ письмѣ барону Остенъ-Сакену [1]), могъ ли я оставаться равнодушнымъ къ такой вопіющей п.....и? Тѣмъ болѣе, что при описаніи грустнаго положенія уссурійскихъ казаковъ я имѣлъ одну цѣль—вызвать сочувствіе публики къ этимъ несчастнымъ и помочь имъ хотя печатнымъ словомъ. Въ этомъ случаѣ я исполнялъ долгъ относительно края, на сторонѣ котораго лежатъ всѣ мои личныя симпатіи.....

„Я буду просить васъ сообщить, если находите удобнымъ, содержаніе сего письма графу Литке и П. П. Семенову. Я боюсь, чтобы, пользуясь моимъ отсутствіемъ, дѣло это не было представлено совершенно въ иномъ свѣтѣ. Глубоко уважая географическое общество и гордясь быть членомъ онаго, я страшусь малѣйшей тѣни, которая могла бы лечь на наши взаимныя отношенія, и клянусь вамъ честнымъ словомъ, что горькая необходимость, принудившая меня прервать сношенія съ Сибирскимъ отдѣломъ, глубоко и болѣзненно отозвалась въ моемъ сердцѣ“.

Письмо это было вызвано тѣми слухами, которые доходили до Николая Михайловича, что однимъ изъ

[1]) Въ письмѣ отъ 26 октября 1870 г.

членовъ Сибирскаго отдѣла будетъ написана *„неумолимая“* рецензія на его книгу, главнымъ образомъ на тѣ мѣста, гдѣ разсказывается объ административныхъ мѣрахъ [1]).

— Вслѣдствіе этой рецензіи, говорили иркутскіе заправилы, онъ навсегда потеряетъ репутацію въ ученомъ и литературномъ мірѣ.

— Какъ жаль, отвѣчалъ на это Пржевальскій, что я, вѣроятно, не прочту этой рецензіи, а то бы я вторично имъ замазалъ ротъ.

Есть поговорка, что одна бѣда не бываетъ, такъ было и съ Николаемъ Михайловичемъ въ Иркутскѣ въ этотъ пріѣздъ.

Припомнимъ, что, будучи еще въ Николаевской академіи генеральнаго штаба, имъ была написана на заданную тему статья „Военно-статистическое обозрѣніе Приамурскаго края“. По окончаніи курса въ академіи, статья эта оставалась въ портфелѣ автора и была взята имъ съ собою при отъѣздѣ изъ Варшавы въ Сибирь. Въ бытность Николая Михайловича на Амурѣ, пріѣхалъ туда новый дивизіонный докторъ П., которому было поручено главнымъ военно-медицинскимъ управленіемъ собрать медико-статистическія свѣдѣнія объ этомъ краѣ. Какъ человѣкъ новый, докторъ обращался ко всѣмъ, отъ кого только могъ получить какія бы то ни было свѣдѣнія. Его направили къ Николаю Михайловичу, который въ 1868 году только что вернулся въ Николаевскъ изъ своей поѣздки по Уссурійскому краю. Докторъ П. просилъ сообщить ему матеріалы, собранные на мѣстѣ. Обязанный представить отчетъ о своей командировкѣ и нуждаясь самъ въ собранныхъ имъ матеріалахъ для составленія описанія путешествія, Николай Михайловичъ не могъ удовлетворить просьбы просителя, а далъ ему для прочтенія ту рукопись объ Амурскомъ краѣ, которая была имъ написана на тему, заданную въ академіи генеральнаго

---

[1]) Письмо Н. М. Пржевальскаго М. П. Тихменеву 26 октября 1870 г.

штаба. Спустя нѣкоторое время, рукопись была возвращена докторомъ съ благодарностью и заявленіемъ, что по ней онъ достаточно ознакомился съ краемъ.

Тѣмъ дѣло и кончилось. Пржевальскій въ началѣ 1870 года пріѣхалъ въ Петербургъ и съ удивленіемъ увидѣлъ, что въ № 12 Военнаго Сборника за 1869 г. была напечатана его статья объ Амурскомъ краѣ, но подъ заглавіемъ: „Приморская область Восточной Сибири“ и составленіе ея приписано доктору П. Оставивъ разъясненіе этого дѣла до личнаго свиданія съ докторомъ, Николай Михайловичъ, по прибытіи въ Иркутскъ, въ октябрѣ 1870 года, написалъ ему письмо, въ которомъ уличалъ его въ присвоеніи чужаго литературнаго труда и предоставлялъ ему или уплатить тотъ гонораръ, который былъ полученъ имъ изъ редакціи Военнаго Сборника, или вѣдаться съ нимъ судомъ. Докторъ предпочелъ первое [1]).

Казалось, что дѣло уладилось, но злой геній искусилъ доктора и на одномъ изъ вечеровъ онъ сталъ разсказывать своимъ гостямъ, что отдалъ деньги только желая избавиться отъ докучливости и жадности Н. М. Пржевальскаго. Послѣдній, узнавъ о такихъ разсказахъ, пожертвовалъ эти деньги въ пользу бѣдныхъ уссурійскихъ казаковъ.

„Прилагая при семъ квитанцію губернскаго казначейства на 72 рубля, писалъ Пржевальскій [2]), жертвую оныя въ пользу бѣдныхъ казаковъ Уссурійскаго пѣшаго баталіона.

„Деньги эти составляютъ *гонораръ*, отобранный мною отъ статскаго совѣтника П. за напечатанную имъ въ Военномъ Сборникѣ статью подъ заглавіемъ: „Приморская область Восточной Сибири „заключающую въ большей своей части *дословную и безъ моего вѣдома произведенную*

---

[1]) См. приложеніе № 5.

[2]) Въ рапортѣ въ штабъ Восточно-Сибирскаго округа 24 октября 1870 г. Начальникъ штаба генералъ Черкесовъ приказалъ рапортъ Пржевальскаго и копію съ письма доктора П. препроводить въ Приморскую область.

переписку, изъ рукописнаго сочиненія, которое я написалъ въ 1863 г., будучи въ Николаевской академіи генеральнаго штаба".

Покончивъ и съ этою исторіею, Николай Михайловичъ въ концѣ октября выѣхалъ изъ Иркутска и 6-го ноября прибылъ въ Кяхту [1]). 17-го ноября, на нанятыхъ верблюдахъ, онъ выступилъ изъ Кяхты черезъ Ургу въ Калганъ и употребилъ 97 дней на проходъ 1300 верстъ, которыя пролегали между этимъ городомъ и равнинами собственно Китая, у начала которыхъ стоялъ г. Калганъ. Отъ Урги до Калгана онъ шелъ по караванному пути, который лежалъ восточнѣе почтовой дороги [2]).

„Шествіе мое, писалъ онъ М. П. Тихменеву [3]), черезъ такъ называемую степь Гоби совершилось весьма благополучно, хотя сильные морозы стояли день въ день и доходили до 30° Реомюра".

Вещи его шли на семи верблюдахъ, а самъ онъ, вмѣстѣ съ Пыльцовымъ, ѣхалъ въ двухъ-колесной телѣжкѣ, по формѣ похожей на гробъ, которую тащилъ верблюдъ и которая была на полъ-аршина короче Николая Михайловича. Тѣмъ не менѣе и такой экипажъ былъ большимъ благодѣяніемъ среди сильныхъ морозовъ. Къ довершенію затрудненій, на всей Гоби нѣтъ деревьевъ и потому для варки пищи и собственнаго согрѣванія собирали конскій пометъ, валявшійся въ степи. Воды также не было и приходилось таять снѣгъ, котораго было очень мало, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ степи и совсѣмъ не было. Здѣсь зимовали огромнѣйшія стада жаворонковъ (не европейскихъ) и паслось не менѣе многочисленное количество *антилопъ* или по монгольски *дзереновъ*.

„Этотъ звѣрь, писалъ Н. М. дяди [4]), величиною и окраскою совершенно похожъ на дикую козу, но толь-

---

[1]) Варшавскій дневникъ 2 апрѣля 1871 г. № 71.

[2]) Донесеніе въ географическое общество 14 января 1872 г.

[3]) Въ письмѣ отъ 14 января 1871 г.

[4]) Отъ 24 января 1871 г.

ко гораздо умнѣе и осторожнѣе ея. Дзерены обыкновенно пасутся на совершенно ровныхъ мѣстахъ, которыя въ Монголіи часто разстилаются на многіе десятки верстъ. Притомъ-же этотъ звѣрь обладаетъ превосходнымъ зрѣніемъ, слухомъ и чутьемъ, такъ что убить его весьма мудреная задача. Не смотря на страшные холода, я охотился за дзеренами съ утра до вечера, но убилъ всего двухъ, одного на 200, а другаго на 300 шаговъ. Ну! и бывало же иногда этихъ дзереновъ! Случались дни, въ которые, съ ранняго утра и до вечера, безпрестанно виднѣлись то справа, то слѣва огромнѣйшія ихъ стада, часто въ 200—300 и болѣе штукъ. Но попробуйте-ка подойти къ такому стаду хотя на 300 шаговъ! Мѣстность со всѣхъ сторонъ гладкая какъ полъ, трава не выше четверти аршина и притомъ очень рѣдкая. Ходишь бывало цѣлый день и только видишь, какъ бѣгутъ отъ тебя дзерены во всѣ стороны. Правда, очень много мѣшали морозы и постоянные вѣтры. Холода бывали такъ велики, что нельзя было зарядить какъ слѣдуетъ штуцера: сальные пластыри ломались и пуля шла въ стволъ какъ попало“. При своемъ увлеченіи охотою Н. М. не замѣтилъ какъ однажды отморозилъ себѣ конецъ носа и лѣвое ухо.

Вообще степь Гоби отличается полнымъ безплодіемъ; часто встрѣчающіяся высохшія русла рѣчекъ наполняются водою только во время дождей, и въ верховьяхъ ихъ обыкновенно расположены колодцы. Почва состоитъ изъ крупно-зернистаго красноватаго песку и потому Гоби бѣдна даже травою; лѣсовъ совсѣмъ нѣтъ и только рѣдко-рѣдко, гдѣ нибудь у подошвы горы или на берегу высохшаго ручья, стоитъ одинокое дерево, почитаемое монголами за святыню. Населенія почти не видно: развѣ только неприхотливый монголъ и его вѣчный спутникъ верблюдъ могутъ обитать въ этихъ пустыняхъ, лишенныхъ воды и лѣса, „накаляемыхъ лѣтомъ до тропической жары, а зимою охлаждающихся чуть-ли не до полюсной стужи.

„Вообще Гоби, писалъ Пржевальскій [1]), своимъ однообразіемъ производитъ на путешественника тяжелое подавляющее впечатлѣніе. По цѣлымъ недѣлямъ сряду передъ его глазами являются одни и тѣ же образы—то неоглядныя равнины, отливающіяся желтоватымъ цвѣтомъ высохшей травы, то черноватыя изборожденныя скалы, то пологіе холмы, на вершинѣ которыхъ иногда рисуется силуэтъ быстроногаго дзерена. Мѣрно шагаютъ тяжело навьюченные верблюды, идутъ десятки, сотни верстъ, но степь не измѣняетъ своего характера, а остается, по прежнему, угрюмой и непривѣтливой“....

Отъ Калгана къ Пекину дорога идетъ въ юго-восточномъ направленіи по равнинѣ, шириною верстъ въ 40, переваливаетъ черезъ поперечный хребетъ ущельемъ, по которому течетъ р. Янъ-хэ и далѣе идетъ по долинѣ шириною 10—20 верстъ. Начиная отъ Калгана и до Пекина встрѣчается густое населеніе и частые города, обыкновенно обнесенные высокими квадратными стѣнами изъ кирпича.

Понижающаяся довольно равномѣрно мѣстность встрѣчаетъ поперечный хребетъ Намъ-ху, составляющій ограду втораго уступа, которымъ Средне-Азіятское нагорье спускается къ равнинамъ, раскинувшимся по берегамъ Китайскаго моря.

Переваливъ эти горы 24 декабря, Н. М. Пржевальскій былъ пораженъ климатическими перемѣнами: въ Монголіи были сибирскіе морозы, а здѣсь, черезъ какихъ нибудь 25 верстъ, не было ни капли снѣгу и погода была совершенно весенняя [2]).

По гребню хребта Намъ-ху, говоритъ Пржевальскій, „проходитъ вторая, такъ называемая внутренняя Великая Стѣна, сдѣланная гораздо выше и прочнѣе первой, находящейся у Калгана. Здѣшняя стѣна имѣ-

---

[1]) Въ запискѣ географическому обществу отъ 14 января 1871 г. Извѣстія Импер. Рус. географ. общес. 1871 г. № 4.

[2]) Письмо Н. М. Пржевальскаго матери отъ 24 января 1871 г.

етъ саженъ шесть вышины и около четырехъ толщины. Она выстроена изъ большихъ плитъ гранита, а по вершинѣ убрана кирпичными зубцами; сверхъ того, на болѣе высокихъ пунктахъ сложены квадратныя башни.

„На протяженіи 11—12 верстъ, если идти по ущелью Гуанъ-гау, въ описываемой стѣнѣ устроено девять воротъ, расположенныхъ попарно, и только въ послѣднемъ, если считать отъ вершины ущелья, пунктѣ, трое воротъ стоятъ совмѣстно. Сильное и особенное впечатлѣніе производятъ въ первый разъ эти гигантскія стѣны, въ особенности, если вспомнишь, что первая изъ нихъ тянется почти на три тысячи верстъ. Желѣзная дорога черезъ весь материкъ Сѣверной Америки не болѣе какъ игрушка передъ этою громадою, притомъ нужно самому видѣть мѣстность, по которой проходятъ эти стѣны, страшную крутизну горъ, утесы и пропасти, чтобы вполнѣ удивляться громадности постройки. Однако, напоръ сѣверныхъ варваровъ не разбился объ эту искусственную преграду, за которой Китайскому государству не доставало другой, болѣе прочной, защиты—нравственной силы самаго народа. И какъ бы въ поученіе грядущимъ поколѣніямъ, стоитъ эта гигантская стѣна, нынѣ уже совершенно заброшенная, но еще живо напоминающая путешественнику о тѣхъ временахъ, которыя далеко отстоятъ отъ начала христіанской эры“.

Подъ такимъ впечатлѣніемъ путешественники проѣхали черезъ эту стѣну, 2-го января 1871 года прибыли въ Пекинъ и помѣстились въ русскомъ посольскомъ домѣ, на квартирѣ, обязательно приготовленной имъ нашимъ посланникомъ, генераломъ Влангали.

„Я еще мало познакомился съ самымъ городомъ, писалъ Пржевальскій [1]), но уже и первыхъ впечатлѣній достаточно, чтобы безошибочно сказать, что это невообразимая мерзость. Тѣ же самыя фанзы, какія и на Уссури, развѣ только побольше объемомъ и числомъ. Грязь и вонь невообразимыя, такъ какъ жители

[1]) Въ письмѣ М. П. Тихменеву отъ 14 января 1871 г.

обыкновенно льютъ всѣ помои на улицу и, сверхъ того, здѣсь постоянно можно видѣть, идя по улицѣ, сидящихъ орломъ то справа, то слѣва.

„Прибавьте ко всему этому, что здѣшніе китайцы вдесятеро хуже нашихъ амурскихъ. Тамъ, по крайней мѣрѣ, они держатся въ острасткѣ, а здѣсь всѣхъ европейцевъ, въ глаза и за глаза, называютъ не иначе, какъ *чортъ*, такъ что, проходя по улицамъ, обыкновенно слышишь громкія привѣтствія такого рода [1]). Мошенничество и плутовство развито до крайнихъ предѣловъ, хотя собственно воровства не случается. Стоитъ только зайти въ какую нибудь лавку и съ васъ возьмутъ втрое, да еще непремѣнно обманутъ товаромъ. Вообще здѣшній китаецъ — это жидъ плюсъ московскій мазурикъ и оба въ квадратѣ. Но то прискорбно видѣть, что европейцы церемонятся съ этою сволочью, которая, въ буквальномъ смыслѣ, чуть не плюетъ имъ въ глаза на улицахъ, а ругаетъ въ слухъ сплошь да и къ ряду.

„По моему мнѣнію, прибавлялъ онъ [2]), только одни ружья и пушки европейцевъ могутъ сдѣлать здѣсь какое-либо дѣло. Миссіонерская проповѣдь, на которую такъ уповаютъ въ Европѣ — гласъ вопіющаго въ пустынѣ. Китайцы открыто смѣются надъ всѣми поученіями миссіонеровъ, которые, чтобы пустить пыль въ глаза Европѣ, устраиваютъ здѣсь школы, но не упоминаютъ въ своихъ отчетахъ, что учениковъ они нанимаютъ, т. е. платятъ каждому деньги, за то, чтобы онъ приходилъ въ училище, такъ что китайцы, видя въ этомъ барышъ, гоняютъ своихъ дѣтей въ школу, какъ на рынокъ.

„Дороговизна на все невообразимая, по крайней мѣрѣ для европейцевъ. Такимъ, образомъ я плачу за

[1]) «Иначе какъ съ нагайкой ходить здѣсь невозможно, прибавлялъ онъ въ письмѣ матери; только симъ россійскимъ орудіемъ можно вразумить черезъ-чуръ навязчивыхъ нахаловъ, въ особенности нищихъ, которые всѣ ходятъ по здѣшнимъ улицамъ совершенно голые».

[2]) Письмо Н. М. Пржевальскаго Влад. Алексѣев. Бѣльцову 24 января 1871 года.

самый скудный обѣдъ, для себя и для Пыльцова, 80 р. въ мѣсяцъ на наши деньги. Такъ пропорціонально и во всемъ. Если на Амурѣ рубль мелкая монета, то здѣсь такая же — долларъ. Вотъ и представьте какъ можно путешествовать на тѣ 2,000 руб., которые мнѣ даютъ совмѣстно военное министерство и географическое общество“ [1]).

„Разсказъ, переданный Сѣверцовымъ, писалъ гораздо позже Николай Михайловичъ [2]), о дешевизнѣ въ Китаѣ — чистѣйшій вздоръ. Для европейца все дорого невообразимо, тѣмъ болѣе при путешествіи, гдѣ все населеніе смотритъ на путешественника, какъ на врага. Если бы въ Китаѣ было дешево жить, хотя бы даже въ Пекинѣ или приморскихъ портахъ, то зачѣмъ чиновникамъ всѣхъ европейскихъ государствъ платили бы здѣсь такое огромное жалованье? Вѣдь въ Пекинѣ простой смотритель пакгаузовъ таможни получаетъ шесть тысячъ рублей звонкою монетою въ годъ. Ученикъ мальчишка беретъ двѣ тысячи долларовъ; инспекторъ таможни 60,000 долларовъ. Въ нашемъ посольствѣ самое маленькое жалованье, но и то студентъ, который только учится китайскому языку, получаетъ 1500 серебряныхъ рублей въ годъ. Поваръ и лакей у посланника г. Влангали получали каждый по 40 серебряныхъ рублей въ мѣсяцъ, на готовомъ содержаніи. Во время житья въ Пекинѣ, зимою 1871 года, мы съ Пыльцовымъ платили 80 рублей въ мѣсяцъ за обѣдъ и завтракъ такого качества, что въ Варшавѣ все это стоило бы не дороже 15 рублей съ человѣка въ мѣсяцъ“.

Такъ характеризовалъ Николай Михайловичъ жизнь европейца въ Китаѣ, и единственно, что доставило ему удовольствіе въ Пекинѣ, это то, что въ китайскомъ университетѣ читали географію по его курсу [3]).

— Значитъ, говорилъ онъ, Варшавское юнкерское училище, по своему учебному курсу, стоитъ наравнѣ съ Пекинскимъ университетомъ. Какая завидная честь!

---

[1]) Изъ письма Пржевальскаго М. П. Тихменеву отъ 14 января 1871 г.

[2]) Въ письмѣ І. Л. Фатѣеву отъ 25 декабря 1873 г. изъ Смоленска.

[3]) Письмо Пржевальскаго ему-же отъ 4 марта 1871 г. изъ Калгана.

Собираясь въ концѣ февраля выступить изъ Пекина въ экспедицію, Николай Михайловичъ сознавалъ, что успѣхъ дѣла зависитъ отъ большей или меньшей обширности матеріальныхъ средствъ. Съ другой стороны, зимній переѣздъ изъ Кяхты въ Пекинъ убѣдилъ его, что путешествіе по Китаю можетъ быть успѣшно только при полной независимости путешественника отъ туземнаго населенія, враждебно относящагося ко всякимъ попыткамъ европейца проникнуть во внутреннія области Небесной имперіи.

Видя себя въ такомъ положеніи, Пржевальскій принужденъ былъ купить на первый разъ семь верблюдовъ и двухъ лошадей и поручить уходъ за ними бывшимъ при немъ двумъ казакамъ. Далѣе слѣдовало снарядить багажъ и сдѣлать самые необходимые запасы хотя бы на одинъ годъ, такъ какъ ранѣе этого времени онъ не разсчитывалъ вернуться въ Пекинъ.

Эти первоначальные сборы стоили ему тысячу рублей. Путь изъ Петербурга до Пекина обошелся ему въ 1500 руб. [1]); казаку-переводчику онъ долженъ былъ платить ежемѣсячно по 15 серебряныхъ рублей, двумъ погонщикамъ при верблюдахъ — ежемѣсячно 20—24 серебряныхъ рубля каждому, да истрачивать столько же на содержаніе казака и погонщиковъ. Разсчитавъ свои средства, онъ увидѣлъ себя въ безвыходномъ положеніи и рѣшилъ было не идти весною въ экспедицію, а выждать высылки денегъ за второе полугодіе впередъ, но на помощь ему явился нашъ посланникъ А. Е. Влангали, выдавшій ему заимообразно сначала тысячу, а потомъ еще 900 рублей. Получивъ эти деньги и не желая терять напрасно время, Николай Михайловичъ просилъ М. П. Тихменева продать часть его собственныхъ Грязе-Царицынскихъ акцій и вырученныя за нихъ деньги выслать ему, но непремѣнно серебряными рублями, а не бумажными деньгами. „Со временемъ я буду просить, писалъ Пржевальскій, о прибавкѣ мнѣ

[1]) Между тѣмъ отъ казны онъ получилъ всего 515 руб. на прогоны отъ Петербурга до Кяхты.

содержанія; теперь же не хочу этого дѣлать — подумаютъ, что собираю барыши".

Рѣшаясь употребить собственныя деньги, Николай Михайловичъ дѣлалъ это съ цѣлью какъ можно лучше обставить экспедицію, потому что его пугали дунганами, пустынею, страшными жарами и т. п.

— Я уповаю, говорилъ онъ въ отвѣтъ, на свое здоровье, на свой штуцеръ и на пословицу: „не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ".

Тѣмъ не менѣе Н. М. Пржевальскій не пренебрегалъ ничѣмъ, что могло поставить его въ самостоятельное и вполнѣ независимое положеніе. Онъ купилъ 11 верблюдовъ, много оружія и разныхъ запасовъ, что все ему стоило около 3900 руб. звонкою монетою. Квартира его была завалена цѣлою грудою ящиковъ, кожаныхъ сумокъ, верблюжьихъ сѣделъ, веревокъ, войлоковъ и проч. Случайно узнавъ, что одинъ изъ иностранцевъ продаетъ оружіе, Пржевальскій купилъ у него 10 ружей и 15 револьверовъ. Въ числѣ ружей были: штуцеръ Бердана, Генри-Мартини, стрѣляющій 17 разъ, Спенсера съ семью выстрѣлами и, наконецъ, два энфильдскихъ штуцера. Готовыхъ патроновъ къ штуцерамъ у него было 5,500; пороху 100 фунтовъ; дроби 10 пудовъ. Каждый изъ членовъ экспедиціи имѣлъ по два револьвера у сѣдла и по скорострѣльному штуцеру за плечами. „Словомъ, писалъ онъ І. Л. Фатѣеву [1]), мы снаряжены такъ, какъ, вѣроятно, не былъ вооруженъ и самъ Ермакъ Тимофѣевичъ, отправляясь на покореніе Сибири".

„На-дняхъ дѣлалъ примѣрное отбитіе нападенія и въ четверомъ (я, Пыльцовъ и два казака) мы дали въ четыре минуты 67 выстрѣловъ. Мишени были избиты пулями. Да, такая острастка—самый лучшій паспортъ въ здѣшнихъ странахъ. Вѣрьте честному слову, что вчетверомъ мы можемъ, съ нашимъ оружіемъ, раз-

---

[1]) Въ письмѣ отъ 4 марта 1871 г. изъ Калгана.

[2]) Монголія и страна тангутовъ, т. I, 66.

бить 500 и болѣе китайцевъ или монголовъ. Да, право, можно нѣсколькими залпами прогнать и тысячу этихъ храбрецовъ. Не шутя, мы можемъ гдѣ нибудь на Кукунорѣ повторить на дѣлѣ сказаніе о древнихъ богатыряхъ, побивавшихъ въ одиночествѣ цѣлыя сотни враговъ".

Такимъ образомъ главная часть багажа состояла изъ оружія и охотничьихъ снарядовъ. Кромѣ личной защиты оружіе служило единственнымъ источникомъ для пропитанія охотою въ такихъ мѣстахъ, гдѣ китайское населеніе отказывалось продавать съѣстные припасы и надѣялось голодомъ заставить путешественниковъ удалиться изъ ихъ предѣловъ.

Вторую половину багажа составляли четыре тяжелыхъ ящика съ принадлежностями для препарированія чучелъ и для сушенія растеній: пропускная бумага, доски для прессованія, пакля для набивки чучелъ, гипсъ, квасцы и проч.

Наконецъ, Николай Михайловичъ купилъ рублей на триста различныхъ мелочныхъ товаровъ съ тѣмъ, чтобы разыгрывать роль купца. Однако, впослѣдствіи оказалось, что товары расходились плохо и торговля, мѣшая научнымъ изслѣдованіямъ, не скрывала истинныхъ цѣлей путешественниковъ. Запасъ продовольствія состоялъ изъ ящика коньяку, пуда сахару, двухъ мѣшковъ съ просомъ и рисомъ; мясо надѣялись получать при помощи охоты.

Столь скудные запасы обусловливались недостаткомъ денежныхъ средствъ. „Такъ, напримѣръ, пишетъ Н. М. Пржевальскій, платя каждому изъ своихъ казаковъ по 200 рублей въ годъ звонкою монетою, на готовомъ содержаніи, я не могъ взять съ собою болѣе двухъ человѣкъ, и черезъ то долженъ былъ, вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ, вьючить верблюдовъ, пасти ихъ, собирать на топливо аргалъ и т. д.— словомъ, исполнять всѣ черныя работы экспедиціи; при лучшихъ условіяхъ, это время могло быть посвящено научнымъ изслѣдованіямъ. Далѣе; я не могъ взять не-

реводчика монгольскаго языка, который бы спеціальнс зналъ только свое дѣло и былъ бы, конечно, крайне полезенъ во многихъ случаяхъ. Мой казакъ переводчикъ былъ въ то же время и работникъ, и пастухъ, и поваръ, словомъ, безпрестанно исполнялъ то ту, то другую работу, и только урывками могъ служить своему прямому назначенію. Наконецъ, наше нищенство было причиною того, что во время путешествія мы не одинъ разъ голодали, не имѣя возможности что-либо добыть охотою, или заплатить двойную цѣну за барана, котораго иначе намъ не хотѣли продавать. По возвращеніи въ Пекинъ, послѣ перваго года путешествія, я съ улыбкою слушалъ вопросъ одного изъ членовъ иностранныхъ посольствъ, когда онъ интересовался знать, какимъ образомъ мы перевозимъ съ собою въ экспедиціи большой грузъ серебра, такъ какъ золото вовсе не ходитъ по Монголіи. Чтобы подумалъ этотъ самый господинъ, если бы онъ зналъ, что, уходя изъ Пекина на цѣлый годъ, мы имѣли въ наличности только 230 ланъ, т. е. 460 рублей"!

Съ такими ничтожными средствами Пржевальскій намѣренъ былъ пробраться въ столицу Тибета и резиденцію Далай-Ламы, въ городъ Хлассу [1]) и осуществить завѣтную мечту—быть первымъ бытописателемъ всего тамъ происходящаго. На первый разъ онъ поставилъ себѣ цѣлью пробраться черезъ г. Куку-хото, въ Ордосъ, и далѣе къ озеру Куку-нору. Въ то время берега озера Куку-нора, бассейнъ р. Тарима и другія части западнаго Китая были заняты „магометанскими инсургентами или, какъ ихъ просто называли, дунганами [2])". Это обстоятельство нѣсколько затрудняло китайскихъ министровъ выдать паспортъ и только настоянія А. Е. Влангали заставили уступить требованію, и они выдали Николаю Михайловичу билетъ на посѣщеніе Ордоскихъ и Ала-шаньскихъ земель. „Съ

---

[1]) На картѣ этотъ пунктъ названъ Лассою; нѣкоторые путешественники называютъ его Лхассою, но большинство—Хлассою. Мы будемъ придерживаться послѣдняго названія

[2]) Варшавскій дневникъ $^{2}/_{14}$ апрѣля 1871.

этимъ видомъ, писалъ генералъ Влангали [1]), Пржевальскому возможно будетъ объѣздить всю южную Монголію, чуть-ли не до Тибета. Препятствіе, которое можетъ встрѣтить въ послѣднемъ случаѣ г. Пржевальскій—это полудикія племена, обитающія Куку-норъ: на нихъ вліяніе китайскаго правительства было всегда весьма слабо".

Такимъ образомъ, намѣченное путешествіе было дѣломъ рискованнымъ и опаснымъ, но не остановило Николая Михайловича. „Попытаю счастье, писалъ онъ [2]), и если оно мнѣ улыбнется, то я надѣюсь въ серединѣ лѣта быть въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ еще не ступала нога европейца".

„Я выхожу изъ Пекина, записалъ онъ въ своемъ дневникѣ, съ надеждою пробраться въ Куку-норъ, а можетъ быть и далѣе. Сбудутся-ли эти надежды? Куда заброситъ меня прихотливая судьба? Черезъ годъ или два я буду отвѣчать на эти вопросы, а теперь..... они загадка".

---

[1]) Отъ 4 февраля 1871 г. изъ Пекина. Извѣстія Географ. Общества, т. VII, 141.

[2]) Императорск. Русскому Географическому обществу отъ 14 января 1871 г.

V.

Первое путешествіе въ Монголію и страну тангутовъ.—Выступленіе изъ Пекина.—Путь до Калгана.—Характеристика жизни путешественника.—Враждебность туземнаго населенія.—Корыстолюбіе китайскихъ властей — Пребываніе въ городѣ Дынь-юань-инъ — Свиданіе съ амбанемъ (правителемъ). — Охота въ Ала-шаньскихъ горахъ. — Невозможность дальнѣйшаго движенія впередъ, за недостаткомъ денежныхъ средствъ. — Обратный путь въ Калганъ. — Трудность зимняго пути — Почти бѣдственное положеніе путешественниковъ.— Пропажа верблюдовъ. — Возвращеніе въ Пекинъ.

1871.

Получивъ отъ китайскаго правительства паспортъ на путешествіе по всей юго-восточной Монголіи до Ганьсу, Николай Михайловичъ 25 февраля 1871 г. выступилъ изъ Пекина, напутствуемый русскою колоніею горячими пожеланіями счастія и успѣха.

„Пржевальскій и Пыльцовъ, писалъ А. Е. Влангали [1]), выѣхали черезъ Гу-бэй-коу (третій проходъ черезъ Великую Стѣну къ востоку отъ Калгана) въ части Манчжуріи къ сѣверо-западу отъ Жэ-хэ. Въ тамошнихъ лѣсахъ они предполагаютъ сдѣлать хорошія пріобрѣтенія по естественной исторіи, и когда настанетъ лѣто, то они двинутся къ западу.

„Какъ я неоднократно говорилъ г. Пржевальскому и его спутнику, весь успѣхъ будетъ главнѣйше зависѣть отъ тѣхъ мѣръ, которыя они будутъ принимать при движеніяхъ своихъ въ мѣстностяхъ, обезпокоиваемыхъ инсургентами. При хорошихъ вожакахъ, умѣньи не навлечь на себя неудовольствія населенія, наконецъ осторожности и неторопливости, я убѣжденъ, что путешественники наши далеко пройдутъ. Отъ китайскихъ

[1]) Въ письмѣ графу Литке отъ 14 марта 1871 г. № 50 Арх. Географ. общества, дѣло № 10

властей едва-ли они найдутъ что либо другое, какъ покровительство; что-же касается до инсургентовъ, то имя русскаго и отсутствіе всего, что можетъ прельстить алчность разбойничьихъ шаекъ, отклонятъ отъ нихъ всякую попытку къ нападенію.

„Горячо сочувствуя этому полезному для науки путешествію, я съ своей стороны употреблю все стараніе къ успѣшному его исходу, и ваше сіятельство можете быть увѣрены, не упущу никакихъ случаевъ быть, по мѣрѣ силъ, полезнымъ ученымъ предпріятіямъ, предпринимаемымъ географическимъ обществомъ въ этихъ отдаленныхъ отъ Европы странахъ“.

Экспедиціонный отрядъ состоялъ изъ четырехъ человѣкъ: Пржевальскаго, Пыльцова и двухъ казаковъ, которые впрочемъ должны были быть замѣнены двумя новыми. Это послѣднее обстоятельство не дозволяло пуститься сразу въ глубь Монголіи и Николай Михайловичъ предпринялъ сначала изслѣдованіе той части мѣстности, которая лежитъ на сѣверъ отъ Пекина къ городу Долонъ-нору, и затѣмъ прослѣдовалъ въ Калганъ.

Послѣ двухъмѣсячнаго путешествія (мартъ и апрѣль) по юго-восточной Монголіи, экспедиція, наконецъ, 24 апрѣля прибыла въ городъ Калганъ, лежащій у подошвы горъ, окаймляющихъ съ сѣвера Китай и пользующійся превосходнымъ климатомъ. Это крайній пунктъ, изъ котораго было возможно отправленіе вѣсти о себѣ въ Россію и гдѣ ожидало путешественниковъ съ десятокъ писемъ, доставившихъ истинное наслажденіе получившимъ. „Этотъ день, писалъ Н. М. Пржевальскій, былъ настоящій праздникъ: я могъ хотя мысленно понестись туда, гдѣ покинулъ все дорогое. Во всѣхъ письмахъ, какъ отъ частныхъ лицъ, такъ и отъ ученыхъ обществъ, нахожу самое горячее сочувствіе къ предпринятому мною путешествію“.

Въ Калганѣ предполагалось провести нѣсколько дней и отдохнуть, что было крайне необходимо для путешественниковъ. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ была пройдена тысяча верстъ и вся эта мѣстность снята

глазомѣрно въ масштабѣ десять верстъ въ дюймѣ. Посредствомъ Писторова круга, взятаго изъ пекинской обсерваторіи, Николай Михайловичъ опредѣлилъ широту г. Долонъ-нора и Калгана, а также большаго озера Далай-нора (60 верстъ въ окружности), лежащаго верстахъ въ 150 сѣвернѣй г. Долонъ-нора; сдѣлалъ подробную барометрическую (анероидную) промѣрку высотъ всего пройденнаго пути, причемъ оказалось, что гора „Печа", упоминаемая Риттеромъ, какъ высочайшій пунктъ въ юго-восточной Монголіи,—не существуетъ.

„Мѣстности, мною пройденныя, писалъ Николай Михайловичъ [1]), представляютъ большею частію песчаныя и солонцоватыя степи. Климатъ самый подлый, какой только можно вообразить. За всю весну не было ни одного тихаго дня и часто [2]) поднималась буря, которая вздымала цѣлыя тучи песку и мелкой соли, такъ что атмосфера принимала желтовато-сѣрый цвѣтъ и въ полдень было не свѣтлѣе, чѣмъ въ сумерки. Въ то же время крупный песокъ до того сильно билъ, что даже верблюды, привычные ко всѣмъ трудностямъ пустыни, иногда поворачивались спиною къ вихрю, пока пронесется его порывъ." На разстояніи версты не было видно горъ и вѣтеръ былъ на столько силенъ, что въ головѣ происходили боль и шумъ какъ отъ угара. На всѣхъ вещахъ въ палаткѣ ложился толстый слой пыли.

„Иногда за страшнымъ порывомъ бури слѣдовалъ градъ или дождь, какъ изъ ведра, но дождевыя капли разбивались вѣтромъ въ легкую пыль. Однако ливень продолжался лишь нѣсколько минутъ; затѣмъ вдругъ становилось совершенно тихо, но черезъ четверть часа или менѣе вѣтеръ задувалъ съ прежнею силою и вновь оканчивался минутнымъ дождемъ [3])".

Морозы также стояли неутомимо весь мартъ и апрѣль. Въ ночь на 20-е апрѣля вода въ озерѣ, возлѣ котораго ночевали путешественники, замерзла на дюймъ

---

[1]) Въ письмѣ І. Л. Фатѣеву отъ 25 апрѣля 1871 года г. изъ Калгана. То же В. А. Бѣльцову отъ 1 мая 1871 г.

[2]) До 13 разъ.

[3]) Монголія, т. I, 83.

толщины и ледъ держалъ человѣка—это краснорѣчивое доказательство суровости тамошняго климата.

Съ другой стороны недостатокъ прѣсной воды приносилъ еще болѣе непріятностей. Въ большей части тамошнихъ озеръ вода соленая и мутная до невѣроятія. „Если хотите приготовить у себя такую бурду, писалъ Пржевальскій [1]), то возьмите стаканъ чистой воды, положите туда чайную ложку грязи, щепотку соли, извести для цвѣта и гусинаго помета для запаха—и вы какъ разъ получите ту прелестную жидкость, которая наполняетъ здѣшнія озера. Словомъ, мы испытали всѣ удовольствія монгольскихъ пустынь, за исключеніемъ впрочемъ жаровъ“.

Въ жары, конечно, было бы еще хуже и въ особенности при недостаткѣ порядочной воды. Водоочиститель на такую воду не существуетъ и не дѣйствуетъ, а съ прибавленіемъ сахара и лимонной кислоты она дѣлается сладко-кисло-соленою. Однако монголы не гнушаются такимъ напиткомъ и постоянно варятъ на немъ свой чай; варили его и наши путешественники и пивали не одинъ десятокъ разъ за неимѣніемъ лучшей воды [2]). Туземное населеніе встрѣчало ихъ крайне недружелюбно: нигдѣ не пускали ночевать, часто не продавали съѣстныхъ припасовъ; палатка замѣняла имъ комнату, а охота доставляла продовольствіе.

Такая независимость отъ мѣстнаго населенія и была главнѣйшимъ залогомъ успѣшности предстоявшаго путешествія. Впрочемъ, охота здѣсь была далеко не такъ роскошна, какъ на Уссури. „Если на Уссури, говорилъ Н. М. Пржевальскій [3]), обиліе звѣрей и птицъ было велико до баловства, то здѣсь то же самое обиліе встрѣчается только по горамъ и оазисамъ пустыни“.

Весенній перелетъ птицъ въ Монголіи былъ не особенно обиленъ: на безводной степи негдѣ было птицамъ присѣсть, отдохнуть и насытиться. Впрочемъ,

---

[1]) І. Л. Фатѣеву отъ 25 апрѣля 1871 г.

[2]) Письмо Пржевальскаго къ дяди 25 апрѣля 1871 г. изъ Калгана.

[3]) Въ письмѣ къ дяди отъ 12 февраля 1872 г.

на озерахъ, большею частію горько-соленыхъ, встрѣчались стада утокъ и гусей, плавающихъ безбоязненно, такъ какъ монголы, не употребляя въ пищу птичьяго мяса, никогда ихъ не стрѣляютъ. Николаю Михайловичу удалось убить за весну болѣе 300 штукъ утокъ и гусей и болѣе сотни другихъ птицъ для чучелъ, въ томъ числѣ четырехъ орловъ. Въ Калганъ онъ привезъ около 70 экземпляровъ птицъ, что съ прежде собранными составило 130 экземпляровъ.

Холодъ и непогода въ значительной степени затрудняли препарированіе и приготовленіе чучелъ: руки коченѣли, а въ степи не было не только деревца, но и хлыста. Топливомъ служилъ сухой пометъ, который путешественники собирали по степи, „отправляясь за нимъ какъ на прогулку“. Спали подъ открытымъ небомъ съ револьверами подъ головами.

Подозрѣвая въ путешественникахъ тайныхъ шпіоновъ, мѣстное населеніе всѣми силами старалось затруднить имъ путь и не проходило дня, чтобы оно не устроило имъ какой либо непріятности. При проходѣ черезъ деревни ихъ называли *„морскими чертями“*, показывали пальцами, но проявить силу никто не осмѣливался.

„Да, писалъ Николай Михайловичъ, только здѣсь можно оцѣнить нравственную могучую силу европейца, сравнительно съ растлѣвшею природою азіятца. Четверо насъ, европейцевъ, ходятъ въ неизвѣстной странѣ, среди населенія, страшно насъ ненавидящаго, но ни одна тварь не посмѣетъ сотворить намъ какое либо насиліе, зная, что за это тотчасъ же поплатится своею головою“.

Стрѣльба въ летъ птицъ и охота за антилопами, которыхъ нельзя было убить съ близкаго разстоянія, производили огромное впечатлѣніе на туземное населеніе, и въ оружіи нашихъ путешественниковъ оно видѣло что-то особенное, небывалое и сознавало, что не совсѣмъ-то легко справиться съ этими четырьмя чертями. Разъ или два туземцы пробовали травить

бывшую съ путешественниками собаку „Фауста“, но первая изъ спущенныхъ собакъ была убита изъ револьвера Пржевальскимъ, а вторая пуля обѣщана самому хозяину. „Только такія мѣры и надежда на счастіе, говоритъ Николай Михайловичъ, наконецъ, увѣренность въ томъ, что смѣлостью можно творить чудеса—вотъ тѣ данныя, на которыхъ мы основали свою рѣшимость пуститься впередъ, очертя голову, безъ разсужденія о томъ, что̀ будетъ, или что̀ можетъ быть...“

По прибытіи въ Калганъ двухъ новыхъ казаковъ и съ покупкою новаго верблюда, путешественники, 3-го мая, оставили городъ и поднялись на Монгольское нагорье.

„Вотъ теперь начинается настоящая экспедиція, записалъ Николай Михайловичъ въ своемъ дневникѣ. Да, трудно теперь предъугадать мнѣ будущее. Гдѣ я буду и что съ нами случится—неизвѣстность полная. Идемъ въ невѣдомыя страны; погонщика изъ монголовъ невозможно найти ни за какія деньги — всѣ боятся, такъ что я иду только съ двумя казаками“.

Въ караванѣ находилось 8 верблюдовъ, двѣ лошади и до 40 пудовъ разной клади. Съѣстные припасы состояли изъ двухъ мѣшковъ проса, и какъ предметъ роскоши, писалъ Пржевальскій [1]), „мы имѣли нѣсколько бутылокъ коньяку и нѣсколько фунтовъ усладъ, которые, конечно, прикушались очень скоро“.

На слѣдующій день путешественники свернули съ кяхтинскаго пути влѣво и къ западу, по почтовой дорогѣ къ г. Куку-хото, обогнули этотъ городъ съ сѣвера, направляясь на большія лѣсныя горы, которыя, по словамъ китайцевъ, стоятъ на самомъ берегу Желтой рѣки.

Не имѣя проводника шли по разспросамъ, что, при незнаніи китайскаго языка, и составляло главное затрудненіе. Туземцы или отказались указать дорогу, или указывали ее совсѣмъ въ другую сторону. Путе-

[1]) Въ письмѣ І. Л. Фатѣеву 2 февраля 1872 года изъ Пекина.

шественники блудили почти на каждомъ переходѣ, теряли время и дѣлали понапрасну нѣсколько десятковъ лишнихъ верстъ.

„Въ подобныхъ случаяхъ, говоритъ Николай Михайловичъ [1]), вздували нагайкой виновнаго, если удавалось его отыскать, но по большей части ихъ скрывали.“

Все это, конечно, служило малымъ утѣшеніемъ, и въ степи, при невыносимой жарѣ, каждый лишній шагъ ложится тяжелымъ гнетомъ на путника. „Идешь, бывало, часа два, три по утренней прохладѣ, пишетъ Николай Михайловичъ [2]); наконецъ, солнце поднимается высоко и начинаетъ жечь невыносимо. Раскаленная почва пустыни дышетъ жаромъ, какъ изъ печки. Становится очень тяжело: голова болитъ и кружится, потъ ручьемъ льетъ съ лица и со всего тѣла, чувствуешь полное разслабленіе и сильную усталость. Животныя страдаютъ не менѣе насъ. Верблюды идутъ разинувъ рты и облитые потомъ, словно водою. Казаки, которые обыкновенно поютъ пѣсни, теперь смолкли и весь караванъ тащится молча, шагъ за шагомъ, словно не рѣшаясь передавать другъ другу и безъ того тяжелыя впечатлѣнія“.

Большое счастіе, если попадется по дорогѣ какое либо жилье. Тогда путники спѣшатъ къ нему, напьются воды, напоятъ лошадей [3]) и, намочивъ себѣ голову и фуражку, отправляются далѣе. Черезъ полчаса или менѣе, опять все сухо, опять палящій зной жжетъ по прежнему. Но вотъ, наконецъ, колодезь и пріятное впечатлѣніе видно на всѣхъ лицахъ. Разбивается палатка, развьючиваются верблюды, стаскиваются въ палатку необходимыя вещи, а посрединѣ ихъ разстилается войлокъ, служащій постелью. Собравши наскоро аргалу, одинъ изъ членовъ экспедиціи варитъ кирпичный чай, бывшій зимою и лѣтомъ обычнымъ

---

[1]) Въ письмѣ І. Л. Фатѣеву, 2 февраля 1872 года.

[2]) Монголія и страна тангутовъ, Т. I, 147.

[3]) Разгоряченнымъ верблюдамъ воды давать нельзя, а необходимо продержать ихъ часа два, пока остынутъ.

питьемъ. Жажда утолена, но отдыхать нѣтъ времени. „Послѣ чая, говоритъ Николай Михайловичъ [1]), въ ожиданіи обѣда, мы съ товарищемъ укладываемъ собранныя дорогою растенія, дѣлаемъ чучела птицъ, или, улучивъ удобную минуту, я переношу на планъ сдѣланную сегодня съемку. Часа черезъ два по приходѣ на мѣсто, обѣдъ готовъ и мы принимаемся за ѣду съ волчьимъ аппетитомъ. Сервировка у насъ самая простая, вполнѣ гармонирующая съ прочею обстановкою: крышка съ котла, гдѣ варится супъ, служитъ блюдомъ, деревянныя чашки, изъ которыхъ пьемъ чай—тарелками, а собственные пальцы замѣняютъ вилки; скатерти и салфетокъ вовсе не полагается. Обѣдъ оканчивается очень скоро; послѣ него мы снова пьемъ кирпичный чай; затѣмъ идемъ на экскурсію или на охоту, а наши казаки и монголъ-проводникъ поочередно пасутъ верблюдовъ“.

„Наступаетъ вечеръ; потухшій огонь снова разводится, на немъ варится каша и чай. Лошади и верблюды пригоняются къ палаткѣ и первыя привязываются, а послѣдніе сверхъ того укладываются возлѣ нашихъ вещей, или неподалеку въ сторонѣ. Ночь спускается на землю, дневной жаръ спалъ и замѣнился вечернею прохладою. Отрадно вдыхаешь въ себя освѣженный воздухъ и, утомленный трудами дня, засыпаешь спокойнымъ, богатырскимъ сномъ“....

Такъ шли дни за днями. Путешественники подвигались впередъ не спѣша, дѣлая 20—30 верстъ въ сутки и часто останавливались на день, на два и болѣе, въ мѣстахъ наиболѣе удобныхъ для экскурсій и охоты. Такимъ мѣстомъ оказался хребетъ Сума-Хода, лежащій въ 318 верстахъ къ западу отъ Калгана. Отъ этого хребта Пржевальскій и его спутники быстро прошли до Инь-шаня, который высокою отвѣсною стѣною тянется по берегу Желтой рѣки и круто обрывается въ ея долину. Достигая 8,000 футовъ абсолютной высоты, хребетъ этотъ покрытъ лѣсомъ и имѣетъ да-

[1]) Монголія и страна тангутовъ, Т. I, стр. 148 и 149.

же источники, что составляетъ большую рѣдкость въ Монголіи вообще. Лѣса Инь-шаня состоятъ исключительно изъ лиственныхъ породъ, малорослы и корявы, но за то альпійскіе луга, говоритъ Николай Михайловичъ, „на самыхъ вершинахъ горъ, залитые ковромъ различныхъ цвѣтовъ и не измятые ногою человѣка, чудно хороши. Видъ отсюда удивительный. Желтая рѣка течетъ подъ самыми ногами, а далеко за нею виднѣются пески и степи Ордоса. Отсюда я въ первый разъ увидалъ Хуанъ-хэ (Желтую рѣку), здѣсь въ первый также разъ нашелъ лѣсъ и луга, напомнившіе далекую родину“....

Мѣстныя власти не хотѣли допустить экспедицію въ Инь-шань, западный отрогъ котораго монголы называютъ Муни-ула. Пржевальскаго увѣряли, что туда нѣтъ ни одной тропинки; что пройти на верблюдахъ невозможно; но смѣлый путешественникъ, не спрашивая разрѣшенія, послѣ трехдневныхъ поисковъ, добрался до самой оси хребта и разбилъ свою палатку въ лѣсу, у подошвы крутыхъ скалъ и на берегу горнаго ручья. Послѣ безводныхъ и бѣдныхъ растительностью степей Монголіи, это мѣсто казалось путешественникамъ раемъ, тѣмъ болѣе, что былъ уже конецъ іюня, когда все было въ полномъ цвѣту. Мѣстное населеніе, по обыкновенію, встрѣтило незнакомцевъ враждебно, отказалось продавать съѣстные припасы и въ теченіе первыхъ пяти дней пришлось питаться однимъ просомъ. Но разсчитывая заставить голодомъ удалиться незваныхъ гостей, монголы забыли, что у „морскихъ чертей“ есть ружья, порохъ и пули и что они добудутъ себѣ пропитаніе въ ихъ горахъ и лѣсахъ.

Такъ и случилось.

Познакомившись съ характеромъ мѣстности, Николай Михайловичъ отправился на охоту, убилъ козу, потомъ антилопу и мясо явилось въ изобиліи. Въ Инь-шанѣ Пржевальскій пробылъ 11 дней и затѣмъ отправился въ городъ Бауту, находящійся на берегу Хуанъ-хэ, въ 50 верстахъ западнѣе и значащійся на

картахъ подъ именемъ Чоганъ-куреня. „Только однѣ сутки пробыли мы въ Бауту, писалъ Н. М., осаждаемые безпрерывно огромною толпою любопытныхъ зѣвакъ, приходившихъ не только глазѣть, но и воровать. Напрасно заперъ я окна и двери въ комнатѣ, гдѣ остановился; то и другое было выломано и къ намъ по прежнему лѣзли цѣлою толпою. Самые нахальные получили при этомъ отъ меня нѣсколько зуботычинъ, но все-таки не угомонились. Видя, что дѣло не совсѣмъ-то хорошо, я за подарокъ (мѣдные часы-луковица) выпросилъ у мѣстнаго генерала пять человѣкъ солдатъ для охраны. Впрочемъ, дѣло не улучшилось, такъ какъ солдаты, ставши у воротъ, стали пускать любопытныхъ за деньги, и устроили изъ насъ нѣчто вродѣ звѣринца“.

Переправившись за 5 рублей у Баута черезъ Желтую рѣку, ширина которой доходитъ здѣсь до 200 саженъ, Пржевальскій и его спутники очутились въ Ордосѣ. Желая разрѣшить вопросъ о развѣтвленіяхъ Хуанъ-хэ въ ея сѣверномъ поворотѣ и изслѣдовать долину этой рѣки, не посѣщенную еще ни однимъ европейцемъ, Николай Михайловичъ направился вдоль по берегу Желтой рѣки, прошелъ 434 версты и 2-го сентября прибылъ въ Дынь-ху, извѣстный на картахъ подъ именемъ Чоганъ-субаръ-ханъ. Развѣтвленій Хуанъ-хэ не оказалось и рѣка, измѣнивъ свое теченіе, идетъ теперь по самому южному руслу.

Подъ именемъ Ордоса извѣстна страна, лежащая въ сѣверномъ изгибѣ р. Хуанъ-хэ и прилегающая къ провинціямъ Шень-си и Гань-су. Ограниченный съ трехъ сторонъ—запада, сѣвера и востока—рѣкою Хуанъ-хэ, Ордосъ представляетъ степную равнину, прорѣзанную иногда, по окраинамъ, невысокими горами. Онъ былъ весь разоренъ дунганами въ 1869 году и жителей въ немъ почти не было. Жара стояла невыносимая. Въ полдень, песокъ накалялся на 70° Цельзія, такъ что верблюды не могли ступать своею голою подошвою. Грозы случались почти каждый день (въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ было 45 дождливыхъ дней).

Вода въ Хуанъ-хэ нагрѣвалась до 32° Цельзія, не смотря на очень быстрое теченіе.

Въ такую жару путешествіе по пустынѣ представляетъ громадныя затрудненія, и Николай Михайловичъ торопился пробраться въ Ала-шаньскія горы, но для этого ему нужно было у города Дынь-ху переправиться на правый берегъ Хуанъ-хэ. Въ переправѣ этой и встрѣтилось затрудненіе. Мѣстный начальникъ приказалъ осмотрѣть вещи путешественниковъ и взялъ себѣ два револьвера, два одноствольныхъ пистолета и кинжалъ. Онъ просилъ подарить ему эти вещи, но получивъ отказъ, китайскій генералъ сталъ тогда просить продать ему ихъ, говоря, что безъ того не разрѣшитъ переправиться черезъ р. Хуанъ-хэ. На это онъ имѣлъ полное право, такъ какъ въ то время вся долина этой рѣки была объявлена на военномъ положеніи, всѣ перевозы были закрыты и на правомъ берегу стояло до 70,000 челов. китайскихъ войскъ. При такихъ условіяхъ, Николаю Михайловичу не оставалось ничего болѣе, какъ удовлетворить желаніе китайскаго генерала и онъ назначилъ за отобранное оружіе сто рублей. Деньги были тотчасъ-же уплачены, переправа разрѣшена и для безпрепятственнаго слѣдованія далѣе выданъ паспортъ.

Съ переходомъ на правый берегъ Хуанъ-хэ, путешественники очутились въ Ала-шанѣ или, какъ его называютъ въ нашихъ географіяхъ, за-Ордосѣ.

Подъ именемъ Ала-шаня извѣстна южная часть высокаго нагорья Гоби, къ западу отъ средняго теченія Хуанъ-хэ. Это дикая, безплодная пустыня, наполненная голыми сыпучими песками, пролегающими на сотни верстъ и среди которыхъ нѣтъ ни капли воды, не видно ни растеній, ни птицы, ни звѣря. Двигаться въ такихъ пескахъ, всегда готовыхъ „задушить путника своимъ палящимъ жаромъ, или засыпать песчанымъ ураганомъ“—можно только съ проводникомъ, хорошо знающимъ пустыню и котораго Николаю Михайловичу удалось найти за большую, впрочемъ, цѣну.

Руководясь его указаніями, путешественники двинулись къ городу Дынь-юань-инъ, находящемуся отъ Дынь-ху въ 187 верстахъ, куда и прибыли 14-го сентября. Городъ этотъ обозначенъ на картахъ въ провинціи Гань-су и называется Вей-чинъ-ту. „Все это ложь, говоритъ Пржевальскій [1]). Дынь-юань-инъ есть главный городъ Ала-шаня и здѣсь живетъ владѣтельный князь (амбань) этой страны. Вопреки всякихъ ожиданій, онъ принялъ насъ очень хорошо, въ особенности мы сошлись съ его молодыми сыновьями, изъ которыхъ одинъ очень хорошъ собою—совершенный европеецъ".

По приказанію князя, за цѣлый переходъ отъ города были высланы три чиновника, съ порученіемъ, узнать какой націи путешественники, а главное не миссіонеры-ли они? Когда чиновники узнали, что это люди, идущіе не съ цѣлью навязывать населенію свои религіозныя воззрѣнія, тогда они стали выражать свою радость, жали руки и признались, что миссіонеровъ князь не приказалъ бы пускать въ ихъ городъ. При приближеніи къ послѣднему были высланы на встрѣчу три другихъ чиновника и собралась огромная толпа любопытныхъ, которая и направилась вслѣдъ за прибывшими и биткомъ набилась во дворѣ китайской гостинницы, гдѣ отведена была квартира. Къ сожалѣнію, зѣваки не удовлетворили на этотъ разъ своего любопытства, потому что уставшіе путники быстро развьючили верблюдовъ, перетаскали въ квартиру свои вещи и наскоро поужинавши, легли спать.

Чрезъ два дня по прибытіи въ Дынь-юань-инъ, Пржевальскій и его свита имѣли свиданіе съ двумя младшими сыновьями князя, черезъ пять дней — со старшимъ ихъ братомъ и наслѣдникомъ и только черезъ восемь дней съ самимъ княземъ (амбанемъ). Это былъ человѣкъ лѣтъ сорока, благообразный, но блѣдный отъ безпрерывнаго куренія опіума, по своему характеру взяточникъ и деспотъ перваго разбора: при-

[1]) Въ письмѣ І. Л. Фатѣеву 2-го февраля 1872 г. изъ Пекина.

хоть, страсть или порывъ гнѣва замѣняли ему всякіе законы и тотчасъ же приводились въ исполненіе безъ всякихъ возраженій.

Подружившись съ младшими сыновьями амбаня и съ ближайшею свитою князя [1]), Николай Михайловичъ и его спутникъ проводили время не дурно: имъ присылали ежедневно разные фрукты и иногда обѣдъ отъ князя; они часто бывали у младшихъ сыновей и бесѣдовали съ ними до глубокой ночи.

Дынь-юань-инъ состоитъ изъ крѣпости, главная стѣна которой имѣетъ полторы версты въ окружности и на ней сложены кучками камни и бревна, на случай отбитія непріятельскаго штурма. Внутри крѣпости живетъ самъ князь, находятся китайскія лавки и расположены монгольскія войска. Толпы зѣвакъ всегда стояли на дворѣ, лезли въ помѣщеніе путешественниковъ, изъ любопытства прорывали бумагу, которою заклеиваются китайскія окна, и смотрѣли сквозь сдѣланныя отверстія. Хотя князь и назначилъ нѣсколькихъ солдатъ для охраны гостей, но отдѣлаться отъ праздной толпы не было никакой возможности, заняться ничѣмъ серьезнымъ было нельзя и по необходимости приходилось сидѣть сложа руки. Единственная польза отъ посѣтителей была та, что Николай Михайловичъ успѣлъ продать всѣ привезенные съ собою изъ Пекина товары съ значительнымъ барышомъ. Такъ, обыкновенныя иголки дали 508%, нейзильберное зеркало—710%, перочинные ножи—405%, мыло кусковое—1800%, мыло казанское—1075%, бусы красныя (варшавскія)—900%, иголки позолоченныя—1080%, позументы мишурные—306%. „Вообще, писалъ Николай Михайловичъ [2]), вездѣ, гдѣ мы проходили, сильно нуждаются въ европейскихъ товарахъ и готовы дать за нихъ огромныя деньги. Теперь я соберу всѣ свѣдѣнія относительно торговли тѣхъ мѣстъ, гдѣ буду проходить и, возвратясь,

---

[1]) Желающіе ближе ознакомиться съ характеристикою князя, его сыновей и окружающихъ найдутъ это въ соч. «Монголія и страна тангутовъ,» т. I, стр. 162—171.

[2]) Въ письмѣ І. Л. Фатѣеву отъ 2-го февраля 1872 г., изъ Пекина.

снаряжу туда торговый караванъ; барышъ можетъ быть громадный, въ особенности, если на вырученныя деньги купить ревеню, который очень дешевъ въ этихъ мѣстахъ".

На восьмой день по прибытіи въ городъ, было назначено свиданіе съ амбанемъ. Предварительно явился къ Пржевальскому лама Сорджи, который состоялъ при князѣ и его дѣтяхъ въ качествѣ довѣреннаго лица. Онъ спрашивалъ, какъ прибывшіе будутъ привѣтствовать амбаня, по европейски или по монгольски, т. е. павши на колѣна. Получивъ въ отвѣтъ, что будутъ, конечно, привѣтствовать по европейски, Сорджи просилъ сдѣлать нѣкоторую уступку и приказать стать на колѣна хотя одному казаку-переводчику, но и въ этомъ получилъ самый рѣшительный отказъ.

Свиданіе происходило въ 8 часовъ вечера, въ хорошо убранной пріемной самого князя. Въ ней стояло даже большое европейское зеркало; на столахъ въ нейзильберныхъ подсвѣчникахъ горѣли стеариновыя свѣчи и было приготовлено угощеніе изъ орѣховъ, пряниковъ, русскихъ леденцовъ со стихами на билетикахъ, яблокъ, грушъ и проч. Въ дверяхъ фанзы и далѣе въ прихожей стояли сыновья, адъютанты и какой-то богатый китайскій купецъ. Пригласивъ гостей сѣсть на приготовленныя мѣста, князь въ разговорѣ обнаружилъ полнѣйшую необразованность [1]).

При аудіенціяхъ необходимо было сдѣлать подарки, какъ самому князю, такъ и его сыновьямъ,—объ этомъ заявили чиновники, высланные на встрѣчу. Николай Михайловичъ подарилъ князю карманные часы и испортившійся анероидъ, старшему сыну—бинокль, а двумъ младшимъ — разныя мелочи, состоявшія, главнымъ образомъ, изъ охотничьихъ принадлежностей и пороха. Въ отвѣтъ на это онъ получилъ отъ князя и его сыновей: пару лошадей, мѣшокъ ревеню и голову русскаго сахара, которая прибыла сюда изъ Кяхты. Кромѣ того, младшіе сыновья подарили: Николаю Ми-

[1]) Подробности аудіенціи см. Монголія, т. I, стр. 169.

хайловичу серебряный браслетъ, а его спутнику Пыльцову—золотое кольцо.

Аудіенція продолжалась около часа и на прощаніи амбань разрѣшилъ гостямъ поохотиться въ сосѣднихъ Ала-шаньскихъ горахъ. Горы эти подымаются среди пустыни стѣною болѣе 10 т. футовъ абсолютной высоты и находятся верстахъ въ 15 къ востоку отъ города. Громаднѣйшія скалы, иногда саженъ въ 200 высоты, увѣнчиваютъ вершины горнаго хребта и стоятъ вездѣ по боковымъ его скатамъ.

Воспользовавшись разрѣшеніемъ, Николай Михайловичъ и его спутники, на слѣдующій же день отправились въ горы и разбили свою палатку въ вершинѣ ущелья, почти близъ гребня самаго хребта. Въ городѣ остались верблюды и казакъ, заболѣвшій отъ тоски по родинѣ, а съ путешественниками были посланы княземъ провожатые и лама Сорджи, вѣроятно въ качествѣ надсмотрщиковъ.

Вырвавшись на свободу, Пржевальскій былъ въ полномъ восторгѣ. „Возьмите карту, писалъ онъ І. Л. Фатѣеву, и тамъ, гдѣ на ней едва черкнуто штрихами возлѣ города Нинъ-ся, тамъ высится громадный Альшійскій хребетъ. Сюда понеситесь вы мысленно, и если волшебное зеркало могло бы представить вамъ желаемую панораму, то вы бы увидѣли громадныя скалы и на ихъ обрывахъ лазящаго съ ружьемъ за плечомъ меня; внизу же въ горной пади нашу палатку и разбросанный вокругъ нея багажъ. Но вотъ выскочилъ горный баранъ, быстро понесся по скаламъ—мгновеніе и громкимъ эхомъ раскатился въ горахъ выстрѣлъ или два и, въ случаѣ удачи, красивое животное падаетъ на камень или тяжело рухнется въ пропасть...“

„Хребетъ покрытъ лѣсами, очень богатъ звѣрями и птицами, но охота за ними представляетъ не малыя затрудненія“.

Чтобы охотиться въ горахъ и гоняться за звѣремъ, съ большимъ рискомъ сорваться въ пропасть, надо

имѣть крѣпкое здоровье и обладать большими физическими силами. Ползаніе по крутымъ и отвѣснымъ скатамъ крайне утомляетъ охотника, а огромныя скалы съ узкими и часто вывѣтрившимися выступами, глубокія отвѣсныя ущелья, или каменныя розсыпи заставляютъ охотника быть особенно внимательнымъ и чуткимъ: одинъ невѣрный шагъ или оборвавшійся камень увлекаютъ въ пропасть и тогда поминай какъ звали. Не даромъ въ Сибири каменныя розсыпи называютъ *„чортовой каменкой“*, къ тому же горный звѣрь и птица крайне осторожны и имѣютъ возможность издали замѣтить или почуять охотника—и добыча уходитъ изъ рукъ его.

— Случалось, разсказывалъ Николай Михайловичъ, вдругъ увидишь какой нибудь хорошій экземпляръ птицы, но мгновеніе — и онъ скроется въ лѣсной чащѣ, поднимется на скалу или перелетитъ на противоположную сторону ущелья. Иногда звѣрь мелькнетъ на скалѣ, и тотчасъ-же скроется за ея выступомъ, такъ что охотнику слышенъ только стукъ копытъ, или грохотъ сброшенныхъ камней.

„Иногда цѣлыхъ полдня проводили мы, пишетъ Н. М., высматривая горныхъ барановъ и все-таки не находили ихъ. Нужно имѣть соколиное зрѣніе, чтобы отличить на большомъ разстояніи сѣрую шкуру кукуямана (такъ называютъ монголы барана) отъ такого-же цвѣта камней, или, что еще хуже, разглядѣть животное, лежащее въ кустахъ. Мой проводникъ видѣлъ удивительно далеко; случалось, что онъ, нанѣсколько сотъ шаговъ, замѣчалъ одни рога животнаго, которые я не скоро могъ разглядѣть даже въ бинокль. Затѣмъ, мы начинали подкрадываться къ замѣченному звѣрю. Для этого иногда нужно было обходить очень далеко, спускаться почти въ отвѣсныя пропасти, прыгать съ камня на камень, или черезъ широкія трещины, лѣпиться по карнизамъ утесовъ, словомъ, съ каждымъ шагомъ быть на краю опасности. Руки царапались въ кровь, сапоги и платье рвались немилосердно, но все это забывалось, и не смотря на всѣ трудности, одинъ удачный выстрѣлъ

*

вполнѣ вознаграждалъ охотника, а самыя горы доставляли ему много сладкихъ, отрадныхъ и поэтическихъ минутъ.

„Взобравшись на высокую вершину, съ которой открывается далекій горизонтъ на всѣ стороны, чувствуешь себя свободнѣе и по цѣлому часу любуешься панорамою, которая разстилается подъ ногами. Громадныя, отвѣсныя скалы, запирающія мрачныя ущелья или увѣнчивающія собою вершины горъ, также имѣютъ много прелести въ своей оригинальной дикости. Я часто останавливался въ такихъ мѣстахъ, садился на камень и прислушивался къ окружающей меня тишинѣ. Она не нарушалась здѣсь ни говоромъ людскихъ рѣчей, ни суматохою обыденной жизни. Лишь изрѣдка, воркованье каменнаго голубя и писклявый крикъ клушицы, проползетъ по отвѣсной стѣнѣ краснокрылый стѣнолазъ, или, наконецъ, высоко изъ-подъ облаковъ, съ шумомъ спустится къ своему гнѣзду грифъ, а затѣмъ, по прежнему, кругомъ все станетъ тихо и спокойно... А тамъ внизу, на востокѣ, узкою лентою блеститъ рѣка и словно алмазы сверкаютъ многочисленныя озера; къ западу—широкою полосою уходятъ изъ глазъ сыпучіе пески пустыни, на желтомъ фонѣ которыхъ, подобно островамъ, пестрѣютъ зеленѣющіе оазисы глинистой почвы. Такая панорама очаровательна! Она доставляетъ истинное наслажденіе, миритъ со всѣмъ окружающимъ и увлекаетъ въ міръ поэтическій, чистый и безстрастный“...[1])

Пробывъ въ горахъ двѣ недѣли, Николай Михайловичъ успѣлъ убить оленя, трехъ горныхъ гималайскихъ барановъ и кабаргу, а изъ птицъ наиболѣе замѣчательный экземпляръ—ушастаго фазана и нѣсколько другихъ. Вообще Инь-шань и Ала-шаньскій хребетъ кладутъ рѣзкую границу распространенія видовъ птицъ и млекопитающихъ: первый сѣверныхъ монгольскихъ, второй южныхъ гималайскихъ.

Отъ г. Дынь-юань-ина оставалось всего около

[1]) Монголія и страна тангутовъ, т. I, 120.

600 верстъ, слѣдовательно дней 20 ходу до озера Кукунора—завѣтной цѣли стремленій Николая Михайловича, но увы! онъ не могъ теперь идти туда по неимѣнію денегъ. Въ Монголіи все дорого, а для чужестранцевъ и тѣмъ болѣе; не смотря на то, что путешественники все время странствованія питались даромъ—охотою, все-таки девяти-мѣсячная экспедиція стоила 3,300 руб. звонкою монетою. Въ теченіе этого времени погибло 12 верблюдовъ, стоимость которыхъ доходила до тысячи рублей [1]). Не смотря на бережливость, доходившую до скупости и даже до скряжничества, у Пржевальскаго по приходѣ въ Алашань оставалось менѣе ста рублей денегъ. Въ виду такого затруднительнаго положенія М. А. Пыльцовъ продалъ свое ружье за 270 руб., а Николай Михайловичъ свой швейцарскій штуцеръ за 135 руб.; продажа товаровъ дала имъ хотя и большіе барыши, но такъ какъ товаровъ было немного, то и вырученный за нихъ капиталъ былъ не великъ. Въ общемъ денегъ было такъ мало, что рисковать идти съ ними впередъ было невозможно и по необходимости приходилось возвратиться въ Пекинъ, чтобы запастись тамъ деньгами и всѣмъ необходимымъ для новаго путешествія. Къ тому же находившіеся при экспедиціи казаки оказались ненадежными и лѣнивыми, „а съ такими сподвижниками невозможно было предпринять новый путь болѣе трудный и опасный, чѣмъ только-что пройденный“. Наконецъ, паспортъ, данный Н. М. Пржевальскому въ Пекинѣ, былъ только до Гань-су и потому мѣстныя власти могли и не пропустить путешественниковъ въ эту послѣднюю провинцію.

„Съ глубоко-сокрушеннымъ сердцемъ, говорилъ Николай Михайловичъ, я долженъ былъ на этотъ разъ повернуть назадъ въ Пекинъ“. Тяжелое чувство скорби понятно лишь человѣку, подошедшему къ порогу своихъ стремленій и не имѣющему возможности пересту-

[1]) Бывшія при экспедиціи 11 лошадей также подбились и сдѣлались негодными. Ихъ промѣнивали монголамъ на лучшіе экземпляры, конечно, съ значительною придачею денегъ.

пить его". Но какъ бы то ни было, путешественники 15 октября оставили Дынь-юань-инъ и направились обратно въ Калганъ. Теперь небольшой горсти русскихъ людей предстоялъ далекій и трудный путь, такъ какъ отъ Дынь-юань-ина до Калгана было около 1200 верстъ, которыя необходимо было пройти безостановочно. Ко всѣмъ прежнимъ перенесеннымъ трудностямъ присоединялась теперь зима съ сильными морозами и вѣтрами, столь обыкновенными въ Монголіи. На тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, гдѣ лѣтомъ было 37° Цельзія тепла въ тѣни, тамъ въ декабрѣ морозы доходили до 32,7° по Цельзію и усиливали холодъ рѣзкіе вѣтры. Къ довершенію затрудненій, спутникъ Пржевальскаго, М. А. Пыльцовъ, вскорѣ по выходѣ изъ Дынь-юань-ина заболѣлъ тифозною горячкою, и экспедиція принуждена была простоять девять дней возлѣ ключа Хара-моритэ, въ сѣверныхъ предѣлахъ Ала-шаня. „Сильно въ это время скребли меня кошки за сердце, писалъ Николай Михайловичъ [1]); но чѣмъ я могъ помочь, не зная ни аза-въ-глаза въ медицинѣ". Наконецъ, молодость взяла свое, больному стало лучше на столько, что онъ хотя и съ трудомъ, но могъ сидѣть на лошади. Путешественники двинулись далѣе, и хотя Пыльцовъ часто падалъ въ обморокъ, они все-таки принуждены были идти день въ день, отъ восхода и до заката солнца. „Обратный путь нашъ, говорилъ Пржевальскій [2]), лежалъ черезъ землю Уратовъ по сѣверную сторону Хуанъ-хэ. Было трудно и очень въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, употребленныхъ на переходъ до г. Калгана". Трудность увеличивалась еще и тѣмъ, что Николай Михайловичъ, желая сохранить слѣдъ своего пути, производилъ съемку, что зимою, въ сильные морозы и вѣтренные дни, было на столько затруднительно, что, при работахъ съ бусолью, онъ отморозилъ себѣ по два пальца на каждой рукѣ.

Днемъ холодъ былъ еще не такъ ощутителенъ,

---

[1]) Въ письмѣ І. А. Фатѣеву отъ 2 февраля 1872 г. изъ Пекина.

[2]) Тамъ-же

потому что большую часть пути шли пѣшкомъ, согрѣвались чѣмъ могли; только М. А. Пыльцовъ, закутавшись въ баранью шубу, ѣхалъ на лошади. Съ наступленіемъ же вечера и ночи затрудненія, конечно, усиливались, ибо приходилось ночевать подъ открытымъ небомъ, среди большихъ морозовъ и постоянныхъ вѣтровъ. Наступленіе ночи встрѣчалось не съ особеннымъ удовольствіемъ.

— Какъ теперь помню, говоритъ Николай Михайловичъ, это багровое солнце, которое пряталось на западѣ, и синюю полосу ночи, заходившую съ востока.

Съ наступленіемъ сумерокъ караванъ останавливался и прежде всего расчищался снѣгъ, чтобы поставить палатку; затѣмъ развьючивались верблюды и начинались поиски за топливомъ. Обыкновенно посылался кто-нибудь въ ближайшую монгольскую юрту купить аргала, за который нерѣдко платилось очень дорого — по 50 коп. за мѣшокъ въ 2 пуда, но и за деньги монголы продавали неохотно и достать его было трудно. Однажды пришлось пожертвовать сѣдломъ, разрубить его на части, чтобы вскипятить чай и удовольствоваться имъ послѣ 35-ти верстнаго перехода. Второю заботою было добываніе воды, и случалось, что по цѣлымъ суткамъ путешественники не могли имѣть ея ни для пищи, ни для питья.

Добывъ воды и аргала, разводили въ палаткѣ огонь и въ ней становилось тепло, по крайней мѣрѣ, для тѣхъ частей тѣла, которыя находились ближе къ огню; но за то дымъ щипалъ глаза и былъ невыносимъ при вѣтрѣ. Отогрѣвшись немного, приступали къ варкѣ пищи и во время ужина „паръ изъ открытой чаши съ супомъ, говоритъ Пржевальскій [1]), до того наполнялъ нашу палатку, что она напоминала въ это время баню, только, конечно, не температурою воздуха. Кусокъ варенаго мяса почти совсѣмъ застывалъ во время ѣды, а руки и губы покрывались слоемъ жира, который потомъ приходилось соскабливать ножомъ. Фитиль стеа-

[1]) Монголія и страна тангутовъ, ч. I, стр. 188 и 189.

риновой свѣчи, зажигавшейся иногда во время ужина, вгоралъ такъ глубоко, что нужно было обламывать наружные края, которые не растаявали отъ огня".

Холодъ проникалъ во всѣ отверстія и щели палатки, и прежде чѣмъ лечь спать, обкладывали палатку всѣмъ, чѣмъ было можно и даже вьюками, закупоривали входъ, но все-таки тепла было немногимъ болѣе, чѣмъ внѣ палатки, такъ какъ, за неимѣніемъ топлива, огонь не разводился отъ ужина и до утра. Спали подъ шубами или бараньими одѣялами, а иногда прикрывались еще и войлоками, но всегда раздѣвались, чтобы хорошенько отдохнуть. Рѣдкая ночь проходила покойно: голодные волки и монгольскія собаки забирались въ палатку воровать мясо и хотя большая часть изъ нихъ платились за это жизнію, но „не скоро согрѣвался тотъ, кому приходилось вставать, чтобы уложить вскочившихъ верблюдовъ, выстрѣлить въ волка или въ воровку собаку".

Утромъ вставали всѣ разомъ и дрожащіе отъ холода варили на-скоро кирпичный чай, складывали палатку, вьючили верблюдовъ и, напившись чаю, съ восходомъ солнца отправлялись въ дальнѣйшій путь, среди трескучаго мороза. Съ приближеніемъ декабря холода усиливались и, къ довершенію бѣдствія, путешественники лишились почти всѣхъ своихъ верблюдовъ.

Вечеромъ 30 ноября Николай Михайловичъ и его спутники остановились на ночлегъ возлѣ кумирни Шыреты-дзу, находившейся въ 80 верстахъ сѣвернѣе Куку-хото и на большой дорогѣ изъ города Улясутай. Утромъ всѣ семь верблюдовъ, за исключеніемъ одного больнаго, были пущены на пастьбу, близъ палатки, и такъ какъ трава была здѣсь выбита, то они удалились за горку и когда казакъ и монголъ, спустя нѣсколько времени, пошли пригнать ихъ, то ни одного не оказалось. Всѣ поиски отыскать пропавшихъ верблюдовъ были напрасны и словно они провалились сквозь землю. У путешественниковъ остались одинъ больной верблюдъ и пара лошадей, на которыхъ приходилось под-

нять всѣ тяжести. Туземные жители не продавали корма и бѣдныя животныя страдали отъ голода: одна изъ лошадей замерзла ночью, а черезъ два дня издохъ и верблюдъ. Оставшаяся лошадь была спасена только тѣмъ, что, по словамъ Пржевальскаго, „китайцы сильно разлакомились на издохшаго верблюда, довольно жирнаго, и промѣняли его на 25 сноповъ хорошаго сѣна".

Однако съ одною лошадью обойтись было невозможно и Николай Михайловичъ хотѣлъ нанять окрестныхъ китайцевъ, чтобы они довезли путешественниковъ и ихъ имущество до Куку-хото, но китайцы, опасаясь отвѣтственности передъ властями, не соглашались везти ни за какія деньги. Положеніе становилось безвыходнымъ и Пржевальскій, имѣя въ карманѣ всего 200 ланъ денегъ, рѣшился послать въ Куку-хото казака и монгола, чтобы они купили тамъ новыхъ верблюдовъ. Но на чемъ послать, когда въ распоряженіи экспедиціи была одна лошадь, да и та негодная? Проходивъ цѣлый день по монгольскимъ юртамъ, Пржевальскій успѣлъ купить лошадь и казакъ съ монголомъ отправились въ Куку-хото. Тамъ они купили плохихъ верблюдовъ, на которыхъ, послѣ 17-ти дневнаго пребыванія у кумирни, караванъ двинулся далѣе, потерявъ время и чувствительный ущербъ въ матеріальномъ отношеніи. Чтобы вознаградить то и другое, шли до Калгана форсированными переходами и, по мѣрѣ приближенія къ нему, чувствовали вліяніе теплаго климата Китая на эту часть Монголіи.

Въ тихіе дни, при слабыхъ юго-западныхъ вѣтрахъ, было тепло и 10 декабря термометръ показалъ +2,5 градуса Цельзія. Погода была большею частію ясная, ночные морозы посредственные, но если подымался западный или сѣверо-западный вѣтеръ, то бывало очень холодно. Съ каждымъ днемъ разстояніе, отдѣлявшее отъ Калгана, уменьшалось, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивалось нетерпѣніе скорѣе добраться до этого города. Какъ разъ наканунѣ новаго года путешественники, спустившись съ хребта монгольскаго плато, прибыли въ Калганъ и явились къ своимъ соотечественникамъ,

русскимъ купцамъ, среди которыхъ по прежнему встрѣтили самый радушный пріемъ. По собственному сознанію, Пржевальскій былъ похожъ на ребенка, такъ онъ всему радовался и чуть не плакалъ. Первое десятимѣсячное путешествіе по пустынямъ Монголіи было закончено.

„Могу сказать, писалъ Николай Михайловичъ [1]), что результаты этого странствованія весьма хороши: мы обошли огромное пространство, отъ озера Далайноръ до р. Хуанъ-хэ и далѣе черезъ Ордосъ и Алашань до сѣверной границы провинціи Гань-су — всего болѣе 3,500 верстъ. Сумма различныхъ впечатлѣній и приключеній такъ велика, что я рѣшительно затрудняюсь, о чемъ именно писать".

Въ Калганъ онъ привезъ лучшіе и рѣдкіе экземпляры изъ числа убитыхъ имъ 23 крупныхъ млекопитающихъ, трехъ лисицъ, около 200 зайцевъ и до тысячи птицъ. Въ общемъ числѣ крупныхъ млекопитающихъ находилось: 11 различныхъ антилопъ, 4 дикихъ быка, два горныхъ барана-аргали; три гималайскихъ горныхъ барана, олень, волкъ и козуля [2]). Сводя эти коллекціи въ одно цѣлое съ другими трудами по съемкѣ, метеорологическимъ наблюденіямъ и проч., Николай Михайловичъ съ чистою совѣстью могъ сказать себѣ, что первую задачу выполнилъ блестяще, вполнѣ оправдалъ возлагаемыя на него надежды, и что для довершенія успѣха необходимо какъ можно скорѣе вновь пуститься въ путь къ завѣтнымъ берегамъ озера Кукунора. Но для этого нужны были деньги, нужно было вновь снарядить караванъ и закупить такія вещи, которыя можно было достать только въ Пекинѣ. Оставивъ въ Калганѣ своихъ спутниковъ съ порученіемъ заготовлять кое-какія мелочи для новой экспедиціи, самъ Пржевальскій поѣхалъ въ Пекинъ, гдѣ былъ встрѣченъ генераломъ А. Е. Влангали съ особымъ радушіемъ и предупредительностью.

---

[1]) Въ письмѣ І. Л. Фатѣеву 2 февраля 1872 г. изъ Пекина.

[2]) Письмо Пржевальскаго дяди 12 февраля 1872 г.

VI.

Содѣйствіе, оказанное Н. М. Пржевальскому нашимъ посланникомъ въ Пекинѣ къ продолженію путешествія.—Письмо А. Е. Влангали председателю Императорскаго Географическаго Общества графу Литке.—Возвращеніе Пржевальскаго изъ Пекина въ Калганъ.—Характеристика китайцевъ.—Новое снаряженіе въ экспедицію.—Практическая стрѣльба командѣ.—Выступленіе изъ Калгана.—Вторичное прибытіе въ городъ Дынь-юань-инъ.—Присоединеніе экспедиціи къ Тангутскому каравану.—Въ горахъ Гань-су.—Кумирни Чертынтонъ и Чейбсенъ.—Переходъ на озеро Куку-норъ.—Встрѣча съ дунганами.—Молва о томъ что Н. М. Пржевальскій волшебникъ или великій святой.—Равнины Цайдама.—Перевалъ Бурханъ-Буда.—Обыденная жизнь путешественниковъ.—Голубая рѣка.—Обратный путь.—Наводненіе въ Ала-шаньскихъ горахъ.—Прибытіе въ Ургу.—Результаты путешествія.—Отъѣздъ въ Кяхту и Иркутскъ.

1872—1873.

При первомъ свиданіи съ нашимъ посланникомъ въ Пекинѣ, Пржевальскій заявилъ ему категорически, что тѣми денежными средствами, которыми располагаетъ экспедиція, она не можетъ пробраться до Кукунора, а тѣмъ болѣе до Тибета. Въ мѣстахъ, имъ посѣщенныхъ, предметы самой первой необходимости были такъ дороги, что далеко превышали отпущенныя средства. Для примѣра можно привести, что въ Дынь-юань-инѣ, гдѣ экспедиція оставалась въ теченіе мѣсяца, баранъ стоилъ 8 рублей (звонкою монетою), свинина за гинъ ($1\frac{3}{4}$ фунта) 60 коп., рисъ за мѣру ду (27 фунтовъ)—4 р. 20 к., просо за ту же мѣру—3 р., курица—1 р. 60 к., десятокъ яицъ—91 к. и пудъ картофеля—1 р. 90 к. Но расходы по продовольствію составляли только половину и даже менѣе тѣхъ тратъ, которыя приходилось дѣлать при движеніи по пустыни при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Лишенныя часто воды и корма вьючныя животныя чахли съ каждымъ днемъ, слабѣли и, наконецъ, гибли; содержаніе двухъ казаковъ и одного монгола стоило въ теченіе мѣсяца, вмѣстѣ съ жалованьемъ, до 90 руб. звонкою монетою;

подарки разнымъ властямъ или монголамъ за сообщеніе свѣдѣній и даже переправы черезъ небольшія рѣчки— стоили большихъ денегъ. Словомъ, расходы экспедиціи были такъ велики, что значительно превышали ассигнованныя суммы, причемъ самая доставка денегъ производилась неаккуратно и въ январѣ 1872 г. Николай Михайловичъ получилъ содержаніе только по 1-е августа 1871 г. Между тѣмъ для успѣха экспедиціи была дорога каждая минута и ожидать присылки денегъ изъ Петербурга было невозможно.

„Если я, писалъ Пржевальскій [1]), не буду въ концѣ февраля или въ первыхъ числахъ марта на берегу Желтой рѣки, чтобы перейти ее по льду, то навѣрно не попаду вторично въ Ордосъ, такъ какъ китайцы, съ трудомъ пустившіе меня туда лѣтомъ прошлаго года, не согласятся теперь перевезти въ лодкахъ на правую сторону Хуанъ-хэ“.

Поставленный въ столь затруднительное положеніе, Николай Михайловичъ просилъ А. Е. Влангали выдать ему заимообразно изъ суммъ Пекинской миссіи тѣ деньги, которыя ему слѣдовало получить за второе полугодіе 1871 г.; просилъ позволенія занять съ его разрѣшенія тысячу рублей и исходатайствовать у военнаго министра о прибавкѣ ему по тысячѣ рублей въ годъ и усиленнаго содержанія подпоручику Пыльцову, получавшему 294 рубля въ годъ.

Генералъ Влангали принялъ живѣйшее участіе въ положеніи экспедиціи, тѣмъ болѣе, что по добытымъ уже ею результатамъ онъ видѣлъ, что Пржевальскій надѣлитъ какъ Императорское географическое общество, такъ и весь ученый міръ новыми и богатыми свѣдѣніями о Средней Азіи, доселѣ почти неизслѣдованной. Близко знакомый съ положеніемъ страны, посѣщенной Николаемъ Михайловичемъ, Александръ Егоровичъ находилъ просьбу его вполнѣ основательною.

---

[1]) Въ докладной запискѣ генералъ-маіору Влангали отъ 12 января 1872 г. Арх. Географич. общ., дѣло № 10.

„Бѣдность всѣхъ этихъ странъ, писалъ онъ [1]), населенныхъ кочевымъ народомъ и разоренныхъ разбойническими шайками изъ магометанъ и мѣстныхъ всякаго рода бродягъ, служитъ большимъ препятствіемъ къ скорому исполненію какихъ либо научныхъ изслѣдованій и нерѣдко приходится бороться со множествомъ лишеній и терпѣть даже холодъ и голодъ.

„Если бы капитану Пржевальскому не было надобности собирать и возить съ собою коллекціи птицъ, различныхъ другихъ животныхъ и растеній, то, безъ сомнѣнія онъ бы могъ извернуться какъ нибудь опредѣленными ему средствами; но при собираніи коллекцій, подъ которыя потребовалось, наконецъ, около 10 верблюдовъ, назначенныя ему денежныя средства были крайне недостаточны. Сверхъ помянутаго выше количества верблюдовъ, необходимо было ему имѣть еще другихъ подъ свой скарбъ и нѣсколько верховыхъ лошадей. Наемъ верблюдовъ и лошадей почти невозможенъ, безъ риска увидѣть себя брошеннымъ гдѣ нибудь въ глуши; а потому самый успѣхъ экспедиціи требовалъ поставленія себя въ независимое положеніе покупкою всѣхъ означенныхъ перевозочныхъ средствъ.

„Принимаясь за изслѣдованіе странъ, въ которыхъ почти ничего или очень мало извѣстно, часто нельзя, изъ опасенія потерять одного верблюда или лошадь, обходить какія нибудь горы, или болѣе или менѣе трудныя мѣста, а таковыя движенія встрѣтили бы совершенное противодѣйствіе хозяевъ и погонщиковъ верблюдовъ, ибо имъ предстояло бы лишиться многихъ животныхъ, какъ это и случилось съ нашимъ путешественникомъ“.

Въ виду всего этого генералъ-маіоръ Влангали выдалъ Пржевальскому неполученное имъ содержаніе за второе полугодіе 1871 года, тысячу рублей за 1872 г., ассигнованную географическимъ обществомъ, и просилъ графа Литке исходатайствовать увеличеніе содержанія какъ Пржевальскому, такъ и Пыльцову. Совѣтъ гео-

[1]) Въ письмѣ гр. Литке 24 янв. 1872 г. Арх. Геогр. Общ., д № 10.

графическаго общества, имѣя въ виду тѣ важные результаты, которые можно ожидать отъ экспедиціи, согласился прибавить ежегодно 500 руб. съ тѣмъ, чтобы остальные 500 руб. приняло на себя военное министерство [1]). Бывшій министръ Д. А. Милютинъ, всегда шедшій на встрѣчу и помощь всякому ученому предпріятію, отнесся весьма сочувственно къ заявленію географическаго общества и испросилъ Высочайшее разрѣшеніе производить въ теченіе двухъ лѣтъ денежное пособіе капитану Пржевальскому въ годъ по 500 руб., а подпоручику Пыльцову по 300 руб. звонкою монетою [2]).

Такую помощь можно было считать весьма существенною и графъ Литке торопился сообщить о томъ нашему посланнику въ Пекинѣ. „Пользуюсь этимъ случаемъ, прибавлялъ онъ въ письмѣ къ А. Е. Влангали [3]), чтобы заявить предъ вашимъ превосходительствомъ о живомъ интересѣ, возбужденномъ въ средѣ общества сообщеніемъ, полученнымъ отъ г. Пржевальскаго о его прошлогодней экспедиціи. Оно будетъ напечатано въ слѣдующей пятой книжкѣ „Извѣстій“ и немедленно разослано ко всѣмъ ученымъ обществамъ заграницей, которыя постоянно обращаются къ намъ съ просьбою о высылкѣ имъ поскорѣе всѣхъ новѣйшихъ свѣдѣній, получаемыхъ нами отъ нашихъ путешественниковъ въ Средней Азіи“.

Генералъ-маіоръ Влангали интересовался путешествіемъ не менѣе общества и, понимая высокое значеніе его въ научномъ отношеніи, принималъ всѣ мѣры къ его осуществленію. Помощь его была на столько существенна, что совѣтъ Императорскаго русскаго географическаго общества счелъ своею обязанностію выразить Александру Егоровичу свою глубокую признательность и заявить, что если „смѣлая экспедиція капитана Пржевальскаго увѣнчается успѣхомъ, то она, конечно, будетъ этимъ обязана вашему покровитель-

---

[1]) Письмо графа Литке военному министру Д. А. Милютину 19 апрѣля 1872 г. № 558 Арх. Географ. общ., дѣло № 10.

[2]) Письмо Д. А. Милютина графу Литке 2 мая 1872 г. № 316. Тамъ-же.

[3]) Отъ 24 мая 1872 г. № 732. Тамъ-же.

ству, точно такъ же какъ и всѣ предъидущія экспедиціи, снаряжаемыя обществомъ въ Китайскія владѣнія [1])".

При замкнутости китайцевъ и устраненія ихъ отъ всего европейскаго, надо было употребить много усилій, чтобы выхлопотать Пржевальскому паспортъ на путешествіе въ Гань-су, Куку-норъ и Тибетъ. При выдачѣ паспорта китайское правительство считало необходимымъ вновь заявить, что въ названныхъ странахъ при мятежѣ дунганъ и неурядицахъ разнаго рода, проѣздъ весьма рискованъ и что оно не можетъ поручиться за безопасность нашихъ путешественниковъ. Въ виду этого Пржевальскій рѣшилъ усилить вооруженіе своихъ товарищей и пріобрѣлъ нѣсколько револьверовъ и скорострѣльныхъ штуцеровъ, которые служили лучшими охранителями европейца отъ коварнаго, но трусливаго азіятца.

„Изъ новыхъ ружей, говоритъ Николай Михайловичъ [2]), наилучшимъ по качеству былъ штуцеръ Бердана, который даетъ настильный выстрѣлъ болѣе чѣмъ на 400 шаговъ, что чрезвычайно важно при стрѣльбѣ съ неотмѣренныхъ разстояній. Это ружье я взялъ для себя. Товарищъ и одинъ изъ казаковъ получили по штуцеру Снайдера, а другой казакъ былъ вооруженъ магазиннымъ (о 17 выстрѣлахъ) ружьемъ Генри-Мартини; наконецъ пятый штуцеръ (Спенсера) былъ взятъ въ запасъ. На эти ружья мы имѣли около 4,000 готовыхъ патроновъ. Кромѣ того у насъ въ наличности считалось: 13 револьверовъ, два скорострѣльныхъ пистолета, системы Ремигтона, двухстволный штуцеръ Ланкастера и 4 охотничьихъ ружья; къ нимъ было взято 8 пудовъ дроби и два пуда пороху".

Пріобрѣтеніе оружія и боевыхъ припасовъ стоило большихъ денегъ и во всѣхъ остальныхъ заготовлені-

---

[1]) Письмо графа Литке А. Е. Влангали 7 декабря 1872 г. № 1106. Съ своей стороны Н. М. Пржевальскій всегда сохранялъ глубокую благодарность къ А. Е. Влангали, понималъ важность содѣйствія, имъ оказаннаго, и желая чѣмъ нибудь отблагодарить своего покровителя, онъ одинъ изъ видовъ фазана назвалъ именемъ А. Е Влангали.

[2]) Въ своемъ сочиненіи Монголія и страна тангутовъ, т. I, 195.

яхъ экспедиціи приходилось стѣсняться, экономить и запасать все по узкой мѣркѣ. Имѣя въ виду ограниченность своихъ средствъ, Николай Михайловичъ поѣхалъ изъ Пекина въ Тянь-дзинъ и купилъ тамъ рублей на шестьсотъ разныхъ мелочныхъ европейскихъ товаровъ, надѣясь сбыть ихъ съ большимъ барышомъ въ Ала-шанѣ. Въ концѣ февраля онъ возвратился въ Калганъ и сталъ дѣятельно готовиться къ новой экспедиціи.

„Теперь я занятъ, писалъ онъ[1]), съ ранняго утра и до поздней ночи снаряженіемъ въ новую экспедицію. Вы не можете себѣ представить, сколько хлопотъ требуетъ это снаряженіе, въ особенности при нищенскихъ средствахъ моей экспедиціи. Эти средства, въ общей своей сложности, составляютъ лишь съ небольшимъ двѣ тысячи рублей ежегодно. Да и этихъ-то денегъ не высылаютъ въ срокъ; такъ, напримѣръ, на нынѣшній годъ не выслали ни копѣйки и я долженъ былъ занять, чуть не Христа ради, 1300 рублей изъ нашей пекинской миссіи, да еще тысячу, за которую плачу по 30 рублей въ мѣсяцъ процентовъ.

„Все это прибавляется къ суммѣ тѣхъ гадостей и мерзостей, которыя приходится выносить въ Китаѣ каждому европейцу, а путешественнику вкупѣ. Я, право, не могу безъ раздраженія говорить о положеніи европейцевъ въ „Небесной Имперіи“. Чортъ, собака— вотъ наша общая кличка, которою угощаютъ на каждомъ шагу даже посланниковъ, не только насъ, простыхъ смертныхъ. А если бы видѣли какъ презрительно смотрятъ на насъ китайцы! Дорогою васъ не пустятъ ни въ одну хорошую гостинницу, а повезутъ въ самую гадость, не смотря на то, что за все берутъ вдесятеро. Паршивый (извините за выраженіе) китайскій мандаринъ не станетъ ни за что съ вами говорить, считая это для себя униженіемъ. И обо всемъ этомъ ни одного слова не знаютъ въ Европѣ! Среди тысячи живущихъ въ Китаѣ европейцевъ, не найдется

[1]) Въ письмѣ М. П. Тихменеву 1 марта 1872 г. изъ Калгана.

ни одного честнаго голоса, который бы высказалъ голую правду. Это было бы полезнѣе, чѣмъ писать, какъ дѣлаютъ синологи, цѣлые томы о томъ, какъ царствовала ханьская или миньская династія, какъ одинъ монгольскій князь побилъ другаго, какъ тибетскій царь подарилъ китайскому богдыхану золотаго гуся и т. п.

„Всѣхъ же болѣе виноваты посланники, которые безпрестанно подвергаются ругательствамъ на улицѣ и молчатъ объ этомъ. И все это проходитъ безнаказанно. Мало того, съ вами китаецъ можетъ сотворить какую угодно мерзость и изъ десяти разъ девять останется правымъ. Конечно, всему этому виноваты сами европейцы, которые большею частію отъявленные негодяи. Статьи Венюкова о Китаѣ совершенно вѣрны, жаль только, что онъ не коснулся самихъ китайцевъ, въ ихъ отношеніяхъ къ европейцамъ.

„Пекинская жизнь—это точь въ точь Николаевская на Амурѣ. Разница лишь та, что вмѣсто водки пьютъ шампанское, такъ какъ всѣ чиновники получаютъ огромное содержаніе. Я безъ отвращенія не могу вспомнить объ этомъ городѣ, въ которомъ и теперь привелось прожить цѣлый мѣсяцъ. Дай Богъ, чтобы это было въ послѣдній разъ во всей моей жизни“.

Упаковавъ и отправивъ въ Кяхту собранныя коллекціи, Николай Михайловичъ написалъ отчетъ о своемъ десяти-мѣсячномъ путешествіи и сталъ собираться въ дорогу. Личный составъ экспедиціи значительно измѣнился. Вмѣсто двухъ казаковъ, оказавшихся ненадежными и тосковавшими по родинѣ, были присланы изъ г. Урги два новыхъ, прекрасныхъ и усердныхъ. Одинъ изъ нихъ былъ 19-ти-лѣтній юноша Панфилъ Чабаевъ, а другой бурятъ—Дондокъ Иринчиновъ. Вскорѣ Николай Михайловичъ сблизился съ ними самою тѣсною дружбою и обходился какъ съ родными братьями, дѣлившими вмѣстѣ труды и опасности, горе и радости. „До гроба сохраню я, говорилъ Пржевальскій, благодарное воспоминаніе о своихъ спутникахъ, которые, безграничною отвагою и преданностію дѣлу, обусловили какъ нельзя болѣе весь успѣхъ экспедиціи“.

Прибывшимъ казакамъ было роздано оружіе и каждый день производилась практическая стрѣльба въ поставленныя мишени. „На дняхъ дѣлалъ я ученье, писалъ Николай Михайловичъ [1]),—примѣрное отбитіе нападенія на насъ. Въ четыре минуты мы дали 68 выстрѣловъ изъ ружей и револьверовъ и мишени (поставленныя въ 300 шагахъ) были избиты пулями. Такая острастка самый лучшій паспортъ для путешествія въ тѣхъ странахъ, гдѣ мы уже были и куда вновь отправляемся. Разбойничьихъ шаекъ мы боимся меньше, чѣмъ воровъ—ни одна партія разбойниковъ, даже съ сотню, двѣ и болѣе человѣкъ, не осмѣлится напасть на насъ, въ этомъ я ручаюсь головою. Всего хуже мѣстное населеніе въ городахъ; здѣсь ничего не сдѣлаешь вчетверомъ противъ десятковъ тысячъ. Но, если бы я имѣлъ съ собою 15 хорошихъ солдатъ съ скорострѣльными ружьями, я бы также головою ручался, что пройду черезъ всю центральную Азію. Но такого конвоя нѣтъ,—нужно пробовать вчетверомъ“.

Дѣйствительно, собравшіеся толпою китайцы, смотря на ученье качали головою и выражали удивленіе; никогда невиданные ими скорострѣльные ружья и револьверы наводили на нихъ страхъ и ужасъ. Нѣкоторые тутъ же увѣряли, что если бы у нихъ было хотя тысяча подобнаго войска, то, конечно, дунганское возстаніе было бы давно подавлено.

Наученный опытомъ прежнихъ и послѣдняго путешествій, Николай Михайловичъ запасся такими вещами, которыхъ не имѣлъ въ прежнихъ экспедиціяхъ. Вмѣсто того, чтобы каждую ночь оставлять одного изъ спутниковъ караулить вещи и самому принимать участіе въ подобныхъ дежурствахъ, онъ купилъ монгольскую собаку по имени Карзу, отлично исполнявшую сторожевую службу; взялъ съ собою четыре плоскихъ боченка съ водою, по три ведра въ каждомъ; взялъ посуду для воды и вообще снарядился гораздо лучше, чѣмъ въ первый разъ. За то багажъ этотъ вѣсилъ

[1]) Въ письмѣ М. П. Тихменеву отъ 1-го марта 1872 г.

84 пуда и ежедневно вьючился на девяти верблюдахъ. Вьючили всѣ, потому что бывшій въ первую экспедицію монголъ работникъ отказался идти обратно на свою родину, а замѣнить его было не кѣмъ; проводники же монголы постоянно мѣнялись и вьюченіе имъ не поручалось.

Утромъ 5-го марта 1872 года Пржевальскій выступилъ изъ Калгана съ намѣреніемъ пробраться въ Тибетъ и дойти до Хлассы. Въ этотъ моментъ у него было въ карманѣ всего 87 ланъ (174 р.) денегъ, но онъ шелъ впередъ смѣло и не задумываясь.

„Пожелайте мнѣ, писалъ онъ М. П. Тихменеву, счастливо докончить дѣло, которое, надѣюсь, не пропадетъ безслѣдно для науки“.

Путешественники направились тою-же дорогою, по которой въ прошломъ году шли на Желтую рѣку и возвращались изъ Ала-шаня. Они были прекрасно вооружены: каждый имѣлъ по два револьвера у сѣдла и по скорострѣльному штуцеру за плечами. Къ вечеру того же дня они опять вступили въ суровый климатъ Монголіи: съ февраля въ Калганѣ было уже тепло, прилетѣли водяныя птицы, а здѣсь морозы, бури и мятели чередовались между собою весь мартъ и даже первую половину апрѣля; тепло было рѣдко и переходы къ холоду были чрезвычайно рѣзкіе. Такъ, 13 марта, въ часъ пополудни, въ тѣни было 22 градуса тепла по Цельзію, а на другой день, въ тотъ же самый часъ, термометръ показывалъ 5^0 градусовъ мороза. Бури продолжались иногда по трое сутокъ безъ перерыва.

При такихъ климатическихъ условіяхъ быстрое движеніе было невозможно, и въ теченіе мѣсяца путешественники могли только добраться до хребта Мунула, куда и пришли 10 апрѣля. Здѣсь они пробыли одиннадцать дней, чтобы собрать весеннюю флору, но наблюдать за перелетомъ птицъ было невозможно, такъ какъ онъ уже окончился.

Предположеніе Николая Михайловича, что ему вто-

рично не удастся пробраться въ Ордосъ, вполнѣ оправдалось: перейти рѣку Хуанъ-хэ (Желтую) по льду было невозможно, а на перевозѣ противъ горъ Муниула переправить не хотѣли,—нужно было идти на г. Бауту и перейти рѣку на старомъ мѣстѣ [1]). Кружный путь и потеря времени заставили отказаться отъ прежняго намѣренія посѣтить Ордосъ и Пржевальскій ограничился пребываніемъ въ горахъ Муни-ула.

22 апрѣля экспедиція оставила горы съ тѣмъ, чтобы идти въ Ала-шань, по долинѣ лѣваго берега Хуанъ-хэ, т. е. тѣмъ путемъ, по которому нѣсколько мѣсяцевъ назадъ возвращалась въ Калганъ. Останавливаясь въ разныхъ пунктахъ, для наблюденій, охоты и собиранія растеній, путники въ послѣдней трети апрѣля испытывали сильные жары, доходившіе до 31 градуса тепла по Цельзію и нагрѣвавшія воду до 21 градуса.

Солонцоватая почва пустыни бѣлѣла солянымъ налетомъ и такія мѣста издали казались покрытыми снѣгомъ. Здѣсь не было видно ни одной зеленой былинки, а частые вихри, подымавшіе столбы соленой пыли и бросавшіе ее въ глаза путникамъ, довершали печальность картины и усиливали мученія, которыя испытывали они, идя въ жару по безводной степи. Въ маѣ жара была еще невыносимѣе и стали перепадать дожди. „Но вообще эти дожди шли непродолжительно, говоритъ Пржевальскій [2]), и сухость воздуха въ пустынѣ была страшная. Наши вещи портились отъ нея, а собираемыя растенія необходимо было класть въ гербарій полусырыми, иначе они такъ высыхали, что разламывались на мелкія части. Иногда даже было трудно писать дневникъ: обмокнутое въ чернилы перо такъ же скоро высыхало, какъ зимою мерзло, такъ что, на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ являлась одна и та же помѣха отъ двухъ совершенно противоположныхъ причинъ—жары и холода“.

---

[1]) Письмо Пржевальскаго посланнику въ Пекинѣ безъ числа.

[2]) Монголія и страна тангутовъ, ч. I, 202.

26 мая Пржевальскій и его спутники пришли опять въ Дынь-юань-инъ и помѣстились въ приготовленной для нихъ фанзѣ. Чтобы избѣжать присутствія любопытныхъ, привязали въ дверяхъ злаго „Карзу“, что и оказалось средствомъ весьма дѣйствительнымъ. Въ тотъ же вечеръ Николай Михайловичъ имѣлъ свиданіе съ младшими сыновьями князя и, будучи одѣтъ въ мундиръ генеральнаго штаба, произвелъ на нихъ большое впечатлѣніе. Всѣ заговорили, что прибывшій долженъ быть царскій чиновникъ и что Цаганъ-ханъ (русскій Императоръ) прислалъ его, чтобы посмотрѣть на природу и людей и разсказать о нихъ своему Государю. Считая для себя выгоднымъ подобный слухъ, Пржевальскій не разубѣждалъ монголовъ, а напротивъ старался поднять свое значеніе въ ихъ глазахъ.

Вскорѣ по приходѣ въ Дынь-юань-инъ онъ узналъ, что въ городѣ находится караванъ изъ 27 тангутовъ и монголовъ, которые на-дняхъ должны идти въ кумирню Чейбсенъ, лежащую въ провинціи Гань-су и въ пяти дняхъ пути отъ озера Куку-нора. Николай Михайловичъ ухватился за случай, представлявшій ему возможность слѣдовать съ этимъ караваномъ. Въ тибетцахъ онъ находилъ опытныхъ и прекрасныхъ проводниковъ, безъ которыхъ ему бы было трудно идти по степи. Тангуты также согласились съ радостію присоединить къ себѣ людей храбрыхъ и хорошо вооруженныхъ, на случай защиты отъ дунганъ. Чтобы еще болѣе расположить къ себѣ будущихъ спутниковъ, Николай Михайловичъ устроилъ ученье съ пальбою изъ ружей и револьверовъ. Собравшаяся толпа зрителей была поражена быстротою огня, а тангуты чуть не плясали отъ радости; но узнавшій объ этомъ князь пытался разстроить состоявшійся союзъ. Подосланный имъ, знакомый намъ, Сорджи, старался убѣдить Пржевальскаго въ опасности пути, совѣтовалъ погадать у мѣстныхъ ламъ, говорилъ, что тангуты ходятъ очень быстро по 50 и болѣе верстъ въ сутки, и что нашимъ путешественникамъ не выдержать такихъ переходовъ; что по дорогѣ въ Чейбсенъ лежатъ такія высокія горы, что верблюдамъ нельзя перейти ихъ и что, наконецъ,

князь дастъ своихъ проводниковъ, если они подождутъ съ мѣсяцъ.

Всѣ эти разсказы не поколебали Николая Михайловича и онъ только опасался, что князь прикажетъ не покупать привезенные товары и тогда экспедиція останется вовсе безъ денегъ, такъ какъ у него въ карманѣ было всего 87 ланъ, а между тѣмъ необходимо было купить верблюдовъ. Изъ 11 вышедшихъ изъ Калгана, трое погибли дорогою, точно такъ же какъ и обѣ лошади, безъ которыхъ слѣдовать далѣе было невозможно. Къ счастію, одинъ изъ сыновей князя согласился за штуцеръ Спенсера уступить шесть верблюдовъ съ придачею ста ланъ деньгами. „Правда, говоритъ Николай Михайловичъ [1]), онъ ставилъ этихъ верблюдовъ по 50 ланъ за каждаго, но за то и я назначилъ за ружье цѣну въ одиннадцать разъ бо́льшую той, за которую его купилъ“.

Получивши деньги за проданные товары, Пржевальскій располагалъ теперь 500 ланъ, 14 верблюдами и двумя лошадьми, присланными ему въ подарокъ сыномъ князя. Тогда онъ объявилъ категорически, что идетъ съ тангутами, но ему сказали, что послѣдніе, хотя и желали выступить 1-го іюня вечеромъ, а князь приказалъ имъ остаться еще на два дня, подъ предлогомъ опасности отъ появившейся въ окрестностяхъ шайки дунганъ. Странное это заявленіе заставило Пржевальскаго отправить своего товарища съ казакомъ разузнать въ чемъ дѣло, и каково же было его удивленіе, когда ему сказали сначала, что тангутскій караванъ готовъ къ выступленію, а потомъ, что онъ выходитъ изъ города. Тогда Николай Михайловичъ приказалъ на-скоро вьючить верблюдовъ и выступилъ было изъ города, но въ это время пріѣхалъ къ нему младшій сынъ князя и далъ честное слово, что караванъ не уйдетъ безъ него. По всей вѣроятности Ала-шаньскій князь посылалъ въ городъ Нинъ-ся къ китайскому амбаню узнать, какъ поступить въ этомъ случаѣ и какія

[1]) Монголія и страна тангутовъ, ч. I, стр. 206.

получилъ инструкціи неизвѣстно, но только 5 іюня тотъ же сынъ князя пріѣхалъ къ Николаю Михайловичу и объявилъ, что тангутскій караванъ стоитъ неподалеку отъ города и что онъ завтра можетъ идти вмѣстѣ съ нимъ.

Пржевальскій былъ въ восторгѣ. „Караванъ пойдетъ, писалъ онъ А. Е. Влангали, по самымъ пустыннымъ мѣстностямъ, не заходя ни въ одинъ китайскій городъ — выгода для насъ немаловажная. Отъ города Дынь-юань-ина до кумирни Чейбсенъ 22 дня ходу, такъ что 25-го или 26-го іюня я уже буду въ тѣхъ горахъ, которыя лежатъ на сѣверъ отъ Куку-нора и въ которыхъ находится названная кумирня. Эти горы, какъ кажется, составляютъ отечество ревеня, изслѣдованіемъ котораго я займусь подробно, на сколько это будетъ возможно. Кромѣ того, по словамъ монголовъ, всѣ горы покрыты лѣсами, въ которыхъ множество звѣрей: тигры, барсы, олени, кабарги и проч. Ближе къ Кукунору множество дикихъ яковъ (тангутскихъ буйволовъ), джипатаевъ, длиннорогихъ антилопъ. Вотъ будетъ гдѣ пожива для моей зоологической коллекціи!...

„Самъ я радъ до невѣроятія. По крайней мѣрѣ теперь не пропадутъ даромъ всѣ понесенные труды и я почти навѣрное могу сказать, что буду въ Кукунорѣ. Впрочемъ, на это озеро я отправлюсь не ранѣе конца августа. Конецъ іюня и іюль проведу возлѣ кумирни Чейбсенъ и хорошенько изслѣдую флору и фауну. Кромѣ того, надо будетъ дать отдыхъ верблюдамъ“.

Съ такими свѣтлыми надеждами, съ любовью и преданностью къ дѣлу, потянулся нашъ караванъ изъ Дынь-юань-ина и скоро соединился съ тангутскимъ. Послѣдній состоялъ изъ 37 человѣкъ, въ числѣ которыхъ было 10 ламъ-воиновъ или охранителей каравана. Подъ охраною ихъ шли 72 верблюда и около 40 лошадей съ мулами, считая и нашихъ. Ламы-воины были вооружены гладкоствольными европейскими ружьями, а остальные тангуты — кремневыми, частію пиками и саблями; они считались за храбрѣйшихъ и отчаянныхъ

людей, такъ какъ рѣшились идти въ мѣсто, гдѣ живутъ разбойники-дунганы.

Двигаясь не по своей волѣ и не желая отставать отъ тангутовъ, Пржевальскій и его спутники были крайне обременены кладью, навьючиваніемъ и развьючиваніемъ животныхъ. Все это они принуждены были дѣлать сами, такъ какъ отыскать и нанять въ работники монгола не могли ни за какую цѣну. На-силу уговорили нѣсколькихъ людей каравана, чтобы они за рубль въ сутки пасли по ночамъ нашихъ верблюдовъ вмѣстѣ со своими.

Шли преимущественно ночью, и сдѣлавъ переходъ верстъ въ 30 — 40, останавливались у какого-нибудь колодца, а иногда, за неимѣніемъ его, копали яму, въ которую собиралась скверная, соленая вода. „Переходъ черезъ пустыни южнаго Ала-шаня, писалъ Н. М. [1]), былъ страшно труденъ. Здѣсь голые сыпучіе пески раскидываются на огромное пространство и иногда на сотню верстъ нѣтъ ни капли воды. При томъ же рѣдкіе колодцы большею частію отравлены дунганами, которые бросали въ нихъ тѣла убитыхъ“.

„У меня до сихъ поръ мутитъ на сердцѣ, когда я вспомню, какъ однажды, напившись чаю изъ подобнаго колодца, мы стали поить верблюдовъ и, вычерпавъ воду, увидѣли на днѣ гнилой трупъ человѣка!“ [2]).

Сильная жара утомляла путешественниковъ и остановки не доставляли имъ отдыха. Раскаленные пески жгли снизу, удушливый, горячій, какъ въ печи, воздухъ, не колыхаемый часто ни малѣйшимъ вѣтромъ, не давалъ возможности дохнуть полной грудью, а между тѣмъ каждая остановка вызывала усиленный трудъ по развьючиванію и навьючиванію животныхъ, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, во время жаровъ, у верблюдовъ очень скоро сбивается спина; потомъ надо было напоить ихъ, накормить, позаботиться о

[1]) Въ письмѣ І. Л. Фатѣеву 17 сентября 1872 г.

[2]) Монголія и страна тангутовъ, ч. I, стр. 212.

собственной пищѣ и приготовить ее. Много было работы каждому изъ членовъ экспедиціи и усталость была такъ сильна, что и въ немногіе свободные часы спали самымъ тревожнымъ сномъ. Конечно, при извѣстномъ терпѣніи и стойкости характера это выносимо, но бѣда если въ подобныхъ сыпучихъ пескахъ застигнетъ путниковъ буря. Тогда вершины песчаныхъ холмовъ закурятся сначала какъ дымомъ и затѣмъ воздухъ наполняется тучами песка, который затемняетъ солнце и заноситъ путниковъ.

Во время слѣдованія съ тангутскимъ караваномъ, шли мѣстами, гдѣ не встрѣчалось населенія: все было разорено и истреблено дунганами. Путь лежалъ сначала на югъ, а потомъ повернули прямо къ западу на городъ Даджинъ, находящійся уже въ предѣлахъ провинціи Гань-су. Величественная цѣпь горъ этой провинціи виднѣлась еще издали. Пустыни и горы разграничивались весьма рѣзко: всего на разстояніи какихъ-нибудь двухъ верстъ голые пески переходили въ обработанныя поля, пестрѣвшіе цвѣтами луга, густо обставленные китайскими фанзами. „Культура и пустыня, жизнь и смерть граничили здѣсь такъ близко между собою, что удивленный путникъ едва вѣрилъ собственнымъ глазамъ....“

Уцѣлѣвшій отъ дунганскаго разоренія городъ Даджинъ лежитъ въ двухъ верстахъ за такъ называемою „Великою стѣною“. Караванъ нашъ не вошелъ въ городъ и, чтобы избавиться отъ массы любопытныхъ зѣвакъ, остановился тотчасъ за глинянымъ валомъ. Не смотря на то, въ одно мгновеніе явились тысячи любопытныхъ, лезшихъ даже въ палатку. Ни травля собаками, ни серьезныя физическія побужденія не останавливали китайцевъ: гнали однихъ, на смѣну ихъ проталкивались другіе. Явились и чиновники, просившіе показать имъ ружья и что нибудь подарить. Неудовлетворенные въ своихъ желаніяхъ, они требовали паспортъ и грозили, что не пустятъ далѣе.

Послѣ двухдневной пытки отъ празднаго китайскаго люда и чиновниковъ, Пржевальскій успѣлъ од-

накоже уйти утромъ 20-го іюня и въ тотъ-же день экспедиція поднялась на горы Гань-су, гдѣ встрѣтила иной климатъ и иную природу. Горы, достигающія предѣловъ вѣчнаго снѣга, черноземная почва, влажный воздухъ и обиліе воды—вотъ особенности этой мѣстности, отстоявшей всего на 40 верстъ отъ пустыннаго Ала-шаня. „Флора и фауна также измѣнились чрезвычайно рѣзко: богатѣйшая травянистая растительность покрыла собою плодородныя степи и долины, а густые лѣса осѣнили высокіе и крутые горные склоны; живописная жизнь явилась также въ богатомъ разнообразіи“...

„Слѣды дунганскаго истребленія встрѣчались на каждомъ шагу. Деревни, попадавшіяся очень часто, всѣ были разорены, вездѣ валялись человѣческіе скелеты и нигдѣ не было видно ни одной живой души. Наши спутники (тангуты) трусили ужаснымъ образомъ: ночью они даже не раскладывали огней, на каждомъ привалѣ святили свои ружья и постоянно просили насъ ѣхать впереди [1])“. Перейдя черезъ довольно значительную рѣчку Чагрынъ-голъ, караванъ снова вступилъ въ горы и вышелъ къ среднему теченію рѣчки Тэтунгъ-гола, близъ кумирни Чертынтонъ и въ семидесяти верстахъ восточнѣе города Тэтунга, положеніе котораго, замѣтилъ Пржевальскій [2]), „невѣрно на картахъ и его слѣдуетъ отнести гораздо выше по р. Тэтунгъ-голу“.

У кумирни путешественникамъ, по случаю болѣзни казака Чабаева, пришлось простоять пять дней и они принуждены были разстаться съ тангутскимъ караваномъ. „Невольная пятидневная остановка возлѣ Тэтунгъ-гола была для насъ какъ нельзя болѣе пріятна, говоритъ Николай Михайловичъ [3]), такъ какъ мы могли въ это время сдѣлать нѣсколько экскурсій въ сосѣднія горы, и хотя немного познакомиться съ

---

[1]) Монголія и страна тангутовъ, ч. I, 218, 219.

[2]) Въ письмѣ І. Л. Фатѣеву, 17 сентября 1872 г.

[3]) Монголія и страна тангутовъ, ч. I, 224.

ихъ флорою и фауною. Богатство той и другой привели меня къ рѣшенію вернуться сюда изъ кумирни Чейбсенъ и посвятить цѣлое лѣто болѣе подробному изученію горъ, окрестныхъ кумирнѣ Чертынтонъ".

Отъ нея до кумирни Чейбсенъ оставалось всего 70 верстъ, и такъ какъ, по словамъ мѣстныхъ жителей, съ вьючными верблюдами невозможно было пройти черезъ горный хребетъ, находящійся по южную сторону Тэтунга, то Пржевальскій оставилъ своихъ верблюдовъ у Чертынтона, а для перевозки багажа нанялъ китайцевъ съ мулами и ослами.

Въ первыхъ числахъ іюля онъ прибылъ въ кумирню Чейбсенъ, находящуюся на абсолютной высотѣ 8,900 футовъ, въ 60 верстахъ отъ г. Синина, подъ 37° 3′ сѣв. широты и подъ 70° 38′ восточной долготы отъ Пулкова. Въ теченіе недѣли, проведенной въ кумирнѣ, Николай Михайловичъ нѣсколько познакомился съ религіозными обрядами китайцевъ [1]), успѣлъ просушить собранныя дорогою коллекціи, сильно пострадавшія отъ сырости, и занялся снаряженіемъ въ горы, на остальную часть лѣта. Прежде всего онъ купилъ себѣ четырехъ муловъ и нанялъ въ услуженіе монгола, знавшаго тангутскій языкъ. Закупка всего необходимаго встрѣтила большое затрудненіе, такъ какъ по случаю грабежей дунгановъ, все трудно доставалось и стоило большихъ денегъ.

Оставивъ всю лишнюю кладь въ Чейбсенѣ и навьючивъ только самыя необходимыя вещи на муловъ и двухъ лошадей, Пржевальскій 10-го іюля отправился обратно въ горы, лежащія по обѣ стороны средняго теченія рѣки Тэтунгъ-гола и доселѣ никѣмъ не изслѣдованныя. Устроивъ свою стоянку вблизи горы Сади-Саруксумъ, считавшейся самою высшею точкою этой части хребта, и поднявшись тысячи на три футовъ выше стоянки, Н. М. взобрался на самую вершину, съ которой открывалась чудная панорама.

„Я первый разъ въ жизни, говоритъ онъ [2]), на-

[1]) Описаніе кумирни. См. Монголія и проч., стр. 226.

[2]) Монголія и страна тангутовъ, ч. I, стр. 245.

ходился на подобной высотѣ, впервые видѣлъ подъ своими ногами гигантскія горы, то изборожденныя дикими скалами, то оттѣненныя мягкою зеленью лѣсовъ, по которымъ, блестящими лентами, извивались горные ручьи. Сила впечатлѣнія была такъ велика, что я долго не могъ оторваться отъ чуднаго зрѣлища, долго стоялъ, словно очарованный, и сохранилъ въ памяти этотъ день, какъ одинъ изъ счастливѣйшихъ въ цѣлой жизни....

„Но, торопясь сборами въ палаткѣ, я позабылъ взять съ собою зажигательныхъ спичекъ и никакъ не могъ добыть огня выстрѣлами изъ штуцера, такъ что долженъ былъ отложить свое измѣреніе до другаго раза. Черезъ день я опять взошелъ на Сади-Саруксумъ, на этотъ разъ уже со всѣми принадлежностями кипѣнія. „Ну, гора, сейчасъ твоя тайна будетъ открыта“ сказалъ я, устроивъ свой кипятильникъ—и черезъ нѣсколько минутъ зналъ, что Сади-Саруксумъ вздымается на 13,600 ф. надъ уровнемъ моря. Однако, такая высота еще не захватываетъ здѣсь снѣговой линіи, и я видѣлъ маленькіе кусочки льдистаго снѣга лишь подъ скалами, въ мѣстахъ, укрытыхъ отъ солнечныхъ лучей“.

Въ этихъ горахъ, лежавшихъ по южную сторону Тэтунгъ-гола, экспедиція прожила цѣлый мѣсяцъ, а затѣмъ въ началѣ августа перешла въ сѣверный хребетъ и остановилась на высотѣ 12,000 ф. у подножія исполинской вершины Гаджуръ. Здѣсь пробыли около двухъ недѣль, перенесли нѣсколько такихъ мятелей, что земля совершенно покрывалась снѣгомъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образовались сугробы.

Горы, лежащія по обоимъ берегамъ средняго теченія р. Тэтунгъ-гола, да и вообще вся провинція Гань-су, представляютъ по своему плодородію самый рѣзкій контрастъ съ пустынями Ала-шаня. Въ Гань-су абсолютное поднятіе очень высоко, горы иногда достигаютъ предѣловъ вѣчнаго снѣга, но степи покрыты превосходною травою, горы—лѣсами, воды чрезвы-

чайное обиліе. Не смотря на сильные и частые дожди, бывшіе въ іюлѣ и августѣ, Николай Михайловичъ успѣлъ собрать очень много. Онъ нашелъ 46 новыхъ противъ Монголіи птицъ, 10 видовъ млекопитающихъ и 430 видовъ растеній. Между послѣдними самымъ важнымъ былъ *ревень*, растущій здѣсь въ изобиліи. „Подробно изслѣдовавъ это растеніе, писалъ Николай Михайловичъ [1]), я пришелъ къ убѣжденію, что его культура возможна у насъ въ двухъ мѣстахъ: въ Байкальскихъ горахъ и въ Уссурійскомъ краѣ. Для опыта я собралъ гарнецъ сѣмянъ. Кстати скажу, что въ г. Синингѣ $1^1/_3$ нашихъ фунтовъ (гино) сухаго ревеня стоитъ на наши деньги 20 коп., а въ Европѣ четыре рубля за фунтъ—разница порядочная“!

Изъ птицъ особенно замѣчательны были: огромный бланжеваго цвѣта грифъ, голубой ушастый фазанъ и много видовъ воробьиныхъ породъ. Однимъ словомъ, члены экспедиціи успѣли приготовить болѣе 200 чучелъ, что съ прежними составляло болѣе 600 экземпляровъ и собрали около 4,000 разнаго вида растеній.

Со второй половины августа растительная и животная жизнь въ горахъ стала замирать и къ концу мѣсяца наступила осень; научная добыча становилась незначительною и Николай Михайловичъ рѣшилъ вернуться въ кумирню Чейбсенъ и оттуда пробраться къ озеру Куку-нору. Захвативъ своихъ верблюдовъ изъ кумирни Чертынтонъ, онъ 1-го сентября пришелъ въ Чейбсенъ, гдѣ былъ принятъ съ распростертыми объятіями, какъ гроза дунганъ.

Разбойничьи партіи дунганъ бродили по всей странѣ, не смотря на то, что большая часть городовъ была занята китайскими войсками. Инсургенты занимали три города: Синингъ, Тэтунгъ и Сучжоу. Отсюда они распространяли свои грабежи въ разныя стороны и на столько считали себя хозяевами въ окрестностяхъ кумирни, что навели панику на монголовъ, но съ при-

[1]) Въ письмѣ І. Л. Фатѣеву, 17 сентября 1872 г.

ходомъ четырехъ русскихъ смѣльчаковъ совершенно исчезли и не показывались.

На третій день стоянки у Чейбсена, Пржевальскій узналъ, что съ верховьевъ Тэтунга три монгола пригнали стадо барановъ и черезъ нѣсколько времени должны возвратиться обратно.

Зная, что они могли служить прекрасными проводниками онъ тотчасъ же вступилъ съ прибывшими въ переговоры. Монголовъ болѣе всего смущало то, что съ вьючными верблюдами нельзя было идти ночью по горнымъ тропинкамъ, а днемъ было страшно дунганъ.

— Съ этими людьми, говорилъ монголамъ подосланный Пржевальскимъ посредникъ, — вы не бойтесь и разбойниковъ. Посмотрите, мы съ двумя тысячами человѣкъ запираемся въ своей кумирнѣ, а они вчетверомъ стоятъ въ полѣ и никто не смѣетъ ихъ тронуть. Подумайте сами, развѣ простые люди могутъ это сдѣлать. Нѣтъ, русскіе напередъ все знаютъ и ихъ начальникъ непремѣнно великій колдунъ или великій святой.

Такія убѣжденія подѣйствовали на монголовъ и они согласились быть проводниками, но съ тѣмъ, чтобы Пржевальскій погадалъ въ какой день лучше выступить. Пользуясь такимъ случаемъ и желая опредѣлить широту Чейбсена, онъ досталъ свой универсальный инструментъ, которымъ опредѣлилъ высоту солнца и сдѣлалъ магнитное наблюденіе. Затѣмъ объявилъ вытаращившимъ глаза, будущимъ своимъ спутникамъ, что надо подождать. Монголы стали гадать по своему и также вышло, что не слѣдуетъ торопиться выступленіемъ и тогда рѣшено было выступить 23-го сентября. Такая отсрочка была необходима Николаю Михайловичу, чтобы успѣть свезти свою коллекцію въ кумирню Чертынтонъ, какъ мѣсто болѣе безопасное отъ дунганъ; чтобы имѣть время произвести нѣсколько научныхъ изслѣдованій въ горахъ и, наконецъ, чтобы запастись продовольствіемъ на цѣлую зиму, такъ какъ

въ Куку-норѣ, по разсказамъ, нельзя было ничего достать. Здѣсь же они могли купить только 20 пудовъ плохой пшеничной муки, имѣли въ запасѣ 4 пуда риса и проса, что и составляло вьюкъ для четырехъ верблюдовъ.

„Вообще расходъ денегъ огромный, писалъ Пржевальскій [1]), такъ что у меня теперь въ наличности осталось только 450 руб. Съ такими ничтожными средствами невозможно дойти до Хлассы, и я долженъ съ сокрушеннымъ сердцемъ отказаться на этотъ разъ отъ своего намѣренія проникнуть во внутренній Тибетъ. Взамѣнъ того, думаю изслѣдовать подробно бассейнъ Куку-нора и страну Цайдамъ, лежащую къ юго-западу отъ него. Кстати скажу, что моя экспедиція до сихъ поръ уже стоитъ 14,000 рублей на наши кредитныя деньги, но и это очень мало въ здѣшнихъ мѣстахъ. Для полнаго снаряженія путешествія здѣсь нужно въ годъ отъ 8,000 до 10,000 рублей“.

Въ назначенный день, 23-го сентября, путешественники двинулись по горнымъ тропинкамъ, идущимъ въ срединѣ между двумя дунганскими городами: Сэнъ-гуань и Тэтунгъ. На другой день утромъ у кумирни Алтынъ, китайскіе солдаты, охранявшіе тропинку и грабившіе и своихъ и дунганъ, въ числѣ 30 человѣкъ, бросились было на нашъ караванъ, но видя, что по нимъ готовы были стрѣлять, остановились, слѣзли съ лошадей и стали извиняться. Они увѣряли, что ошиблись, принявъ русскихъ за дунганъ и разбойниковъ, хотя ни тѣ, ни другіе на верблюдахъ не ѣздятъ. Черезъ нѣсколько верстъ повторилось такое же нападеніе, но безъ всякаго результата. На третій день пути, съ вершины перевала Пржевальскій и его спутники увидали въ разстояніи около двухъ верстъ до ста человѣкъ вооруженныхъ дунганъ. Замѣтивъ приближеніе каравана, конные дунганы сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ и столпились при выходѣ изъ ущелья, по которому шли четыре человѣка русскихъ.

---

[1]) І. Л. Фатѣеву, 17 сентября 1872 года.

Проводники уговаривали вернуться, но наши рѣшились или пройти, или погибнуть, но съ оружіемъ въ рукахъ, „а не позорною смертью барана, котораго разбойники потащили-бы на висѣлицу“ [1]).

„Положеніе наше, говоритъ Пржевальскій [2]), дѣйствительно было весьма опаснымъ, но инаго исхода не предстояло—вся наша надежда заключалась въ превосходномъ вооруженіи и извѣстной трусости дунганъ“.

Разсчетъ оказался вѣренъ и дунгане, подпустивъ нашъ караванъ не ближе какъ на версту, бросились на уходъ. Пржевальскій и его спутники поднялись на высокій и трудный перевалъ, среди наступившей ночи и сильнѣйшей мятели, ощупью спустились въ столь узкое и лѣсистое ущелье, что едва могли найти мѣсто для палатки, чтобы развести огонь и отогрѣть окоченѣвшіе члены. О дунганахъ не было и слуху.

— Мы шли, говорилъ Николай Михайловичъ, тою самою тибетскою дорогою, по которой въ теченіе одиннадцати лѣтъ не осмѣлился пройти ни одинъ караванъ богомольцевъ, собирающихся обыкновенно тысячами для подобнаго путешествія. Насъ четырехъ разбойники боялись больше, чѣмъ всѣхъ китайскихъ войскъ въ совокупности и избѣгали встрѣчи. Во время стоянки у Чейбсена все было покойно, но лишь только мы откочевали въ горы, какъ опять появились дунганы и разбои начались по-прежнему. Подъѣзжая къ самымъ стѣнамъ Чейбсена и хорошо зная, что насъ тамъ нѣтъ, разбойники кричали: „гдѣ же ваши защитники русскіе, мы пришли воевать съ ними“. Въ отвѣтъ на это мѣстные милиціонеры, вооруженные лишь пиками, да нѣсколькими фитильными ружьями, смиренно сидѣли за стѣнами и молили Бога, чтобы скорѣе пришли избавители русскіе. Вотъ что̀ значатъ европейцы для азіятскаго люда! Вотъ фактъ, характеризующій населеніе внутренней Азіи. Это сплошь одно стадо бара-

[1]) Письмо Пржевальскаго Я. П. Шишмареву, 15 іюня 1873 г.

[2]) Монголія и страна тангутовъ, ч. I, 253.

новъ, трусливыхъ до невѣроятія. Но вся эта гниль держится невѣдѣніемъ нашимъ и тѣми превратными понятіями, которыя распространены о Китаѣ въ Европѣ синологами и миссіонерами. Тѣ и другіе, конечно, имѣютъ въ этомъ свою личную выгоду. Здѣсь вездѣ можно проникнуть, только не съ Евангеліемъ подъ мышкою, а съ деньгами въ карманѣ, со штуцеромъ въ одной рукѣ и съ ногайкою въ другой. Мы на опытѣ видѣли, на сколько необходимы въ тамошнихъ странахъ эти три вещи. Съ ними должны идти сюда европейцы и снести, во имя цивилизаціи, всѣ эти подонки человѣческаго рода. Тысячи нашихъ солдатъ достаточно, чтобы покорить всю Азію отъ Байкала до Гималая. И пора бы тряхнуть хорошенько Срединное государство, пора перестать церемониться и сносить всѣ оскорбленія, которыми на каждомъ шагу угощаютъ европейца въ предѣлахъ Небесной Имперіи. Здѣсь еще можно повторить подвиги Кортеса. Когда вернусь въ Россію, то, какъ очевидецъ, буду печатно и словесно твердить объ этой необходимости [1]).

Дальнѣйшій путь не представлялъ никакой опасности отъ дунганъ и затруднялся только ежедневнымъ снѣгомъ, таявшимъ на солнцѣ и разводившимъ сильную грязь. Верблюды шли плохо, часто падали, но экспедиція подвигалась впередъ и, пройдя по всему верхнему теченію р. Тэтунгъ-гола, 12 октября вступила въ равнину Куку-нора и черезъ день разбила свою палатку на берегу этого озера. Пржевальскій былъ въ восторгѣ. „Мечта моей жизни исполнилась, говоритъ онъ. Завѣтная цѣль экспедиціи была достигнута! То, о чемъ недавно еще только мечталось, теперь превратилось уже въ осуществленный фактъ! Правда, такой успѣхъ былъ купленъ цѣною многихъ тяжкихъ испытаній, но теперь всѣ пережитыя невзгоды были забыты и, въ полномъ восторгѣ, стояли мы съ товарищемъ на берегу великаго озера, любуясь на его чудныя, темноголубыя волны....“

---

[1]) Изъ рапортовъ Пржевальскаго и его писемъ къ разнымъ лицамъ.

Оставшись на нѣсколько дней у озера, Николай Михайловичъ произвелъ цѣлый рядъ изслѣдованій, промѣнялъ своихъ негодныхъ верблюдовъ на свѣжихъ и, имѣя ихъ 11 головъ, двинулся далѣе въ Тибетъ. Путь лежалъ сначала по сѣверному, а потомъ по западному берегу озера, долинами рр. Бухайнъ-гола и Дуланъ-гола. При выходѣ изъ узкой долины, образованной послѣднею рѣчкою, находится урочище Дуланъкитъ — мѣсто пребыванія правителя западной части куку-норской земли. Здѣсь экспедиція принята была довольно радушно и въ особенности дядею молодаго правителя, помогавшимъ ему править страною. Получивъ отъ русскихъ подарки, онъ въ отвѣтъ прислалъ юрту, очень пригодившуюся путешественникамъ въ Тибетѣ, и выразилъ свое вниманіе тѣмъ, что запретилъ зѣвакамъ ходить безъ дѣла въ ихъ палатку. Это распоряженіе дѣйствительно доставило Пржевальскому и его спутникамъ большое удовольствіе, въ особенности послѣ того, когда повсюду разнесся слухъ, что явились „четверо какихъ-то невиданныхъ людей и между ними одинъ великій святой запада, который идетъ въ Хлассу, чтобы познакомиться съ Далай-Ламою — великимъ святымъ востока“.

По мѣрѣ того какъ экспедиція подвигалась въ глубь Монголіи и провинціи Гань-су, стоустная молва опережала ее съ разсказами о необыкновенныхъ людяхъ. Туземцы говорили, что это полу-боги, не боящіеся разбойниковъ дунганъ, что они заговорены отъ пуль, вооружены небывалыми ружьями и, въ случаѣ нападенія, по повелѣнію главнаго, является тысяча невидимыхъ людей и сражаются за него. Далѣе разсказывали, что, охотясь на звѣрей, они бьютъ ихъ издали и въ летъ стрѣляютъ по птицамъ, а затѣмъ препарируютъ ихъ и дѣлаютъ чучела; что предводитель четырехъ неизвѣстныхъ людей располагаетъ стихіями по своему произволу: можетъ нагнать бурю и снѣгъ, напустить болѣзни на скотъ, на людей и проч. Разсказы росли, видоизмѣнялись, преувеличивались и послужили къ присвоенію Пржевальскому наименованіе *хубилганъ*—великій

святой и сверхъестественный докторъ. Поводомъ къ послѣднему служило собираніе растеній. Николай Михайловичъ не старался разубѣждать легковѣрныхъ, видя въ этомъ большую для себя выгоду въ дальнѣйшемъ путешествіи, но за то испытывалъ и многія неудобства. Онъ не могъ отдѣлаться отъ благословеній, просьбъ предсказать будущее и отъ многочисленной толпы, приходившей поклониться не только путешественникамъ, но и ихъ ружьямъ; мѣстные князья привозили своихъ дѣтей, прося Николая Михайловича наложить на нихъ руку и этимъ знаменіемъ благословить ихъ на всю жизнь. При приближеніи экспедиціи къ Дуланъ-киту, собралось до 200 человѣкъ, которые, стоя на колѣняхъ, по обѣимъ сторонамъ дороги, усердно молились.

„Отъ желающихъ предсказаній не было отбоя, пишетъ Пржевальскій [1]). Ко мнѣ приходили узнавать не только о судьбѣ дальнѣйшей жизни, но также о пропавшей скотинѣ, потерянной трубкѣ и т. п.; одинъ тангутскій князекъ серьезно добивался узнать средство, черезъ которое можно заставить его безплодную жену имѣть хотя нѣсколько дѣтей. Обаяніе нашего имени превосходило всякое вѣроятіе. Такъ, идя въ Тибетъ, мы оставили въ Цайдамѣ лишній мѣшокъ съ дзамбою, и мѣстный князь, принимая его на храненіе, съ радостію говорилъ намъ, что этотъ мѣшокъ будетъ теперь стеречь весь его хошунъ отъ разбойниковъ тангутовъ“.

Покинувъ Дуланъ-китъ, Пржевальскій перевалилъ черезъ невысокій горный кряжъ, составляющій отрогъ южно-куку-норскаго хребта и вступилъ въ раскинувшіяся необозримою гладью равнины Цайдама, за которыми подымался стѣною хребетъ Бурханъ-Будда. 18 ноября экспедиція прибыла къ ставкѣ начальника хошуна Дзунъ-засака, откуда, нанявъ проводниковъ, направилась въ Тибетъ, съ намѣреніемъ пройти хотя до верховьевъ Голубой рѣки.

Въ тибетскихъ пустыняхъ дорогъ нѣтъ, но есть множество тропинокъ, протоптанныхъ дикими звѣрями;

[1]) Монголія и страна тангутовъ, ч. I, стр. 294.

на возвышенныхъ плато тибетскихъ горъ страшные холода и бури господствуютъ всю зиму; весною бываютъ бури и сильныя мятели, лѣтомъ — дожди, часто съ сильнымъ градомъ, и только осенью погода стоитъ ясная, тихая и довольно теплая. Этимъ-то временемъ года и пользуются монголы, отправляясь огромными караванами въ Хлассу на богомолье. Сборнымъ пунктомъ такихъ каравановъ служитъ озеро Куку-норъ, откуда отправляются въ началѣ сентября и приходятъ въ Хлассу въ началѣ ноября. Осеннее же и, въ особенности, весеннее путешествіе черезъ сѣверный Тибетъ никогда не обходится благополучно; много людей, а въ особенности животныхъ, гибнетъ въ этихъ страшныхъ пустыняхъ. Но не смотря на то, онѣ богаты животною жизнію; здѣсь водятся: дикій якъ (длинно-шерстый быкъ), бѣлогрудый аргали, куку-яманъ, антилопы, хуланъ (дикій оселъ), желтовато-бѣлый волкъ, медвѣдь, лисица и проч.

Два съ половиною мѣсяца (съ 23 ноября 1872 г. по 10 февраля 1873 г.) провелъ Пржевальскій и его спутники въ пустыняхъ сѣвернаго Тибета, охотясь на рѣдкихъ и невиданныхъ европейцемъ звѣрей [1]). Добыча была столь велика, что препарированные экземпляры не могли помѣститься на вьюкахъ и путешественникамъ пришлось оставить часть своихъ продовольственныхъ запасовъ въ Цайдамѣ, а лишніе патроны, пули и двѣ шкуры яковъ закопать въ розсыпяхъ вблизи перевала Бурханъ-Будда.

Время, проведенное въ Тибетѣ, было самымъ лучшимъ и самымъ труднымъ изъ всей экспедиціи. Лучшимъ потому, что здѣсь не было вовсе населенія, враждебно относившагося къ путешественникамъ, и было множество рѣдкихъ породъ звѣрей; труднымъ — по климатическимъ условіямъ, связаннымъ съ наступившими холодами.

„Глубокая зима, пишетъ Николай Михайловичъ [2]),

[1]) Превосходное описаніе охоты сдѣлано самимъ авторомъ на стр. 311 — 330 его книги „Монголія и страна тангутовъ“, ч. I.

[2]) Тамъ же, стр. 331.

съ сильными морозами и бурями, полное лишеній всего, даже самаго необходимаго, наконецъ, различныя другія трудности — все это день въ день изнуряло наши силы. Жизнь наша была, въ полномъ смыслѣ, борьба за существованіе, и только сознаніе научной важности предпринятаго дѣла давало намъ энергію и силы для успѣшнаго выполненія своей задачи".

Юрта, подаренная куку-норскимъ ваномъ, была истиннымъ спасеніемъ отъ бурь и морозовъ. Она имѣла 11 фут. въ діаметрѣ основанія и 9 фут. до верхняго отверстія, замѣнявшаго окно и трубу. Два походныхъ сундука составляли ея мебель; войлоки служили кроватью и одѣяломъ; посрединѣ стоялъ желѣзный таганъ, въ которомъ горѣлъ аргалъ. Вечеромъ, когда ложились спать, за деревянныя клѣтки боковъ юрты подсовывались и подвѣшивались сапоги, чулки, подвертки и прочіе предметы одежды, снимаемой на ночь.

Обыкновенно часа за два до разсвѣта путешественники вставали, варили и пили кирпичный чай съ разною приправою и затѣмъ собирались въ путь: разбирали юрту и вьючили какъ ее, такъ и бывшія внутри вещи. Работа эта занимала часа полтора времени и всѣ уходили порядочно уже уставшіе. Стояли трескучіе морозы и сильные вѣтры. Сидѣть на лошади невозможно, а идти пѣшкомъ, да еще съ оружіемъ, очень трудно, при томъ разрѣженномъ воздухѣ, который былъ въ нагорьѣ: „малѣйшій подъемъ кажется очень труднымъ, чувствуется одышка, сердце бьется очень сильно, руки и ноги трясутся; по временамъ начинается головокруженіе и рвота". Къ этому надо прибавить, что путешественники не мылись и не перемѣняли бѣлье: одну и ту же рубашку они носили дней по 20 и болѣе, потому что вымыть ее было и негдѣ, и некому. Предшествовавшее странствованіе совершенно уничтожило одежду — она была покрыта заплатами, а къ изношеннымъ голенищамъ сапогъ подшивались куски шкуры разныхъ животныхъ, и въ такихъ ботинкахъ щеголяли наши путешественники въ самые сильные морозы. Часто къ послѣднимъ присоединялись

бури, несшія тучи пыли и песка. Предвѣстникомъ ихъ былъ легкій вѣтерокъ, который, постепенно усиливаясь, поднималъ пыль на столько густую, что солнце дѣлалось совсѣмъ невидимымъ и въ разстояніи нѣсколькихъ сотъ шаговъ не было видно даже самыхъ высокихъ горъ. Воздухъ становился тяжелымъ для дыханія и открыть глаза противъ вѣтра было невозможно. Въ такіе дни можно было пройти верстъ десять не болѣе и караванъ останавливался. Снова развьючивались верблюды, ставилась юрта, собирали аргалъ, рубили ледъ для воды и камнемъ замерзшее мясо для варки пищи. Голодные и прозябшіе путешественники ждали съ нетерпѣніемъ обѣда или ужина, но вотъ бѣда, онъ приготовляется медленно. При рѣдкости воздуха аргалъ горитъ плохо и даетъ мало жару; вода закипаетъ только при 68° R., а тутъ надо еще сначала растаять ледъ и приготовленное мясо. Только къ 6 или 7 часамъ вечера поспѣвалъ незатѣйливый обѣдъ, который казался всѣмъ роскошною трапезою.

„Послѣ обѣда, пишетъ Пржевальскій [1]), который вмѣстѣ съ тѣмъ служилъ и ужиномъ, являлась новая работа. Такъ какъ всѣ лужи и ручьи, за весьма рѣдкими исключеніями, были промерзши до дна, а снѣгу также не имѣлось, то приходилось ежедневно таить два ведра воды для двухъ нашихъ верховыхъ лошадей [2]). Затѣмъ наступало самое тяжелое для насъ время—это долгая зимняя ночь. Казалось, что послѣ всѣхъ дневныхъ трудовъ, ее можно было провести спокойно и хорошенько отдохнуть, но далеко не такъ выходило на дѣлѣ. Наша усталость обыкновенно переходила границы и являлась истомленіемъ всего организма; при такомъ полуболѣзненномъ состояніи, спокойный отдыхъ невозможенъ. Притомъ-же, вслѣдствіе сильнаго разрѣженія и сухости воздуха, во время сна всегда являлось удушье [3]), въ родѣ тяжелаго кошмара,

---

[1]) Монголія и страна тангутовъ, ч. I, стр. 333.

[2]) Для верблюдовъ же мы изрѣдка рубили ледъ, который они ѣли вмѣсто снѣга.

[3]) На нагорьи сѣв. Тибета спать можно только съ самымъ высокимъ изголовьемъ, или въ полусидячемъ положеніи.

а ротъ и губы очень сохли. Прибавьте къ этому, что наша постель состояла изъ одного войлока, насквозь пропитаннаго пылью и постланнаго прямо на мерзлую землю. На такомъ-то логовищѣ и при сильномъ холодѣ, безъ огня въ юртѣ, мы должны были валяться по десяти часовъ сряду, не имѣя возможности спокойно заснуть и, хотя на это время, забыть всю трудность своего положенія".

При сильныхъ морозахъ, даже и при безвѣтріи, охота была очень трудна и возможна только въ наушникахъ, шубѣ и рукавицахъ; руки мерзли, въ скорострѣльное ружье трудно было вложить патронъ, глаза были постоянно полны слезъ, что, конечно, портило быстроту и мѣткость выстрѣла. Не смотря, однакоже на то, за время пребыванія экспедиціи въ Тибетѣ, было убито 76 крупныхъ звѣрей, не считая вдвое бо̀льшаго числа раненыхъ, и изъ нихъ однихъ яковъ было убито 32.

Странствуя съ такими затрудненіями по Тибету, Пржевальскій и его спутники встрѣтили новый 1873 годъ при самой мрачной обстановкѣ.

„Еще ни разу въ жизни, записалъ Николай Михайловичъ въ своемъ дневникѣ, не приходилось мнѣ встрѣчать новый годъ въ такой абсолютной пустынѣ, какъ та, въ которой мы нынѣ находимся. И какъ бы въ гармонію ко всей обстановкѣ, у насъ не осталось рѣшительно никакихъ запасовъ, кромѣ поганой дзамбы и небольшаго количества муки. Лишенія страшныя, но ихъ необходимо переносить, во имя великой цѣли экспедиціи. Да, хватитъ-ли намъ силъ и воли окончить вполнѣ это славное дѣло—вотъ лучшее пожеланіе, которое мы приносимъ себѣ на новый годъ....

„Вчера вечеромъ и сегодня днемъ мы съ Пыльцовымъ много разъ вспоминали про родину, домашнихъ и хотя мысленно могли понестись туда, гдѣ покинуто все дорогое"....

Сходивъ въ новый годъ на охоту, Пржевальскій на слѣдующій день двинулся далѣе и 10-го января до-

шелъ до береговъ Голубой рѣки (Янъ-цзы-цяна), далѣе которой на этотъ разъ Пржевальскій не проникалъ во внутренней Азіи.

„На берегахъ Голубой рѣки, писалъ Николай Михайловичъ [1]), чуть не на каждой верстѣ попадаются громаднѣйшія стада яковъ, дикихъословъ, антилопъ и горныхъ барановъ. Въ день можно убить десять, даже двадцать крупныхъ животныхъ. Я, однако, въ теченіе мѣсяца убилъ 20 яковъ, да Пыльцовъ съ казакомъ 12; всего-же мы убили здѣсь 76 звѣрей и потому такъ мало, что били обыкновенно или для шкуры, или для ѣды, но не для счета. Притомъ-же, никогда не преслѣдовали раненыхъ и брали только убитыхъ наповалъ. Да и изъ этихъ мы всегда брали мяса только на одинъ день, такъ какъ здѣсь можно когда угодно убить какого угодно звѣря. Такимъ образомъ, убивъ буйвола вѣсомъ пудовъ въ 40, мы брали изъ него фунтовъ 15 мяса, или иногда одинъ языкъ да почки, а остальное бросали. На слѣдующій день опять убивали звѣря и опять брали отъ него мясо, только на одну варку. Да, такое количество звѣрей, какъ въ сѣверномъ Тибетѣ, можно встрѣтить еще развѣ только въ южной Африкѣ и болѣе нигдѣ на нашей землѣ. Обыкновенно, кругомъ нашей палатки, въ особенности, если она стояла вблизи воды, вездѣ виднѣлись дикія животныя, очень часто пасшіяся съ нашими верблюдами. Только сильные морозы, да постоянныя бури, очень мѣшали охотамъ, подобныхъ которымъ въ Европѣ не увидишь и во-снѣ“.

Странствованіе по Тибетской пустынѣ совершенно истомило верблюдовъ: трое изъ нихъ пали, а остальные едва волочили ноги. Въ карманѣ у Николая Михайловича было всего 5 ланъ (10 руб.) и онъ рѣшился съ добытыми результатами идти обратно на Куку-норъ, въ Гань-су и далѣе въ Ала-шань.

Въ первой трети февраля экспедиція возвратилась въ равнины Цайдама, до 1-го апрѣля оставалась на

---

[1]) Въ письмѣ І. Л. Фатѣеву, 14-го октября 1873 г., изъ Иркутска.

берегахъ озера Куку-нора, а затѣмъ направилась въ кумирню Чейбсенъ тою же дорогою, по которой шла осенью.

Во время мѣсячной стоянки у Куку-нора Пржевальскій снарядилъ свой караванъ для дальнѣйшаго пути. Неимѣніе денегъ заставило его промѣнять юрту на нѣсколько верблюжьихъ сѣделъ, крайне необходимыхъ, и три револьвера—на три хорошихъ верблюда, взамѣнъ павшихъ въ Тибетѣ. Сверхъ того, два револьвера были проданы за 65 ланъ (130 руб.) и этими деньгами обезпечена возможность пробыть три весенніхъ мѣсяца на Куку-норѣ и Гань-су.

Путь къ Чейбсену по горнымъ тропинкамъ представлялъ не малыя затрудненія: замерзавшая во время ночи почва оттаивала днемъ и дѣлалась очень скользкою для лошадей и верблюдовъ; отсырѣвшіе вьюки увеличились въ вѣсѣ и обременяли животныхъ на столько, что всѣмъ членамъ экспедиціи приходилось идти пѣшкомъ, почти безъ обуви, въ сапогахъ-самодѣлкахъ. Ко всему этому пришлось два раза переправляться черезъ р. Тэтунгъ-голъ: въ первый разъ—по осѣвшему на дно зимнему льду, а второй—прямо въ бродъ, глубиною фута четыре. Съ такими затрудненіями караванъ 15-го апрѣля прибылъ въ кумирню Чейбсенъ, черезъ два дня направился къ Чертынтону и выйдя въ концѣ мая изъ горной области Гань-су очутился у границъ Ала-шаньской пустыни. Пятнадцать дней было употреблено на переходъ до г. Дынь-юань-ина, гдѣ Пржевальскій получилъ тысячу ланъ денегъ, высланныхъ ему заботливостію генерала Влангали, письма изъ Россіи и три послѣднихъ нумера газеты „Голосъ“ за 1872 г.

„Трудно передать, говоритъ Николай Михайловичъ, какимъ праздникомъ для насъ былъ этотъ день. Съ лихорадочною жадностію читали мы письма и газеты, гдѣ все для насъ было новостію, хотя бы (описывались) событія, со дня которыхъ минуло уже болѣе года. Европа, родина, былая жизнь — все живо вос-

кресло передъ нами. И еще сильнѣе почувствовали мы теперь свое одиночество, среди тамошнихъ людей, чуждыхъ намъ во всемъ—отъ самаго своего облика и до малѣйшаго оттѣнка своего характера“....

Изъ Дынь-юань-ина Николай Михайловичъ предполагалъ двинуться прямо въ Ургу, но потомъ рѣшился нѣсколько отдохнуть и вмѣстѣ съ тѣмъ изслѣдовать болѣе подробно Ала-шаньскія горы. Послѣднія представились ему не въ привлекательномъ видѣ: мрачные лѣса и угрюмыя скалы не оглашались веселыми пѣснями птицъ, и лишь раннимъ утромъ и притомъ изрѣдка слышенъ былъ голосъ одной пташки.

Два съ половиною мѣсяца, проведенные въ Ала-шаньскихъ горахъ, ознаменовались такимъ наводненіемъ, какого до сихъ поръ еще не видали путешественники. Утромъ, 1-го іюля, хлынулъ дождь, какъ изъ ведра; съ крутыхъ склоновъ горъ, ложбинъ и боковыхъ ущелій потекли ручьи, которые, соединившись на днѣ главнаго ущелья, гдѣ стояла палатка нашихъ путешественниковъ, образовали потокъ, несшійся съ страшною быстротою.

„Глухой шумъ, говоритъ Николай Михайловичъ, еще издали возвѣстилъ намъ приближеніе этого потока, масса котораго увеличивалась съ каждою минутою. Мигомъ глубокое дно нашего ущелья было полно воды, мутной, какъ кофе, и стремившейся по крутому скату съ невообразимою быстротою. Огромные камни и цѣлыя груды меньшихъ обломковъ неслись потокомъ, который съ такою силою билъ въ боковыя скалы, что земля дрожала, какъ бы отъ вулканическихъ ударовъ. Среди страшнаго рева воды слышно было, какъ сталкивались между собою и ударялись въ боковыя ограды огромныя каменныя глыбы. Изъ менѣе твердыхъ береговъ и съ верхнихъ частей ущелья вода тащила цѣлыя тучи мелкихъ камней и громадными массами бросала ихъ то на одну, то на другую сторону своего ложа. Лѣсъ, росшій по ущелью, исчезъ—всѣ деревья были выворочены съ корнемъ, переломаны и перетерты на мелкіе кусочки“....

Проливной дождь не унимался и въ трехъ саженяхъ отъ палатки уже бушевалъ потокъ, уничтожавшій все на своемъ пути. „Еще минута, прибавляетъ Пржевальскій [1]), еще лишній футъ прибылой воды—и наши коллекціи, труды всей экспедиціи погибли бы безвозвратно.... Спасти ихъ нечего было и думать при такомъ быстромъ появленіи воды; впору было только самимъ убраться на ближайшія скалы. Бѣда была такъ неожиданна, такъ близка и такъ велика, что на меня нашелъ какой-то столбнякъ: я не хотѣлъ вѣрить своимъ глазамъ и, будучи лицомъ къ лицу съ страшнымъ несчастіемъ, еще сомнѣвался въ его дѣйствительной возможности.... Но счастіе и теперь выручило насъ. Впереди нашей палатки находился небольшой обрывъ, на который волны начали бросать камни и вскорѣ нанесли ихъ такую груду, что она удержала дальнѣйшій напоръ воды—и мы были спасены".

Послѣ такой катастрофы экспедиція торопилась оставить горы, вернулась въ г. Дынь-юань-инъ, переснарядила свой караванъ и 14-го іюля выступила срединою Гоби на Ургу. Путь этотъ еще не былъ пройденъ ни однимъ европейцемъ, лежалъ черезъ самую дикую часть Гоби и представлялъ высокій научный интересъ, но за то обѣщалъ много труда и лишеній. На протяженіи 1,100 верстъ не было ни одного ручья, ни одного озерка, а иногда на 50—60 верстахъ не встрѣчалось ни одного колодца, чтобы утолить мучительную жажду. Іюльскія жары были въ полномъ разгарѣ и доходили до 45° Ц. въ тѣни днемъ и 23,5° Ц. ночью; жгло сверху отъ солнца и снизу отъ почвы, раскаленной часто до 63° Цельзія. Палатка не спасала отъ жары и поливаніе водою какъ полотна, такъ и земли внутри ея не помогало—черезъ полчаса было сухо по прежнему и некуда дѣться отъ невыносимаго зноя.

Вѣтеръ не охлаждалъ атмосферу, но усиливалъ жаръ, подымая верхнія раскаленныя частицы песку и

[1]) Монголія и страна тангутовъ, ч. I, стр. 367 и 368.

соли. Бѣда, если въ такое время нѣтъ запасовъ воды, или до колодца далеко! Гибель путниковъ неизбѣжна.

Особенно памятно было въ этомъ отношеніи 19-е іюля. Выступивъ отъ озера Далай-дабасу, путешественники направились по дорогѣ къ хребту Ханъула. По словамъ проводниковъ, предстоялъ переходъ верстъ въ 25, на протяженіи которыхъ были два колодца, въ разстояніи 8 верстъ другъ отъ друга. Первый колодецъ былъ дѣйствительно найденъ въ указанномъ мѣстѣ и путешественники, напившись сами и напоивъ животныхъ, двинулись далѣе въ полной увѣренности встрѣтить скоро и второй колодецъ. Увѣренность была такъ велика, что одинъ изъ казаковъ предложилъ вылить изъ ведеръ запасную воду, чтобы не возить ее даромъ, но Николай Михайловичъ запретилъ это дѣлать, словно предчувствуя, что она будетъ спасеніемъ въ пустынѣ.

Не было еще 7 часовъ утра, а жара становилась невыносимою. Прошли болѣе 10 верстъ, а колодца не встрѣтили. Монголъ объявилъ, что по всей вѣроятности путешественники приняли нѣсколько въ сторону и сбились съ пути; онъ отправился на песочный холмъ посмотрѣть на окружающую мѣстность и минутъ черезъ 20 сталъ звать къ себѣ. Караванъ повернулъ по указанному направленію и узналъ отъ проводника, что до колодца не болѣе 5 верстъ и надо идти напрямикъ. Прошли гораздо болѣе пяти верстъ, а колодца нѣтъ. Почва накалилась страшно, сухость воздуха была невообразимая. Запасъ воды истощился и оставалось на всѣхъ не болѣе полуведра.

— Далеко-ли до воды? спрашивали проводника.

— Очень близко, отвѣчалъ онъ, за горкою.

Прошли верстъ десять, а воды нѣтъ. Видя безвыходность положенія, Пржевальскій отправилъ впередъ Пыльцова и монгола, чтобы они взяли воды изъ колодца и ѣхали имъ на встрѣчу. Проѣхавъ около пяти верстъ Пыльцовъ все-таки не нашелъ колодца и вер-

нулся назадъ. Замѣтивъ возвращеніе посланныхъ, Николай Михайловичъ думалъ, что вода найдена, но, къ сожалѣнію узналъ, что до колодца еще далеко.

„Въ первое мгновеніе, записалъ онъ въ своемъ дневникѣ, я хотѣлъ застрѣлить проводника, такъ какъ онъ былъ главною причиною всѣхъ нашихъ бѣдъ, но потомъ раздумалъ, что этимъ дѣло не поправится, а еще ухудшится, такъ какъ безъ него мы уже навѣрное не найдемъ колодца—и отколотилъ его (монгола) изо-всей силы.... Положеніе наше было дѣйствительно страшное: воды оставалось въ это время не болѣе нѣсколькихъ стакановъ. Мы брали въ ротъ по одному глотку, чтобы хотя немного промочить совсѣмъ почти засохшій языкъ. Все тѣло наше горѣло, какъ въ огнѣ, голова кружилась чуть не до обморока. Еще часъ такого положенія и мы бы погибли. Я ухватился за послѣднее средство: приказалъ одному казаку, взявъ кастрюлю и чайникъ, вмѣстѣ съ монголомъ скакать во весь опоръ къ колодцу за водою. Если же тамъ воды не окажется, или проводникъ вздумаетъ бѣжать, то я велѣлъ казаку убить его. Сами мы съ однимъ казакомъ двинулись при караванѣ. Скоро въ пыли скрылись изъ глазъ посланные за водою и мы брели по ихъ слѣду шагъ за шагомъ, въ томительномъ ожиданіи рѣшенія нашей участи. Наконецъ, минутъ черезъ 20 показался казакъ, скачущій назадъ во весь опоръ, но что онъ везъ намъ? вѣсть ли о спасеніи, или о гибели? Пришпоривъ своихъ лошадей, которыя едва уже могли двигаться, мы поѣхали къ нему на встрѣчу, и съ радостію, доступною только человѣку, бывшему на волосъ отъ смерти и теперь спасенному, услыхали, что колодецъ дѣйствительно есть и получили свѣжей воды. Напившись и помочивъ немного голову, мы поѣхали въ указанномъ направленіи и скоро достигли колодца. Дѣло это было уже въ 2 часа пополудни, такъ что по страшной жарѣ, мы шли девять часовъ сряду и сдѣлали 34 версты“.

Наученные горькимъ опытомъ и желая избѣгнуть жары, вставали очень рано, до разсвѣта, но вьюченіе

верблюдовъ отнимало много времени и выходить приходилось все-таки съ восходомъ солнца. Конечно, можно бы было очень много облегчить переходы, дѣлая ихъ ночью, но въ такомъ случаѣ нужно было отказаться отъ съемки, составляющей одинъ изъ важныхъ отдѣловъ изслѣдованій. На маршрутно-глазомѣрной картѣ, приложенной къ книгѣ г. Пржевальскаго, путь отъ Дынь-юань-ина до Урги занимаетъ линію, немного болѣе двухъ дюймовъ длиною, но эта линія пріобрѣтена цѣною 44 переходовъ, сдѣланныхъ большею частію по страшной дневной жарѣ пустыни.

Истомленные физически, наши путешественники дѣлали усиленные переходы, чтобы поскорѣе добраться до Урги и считали не только дни, но и часы, когда наступитъ желанная минута.

„Жаль только, записалъ Пржевальскій въ своемъ дневникѣ, что скоро идти нельзя: устали мы сильно, да притомъ, не смотря на конецъ августа, еще стоятъ день въ день жары. Нужно видѣть, въ какомъ теперь видѣ наше одѣяніе. Сапогъ нѣтъ, а вмѣсто ихъ разорванные унты; сюртукъ и штаны всѣ въ дырахъ и заплатахъ, фуражки походятъ на старую выброшенную тряпку, рубашки всѣ поизорвались: осталось всего три полугнилыхъ, изъ которыхъ каждая не выноситъ болѣе недѣли. Каждый день мы отрываемъ отъ своихъ рубашекъ по отвалившемуся куску и носимъ ихъ (рубашки) до нельзя, часто даже безъ рукавовъ“.

Въ такомъ видѣ и съ огромными лишеніями караванъ достигъ до береговъ Толы, первой рѣки, встрѣченной на протяженіи 1,300 верстъ, считая отъ Ганьсу, а затѣмъ 5-го сентября пришелъ въ Ургу, гдѣ былъ радушно встрѣченъ нашимъ консуломъ.

„Не берусь описать, говоритъ Николай Михайловичъ, впечатлѣніе той минуты, когда мы впервые услышали родную рѣчь, увидѣли родныя лица и попали въ европейскую обстановку. Намъ, совершенно уже отвыкшимъ отъ европейской жизни, сначала все

казалось страннымъ, начиная отъ вилки и тарелки, до мебели, зеркалъ и проч. Но уже на другой день намъ казалось, что мы какъ будто недѣлю жили среди всего этого. Прошедшая экспедиція и всѣ ея невзгоды казались теперь какимъ-то страшнымъ сномъ. Сумма новыхъ впечатлѣній была такъ велика и такъ сильно дѣйствовала на насъ, что мы въ этотъ день очень мало ѣли и почти не спали цѣлую ночь. Помывшись на другой день въ банѣ, въ которой не были почти два года, мы до того ослабѣли, что едва держались на ногахъ. Только дня черезъ два мы начали приходить въ себя, спокойно спать и ѣсть съ волчьимъ апетитомъ“ [1]).

„Путешествіе наше кончилось! Его успѣхъ превзошелъ даже тѣ надежды, которыя мы имѣли, переступая въ первый разъ границу Монголіи.... Будучи нищими, относительно матеріальныхъ средствъ, мы только рядомъ постоянныхъ удачъ обезпечивали успѣхъ своего дѣла. Много разъ оно висѣло на волоскѣ, но счастливая судьба выручала насъ и дала возможность совершить посильное изслѣдованіе наименѣе извѣстныхъ и наиболѣе недоступныхъ странъ Внутренней Азіи“.

Дѣйствительно, результаты, добытые экспедиціею, были громадны. Въ теченіе почти трехъ лѣтъ [2]) она прошла 11,100 верстъ, причемъ 5,300 верстъ были сняты глазомѣрно бусолью. Эта съемка доставила матеріалы для карты, которая обнимаетъ обширное неизслѣдованное пространство въ центральной Азіи до верховьевъ Голубой рѣки и даетъ впервые ясное понятіе о гидрографической системѣ Куку-норской области. Изслѣдованія Пржевальскаго указали, на основаніи положительныхъ данныхъ, на тѣ размѣры, до которыхъ достигаютъ высоты тибетскаго нагорья надъ уровнемъ моря. Независимо отъ этого, неутомимымъ путешественникомъ было сдѣлано въ 9-ти пунктахъ

[1]) Изъ дневника Н. М. Пржевальскаго.

[2]) Считая съ 17 ноября 1870 г. по 19 сентября 1873 г., т. е. со дня отправленія изъ Кяхты и по день возвращенія туда обратно.

опредѣленіе магнитнаго склоненія и въ 7-ми — горизонтальнаго напряженія земнаго магнетизма. Ежедневно четыре раза производились метеорологическія наблюденія, наблюдалась температура почвы и воды, измѣрялись сухость воздуха и абсолютныя высоты мѣстности; производились изысканія этнографическія. Естественныя коллекціи поражаютъ своимъ богатствомъ и разнообразіемъ видовъ: собрано 238 видовъ птицъ, въ числѣ около тысячи экземпляровъ, 42 вида млекопитающихъ, въ числѣ 130 шкуръ; съ десятокъ видовъ пресмыкающихъ, въ числѣ 70 экземпляровъ; 11 видовъ рыбъ, болѣе 3,000 видовъ насѣкомыхъ, отъ 500 до 600 видовъ растеній, въ числѣ около 4,000 экземпляровъ.

Въ теченіе трехлѣтняго путешествія Пржевальскій потерялъ 24 лошади и 55 верблюдовъ издохшими, усталыми и промѣненными по негодности. Вся экспедиція за три года обошлась отъ 18 до 19,000 р., слѣдовательно приходилось только по 5,000 руб. на годъ звонкою монетою. „Это такъ мало, писалъ Пржевальскій І. Л. Фатѣеву, что я удивляюсь, какъ еще могли мы пройти такъ далеко, съ такими ничтожными средствами. Если бы это было дешево и легко, то почему же до сихъ поръ ни одинъ ученый путешественникъ не былъ въ странахъ, нами изслѣдованныхъ? Конечно, мнѣ нечего хвастаться передъ вами своими подвигами, но я скажу откровенно, что наше путешествіе достигло такихъ результатовъ, какихъ я самъ не ожидалъ“.

При этомъ необходимо помнить, что Пржевальскій ходилъ по странѣ, охваченной возстаніемъ, только съ четырьмя спутниками, что они жили среди разбойниковъ и подвергали ежеминутно жизнь свою опасности; что они смѣло проникли туда, куда не рѣшался проникнуть ни одинъ изъ европейскихъ путешественниковъ, искрестившихъ почти всѣ провинціи Китая со времени Тянь-цзинскихъ трактатовъ 1858 г., впервые открывшихъ эту страну любознательности путешественниковъ. Въ 1864 году геологъ-путешественникъ Пом-

пелли задумалъ смѣлую поѣздку изъ Пекина въ самый центръ Азіи, но, не достигнувъ до Желтой рѣки, отказался отъ своего намѣренія, опасаясь подвергнуть жизнь свою опасности. Баронъ Рихтгофенъ, посвятившій много лѣтъ на изученіе Китая, пытался проникнуть въ провинцію Гань-су, но, опасаясь возстанія, отказался отъ посѣщенія страны, лежащей на западъ отъ Желтой рѣки. Одинъ Пржевальскій отважно и настойчиво шелъ туда, куда вела его наука и слава Россіи.

Заслуги руководителя экспедиціи были громадны, какъ громадны были труды, понесенные имъ и его спутниками.

Отдохнувъ недѣлю въ Ургѣ, они выѣхали въ Кяхту, куда и прибыли 19 сентября 1873 г. Отсюда Николай Михайловичъ отправилъ въ С.-Петербургъ въ Императорскій ботаническій садъ пять большихъ ящиковъ съ растеніями, собранными въ 1872 и 1873 гг. Четыре ящика были съ растеніями, найденными въ Ала-шанѣ и Гань-су, а пятый съ растеніями 1871 г.

„Въ отправленныхъ мною ящикахъ, писалъ Пржевальскій [1]), находится до 500 видовъ растеній, всего болѣе изъ горъ Гань-су, весьма богатыхъ растительностью. Въ числѣ ихъ есть ревень, котораго я нашелъ четыре вида: два въ Гань-су и два — въ Ала-шанѣ.

„Считаю долгомъ оговорить, что всѣ вообще растенія чрезвычайно сухи, не смотря на то, что я иногда клалъ ихъ въ гербарій полусырыми. Причиною этого была ужаснѣйшая сухость и жаръ пустынь, по которымъ намъ пришлось проходить, слѣдуя изъ Гань-су (черезъ Ала-шань) въ Кяхту, прямо срединою Монголіи.

„Всего подробнѣе въ ботаническомъ отношеніи мною изслѣдовано три пункта: Инь-шань на сѣверномъ поворотѣ Желтой рѣки, Ала-шаньскія горы и

[1]) Въ Императорскій ботаническій садъ 8 октября 1873 г.

горы Гань-су. На Куку-норѣ, въ Цайдамѣ и въ сѣверномъ Тибетѣ я былъ осенью, зимою и раннею весною, такъ что не могъ собрать мѣстную флору".

Что касается до зоологической коллекціи, то она вѣсила 36 пудовъ и была отправлена изъ Кяхты на двухъ тройкахъ въ Иркутскъ, куда и самъ Николай Михайловичъ пріѣхалъ 9-го октября.

VII.

Пржевальскій въ Иркутскѣ —Публичныя лекціи —Прибытіе въ Петербургъ. — Встрѣча въ столицѣ. — Награды — Лекціи въ географическомъ обществѣ и другихъ мѣстахъ. — Осмотръ коллекціи Императорами Александромъ II и австрійскимъ Францомъ Іосифомъ.—Покупка коллекціи въ собственность музея Императорской Академіи наукъ —Вопросъ объ изданіи описанія путешествія — Отъѣздъ въ деревню и жизнь въ ней.—Возвращеніе въ Петербургъ.—Избраніе Пржевальскаго членомъ корреспондентомъ Берлинскаго географическаго общества —Большая Константиновская медаль русскаго географическаго общества.—Избраніе дѣйствительнымъ членомъ с.-петербургскаго общества естествоиспытателей.—Неприглядность для Н М петербургской жизни —Подарокъ штуцера офицерами генеральнаго штаба.—Предположеніе о новой экспедиціи —Пріисканіе спутниковъ.—Почетная грамота международнаго географическаго конгресса въ Парижѣ.—Медаль «Palme d'Academie».—Планъ новаго путешествія.—Сборы въ путь, отъѣздъ изъ Петербурга.—Задержка въ Перми.—Прибытіе въ Кульджу.

1873—1876.

Въ Иркутскѣ Николай Михайловичъ былъ встрѣченъ съ распростертыми объятіями, но друзья и знакомые нашли въ немъ большую перемѣну, что свидѣтельствовали также и снятыя фотографическія карточки. „Изъ этихъ карточекъ, писалъ Пржевальскій І. Л. Фатѣеву, вы можете видѣть, на сколько мы измѣнились послѣ труднаго путешествія въ Центральной Азіи“.

Физическій организмъ требовалъ отдыха и Пржевальскій рѣшился остаться въ Иркутскѣ до наступленія хорошаго саннаго пути, что могло произойти около 20-го ноября. Въ ожиданіи отъѣзда онъ не оставался празднымъ и на четвертый день своего пребыванія въ Иркутскѣ отправилъ въ главный штабъ рапортъ [1]), въ которомъ изложилъ тогдашнее состояніе Китая, а затѣмъ другой рапортъ [2])—со свѣдѣніями относительно магометанскаго возстанія въ западномъ Китаѣ.

[1]) Отъ 13 октября 1873 г. за № 6.

[2]) Отъ 16 октября 1873 г. за № 10.

Будущій біографъ съ должнымъ вниманіемъ остановится на этихъ важныхъ документахъ, а мы, не имѣя возможности, по близости времени, касаться ихъ содержанія, скажемъ, что Николай Михайловичъ, во все время пребыванія въ Иркутскѣ, разъ въ недѣлю читалъ публичныя лекціи въ тамошнемъ благородномъ собраніи и началъ писать свою книгу. Тогда-же онъ набросалъ программу своего сочиненія, въ общемъ оставшуюся почти безъ измѣненія, и написалъ одну главу о населеніи Монголіи. Книгу свою онъ рѣшилъ озаглавить такъ: „Монголія и страна тангутовъ“ и какъ человѣкъ энергичный, вполнѣ полагающійся на свои силы, надѣялся окончить первую часть къ концу 1874 г., а вторую къ концу 1875 года. Надежды не оправдались и Пржевальскій ошибся ровно на годъ, но онъ не зналъ, что ему предстоятъ разныя отвлеченія отъ безпрерывнаго продолженія его труда.

Изъ Иркутска онъ выѣхалъ въ концѣ ноября и праздникъ Рождества Христова встрѣтилъ въ родномъ ему Смоленскѣ. „Въ Москвѣ я пробылъ дня четыре, писалъ онъ [1]), познакомился съ Сабанѣевымъ [2]) и встрѣтилъ самое теплое сочувствіе. Мнѣ предлагаютъ печатать мою книгу со всѣми рисунками, на счетъ общества „Испытателей природы“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, *не просятъ, а пристаютъ* написать хоть одну статью въ журналѣ „Природа“. Часть коллекцій вѣроятно купитъ московскій музей“.

Съ такими надеждами Николай Михайловичъ отправился въ Петербургъ въ началѣ 1874 г. Столица встрѣтила его съ огромнымъ сочувствіемъ и вполнѣ оцѣнила его заслуги. „Пржевальскому принадлежитъ, говорилось въ газетѣ „Голосъ“ [3]), честь почина въ одной изъ самыхъ замѣчательныхъ и отважныхъ экспедицій нашего времени. До него мы знали только оффиціальныя командировки и военныя экспедиціи: онъ первый совершилъ частную ученую экспедицію, направленную

---

[1]) Въ письмѣ І. Л. Фатѣеву отъ 25 декабря 1873 г.

[2]) Однимъ изъ издателей журнала «Природа».

[3]) Голосъ 1874 г. № 9.

въ глубь азіятскаго материка и первый раскрылъ для науки невѣдомыя страны Куку-нора и сѣвернаго Тибета. Теперь, когда путь проложенъ, найдутся, конечно, и послѣдователи, и намъ извѣстно, что въ настоящее время готовится въ Петербургѣ новая экспедиція во внутренній Китай, которая, при начертаніи своего плана дѣйствій, главнымъ образомъ руководилась необыкновенными успѣхами Пржевальскаго".

Для него первые дни пребыванія въ столицѣ были сплошнымъ торжествомъ: поздравленія и всякаго рода овація сыпались со всѣхъ сторонъ и Пржевальскій сталъ героемъ дня столичной жизни. 4-го января товарищи по генеральному штабу давали ему обѣдъ въ гостинницѣ Демутъ. Тосты и рѣчи дышали самымъ теплымъ сочувствіемъ къ его подвигамъ и заслугамъ въ наукѣ. Подъ живымъ впечатлѣніемъ этихъ тостовъ, онъ въ тотъ-же день писалъ І. Л. Фатѣеву въ Варшаву: „Приглашеніямъ нѣсть числа и мои фонды растутъ съ каждымъ днемъ; министръ принялъ меня очень ласково".

Никто, конечно, не могъ лучше оцѣнить заслугъ Николая Михайловича, какъ бывшій военный министръ и впослѣдствіи графъ Д. А. Милютинъ. Онъ тотчасъ-же прикомандировалъ его къ главному штабу, чтобы дать возможность заняться описаніемъ путешествія и испросилъ впослѣдствіи слѣдующія награды [1]): 1) Пожизненныя пенсіи: Пржевальскому по 600 руб. и Пыльцову по 200 руб. въ годъ; 2) обоимъ слѣдующіе чины и 3) во все время пребыванія Пржевальскаго при главномъ штабѣ, ему назначено содержаніе въ 2250 руб., а Пыльцовъ уволенъ въ 11 мѣсячный отпускъ, съ сохраненіемъ получаемаго имъ содержанія, по 620 рублей.

Въ географическомъ обществѣ также обсуждался вопросъ о награжденіи Николая Михайловича большою

[1]) Всеподдан. докладъ военнаго министра (по азіятской части), 18-го марта 1874 г. № 26. Изъ существующей по этому дѣлу переписки видно, что министръ финансовъ предполагалъ выдать единовременно: Пржевальскому 1000 р. и Пыльцову—500 руб.

Константиновскою медалью. Пренія были горячія и мнѣнія раздѣлились. „Одна сторона, говоритъ Пржевальскій [1]), хотѣла ее присудить мнѣ, а другая—Уварову [2]); для меня не хватило одного голоса, такъ что медаль отдали Уварову (и очень справедливо), объявивъ мнѣ, что эта награда не уйдетъ отъ меня въ слѣдующемъ году".

Тѣмъ не менѣе члены географическаго общества просили Николая Михайловича познакомить ихъ съ результатами и особенностями путешестія и 8-го февраля онъ прочиталъ первую свою лекцію въ присутствіи предсѣдателя общества Великаго Князя Константина Николаевича. „Чтеніе мое увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, писалъ Николай Михайловичъ [3]), о чемъ вы, вѣроятно, уже знаете изъ газетъ. Всѣ онѣ отнеслись самымъ сочувственнымъ образомъ, исключая „Петербургскихъ Вѣдомостей", гдѣ рецензію писалъ мой личный недоброжелатель. По окончаніи чтенія рукоплесканія продолжались болѣе минуты.... Фонды мои растутъ съ каждымъ днемъ. Отъ приглашеній и знакомствъ нѣтъ отбоя. Вѣрите-ли, мнѣ до того надоѣли разспросами, что я иногда просто и жизни не радъ". „По большей части я увиливаю отъ подобныхъ приглашеній, но иногда нужно исполнять ихъ по необходимости" [4]).

9-го февраля Пржевальскій показывалъ свою коллекцію Императору Австрійскому Францу Іосифу и для этого ему приказано было принести все въ главный штабъ и разложить тамъ по столамъ. „Я самъ, говоритъ Н. М., въ первый разъ видѣлъ въ такомъ блескѣ всю коллекцію. Однѣхъ птицъ лежало 1110, кромѣ того 35 шкуръ большихъ животныхъ и проч.".

Императоръ осматривалъ коллекцію долго и съ большимъ вниманіемъ, разспрашивалъ Пржевальскаго

---

[1]) Въ письмѣ І. Л. Фатѣеву отъ 10 февраля, 1874 г.

[2]) За его изслѣдованіе «Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ равнинамъ».

[3]) Въ письмѣ І. Л. Фатѣеву, 10 февраля 1874 г.

[4]) Письмо Пржевальскаго дядѣ, 2 марта 1874 г.

много-ли онъ вынесъ опасностей и лишеній, а по окончаніи осмотра пожаловалъ ему кавалерскій крестъ ордена Леопольда. На слѣдующій день ту же коллекцію осматривали знакомые Николая Михайловича и академики. „Мои письма, говоритъ онъ, въ географическое общество переведены на французскій, нѣмецкій и англійскій языки. Я получилъ экземпляръ извѣстій лондонскаго географическаго общества отъ Эліаса, который проѣхалъ въ третьемъ году черезъ Монголію изъ Пекина. Въ отвѣтъ на эту любезность, я послалъ Эліасу въ Калькутту экземпляръ своего Уссурійскаго края". Точно также поступали и наши соотечественники, которые, желая познакомиться съ Пржевальскимъ, подносили ему книги и брошюры своего сочиненія. Время текло быстро и безвозвратно; онъ читалъ въ разныхъ мѣстахъ лекціи и вырученныя за нихъ деньги жертвовалъ или въ пользу голодающихъ самарцевъ, или въ общество Краснаго Креста.

21-го марта, вмѣстѣ съ картографическими работами главнаго штаба и другихъ учрежденій, Императоръ Александръ II осматривалъ коллекцію Пржевальскаго, которому здѣсь-же было объявлено о производствѣ его въ подполковники и о пожалованіи ему пожизненной пенсіи [1]). Государь на столько заинтересовался результатами путешествія, что тутъ-же призналъ *необходимымъ* купить коллекцію для музея Императорской академіи наукъ, но замѣтилъ что Академія не имѣетъ для того средствъ. Воспользовавшись этимъ, Николай Михайловичъ написалъ письма въ Академію и въ совѣтъ географическаго общества: въ первую съ предложеніемъ купить коллекцію за 10 т. рублей, а во второе—съ просьбою поддержать своимъ ходатайствомъ его предложеніе. „Совмѣстное ходатайство двухъ ученыхъ обществъ, говорилъ онъ [2]), географическаго и Академіи наукъ, мнѣ кажется будетъ достаточнымъ заявленіемъ передъ выс-

[1]) Товарищъ Пржевальскаго, подпоручикъ Пыльцовъ, былъ произведенъ въ этотъ день въ поручики и также получилъ пенсію.

[2]) Письмо Пржевальскаго совѣту географичес. общества, 26 марта 1874 г. Архивъ географ. общес., дѣло № 10

шими властями объ общемъ желаніи передовыхъ людей науки пополнить отечественный музей рѣдкими экземплярами животныхъ, собранныхъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ русскому путешественнику выпала счастливая доля быть первымъ научнымъ изслѣдователемъ".

Коллекція, собранная Пржевальскимъ, представляла въ научномъ отношеніи огромную важность, ибо знакомила насъ съ фауною почти пограничнаго съ Россіею края, до сихъ поръ не изслѣдованнаго и считавшагося недоступнымъ. По заявленію академиковъ Брандта, Шренка и Штрауха, цѣнность коллекціи значительно превышала испрашиваемую сумму [1]) и содержала въ себѣ большое число весьма рѣдкихъ и совершенно новыхъ видовъ животныхъ, ученая обработка которыхъ должна была обогатить науку. Кромѣ того при своей обширности и тщательности, съ которою отмѣчены мѣста нахожденія, собраніе Пржевальскаго даетъ возможность пояснить географическое распредѣленіе животныхъ всей Средней и Сѣверной Азіи и значительно расширить тѣ свѣдѣнія, которыя доставляли, шагъ за шагомъ, всѣ предшествовавшія путешествія по Сибири и Средней Азіи.

Важное значеніе матеріала, собраннаго Николаемъ Михайловичемъ оцѣнено было какъ совѣтомъ географическаго общества, такъ и его Августѣйшимъ президентомъ, принявшимъ на себя починъ ходатайства.

„Въ 1870 году, писалъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ министру финансовъ [2]), Императорское русское географическое общество снарядило генеральнаго штаба капитана Пржевальскаго въ ученую экспедицію, въ мѣстности центральной Азіи, до того остававшіяся недоступными для ученыхъ изслѣдованій.

„Съ необыкновеннымъ самопожертвованіемъ и успѣхомъ совершилъ капитанъ Пржевальскій замѣчательное свое путешествіе, во время котораго ему уда-

[1]) См. приложенія №№ 6 и № 7.

[2]) Въ рескриптѣ М. Х. Рейтерну, 1874 г., № 237. Тамъ-же.

лось проникнуть изъ Пекина черезъ Желтую рѣку, мимо озера Куку-нора, къ границамъ Тангута и Тибета до Синей рѣки и минувшею зимою возвратился въ С.-Петербургъ, съ богатымъ запасомъ какъ географическихъ свѣдѣній, такъ и естественно-историческихъ коллекцій.

„Императорское русское географическое общество, разсмотрѣвъ нынѣ матеріалы и коллекціи, собранные г. Пржевальскимъ, убѣдилось въ необыкновенныхъ заслугахъ этого изслѣдователя, ставящихъ его на ряду съ замѣчательнѣйшими путешественниками нашего времени, и признавало бы справедливымъ ходатайствовать о всемилостивѣйшемъ награжденіи капитана Пржевальскаго, если бы онъ не былъ уже представленъ къ почетной наградѣ непосредственнымъ его начальникомъ—г. военнымъ министромъ.

„Но это обстоятельство не слагаетъ съ общества нравственной обязанности свидѣтельствовать передъ правительствомъ о выходящихъ изъ ряду заслугахъ г. Пржевальскаго и, на сколько оно можетъ, способствовать г. Пржевальскому къ осуществленію дальнѣйшихъ его ученыхъ предпріятій и къ доставленію ему возможности продолжать разработку собранныхъ имъ свѣдѣній.

„Въ этомъ смыслѣ и принимая во вниманіе, что зоологическія коллекціи, собранныя г. Пржевальскимъ, составляютъ его личную собственность, такъ какъ затраты на его путешествіе изъ его собственныхъ средствъ почти равняются тѣмъ суммамъ, которыя онъ получилъ отъ географическаго общества,—общество не можетъ не признать весьма желательнымъ, чтобы коллекціи г. Пржевальскаго, по отзыву спеціалистовъ единственныя въ своемъ родѣ, остались въ Россіи памятникомъ замѣчательнаго подвига путешественника.

„Вслѣдствіе сего и въ увѣренности, что ваше высокопревосходительство всегда готовы оказать всякое покровительство географической наукѣ, я считаю дол-

гомъ просить васъ исходатайствовать Высочайшее разрѣшеніе Государя Императора, изволившаго разсматривать и удостоить Своего Всемилостивѣйшаго одобренія коллекціи г. Пржевальскаго, пріобрѣсти ихъ для музея Императорской Академіи наукъ, по оцѣнкѣ, произведенной академикомъ Брандтомъ и другими спеціалистами въ 10,000 рублей, что вознаградило бы Пржевальскаго за сдѣланныя имъ на путешествіе затраты и дало бы ему средства къ продолженію его ученыхъ работъ".

13-го апрѣля 1874 г., статсъ-секретарь М. Х. Рейтернъ сообщилъ Великому Князю, что коллекція Пржевальскаго пріобрѣтена на средства государственнаго казначейства, за 10 т. рублей, изъ которыхъ 2 т. руб. Николай Михайловичъ тотчасъ-же отдалъ М. А. Пыльцову, какъ ближайшему сотруднику по путешествію.

Не полученныя деньги радовали Пржевальскаго, но онъ былъ въ восторгѣ отъ той мысли, что коллекція его попала въ хорошія руки, что она будетъ сохранена въ должномъ видѣ и имя его останется навсегда почетнымъ въ стѣнахъ высшаго ученаго учрежденія въ Россіи. Теперь ему оставалось только описать свое путешествіе, но работа эта, при разсѣянной жизни Петербурга и постоянныхъ отвлеченіяхъ въ разныя стороны, подвигалась очень медленно или лучше сказать и совсѣмъ не двигалась, если не считать нѣсколькихъ набросанныхъ строкъ и приведенія въ порядокъ дневниковъ. Николай Михайловичъ сознавалъ, что пока будетъ оставаться въ столицѣ, онъ не напишетъ своей книги и потому рѣшился проситься въ продолжительный отпускъ. Ему отвѣчали, что какъ онъ оставленъ при главномъ штабѣ по приказанію Государя, для составленія описанія путешествія, то и можетъ жить гдѣ хочетъ и гдѣ скорѣе надѣется окончить свою работу. „Вотъ завидная служба! говорилъ онъ. Фонды мои еще подросли и я нахожусь теперь въ апогеѣ своей славы".

Передъ отъѣздомъ въ деревню, Николай Михайловичъ представилъ программу описанія своего пути-

шествія, и считая, что изданіе его обойдется отъ 10—11 тысячъ рублей, просилъ географическое общество увѣдомить его, найдетъ ли оно возможнымъ принять изданіе на свой счетъ, съ тѣмъ, что какъ онъ, такъ и академики, принявшіе на себя разработку его матеріаловъ, сдѣлаютъ это безвозмездно. Географическое общество изъявило полное согласіе и ассигновало 10 т. рублей на четыре года, съ тѣмъ, чтобы въ 1874 году былъ изданъ первый томъ, въ 1875 г.—второй и въ 1876—1877 г.г.—третій или ботаническій.

Обезпечивъ изданіе своего труда, Пржевальскій вечеромъ 4-го мая уѣхалъ изъ Петербурга въ свое Отрадное. Тамъ онъ ходилъ на охоту и восхищался сельскою обстановкою. „Природа становится великолѣпно хороша, писалъ онъ [1]): лѣсъ распустился, все начинаетъ цвѣсти; соловьевъ поетъ множество. Словомъ, я опять въ любимой обстановкѣ, которая сразу благодѣтельно подѣйствовала на мое здоровье. Петербургскіе кашли и головныя боли сняты какъ рукою“.

22 мая деревенская жизнь въ Отрадномъ была нарушена крупнымъ событіемъ. Въ этотъ день была свадьба М. А. Пыльцова, который женился на сводной сестрѣ Николая Михайловича, Александрѣ Ивановнѣ Толпыго, отъ втораго брака его матери.

— Это чисто какъ въ романѣ, говорилъ Пржевальскій: ѣздили вмѣстѣ въ далекія страны, а затѣмъ, по возвращеніи, одинъ изъ путешественниковъ женился на сестрѣ товарища. Не прибавить-ли это въ подробномъ разсказѣ къ описанію моего путешествія?

Послѣднее хотя и писалось, но не особенно успѣшно, и Николай Михайловичъ сознавался, что можно бы было работать и прилежнѣе. Тѣмъ не менѣе, къ 19 іюля было написано уже шесть главъ, а въ октябрѣ онъ намѣренъ былъ приступить къ печатанію книги.

Въ половинѣ сентября Пржевальскій пріѣхалъ въ Петербургъ, котораго онъ вообще не любилъ и чув-

---

[1]) Въ письмѣ Владиміру Алексѣевичу Бѣльцову, 20 мая 1874 г.

ствовалъ себя въ немъ какъ бы подъ арестомъ. Врагъ всякаго рода овацій, онъ бывалъ въ дурномъ расположеніи духа даже и тогда, когда замѣчалъ, что на него обращаютъ особое вниманіе. Послѣдняго избѣжать было трудно при томъ сочувствіи и интересѣ, который онъ возбуждалъ своею личностью.

„Едва четыре дня прошло, писалъ онъ [1]), съ тѣхъ поръ какъ я покинулъ тихій уголокъ въ Отрадномъ и опять нахожусь въ Питерѣ, въ вѣчной суматохѣ и толкотнѣ человѣческаго муравейника. Тяжело привыкать къ непривычному и опять закабалить себя въ клѣтку, называемую Петербургскимъ домомъ. Но такъ или иначе, я долженъ буду сидѣть въ заперти до Рождества.

„Отъ разспросовъ про экспедицію опять нѣтъ отбою. Изъ Москвы я ѣхалъ съ курьерскимъ поѣздомъ и въ спальномъ вагонѣ 2-го класса. Здѣсь какъ на зло спутниками оказались лица, бывшія на моихъ чтеніяхъ въ Соляномъ городкѣ. Они сейчасъ же меня узнали и конечно лезли всѣ съ разспросами и похвалами“.

Это до такой степени стѣсняло Николая Михайловича, что онъ рѣшилъ всегда ѣздить въ первомъ классѣ и добывать отдѣльное купе. Онъ почти никогда не выходилъ изъ вагона, опасаясь, чтобы кто-нибудь изъ пассажировъ не замѣтилъ его и не обратился съ разспросами. Та же самая причина заставляла его въ Петербургѣ избѣгать ресторановъ. Сначала онъ обѣдалъ у Контана, но когда замѣтилъ, что возбуждалъ общее вниманіе, то пересталъ туда ходить, а посылалъ за обѣдомъ въ ближайшую, довольно скверную, гостинницу. Онъ жаловался, что дурно ѣстъ, хотя ни о чемъ прихотливомъ понятія не имѣлъ и роскоши вообще не любилъ. Въ своихъ привычкахъ Н. М. Пржевальскій былъ чрезвычайно скроменъ. Въ Петербургѣ онъ никогда не имѣлъ квартиры, а всегда жилъ въ меблированныхъ комнатахъ, по счету не болѣе двухъ. Если

[1]) М. А. Пыльцову отъ 15 сентября 1874 г.

же при этомъ имѣлась третья маленькая для спальни, то такое помѣщеніе считалъ роскошнымъ. „Сегодня, писалъ онъ М. Пыльцову, я нашелъ отличную квартиру: двѣ свѣтлыя комнаты (съ маленькою спальнею) въ первомъ этажѣ, окнами на улицу, полъ паркетный, мебель великолѣпная. Словомъ, я ни разу не живалъ въ такихъ комнатахъ".

Непріятное переселеніе изъ деревни въ столицу нѣсколько смягчалось тѣмъ, что географическое общество присудило ему Константиновскую медаль, Пыльцову—малую золотую, а двумъ казакамъ—бронзовыя медали. Награды эти должны были быть объявлены 8 января 1875 г.—въ день годоваго собранія географическаго общества. 10-го октября Берлинское географическое общество избрало Пржевальскаго своимъ членомъ-корреспондентомъ, а въ ноябрѣ же 1874 года, именно 16-го числа, Пржевальскій получилъ письмо отъ Парижскаго географическаго конгресса, въ которомъ его просили принять участіе въ трудахъ конгресса, т. е. написать что-нибудь. Это такъ льстило Николаю Михайловичу, что онъ хотѣлъ было самъ ѣхать въ Парижъ, а въ замѣнъ статьи послать свою книгу, но надо было сначала напечатать ее.

Заботы о скорѣйшемъ выпускѣ въ свѣтъ первой части труда не покидали его ни на минуту. Не имѣя возможности отдѣлаться отъ массы радушныхъ приглашеній, Николай Михайловичъ урывалъ время для своихъ занятій, и если такіе часы выдавались, то работалъ не вставая съ мѣста. Только такимъ упорствомъ онъ достигъ того, что въ концѣ октября сдалъ рукопись въ типографію и къ 16-му ноября было уже напечатано девять листовъ; карта пройденнаго имъ пути и отчетная Китая печатались въ военно-топографическомъ отдѣлѣ главнаго штаба. „Картинку, писалъ онъ[1]), которая будетъ приложена въ началѣ книги и должна изображать охоту за дикимъ якомъ въ пустыняхъ Тибета, рисуетъ Поповъ, а на деревѣ рѣжетъ Сѣряковъ.

[1]) Въ письмѣ І. Л. Фатѣеву отъ 16 ноября 1874 г.

Все это должно быть окончено къ Рождеству, но книга въ продажѣ не появится ранѣе 8-го января — дня годоваго собранія географическаго общества. Вы не повѣрите, сколько возни съ печатаніемъ книги; занятъ съ утра по горло".

„Работаю я теперь часовъ по 10 въ сутки, писалъ онъ въ другомъ письмѣ [1]), такъ что даже глаза болятъ, къ счастію такая каторга скоро кончится". И дѣйствительно, книга была окончена и Пржевальскій имѣлъ возможность уѣхать на нѣсколько дней въ деревню, чтобы провести праздники въ родномъ уголкѣ. Къ 7-му января 1875 года онъ былъ уже въ Петербургѣ, а на слѣдующій день 8-го числа было годовое собраніе географическаго общества, въ которомъ былъ прочитанъ отзывъ М. И. Венюкова о только что вышедшей книгѣ Николая Михайловича: „Монголія и страна тангутовъ, трехлѣтнее путешествіе въ восточной нагорной Азіи. Т. I".

Указавъ на заслуги Пржевальскаго какъ путешественника и собирателя научныхъ данныхъ, рецензентъ говоритъ въ заключеніи: „Къ числу самыхъ блестящихъ результатовъ экспедиціи Н. М. Пржевальскаго принадлежитъ только что вышедшій первый томъ описанія его путешествія, содержащій, кромѣ разсказа о самомъ путешествіи, часть этнографическую и многія мастерски начертанныя картины пройденныхъ странъ и ихъ органической производительности. Не только русская, но и западно-европейскія литературы имѣютъ мало книгъ, написанныхъ такъ увлекательно и въ то же время съ соблюденіемъ научной строгости содержанія.

„Соображая все это, можно по справедливости сказать, что экспедиція Николая Михайловича, имъ самимъ задуманная и со славою исполненная, есть одно изъ самыхъ плодотворныхъ географическихъ предпріятій нашего времени. А потому присужденіе нашему почтенному сочлену Константиновской медали есть не

[1]) Въ письмѣ І. Л. Фатѣеву отъ 12 декабря 1874 г.

болѣе какъ простой долгъ со стороны Императорскаго Русскаго географическаго общества“ [1]).

Академикъ К. И. Максимовичъ, изучавшій растенія, собранныя Пржевальскимъ, указалъ на многіе рѣдчайшіе виды, до сихъ поръ неизвѣстные, и на ту особенность, что растенія, собранныя въ Гань-су, „представляютъ странную смѣсь Алтайскихъ, Монголо-Китайскихъ, Манчжурскихъ и Гималайскихъ видовъ, такъ что получается чрезвычайно своеобразная флора, *познаніемъ которой мы будемъ обязаны всецѣло трудамъ Н. М. Пржевальскаго*“ [2]). Столь лестные отзывы и послужили основаніемъ къ присужденію нашему путешественнику большой Константиновской медали и къ избранію его С.-Петербургскимъ обществомъ естествоиспытателей своимъ дѣйствительнымъ членомъ.

—Одинъ трудъ оконченъ, говорилъ съ торжествомъ Николай Михайловичъ, теперь надо начинать новый, т. е. второй томъ моего путешествія. Впрочемъ, въ этомъ томѣ я лично пишу только птицъ, метеорологическія и другія наблюденія. Однако работы будетъ мѣсяцевъ на 8, на 10. Впрочемъ, лѣтомъ два мѣсяца буду гулять и абсолютно лѣниться. Цѣлый іюль ничего не буду дѣлать, какъ только ѣсть, спать и охотиться.

Теперь же лѣниться было некогда и Пржевальскій принялся за обработку птицъ, просиживая для того въ музеѣ Академіи наукъ ежедневно отъ 11 до 4 часовъ пополудни. „Работы много, говорилъ онъ, но надѣюсь кончить ихъ (птицъ) позднею осенью“. По временамъ и притомъ довольно часто онъ отвлекался поднесеніемъ своей книги. Кромѣ представленія Государю и особамъ

---

[1]) Отчетъ Имп. Русскаго географ. общества за 1874 г., стр. 106. Иностранная и русская періодическая печать встрѣтили книгу съ большимъ сочувствіемъ и похвалами. Въ началѣ 1876 года Пржевальскій получилъ два письма: одно изъ Франціи, а другое изъ Познани, съ просьбою позволить перевести Монголію на французскій и нѣмецкій языки. На англійскій языкъ книга уже была переведена и, кромѣ того, ее переводили на нѣмецкій языкъ профессоръ Бунге въ Дерптѣ, а въ Mittheilungen Петтермана печатался чей-то переводъ въ сокращенномъ видѣ.

[2]) Тамъ же, стр. 108.

Императорской Фамиліи [1]), онъ роздалъ разнымъ лицамъ 118 экземпляровъ. „Не для себя лично, говорилъ онъ [2]), дѣлаю я всѣ эти поднесенія. Нѣтъ! Ими окупалось широкое снаряженіе будущей моей экспедиціи, въ которую я отправлюсь въ январѣ будущаго 1876 г.

Въ ожиданіи столь желаннаго времени, Николай Михайловичъ усиленно трудился, хотя и сознавалъ, что занятія эти не въ его характерѣ. „Работа по описанію птицъ подвигается туго, говорилъ онъ [3]). Трудно самому справиться со всѣмъ матеріаломъ, а помощи ни откуда! Притомъ самое писаніе прегнусное, приходится считать перья, мѣрять носы и т. п. Это не та широкая свобода мысли, когда приходится творить описанія природы, нѣтъ, теперь все должно быть уложено въ узкую рамку спеціальности, для которой прежде всего усидчивость, а не способность. Право, я никогда не думалъ, чтобъ мнѣ такъ противны были эти спеціальныя описанія, но волею неволею нужно подчиниться необходимости“.

Его очень огорчало, что никто не соглашался взять на себя описаніе млекопитающихъ и они должны были остаться неописанными. „Я дамъ только рисунки главныхъ видовъ, писалъ онъ [4]), именно потому, что не могу болѣе года оставаться въ Петербургѣ, а это время едва достаточно для описанія 300 видовъ птицъ и сводки всѣхъ наблюденій“. Впослѣдствіи оказалось, что между млекопитающими не нашлось ни одного новаго вида, но за то между рыбами было 14 совершенно новыхъ и неизвѣстныхъ видовъ.

Дни проходили за днями крайне однообразно: утромъ онъ писалъ дома, потомъ шелъ на урокъ англійскаго языка, а затѣмъ въ Академію, гдѣ и занимался до 4—$4^1/_2$ часовъ. Обѣдалъ почти ежедневно въ гостинницѣ, возвращался домой, отдыхалъ и вечеромъ или зани-

---

[1]) Императоръ пожаловалъ ему годовой окладъ жалованья въ 900 р.

[2]) Въ письмѣ В. А. Бѣльцову 26 января 1875 г.

[3]) Въ письмѣ І. Л. Фатѣеву 14 февраля 1875 г.

[4]) Въ письмѣ В. А. Бѣльцову 16 февраля 1875 г. Рисунки эти дѣлалъ В. Кроунвальдъ.

мался, или уходилъ къ кому-либо изъ приглашавшихъ. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ масляницы, когда могъ уѣхать въ Москву къ братьямъ на блины, и Пасхи — чтобы „удрать“ въ любимое Отрадное. Самъ любитель покушать, Николай Михайловичъ очень часто посылалъ роднымъ конфекты и, какъ онъ называлъ, *„разнаго рода услады“*, икру къ блинамъ и просилъ, чтобы на Святую, къ его пріѣзду въ Отрадное, была свѣжая редиска и зеленый салатъ. „Смотри, писалъ онъ М. А. Пыльцову, жившему тогда въ Отрадномъ [1]), не ударь лицомъ въ грязь. Макарьевнѣ (няни) скажи, чтобы къ моему пріѣзду сдѣлала квасу изъ мороженныхъ яблоковъ и намочила плодовишки“. Жизнь столичная, городская, или „судаченье“, не нравились Николаю Михайловичу.

— Ну, ужь спасибо за такую жизнь, говорилъ онъ; не промѣняю я ни на что въ мірѣ свою золотую волю. Чортъ ихъ дери всѣ эти богатства, они принесутъ мнѣ не счастіе, а тяжелую неволю. Не утерплю сидѣть въ Питерѣ. Вольную птицу въ клѣткѣ не удержишь.

Его тянуло на волю въ безпредѣльныя степи и безлюдныя горы. Все что напоминало прошлое путешествіе, доставляло истинное наслажденіе. Съ особымъ восторгомъ онъ писалъ М. А. Пыльцову [2]), что получилъ телеграмму отъ казаковъ Чабаева и Иринчинова, которые писали ему: „память о васъ перейдетъ изъ рода въ родъ; съ вами готовы въ огонь и воду“.

„Какъ видишь, прибавлялъ Николай Михайловичъ, казаки не забыли насъ и желаютъ опять по китайской границѣ путешествовать. Я теперь немного нездоровъ, болитъ горло, простудился, не выхожу изъ дому; впрочемъ дня черезъ 3 — 4 это пройдетъ. А тутъ еще новая гадость; мою хозяйку опять гонятъ съ квартиры, а на этой можно быть только до 25-го марта или самое большее до 1-го апрѣля“.

Привыкая очень скоро и къ людямъ, и къ окружающей обстановкѣ, Николай Михайловичъ не любилъ

---

[1]) Въ письмѣ отъ 16 февраля 1875 г.

[2]) Въ письмѣ отъ 15 марта 1875 г.

перемѣнъ. Отказать или разойтись съ человѣкомъ ему было крайне тяжело, хотя онъ часто былъ убѣжденъ, что противъ него поступаютъ недобросовѣстно. Рѣшиться удалить отъ себя прислугу было для него вопросомъ крайне тяжелымъ и рѣшеніе подъ разными предлогами затягивалось. Тѣмъ болѣе трудно было ему разстаться съ хозяйкою, ни въ чемъ противъ него неповинною.

Нанявъ комнату въ Офицерской, онъ поставилъ себя въ полную зависимость отъ хозяйки. Ее гнали съ квартиры и прежде; Николай Михайловичъ былъ озабоченъ этимъ, ему было непріятно, а все-таки рѣшилъ слѣдовать за нею и былъ очень доволенъ, когда дѣло уладилось и онъ могъ остаться на той же квартирѣ. Но спустя мѣсяцъ поднялась та же исторія и тогда онъ рѣшился уѣхать на время въ деревню.

„Тебя, конечно, нисколько не удивитъ, писалъ онъ Пыльцову [1]), если я пріѣду въ Отрадное не 1-го апрѣля, какъ предполагалъ прежде, а 26-го марта вечеромъ. Не могу усидѣть въ Питерѣ, видя какъ бѣгутъ ручьи и блеститъ весеннее солнце. Притомъ меня опять гонятъ съ квартиры и послѣдній срокъ 25 марта, такъ что въ этотъ день я и уѣзжаю“.

Возвратившись въ Петербургъ онъ поселился сначала въ первой улицѣ Песковъ, потомъ на Малой Морской въ д. Татищева и оставался въ городѣ только до тѣхъ поръ, пока сдалъ купленную у него коллекцію въ Академію наукъ. „Ты не можешь вообразить, писалъ онъ Пыльцову [2]), до чего отвратительно мнѣ жить теперь въ этой проклятой тюрьмѣ и какъ на зло погода стоитъ отличная. Какъ вы, черти, я думаю теперь вкусно стрѣляете вальдшнеповъ; никто не мѣшаетъ“.

Не одна обыкновенная охота тянула въ деревню — его подмывало нетерпѣніе скорѣе испытать полученный имъ въ подарокъ отъ товарищей офицеровъ генеральнаго штаба штуцеръ работы Ланкастера. Штуцеръ

---

[1]) Въ письмѣ отъ 20 марта 1875 г.

[2]) Отъ 27 апрѣля 1875 г.

Express былъ двуствольный, малокалиберный и заказанъ въ Лондонѣ, черезъ нашего военнаго агента, генерала Горлова, принявшаго участіе въ товарищеской подпискѣ. Онъ стоилъ безъ другой пары стволовъ 100 фунтовъ стерлинговъ (1,000 руб. по тогдашнему курсу) и при его покупкѣ было только три подобныхъ ружья въ Европѣ. „Такое ружье, говорилъ съ гордостью Пржевальскій, есть только у Наслѣдника". Въ самомъ дѣлѣ, съ виду штуцеръ былъ очень простъ, не имѣлъ никакихъ украшеній, но стволы были математически вывѣрены; калибръ и пуля были какъ у Бердана, прицѣловъ два: одинъ на 130, а другой на 400 шаговъ; патроны велики: раза въ $1^1/_2$ длиннѣе, чѣмъ у Бердана. Николай Михайловичъ былъ въ восторгѣ, благодарилъ А. П. Горлова за хлопоты и участіе въ подпискѣ, и выражалъ увѣренность, „что это ружье принесетъ мнѣ не малую пользу въ новомъ путешествіи, которое я намѣренъ предпринять въ январѣ будущаго 1876 года" [1]).

Собираясь пристрѣлять штуцеръ въ деревнѣ и отправляясь въ Отрадное на цѣлое лѣто, Николай Михайловичъ сдѣлалъ нѣкоторыя хозяйственныя распоряженія и по своей натурѣ все въ широкихъ размѣрахъ: отправилъ для посадки нѣсколько дюжинъ яблонь и грушъ, купилъ шелковой матеріи на рубашки, приказалъ исправить лежанку въ его комнатѣ и просилъ брата выслать изъ Москвы 130 бутылокъ ланинской воды. Поѣхалъ онъ сначала въ Варшаву, повидаться съ товарищами и, въ особенности, съ Тачановскимъ, а затѣмъ въ Отрадное, куда вскорѣ пріѣхалъ, вновь выбранный Пржевальскимъ, будущій его спутникъ, Ф. Эклонъ.

Еще въ то время, когда писалась книга, Николай

[1]) Николай Михайловичъ очень дорожилъ подаркомъ Ланкастера и берегъ его какъ зеницу ока. Когда лѣтомъ 1888 года Ф. А. Фельдманъ пріѣхалъ къ нему въ деревню, то Пржевальскій прямо изъ тарантаса подвелъ его къ шкафу, гдѣ хранилось ружье и просилъ сказать всѣмъ товарищамъ, участникамъ въ подпискѣ, въ какомъ видѣ оно хранится. Дѣйствительно, Ланкастеръ былъ въ блестящемъ видѣ, а между тѣмъ онъ сдѣлалъ съ нимъ три послѣднія экспедиціи.

*

Михайловичъ мечталъ уже о новомъ путешествіи и разрабатывалъ планъ его. „Я не намѣренъ успокоиться, писалъ онъ [1]), и въ концѣ будущаго 1875 года, лишь только окончу второй томъ своего писанія, снова отправлюсь на два года въ Тибетъ, на этотъ разъ изъ Туркестана. Средства теперь вѣроятно дадутъ большія, такъ что я возьму еще человѣкъ 7—8 казаковъ, которыхъ вооружу берданками".

Такъ какъ спутникъ его первой экспедиціи, М. А. Пыльцовъ, женился и намѣренъ былъ выдти въ отставку, то Николай Михайловичъ предназначалъ себѣ товарищемъ Николая Яковлевича Ягунова, бывшаго съ нимъ въ Уссурійскомъ краѣ. Мы имѣли случай сказать, что по окончаніи путешествія Пржевальскій опредѣлилъ его въ Варшавское юнкерское училище, изъ котораго онъ вышелъ первымъ ученикомъ и былъ произведенъ въ офицеры, съ назначеніемъ въ Австрійскій полкъ.

Зная способность Ягунова къ рисованію и считая не лишнимъ имѣть въ числѣ членовъ экспедиціи художника, Николай Михайловичъ просилъ его особенно заняться этимъ и всѣми средствами поощрялъ его къ тому. Онъ послалъ Ягунову теорію перспективы и просилъ не вдаваться особенно въ изученіе правилъ художества, ибо, по его мнѣнію, тогда выйдетъ ремесло, а не творчество. „Недавно я вспоминалъ его (Ягунова), писалъ Николай Михайловичъ І. Л. Фатѣеву [2]), когда въ географическомъ обществѣ Каразинъ выставлялъ свои акварельныя картины, изображавшія типы и виды Аральскаго моря и Аму-Дарьи. Вотъ и Ягунову широкій просторъ впереди; можетъ снискать себѣ и славу и деньги, если только постарается сдѣлаться художникомъ".

Всецѣло преданный Пржевальскому и съ восторгомъ мечтавшій о предстоявшей экспедиціи, Ягуновъ усиленно трудился и оказывалъ большіе успѣхи въ

[1]) Въ письмѣ М. П. Степанову отъ 8 октября 1874 г.

[2]) Отъ 16 ноября 1874 г.

рисованіи. Они радовали Николая Михайловича, но задумывая экспедицію въ болѣе широкихъ размѣрахъ, онъ подъискивалъ себѣ еще другаго спутника, и просилъ І. Л. Фатѣева пріискать кого нибудь изъ юнкеровъ старшаго класса Варшавскаго училища. „Такого юношу произведутъ нынче въ офицеры, говорилъ Пржевальскій [1]), и я могу устроить такъ, что его командируютъ со мною на службу, такъ же какъ и Ягунова. Необходимо, чтобы новый товарищъ былъ хорошій человѣкъ, охотникъ.... Только одно *непремѣнное условіе:* всякій желающій отправиться со мною долженъ знать, что онъ будетъ только исполнителемъ того, что ему предложатъ дѣлать; личныхъ желаній и собираній коллекцій для себя или кого либо другаго не допускается. *Такой деспотизмъ*, по моему мнѣнію, необходимъ для успѣха дѣла“.

Онъ обѣщалъ выхлопотать своему спутнику двойныя прогонныя деньги, усиленное содержаніе и суточныя по заграничному положенію. Почти всѣ эти деньги могли сохраниться въ цѣлости, такъ какъ, кромѣ снаряженія, спутники всегда путешествовали на счетъ начальника экспедиціи. Въ случаѣ, если бы не нашлось подходящаго изъ юнкеровъ, Пржевальскій просилъ поискать между гимназистами. „Я дамъ такому не казенному спутнику, писалъ онъ [2]), содержаніе и 600 руб. въ годъ жалованья. Какъ видите, условія выгодныя; нужно только найти охотника“.

Онъ сознавалъ, что найти такого человѣка весьма трудно: спутникъ долженъ быть человѣкомъ хорошимъ и привязаннымъ всею душою какъ къ нему, такъ и къ общему дѣлу; онъ долженъ быть нравственною поддержкою во всѣ трудныя минуты экспедиціи, члены которой должны составлять одно нераздѣльное цѣлое и искреннюю братскую дружбу. „Тогда бы, говорилъ Пржевальскій, всѣ труды и лишенія, всѣ непріятности отъ мѣстнаго населенія,—все это

[1]) Въ письмѣ І. Л. Фатѣеву 12 декабря 1874 г.
[2]) І. Л. Фатѣеву отъ 9 января 1875 г.

легче бы переносилось и менѣе бы чувствовалась отчужденность отъ родныхъ и цивилизованнаго міра“.

Николай Михайловичъ просилъ втолковать желающему съ нимъ путешествовать, что онъ ошибется, если будетъ смотрѣть на путешествіе, какъ на средство отличиться и попасть въ знаменитости. Напротивъ, ему придется столкнуться со всѣми трудностями и лишеніями, которыя явятся непрерывною чредою на цѣлые годы, при этомъ его личная иниціатива будетъ подавлена цѣлями экспедиціи; онъ долженъ будетъ превратиться въ безсловеснаго исполнителя и препаратора (по дѣланію чучелъ, собирателя топлива, караульнаго по ночамъ и пр.); долженъ начать съ того, чтобы сидѣть по цѣлымъ днямъ въ музеѣ, учиться дѣлать чучела, а затѣмъ идти на тысячу лишеній и опасностей. Человѣкъ бѣдный, свыкшійся съ нуждою и притомъ страстный охотникъ былъ бы всего болѣе подходящимъ спутникомъ и скорѣе могъ понять, что путешествіе не легкая и пріятная прогулка, а долгій, непрерывный и тяжелый трудъ, предпринятый во имя великой цѣли. Желательно бы было, прибавлялъ при этомъ Пржевальскій [1]), „чтобы юноша поѣхалъ по увлеченію, а не изъ-за денегъ. Особенной грамотности и дворянской породы отъ юноши не требуется“.

Многіе выражали желаніе быть спутниками Пржевальскаго и въ числѣ ихъ былъ нѣмецъ изъ Вѣны, просившій взять его съ собою. Онъ называлъ себя географомъ и геологомъ, но Николай Михайловичъ не довѣрялъ ни его знаніямъ, ни его способности выдержать всѣ невзгоды путешествія хотя-бы въ „паскудныхъ степяхъ Барабинскихъ“. Многихъ рекомендовали ему, но онъ находилъ ихъ по разнымъ причинамъ неподходящими; наконецъ, онъ остановился на Эклонѣ—сынѣ одного изъ служащихъ при музеѣ Академіи, юношѣ 18 лѣтъ, недавно вышедшемъ изъ 4-го класса гимназіи. Проговоривъ съ Эклономъ цѣлый вечеръ, Николай Михайловичъ нашелъ въ немъ всѣ условія,

[1]) Въ письмахъ І. Л. Фатѣеву отъ 23 января 1875 г. и М. А. Пыльцову отъ 2 марта 1875 г.

необходимыя для путешественника. „Если я рѣшусь, говорилъ онъ, взять Эклона въ экспедицію, то привезу его на лѣто въ Отрадное обучить всему, что нужно“. По мѣрѣ ближайшаго знакомства, онъ находилъ въ Эклонѣ многія достоинства, убѣдился, что лучшаго спутника ему не найти [1]), и чтобы окончательно слить общіе интересы и жизнь пригласилъ его на лѣто къ себѣ въ деревню. Въ іюнѣ онъ ждалъ къ себѣ еще гостей изъ Варшавы, І. Л. Фатѣева и Ягунова, но вмѣсто ихъ пріѣзда онъ получилъ горестное извѣстіе, что, купаясь въ Вислѣ, Ягуновъ утонулъ 8 іюня. Извѣстіе это сильно поразило Николая Михайловича.

— Меня постигло великое горе, говорилъ онъ; бывшій со мною на Амурѣ спутникъ, предназначавшійся для слѣдующей экспедиціи, утонулъ. Въ немъ я лишился преданнаго друга и человѣка, незамѣнимаго въ путешествіи. Да, потеря его для меня слишкомъ тяжела и неминуемо отразится на самой экспедиціи. Юный и неопытный Эклонъ еще неизвѣстно какимъ окажется и во всякомъ случаѣ никогда не замѣнитъ Николая Яковлевича, а безъ надежнаго друга, въ трудномъ дѣлѣ путешествія, одному невозможно управиться.

„Я до сихъ поръ еще не могу свыкнуться съ мыслію, писалъ онъ [2]), что Ягунова уже не существуетъ. Все кажется, что вотъ-вотъ онъ пріѣдетъ къ намъ въ деревню,—такъ недавно еще былъ среди насъ, а теперь превратился въ ничто.... Матери Ягунова я отправлю рисунки (сына), лишь только получу отъ нея письмо. Надо будетъ послать старухѣ рублей 25 денегъ, а то она, въ самомъ дѣлѣ, въ крайнемъ положеніи.

„Эклонъ уже недѣлю живетъ у насъ; отличный мальчикъ по своему характеру. Третьяго спутника я думаю вовсе не брать; друга не найдешь, а всего

---

[1]) Письмо Пржевальскаго М. А. Пыльцову въ маѣ 1875 г.

[2]) Въ письмѣ І. Л. Фатѣеву 14 іюля 1875 г.

скорѣе попадется какой нибудь франтъ, который будетъ только обузою. Поѣдемъ вдвоемъ съ Эклономъ, какъ нѣкогда ѣхали мы съ Михаиломъ Александровичемъ (Пыльцовымъ). Лучше возьму хорошаго казачьяго урядника; право, онъ будетъ полезнѣе, чѣмъ офицеръ.

„Если Ягунову будутъ сооружать памятникъ, писалъ Пржевальскій ему же въ другомъ письмѣ [1]),— то я прошу васъ внести отъ меня 25 руб., которые я возвращу вамъ съ благодарностью въ деревнѣ.

„Получилъ я отъ своихъ казаковъ изъ Кяхты письма, въ которыхъ они умоляютъ меня взять ихъ опять въ экспедицію. Хорошо, что есть хотя этихъ два надежныхъ человѣка, а то совсѣмъ бы дѣло было плохо. Да, откровенно говоря, оно и теперь находится далеко не въ хорошихъ условіяхъ; посмотримъ, что будетъ далѣе“.

Подъ вліяніемъ тяжелой утраты и сильныхъ жаровъ Николай Михайловичъ работалъ мало. „Въ деревнѣ жары и сушь страшная, писалъ онъ А. А. Штрауху [2]); обжираюсь страшно, а работаю, стыдно сказать, очень мало. Впрочемъ, необходимо отдохнуть“. Его очень заботила разработка зоологическихъ матеріаловъ, изданіе таблицъ и рисунковъ. По этому поводу онъ писалъ нѣсколько писемъ академику А. А. Штрауху, просилъ его содѣйствія, указаній и, какъ мы говорили, ѣздилъ въ Варшаву, отчасти и для того, чтобы тамъ поторопить Тачановскаго, принявшаго на себя разработку части матеріаловъ. Весь іюнь и половину іюля Пржевальскій работалъ сравнительно мало. „Сегодня (14 іюля), говоритъ онъ, я написалъ первый листъ о климатѣ Монголіи, дней въ десять кончу эту главу. Только сильно лѣнюсь, вѣроятно потому, что очень жарко. Ягоды—земляника и клубника—теперь поспѣли, такъ что уже началось обжорство генеральное“.

---

[1]) Отъ 17 іюля 1875 г.

[2]) Отъ 8 іюля 1875 г.

Съ половины августа онъ сталъ усиленно заниматься, окончилъ описаніе климата и принялся за описаніе птицъ и сводку метеорологическихъ наблюденій. Въ половинѣ сентября онъ отправился въ Петербургъ вмѣстѣ съ Эклономъ и, по обыкновенію, остановился въ меблированныхъ комнатахъ.

Въ Петербургѣ его ожидала та же жизнь, что и прежде: являлись просители взять съ собою въ будущую экспедицію, устраиватели чтеній въ пользу герцеговинцовъ и проч. Всѣ эти просьбы были крайне непріятны Николаю Михайловичу и лишали его возможности заняться какъ бы онъ желалъ.

Малый успѣхъ работы и недостатокъ времени не дозволяли ему съѣздить въ Парижъ и принять личное участіе въ географическомъ международномъ конгрессѣ. Тѣмъ не менѣе въ августѣ 1875 г., во второмъ его засѣданіи, было рѣшено выдать Пржевальскому грамату. Препровождая ее, президентъ международнаго конгресса, вице-адмиралъ де-ля-Ронсіеръ, 2-го августа писалъ Николаю Михайловичу:

„Важныя открытія, сдѣланныя вами во время вашихъ путешествій по Монголіи и землѣ тангутовъ, признаны международнымъ жюри достойными исключительной награды.

„Благодаря вамъ, успѣхи, достигнутые географіей этихъ земель, имѣютъ на столько важное значеніе для науки, *что отличія, предусмотрѣнныя въ уставѣ общества, не могутъ соотвѣтствовать вашимъ заслугамъ.*

„Отъ имени конгресса имѣю честь довести до свѣдѣнія вашего о таковой высокой оцѣнкѣ вашихъ трудовъ со стороны жюри и предложить вамъ настоящую *почетную грамату* какъ высокую награду, присужденную по случаю выставки“.

Одновременно съ этимъ, и именно 10 августа 1875 г., французское министерство народнаго просвѣщенія избрало Пржевальскаго своимъ сотрудникомъ по народному образованію и прислало золотой знакъ „Palme

d'Academie"—пальма академіи. Орденъ этотъ дается за большія ученыя заслуги, носится на груди и состоитъ изъ двухъ золотыхъ вѣтвей, пальмовой и лавровой.

Такія награды и почетныя граматы, по словамъ Николая Михайловича, сильно подымали его „*фонды*", т. е. болѣе или менѣе обезпечивали возможность новаго путешествія въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Подготовляясь къ нему, Пржевальскій особенно хлопоталъ о томъ, чтобы будущій его спутникъ Эклонъ выдержалъ экзаменъ и могъ поступить вольноопредѣляющимся въ какой нибудь полкъ. Въ теченіе цѣлаго лѣта Николай Михайловичъ готовилъ его на свой счетъ, и отправляя въ октябрѣ Эклона въ Варшаву, поручалъ его І. Л. Фатѣеву и просилъ пріютить у себя и обратить вниманіе на юношу.

„Не знаю, прибавлялъ онъ [1]), куда опредѣлить Эклона, въ Самогитскій полкъ къ Акимову или въ Новочеркасскій, который стоитъ въ Красномъ селѣ (въ Питерѣ нѣтъ ни одного армейскаго полка). Мнѣ кажется, что въ Самогитскомъ полку для Эклона будетъ лучше въ томъ случаѣ, что онъ пріучится хотя немного къ самостоятельности, вдали отъ родныхъ и покровителей. Вы объ этомъ, пожалуйста, напишите, а также увѣдомьте каковъ Самогитскій полкъ по качеству своихъ офицеровъ и есть-ли въ немъ вакансіи для вольноопредѣляющихся 3-го разряда".

„Я уже, кажется, писалъ вамъ, что изготовленіе моихъ рисунковъ подвигается крайне туго, да и текстъ увеличивается не очень быстро, такъ что книга ни въ какомъ случаѣ не будетъ готова къ новому году, а выйдетъ, вѣроятно, въ половинѣ или въ началѣ февраля. Сообразно этому, и мой отъѣздъ въ экспедицію отложится до марта, а если весна будетъ ранняя и дороги худы, то быть можетъ даже до начала мая".

29 октября Николай Михайловичъ получилъ теле-

---

[1]) Въ письмѣ Фатѣеву отъ 27 сентября 1875 г.

грамму изъ Варшавы о томъ, что Эклонъ выдержалъ экзаменъ и поступилъ въ Самогитскій полкъ.

— Я очень радъ, говорилъ онъ, по крайней мѣрѣ одинъ спутникъ *есть на лицо*. Хочу взять еще кого нибудь: втроемъ работа будетъ идти успѣшнѣе и веселѣе.

При выборѣ такого спутника Николай Михайловичъ остановилъ свое вниманіе на портупей-юнкерѣ, а впослѣдствіи прапорщикѣ Звенигородскаго полка Евграфѣ Повало-Швыйковскомъ, сынѣ сосѣдки по имѣнію.

— Этотъ юноша, говорилъ Пржевальскій, въ августѣ былъ въ отпуску и очень мнѣ понравился, тѣмъ болѣе, что я знаю его съ самаго дѣтства,—онъ будетъ преданъ мнѣ лично. Здоровье у него хорошее, въ юнкерской школѣ получилъ выправку, слѣдовательно съумѣетъ управляться съ казаками.—Правда, онъ не охотникъ и не имѣетъ никакихъ особыхъ познаній, но въ экспедиціи, прежде всего, нуженъ хорошій человѣкъ. Подъ моимъ же руководствомъ онъ, какъ и Эклонъ, будутъ дѣлать все, что нужно. Обдирать шкурки и собирать растенія не мудрено научиться, только бы человѣкъ самъ по себѣ былъ хорошій—это вещь первой важности [1]).

Сообщая Эклону о своемъ рѣшеніи взять Швыйковскаго въ путешествіе, Пржевальскій прибавилъ: „знаю, что вы будете великіе друзья, *за то и катаны будете совмѣстно*. Конечно, это будетъ случаться рѣдко, но все-таки будетъ—кто не безъ грѣха [2])!... Сейчасъ писалъ Евграфу Швыйковскому письмо съ предложеніемъ ѣхать со мною въ экспедицію. Воображаю какую радость принесетъ ему этотъ клочокъ бумаги. Теперь ты можешь объявить Александрѣ Евграфовнѣ о томъ, что я беру съ собою ея Евграфа; для нея тоже радость не малая“ [3]).

---

[1]) Изъ писемъ Пржевальскаго Пыльцову отъ 30 октября и І. Л. Фатѣеву 8 ноября 1875 г.

[2]) Письмо Эклону 20 ноября 1875 г.

[3]) Письмо Пржевальскаго Пыльцову 22 ноября 1875 г.

Дѣйствительно, молодой Швыйковскій чуть не сошелъ съ ума отъ радости. Приглашеніе Николая Михайловича онъ получилъ въ одинъ день съ извѣстіемъ о своемъ производствѣ въ офицеры. Онъ тотчасъ же отвѣчалъ Пржевальскому, что путешествіе съ нимъ было его всегдашней мечтой, которая теперь къ счастію исполнилась [1]).

Итакъ, второй спутникъ былъ найденъ, второй томъ оканчивался и печатался, слѣдовательно можно было подумать и о планѣ слѣдующаго путешествія. Еще въ январѣ Николай Михайловичъ набросалъ планъ будущей экспедиціи. Весну 1876 года онъ думалъ провести въ Кульджѣ и окрестныхъ ей частяхъ Тянь-Шаня; лѣто—на озерѣ Лобъ-норѣ, осень—въ пустыняхъ между озерами Лобъ-номомъ и Куку-номомъ, а затѣмъ на зиму идти въ Хлассу. Весною 1877 г. онъ предполагалъ пройти изъ Хлассы, изслѣдовать верхнее теченіе Брамапутры до ея истоковъ, двинуться обратно къ Востоку по сѣверному склону Гималая, а зиму 1877—78 гг. провести опять въ окрестностяхъ Хлассы. Изъ Хлассы собранныя коллекціи отправляются въ Ургу, при караванѣ богомольцевъ и при конвоѣ одного казака, а экспедиція весною 1878 г. двигается на Иравадди и если счастіе повезетъ, то проходитъ черезъ весь Индо-Китай до Салуена или въ какое либо другое мѣсто тропической Азіи [2]).

По приблизительному разсчету трехлѣтняя экспедиція могла обойтись не менѣе 36 тысячъ. Такъ какъ цифра эта была весьма значительна, „то мнѣ совѣтуютъ, писалъ Николай Михайловичъ [3]), хлопотать только о двухъ годахъ, т. е. просить 24,000, а на третій годъ прибавятъ впослѣдствіи“.

Такъ онъ и сдѣлалъ. 14 января 1876 года онъ представилъ въ Императорское русское географическое общество записку съ планомъ будущаго путешествія и разсчетомъ его стоимости [4]).

---

[1]) Письмо Пыльцову отъ 3 декабря 1875 г.
[2]) Письмо Пржевальскаго В. А. Вѣльцову 26 января 1875 г.
[3]) Письмо его же І. Л. Фатѣеву 13 декабря 1875 г.
[4]) См. приложеніе № 8

По обсужденіи 31-го января 1876 года подробностей предложенія Пржевальскаго, совѣтъ Императорскаго русскаго географическаго общества пришелъ къ общему единогласному рѣшенію, что „предполагаемая экспедиція вполнѣ заслуживаетъ вниманіе и обѣщаетъ принести отличные результаты какъ по отношенію къ поставленной программѣ путешествія, такъ и въ виду личныхъ качествъ путешественника“.

Совѣтъ географическаго общества въ этомъ случаѣ не могъ не принять въ соображеніе, говорилось въ запискѣ, представленной Августѣйшему предсѣдателю общества, что каждое научное дѣло, къ какой бы сферѣ оно ни относилось, только въ такомъ случаѣ представляетъ гарантію успѣха, когда оно вполнѣ соотвѣтствуетъ, такъ сказать, сливается съ личностью того дѣятеля, на долю котораго оно выпадаетъ. Въ сферѣ географической дѣятельности, въ числѣ задачъ, подлежащихъ рѣшенію болѣе или менѣе ближайшаго будущаго, можно указать на нѣсколько пробѣловъ, нѣсколько такихъ полосъ terrae incognitae, которыя ждутъ своихъ открывателей.

„Страны, въ которыя предполагаетъ отправиться Пржевальскій, принадлежатъ къ числу ихъ. Но при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ представляется путешествіе въ эти страны, никакая ученая экспедиція, какъ бы она ни была широко организована, не могла бы быть обезпечена въ вполнѣ успѣшномъ достиженіи дѣлъ, если бы во главѣ ея не являлось лицо всей душой преданное дѣлу и способное по своимъ качествамъ преодолѣть многообразныя трудности, сопряженныя съ такимъ дѣломъ.

„Въ настоящее время, по мнѣнію совѣта общества, подполковникъ Пржевальскій именно соединяетъ въ себѣ всѣ тѣ условія, которыя могутъ дать увѣренность, что предлагаемая имъ экспедиція увѣнчается полнымъ успѣхомъ.

„Соединяя съ блестящими природными дарованіями основательную научную подготовку и рѣдкую

энергію, Пржевальскій своимъ прежнимъ путешествіемъ пріобрѣлъ еще и обширную опытность въ примѣненіи къ условіямъ климата и быта тѣхъ странъ, изслѣдованіе коихъ поставилъ онъ цѣлью новаго путешествія. Соединеніе такихъ условій въ одномъ лицѣ встрѣчается рѣдко и не воспользоваться настоящимъ случаемъ для снаряженія предлагаемой Пржевальскимъ экспедиціи значило бы отказаться надолго отъ изслѣдованія малоизвѣстной страны, столь близкой однако къ нашимъ предѣламъ, отказаться въ то время, когда всѣ европейскіе народы соревнуютъ въ пополненіи остающихся еще пробѣловъ въ землевѣдѣніи, снаряжая экспедиціи на континентахъ стараго и новаго свѣта, въ поясы тропиковъ и обоихъ полюсовъ.

„Путешествіе Пржевальскаго, независимо отъ важныхъ научныхъ результатовъ, принесетъ, по мнѣнію Совѣта, еще и свою практическую пользу въ отношеніи къ вопросу о дальнѣйшемъ установленіи болѣе близкихъ связей нашихъ съ Китаемъ. Всякая новая экспедиція въ эту Имперію все болѣе и болѣе можетъ пріучать китайскія власти и населеніе къ сношеніямъ съ иностранцами и такимъ образомъ расширять путь и для экспедицій торговыхъ и промышленныхъ“.

Высказавъ такое мнѣніе совѣтъ Императорскаго географическаго общества поручилъ своему вице-предсѣдателю, П. П. Семенову, снестись съ министрами иностранныхъ дѣлъ и военнымъ и спросить ихъ заключеніе не признаютъ-ли они возможнымъ оказать съ своей стороны содѣйствіе предполагаемой экспедиціи.

Военный министръ Д. А. Милютинъ выказалъ полное свое сочувствіе и готовность сдѣлать все возможное. „Я вполнѣ раздѣляю, писалъ онъ П. П. Семенову [1]), убѣжденіе совѣта общества, что результаты научныхъ изслѣдованій подполковника Пржевальскаго въ обширныхъ почти неизвѣстныхъ странахъ внут-

[1]) Въ письмѣ отъ 18 февраля 1876 г. за № 71. Архивъ Географическ. общества, дѣло № 10.

ренней Азіи, при несомнѣнныхъ нравственныхъ качествахъ и многостороннемъ образованіи названнаго лица, послужатъ къ обогащенію географической науки въ высшей степени интересными и важными свѣдѣніями. Поэтому Императорское географическое общество можетъ быть совершенно увѣреннымъ въ полной готовности военнаго министерства оказать все зависящее отъ него содѣйствіе къ осуществленію столь полезнаго предпріятія, во главѣ котораго будетъ поставленъ человѣкъ, служащій въ военномъ вѣдомствѣ и вполнѣ способный привести экспедицію къ успѣшному окончанію".

Чтобы ознакомить географическое общество съ тѣмъ содѣйствіемъ, которое военное министерство считало возможнымъ оказать, Д. А. Милютинъ говорилъ, что онъ намѣренъ испросить Высочайшее повелѣніе: 1) на командированіе Пржевальскаго и выбранныхъ имъ спутниковъ въ экспедицію на два или на три года съ сохраненіемъ содержанія и выдачею его на два года впередъ звонкою монетою; 2) на снабженіе членовъ экспедиціи оружіемъ и боевыми припасами; 3) на выдачу всѣмъ путешественникамъ двойныхъ прогонныхъ денегъ отъ С.-Петербурга до пункта сбора въ Семирѣченской области и на отпускъ прогоновъ для перевозки оружія, инструментовъ и прочихъ принадлежностей экспедиціи и, наконецъ, писалъ военный министръ, „я сочту своею обязанностію рекомендовать путешественниковъ особому вниманію нашихъ пограничныхъ властей въ Средней Азіи и просить ихъ оказывать все зависящее отъ нихъ содѣйствіе успѣху экспедиціи".

Съ своей стороны, министръ иностранныхъ дѣлъ Н. К. Гирсъ находилъ направленіе путешествія, избраннаго Пржевальскимъ, всего болѣе соотвѣтствующимъ желаніямъ министерства. По мнѣнію послѣдняго, особенную важность имѣло изслѣдованіе мѣстностей, прилегающихъ къ Восточному Тянь-Шаню и къ бассейну Лобъ-нора.

„Независимо, писалъ министръ иностранныхъ

дѣлъ [1]), отъ географическихъ и естественно-историческихъ условій этихъ странъ, для насъ интересно было бы ознакомиться съ политическимъ состояніемъ, въ которомъ онѣ находятся, съ ихъ населеніемъ, ихъ потребностями и тѣми видами, которые могутъ открыться тамъ для торговой предпріимчивости русскихъ.

„Что касается до Тибета, имѣющаго для Россіи важное значеніе какъ центръ ламайскаго ученія, столь распространеннаго между нашими сибирскими инородцами, то при совершенномъ отсутствіи точныхъ данныхъ объ этой странѣ, министерство иностранныхъ дѣлъ не можетъ не отнестись съ особеннымъ сочувствіемъ къ рѣшимости г. Пржевальскаго проникнуть до Хлассы. Крайне желательно было бы, чтобы онъ посвятилъ по возможности больше времени на изученіе тамошнихъ своеобразныхъ порядковъ.

„Замѣчательныя качества какъ путешественника и наблюдателя, обнаруженныя подполковникомъ Пржевальскимъ во время его прежнихъ экспедицій, даютъ полную надежду, что и предстоящая трудная поѣздка принесетъ значительную пользу, а благоразуміе и тактъ, которые онъ выказалъ при сношеніяхъ съ азіятцами и туземными властями, служатъ для министерства иностранныхъ дѣлъ ручательствомъ въ томъ, что и въ новомъ своемъ путешествіи онъ съумѣетъ избѣгнуть всѣхъ недоразумѣній, а напротивъ будетъ содѣйствовать укрѣпленію и распространенію доброй славы, которою пользуется русское имя повсемѣстно на азіятскомъ материкѣ“.

Сочувственные отзывы министровъ дали возможность совѣту географическаго общества просить Августѣйшаго предсѣдателя Великаго Князя Константина Николаевича исходатайствовать на экспедицію Пржевальскаго просимую имъ сумму изъ средствъ государственнаго казначейства. Препровождая при рескриптѣ къ статсъ-секретарю Рейтерну [2]) подробную записку

[1]) Въ письмѣ П. П. Семенову 20 февраля 1876 г. № 448. Арх. Географ. общ., д. № 10.

[2]) Отъ 2-го марта 1876 г. См. приложеніе № 9.

совѣта общества и отзывы министровъ, Его Высочество просилъ исходатайствовать у Государя Императора о назначеніи 24,740 рублей и приэтомъ выразилъ увѣренность, что экспедиція эта „принесетъ обильные плоды для науки и честь тѣмъ учрежденіямъ, которыя примутъ на себя заботы объ ея осуществленіи“.

Спустя три дня, и именно 5 марта, министръ финансовъ увѣдомилъ, что Государь Императоръ соизволилъ на отпускъ просимой суммы.

Между тѣмъ въ ожиданіи окончательнаго рѣшенія Николай Михайловичъ усиленно трудился надъ скорѣйшимъ окончаніемъ и печатаніемъ своей книги. Почти все время онъ проводилъ среди корректуръ; въ особенности ему трудно было справиться съ метеорологическими таблицами, а ихъ было болѣе 100 страницъ; къ этому надо прибавить, что писаніе текста и опредѣленіе видовъ еще не было окончено. Работы было столько, что онъ едва могъ усталою рукою написать одно или два письма [1]), а тутъ, какъ нарочно, ему не давали покоя. 20 февраля его пригласили принять участіе въ засѣданіи коммиссіи по колонизаціи Амура. Засѣданіе это, подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ, къ великому неудовольствію Пржевальскаго, всегда ложившагося спать въ 10 часовъ, началось въ 9 часовъ вечера и окончилось въ 12 часовъ ночи. „За колонизацію Амура я ратовалъ, писалъ онъ. [2]) Должно быть мои разъясненія понравились предсѣдателю, такъ что онъ просилъ меня участвовать въ коммиссіи и по еврейскому вопросу. Отпирался я ничего незнаніемъ о евреяхъ—ни къ чему не привело. Тогда я объявилъ, что готовъ принять и участіе, но не долѣе какъ до страстной недѣли, такъ какъ уѣду въ деревню“.

Надо удивляться тому, что онъ среди столь усиленной работы имѣлъ еще время дѣлать нѣкоторыя распоряженія и закупки для имѣнія, посылать часто „услады“ роднымъ и позаботиться объ устройствѣ собственныхъ дѣлъ.

[1]) Письмо І. Л. Фатѣеву 3 февраля 1876 г.
[2]) Эклону отъ 21 февраля 1875 г.

„Сегодня я, писалъ онъ между прочимъ Пыльцову, [1]) сотворилъ какую штуку: купилъ 150 акцій Одесской желѣзной дороги по 46 рублей за акцію. Поводомъ къ тому было то обстоятельство, что теперь идетъ вопросъ объ отдѣленіи Одесской дороги отъ общества Черноморскаго пароходства. Если только это будетъ утверждено, то акціи Одесской желѣзной дороги станутъ вдвое дороже, такъ какъ ихъ номинальная цѣна сто рублей. Упали онѣ такъ низко отъ дурнаго управленія дороги. Будучи вчера вечеромъ у военнаго министра я слышалъ, что отдѣленіе Одесской дороги или ея улучшеніе непремѣнно состоится, такъ какъ дѣло разсматривается въ особой коммиссіи. Кромѣ того вчера-же слышалъ у военнаго министра, что герцеговинцы не прочь отъ примиренія на условіяхъ ноты графа Андраши—опять важно для акцій.

„Во всякомъ случаѣ я буду держать эти акціи (конечно, если чего вдругъ не случится въ политическомъ мірѣ) до возвращенія изъ Тибета. Получая „Голосъ“, ты можешь всегда видѣть, проигрываю-ли я или выигрываю“.

Спустя дня три, акціи упали съ 46 на 43 руб. и это нѣсколько огорчило Пржевальскаго, тѣмъ болѣе, что онѣ могли упасть и еще ниже. Онъ утѣшалъ себя только тѣмъ, что положитъ ихъ въ банкъ до возвращенія изъ экспедиціи и за это время они подымутся рублей до 60 или болѣе. [2]) Теперь же денежная потеря не очень занимала его, такъ какъ онъ всецѣло былъ поглощенъ вопросомъ объ экспедиціи.

„Дѣло объ экспедиціи, писалъ онъ, [3]) идетъ какъ нельзя лучше. По докладу моего проекта В. К. Константину Николаевичу, онъ отнесся къ нему крайне сочувственно, даже сказалъ Семенову, что кажется самъ-бы поѣхалъ въ экспедицію, если бы былъ помоложе. Отъ Великаго Князя напишется министру финансовъ рескриптъ объ отпускѣ денегъ [4]).

[1]) Отъ 2 февраля 1876 г.
[2]) Письмо Пржевальскаго Ѳ. Эклону 6-го февраля 1876 г.
[3]) Письма его-же Фатѣеву 8-го февраля 1876 г.
[4]) Рескриптъ этотъ помѣщенъ въ Приложеніи № 9.

Военный министръ Д. А. Милютинъ, начальникъ главнаго штаба графъ Гейденъ, товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ Н. К. Гирсъ, вице-предсѣдатель географическаго общества П. П. Семеновъ, секретарь общества баронъ Остенъ-Сакенъ—всѣ хлопотали о томъ, чтобы экспедиція состоялась и Пржевальскій былъ какъ можно лучше снаряженъ и обезпеченъ матеріально [1]).

Ободряемый общимъ сочувствіемъ, Николай Михайловичъ, не ожидая окончательнаго разрѣшенія относительно путешествія, принималъ уже мѣры къ заготовленію походныхъ сумъ, чахловъ на ружья, ящиковъ для дневниковъ, мѣдной посуды и патронташей, приступилъ къ исправленію и заготовленію вновь одежды для себя и казаковъ и искалъ случая купить хорошихъ собакъ—сетеровъ [2]).

Онъ просилъ командира Самогитскаго полка Акимова о скорѣйшемъ производствѣ Эклона въ унтеръ-офицеры и совѣтовалъ послѣднему получше приготовиться къ экзамену, въ особенности изъ уставовъ. Рѣшаясь взять себѣ спутника, Пржевальскій смотрѣлъ уже на такое лицо, какъ на самаго близкаго себѣ человѣка, какъ на друга и брата. „Карточекъ ты дѣлай, писалъ онъ Эклону, [3]) цѣлую дюжину, если хороши будутъ. Пожертвуй пять рублей; послѣ 2-го февраля я тебѣ пришлю денегъ, а если тебѣ онѣ нужны, то могу сдѣлать это и раньше. Вообще ты можешь свободно тратить рублей 20 въ мѣсяцъ и не отказывать себѣ и въ усладахъ. Погода въ Питерѣ подлая, хотя довольно тепло; въ Брестѣ же [4]) дѣйствительно скоро наступитъ весна; *въ хорошіе дни ходи гулять, смотри, какъ просыпается природа послѣ зимы.* Вчера получилъ отъ полковника Бильдерлинга, [5]) хозяина маленькой вин-

---

[1]) Письмо Пржевальскаго М. А. Пыльцову 19-го февраля 1876 г.

[2]) Письма Пржевальскаго Пыльцову 19 января и 5 Марта 1876 г.

[3]) Отъ 25 января 1876 г.

[4]) Гдѣ стоялъ Самогитскій полкъ.

[5]) Александръ Александровичъ Бильдерлингъ, нынѣ генералъ-маіоръ и начальникъ Николаевскаго кавалерійскаго училища.

товки, письмо; онъ даритъ мнѣ это ружье, а я передаю его тебѣ по обѣщанію. Если ты хочешь себѣ шить тонкое платье, то закажи его и напиши мнѣ; въ такомъ случаѣ я вышлю тебѣ деньги около 10 февраля или раньше. На масляной непремѣнно кушай блины и польскія пончки".

„Числа 10-го февраля, писалъ онъ въ другомъ письмѣ [1]), я пошлю тебѣ рублей 50 съ тѣмъ, чтобы ты этими деньгами заплатилъ за платье и оставилъ на проѣздъ до Питера. Впрочемъ, если не хватитъ, то въ Варшавѣ возьмешь у Фатѣева. Купи себѣ на дорогу хорошее одѣяло. Въ Брестѣ, кажется, есть фабрика байковыхъ одѣялъ".

Снаряжая другихъ, Николай Михайловичъ снаряжалъ и себя. Онъ просилъ І. Л. Фатѣева купить ему въ Варшавѣ трое часовъ—одни для себя, а двое для подарковъ; М. А. Пыльцову поручилъ лить пули, а нашему консулу въ Ургѣ Шишмареву нанять ему переводчика, что тотъ и сдѣлалъ за 300 руб. въ годъ. Пржевальскій пріискивалъ себѣ казаковъ и получилъ обѣщаніе генерала Кауфана дать ему пять человѣкъ надежныхъ изъ Семирѣченскаго войска.

3-го марта Великій Князь Константинъ Николаевичъ поздравилъ его въ географическомъ обществѣ съ отправленіемъ въ экспедицію и высказалъ, что за успѣхъ его готовъ теперь самъ поручиться. „Словомъ, прибавлялъ Пржевальскій [2]), мои фонды опять растутъ съ каждымъ днемъ; скоро опять заговорятъ въ газетахъ обо мнѣ.

„Теперь я одной ногой уже въ Тибетѣ, и если эта экспедиція будетъ идти такъ же счастливо, какъ первая, то мнѣ будетъ принадлежать честь изслѣдованія всѣхъ самыхъ невѣдомыхъ странъ Центральной Азіи. Поприще завидное, хотя и трудное. Надѣюсь, что мое счастіе меня не оставитъ и что черезъ три года я вернусь въ Отрадное здоровымъ и невредимымъ".

---

[1]) Отъ 6 февраля 1876 г.

[2]) Въ письмахъ М. А. Пыльцову отъ 5 и 8 марта 1876 г.

Въ началѣ марта прибыли въ Петербургъ Эклонъ и Повало-Швыйковскій и снаряженіе экспедиціи стало производиться безпрерывно. По распоряженію Николая Михайловича заказывались сошки для Берданокъ и Ланкастера, приготовлялись ящики для жестянокъ со спиртомъ. Изъ Варшавы были присланы І. Л. Фатѣевымъ часы, ружья, пистолеты, пульныя формы; изъ Ижевскаго завода была доставлена Берданка, прекрасно и изящно сдѣланная. Эклонъ и Швыйковскій обучались фотографіи, у художника Досса, съ цѣлью во время экспедиціи снимать виды мѣстности. [1]) Работы было столько, что Николай Михайловичъ принужденъ былъ отказаться отъ удовольствія провести Святую въ деревнѣ.

„Думаю, писалъ онъ М. А. Пыльцову, [2]) что лучше отдѣлаться здѣсь совсѣмъ, между 15 и 20 апрѣля отправиться черезъ Москву въ Отрадное, гдѣ пробуду недѣли двѣ, вѣроятно проведу и свои имянины. Ты можешь себѣ представить на сколько мнѣ грустно оставаться здѣсь праздники. Если будетъ малѣйшая возможность, я пріѣду хотя бы на нѣсколько дней. Но гораздо вѣрнѣе, что такой возможности не представится.

„Третьяго дня я получилъ отъ знаменитаго географа Мальтъ-Брена письмо, съ извѣщеніемъ, что Парижское географическое общество присудило мнѣ еще золотую медаль. Какъ на смѣхъ, въ тотъ же самый день въ газетѣ „Новое Время“ напечатана новая пасквиль на меня, хотя фамилія не названа. Посылаю тебѣ это писаніе въ подлинникѣ. Въ письмѣ изъ Парижа меня зовутъ пріѣхать туда, хотя на нѣсколько дней...“

Поѣздка эта, конечно, не могла состояться, такъ какъ 15 марта послѣдовало уже Высочайшее разрѣшеніе на командированіе Н. М. Пржевальскаго на два года въ Центральную Азію. Спутниками его назначены: прапорщикъ 142 пѣхотнаго Звенигородскаго полка Повало-Швыйковскій, вольноопредѣляющійся

---

[1]) Письмо Пржевальскаго І. Л. Фатѣеву 12 марта 1876 г.

[2]) Отъ 15 марта 1876 г.

7-го Самогитскаго гренадерскаго полка Эклонъ, три забайкальскихъ казака и отъ 4 до 5 человѣкъ казаковъ Семирѣченскаго войска. Экспедиціи отпущено: 10 винтовокъ Бердана, 20 револьверовъ Смита и Вессона, по 300 патроновъ на ружье, по 200 на револьверъ и три пуда винтовочнаго пороха. Пржевальскому и его двумъ спутникамъ выдано изъ суммъ военнаго министерства содержаніе звонкою монетою на два года впередъ, двойные прогоны до Кульджи и на двѣ тройки подъ багажъ и инструменты. Географическое общество исходатайствовало на расходы экспедиціи изъ суммъ государственнаго казначейства 24,740 р.

Успокоенный окончательно относительно экспедиціи и не смотря на то, что впереди предстояла еще масса корректуры, Николай Михайловичъ на радостяхъ все-таки съѣздилъ въ Отрадное на праздники, провелъ тамъ шесть дней, охотился и затѣмъ возвратился въ Петербургъ, чтобы засѣсть за работу и дѣлать закупки для предстоящаго путешествія [1]). Вещей покупалось гибель и денегъ выходило множество.... По разсчету клади было пудовъ на сто и ее можно было уложить не менѣе какъ на четырехъ тройкахъ; фотографическіе приборы вѣсили 17 пудовъ и потому Пржевальскій рѣшилъ ихъ не брать, тѣмъ болѣе, что занятія его спутниковъ шли не на столько успѣшно, чтобы можно было ожидать отъ нихъ хорошихъ и изящныхъ работъ.

Въ концѣ апрѣля, второй томъ путешествія въ Монголію и страну тангутовъ былъ оконченъ. Въ него вошли свѣдѣнія о климатѣ и птицахъ, обработанныя самимъ Пржевальскимъ, пресмыкающія и земноводныя—академикомъ А. А. Штраухомъ и рыбы—профессоромъ К. Кеслеромъ. Такимъ образомъ изъ коллекціи, поступившей въ музей Академіи наукъ, остались нетронутыми только насѣкомыя и млекопитающія.

„Обработка первыхъ, писалъ Николай Михайловичъ въ конференцію Академіи наукъ [2]), и ихъ изда-

[1]) Письмо Пржевальскаго І. Л. Фатѣеву 16 апрѣля 1876 г.

[2]) Отъ 20 апрѣля 1876 г.

ніе въ видѣ втораго выпуска второго тома вышеупомянутой книги, на средства, ассигнованныя географическимъ обществомъ, крайне желательна въ возможно скоромъ времени. Что-же касается до млекопитающихъ, то я полагалъ бы всего удобнѣе отложить ихъ обработку до времени моего возвращенія изъ новой экспедиціи на Лобъ-норъ и въ Тибетъ. Тогда при большемъ количествѣ добытыхъ матеріаловъ, какъ въ видѣ препарированныхъ экземпляровъ, такъ и наблюденій касательно географическаго распространенія и образа жизни животныхъ, высокой Внутренней Азіи, возможна будетъ и болѣе широкая и поучительная обработка этого отдѣла.

„Если подобное предложеніе не встрѣтитъ препятствія со стороны конференціи Академіи, то я прошу почтить меня о томъ увѣдомленіемъ и въ то-же время сдѣлать распоряженіе о сохраненіи въ музеѣ всей моей коллекціи млекопитающихъ (безъ передачи кому-либо дублетовъ) до моего возвращенія изъ новаго путешествія, которое по всему вѣроятію продолжится три года“.

Попрощавшись съ друзьями и получивъ отъ Великаго Князя Николая Николаевича Младшаго въ подарокъ лягавую собаку, Н. М. Пржевальскій 7-го мая выѣхалъ изъ Петербурга въ Отрадное, гдѣ и оставался до 23-го числа, проводя время среди родныхъ и охоты.

„Ничего ровно не дѣлаю, писалъ онъ Фатѣеву [1]), только ѣмъ, сплю и хожу на охоту. Впрочемъ, по утрамъ обучаю своихъ спутниковъ стрѣльбѣ изъ Берданокъ и револьверовъ. Результаты пока еще очень плохіе.... Да, не одинъ разъ вспоминаю я про потерю Ягунова. Если ему будутъ ставить памятникъ, то не откажите внести отъ меня 25 рублей. Быть можетъ на эту сумму можно прямо купить дубъ и посадить на могилѣ.

„Сборка въ экспедицію стоитъ въ Петербургѣ четыре съ половиною тысячи, да въ Москвѣ нужно бу-

[1]) Отъ 18 мая 1876 г. изъ Отраднаго.

детъ истратить еще тысячи полторы. Все это ничего, лишь бы спутники были хороши".

Надъ этимъ Николай Михайловичъ задумывался не одинъ разъ: въ одномъ спутникѣ—Эклонѣ—онъ былъ увѣренъ, какъ въ человѣкѣ, ему преданномъ, усердномъ, энергичномъ, который принесетъ несомнѣнную пользу экспедиціи; другаго спутника онъ мало зналъ, характеръ и дѣятельность его еще не выяснились. Въ теченіе двухъ недѣль, проведенныхъ въ Отрадномъ, онъ поджидалъ къ себѣ І. Л. Фатѣева и съ грустью узналъ, что тотъ пріѣхать не можетъ. „Прощайте, писалъ онъ ему, дай Богъ намъ свидѣться черезъ три года, но не иначе, какъ послѣ полнаго успѣха экспедиціи. Жаль очень, что мы не увидимся передъ отъѣздомъ. Позвольте заочно обнять васъ и сердечно благодарить за вашу теплую дружбу, которая, повѣрьте, и съ моей стороны сильна въ неменьшей степени".

Въ концѣ апрѣля Пржевальскій выѣхалъ изъ Отраднаго въ Москву и въ началѣ іюля надѣялся быть въ Кульджѣ, а въ половинѣ этого мѣсяца уйти въ Тянь-шань и на Лобъ-норъ. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ—и мечты Николая Михайловича не осуществились.

Изъ Отраднаго и до Нижняго-Новгорода провожалъ его М. А. Пыльцовъ. Жара стояла невыносимая; духота въ вагонахъ была на столько велика, что всѣ пять собакъ, помѣщенныхъ въ отдѣльномъ багажномъ вагонѣ, задохлись и Николай Михайловичъ спасъ только двухъ, находившихся у нихъ на рукахъ. Багажа накопилось 130 пудовъ и для слѣдованія на почтовыхъ приходилось брать не менѣе четырехъ экипажей [1]).

6-го іюня члены экспедиціи прибыли въ Пермь и тутъ принуждены были остановиться на нѣсколько дней. Патроны, которые должны были быть въ Перми

---

[1]) Письмо Н. М. Пржевальскаго брату Владиміру отъ « » іюня 1876 г.

къ 20 мая, не приходили до 13 іюня, такъ что Пржевальскій послалъ за ними Повало-Швыйковскаго съ тѣмъ, чтобы онъ взялъ ихъ съ баржи и привезъ на пассажирскомъ пароходѣ. Въ ожиданіи ихъ доставленія и разсчитывая на всѣ возможныя случайности, Николай Михайловичъ написалъ, 8-го іюня, духовное завѣщаніе, которое и отправилъ заказнымъ письмомъ на имя М. А. Пыльцова [1]).

„Впрочемъ, прибавилъ онъ [2]), мнѣ кажется все обойдется благополучно и мы всѣ возвратимся черезъ три года. Конечно, здоровья поубавится, да и сѣдыхъ волосъ прибудетъ.

„Прощайте, мои дорогіе, вѣрьте, что разлука съ вами составляетъ для меня самую тяжелую жертву, перенести которую у меня хватило воли лишь во имя великаго дѣла“.

Скучно было сидѣть въ Перми безъ всякаго дѣла и путешественники прикупали всѣ „услады“, взятыя изъ Москвы, такъ что Николаю Михайловичу пришлось купить новыхъ и наполнить ими мѣшокъ, носившій названіе: *„всегдашній апетитъ“*.

Наконецъ, прибыли 12,000 патроновъ, назначавшихся, какъ говорилъ Пржевальскій, для „порѣшенія различныхъ животныхъ въ пустыняхъ Азіи, не исключая человѣка, если обстоятельства къ тому понудятъ“, и экспедиція выѣхала изъ Перми на 13 почтовыхъ лошадяхъ, въ двухъ тарантасахъ и на двухъ телѣгахъ съ вещами. Послѣднихъ было такъ много, что для облегченія телѣгъ, пришлось вынуть изъ ящиковъ винтовки, надѣть на нихъ чахлы и размѣстить въ тарантасахъ.

— Хорошо еще, говорилъ Николай Михайловичъ, что я не взялъ изъ дому мѣдной посуды и большихъ ящиковъ, пришлось бы все бросить.

Расходы на перевозку и снаряженіе были очень

---

[1]) См. приложеніе № 10.

[2]) Письмо Пржевальскаго М. А. Пыльцову 13 іюня 1876 г.

велики, такъ что когда въ Перми былъ подведенъ итогъ, то, вмѣстѣ съ прожитьемъ членовъ экспедиціи въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, онъ оказался равнымъ 6,600 руб. „За то снаряженіе наше, писалъ Пржевальскій [1]), самое широкое, есть даже около пуда различныхъ усладъ.

„Въ Кульджѣ буду, вѣроятно, не ранѣе половины іюля и въ концѣ этого мѣсяца двинусь въ Тянь-шань, прямо къ вулкану Пэшакъ, который стоитъ къ сѣверу отъ города Куча и составляетъ предметъ споровъ между геологами.

„Дальнѣйшее движеніе будетъ, конечно, зависѣть отъ обстоятельствъ, но во всякомъ случаѣ я буду наблюдать пролетъ птицъ, т. е. проведу сентябрь на Лобъ-норѣ, а октябрь и ноябрь въ пустыняхъ къ югозападу отъ Лобъ-нора. Въ декабрѣ вернусь въ Кульджу или въ какой либо другой пунктъ нашего Туркестана и повѣщу ученому міру, существуютъ-ли дикіе верблюды или нѣтъ“.

Возня съ громаднымъ багажомъ, при скверной уральской дорогѣ, была страшная; экипажи ломались часто и за одну ихъ починку пришлось заплатить до 150 рублей, а тѣ ходы, на которыхъ были уложены патроны, пришлось бросить и купить новые.

За Ураломъ тотчасъ-же раскидывается Ишимская степь, а потомъ Барабинская. Первая имѣетъ луговой характеръ и превосходную черноземную почву; вторая, по мѣрѣ удаленія отъ Омска къ Семипалатинску, принимаетъ все болѣе и болѣе характеръ Гоби.

Въ трое съ половиною сутокъ, Пржевальскій и его спутники проѣхали изъ Омска въ Семипалатинскъ. На всемъ этомъ 727 верстномъ пространствѣ залегла гладкая, какъ полъ, степь, которая, по мѣрѣ приближенія къ Семипалатинску, принимаетъ болѣе суровый характеръ: появляются солончаки и на нихъ обычныя растенія пустыни. Озера попадаются рѣдко и хотя

---

[1]) І. Л. Фатѣеву отъ „ „ іюня 1876 г.

птицъ на нихъ было много, но во время проѣзда Николая Михайловича, всѣ онѣ или линяли или были съ выводками.

„Жары стоятъ ужасныя, писалъ Пржевальскій [1]), днемъ мы ѣдемъ обыкновенно раздѣтыми, даже безъ сапогъ и штановъ; въ каждой попутной рѣчкѣ купаемся. Мое здоровье отлично и быстро поправилось: головныя боли, кашель, катарръ горла—все прошло. Вотъ что̀ значитъ приволье страннической жизни! Это не то, что сидѣть въ петербургскомъ климатѣ, въ маленькой конуркѣ на 5-мъ этажѣ“.

Первое время Эклона очень интересовало путешествіе: на каждой станціи онъ осматривалъ экипажи, стучалъ по колесамъ, наблюдалъ какъ ихъ мажутъ, но черезъ два дня отъ усталости и жары у него заболѣла голова и онъ отказался отъ подобныхъ наблюденій.

У Семипалатинска поднимается невысокая горная группа Семи-тау—передовой форпостъ Алтая. Отъ города до горъ считалось 70 верстъ, но въ бинокль видны были всѣ скалы. Въ Семипалатинскъ Пржевальскій пріѣхалъ въ самомъ началѣ іюля, нашелъ двухъ старыхъ товарищей казаковъ, присланныхъ изъ Забайкалья; они встрѣтили его какъ родные братья. Третій казакъ-переводчикъ Бату-Батмаевъ, также присланный изъ Забайкалья, очень понравился Николаю Михайловичу. Изъ Вѣрнаго онъ рѣшилъ взять еще трехъ человѣкъ, а не четырехъ, какъ предполагалось прежде. „Много людей, много и возни, говорилъ онъ [2]). Завтра утромъ (4 іюля) покупаемъ барана, дѣлаемъ колбасы, а мясо варимъ на дорогу, такъ какъ по станціямъ здѣсь нѣтъ рѣшительно ничего“.

По всему пути, со стороны мѣстныхъ властей экспедиція встрѣчала самый радушный пріемъ и предупредительность. Въ Омскѣ Пржевальскій каждый день обѣдалъ у генералъ-губернатора Казнакова, а въ

---

[1]) І. Л. Фатѣеву 3-го іюля 1876 г. изъ Семипалатинска.

[2]) Въ письмѣ Пыльцову отъ 3-го іюля 1876 г. изъ Семипалатинска.

Семипалатинскѣ получилъ телеграмму отъ Семирѣченскаго губернатора генерала Колпаковскаго съ выраженіемъ желанія оказать полное содѣйствіе при слѣдованіи въ г. Вѣрный. Особеннымъ радушіемъ отличалась Семирѣченская область. Такъ въ Сергіевскомъ, на почтовой станціи Пржевальскаго встрѣтилъ почетный караулъ; особый довѣренный почто-содержателя провожалъ по пути и вездѣ впереди были заготовлены лошади.

Изъ Семипалатинска экспедиція выѣхала на пяти тройкахъ: впереди ѣхалъ Швыйковскій съ двумя казаками въ тарантасѣ и на двухъ перекладныхъ, а сзади въ тотъ-же день вечеромъ выѣхалъ Пржевальскій съ Эклономъ и Чабаевымъ. Такъ ѣхали они до станціи Алтынъ-Эмельской, находившейся въ 800 верстахъ отъ Семипалатинска. Въ Алтынѣ сворачивали на Кульджу и Вѣрный и потому Николай Михайловичъ, оставивъ своихъ спутниковъ въ Алтынѣ, поѣхалъ въ Вѣрный за казаками. Выбравъ трехъ человѣкъ, онъ отправился съ ними и съ остальными членами экспедиціи въ Кульджу, куда и прибылъ въ концѣ іюля.

При проѣздѣ въ двадцатыхъ числахъ іюля черезъ станцію Хоргосъ, въ ста верстахъ отъ Кульджи, во время переправы черезъ рѣку того же имени, шедшіе позади тарантаса Пржевальскаго большіе ходы (телѣги) опрокинулись въ рѣкѣ, и всѣ 14 ящиковъ, съ вещами совершенно измокли и отчасти попортились.

„Не входя въ подробности изложенія самаго происшествія, писалъ Николай Михайловичъ начальнику сѣвернаго участка Кульджинскаго раіона [1]), отмѣчу только болѣе крупные факты:

1) На станціи Хоргосъ должность старосты исполняетъ 13-ти лѣтній мальчикъ и вмѣсто положенныхъ трехъ ямщиковъ, во время моего проѣзда было только два.

---

[1]) Отъ 4-го августа 1876 г. изъ Кульджи.

2) Когда мой тарантасъ, шедшій впереди, выѣхалъ на противоположный берегъ рѣки Хоргоса, а ходы съ вещами остановились, вслѣдствіе неловкаго и крутаго поворота, почти на срединѣ главнаго русла и начали быстрымъ теченіемъ наклоняться на бокъ, то везшій меня ямщикъ Епифанъ Кошкинъ, не смотря на мое приказаніе, не хотѣлъ идти на помощь увязшему въ рѣкѣ экипажу и грубо возразилъ: „я не полѣзу ломать себѣ голову изъ-за вашихъ вещей“. Между тѣмъ, если бы вышеназванный ямщикъ отправился съ своими двумя пристяжными на помощь остановившемуся возу, то онъ навѣрное былъ бы вытащенъ.

3) Привезшіе меня съ предъидущей станціи ямщики, бывшіе въ это время также на берегу, посмотрѣвъ немного, спокойно пошли домой, не оказавъ никакой помощи. Одни только киргизы (шесть человѣкъ) усердно помогали спасать вещи и даже на разстояніи версты ловили нѣкоторыя изъ нихъ, унесенныя быстрымъ теченіемъ послѣ того, какъ возъ опрокинулся.

„Считая долгомъ засвидѣтельствовать передъ вашимъ высокоблагородіемъ объ усердіи вышеупомянутыхъ киргизовъ, прошу приказать разслѣдовать это дѣло и взыскать съ виновныхъ, въ особенности съ ямщика Епифана Кошкина“.

VIII.

Второе путешествіе Пржевальскаго въ центральную Азію.—Выступленіе изъ Кульджи.—Движеніе по долинѣ Кунгесса.—Юлдусъ. — Отправленіе одного изъ спутниковъ въ Россію.—Пребываніе во владѣніяхъ Якубъ-бека.—Затрудненія, встрѣчаемыя путешественниками.—Озеро Лобъ-норъ.—Курла. — Свиданіе съ Якубъ-бекомъ.—Положеніе Кашгара. — Возвращеніе на Юлдусъ. —Печальное положеніе экспедиціи отъ потери верблюдовъ.—Возвращеніе въ Кульджу.—Извѣстіе о кончинѣ дяди.—Выступленіе въ Тибетъ.—Прибытіе въ Гученъ.—Болѣзнь, поразившая Николая Михайловича и нѣкоторыхъ изъ его спутниковъ.—Возвращеніе въ Зайсанъ.—Сборы къ новому выступленію въ Тибетъ. — Затрудненія со стороны Китайскаго правительства — Кончина матери. — Приказаніе остановить экспедицію въ виду натянутости отношеній съ китайскимъ правительствомъ.—Разрѣшеніе пріѣхать въ Петербургъ.

1876—1878.

Сборы и снаряженія въ экспедицію задержали Пржевальскаго въ Кульджѣ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Хлопотъ было множество: нужно было разсортировать вещи, какія оставить, какія взять съ собою. Къ этимъ хлопотамъ присоединялась необходимость пересушить 14 ящиковъ, чуть было не утонувшихъ въ р. Хоргосѣ. Впрочемъ, порча оказалась незначительною, заржавѣли только желѣзныя вещи и пропало нѣсколько мелочей.

Для предстоявшаго похода было куплено 24 верблюда и 4 лошади, но для ухода за ними взятые изъ Вѣрнаго казаки оказались не годными, лѣнивыми и ньяницами. Николай Михайловичъ былъ крайне недоволенъ ими и думалъ замѣнить ихъ солдатами изъ линейнаго баталіона. Изъ всѣхъ спутниковъ только одинъ Эклонъ былъ истиннымъ помощникомъ и Николай Михайловичъ отзывался о немъ какъ о человѣкѣ отличномъ и усердномъ. Забайкальцы Чабаевъ и Иринчиновъ, бывшіе съ нимъ въ первомъ путешествіи,

были также люди испытанные и на нихъ пока возлагалась вся надежда.

7-го августа Пржевальскій получилъ отъ туркестанскаго генералъ-губернатора генерала-адъютанта К. П. Кауфмана переводъ съ письма Якубъ-бека кашгарскаго, который писалъ, что приметъ экспедицію какъ гостей и окажетъ всякое содѣйствіе въ своихъ владѣніяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ чугучакскій губернаторъ (китаецъ) писалъ, чтобы экспедиція не ходила къ Карашару, такъ какъ тамъ много разбойниковъ. „Видите, писалъ Николай Михайловичъ [1]), китайцу стало страшно даже и въ Чугучакѣ! Плевать на всѣ подобныя страшанія. При надеждѣ встрѣтить ласковый пріемъ отъ Якубъ-бека, мы можемъ съ большимъ вѣроятіемъ разсчитывать быть мѣсяца черезъ три и на Лобъ-норѣ".

„Паспортъ изъ Пекина я получилъ на проходъ отъ Хами въ Тибетъ. Только китайцы отказались охранять экспедицію. Это-то и нужно, чтобы возлѣ насъ не было такой ..... каковы всѣ китайскіе солдаты".

Китайское правительство выдало, однакоже, паспортъ не безъ затрудненій.

Получивъ телеграмму министра иностранныхъ дѣлъ о командированіи Пржевальскаго къ озеру Лобъ-нору и въ Тибетъ, нашъ посланникъ въ Пекинѣ дѣйствительный статскій совѣтникъ Бюцовъ обратился къ китайскимъ министрамъ съ просьбою выдать охранный листъ Пржевальскому и его спутникамъ.

Ссылаясь на то, что мѣстности, прилегающія къ Кульджинскому краю, заняты инсургентами и путь въ Тибетъ не свободенъ, министры отвѣчали, что они затрудняются выдать охранный листъ. Посланникъ заявилъ, что листъ требуется для путешествія не въ тѣхъ округахъ, гдѣ существуетъ инсуррекція, а въ мѣстностяхъ находящихся подъ управленіемъ китайскихъ властей и въ которыхъ путешественникъ

---

[1]) Письма Пржевальскаго М. А. Пыльцову 8 августа и І. Л. Фатѣеву 9-го августа 1876 г.

имѣетъ право на покровительство, на основаніи договоровъ.

— Независимо отъ того, говорили министры, что весь южный склонъ Тянь-шаня занятъ инсургентами, должно имѣть въ виду, что населеніе странъ, черезъ которыя путешественникамъ придется пройти, состоитъ изъ полудикихъ тангутовъ, только номинально признающихъ власть Китая и на которыхъ здѣшнее правительство никакого вліянія не имѣетъ. Въ самомъ Тибетѣ власть правительства Богдахана также очень ничтожна. По этимъ причинамъ Китайское правительство не можетъ принять на себя обязанности охранять путешественниковъ, которые отправляются изъ Хами въ Тибетъ, а потому и выдача вида на этотъ предметъ невозможна.

Повторивъ просьбу, нашъ посланникъ напомнилъ министрамъ, что такой-же листъ былъ выданъ Пржевальскому еще въ 1872 году, и что съ того времени обстоятельства не перемѣнились къ худшему.

— При неустройствѣ существующемъ въ тѣхъ краяхъ, замѣтилъ при этомъ г. Бюцовъ, китайское правительство понятно не можетъ поручиться за то, что путешественники будутъ ограждены отъ опасностей. Предостереженія министровъ на счетъ этого не должны быть упущены путешественниками изъ виду.

Такое заявленіе значительно облегчило китайскихъ сановниковъ. Согласившись выдать охранный листъ, они сочли нужнымъ заявить при этомъ, что правительство не можетъ принять на себя обязанность охранять путешественниковъ въ мѣстахъ, гдѣ не существуетъ властей или-же занятыхъ инсургентами [1]).

Получивъ паспортъ съ такою оговоркою, Пржевальскій 12 августа, напутствуемый добрыми пожеланіями соотечественниковъ, жившихъ въ Кульджѣ,

---

[1]) Письмо Ев. Бюцова министру иностранныхъ дѣлъ, 24 мая 1879 г. № 23. Арх. Глав. Шт. по Азіятской части, дѣло № 12.

оставилъ этотъ городъ и направился вверхъ по берегу р. Или.

— Илійская долина, говорилъ онъ,—это азіятская Ломбардія по своему климату и плодородію: отдавать такой уголокъ, право, не слѣдуетъ.

Населеніе долины было прежде очень густое, но во время возстанія таранчей было вырѣзано болѣе двухъ сотъ тысячъ китайцевъ: цѣлые города истреблены были до единаго человѣка. Но не смотря на то, въ 1876 году долина все-таки была густо заселена таранчами, сартами, киргизами и калмыками. Плодородіе почвы удивительное, дешевизна невообразимая: фруктовъ (персиковъ, яблоковъ, грушъ, арбузовъ и дынь)—гибель. „Каждый день, писалъ Николай Михайловичъ М. А. Пыльцову, мы объѣдаемся до отвалу по нѣскольку разъ. Есть персики величиною съ большое антоновское яблоко, но и жрутъ же мои казаки. Вѣришь-ли, каждый день мы съѣдаемъ отъ 20 до 25 фунтовъ мяса, кромѣ другихъ приложеній".

Движеніе по Или было пріятною прогулкою: красивыя и чистыя деревни съ садами и высокими тополями почти сплошь слѣдовали одна за другою. Обширныя поля съ обильнымъ орошеніемъ, большія стада барановъ, рогатаго скота и лошадей были очевидными свидѣтелями того, что населеніе живетъ зажиточно и въ полномъ довольствѣ.

Переправившись у устья р. Кашъ, въ 50 верстахъ отъ Кульджи, на лѣвый берегъ Или, экспедиція направилась по прежнему вверхъ по долинѣ, но не встрѣчала уже осѣдлаго населенія. Здѣсь попадались только временныя пашни калмыковъ, да и то ближе къ р. Текесу. Перейдя черезъ эту послѣднюю рѣку, Пржевальскій вступилъ въ долину нижняго Кунгеса, въ лѣсахъ котораго разсчитывалъ найти хорошую научную добычу. Здѣсь онъ остановился на нѣсколько дней и отправилъ обратно двухъ казаковъ, оказавшихся негодными для путешествія. Охота въ лѣсахъ Кунгеса оказалась довольно удачною и Пржевальскому

удалось убить темно-бураго медвѣдя, отличающагося отъ обыкновеннаго длинными бѣлыми когтями переднихъ ногъ.

Въ горахъ начинало ощущаться приближеніе осени: перепадали небольшіе морозы, на высотахъ уже лежалъ снѣгъ и листья на деревьяхъ опали на половину.

Поднявшись вверхъ по Кунгесу и далѣе по рѣкѣ Цагма, экспедиція достигла обширнаго и высокаго плато, извѣстнаго подъ именемъ Юлдуса и лежащаго у подножія хребта Наратъ. Юлдусъ въ переводѣ означаетъ звѣзда, находится въ самомъ центрѣ Тянь-шаня и представляетъ для кочевниковъ обѣтованную страну для скотоводства.

— Мѣсто прекрасное, прохладное и кормное, говорили торгоуты Пржевальскому, разсказывая про Юлдусъ; только и жить господамъ да скотинѣ.

Вступленіе экспедиціи на Юлдусъ ознаменовалось крайне непріятнымъ событіемъ для Николая Михайловича. Онъ принужденъ былъ отправить въ Россію одного изъ своихъ спутниковъ, Повало-Швыйковскаго, которому выдалъ изъ суммъ экспедиціи 800 рублей прогоновъ и содержанія. Такимъ образомъ и на этотъ разъ Николай Михайловичъ остался съ однимъ Эклономъ, найдя въ немъ прекраснаго помощника.

„Птицъ дѣлаетъ очень хорошо, писалъ онъ про Эклона [1]), все остальное исполняетъ какъ нельзя лучше. Съ нимъ вдвоемъ мы и совершимъ всю экспедицію. Я здоровъ; на охотѣ не устаю“.

Поохотившись на Юлдусѣ, Пржевальскій двинулся въ долину Хайду-гола и, остановившись въ урочищѣ Хара-мото, былъ встрѣченъ радушно жителями торгоутами. Появленіе экспедиціи произвело, однакоже, панику среди окрестнаго магометанскаго населенія. Въ Пржевальскомъ и его спутникахъ, которыхъ было

---

[1]) Въ письмѣ М. А. Пыльцову отъ 20 сентября 1876 г.

всего 8 человѣкъ, видѣли передовой отрядъ русскихъ войскъ. Раздававшіеся выстрѣлы по фазанамъ и другимъ птицамъ еще болѣе убѣждали туземцевъ въ справедливости слуховъ и заставили многихъ бѣжать въ Карашаръ, находившійся всего въ 50 верстахъ отъ Хара-мото. Отсюда Николай Михайловичъ отпустилъ обратно въ Кульджу своего проводника Тохта-ахуна, бѣжавшаго изъ города Курла на Или и опасавшагося теперь быть узнаннымъ и наказаннымъ и за побѣгъ и за то, что былъ проводникомъ; съ нимъ были отправлены собранныя коллекціи, чтобы напрасно не таскать ихъ съ собою.

Въ Хара-мото явилось къ Николаю Михайловичу шесть человѣкъ мусульманъ, присланныхъ правителемъ г. Курла, узнать о цѣли прихода русскихъ. Имъ отвѣчали, что цѣль эта извѣстна Якубъ-беку, но на слѣдующій день посланные возвратились съ объявленіемъ, что къ Якубъ-беку посланъ гонецъ и до его возвращенія нельзя идти далѣе. Черезъ семь дней было получено разрѣшеніе идти въ Курла, до котораго было 62 версты и лежалъ путь на Лобъ-норъ. Разстояніе до Курла было пройдено въ три дня, причемъ, по распоряженію сопровождавшихъ экспедицію довѣренныхъ правителя, на каждой станціи доставлялось по одному барану и фрукты. Въ Курлѣ былъ отведенъ для путешественниковъ особый домъ внѣ города и приставленъ караулъ, подъ предлогомъ охраненія. „Въ сущности же для того, говоритъ Пржевальскій [1]), чтобы не допускать сюда никого изъ мѣстныхъ жителей, вообще крайне недовольныхъ правленіемъ Якубъ-бека. Въ то же время и насъ не впускали въ городъ, говоря: „вы наши гости дорогіе, вамъ не слѣдуетъ безпокоиться, все, что нужно, будетъ доставлено“. Но столь сладкія рѣчи были только на словахъ. Правда, намъ каждый день доставляли барана, хлѣбъ и фрукты, но этимъ и ограничивалось гостепріимство. Все, что только насъ интересовало, что составляло прямую задачу нашихъ изслѣдованій, было

[1]) Отъ Кульджи за Тянь-шань и на Лобъ-норъ, изд. 1878 г., стр. 14.

„для насъ закрыто. Мы не знали ни о чемъ далѣе воротъ нашего двора“.

На другой день по прибытіи въ Курла, къ экспедиціи былъ приставленъ одинъ изъ приближенныхъ Якубъ-бека, нѣкто Заманъ-бекъ, выходецъ изъ г. Нухи и бывшій русскій подданный. Онъ зорко слѣдилъ за всѣми членами экспедиціи и сопровождалъ ихъ на Лобъ-норъ; мѣстному населенію было запрещено говорить съ русскими и каждую недѣлю пріѣзжалъ къ Заманъ-беку гонецъ, съ которымъ онъ и отправлялъ свои донесенія. Самъ Заманъ-бекъ и его свита были сначала огромною помѣхою для зоологическихъ изслѣдованій. Слѣдуя съ цѣлою толпою конвойныхъ, гарцовавшихъ на жеребцахъ впереди и по сторонамъ дороги, путешественники не могли убивать не только звѣрей, но и птицъ, все это распугивалось.

Заманъ-бекъ высказалъ Пржевальскому, что Якубъ-ханъ имѣетъ свѣдѣніе о томъ, что русскіе не только поставляютъ хлѣбъ китайцамъ, дѣйствующимъ противъ дунганъ, но что, будто бы, въ рядахъ китайскихъ войскъ находится довольно много русскихъ офицеровъ. При этомъ бекъ объяснилъ, что Бадуалетъ [1]) (Якубъ-ханъ) этимъ огорченъ, тѣмъ болѣе, что, съ своей стороны, онъ ни разу не былъ врагомъ русскихъ.

— Когда англичане, говорилъ Заманъ, присылали въ Кашгаръ Форсэйта съ тѣмъ, чтобы уговорить Якубъ-хана исключительно принимать англійскіе товары и не пускать къ себѣ русскихъ купцовъ, Бадуалетъ на то не согласился. Во время нашихъ военныхъ дѣйствій въ Коканѣ, коканцы присылали въ Кашгаръ просить помощи Якубъ-хана, готовы были признать его своимъ ханомъ, но Бадуалетъ даже и не принялъ пословъ, опять-таки не желая быть врагомъ русскихъ.

Для разъясненія справедливости этихъ слуховъ, Заманъ просилъ написать письмо генералу Кауфману, чтобы тотъ выяснилъ на сколько справедливы эти

[1]) Бадуалетъ въ переводѣ означаетъ „счастливецъ“.

слухи. При этомъ намекалъ, что въ случаѣ отказа написать такое письмо, Пржевальскій не будетъ пропущенъ на Лобъ-норъ. Зная, что письмо это будетъ прочтено, Николай Михайловичъ ограничился въ немъ только изложеніемъ своего разговора съ Заманомъ.

„Съ своей стороны, прибавлялъ онъ въ концѣ письма [1]), я старался увѣрить этого послѣдняго, что слухъ о присутствованіи въ китайскихъ войскахъ русскихъ офицеровъ чистѣйшій вздоръ и что поставка хлѣба китайцамъ есть дѣло купцовъ, а не правительства. Тѣмъ не менѣе вышеприведенные слухи, какъ видно, весьма тревожатъ Якубъ-хана, который говоритъ, что англичане теперь будутъ смѣяться надъ нимъ за то, что онъ не вступилъ съ ними въ такія дружескія отношенія, какъ Авганскій ханъ; между тѣмъ, русскіе въ благодарность платятъ зломъ. При томъ, слухи о нашемъ будто бы участіи въ борьбѣ китайцевъ съ дунганами замѣтно отражаются на свободѣ моихъ научныхъ изслѣдованій. Рѣшаюсь просить ваше высокопревосходительство, если признаете возможнымъ сообщить Якубъ-хану, что свѣдѣнія подобнаго рода не имѣютъ ни малѣйшей вѣроятности“.

Разубѣдить хана было трудно и только возможно послѣ продолжительной переписки, а пока онъ употреблялъ всѣ средства къ тому, чтобы заставить русскихъ отказаться отъ дальнѣйшаго путешествія. Заманъ-бекъ повелъ ихъ къ р. Тариму кружною и самою трудною дорогою и заставилъ переправляться черезъ двѣ довольно значительныя рѣчки вплавь, при морозахъ, достигавшихъ 16,7 градусовъ Цельзія. Подобное купанье было крайне непріятно, но обѣ переправы были совершены благополучно и впослѣдствіи, видя, что такими средствами русскихъ удержать нельзя, стали въ подобныхъ случаяхъ употреблять плоты и строить мостики.

Съ разнаго рода затрудненіями экспедиція вышла на Таримъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ него впадаетъ

[1]) Генералу Кауфману 1 ноября 1876 г.

Угень-дарья, и черезъ переходъ дошли до сел. Ахтармы, самаго большаго изъ всѣхъ таримскихъ и лобъ-норскихъ селеній. Въ Ахтармѣ, окруженной лѣсами, изобилующими птицами и тростниками, въ которыхъ водятся тигры, Пржевальскій провелъ восемь дней, но ему не удалось убить ни одного тигра. Вообще охота на этого звѣря, кромѣ опасности, весьма трудна по чуткости тигра и мѣстные жители для добыванія его шкуры употребляютъ отраву.

Изъ Ахтармы экспедиція направилась внизъ по р. Тариму. Идти съ верблюдами было очень трудно, такъ какъ приходилось „пробираться то по лѣсу, или густымъ колючимъ кустарникамъ, то иногда по возвышенному тростнику, корни котораго, словно желѣзная щетка, изранивають до крови верблюжьи пятки“.

Погода, въ теченіе ноября и половины декабря, стояла ясная; ночные морозы доходили до $22{,}_2$ градусовъ Цельзія, но съ восходомъ солнца температура быстро повышалась и въ полдень ниже нуля въ первый разъ была 19 декабря. По распоряженію мѣстныхъ властей населеніе бѣжало отъ русскихъ и обманывало во всемъ не только ихъ, но и самого Заманъ-бека; узнать что нибудь о странѣ было почти невозможно.

Переправившись на правый берегъ Тарима, Пржевальскій двинулся на югъ къ дер. Чархалыкъ, на берегу Лобъ-нора, гдѣ и оставался цѣлую недѣлю. Огромный караванъ въ 24 верблюда стѣснялъ его движеніе. „Прихожу къ убѣжденію, писалъ онъ М. А. Пыльцову, что идеальная экспедиція въ азіятскихъ пустыняхъ должна состоять только изъ 6 человѣкъ: начальникъ, его помощникъ и 4 казака. Такъ и пойду въ Тибетъ“.

Оставивъ здѣсь большую часть багажа, трехъ казаковъ и Заманъ-бека, онъ съ остальными спутниками отправился на другой день Рождества въ горы Алтынъ-тагъ на охоту за дикими верблюдами, которая, впрочемъ, въ глубокую зиму обѣщала мало успѣха. Весь караванъ состоялъ изъ 11 верблюдовъ и одной

Фотография В. Класена. С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7–2.

лошади; для укрытія отъ сильныхъ холодовъ имѣлась юрта, а продовольствія было взято на полтора мѣсяца.

Спустя 12 дней, въ Чархалыкъ прибылъ посланный отъ Якубъ-бека, съ приказаніемъ Заманъ-беку явиться въ Курла. Вызовъ этотъ обусловливался прибытіемъ русскаго посольства, во главѣ котораго стоялъ генеральнаго штаба капитанъ (нынѣ генералъ-маіоръ) Куропаткинъ. Цѣлью посольства было заключеніе договора о проведеніи границы между Ферганскою областью и владѣніями Якубъ-хана.

12 января 1877 г. Заманъ явился къ Бадуалету и въ теченіе трехъ часовъ бесѣдовалъ съ нимъ о Россіи и русскихъ. „Разумѣется, писалъ Заманъ-бекъ Николаю Михайловичу [1]), я все, что слышалъ отъ васъ, какъ относительно добраго отношенія Императора къ намъ, такъ и дружбу и благодарность вашу, а также пріятельскіе ваши совѣты объ образѣ веденія войны съ китайцами передалъ его высочеству, который, вполнѣ одобривъ, остался до высшей степени довольнымъ и велѣлъ мнѣ искренно благодарить васъ, какъ друга и дорогаго гостя. Затѣмъ передалъ мнѣ письмо находящагося нынѣ въ Курлахъ русскаго посольства для отсылки къ вамъ“.

А. Н. Куропаткинъ писалъ, что хотя одною изъ заботъ посольства было собрать по дорогѣ возможно полныя свѣдѣнія какъ о самомъ Пржевальскомъ, такъ и объ его спутникахъ, но, не смотря на частые разспросы, онъ не могъ получить точныхъ свѣдѣній гдѣ находится экспедиція. Потерявъ надежду видѣться лично съ Пржевальскимъ, капитанъ Куропаткинъ отправилъ ему письмо, въ которомъ описывалъ всѣ затрудненія, испытанныя въ пути, и предлагалъ свои услуги для доставки корреспонденціи въ Россію.

„Я не знаю, писалъ онъ Пржевальскому [2]), удалось ли вамъ устроить сообщеніе съ Россіею, для отсылки

---

[1]) Въ письмѣ, писанномъ по русски отъ 15 января 1877 г. изъ Курла.

[2]) Въ письмѣ отъ 15 января. Письмо это на столько интересно, что мы помѣщаемъ его въ приложеніи № 11.

время отъ времени вашихъ замѣтокъ, которыя всѣ заинтересованные въ дѣлѣ науки и открытій ждутъ съ нетерпѣніемъ. Прежде оставленія г. Куйля (Курла), я отошлю свою корреспонденцію въ Ташкентъ черезъ Кашгаръ и буду радъ служить, если вы вздумаете прислать мнѣ, для отсылки въ Россію, письма ваши. Кромѣ того, занимая при Якубъ-бекѣ оффиціальное положеніе русскаго посла, я отъ имени туркестанскаго генералъ-губернатора могу заручиться заранѣе согласіемъ Бадуалета на всѣ ваши требованія, необходимыя для успѣха экспедиціи, какъ въ настоящее время, такъ и на будущее. Напишите подробно въ чемъ вы имѣете недостатокъ, или терпите стѣсненія: я радъ буду хотя косвенно облегчить выполненіе трудной миссіи, которую вы взяли на себя.

„Я хотѣлъ бы переслать вамъ новости о послѣднихъ европейскихъ событіяхъ, но мы сами уже болѣе мѣсяца не имѣемъ никакихъ извѣстій изъ Туркестана и Россіи. Послѣдніе нумера „Русскаго Инвалида“, полученные нами, заключаются 8 октябремъ прошлаго года, а „Туркестанскія Вѣдомости“ 2-мъ ноябремъ“.

Заманъ-беку также очень хотѣлось имѣть свѣдѣнія о послѣднихъ событіяхъ въ Европѣ и онъ убѣдительно просилъ Пржевальскаго достать отъ Куропаткина послѣднія газеты и передать ему. „Хотя Бадуалетъ объявилъ мнѣ, писалъ Заманъ, что Черногоро-Сербская война посредствомъ Россіи окончена миролюбно, но на какихъ условіяхъ неизвѣстно, и потому весьма интересно было-бы узнать вѣрнѣе результаты войны и условія мира“. Посылая Николаю Михайловичу изюмъ и другіе *„услады“*, Заманъ говорилъ, что по его порученію въ Ахтарисахъ отравленъ тигръ и шкура его будетъ доставлена; онъ прибавлялъ,. что если что нибудь нужно еще, то чтобы Пржевальскій требовалъ безъ стѣсненія и что исполненіе его желаній доставитъ беку особенное удовольствіе.

Прибытіе гонца и полученіе извѣстій изъ Россіи было свѣтлымъ праздникомъ для всѣхъ членовъ экспе-

диціи. Не имѣя возможности съѣздить въ Курла, чтобы повидаться съ Куропаткинымъ, Николай Михайловичъ благодарилъ его за любезное предложеніе и посредничество, написалъ нѣсколько писемъ къ роднымъ и отправилъ ихъ съ посланнымъ для доставленія въ Россію. Самъ-же, оставшись у подножья Алтынъ-тага, продолжалъ свои экскурсіи.

Въ теченіе сорока дней Пржевальскій и его спутники прошли по подножію Алтынъ-тага 500 верстъ и встрѣтили только одного дикаго верблюда, убить котораго однакоже не удалось.—„Вообще, пишетъ Николай Михайловичъ [1]), описываемая экскурсія была весьма неудачна и притомъ исполнена различныхъ невзгодъ. На огромной абсолютной высотѣ, въ глубокую зиму, среди крайне безплодной мѣстности мы терпѣли всего болѣе отъ безводія и морозовъ, доходившихъ до —20° Цельзія. Топлива было весьма мало, а при неудачныхъ охотахъ мы не могли добыть себѣ хорошаго мяса и принуждены были нѣсколько времени питаться зайцами. На мѣстахъ остановокъ рыхлая глинисто-соленая почва мигомъ разминалась въ пыль, которая толстымъ слоемъ ложилась вездѣ въ юртѣ. Сами мы не умывались по цѣлой недѣлѣ, были грязны до невозможности; наше платье было пропитано пылью насквозь; бѣлье же отъ грязи приняло сѣровато-коричневый цвѣтъ“.

Лишенія, испытанныя путешественниками, не прошли безслѣдно и изслѣдованія Пржевальскаго доставили много интереснаго для науки. Топографія мѣстности оказалась совершенно иною, чѣмъ на картахъ, „и мои съемки и астрономическія опредѣленія, писалъ Николай Михайловичъ [2]), представятъ этотъ уголокъ Азіи въ иномъ видѣ“.

Отдохнувъ съ недѣлю у ключа Чаглыкъ, Пржевальскій рѣшилъ идти обратно на Лобъ-норъ наблюдать пролетъ птицъ. Двухъ проводниковъ онъ отпра-

[1]) Отъ Кульджи за Тянь-шань и на Лобъ-норъ, стр. 38.

[2]) Въ письмѣ А. П. Проценко отъ 11 февраля 1877 г.

вилъ опять въ горы искать дикихъ верблюдовъ, назначивъ за шкуры самца и самки по сту рублей,— цѣну въ пять разъ дороже той, за которую обыкновенно продавались шкуры этихъ животныхъ [1]).

Весь февраль 1877 года и двѣ трети марта экспедиція провела на берегу Лобъ-нора. Это собственно не озеро, а огромное тростниковое болото, на которомъ собираются милліоны птицъ, въ особенности утокъ.

Пролетъ птицъ начался 8 февраля и кончился 22 числа. Во все это время стая за стаею, тысячи за тысячами неслись цѣлые дни и ночи возлѣ палатки нашихъ путешественниковъ.

Охота на нихъ была болѣе, чѣмъ удачна; били столько, что дѣвать было некуда, а раненыхъ не преслѣдовали и не подбирали, оставляя ихъ на добычу хищнымъ птицамъ.

Между тѣмъ Заманъ-бекъ попривыкъ къ членамъ экспедиціи и предоставилъ имъ болѣе свободы, чѣмъ кто бы то ни былъ изъ довѣренныхъ Якубъ-бека. Пользуясь этимъ, Пржевальскій, объѣздивъ въ лодкѣ все озеро или, правильнѣе, болото, посѣтилъ всѣ деревни мѣстныхъ жителей и на сколько было возможно изучилъ ихъ бытъ. „Это такіе дикари, писалъ онъ [2]), какихъ я не видывалъ даже въ лѣсахъ Амура, среди тамошнихъ кочевыхъ инородцевъ [3]).

Забирая въ свою коллекцію все, что попадалось подъ руку, сдѣлавъ астрономическое опредѣленіе главныхъ пунктовъ и съемку озера Лобъ-нора, Николай Михайловичъ и его спутники 25 апрѣля возвратились въ городъ Курла, гдѣ были помѣщены въ прежнемъ домѣ и подъ такимъ же конвоемъ.

---

[1]) Около 10 марта охотники эти доставили Пржевальскому три шкуры и неожиданно пріобрѣли изъ утробы убитой матери молодаго верблюда, долженствовавшаго родиться на другой день.

[2]) Въ письмѣ генералу Кауфману 15 мая 1877 года.

[3]) Этнографическое описаніе населенія см. въ книгѣ «Отъ Кульджи за Тянь-шань и проч., стр. 49—56.

Многіе сожалѣли, что Н. М. Пржевальскому не удалось пробраться въ Тибетъ прямо черезъ Лобъ-норъ. Извѣстный нашъ миссіонеръ о. Палладій, писалъ одинъ изъ дипломатическихъ чиновниковъ въ Пекинѣ [1]), „продолжаетъ предполагать, что, не смотря на отрицаніе мѣстныхъ жителей, возможность пройти этой дорогой существуетъ; такъ, вмѣсто обѣщанныхъ безводныхъ степей, тамъ должны быть покрытыя травою и лѣсами. Единственная надежда убѣдиться въ этомъ была на васъ, такъ какъ кромѣ васъ никто не обладаетъ въ настоящее время достаточной энергіей, чтобы сдѣлать подобную попытку. Теперь онъ (Палладій) отложилъ всякую надежду на то, чтобы при нашемъ поколѣніи вопросъ этотъ былъ выясненъ. Китайцы продолжаютъ увѣрять, что и изъ Хами нѣтъ прямыхъ путей въ Тибетъ; но вѣроятно проходъ вашъ докажетъ имъ противное“.

На пятый день послѣ прибытія въ Курла наши путешественники имѣли свиданіе съ Якубъ-бекомъ, тогдашнимъ владѣтелемъ восточнаго Туркестана. Это былъ маленькій, толстый человѣчекъ, съ черною бородою и съ просѣдью; ему было 56 лѣтъ. „Самъ Якубъ-бекъ, писалъ Пржевальскій [2]), такая же....., какъ и всѣ азіятскіе халатники. Кашгарское царство не стоитъ мѣднаго гроша“.

Якубъ производилъ впечатлѣніе человѣка, привыкшаго подавлять свои чувства и не показывать ихъ. Пржевальскій и его спутникъ были приняты на дворѣ. Послѣ поклоновъ и привѣтствій Якубъ всталъ и подалъ руку. Разспросивъ о благополучіи пути, онъ заявилъ, что видѣлъ много европейцевъ, но что никто ему такъ не нравился, какъ они.

— Вы отправляетесь въ Петербургъ, говорилъ онъ; смотрите же, не забывайте своего друга—пишите мнѣ.

Во время аудіенціи, продолжавшейся около часа,

---

[1]) А. Кояндеръ въ письмѣ Н. М. Пржевальскому отъ 26 апрѣля 1878 г.

[2]) Брату Владиміру Михайловичу отъ 14 іюля 1877 г.

весь разговоръ вертѣлся на томъ, что онъ искренно и чистосердечно расположенъ къ русскимъ.

Но факты доказывали противное: какъ въ первый разъ, такъ и теперь путешественниковъ никуда не выпускали изъ квартиры, не дозволяли имъ ни съ кѣмъ видѣться и говорить. Въ отвѣтъ на подарки Пржевальскаго, ему дали 10 скверныхъ верблюдовъ и три лошади. Якубъ-бекъ лично отъ себя подарилъ по плохому золотому кольцу Эклону и Николаю Михайловичу, прося передать такое же третье кольцо его матери.

„Въ общемъ, говоритъ Пржевальскій, впечатлѣніе, мною вынесенное изъ путешествія во владѣніяхъ Якубъ-бека, самое тяжелое. Насъ вездѣ ненавидѣли, но наружно оказывали почетъ: подъ маскою вѣжливости много разъ проглядывало проклятіе и ненависть къ *„кафирамъ“*—такъ было съ перваго до послѣдняго дня. Всего лучше то, что при разставаніи съ меня попросили росписку въ томъ, что мы остались всѣмъ довольны. Росписка была дана въ самомъ общемъ смыслѣ: *„встрѣчали всякое содѣйствіе“*.

Не смотря, однако-же, на строгій присмотръ, которымъ старались окружить Пржевальскаго и его спутниковъ, во владѣніяхъ Бадуалета, имъ удалось собрать кое-какія свѣдѣнія о политическомъ положеніи восточнаго Туркестана, или такъ называемаго *Джиты-шара*. Власть Якубъ-бека была крайне непопулярна и держалась лишь военнымъ терроромъ, да общностью интересовъ мусульманскаго дѣла въ борьбѣ съ китайцами. Въ разговорахъ мѣстныхъ жителей повсюду проглядывало проклятіе правителю и они постоянно спрашивали скоро-ли придутъ русскіе. Неудовольствіе было такъ велико, что туземцы готовы были подчиниться даже и китайцамъ, лишь бы избавиться отъ правленія Якубъ-бека. Правды и суда не существовало. Приверженцы Бадуалета, такъ называемые *„андижаны“*, грабили все у жителей и были ненавистны населенію хуже китайцевъ. Правильныхъ податей не существовало; у каждаго отбирали все, что было лучшаго:

хлѣбъ, скотъ, даже женъ и дочерей. Такъ поступали андижаны съ единовѣрными имъ сартами, а съ калмыками еще того хуже.

Съ другой стороны, китайцы серьезно угрожали владѣніямъ Якубъ-бека; въ началѣ апрѣля они взяли укрѣпленные проходы черезъ Тянь-шань и вслѣдъ затѣмъ овладѣли Турфаномъ. Дунганы тысячами бѣжали оттуда въ Курла и Карашаръ. Доведенные до крайности, они продавали дорогою своихъ дѣтей по 100—200 теньги (10—20 руб.) за мальчика или дѣвочку. Якубъ-бекъ находился въ крайне затруднительномъ положеніи, подозрѣвалъ всѣхъ и видѣлъ въ каждомъ измѣнника ему и врага. Власть его постепенно слабѣла и это было именно время наиболѣе благопріятное для того, чтобы, по мнѣнію Пржевальскаго, возможно выгоднѣе обставить наши отношенія къ восточному Туркестану. „На всякое наше требованіе, писалъ онъ [1]), Якубъ-бекъ неминуемо согласится. Въ раіонѣ моего путешествія, мнѣ кажется, слѣдуетъ теперь же перенести границу на хребетъ Далынъ-доболъ для того, чтобы закрѣпить въ наше владѣніе оба Юлдуса съ ихъ превосходными пастбищами, на которыхъ могутъ свободно усѣсться многія тысячи калмыковъ, во всякомъ случаѣ болѣе тяготѣющихъ къ намъ, нежели къ фанатическимъ мусульманамъ“.

Это тяготѣніе было, конечно, извѣстно Якубъ-беку и онъ всѣ мѣры употреблялъ къ тому, чтобы пребываніе русскихъ въ его владѣніяхъ не усилило ихъ значенія среди населенія. Подъ конвоемъ онъ проводилъ нашу экспедицію за Хайду-голъ и тогда только успокоился, когда она ушла въ Тянь-шань.

Лишь только Пржевальскій и его спутники вошли въ горное ущелье Балгантай-гола, какъ испытали невзгоду: въ два дня у нихъ издохло десять верблюдовъ [2]).

---

[1]) Въ письмѣ генералъ-адъютанту фонъ-Кауфману 15 мая 1877 г.

[2]) Всего въ теченіе Лобъ-норской экспедиціи, считая отъ выхода изъ Кульджи и до возвращенія, издохло 32 верблюда.

Положеніе становилось крайне затруднительнымъ. О возвращеніи назадъ нечего было и думать, а потому чтобы спасти коллекцію, пришлось сжечь и бросить такія вещи, безъ которыхъ, по крайней мѣрѣ временно, можно было обойтись. Завьючивъ остальныхъ десять верблюдовъ и шесть верховыхъ лошадей, члены экспедиціи пошли пѣшкомъ и съ большимъ трудомъ взобрались на Юлдусъ. Отсюда Пржевальскій отправилъ казака и переводчика въ Кульджу, съ заявленіемъ о своемъ трудномъ положеніи и съ просьбою о помощи. Прошло три недѣли, прежде чѣмъ прибыли вьючныя животныя и было доставлено продовольствіе, а до того времени приходилось питаться исключительно одною охотою.

Послѣдняя была очень богата и удачна. На Юлдусѣ водились аргали, олени, дикія козы и медвѣди. Недостатка въ мясѣ не было, и такъ какъ въ окрестностяхъ было много дикаго чесноку, то каждый день приготовлялась окрошка, замѣнявшая супъ, по неимѣнію крупъ. Конечно, пища эта была не по сезону, потому что на Юлдусѣ, въ маѣ, были еще холода, доходившіе до $6{,}_5$ градусовъ по Цельзію, но дѣлать было нечего и приходилось довольствоваться тѣмъ, что есть. За окрошкою слѣдовало жаркое изъ только что убитыхъ птицъ, которыхъ, въ теченіе мѣсяца, было съѣдено членами экспедиціи 440 штукъ [1]). Пища эта далеко не могла считаться удовлетворительною и организмъ требовалъ мучной, но ея не было. „Питаемся, записалъ Николай Михайловичъ въ своемъ дневникѣ, кромѣ мяса дзамбою, крупною, какъ ячменная крупа. Право, у насъ лучшею посыпкою кормятъ свиней. Послѣ ѣды, черезъ часъ, дзамба разбухаетъ въ желудкѣ и, зная это, мы ѣдимъ подобную прелесть не черезъчуръ“.

Не смотря на всѣ эти невзгоды, экспедицію на Лобъ-норъ Пржевальскій считалъ вполнѣ удавшеюся. Кромѣ Юлдуса въ Тянь-шанѣ, онъ изслѣдовалъ нижнее

---

[1]) Письмо Н. М. Пржевальскаго М. А. Пыльцову 16 мая 1877 г.

теченіе р. Тарима, озеро Лобъ-норъ и лежавшія къ югу отъ него горы Алтынъ-тагъ. По всему пути отъ Кульджи, въ глубь Азіи, на 1,200 верстномъ разстояніи, была сдѣлана маршрутно-глазомѣрная съемка, опредѣлена астрономически долгота и широта семи пунктовъ; при помощи барометра, черезъ каждый переходъ измѣрялась абсолютная высота мѣстности и ежедневно четыре раза производились метеорологическія наблюденія [1]). Необходимо припомнить, что всѣ эти работы и наблюденія производились тайкомъ отъ приставленныхъ Якубъ-бекомъ наблюдателей, и тогда какъ усилія Николая Михайловича, такъ и добытыя имъ свѣдѣнія пріобрѣтаютъ еще бо̀льшую цѣну. Впрочемъ, онъ, по своей скромности, не приписывалъ себѣ единоличныхъ заслугъ, но говорилъ, что многимъ обязанъ Эклону, единственному своему сотруднику и помощнику. Говоря, что Эклонъ принесъ огромную пользу дѣлу экспедиціи, Николай Михайловичъ просилъ начальника главнаго штаба о производствѣ его въ первый офицерскій чинъ.

Поднявшись на Юлдусъ и избавившись отъ опеки Якубъ-бека, Пржевальскій отправилъ въ главный штабъ донесеніе, при которомъ приложилъ весьма любопытную записку о современномъ положеніи восточнаго Туркестана [2]) и вмѣстѣ съ тѣмъ, получивъ отъ родныхъ извѣстіе о начавшейся войнѣ Россіи съ Турціей, просилъ о назначеніи его въ ряды арміи.

„Сейчасъ, телеграфировалъ онъ начальнику главнаго штаба [3]), узналъ о войнѣ. Считалъ-бы себя счастливымъ, если бы получилъ дозволеніе отложить на время Тибетскую экспедицію и стать въ ряды дѣйствующей арміи. Если же это невозможно, то въ половинѣ августа пойду въ Тибетъ“. Военный министръ

[1]) Рапортъ Пржевальскаго начальнику главнаго штаба 6-го іюня 1877 г. № 1.

[2]) Записка эта имѣетъ историческое значеніе и мы помѣщаемъ ее въ приложеніи № 12. «Думаю, записалъ онъ въ дневникѣ, что Якубъ-бекъ будетъ теперь понятъ въ Петербургѣ; перестанутъ вѣрить въ талантъ этого проходимца».

[3]) Изъ Вѣрнаго отъ 6-го іюня 1877 г.

Д. А. Милютинъ считалъ болѣе полезнымъ, чтобы Пржевальскій продолжалъ свое путешествіе, такъ какъ для военныхъ дѣйствій недостатка въ офицерахъ у насъ не было.

— Теперь, со спокойною совѣстью, говорилъ Николай Михайловичъ, могу уже продолжать свою экспедицію.

Переваливъ черезъ хребетъ Наратъ, на южную его сторону, и направившись въ верховья р. Цагма, онъ встрѣтилъ тамъ другой климатъ и другую растительность. Было тепло и дожди падали почти каждый день; черноземная почва была напитана водою, словно губка, и трава достигала до двухъ футовъ высоты. Пополнивъ гербарій растеніями этой мѣстности и пройдя долиною Кунгеса, экспедиція 3-го іюля возвратилась въ Кульджу, гдѣ Николай Михайловичъ узналъ, что 27-го марта онъ произведенъ за отличіе въ полковники.

„Оглянувшись назадъ, говоритъ Пржевальскій [1]), нельзя не сознаться, что счастіе вновь послужило мнѣ удивительно. Съ большимъ вѣроятіемъ можно сказать, что ни годомъ раньше, ни годомъ позже, изслѣдованіе Лобъ-нора не удалось бы. Ранѣе, Якубъ-бекъ, еще не боявшійся китайцевъ и не заискивавшій вслѣдствіе того у русскихъ, едва-ли согласился бы пустить насъ далѣе Тянь-шаня. Теперь же о подобномъ путешествіи нечего и думать при тѣхъ смутахъ, которыя послѣ недавней смерти Бадуалета начали волновать весь восточный Туркестанъ“.

Въ Кульджѣ Николай Михайловичъ оставался до второй половины августа, писалъ отчетъ о своемъ путешествіи и разобралъ собранную коллекцію. Его особенно заботила, а отчасти и стѣсняла собранная богатая коллекція. Въ ней были рѣдкіе экземпляры: три дикихъ верблюда, чучелъ которыхъ не было ни въ одномъ изъ музеевъ цѣлаго свѣта; было болѣе

---

[1]) См. отъ Кульджи за Тянь-шань и на Лобъ-норъ, стр. 67.

500 экземпляровъ птицъ, 25 большихъ звѣрей и болѣе 2,000 насѣкомыхъ и пресмыкающихся, собранныхъ Эклономъ. Оставить столь богатую коллекцію въ Кульджѣ, до возвращенія изъ Тибета, было рисковано, потому что за неумѣньемъ и недостаткомъ присмотра, собранные экземпляры легко могли испортиться и быть потерянными для науки. Въ виду этого Николай Михайловичъ просилъ начальника главнаго штаба, графа Гейдена, разрѣшить ему отправить ихъ въ Петербургъ, подъ надзоромъ казачьяго урядника [1]).

Въ ожиданіи такого разрѣшенія, онъ укупорилъ свою коллекцію въ девять большихъ ящиковъ и въ одинъ войлочный мѣшокъ, сдалъ ее для отправленія кульджинскому городничему и сталъ готовиться къ новой экспедиціи. Онъ желалъ пробраться въ Тибетъ такимъ путемъ, который бы представлялъ наименьшую вѣроятность встрѣчаться часто съ китайцами и ихъ властями. Но какой путь избрать—ему самому было опредѣлить трудно, и прежде чѣмъ постановлять окончательное рѣшеніе, необходимо было навести точныя справки. Николай Михайловичъ написалъ нѣсколько писемъ къ лицамъ, болѣе или менѣе знакомымъ съ тою мѣстностью, и въ томъ числѣ къ сослуживцу по генеральному штабу М. Пѣвцову, путешествовавшему по Китаю и близко знакомому съ путями, ведущими въ Тибетъ.

„Мнѣ кажется, отвѣчалъ между прочимъ Пѣвцовъ [2]), для избѣжанія столкновенія съ китайцами, не лучше-ли будетъ вамъ идти въ Хами, по южную сторону хребта, по дорогѣ, которая проходитъ почти у самаго подножія. Въ прошедшемъ году по этой дорогѣ шла изъ Хами въ Турфанъ цѣлая дивизія китайскихъ войскъ. Этотъ путь короче и по всей вѣроятности удобнѣе для васъ потому, что едва-ли тамъ живетъ китайское населеніе. Эта страна была прежде жили-

[1]) Рапортъ Пржевальскаго начальнику главнаго штаба 2-го авг. 1877 г.

[2]) Въ письмѣ Н. М. Пржевальскому отъ 23 іюля 1877 г. изъ Омска. Письмо это на столько интересно, что мы помѣщаемъ его въ приложеніи № 13-й.

щемъ мусульманъ. Кромѣ того, слѣдуя по этому пути, вы пройдете по мѣстности намъ совершенно неизвѣстной, тогда какъ сѣверный путь отъ Гучена до Хами изслѣдованъ, по крайней мѣрѣ въ топографическомъ отношеніи, довольно хорошо Матусовскимъ. Что же касается городовъ: Манаса, Урумчи и Турфана, черезъ которые пролегаетъ этотъ путь, то ихъ можно миновать окольными дорогами, тѣмъ болѣе, что вы идете на вьюкахъ и потому для васъ вездѣ дорога. Вамъ хорошо извѣстно, какъ ведется у китайцевъ развѣдывательная служба и вы, вѣроятно, согласитесь съ тѣмъ, что мимо пункта, занимаемаго китайцами, можно провести отрядъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ и они не замѣтятъ. Я не думаю, чтобы вамъ невозможно было окончательно миновать лежащихъ на помянутомъ пути городовъ, обходя ихъ окольными путями".

Сличая этотъ совѣтъ съ другими, Николай Михайловичъ рѣшилъ направиться по сѣверную сторону Тянь-шаня, на города Гученъ и Хами.

— Гдѣ можно обойдемъ китайщину, говорилъ онъ. Впрочемъ, по дорогѣ до Хлассы будетъ лишь три города: Гученъ, Хами и Са-чжоу. Отсюда повернемъ на югъ и пойдемъ въ Цайдамъ и далѣе, на верховья Голубой рѣки.

„Въ Тибетскую экспедицію, писалъ онъ М. А. Пыльцову [1]), беру кромѣ Чабаева и Иринчинова еще трехъ забайкальскихъ казаковъ. Одинъ уже прибылъ, другіе еще ѣдутъ. Впрочемъ, если они не будутъ умѣть хорошо стрѣлять, то я отошлю ихъ обратно и возьму солдатъ. Эти всегда смѣлѣе и усерднѣе.

„На дняхъ я пошлю мамашѣ 300 рублей, слѣдуемыхъ за этотъ годъ. За 1876 годъ она получила отъ меня при отъѣздѣ въ экспедицію. На дняхъ же пошлю тебѣ полфунта сѣмянъ знаменитыхъ дынь изъ Хами—большія, вкусныя, могутъ сохраняться до конца зимы. Только условіе: никому не давай этихъ сѣмянъ—рѣд-

[1]) Отъ 25 іюля 1877 г.

кость большая [1]). Блюди садъ и каждогодно подбавляй къ нему понемногу. Выкопай въ саду прудъ: я жертвую на это дѣло сто рублей. За ледникомъ, гдѣ были дрова, непремѣнно разсади малину, отличная тамъ будетъ.... Это уже *моя послѣдняя экспедиція*. Вернусь, поселюсь въ Отрадномъ и будемъ мы съ тобою жить припѣваючи".

Нельзя предположить, чтобы Николай Михайловичъ могъ серьезно думать о прекращеніи своей дѣятельности, но строки эти писались для успокоенія нѣжно любимой имъ матери и служили отвѣтомъ на ея письмо.

Поздравляя сына съ производствомъ въ полковники, Елена Алексѣевна выражала надежду, что по возвращеніи изъ экспедиціи онъ будетъ генераломъ. „А генераламъ всѣмъ надобно сидѣть на мѣстѣ, прибавляла она [2]). Вѣроятно, это твоя послѣдняя экспедиція..... Не мучь ты себя и вмѣстѣ съ собой и меня. Чего тебѣ недостаетъ? А то воспоминаніе о тебѣ, лишенія твои всѣхъ удобствъ жизни измучили меня и я, право, состарѣлась за это время на десять лѣтъ, а еще два года не увижу тебя!

„Вотъ дядя твой, Павелъ Алексѣевичъ, умеръ 26 декабря (1876 г.), недолго болѣлъ и хорошо его похоронилъ Михаилъ Александровичъ; конечно, послѣ всѣ эти похоронныя издержки принялъ на себя Владиміръ и отдалъ все Михаилу Александровичу. Послѣдніе мѣсяцы своей жизни онъ былъ совсѣмъ безъ памяти, никого не узнавалъ и хорошо сдѣлалъ, что, не дѣлая большихъ хлопотъ, умеръ покойно. А на похоронахъ всѣ были пьяны, было выпито всѣми приходящими поминать четыре ведра водки въ одинъ день, а что съѣдено пироговъ, лепешекъ, клецокъ, лапши, кутьи,

---

[1]) Отправляя эти сѣмена, онъ послалъ вмѣстѣ съ ними и сѣмена тыквъ, которыя употреблялись въ Хами вмѣсто бутылокъ. При этомъ онъ писалъ, что сажать ихъ надо такъ, чтобы «плети взбирались вверхъ по наклонной загороди и плодъ висѣлъ на воздухѣ». Онъ послалъ Пыльцову пять мерлушекъ, шкуру лисицы и кольца, полученныя отъ Якубъ-бека.

[2]) Въ письмѣ отъ 30 апрѣля 1877 года.

*

то нельзя и вообразить, чтобъ можно было уничтожить въ одинъ день".

Грустно было Николаю Михайловичу читать о кончинѣ дяди. Не смотря на пороки и слабости покойнаго, онъ горячо любилъ его и не проходило дня, чтобы, среди трудовъ и лишеній, онъ не вспоминалъ объ Отрадномъ и близкихъ ему родныхъ [1]).

— Часто, очень часто, говорилъ онъ, я въ пустынѣ вспоминаю про родной очагъ, который дороже для меня всего на свѣтѣ.

Человѣкъ любящій, сердечный, Николай Михайловичъ готовъ былъ пожертвовать собою, чтобы устроить благосостояніе матери, братьевъ и сестеръ. Многочисленныя его письма—свидѣтели его добраго сердца, заботъ и попеченій о родной семьѣ. Кромѣ пенсій матери, дядѣ, нянѣ и мамкѣ, Николай Михайловичъ тратилъ деньги на устройство Отраднаго, ему не принадлежавшаго. Возникшая война съ Турціею вызвала его опасеніе, что зять М. А. Пыльцовъ будетъ вызванъ на службу и сестра останется безъ средствъ къ существованію. „Если сильно будетъ нуждаться, писалъ онъ Пыльцову, то возьми изъ моихъ денегъ рублей пятьсотъ".

Понятно, что при такихъ отношеніяхъ къ семьѣ, всякая утрата была тяжела для Николая Михайловича, и хорошо еще, что не было времени останавливаться на грустныхъ мысляхъ и надо было торопиться выступленіемъ въ экспедицію. Каждый день былъ дорогъ въ особенности потому, что къ тому же Тибету направлялись и англичане, съ намѣреніемъ пробраться въ Хлассу.

Англійскіе журналы сообщали, что остъ-индское правительство, по соглашенію съ китайскимъ, организуетъ экспедицію въ Хлассу, которой цѣль будетъ состоять въ открытіи Тибета для англо-индійской торговли. Обстоятельство это было особенно важно по тому

[1]) Письма его къ брату Владиміру и М. А. Пыльцову.

вліянію, которое могли они пріобрѣсти на Далай-Ламу, духовнаго владыку большей части населенія Индо-Китая, Зондскаго архипелага, Китая, Японіи, Кореи, Манчьжуріи, Монголіи и проч. [1]). Теперь вопросъ былъ въ томъ—кто скорѣе достигнетъ Хлассы и кому будетъ принадлежать пальма первенства. Пржевальскому не хотѣлось уступить ее англичанамъ и онъ торопился покинуть Кульджу.

28 августа караванъ выступилъ по направленію къ Гучену. Онъ состоялъ изъ 24 верблюдовъ и трехъ лошадей. Въ экспедиціи находилось 8 человѣкъ: Пржевальскій, Эклонъ, четыре забайкальскихъ казака и 2 солдата 10-го Туркестанскаго линейнаго баталіона. Такъ какъ путь лежалъ по мѣстамъ, разореннымъ инсуррекціею, или по пустыннымъ, то приходилось имѣть съ собою значительные запасы продовольствія. Они состояли изъ 10 головъ сахара, 40 коробокъ сардинокъ, 25 бутылокъ коньяку и многихъ другихъ „усладъ“.

По большой дорогѣ, ведущей черезъ города Шихо и Манасъ, вездѣ по станціямъ были расположены китайскія войска и частію даже „*чампаны*“, т. е. ссыльно-каторжные, но чтобы избавиться отъ различныхъ непріятныхъ случайностей, Пржевальскій избралъ окольный путь. Онъ поднялся мимо озера Эби-нора къ сѣверу до гор. Сауръ [2]), а отсюда направился на Гучень. Подобнымъ обходомъ экспедиція дѣлала 200 лишнихъ верстъ, прошла около тысячи верстъ то по горамъ, то по пустынямъ, не встрѣчая часто ни корму, ни воды. Безводные переходы бывали иногда въ 70 и даже 100 верстъ.

4-го ноября Пржевальскій и его спутники пришли въ Гученъ и остановились въ 20 верстахъ отъ него. Мѣстное начальство встрѣтило прибывшихъ не

---

[1]) „Русскій Инвалидъ“ 1877 г, 45.

[2]) Такъ далеко къ сѣверу они зашли вслѣдствіе обмана проводника. Собственно ихъ обходный путь долженъ былъ лежать по южную сторону горъ Демунь (Донесеніе Пржевальскаго Императорскому русскому географическому обществу 3 января 1878 г)

особенно радушно и даже не дало квартиры въ городѣ, такъ что пришлось жить въ юртѣ за городомъ. Достаточно было кому нибудь изъ членовъ экспедиціи попасть на глаза китайскимъ солдатамъ, чтобы тотчасъ же подвергнуться оскорбительнымъ ругательствамъ. „Вообще, китайскія войска, доносилъ Пржевальскій [1])“, сколько мы ихъ видѣли въ Гученѣ, весьма деморализованы, грабежи по дорогамъ ихъ спеціальное занятіе“.

При такихъ условіяхъ оставаться въ Гученѣ было неудобно, а двигаться впередъ невозможно, такъ какъ Пржевальскій, Эклонъ и два казака страдали невыносимымъ зудомъ тѣла, что происходило, конечно, отъ безпрерывной верховой ѣзды и постоянной нечистоты. Болѣзнь эта проявилась у Николая Михайловича еще въ іюнѣ, когда онъ былъ въ Тянь-шанѣ, но въ Кульджѣ она почти совсѣмъ прошла и онъ не обращалъ на нее никакого вниманія.

„По выходѣ изъ Кульджи, писалъ Николай Михайловичъ [2]), я заболѣлъ вздорною, но нестерпимою болѣзнью: у меня сильный зудъ. Мы мазали табакомъ и дегтемъ—не помогаетъ; испытаю послѣднее средство—синій купоросъ. Два казака, бывшіе у меня проводниками изъ Кульджи, возвращаются завтра въ Зайсанскій постъ. Пишу, чтобы прислали оттуда лекарство отъ зуда и газеты. Посланный догонитъ меня въ Хами, гдѣ будемъ въ половинѣ декабря“.

Предположенія однакоже не оправдались; болѣзнь не давала покоя ни днемъ, ни ночью; ни писать, ни дѣлать наблюденій, ни даже ходить на охоту Николай Михайловичъ не могъ. Ночи онъ проводилъ обыкновенно на половину безъ сна и измучился сильно.

„Несомнѣнно, писалъ онъ, [3]) мы гдѣ нибудь заразились на Лобъ-норѣ, вѣрнѣе въ Кульджѣ отъ дурной

---

[1]) Въ рапортѣ начальнику главнаго штаба отъ 29 декабря 1877 г. № 38.

[2]) М. А. Пыльцову отъ 5-го ноября 1877 г. изъ Гучена.

[3]) Ему же 23-го декабря 1877 г. изъ Зайсана.

воды; причиною также могла быть постоянно соленая въ воздухѣ стоявшая пыль Лобъ-нора и верховая ѣзда. Промучившись почти три мѣсяца, я рѣшился вернуться изъ Гучена въ Зайсанъ (570 верстъ), вылечиться здѣсь совсѣмъ и раннею весною (въ половинѣ февраля) идти съ новыми силами въ Тибетъ. Тяжело было мнѣ рѣшиться на возвратъ. Нѣсколько разъ я плакалъ при мысли о такой необходимости. Наконецъ 27 ноября мы выступили изъ Гучена къ Зайсану тою же дорогою, которою шли изъ Кульджи. Ѣхать верхомъ я не могъ и потому купилъ передокъ отъ русской телѣги, придѣлали на него ящикъ, гдѣ я и усѣлся".

Такой экипажъ былъ не особенно удобенъ и путешествіе для больнаго было невыносимо. Стояли на столько сильные морозы, что пять сутокъ сряду ртуть въ термометрѣ замерзала и слѣдовательно холодъ переходилъ за 40 градусовъ Цельзія.

— Во всѣхъ моихъ странствованіяхъ по Азіи, говорилъ Николай Михайловичъ, это была первая неудача. Дай Богъ, чтобы она была и послѣдняя.

20-го декабря экспедиція прибыла въ Зайсанъ, Семипалатинской области, и мѣстные доктора обѣщали вылечить больныхъ въ теченіе мѣсяца. Частыя бани, примочки изъ свинцовой воды и разныя мази хотя и облегчили страданія, но на скорое выздоровленіе надежды было мало. „Облегченія пока еще мало, писалъ Николай Михаиловичъ [1]): впрочемъ эта болѣзнь упорная. Надѣюсь, что къ половинѣ февраля, быть можетъ и скорѣе, пройдетъ. Такъ по крайней мѣрѣ увѣряютъ меня здѣшніе врачи".

„Зайсанъ пакость такая же, какъ Кульджа и вообще всѣ наши сибирскіе города. Какъ курьезъ скажу, что даже лекарство приносятъ мнѣ изъ лазарета, за неимѣніемъ пузырьковъ, въ водочныхъ бутылкахъ или полуштофахъ".

---

[1]) Въ письмѣ М. А. Пыльцову отъ 31 декабря 1877 г.

Болѣзнь туго поддавалась леченію; силы были потрясены постояннымъ нервнымъ напряженіемъ вслѣдствіе зуда и Николай Михайловичъ, находясь въ мрачномъ настроеніи духа, мечталъ о жизни спокойной, жизни въ деревнѣ.

„Возвратясь изъ экспедиціи, болѣе не пойду въ Азію, писалъ онъ [1]): пора и отдохнуть. Предстоящій путь въ Тибетъ вѣроятно уже будетъ послѣднимъ моимъ путешествіемъ въ Азію. Довольно потаскался среди этихъ ..... которыхъ называютъ монголами, китайцами и проч. Будемъ жить по старому, тихо и спокойно. Ненужно мнѣ никакихъ почестей и богатствъ—дайте мнѣ только тихую жизнь въ Отрадномъ. Тамъ можно жить спокойно, а слѣдить за наукою и событіями также не трудно, выписывая журналы и газеты“.

Онъ просилъ Пыльцова приступить къ постройкѣ ему въ Отрадномъ особаго флигеля и послалъ подробный планъ его. Вмѣстѣ съ тѣмъ его крайне безпокоило неполученіе писемъ отъ матери. Онъ отправилъ нѣсколько телеграммъ, но отвѣта на нихъ не получилъ. „Я сильно безпокоюсь на счетъ такого молчанія, писалъ онъ М. А. Пыльцову [2]) и на дняхъ послалъ телеграмму въ Смоленскъ“. Спустя почти мѣсяцъ онъ получилъ письмо отъ Ив. Демьяновича Толпыго, въ которомъ тотъ писалъ, что у Елены Алексѣевны болитъ рука и оттого она сама не пишетъ. „Что-то плохо вѣрится этому, замѣтилъ Николай Михайловичъ [3]). Не случилось-ли что нибудь съ мамашей? Для разъясненія я послалъ телеграмму въ Смоленскъ и просилъ телеграфировать правду“. Въ отвѣтъ на это онъ получилъ 27 февраля телеграму Ив. Дем. Толпыго такого содержанія: „Маменька была больна, теперь поправляется; писать не можетъ, цалуетъ васъ, здорова“.

---

[1]) Въ письмахъ: брату Владиміру 3-го февраля, Пыльцову 11 февраля, І. Л. Фатѣеву отъ « » марта 1878 г.

[2]) Отъ 25 января 1878 г.

[3]) Въ письмѣ брату Владиміру 25 февраля 1878 г.

Извѣстіе это нѣсколько успокоило Николая Михайловича, но не вполнѣ, и предчувствіе чего-то недобраго томило его. Не смотря на то, что болѣзнь постепенно проходила, онъ нѣсколько апатично относился къ предстоявшей экспедиціи. Ранѣе конца марта двинуться въ путь было невозможно, по причинѣ большихъ морозовъ и глубокихъ снѣговъ, а жизнь въ Зайсанѣ томила его. Первое время онъ никуда не выходилъ и при хорошей пищѣ толстѣлъ, что также сердило его.

„Въ Зайсанѣ мы живемъ почти уже два мѣсяца, писалъ онъ [1]); жирокъ заправилъ я себѣ генеральный. Потолстѣлъ противъ того, какимъ пришелъ, на цѣлыхъ два дюйма, а можетъ быть и болѣе. Петербургскій сюртукъ едва впору. Конечно, такой жирокъ скоро начнетъ спадать, но его хватитъ, я думаю, до Цайдама или Хами“.

Опасаясь, что бездѣятельность можетъ дурно повліять на его здоровье, Николай Михайловичъ хотѣлъ на весь мартъ уйти на озеро Зайсанъ и, остановившись при устьѣ Чернаго Иртыша, заняться зоологическими изслѣдованіями [2]).

Желаніе это, однакоже, не осуществилось: ему дозволено было докторами только ходить на охоту и возвращаться подъ теплую крышу. Причиною тому были тѣ же холода и глубокій снѣгъ, лежавшій даже въ половинѣ марта на $1^1/_2$—2 ф. глубиною.

Съ половины марта онъ сталъ готовиться къ экспедиціи. Идя въ Тибетъ на полтора года, нужно было забрать множество запасовъ и одного серебра было до семи пудовъ. Въ распоряженіи экспедиціи было 25 верблюдовъ, изъ нихъ 17 вьючныхъ, и шесть казаковъ. „Большая экспедиція, какова теперь наша, писалъ Николай Михайловичъ [3]), приноситъ очень много лишнихъ заботъ, совершенно чуждыхъ научнымъ изслѣдовані-

[1]) Въ письмахъ М. А. Пыльцову 11 февраля и 13 марта 1878 г.

[2]) Рапортъ Пржевальскаго въ Главный Штабъ 4 февраля 1878 г. № 4.

[3]) Въ письмѣ І Л Фатѣеву 10 марта 1878 г

ямъ; всего труднѣе подобрать хорошихъ казаковъ. Недавно я принужденъ былъ прогнать за постоянное пьянство и воровство прежняго своего спутника..... Денегъ теперь много, но трудовъ, а главное непріятностей, вдесятеро больше, нежели было въ прошлую экспедицію. Изъ всѣхъ моихъ шести казаковъ только одинъ Иринчиновъ хорошъ; остальные пьяницы и воры, которыхъ необходимо держать въ острасткѣ палкою".

— Трудно бываетъ подчасъ, говорилъ Николай Михайловичъ, трудно очень, тѣмъ болѣе, что не на кого опереться. Одному радуюсь, что прежняя энергія меня не покидаетъ, а съ нею успѣхъ дѣла много обезпеченъ.

При такихъ условіяхъ ему приходилось идти въ Тибетъ, гдѣ, по всѣмъ свѣдѣніямъ, онъ долженъ былъ встрѣтить большія затрудненія и подвергаться большой опасности. Еще въ ноябрѣ 1876 г. китайскіе министры сообщили нашему посланнику въ Пекинѣ объ опасности, угрожающей нашей экспедиціи, и совѣтовали уговорить Николая Михайловича не ходить въ Тибетъ.

„Въ маѣ текущаго года, писали они [1]), министерство, получивъ письмо вашего превосходительства, въ которомъ вы, заявляя о намѣреніи русскаго офицера Пржевальскаго съ товарищами предпринять путешествіе въ Тибетъ съ ученою цѣлью, просили министерство о выдачѣ означенному офицеру охраннаго листа. Въ отвѣтъ на него (министерство) тогда же заявило вашему превосходительству, что китайское правительство можетъ оказать содѣйствіе (защиту) только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть китайскія власти, но что въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ таковыхъ, оно не можетъ принять на себя обязанности оказывать защиту. Затѣмъ министерство получило другое письмо вашего превосходительства, въ которомъ, между прочимъ, было замѣчено, что въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ китайскихъ властей, охранный листъ также будетъ безполезенъ. Вслѣдствіе этого (за-

[1]) Въ сообщеніи нашему посланнику Бюцову отъ 18 ноября 1876 г. за № 36.

явленія), министерство, согласно выраженному въ письмѣ желанію, выдало билетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщило о семъ въ Тибетъ и другія мѣста.

„Въ отвѣтъ на это правительственный комиссаръ въ Тибетѣ доноситъ министерству, что тибетскіе ламы представили ему адресъ, въ которомъ заявляютъ, что Тибетъ никогда не находился въ сношеніяхъ съ иностранными государствами, что религія и обычаи Тибета не одинаковы съ таковыми же въ другихъ государствахъ и что поэтому они опасаются, чтобы не вышло какого либо дѣла.

„Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1869 года одинъ французъ отправился было въ Тибетъ, но положительно былъ задержанъ (остановленъ). Въ настоящее время офицеръ почтеннаго государства Пржевальскій съ товарищами, хотя и снабженный билетомъ, отправляется въ путешествіе, но мы весьма опасаемся, что тибетскіе ламы, не имѣвшіе сношеній съ иностранцами и неизбѣжно мало слышавшіе о нихъ, отнесутся къ путешественникамъ съ подозрительностію, которая повлечетъ за собою множество неудобствъ. Въ данномъ случаѣ нами руководитъ чувство дружбы и мы весьма безпокоимся за нихъ. Мы доводимъ сіе до свѣдѣнія вашего превосходительства для того, чтобы вы передали путешествующимъ офицерамъ наблюдать самую крайнюю осторожность. Если, дѣйствительно, встрѣтятся какія либо неудобства, то чтобы они, зная объ угрожающей опасности, непремѣнно возвратились-бы. Это наше желаніе“.

Судя по сообщеніямъ путешественниковъ, бывшихъ въ Хлассѣ, тибетское духовенство вовсе не относится недружелюбно къ иностранцамъ, и потому нашъ посланникъ Бюцовъ не могъ допустить, чтобы инициатива подачи адреса происходила отъ ламъ. Онъ видѣлъ въ этомъ желаніе тибетскаго комиссара попугать нашихъ путешественниковъ и остановить ихъ попытку проникнуть въ Тибетъ, замкнутость котораго всегда соотвѣтствовала видамъ китайской политики. Не счи-

тая нужнымъ скрывать своего мнѣнія, Бюцовъ писалъ китайскимъ министрамъ [1]):

„Въ письмѣ отъ 18 числа сего мѣсяца почтенные сановники увѣдомили меня, что правительственный комиссаръ въ Тибетѣ, въ отвѣтъ на посланное ему министерствомъ извѣщеніе о предположенномъ путешествіи въ эту сторону русскаго офицера Пржевальскаго съ товарищами, донесъ министерству, что тибетскіе ламы представили ему адресъ, въ которомъ заявляютъ, что Тибетъ никогда не находился въ сношеніяхъ съ иностранными государствами, религія и обычаи которыхъ не одинаковы съ существующими въ Тибетѣ, и что поэтому они опасаются, чтобы не вышло какого дѣла. Вслѣдствіе этого заявленія вы желаете, почтенные сановники, чтобы названный офицеръ и его спутники наблюдали крайнюю осторожность, а въ случаѣ какой либо опасности возвратились бы назадъ.

„Приношу вамъ, почтенные сановники, искреннюю благодарность за тѣ дружественныя чувства, которыя побудили васъ сдѣлать мнѣ вышеупомянутое сообщеніе, и за участіе, выказываемое вами къ нашимъ путешественникамъ; они будутъ поставлены въ извѣстность о содержаніи вашего сообщенія.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ позволю себѣ однако обратить вниманіе ваше на то, что комиссаръ вашъ въ Тибетѣ, принявъ адресъ самъ и донесши вамъ объ этомъ, не выполнилъ всѣхъ лежавшихъ на немъ обязанностей. Мнѣ кажется, что долгомъ его было тогда же объяснить ламамъ, что различіе въ религіи и обычаяхъ и отсутствіе сношеній съ другими странами не составляетъ еще причинъ, чтобы чуждаться иностранцевъ и опасаться какихъ либо непріятныхъ дѣлъ съ ними. Онъ могъ бы объяснить ламамъ, что русскіе путешественники отправляются въ Тибетъ съ вѣдома китайскаго правительства и что, такъ какъ это служитъ вашимъ доказательствомъ того, что никакихъ недружелюбныхъ намѣреній они не имѣютъ, то ламы должны откинуть всякую подозрительность относительно ихъ.

[1]) Въ сообщеніи отъ 22 ноября 1876 г. за № 21.

„Такъ какъ комиссаромъ, повидимому, ничего подобнаго не было сдѣлано, чтобы разсѣять высказанныя ему ламами опасенія, то не признаете-ли, почтенные сановники, умѣстнымъ послать ему надлежащія въ этомъ смыслѣ предписанія.

„При этомъ я покорнѣйше просилъ бы васъ поставить его въ извѣстность о томъ, что подполковникъ Пржевальскій уже путешествовалъ въ Монголіи, Кукунорѣ и Цайдамѣ, и что въ этихъ странахъ онъ испыталъ самое радушное гостепріимство въ ламскихъ монастыряхъ, обитатели которыхъ никогда не относились къ нему съ подозрительностью, и которымъ съ своей стороны онъ не подалъ повода къ неудовольствіямъ, умѣя уважать и религію, и обычаи ихъ. Нѣтъ основанія опасаться того, чтобы онъ не съумѣлъ поставить себя также хорошо въ отношеніи къ ламамъ въ Южномъ Тибетѣ. Къ этому слѣдуетъ, впрочемъ, прибавить и то, что въ Хлассу проникали иностранцы, хотя, правда, очень рѣдко, и что изъ разсказовъ ихъ о Тибетѣ не видно, чтобы духовенство и народъ выказали недружелюбныя къ нимъ чувства“.

Тѣмъ не менѣе, Н. М. Пржевальскому не возможно было пренебрегать подобными предостереженіями и онъ долженъ былъ ожидать, что если населеніе отнесется къ нему сочувственно или даже равнодушно, то тибетскій комиссаръ употребитъ всѣ усилія къ тому, чтобы оправдать себя и подтвердить справедливость своего донесенія. Поэтому нашъ посланникъ въ Пекинѣ Бюцовъ совѣтовалъ Николаю Михайловичу запастись рекомендательными письмами отъ вліятельныхъ тибетскихъ ламъ, проживающихъ въ Ургѣ, и писалъ о томъ нашему консулу, чтобы онъ постарался получить эти письма и отправилъ ихъ Пржевальскому въ Кульджу [1]).

Таково было положеніе относительно путешествія въ Тибетъ въ 1876 году; оно было не лучше, какъ сейчасъ увидимъ, и въ 1878 г. Не смотря на то, Ни-

[1]) Письмо Бюцова мин. иностран. д. отъ 24 ноября 1876 г.

колай Михайловичъ усиленно готовился къ предстоявшей экспедиціи и еще не вполнѣ поправившись здоровьемъ, рѣшился двинуться въ путь. Онъ надѣялся, что дорогою и притомъ весною исчезнутъ и послѣдніе признаки болѣзни. Однако-же, въ видѣ предосторожности, онъ хотѣлъ ѣхать не верхомъ, а въ двуколесной арбѣ, запряженной верблюдомъ [1]).

Предполагаемый караванъ состоялъ изъ восьми человѣкъ и 29 верблюдовъ; изъ нихъ было шесть верховыхъ, 4 — запасныхъ, 18 — вьючныхъ и одинъ запрягался въ арбу. Изъ Петербурга были получены два хронометра и новый фотографическій аппаратъ, который вѣсилъ всего одинъ пудъ и спеціально примѣненъ былъ для работъ во время путешествій; изъ Отраднаго онъ получилъ отъ М. А. Пыльцова посылку: хину, лимонную кислоту и „услады“.

„Усладъ въ экспедицію мы набрали много, писалъ Николай Михайловичъ М. А. Пыльцову [2]). Для Тибета есть особый завѣтный ящикъ, куда положены и твои конфекты. Сейчасъ Иринчиновъ купилъ на рынкѣ и привезъ девять пудовъ баранины. Вотъ какіе мы теперь беремъ запасы; охотою десять человѣкъ нельзя прокормить. Ружья наши всѣ вымыты, вычищены, заряды и патроны изготовлены; словомъ, собрались совсѣмъ“.

Наступала весна; появились перелетныя птицы. Весенній воздухъ бодрилъ всѣхъ, придавалъ силы и энергію. „Завтра, наконецъ, мы выступаемъ, говорилъ Пржевальскій [3]), изъ Зайсанскаго поста. Избавляемся отъ тюрьмы, въ которой сидѣли три мѣсяца. Радость неописанная“. Но она была неполная. Какое-то тайное предчувствіе томило Николая Михайловича и болѣзнь матери сильно его безпокоила. „О мамашѣ сильно безпокоюсь, писалъ онъ; выздоровѣетъ ли она?“

---

[1]) Письмо Пржевальскаго въ географическое общество 10 марта 1878 года.

[2]) Письма его-же М. А. Пыльцову 13 и 18 марта 1878 г.

[3]) Въ письмѣ М. А. Пыльцову отъ 18 марта 1878 г.

Безпокойство усиливалось неполученіемъ никакихъ извѣстій ни изъ Смоленска, ни изъ Москвы. Наконецъ, телеграмма брата Владиміра отъ 20 марта раскрыла передъ нимъ горькую истину. „Восемнадцатаго іюня прошлаго года, было сказано въ телеграммѣ, мамаша скончалась отъ рака желудка и болѣзни сердца“. Извѣстіе это какъ громомъ поразило Николая Михайловича, столь поздно узнавшаго о кончинѣ нѣжно любимой имъ матери и самаго дорогаго друга.

„Глубоко-тяжелую вѣсть, записалъ онъ въ своемъ дневникѣ, получилъ я сегодня телеграммою отъ брата, изъ Москвы: 18 іюня, прошлаго года, моя мамаша скончалась. Полугодомъ раньше ея умеръ мой дядя. Невознаградимы для меня эти утраты, понесенныя въ такой короткій срокъ. Если бы я не возвращался изъ Гучена въ Зайсанъ, то о смерти матери не зналъ бы до окончанія путешествія. Быть можетъ, это было бы къ лучшему.....

„Теперь же къ ряду всѣхъ невзгодъ прибавилось еще горе великое. Я любилъ свою мать всею душою. Съ ея именемъ для меня соединены отрадныя воспоминанія дѣтства и отрочества, беззаботно проведенныя въ деревнѣ. И сколько разъ я возвращался въ свое родимое гнѣздо изъ долгихъ отлучекъ, иногда на край свѣта. И всегда меня встрѣчали ласка и привѣтъ. Забывались пережитыя невзгоды, на душѣ становилось покойно и радостно; я словно опять становился ребенкомъ. Эти минуты для меня всегда были лучшею наградою за понесенные труды....

„Буря жизни, жажда дѣятельности и завѣтное стремленіе къ изслѣдованію невѣдомыхъ странъ внутренней Азіи снова оторвали меня отъ роднаго крова. Бросалось многое, даже очень многое, но самою тяжелою минутою всегда было для меня разставанье съ матерью. Ея слезы и послѣдній поцѣлуй еще долго жгли мое сердце. Не одинъ разъ, среди дикой пустыни или дремучихъ лѣсовъ, моему воображенію рисовался дорогой образъ и заставлялъ уноситься невольно къ родному очагу....

„Женщина, отъ природы умная и съ сильнымъ характеромъ, моя мать вывела всѣхъ насъ на прочный путь жизни. Ея совѣты не покидали меня даже и въ зрѣломъ возрастѣ. Правда, воспитаніе наше было много спартанскимъ, но оно закалило силы и сдѣлало характеръ самостоятельнымъ. Да будетъ-же миръ праху твоему, моя дорогая мамаша“.

Печаль его нѣсколько ослаблялась только тѣмъ, что блеснула надежда побывать скоро въ Смоленскѣ и поклониться праху дорогаго существа. Дѣло въ томъ, что экспедиція въ Тибетъ не могла осуществиться и Пржевальскому приказано было остановить дальнѣйшее движеніе впередъ. Командующій войсками Западно-Сибирскаго военнаго округа донесъ военному министру [1]), что въ виду осложненія дѣлъ съ Китаемъ, вслѣдствіе требованія китайскимъ правительствомъ выдачи дунганъ, бѣжавшихъ въ наши предѣлы, по мнѣнію генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана необходимо остановить экспедицію Пржевальскаго. При этомъ командующій войсками присовокупилъ, что объ этомъ имъ сообщено прямо Николаю Михайловичу. Послѣдній, въ ожиданіи категорическихъ приказаній изъ Петербурга, сдѣлалъ одинъ переходъ отъ Зайсанскаго поста и расположился въ урочищѣ Кендерлыкъ, гдѣ и провелъ двѣ недѣли, занимаясь зоологическими изслѣдованіями.

Между тѣмъ военный министръ и министръ иностранныхъ дѣлъ также находили, что, въ виду неопредѣленнаго положенія нашихъ дѣлъ съ Китаемъ, необходимо отложить путешествіе до болѣе благопріятнаго времени [2]). Получивъ предписаніе не ходить въ Китай, Пржевальскій просилъ разрѣшенія возвратиться въ Петербургъ, „для окончательнаго поправленія здоровья. Тибетская экспедиція, прибавлялъ онъ, можетъ быть выполнена впослѣдствіи съ свѣжими силами и при лучшихъ обстоятельствахъ“ [3]).

---

[1]) Отъ 19 марта 1878 г. № 3.

[2]) Отношеніе военнаго министра статсъ-секретарю Гирсу отъ 1-го апрѣля 1878 г. № 19 и отвѣтъ его отъ 14 апрѣля за № 1103.

[3]) Телеграмма Пржевальскаго въ главный штабъ отъ 29 марта 1878 г.

Просьба эта была уважена и телеграмма главнаго штаба, съ разрѣшеніемъ прибыть въ Петербургъ, настигла его уже въ Омскѣ. Отсюда онъ отправилъ донесеніе въ географическое общество о пріостановленіи экспедиціи.

„Не знаю, писалъ онъ [1]), къ худшему-ли это случилось или къ лучшему? Мнѣ кажется, послѣднее вѣроятнѣе. Не говоря уже про то, что китайцы, при настоящемъ своемъ настроеніи къ русскимъ, легко могли надѣлать намъ всякихъ непріятностей и не пустить далѣе Гучена,—мое здоровье, не вполнѣ еще окрѣпшее въ Зайсанѣ, снова ухудшилось, лишь только пришлось жить на морозахъ въ юртѣ, лазить во время экскурсій по горамъ или болотамъ—словомъ, подвергать себя всѣмъ тѣмъ невзгодамъ, которыя неминуемо сопряжены съ путешествіемъ въ дикихъ странахъ Азіи. Между тѣмъ физическая крѣпость составляетъ одно изъ главныхъ условій для успѣха дѣла. Необходимо вылечиться хорошенько и тогда со свѣжими силами и новымъ счастіемъ продолжать начатое дѣло.

„Оставивъ верблюдовъ и все снаряженіе экспедиціи въ посту Зайсанскомъ, я отправляюсь въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы будущею зимою, въ январѣ или февралѣ 1879 года, снова двинуться въ путь, если, конечно, тому не помѣшаютъ разныя тучи, которыя нынѣ облегаютъ политическій горизонтъ. Здоровье же мое, я думаю, возстановится при условіяхъ леченія лучшихъ, нежели они были въ посту Зайсанскомъ“.

31-го марта 1878 г. экспедиція пришла изъ Кендерлыка въ Зайсанъ, откуда Николай Михайловичъ долженъ былъ отправиться въ Петербургъ.

„Сегодня, записалъ онъ въ своемъ дневникѣ, исполнилось мнѣ 39 лѣтъ и день этотъ ознаменованъ для меня окончаніемъ экспедиціи, далеко не столь тріумфальнымъ, какъ мое прошлое путешествіе по Монголіи. Теперь дѣло сдѣлано лишь на половину:

---

[1]) Въ географическое общество отъ 23 апрѣля 1878 г., изъ Омска.

Лобъ-норъ изслѣдованъ, но Тибетъ остается еще нетронутымъ. Въ четвертый разъ я не могу попасть туда: первый разъ вернулся съ Голубой рѣки; второй съ Лобъ-нора, третій—изъ Гучена и, наконецъ, четвертый разъ экспедиція остановилась въ самомъ началѣ. Я не унываю! Если только мое здоровье поправится, то весною будущаго года снова двинусь въ путь. Хотя остановка экспедиціи совершилась не по моей винѣ и притомъ я сознаю, что это самое лучшее при настоящемъ состояніи моего здоровья—все-таки мнѣ крайне тяжело и грустно ворочаться назадъ. Цѣлый день вчера я былъ самъ не свой и много разъ плакалъ. Даже возвращеніе въ Отрадное теперь мало радуетъ.

„Правда, жизнь путешественника несетъ съ собою много различныхъ невзгодъ, но за то она даетъ и много счастливыхъ минутъ, которыя не забываются никогда. Абсолютная свобода и дѣло по душѣ—вотъ въ чемъ именно вся заманчивость странствованій. Не даромъ же путешественники никогда не забываютъ своей труженической поры, даже среди самыхъ лучшихъ условій цивилизованной жизни.

„Прощай-же моя счастливая жизнь, но прощай не на долго. Пройдетъ годъ, уладятся недоразумѣнія съ Китаемъ, поправится мое здоровье—и тогда я снова возьму странническій посохъ и снова направлюсь въ азіятскія пустыни“....

IX.

Прибытіе въ Петербургъ.—Почетныя награды золотая медаль Парижскаго географическаго общества и большая золотая медаль имени Гумбольдта Берлинскаго общества.—Жизнь въ деревнѣ.—Предположеніе о новой экспедиціи въ Тибетъ.—Лекція въ географическомъ обществѣ.—Возраженіе барону Рихтгофену.—Пожертвованіе собранной коллекціи въ музей Императорской академіи наукъ.—Избраніе почетнымъ членомъ академіи наукъ и Императорскаго ботаническаго сада.—Командированіе Н. М. Пржевальскаго въ Тибетъ на два года.—Затрудненія, ожидаемыя впереди.—Переписка съ китайскимъ правительствомъ.—Отъѣздъ изъ Петербурга.—Прибытіе въ Зайсанъ.—Составъ экспедиціи и ея матеріальное обезпеченіе.

1878—1879.

23-го мая Николай Михайловичъ былъ уже въ Петербургѣ. Всѣ доктора, къ которымъ онъ обращался, находили, что болѣзнь его происходила, главнымъ образомъ, отъ нервнаго разстройства, вызваннаго общимъ утомленіемъ организма. Наилучшее лекарство, говорили они, купанье и жизнь въ деревнѣ, „чему я очень радъ, прибавлялъ Пржевальскій [1]). Изъ Питера пріѣду прямо въ Отрадное, не останавливаясь въ Смоленскѣ“.

2-го іюня онъ получилъ отпускъ на четыре мѣсяца съ сохраненіемъ содержанія и оставался нѣсколько дней въ столицѣ только потому, что необходимо было устроить свои коллекціи и повидаться съ нѣсколькими лицами. Въ это время онъ получилъ золотую медаль Парижскаго географическаго общества, назначенную за прошлую экспедицію, и узналъ о присужденіи ему Берлинскимъ географическимъ обществомъ большой золотой медали имени Гумбольдта. Медаль эта была учреждена обществомъ по случаю его пятидесяти-лѣтняго юбилея и первый, кто удостоился

[1]) Въ письмѣ М. А. Пыльцову отъ 28 мая 1878 г

ее получить, былъ Н. М. Пржевальскій за совокупность его ученыхъ изслѣдованій въ Центральной Азіи. Разбирая дѣятельность нашего путешественника и изданное имъ описаніе путешествія на Лобъ-норъ, предсѣдатель Берлинскаго географическаго общества баронъ Рихтгофенъ, въ особо изданной имъ брошюрѣ [1]), восторженно отзывается о географическихъ подвигахъ Пржевальскаго.

Опредѣленіе дѣйствительнаго положенія Лобъ-нора, говоритъ Рихтгофенъ, всегда возбуждало общій интересъ географовъ, и Пржевальскій, съ безстрашіемъ, отличающимъ *геніальнаго путешественника*, становитъ разрѣшеніе этой географической задачи въ цѣль своего путешествія [2]), которое принадлежитъ къ самымъ выдающимся экспедиціямъ нашего времени. Сдѣланная Николаемъ Михайловичемъ съемка теченія нижняго Тарима и Лобъ-нора измѣнила совершенно то, что прежде было извѣстно объ этихъ мѣстностяхъ.

Такая неправильность картъ, которыя существовали до сихъ поръ и были составлены по китайскимъ источникамъ, подала однакоже поводъ барону Рихтгофену сдѣлать нѣсколько возраженій нашему путешественнику. Предсѣдатель Берлинскаго общества землевѣдѣнія говоритъ, что Лобъ-норъ, найденный Пржевальскимъ, не есть истинный, но что настоящій долженъ лежать на 3^0 западнѣе; что въ дѣйствительномъ Лобъ-норѣ вода должна быть соленою; что мѣстные жители не знаютъ названія Лобъ-нора, а называютъ его Чокъ-куль и проч. Тѣмъ не менѣе, не считая себя вправѣ категорически оспаривать открытій, сдѣланныхъ Николаемъ Михайловичемъ, баронъ Рихтгофенъ высоко ставилъ его заслуги.

---

[1]) «Bemerkungen zu den Ergebnissen von Oberstlieutenant Przewalski's Reise nach dem Lop-noor und Altyn-tagh». Статья эта была первоначально прочитана въ Берлинскомъ обществѣ и помѣщена въ «Verhandlungen der Gesellschaft fur Erdkunde zu Berlin. Band V, 1878 г. № 4.

[2]) Переводъ описанія путешествія Пржевальскаго, сдѣланный на нѣмецкій языкъ Кипертомъ, появился въ 53-мъ дополнительномъ выпускѣ географическаго журнала Петтермана и одновременно съ тѣмъ и въ журналѣ Globus.

„Вопреки теоретическимъ соображеніямъ, говорилъ баронъ, и историческимъ извѣстіямъ, мы узнаемъ отъ перваго европейца, посѣтившаго Лобъ-норъ и отличающагося рѣдкою наблюдательностію, что это озеро прѣсное, а не соленое.

„Описаніе быта, обычаевъ и рода занятій лобъ-норцевъ и тяжелыхъ климатическихъ условій, при которыхъ они живутъ, самая завлекательная и интересная изъ этнографическихъ картинъ, нарисованныхъ новѣйшими путешественниками".

Подводя итогъ результатамъ путешествія Пржевальскаго, баронъ Рихтгофенъ высказываетъ, что *однимъ человѣкомъ* наши знанія о Центральной Азіи значительно расширены. „Вмѣстѣ съ тѣмъ геніальный изслѣдователь даетъ обстоятельныя свѣдѣнія о флорѣ и фаунѣ и ихъ отношеніяхъ къ характеру страны. Вообще его наблюденія такъ широки и многосторонни, что мало кому подъ силу".

Описаніе Алтынъ-тага, сдѣланное Пржевальскимъ, по мнѣнію Рихтгофена составляетъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ открытій, а совокупность его трудовъ и предъидущихъ путешествій ставитъ его во главѣ тѣхъ лицъ, которыя имѣютъ право на почетную награду золотою медалью имени Гумбольдта.

Полученіе ея выходило изъ ряда обыкновенныхъ наградъ и, конечно, было весьма пріятно Николаю Михайловичу;—не менѣе радовало его и то, что описанія его путешествій переводились на всѣ иностранные языки.

„Моя брошюра о Лобъ-норѣ, писалъ Николай Михайловичъ [1]), встрѣчена чрезвычайно сочувственно за границею. Уже переведена на нѣмецкій и англійскій языки, со всевозможными меня восхваленіями [2]). Пер-

---

[1]) М. А. Пыльцову отъ 2-го іюня 1878 г.

[2]) «Здѣсь публика, писалъ Дельмаръ-Морганъ изъ Лондона, и критика отнеслись чрезвычайно благосклонно къ вышеозначенному труду (Монголіи), и если вы пріѣдете въ Англію, то мнѣ составитъ удовольствіе показать вамъ статьи въ разныхъ литературныхъ журналахъ, относящіяся къ оному» (Письмо писано по русски).

вый томъ моей Монголіи, переведенный на англійскій языкъ, продается въ Питерѣ за 24 рубля. Расходы по изданію въ Лондонѣ всѣ окупились и мнѣ прислали еще изъ Лондона 190 рублей—половину чистой прибыли, до сихъ поръ полученной. Унасъ же втораго тома раскуплено только 40 экземпляровъ".

Извѣстный Дельмаръ-Морганъ съ Сэръ-Дугласомъ Форсейтомъ, бывшимъ начальникомъ англійской экспедиціи въ Кашгаръ, въ началѣ іюня окончили переводъ на англійскій языкъ и послѣдняго путешествія на Лобъ-норъ, причемъ Форсейтъ написалъ и предисловіе къ переводу [1]).

Пребываніе въ деревнѣ значительно возстановило силы Николая Михайловича, но, къ сожалѣнію, лѣто этого года не было изъ числа хорошихъ: постоянные дожди и холода стояли весь май и іюнь мѣсяцы. Не смотря на то, онъ ежедневно купался или обливался холодною водою, ходилъ на охоту и, какъ говорилъ, безусловно ничѣмъ не занимался [2]).

Въ рѣдкіе дни и въ дождливую погоду онъ писалъ возраженіе барону Рихтгофену и по окончаніи этой записки принялся за составленіе проекта будущей экспедиціи въ Тибетъ.

Попытки англичанъ проникнуть въ Тибетъ изъ Индіи не увѣнчивались успѣхами и они принуждены были прибѣгать къ посылкѣ одиночныхъ людей—*пундитовъ* (обученныхъ индусовъ), чтобы получить кое-какія свѣдѣнія объ этой недоступной странѣ. Тибетъ считался страною совершенно обособленною и зависимость его отъ китайскаго правительства выражалась лишь подарками, посылаемыми изъ Хлассы въ Пекинъ.

„Между тѣмъ, писалъ Н. М. Пржевальскій [3]), духовное владычество Далай-ламы, не уступая по силѣ

---

[1]) Письмо Дельмаръ-Моргана на русскомъ языкѣ отъ 8 іюня 1878 г.

[2]) Письма Пржевальскаго І. Л. Фатѣеву отъ 8 августа и В. А. Бѣльцову отъ 1-го августа 1878 г.

[3]) Въ запискѣ, представленной въ главный штабъ и географическое общество отъ 24 и 25 августа 1878 г. См. Приложеніе № 14.

средневѣковой власти папъ, широко раскидывается по всей Внутренней, Восточной и Южной Азіи. На поклоненіе своему духовному владыкѣ, даже болѣе—воплощенному Божеству, ежегодно стекаются въ Хлассу многія тысячи пилигримовъ изъ холодныхъ пустынь Монголіи и изъ жаркихъ странъ Индо-Китая. У далайламскаго престола сталкиваются люди чуждые другъ другу по происхожденію и языку, по нравамъ и образу жизни. Общее для нихъ только одно—религія, но эта пружина, какъ учитъ исторія, достаточно сильна бываетъ для того, чтобы двинуть массы даже на историческій подвигъ. Правда, кроткій буддизмъ едвали способенъ сдѣлать то, что сдѣлало магометанство, но все-таки въ опытныхъ и талантливыхъ рукахъ духовная власть, располагающая 250-ю милліонами послѣдователей, составляетъ силу страшную. Въ сближеніи съ этою силой, Россія можетъ найти для себя немаловажныя выгоды. Обстоятельства намъ вполнѣ благопріятствуютъ: изолированный Тибетъ пока еще не имѣетъ друзей; русское имя въ самой глубинѣ Азіи пользуется симпатіею; наконецъ, вблизи нашей границы и подъ большимъ нашимъ вліяніемъ находится городъ Урга, священный для буддистовъ и въ особенности для монголовъ. Эти послѣдніе душою ненавидятъ китайцевъ и подобное настроеніе трехъ милліоновъ номадовъ, при случаѣ, можетъ также пригодиться въ нашу пользу".

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ Николай Михайловичъ предлагалъ, для лучшаго успѣха дѣла и производства въ Хлассѣ развѣдокъ относительно политическаго строя Тибета, его отношеній къ Китаю и другимъ народамъ, вліянія Далай-ламы за предѣлами своего государства, а наконецъ, возможности завязать и упрочить наши отношенія съ главою буддизма—командировать особое лицо изъ преданныхъ намъ буддистовъ.

Независимо отъ такихъ цѣлей, Тибетъ представлялъ громадный научный интересъ, такъ какъ былъ совершенно неизвѣстенъ въ географическомъ, естественномъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Все это

заставляло Н. М. Пржевальскаго обратить на него особое вниманіе и признать экспедицію необходимою. Но имѣя въ виду, что многочисленный караванъ составляетъ одно изъ важныхъ неудобствъ, полковникъ Пржевальскій полагалъ возможнымъ въ составъ его включить слѣдующихъ лицъ: 1) двухъ помощниковъ, 2) препаратора, 3) двухъ переводчиковъ, 4) двухъ проводниковъ и 5) семь забайкальскихъ казаковъ. Экспедиція, по его разсчету, на два года должна была обойтись въ 27,810 руб., и такъ какъ отъ Лобъ-норской экспедиціи оставалось до 8,000 руб., то новаго отпуска требовалось всего 20,000 руб. Въ эту цифру не были включены: прогоны, содержаніе получаемое на службѣ и прогоны на тройку для перевозки багажа.

„Считаю также долгомъ оговорить, писалъ Николай Михайловичъ, что въ общій разсчетъ включены только обыкновенные подарки, какъ-то: часы, ружья, револьверы, зеркала и т. п. Если же правительство желаетъ послать Далай-ламѣ, его сподручнику Бань-цинь-эрдени, равно какъ и китайскому резиденту въ Хлассѣ, какія либо цѣнныя вещи, то ихъ покупка должна быть произведена изъ особыхъ средствъ.... Считая подобную экспедицію продолженіемъ моего путешествія, прерваннаго болѣзнью, я буду просить въ добавокъ къ оставшимся средствамъ, кромѣ прогоновъ 11,120 руб. [1]), т. е. такую сумму, которая согласно разсчету Лобъ-норской экспедиціи слѣдуетъ для третьяго года путешествія“.

Касаясь вопроса о пути слѣдованія въ Тибетъ, Пржевальскій останавливался на томъ, который проходитъ изъ Зайсана черезъ Гученъ, Хами и Са-чжоу.

Отправивъ свой отвѣтъ барону Рихтгофену, для перевода на англійскій языкъ [2]) и планъ экспедиціи,

---

[1]) Половину этой суммы необходимо получить звонкою монетою.

[2]) Отвѣтъ этотъ былъ отправленъ Дельмаръ-Моргану, который 6-го сентября писалъ Николаю Михайловичу: „Я пишу вамъ въ отвѣтъ эти строки, извѣщая васъ о полученіи письма съ возраженіями на критику барона Рихтгофена. Ваши опроверженія я перевелъ и послалъ въ типо-

Николай Михайловичъ оставался въ деревнѣ, и затѣмъ въ концѣ сентября, черезъ Москву, пріѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ узналъ, что вопросъ о его путешествіи въ Тибетъ въ полномъ ходу, и получилъ приглашеніе прочитать лекцію въ географическомъ обществѣ о своемъ путешествіи на Лобъ-норъ.

Лекція эта состоялась 11-го октября. Н. М. Пржевальскій подробно изложилъ свои отношенія къ Якубъ-беку и нарисовалъ картину домашней жизни обитателей Тарима и Лобъ-нора [1]). Подводя итоги научнымъ результатамъ экспедиціи, Николай Михайловичъ провелъ параллель между свѣдѣніями объ этой части Средней Азіи, существовавшими въ наукѣ до его путешествія, и тѣми, которыя доставлены имъ. При этомъ,

---

графію; надѣюсь въ скоромъ времени послать вамъ корректуры всей моей книги.

„Я рѣшилъ прибавить въ ней нѣкоторыя свѣдѣнія о другихъ озерныхъ бассейнахъ Центральной Азіи (Балкаша, Алакуля и Зайсана); не укажете-ли вы мнѣ популярныхъ описаній этихъ озеръ, такъ какъ они составили бы существенное прибавленіе къ моей книгѣ, и, занявъ большое число страницъ, обратили бы мою работу въ почтенный томъ. Можетъ быть вы имѣете еще другія подробности о Лобъ-норской экспедиціи; такъ, приложеніе вашихъ наблюденій (астрономическихъ, барометрическихъ и гипсометрическихъ) было-бы весьма цѣнно; свѣдѣнія о жителяхъ, торговыхъ путяхъ и памятникахъ древности оказались бы весьма полезными. Если я не ошибаюсь, Рихтгофенъ говоритъ, что хотя многія данныя о жителяхъ Лобъ-нора собраны вами, однако сообщенія ваши, представляя интересный этнологическій этюдъ, прежде всего заключаютъ тѣ же свѣдѣнія, которыя встрѣчаются въ болѣе раннихъ по времени описаніяхъ. На это замѣчаніе вы не возражали, вѣроятно пропустивъ его. Я былъ бы радъ получить по этому поводу дальнѣйшія разъясненія, которыя добавилъ бы къ тѣмъ, которыя уже находятся въ типографіи.

„Я желалъ бы имѣть возможность посѣтить васъ и поговорить съ вами,—часовой разговоръ былъ бы мнѣ полезнѣе, чѣмъ цѣлая куча писемъ.

„Я предпринялъ печатать на свой собственный рискъ и былъ-бы счастливъ удѣлить вамъ часть моего барыша, если бы таковой оказался, но переводные труды обыкновенно не оплачиваются.

„Взяли бы вы меня въ вашу будущую экспедицію, я написалъ бы хорошую книгу, только бы удалось пережить трудности. Ваши разсказы объ охотѣ такъ завлекательны, что у мена текутъ слюнки; я былъ бы счастливъ помочь вамъ положить на мѣстѣ мишку, или настрѣлять охапку бекасовъ (Письмо на англійскомъ языкѣ).

[1]) Стенографическій отчетъ лекціи хранится въ дѣлѣ № 10 архива географическаго общества 1876—78 гг.

онъ счелъ долгомъ опровергнуть мнѣніе предсѣдателя берлинскаго географическаго общества барона Рихтгофена.

Послѣдній говорилъ, что описанный Пржевальскимъ Лобъ-норъ не есть подлинный;—что Таримъ можетъ быть перемѣнилъ свое теченіе сравнительно въ недавнее время; что берега его вездѣ возвышены, потому что здѣсь весною господствуютъ сильныя бури, которыя дѣлаютъ страшные наносы. Подобное явленіе, по словамъ Рихтгофена, дѣлаетъ невозможнымъ то, что мѣстные жители на всякомъ мѣстѣ могутъ сдѣлать себѣ бассейнъ для рыболовства: стоитъ только прокопать буранъ какъ образуется водное пространство, куда загоняется и ловится рыба. Рихтгофенъ говорилъ, что дѣйствительный Лобъ-норъ долженъ быть западнѣе и что онъ можетъ быть и высохъ.

Николай Михайловичъ отрицалъ справедливость этихъ словъ и говорилъ, что, проходя по этой мѣстности, онъ не могъ просмотрѣть озера и не видѣлъ никакого ни рукава, ни ручейка.

„Другой вопросъ, говорилъ лекторъ, что Лобъ-норъ прѣсенъ, объясняется тѣмъ, что Лобъ-норъ собственно не есть озеро, а скопленіе рѣчной воды. Мы провели здѣсь около двухъ мѣсяцевъ; отсюда я ѣздилъ по Тариму на 53 версты внизъ отъ деревни Абдалы. На всемъ этомъ пространствѣ Таримъ еще сохраняетъ характеръ рѣки, но затѣмъ начинаетъ быстро уменьшаться въ своихъ размѣрахъ и чрезъ 53 версты отъ деревни Абдалы совершенно исчезаетъ. Здѣсь начинаются ручейки и озера, покрытыя тростникомъ, черезъ который невозможно пробраться даже въ маленькой лодкѣ, но тѣмъ не менѣе вездѣ замѣтно теченіе, которое устремляется къ востоку. Такимъ образомъ Лобъ-норъ есть ничто иное, какъ разливъ водъ Тарима. Поэтому у солончаковъ вода соленая, а здѣсь соленаго вкуса быть не можетъ. Говорятъ, кромѣ того, что у меня Лобъ-норъ гораздо южнѣе, чѣмъ на старыхъ картахъ. Да, это потому, что мѣстные жители безпрестан-

но отводятъ воду въ канавы для рыболовства. Это дѣйствительно очень выгодно: копаютъ канаву, отводятъ воду, загоняютъ и вылавливаютъ рыбу, затѣмъ засыпаютъ канаву и черезъ нѣсколько времени здѣсь начинаетъ расти тростникъ, который представляетъ хорошій кормъ для барановъ. Что касается до самаго названія Лобъ-нора, то мѣстные жители дѣйствительно, по отношенію къ озеру, его не употребляютъ, а называютъ Лобъ-норомъ административный участокъ, заключающій въ себѣ все нижнее теченіе Тарима“ [1]).

Открытіе горъ Алтынъ-тага, говорилъ Н. М. Пржевальскій, совершенно измѣняетъ понятіе о географической картѣ этой мѣстности. „На всѣхъ картахъ горы эти показываются подъ 36° сѣв. шир., между тѣмъ какъ онѣ находятся на 3° къ югу. Хребетъ этотъ достигаетъ огромной высоты. Нѣкоторыя долины подымаются на 11,000 футовъ. Два нашихъ проводника говорили, что за Алтынъ-тагомъ находится еще высокая равнина, шириною верстъ въ 50, затѣмъ идетъ еще поперечный хребетъ, затѣмъ еще равнина, а дальше огромный вѣчно снѣговой хребетъ—Чаменъ-тагъ. Всѣ три хребта къ западу соединяются, по ихъ словамъ, въ одинъ хребетъ Тугузъ-дабанъ.

„Открытіе этихъ горъ проливаетъ свѣтъ на многія историческія событія, потому что дорога изъ Хотана въ Китай съ глубокой древности шла на Лобъ-норъ, потомъ этотъ путь былъ забытъ и вмѣсто него избрали другое направленіе. Теперь весьма легко объяснить, почему именно здѣсь былъ такой путь. Это потому, что подъ горами скорѣе можно было найти кормъ для скота и ключи воды“.

Сдѣлавъ краткій очеркъ остальной части своего путешествія, Пржевальскій закончилъ свою лекцію, покрытую продолжительными рукоплесканіями, заявленіемъ, что совершенно поправившись здоровьемъ,

---

[1]) Возраженія Н. М. Пржевальскаго, съ которыми впослѣдствіи согласился баронъ Рихтгофенъ, напечатаны въ XV томѣ Извѣстій Импер. Русскаго географическ. общества, выпускъ I, стр. 1—6.

онъ готовъ идти въ новый путь, въ Тибетъ, по тому направленію, о которомъ мы уже сказали выше.

Окончательное утвержденіе экспедиціи зависѣло отъ возвращенія Государя изъ Крыма, но въ принципѣ она была уже предразрѣшена. Предсѣдатель географическаго общества, Великій Князь Константинъ Николаевичъ, отнесся къ этому дѣлу съ большимъ сочувствіемъ и просилъ министра финансовъ, генералъ-адъютанта Грейга, испросить Высочайшее разрѣшеніе на отпускъ необходимыхъ суммъ.

„Нельзя не признать, писалъ при этомъ Великій Князь [1]), что однимъ изъ главныхъ дѣятелей нашего времени на поприщѣ изученія Центральной Азіи является полковникъ Пржевальскій. Его научныя заслуги высоко оцѣнены всѣми русскими учеными учрежденіями, увѣнчаны рядомъ самыхъ почетныхъ наградъ на Западѣ, и, безъ сомнѣнія, заслуживаютъ всякаго поощренія и поддержки со стороны правительства“.

Получивъ этотъ рескриптъ, генералъ-адъютантъ Грейгъ словесно заявилъ П. П. Семенову, что онъ вполнѣ сочувствуетъ предпріятію и надѣется исполнить ходатайство Его Высочества.

Собираясь въ новое путешествіе и сознавая, что собранная имъ на Лобъ-норѣ и въ Западной Чжунгаріи зоологическая коллекція, даже и въ хорошихъ частныхъ рукахъ, можетъ подвергнуться порчѣ, Пржевальскій рѣшилъ принести ее въ даръ музею Императорской Академіи наукъ, съ тѣмъ, чтобы описаніе ея было поручено кому либо изъ нашихъ зоологовъ [2]). Принявъ подарокъ съ особою благодарностью, Академія выразила Пржевальскому свою признательность избраніемъ его въ почетные члены Академіи, за неоцѣнимыя услуги, оказанныя столь значительнымъ

---

[1]) Въ рескриптѣ С. А. Грейгу отъ 13 ноября 1878 г Арх. географическаго общества, дѣло 1878 г., № 21.

[2]) Письмо Н. М. Пржевальскаго конференціи Академіи наукъ 6-го ноября 1878 г. См. приложеніе № 15.

обогащеніемъ науки. Императорскій ботаническій садъ также избралъ его своимъ почетнымъ членомъ.

Такимъ образомъ „фонды“ Н. М. Пржевальскаго съ каждымъ днемъ росли и, оставаясь въ Петербургѣ, онъ, по собственнымъ словамъ, былъ замученъ приглашеніями на вечера, обѣды и даже просьбами прочитать лекціи о путешествіи. Не говоря о Петербургѣ, просьбы о лекціяхъ поступали изъ Кронштадта, Варшавы и даже Кіева. Какъ ни старался онъ отдѣлаться отъ подобныхъ предложеній, но все-таки вынужденъ былъ прочитать лекцію въ Соляномъ городкѣ, 15 декабря, въ 8 часовъ вечера.

Среди самой разнообразной жизни столицы, Николай Михайловичъ старался пріискать себѣ втораго спутника, что было дѣломъ не легкимъ. Правда, охотниковъ было много; къ нему приходили военные и статскіе, но всѣ они, по его мнѣнію, не годились [1]). Спутникъ долженъ быть истиннымъ помощникомъ, близкимъ другомъ, и если человѣкъ не соединяетъ въ себѣ такихъ качествъ, то, конечно, не годится для экспедиціи. „Каждый лишній человѣкъ, говоритъ Пржевальскій [2]), становится обузою, въ особенности, если онъ не удовлетворяетъ вполнѣ требованіямъ экспедиціи. Въ длинномъ ряду этихъ требованій, далеко не на послѣднемъ мѣстѣ стоятъ нравственныя или, вѣрнѣе, сердечныя качества. Сварливый, злой человѣкъ будетъ неминуемо великимъ несчастіемъ въ экспедиціонномъ отрядѣ, гдѣ должны царить дружба и братство, рядомъ съ безусловнымъ подчиненіемъ руководителю дѣла“.

Долго Пржевальскій былъ въ нерѣшимости, кого взять и, наконецъ, остановился на товарищѣ Эклона по гимназіи, прапорщикѣ Новочеркасскаго полка В. И. Роборовскомъ. При первомъ же знакомствѣ, послѣ нѣсколькихъ словъ, Николай Михайловичъ нашелъ въ немъ человѣка вполнѣ подходящаго. „Человѣкъ

---

[1]) Письмо Пржевальскаго І. Л. Фатѣеву 3 декабря 1878 г.

[2]) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 3.

весьма толковый, писалъ онъ [1]), порядочно рисуетъ и знаетъ съемку, характера хорошаго, здоровья отличнаго". Пржевальскій тотчасъ же донесъ о своемъ избраніи главному штабу и 14 декабря послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе на командированіе полковника Пржевальскаго, прапорщиковъ Эклона и Роборовскаго, четырехъ казаковъ и трехъ солдатъ, въ Тибетъ на два года [2]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, военное министерство испросило: 1) сохранить всѣмъ тремъ офицерамъ получаемаго содержанія, съ выдачею его за два года впередъ, звонкою монетою; 2) выдачу двойныхъ прогонныхъ денегъ отъ Петербурга до Зайсанскаго поста и обратно по окончаніи путешествія; 3) отпускъ одиночныхъ прогоновъ на двѣ тройки, для перевозки нижнихъ чиновъ и необходимыхъ вещей экспедиціи; 4) всѣмъ казакамъ и нижнимъ чинамъ сохранить содержаніе; 5) отпустить изъ Пулковской обсерваторіи два хронометра, а изъ артиллерійскаго вѣдомства три винтовки Бердана (одну пѣхотную и двѣ казачьихъ), три револьвера Смита и Вессона, три ящика патроновъ Бердана и 1,200 патроновъ для револьверовъ. Для стрѣльбы же

---

[1]) Въ письмѣ І. Л. Фатѣеву отъ 4 декабря 1878 г.

[2]) Во всеподданнѣйшемъ докладѣ главнаго штаба отъ 13 декабря 1878 г. за № 293, между прочимъ, говорилось: „Командированный въ 1876 г. для научныхъ изслѣдованій во внутреннюю Азію съ Высочайшаго В. И. В. соизволенія, генеральнаго штаба полковникъ Пржевальскій проникъ изъ Кульджи, черезъ восточный Тянь-шань, на озеро Лобъ-норъ и изслѣдовалъ мѣстности, въ большей части которыхъ еще не ступала европейская нога. Рядомъ съ географическими изысканіями, совершенно измѣнившими карты, существовавшія для этихъ мѣстностей, произведены изслѣдованія этнографическія и естественно-историческія и собраны большія коллекціи по ботаникѣ и зоологіи. Заслуги, оказанныя полковникомъ Пржевальскимъ наукѣ землевѣдѣнія, какъ въ прежнія его путешествія по Азіи, такъ и въ настоящее, признаны не только у насъ, но и за-границею, гдѣ нашему путешественнику, въ началѣ нынѣшняго года, была присуждена высокая награда—Гумбольдтова медаль, впервые учрежденная Берлинскимъ географическимъ обществомъ, въ день своего пятидесятилѣтняго юбилея. Парижское и наше географическія общества также увѣнчали полковника Пржевальскаго своими высшими наградами, а Императорская Академія наукъ недавно избрала его своимъ почетнымъ членомъ".

птицъ и звѣрей, собираемыхъ въ коллекцію, отпустить пудъ винтовочнаго пороха.

Сообщая объ этомъ полковнику Пржевальскому, главный штабъ просилъ его доносить по временамъ о ходѣ экспедиціи, „дабы военное министерство, столь живо интересующееся результатами возложеннаго на васъ важнаго предпріятія, могло, хотя изрѣдка, слѣдить за успѣхомъ вашихъ занятій, въ неизслѣдованныхъ странахъ азіятскаго материка“ [1]).

Одновременно съ этимъ, и именно 20 декабря, министръ финансовъ увѣдомилъ Его Высочество предсѣдателя географическаго общества, что Высочайше разрѣшено отпустить на экспедицію изъ государственнаго казначейства 20 т. руб., съ тѣмъ, чтобы 10 т. руб. были выданы кредитными билетами, а 10 т. полуимперіалами, по ихъ номинальной цѣнѣ.

Отправляясь въ Тибетъ, Николай Михайловичъ сознавалъ всю трудность предпринимаемой экспедиціи. Тибетъ—это страна, ревниво оберегаемая китайцами отъ всякаго вторженія иностранцевъ, а въ особенности европейцевъ, и китайское правительство не охотно допускаетъ въ него путешественниковъ. Въ предъидущей главѣ мы сказали о препятствіяхъ, сдѣланныхъ китайскими министрами при первомъ извѣстіи о приближеніи Пржевальскаго къ Тибету, теперь же въ рукахъ его были новыя свѣдѣнія, свидѣтельствовавшія, что и въ предстоявшемъ путешествіи будетъ не лучше.

Нелюбезный пріемъ, сдѣланный русской экспедиціи въ Гученѣ, побудилъ Пржевальскаго сообщить о томъ нашему посланнику въ Пекинѣ и выразить желаніе, чтобы на будущее время китайскія власти хотя бы отводили квартиры въ городахъ и снабжали проводниками. Остававшійся, за отсутствіемъ посланника, старшимъ чиновникомъ русской миссіи А. Коляндеръ передалъ просьбу Пржевальскаго по принадлежности.

---

[1]) Предписаніе помощника начальника глав. шт. полковнику Пржевальскому отъ 19 декабря 1878 г., № 408.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, получивъ отъ министерства иностранныхъ дѣлъ увѣдомленіе о новомъ путешествіи Пржевальскаго, онъ счелъ необходимымъ просить пекинскихъ министровъ, чтобы они предупредили о томъ какъ резидента въ Хлассѣ, такъ и прочія власти въ мѣстностяхъ, черезъ которыя должна проходить наша экспедиція.

На это министры отвѣтили, что въ дополненіе къ прежнимъ инструкціямъ, они отправили теперь резиденту копію съ письма А. Кояндера, но просятъ его предупредить полковника Пржевальскаго, что ему слѣдуетъ подвигаться впередъ не иначе, какъ хорошо взвѣсивъ обстоятельства, въ которыхъ онъ будетъ находиться.

— Населеніе Тибета, говорили министры, издавна и постоянно не желаетъ видѣть въ своей странѣ чужеземцовъ и держится этой мысли твердо, не поддаваясь никакимъ убѣжденіямъ.

Министры выражали надежду, что нашъ путешественникъ не станетъ, не взирая ни на что, безразсудно стремиться впередъ. Совѣтники Богдохана говорили, что китайское правительство не можетъ ручаться за безопасность путешественника въ такихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ его властей. Они просили, чтобы Николай Михайловичъ не отправлялся въ дальнѣйшій путь, если, по прибытіи въ Хами, узнаетъ, что оттуда нѣтъ пути въ Тибетъ, или же что путь, ведущій туда, идетъ по мѣстамъ безлюднымъ, гдѣ нѣтъ китайскихъ чиновниковъ. Министры говорили, что въ такихъ мѣстностяхъ нѣтъ возможности снабжать экспедицію проводниками.

Выслушавъ такое заявленіе, нашъ повѣренный въ дѣлахъ замѣтилъ министрамъ, что осторожность Пржевальскаго имъ должна быть хорошо извѣстна изъ прежнихъ его путешествій; что ихъ резидентъ въ Хлассѣ пользуется достаточнымъ вліяніемъ для того, чтобы убѣдить жителей Тибета въ неправильности ихъ враждебнаго отношенія къ иностранцамъ, если таковое су-

ществуетъ на самомъ дѣлѣ, чего впрочемъ, по разсказамъ прежде тамъ бывшихъ путешественниковъ, не видно.

— Резиденту тѣмъ легче будетъ это сдѣлать, прибавилъ г. Кояндеръ, что Пржевальскій будетъ въ Тибетѣ, вѣроятно, одновременно съ венгерскимъ путешественникомъ графомъ Зечени, котораго китайское правительство безъ всякаго затрудненія снабдило охраннымъ билетомъ и рекомендательными письмами на проѣздъ въ Хлассу.

„По доходящимъ до меня частнымъ путемъ свѣдѣніямъ, доносилъ г. Кояндеръ [1]), китайскіе миссіонеры съ границы Тибета писали, что будто-бы китайскія власти, въ этой странѣ, наиболѣе противятся появленію въ оной именно русскихъ путешественниковъ. Подтвержденіемъ вѣрности этого извѣстія могутъ отчасти служить тѣ затрудненія, которыя Цзунь-ли-ямынь ставилъ къ выдачѣ Пржевальскому открытаго листа, и тѣ запугиванія и предостереженія отъ опасностей, которыя приводятся министрами всякій разъ, какъ заходитъ рѣчь объ экспедиціи; между тѣмъ какъ графу Зечени охранный листъ былъ выданъ безъ всякихъ затрудненій и по первой его о томъ просьбѣ. Но разъ, что китайцамъ не удалось остановить полковника Пржевальскаго, можно надѣяться, что когда путешественникъ нашъ достигнетъ Тибета, тамошнія китайскія власти примутъ надлежащія мѣры къ обезпеченію его безопасности. Это, по крайней мѣрѣ, можно заключить изъ напечатаннаго еще въ іюнѣ 1877 г. въ Пекинской газетѣ доклада резидента въ Хлассѣ, въ которомъ онъ проситъ оставить на своихъ мѣстахъ двухъ чиновниковъ, срокъ возвращенія которыхъ въ Китай долженъ былъ вскорѣ наступить. Просьбу свою резидентъ мотивируетъ полученнымъ отъ Цзунь-ли-ямыня извѣщеніемъ о скоромъ прибытіи въ Тибетъ иностранцевъ, во время пребыванія которыхъ китайскими чиновниками въ этой странѣ должны быть люди опыт-

[1]) Въ письмѣ министру иностранныхъ дѣлъ отъ 14 мая 1879 г., № 15.

ные, способные своимъ вліяніемъ удержать отъ безпорядковъ народъ, будто-бы враждебно настроенный противъ чужеземцовъ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ этомъ докладѣ рѣчь идетъ именно объ экспедиціи г. Пржевальскаго, о которой передъ тѣмъ шла переписка между Императорской миссіей и Цзунь-ли-ямынемъ.

„Въ той же газетѣ недавно были помѣщены четыре доклада резидента въ Хлассѣ, относящіеся до вступленія новаго Далай-Ламы въ отправленіе своихъ духовныхъ обязанностей. По отрывочнымъ свѣдѣніямъ, которыя можно было собрать здѣсь, прежній Далай-Лама умеръ еще въ апрѣлѣ 1875 г. Преемникъ ему, составляющій тринадцатое продолженіе Далай-Ламы, найденъ былъ въ августѣ 1876 г. и привезенъ недавно въ Хлассу, причемъ для встрѣчи его, резидентомъ, по его словамъ, командированы были два чиновника девятой, т. е. самой низшей, степени. Такъ какъ по достиженіи каждымъ Далай-Ламой четырехъ-лѣтняго возраста, онъ вступаетъ въ отправленіе своихъ духовныхъ обязанностей (свѣтскую власть онъ принимаетъ 18-ти лѣтъ), то резидентъ проситъ богдоханскаго разрѣшенія на то, чтобы, въ выбранный тибетцами день 19-го будущаго іюля, ребенокъ этотъ былъ внесенъ во храмъ, находящійся на горѣ Бу-дала (Patala) и служащій обыкновенно дворцомъ для воплощеннаго Будды. Кромѣ того, резидентъ проситъ позволеніе вручить новому Далай-Ламѣ печать для веденія духовныхъ дѣлъ и сдѣлать для него желтыя носилки“.

Понятно, что китайское правительство не желало допустить въ Тибетъ европейцевъ въ самый разгаръ перемѣны духовнаго и свѣтскаго владыки Тибета. Давая охранный листъ графу Зечени, пекинскіе министры были увѣрены, что онъ, будучи одинъ, ни въ какомъ случаѣ не проберется въ Хлассу, но Пржевальскій, имѣвшій съ собою прекрасно вооруженный конвой, могъ сдѣлать это силою. Поэтому со стороны китайскихъ властей и предприняты были всѣ мѣры къ тому, чтобы отклонить попытку русскаго путе-

шественника, а если не удастся этого сдѣлать, то поставить ему разныя тайныя преграды.

Такъ, когда нашъ повѣренный въ дѣлахъ коснулся вопроса объ отводѣ квартиръ въ городахъ, то министры замѣтили, что по существующимъ договорамъ на китайскихъ властяхъ не лежитъ такой обязанности, но обѣщали написать еще разъ своимъ чиновникамъ о русскихъ путешественникахъ.

При свиданіи съ китайскими министрами, А. Кояндеръ замѣтилъ имъ, что, упоминая объ отводѣ квартиръ, онъ не думалъ требовать отъ нихъ обязательства по трактату, но просилъ это сдѣлать на основаніи простаго гостепріимства для путешествующихъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ ни гостинницъ, ни частныхъ домовъ, которые можно бы было нанять. На этотъ разъ китайцы старались отдѣлаться тѣмъ, что просили еще разъ написать Пржевальскому о необходимости соблюдать величайшую осторожность во время путешествія [1]).

„Я надѣюсь, прибавлялъ А. Кояндеръ въ другомъ частномъ письмѣ [2]), что здѣшніе китайцы написали представителямъ своей власти въ краяхъ, черезъ которые вы будете проходить, быть съ вами любезнѣе и внимательнѣе, чѣмъ въ Гученѣ. Таково, по крайней мѣрѣ, впечатлѣніе, оставленное на меня послѣднимъ моимъ разговоромъ съ ними по этому предмету. Но, многоуважаемый Николай Михайловичъ, не могу не попросить васъ быть во время вашего путешествія на сколько возможно осторожнымъ. Въ настоящее время на китайцевъ можно еще менѣе полагаться, чѣмъ обыкновенно, вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, которыя было бы неудобно приводить въ этомъ письмѣ. Считаю однако необходимымъ предупредить васъ объ этомъ, чтобы вы могли быть всегда на-сторожѣ“.

---

[1]) Письмо А. Кояндера Н. М. Пржевальскому отъ 26 апрѣля 1878 г., № 40-й.

[2]) Отъ 26-го апрѣля 1878 г.

Полагаясь вполнѣ на свое счастіе, Николай Михайловичъ, 20 января 1879 года, выѣхалъ изъ Петербурга съ своими спутниками: Эклономъ, Роборовскимъ, унтеръ-офицеромъ Егоровымъ и ефрейторомъ Румянцевымъ. Выѣзжая изъ Москвы и оставляя деньги на храненіе брату Владиміру Михайловичу, Пржевальскій просилъ его выдавать изъ нихъ ежегодно: 350 руб. Ипполиту и 250 руб. Николаю Ивановичу Толпыго, 25 руб. нянѣ и 12 руб. мамкѣ. Въ Москвѣ онъ пробылъ лишь нѣсколько дней и въ концѣ января былъ уже въ Оренбургѣ, а 31-го числа онъ и его спутники направились далѣе въ двухъ троечныхъ повозкахъ. Черезъ девять дней они пріѣхали въ Омскъ и черезъ Семипалатинскъ, 27 февраля, прибыли въ постъ Зайсанскій (нынѣ городъ Зайсанскъ, Семипалатинской области [1]).

„Особыхъ приключеній дорогой не было, писалъ Николай Михайловичъ [2]), только донимали насъ сильные морозы. Въ Оренбургѣ, Омскѣ и Семипалатинскѣ останавливались по нѣсколько дней“.

„Въ Зайсанѣ я засталъ Коломейцова [3]), которому Сѣверцовъ до сихъ поръ не выслалъ ни копѣйки денегъ. Бѣдный Коломейцовъ былъ кругомъ въ долгу. Я взялъ его съ собою въ экспедицію и въ обезпеченіе уплаты долговъ, мною пополненныхъ изъ казенныхъ денегъ (всего 400 рублей), я оставилъ на попеченіе зайсанскаго пристава, собранную Коломейцовымъ въ прошломъ году коллекцію—всего 151 видъ птицъ и звѣрьковъ, въ количествѣ 625 экземпляровъ. Все это собрано въ окрестностяхъ Зайсана и на горахъ Сауръ.

„Въ экспедиціи Коломейцовъ будетъ весьма полезенъ: человѣкъ онъ работящій и хорошій препараторъ. Жалованье Коломейцовъ будетъ получать 600 руб. въ годъ, на готовомъ содержаніи.

---

[1]) Письма Пржевальскаго брату Владиміру 30 января и М. А. Пыльцову 12 февраля 1878 г.

[2]) Академику А. А. Штрауху 17 марта изъ Зайсана.

[3]) Отставной унтеръ-офицеръ Преображенскаго полка, ѣздившій съ Сѣверцовымъ по Туркестану и съ Потанинымъ по сѣверо-западной Монголіи.

„Глубокій снѣгъ, выпавшій въ нынѣшнемъ году, въ Зайсанской степи не растаялъ еще до сихъ поръ и это обстоятельство затормозило наше выступленіе въ путь. Впрочемъ, теперь снѣгу немного, такъ что, дня черезъ три или четыре, мы, вѣроятно, уйдемъ изъ Зайсана.

„Теперь птицы дѣлаются двумя препараторами, Эклономъ и Коломейцовымъ. Въ Зайсанѣ сдѣлали около 35 штукъ—все мелочь. Хорошихъ экземпляровъ достать здѣсь негдѣ по близости, а ѣхать вдаль мѣшаетъ глубокій снѣгъ“.

Весь персоналъ экспедиціи состоялъ изъ 12 человѣкъ русскихъ, переводчика таранчи изъ Кульджи и киргиза проводника [1]).

Употребляя всѣ средства къ тому, чтобы по возможности уменьшить багажъ и взять съ собою только самое необходимое количество съѣстныхъ припасовъ, Николай Михайловичъ все-таки принужденъ былъ тащить за собою до 200 пудовъ. Въ этомъ числѣ были: $2^1/_2$ пуда патроновъ, 3 пуда пороха, 12 пудовъ дроби, два хронометра, небольшой универсальный инструментъ, барометръ Паррота, три бусоли Шмалькальдера, нѣсколько компасовъ, шесть термометровъ Цельзія, и другія необходимыя вещи. Для препарированія звѣрей и птицъ имѣлись запасы инструментовъ, мышьяковое масло, квасцы, гипсъ, нѣсколько пудовъ пакли и ваты; для гербарія было запасено полторы тысячи листовъ пропускной бумаги. Продовольствіе состояло изъ трехъ

[1]) Ближайшими помощниками Н. М. Пржевальскаго были прапорщики: Федоръ Леонтьевичъ Эклонъ и Всеволодъ Ивановичъ Роборовскій. Первому поручено было препарировать млекопитающихъ и птицъ и завѣдывать зоологическою коллекціею; второй долженъ былъ рисовать и собирать гербарій. Въ числѣ нижнихъ чиновъ были трое солдатъ: Никифоръ Егоровъ, Михаилъ Румянцовъ и Михей Урусовъ; пять забайкальскихъ казаковъ: Дондокъ Иринчиновъ, бывшій съ Пржевальскимъ въ трехъ путешествіяхъ; Пантелей Телешовъ, Петръ Калмынинъ, Джамбалъ Гармаевъ и Семенъ Анносовъ; вольнонаемный препараторъ Андрей Коломейцовъ и переводчикъ для тюркскаго и китайскаго языковъ, уроженецъ города Кульджи, Абдуль-Басидъ-Юсуповъ, уже бывшій съ Николаемъ Михайловичемъ на Лобъ-норѣ.

главныхъ предметовъ: барановъ, которыхъ гнали живьемъ, кирпичнаго чая и дзамбы, т. е. поджаренной ячменной или пшеничной муки. Затѣмъ было взято изъ Зайсана семь пудовъ сахару, около пуда сухихъ пресованныхъ овощей, по ящику коньяку и хересу и два ведра спирту для коллекціи.

Кухонныя и столовыя принадлежности были ограничены до послѣдней степени, и потому рѣшено было продовольствоваться всѣмъ вмѣстѣ, изъ одной общей чашки, одною и тою же пищею. Обѣдъ состоялъ всегда изъ бараньяго супа, жареной или вареной дичины, а рыба попадалась рѣдко, какъ исключеніе.

Походнымъ жилищемъ были двѣ парусинныя монгольскаго типа палатки, а зимою войлочная юрта; постелью служили войлоки, а въ изголовья клались кожаныя подушки; впрочемъ, казаки подушекъ не имѣли, а клали подъ голову снятое на ночь верхнее платье.

Сверхъ принадлежностей, необходимыхъ для домашняго обихода, экспедиція принуждена была везти за собою десять пудовъ китайскаго серебра и подарки, купленные въ Петербургѣ на 1,400 руб. Они состояли изъ разныхъ бездѣлушекъ, игральныхъ машинокъ, оружія, часовъ, зеркалъ, ножницъ, иголокъ, магнія и проч. и проч. Китайцамъ болѣе всего понравилась электрическая батарея, и въ особенности раскрашенныя картинки актрисъ производили чарующее впечатлѣніе на жителей Монголіи и Тибета.

Для поднятія всего этого груза, Пржевальскій купилъ 35 прекрасныхъ верблюдовъ. Изъ нихъ 23 назначались подъ вьюки, 8 подъ верхъ казакамъ, остальные 4 были запасные. Сверхъ того, при экспедиціи состояло 5 верховыхъ лошадей: для трехъ офицеровъ, препаратора и переводчика.

Во время путешествія, форменнаго платья не носили; лѣтомъ ходили въ парусинныхъ блузахъ, а зимою въ полушубкахъ. На случай представленія китайскимъ властямъ, везлись мундиры для офицеровъ, а

нижнимъ чинамъ были сшиты изъ плиса русскіе костюмы. Каждый изъ членовъ экспедиціи имѣлъ винтовку за плечами и два револьвера у сѣдла; за поясомъ штыкъ къ винтовкѣ и два небольшихъ патронташа, съ 20 патронами въ каждомъ.

„Умѣнье хорошо стрѣлять, говоритъ Н. М. Пржевальскій [1]), стояло вопросомъ первостепенной важности—это была гарантія нашей безопасности, въ глубинѣ азіятскихъ пустынь, наилучшій изъ всѣхъ китайскихъ паспортовъ. Не будь мы отлично вооружены, мы никогда не проникли бы ни во внутрь Тибета, ни на верховья Желтой рѣки. Мы не могли бы идти на проломъ, не спрашивая позволенія или, лучше сказать, не слушая китайскихъ стращаній и запрещеній. И если бы наша маленькая кучка не уподоблялась ощетинившемуся ежу, который можетъ наколоть лапы и большому звѣрю, то китайцы нашли бы тысячи случаевъ затормазить намъ путь, или, быть можетъ, даже истребить насъ подкупленными разбойниками. Изъ опыта многолѣтнихъ путешествій въ Центральной Азіи мною вынесено то практическое убѣжденіе, что путешественнику въ этихъ дикихъ странахъ, среди здѣшняго дикаго населенія, равно необходимо для успѣха дѣла: деньги въ карманѣ и оружіе въ рукахъ, съ умѣлымъ приложеніемъ къ тому и другому повелительнаго обращенія съ туземцами“.

Высоко цѣня боевую способность своей команды, Николай Михайловичъ занималъ ее ежедневно практическою стрѣльбою изъ берданокъ и револьверовъ. Передъ самымъ выступленіемъ въ экспедицію, онъ произвелъ смотръ боевой стрѣльбы и менѣе, чѣмъ въ двѣ минуты, было выпущено 72 пули изъ берданокъ и 130—изъ револьверовъ.

---

[1]) См. «Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ», стр. 8.

X.

Третье путешествіе Пржевальскаго въ Центральную Азію.—Выступленіе каравана.—Прибытіе въ г Баркуль.—Бивачная жизнь путешественниковъ.—Хамійскія оазисъ.—Пребываніе въ г. Хами —Свиданіе съ губернаторомъ.—Оазисъ Са-чжеу.—Дурной пріемъ путешественниковъ.—У подошвы хребта Бурханъ-Будда.—Стоянка у Сыртына.—Происшествіе съ унтеръ-офицеромъ Егоровымъ.—Стойбище Курлыкскаго князя.—Свиданіе съ нимъ.—Хырма Дзунъ-засакъ.

1879.

Съ разсвѣтомъ 21-го марта 1879 г. караванъ былъ готовъ къ выступленію. Длинною вереницею вытянулись навьюченные верблюды, привязанные другъ къ другу и раздѣленные на три эшелона. Впереди всѣхъ ѣхали верхомъ Пржевальскій, Эклонъ, проводникъ и иногда казакъ. Позади ихъ тянулись верблюды, причемъ каждый эшелонъ сопровождался двумя казаками: одинъ сидя на верблюдѣ велъ передоваго вьючнаго, другой погонялъ самаго задняго. Позади послѣдняго эшелона ѣхалъ прапорщикъ Роборовскій, переводчикъ, препараторъ Коломейцовъ и остальные казаки. Здѣсь же, подъ присмотромъ одного изъ казаковъ, слѣдовало стадо барановъ, предназначенныхъ для продовольствія.

Выйдя изъ города и вытянувшись по дорогѣ, караванъ остановился. Николай Михайловичъ объѣхалъ его и приказалъ двигаться: путешествіе началось....

Путь избранъ былъ мимо озера Улюнгура, черезъ городъ Булунъ-тохой и вверхъ по р. Урунгу, а отсюда прямо на г.г. Баркуль и Хами. Первый переходъ былъ въ 25 верстъ, до небольшаго и бѣднаго казачьяго селенія Кендерлыкъ, за которымъ невдалекѣ проходитъ наша граница съ Китаемъ.

Снѣгъ лежалъ фута на $1^1/_2$ и едва можно было

отыскать площадку для стоянки. „Птичекъ нѣтъ вовсе, записалъ Н. М. въ своемъ дневникѣ. Ради этого завтра пойдемъ далѣе“.

На слѣдующее утро караванъ выступилъ, и спустя нѣсколько дней пришелъ на Урунгу, гдѣ разбилъ бивуакъ въ прекрасной рощѣ, на самомъ берегу рѣки. Обиліе рыбы было такъ велико, что сѣтью въ пять саженъ длины вытаскивали за одну тоню 5—6 пудовъ головлей, что давало возможность имѣть ежедневно отличную уху, а иногда и жаркое.

„Впрочемъ, прибавляетъ Н. М. Пржевальскій [1]), подобная постная пища мало пригодна для волчьяго апетита, какимъ всѣ мы обладали во время путешествія. Баранина, обыкновенно вареная, составляетъ здѣсь незамѣнимую пищу, которая при томъ имѣетъ то великое достоинство, что никогда не надоѣдаетъ, подобно, напримѣръ, разной дичинѣ или мясу рогатаго скота“.

Рядомъ съ рыбною ловлею производилась и охота, но она давала весьма мало по бѣдности орнитологической фауны.

24-го апрѣля экспедиція достигла до р. Булгуна, сдѣлавъ отъ Зайсана 616 верстъ. На всемъ этомъ пути жителей почти не было; мѣстность—безплодная пустыня. Не смотря на то что былъ апрѣль, путешественники терпѣли то отъ жары, то отъ холода. Случалось, что утромъ бывало 8° мороза, а въ полдень 20° тепла; при этомъ бывали частыя бури и всегда съ запада [2]). Въ этомъ отношеніи было особенно характеристично 8-е апрѣля. Въ теченіе сутокъ путешественники испытали всѣ четыре времени года: утромъ была прохладная, чисто весенняя, погода ($+11{,}2^\circ$), въ полдень лѣтняя жара ($+22{,}5^\circ$), къ вечеру осенній холодный дождь ($+7{,}8^\circ$) и, наконецъ, ночью снѣгъ ($-1{,}6^\circ$). Мѣстность здѣсь поднималась до 3,500 футовъ абсолютной высоты изобиловала кабанами.

---

[1]) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 19.

[2]) Изъ письма Н. М. брату Владиміру 1-го мая 1879 г.

„Путешествіе наше, писалъ Николай Михайловичъ брату Владиміру [1]), идетъ весьма благополучно и всѣ мы здоровы. Даже зудъ, которымъ я страдалъ, почти совсѣмъ прошелъ, чему я очень и очень радъ. Былобы здоровье, да счастье, тогда дѣло будетъ сдѣлано. Всѣхъ насъ теперь 14 человѣкъ, въ томъ числѣ одинъ переводчикъ таранча и одинъ проводникъ. Нужды пока еще не терпимъ никакой — изъ Зайсана взяли много запасовъ. Иногда въ торжественные дни, послѣ хорошей охоты, на Святой и т. п., услаждаемся варенъемъ изъ Отраднаго и наливкою изъ Смоленска. За караваномъ гонимъ небольшое (15 штукъ) стадо барановъ и въ три дня съѣдаемъ двухъ. Теперь же ѣдимъ кабанятину. Именно вчера я убилъ огромнаго кабана (длиною семь четвертей и 6 четвертей вышиною: въ немъ 10 пудовъ); третьяго дня одинъ казакъ убилъ также довольно большую свинью. Вообще возлѣ того мѣста, гдѣ мы теперь стоимъ, очень много кабановъ. Держатся въ лозѣ на берегу рѣки. Другихъ звѣрей видѣли пока еще мало; птицъ пролетныхъ (утокъ и гусей) было также не особенно много.

„Теперь я ничего не знаю, что дѣлается въ Европѣ и вѣроятно не буду знать до возвращенія изъ путешествія. Ко мнѣ можно теперь писать только черезъ Ургу (на имя Шишмарева), да и то письмо получится въ Хлассѣ не ближе какъ черезъ годъ. Прошу тебя, каждый годъ, 1-го января, посылай изъ моихъ денегъ тетушкѣ 50 рублей. Тетка у насъ теперь одна осталась изъ близкой родни. Нужно помогать бѣдной старухѣ хотя понемногу“.

Отправивъ это письмо съ проводникомъ, возвращавшимся обратно въ Зайсанъ, Николай Михайловичъ прошелъ верстъ сорокъ вверхъ по Булгуну и встрѣтилъ недалеко отъ рѣки небольшое озеро Гашунъ-норъ, у котораго и простоялъ четверо сутокъ, употребленныхъ на разнаго рода экскурсіи. 2-го мая экспедиція двинулась прямымъ путемъ на г. Баркуль, оставивъ

[1]) Отъ 1-го мая 1879 г.

позади себя южный Алтай и имѣя передъ собою необозримую равнину, ограниченную на югѣ довольно высокимъ хребтомъ, на востокѣ сливавшуюся съ горизонтомъ, а на западѣ окаймленную невысокими горами.

Переходъ по степи, часто на протяженіи многихъ верстъ безводной, былъ крайне утомителенъ, причемъ трудность увеличивалась отъ незнанія и неопытности проводниковъ. Самъ не зная мѣстности, а въ особенности въ горахъ, проводникъ водилъ наугадъ и каравану часто приходилось блуждать и кружиться. „Вообще, говоритъ Николай Михайловичъ [1]), путешественнику въ Центральной Азіи рѣдко когда удается имѣть хорошаго проводника. Обыкновенно бываетъ одно изъ двухъ: или плутъ или дуракъ. Притомъ же, тотъ и другой одинаково получаютъ отъ китайцевъ приказаніе слѣдить за тѣмъ, что мы дѣлаемъ, не говорить ничего лишняго и возможно больше обманывать насъ во всемъ, чего мы не можемъ увидать собственными глазами“.

На всѣ разспросы проводникъ обыкновенно даетъ ложныя показанія или отмалчивается. Строгое обращеніе въ такихъ случаяхъ необходимо: только страхъ передъ силою заставляетъ туземца исполнять требованія и данныя обязательства; излишняя мягкость, европейская вѣжливость портятъ дѣло. Прогнавъ проводника-монгола, Пржевальскій двигался по разспросамъ мѣстныхъ жителей и скоро вышелъ на колесную дорогу изъ Гучена въ Баркуль. Мѣстность, по которой шли, была покрыта невысокими горами, довольно безплодными, а главное безводными. 18 мая караванъ вышелъ на обширную равнину и расположился бивуакомъ близъ китайской деревни Сянто-хоуза въ 20 верстахъ отъ г. Баркуля.

Бивуачная жизнь была всегда одна и та же. Между двумя, рядомъ поставленными, палатками помѣщался вьючный багажъ, охраняемый ночью спящими попарно казаками. Впереди укладывались обыкновенно

[1]) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 50.

верблюды и привязывалось стадо барановъ, а въ сторонѣ были наарканены лошади. Утомившіеся днемъ путники спали крѣпкимъ сномъ и съ появленіемъ зари на востокѣ вставалъ дежурный казакъ. Онъ прежде всего вѣшалъ на желѣзномъ треножникѣ термометръ, потомъ разводилъ огонь и варилъ чай. Когда послѣдній былъ готовъ, тогда всѣ вставали и, согрѣвшись чашкою горячаго чая, наскоро завтракали или брали себѣ въ карманъ уцѣлѣвшіе остатки вчерашняго ужина, зная, что слѣдующая ѣда будетъ только на бивуакѣ.

Закусивъ и напившись чаю, приступали къ работѣ: вьючили верблюдовъ, убирали вещи и палатки, надѣвали оружіе и, закуривъ трубки, направлялись въ дальнѣйшій путь. Средній переходъ бывалъ обыкновенно около 25 верстъ, на что требовалось отъ 6 до 7 часовъ времени, такъ какъ почти всегда встрѣчались замедленія отъ характера мѣстности, отъ необходимости поправить скрившійся вьюкъ или привязать оторвавшагося верблюда. Пржевальскому нерѣдко приходилось слѣзать съ коня, чтобы сдѣлать засѣчки главнаго пути и наиболѣе важныхъ боковыхъ пунктовъ. Хотя на это требовалось и не особенно много времени, но попутное собираніе растеній, ловля ящерицъ, а иногда и змѣй, охота на звѣрей и птицъ—все это замедляло движеніе. Подобнаго рода занятія, конечно, утомляли членовъ экспедиціи и вторая половина пути производилась съ желаніемъ скорѣе добраться до бивуака, тѣмъ болѣе что въ это время или наступала жара или подымалась буря. Караванъ двигался понуривъ головы, всякіе разговоры прекращались и проводникъ все чаще и чаще опрашивался далеко-ли до мѣста остановки?

Но вотъ вдали видѣнъ колодезь или ключъ живой воды, около котораго бродитъ стадо, ожидая водопоя. Н. М. Пржевальскій рысью ѣдетъ впередъ, чтобы выбрать мѣсто для бивуака. Чрезъ нѣсколько минутъ прибываетъ караванъ, развьючиваются верблюды, устанавливаются палатки и казакъ, завѣдывающій кухнею, разводитъ огонь и варитъ чай.

„Едва-ли, говоритъ Николай Михайловичъ [1]), какой либо гастрономъ ѣстъ съ такимъ апетитомъ разныя тонкости европейской кухни, съ какимъ мы теперь принимаемся за питье кирпичнаго чая и за ѣду дзамбы, съ масломъ, а за неимѣніемъ его — съ бараньимъ саломъ. Правда, послѣднее, будучи растоплено, издаетъ противный запахъ сальныхъ свѣчей, но путешественнику въ азіятскихъ пустыняхъ необходимо оставить дома всякую брюзгливость, иначе лучше не путешествовать. Цивилизованный комфортъ, даже при большихъ матеріальныхъ средствахъ, здѣсь не возможенъ; никакія деньги не перемѣнятъ соленой воды на прѣсную, не уберегутъ отъ жаровъ, морозовъ и пыльныхъ бурь, отъ грязи, а иногда и отъ паразитовъ. Въ самомъ себѣ долженъ искать путешественникъ силъ для борьбы со всѣми этими невзгодами, а не стараться избавиться отъ нихъ разными паліативными мѣрами“.

Спустя нѣсколько часовъ послѣ остановки каравана являлись ближайшіе кочевники монголы посмотрѣть на невиданныхъ гостей. Большинство забайкальскихъ казаковъ говоритъ по монгольски и дружба съ прибывшими скоро завязывалась. Свободные казаки занимали гостей, а дежурные шли на работы: собирали аргалъ для топлива, пасли верблюдовъ и лошадей, рѣзали и обжигали барана для обѣда и проч. Въ палаткѣ Николай Михайловичъ переносилъ сдѣланную съемку на чистый планшетъ, или писалъ дневникъ, Роборовскій рисовалъ, Эклонъ и Коломейцовъ препарировали убитыхъ дорогою птицъ. Время шло быстро и незамѣтно наступалъ часъ обѣда; офицеры и Коломейцовъ обѣдали въ палаткѣ, а казаки и переводчикъ— возлѣ огня на кухнѣ. Послѣ обѣда желающіе ходили на охоту, собирались растенія, насѣкомыя и проч. Все это укладывалось въ пропускную бумагу, опускалось въ спиртъ и болѣе рѣдкіе экземпляры птицъ препарировались.

---

[1]) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 55.

Наступали сумерки. Животныя пригонялись къ палаткамъ и укладывались, на кухнѣ разводился потухшій огонь и варился чай. Этотъ чай, дзамба и остатки отъ обѣда составляли ужинъ, послѣ котораго кто желалъ могъ ложиться спать. Обыкновенно разговорами занимались не долго и всѣ скоро засыпали крѣпкимъ, богатырскимъ сномъ.

Такъ однообразно тянулись дни за днями и исключеніе составляли только дневки или болѣе продолжительныя остановки, вызываемыя богатствомъ растительнаго или животнаго міра. Тогда съ разсвѣтомъ отправлялись на экскурсіи или на охоту и проводили тамъ время до обѣда, послѣ котораго отдыхали и потомъ каждый приводилъ въ порядокъ свою работу.

„На дневкѣ, обыкновенно, окончательно укладывались препарированныя птицы и высушенныя растенія, писались спеціальныя замѣтки о томъ или другомъ и вообще очищались всѣ накопившіяся работы. Казаки, на тѣхъ же дневкахъ, помимо охоты, занимались починкою одежды и обуви, верблюжьихъ сѣделъ и вьючныхъ принадлежностей; иногда подковывали и расковывали лошадей или подшивали кожею портившіяся пятки верблюдовъ“. Однимъ словомъ, для каждаго изъ путешественниковъ работы было вдоволь.

Изъ Баркуля экспедиція выступила въ сопровожденіи присланнаго проводника и шести солдатъ, которые подъ видомъ почетнаго конвоя назначены были провожать русскій караванъ до Хами. Переваливъ черезъ Тянь-шань, сѣверный склонъ котораго покрытъ густыми лѣсами, путешественники пришли въ знаменитый съ глубокой древности Хамійскій оазисъ. До него отъ Зайсана по пройденному пути было 1067 верстъ, т. е. третья часть разстоянія, которое необходимо было пройти до Хлассы. Въ Хами климатъ круто измѣнился, наступили сильные жары. Въ концѣ мая въ 7 часовъ утра было уже тепла 25 градусовъ Цельзія; въ полдень жара доходила до 36 градусовъ, а глинистая почва нагрѣвалась сверху до 59 градусовъ Цельзія.

„Самъ Хамійскій оазисъ, писалъ Пржевальскій [1]), дрянь препорядочная—глинистый участокъ, орошаемый нѣсколькими рѣчками съ Тянь-шаня. Деревьевъ и садовъ почти нѣтъ вовсе—все вырублено китайскими войсками. Знаменитыя здѣшнія дыни только что взошли и еще не цвѣтутъ, абрикосы также еще не поспѣли".

Собственно городъ Хами въ военномъ отношеніи составляетъ съ востока, т. е. со стороны Китая, ключъ ко всему восточному Туркестану и землямъ при-тянь-шанскимъ. Онъ важенъ и въ торговомъ отношеніи, потому что черезъ этотъ оазисъ направляются товары, слѣдующіе изъ Западнаго Китая въ восточный Туркестанъ. Вотъ причина почему Пржевальскій, желая собрать нѣкоторыя свѣдѣнія, остановился здѣсь на нѣсколько дней.

Придя въ Хами, онъ разбилъ свой бивуакъ въ полутора верстахъ отъ города, на небольшой лужайкѣ, по которой протекалъ горный ручеекъ. Тотчасъ же явились китайскіе офицеры, съ привѣтствіемъ отъ командующаго войсками и военнаго губернатора, титулуемаго *чинъ-цай*, и при этомъ освѣдомились, есть-ли ему какіе нибудь подарки. Въ тотъ же день, вечеромъ, Пржевальскій отправился верхомъ въ городъ, съ визитомъ къ чинъ-цаю. На дворѣ губернаторскаго дома онъ встрѣтилъ нѣсколькихъ солдатъ со знаменами; губернаторъ вышелъ на крыльцо, встрѣтилъ привѣтливо прибывшаго и пригласилъ въ пріемную, гдѣ подали чай. Разговоръ состоялъ изъ разспросовъ о здоровьи, благополучіи въ пути, куда идутъ и какъ великъ составъ экспедиціи? Было сдѣлано нѣсколько вопросовъ о Европѣ, но вопросовъ самыхъ ребяческихъ, на которые было странно отвѣчать. Черезъ полчаса Пржевальскій уѣхалъ обратно въ свой лагерь.

На другой день губернаторъ отдалъ визитъ и пригласилъ офицеровъ экспедиціи обѣдать на свою загородную дачу. „На парадный обѣдъ, пишетъ Ни-

[1]) Въ письмѣ брату Владиміру Михайловичу 30-го мая 1879 г.

колай Михайловичъ [1]), приглашены также были высшіе мѣстные офицеры и чиновники, такъ что набралось всего человѣкъ тридцать. Офицеры младшихъ чиновъ прислуживали и подавали кушанья. Обѣдъ состоялъ изъ шестидесяти блюдъ, все во вкусѣ китайскомъ. Баранина и свинина, а также чеснокъ и кунжутное масло играли важную роль; кромѣ того подавались и различныя тонкости китайской кухни, какъ-то: морская капуста, трепанги, гнѣзда ласточки-саланганы, плавники акулы, креветы и т. п. Обѣдъ начался сластями, окончился варенымъ рисомъ. Каждое кушанье необходимо было хотя отвѣдать, да и этого было достаточно, чтобы произвести такой винегретъ, отъ котораго даже наши, ко всему привычные, желудки были разстроены во весь слѣдующій день".

Вина китайцы не пьютъ, по неимѣнію его, а пьютъ подогрѣтую водку. Неумѣнье русскихъ ѣсть палочками и питье за обѣдомъ холодной воды смѣшили китайцевъ, никогда не употребляющихъ сырой воды.

На другой день губернаторъ пріѣхалъ къ Пржевальскому съ цѣлою толпою офицеровъ, которые держали себя крайне неприлично. Увидавъ какую нибудь вещь, офицеры просили ее продать и какъ школьники расхватывали приготовленныя для угощенія сласти. Самъ губернаторъ просилъ показать оружіе, и то, которое ему нравилось, просилъ продать, или намекалъ, что охотно приметъ въ подарокъ. Кончилось тѣмъ, что когда губернаторъ уѣхалъ, то Николай Михайловичъ послалъ ему въ подарокъ револьверъ въ ящикѣ, съ приборомъ. Чинъ-цай безъ застѣнчивости объявилъ переводчику, что желалъ получить не револьверъ, а двуствольное ружье. Пржевальскій приказалъ тому же переводчику идти обратно и объявить чинъ-цаю, что даренныя вещи цѣнятся какъ память и что онъ принялъ же двухъ барановъ, вовсе не изъ нужды въ нихъ, а изъ вѣжливости. Сконфуженный губернаторъ

---

[1]) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр 75.

взялъ револьверъ, а на другой день ему былъ посланъ несессеръ съ серебрянымъ приборомъ, послѣ котораго дружба снова возстановилась. Чинъ-цай устроилъ другой обѣдъ для путешественниковъ, но попроще, блюдъ въ 40, и просилъ показать ему стрѣльбу экспедиціоннаго отряда.

„Въ самый короткій срокъ, говоритъ Николай Михайловичъ [1]), было нами выпущено около двухъ сотъ пуль, мишенями для которыхъ служили глиняные бугорки въ степи. Въ виду отличнаго результата стрѣльбы, чинъ-цай съ улыбкою сказалъ: „какъ намъ съ русскими воевать; эти двѣнадцать человѣкъ разгонятъ тысячу нашихъ солдатъ“. Въ отвѣтъ на такой комплиментъ, я возразилъ, что намъ воевать не-изъ за-чего и что Россія еще никогда не вела войны съ Китаемъ. Но чтобы довершить впечатлѣніе, я взялъ дробовикъ и началъ стрѣлять въ летъ стрижей и воробьевъ. Похваламъ и просьбамъ пострѣлять еще, не было конца. Когда же напуганныя птички улетѣли, пришлось, уступая общему желанію, разбивать подброшенныя куриныя яйца, по одному и по два разомъ, двойнымъ выстрѣломъ. Жаль было попусту тратить заряды, которыхъ здѣсь нигдѣ уже нельзя достать; но репутація хорошаго стрѣлка весьма много мнѣ помогала во всѣ прежнія путешествія. Это искусство производитъ на азіятцевъ чарующее впечатлѣніе“.

Осмотрѣвъ городъ, познакомившись на сколько было возможно съ китайскими войсками, Николай Михайловичъ сталъ собираться въ дальнѣйшій путь. Онъ лежалъ поперегъ пустыни, длиною въ 350 верстъ, до города Са-чжеу, за которымъ тотчасъ-же стояли высокія, покрытыя лѣсомъ Гань-суйскія горы; далѣе находился Цайдамъ и сѣверный Тибетъ. Предстоявшій переходъ черезъ пустыню былъ однимъ изъ самыхъ трудныхъ во всемъ путешествіи и Пржевальскій принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы избѣгнуть лишеній и гарантировать экспедицію отъ разныхъ случайностей.

---

[1]) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 76.

Такъ, въ караванѣ было два верблюда, постоянно завьюченные водою до 25 ведеръ; имѣлись двѣ бутылки краснаго вина, на случай критической минуты. Но запасъ продовольствія встрѣтилъ нѣкоторыя затрудненія, такъ какъ никто безъ разрѣшенія чинъ-цая не рѣшался продавать продукты. Для этой цѣли былъ назначенъ особый офицеръ и ему помощникъ, но и при ихъ содѣйствіи, едва въ теченіе пяти сутокъ можно было купить 10 барановъ, пудъ рису, три пуда пшеничной муки, 200 булокъ, по полупуду финтяузы и гуамяну и 12 пудовъ ячменя для лошадей. „Обо всемъ этомъ много разъ переспрашивалось, увѣрялось въ готовности поспѣшить, постараться и купить самаго лучшаго качества; а между тѣмъ, переводчику внушалось, что „сухая ложка ротъ деретъ“, что за труды слѣдуетъ получить подарокъ“.

Одаривъ всѣхъ кто надоѣдалъ своимъ попрошайствомъ и отправивъ чинъ-цаю складное нейзильберное зеркало, Пржевальскій 1-го іюня выступилъ изъ Хами и направился сначала колесною дорогою на г. Ань-си, а потомъ свернулъ направо и пошелъ въ оазисъ Са-чжеу. Въ качествѣ проводниковъ были командированы офицеръ и 15 человѣкъ солдатъ. Присутствіе такого числа соглядатаевъ крайне стѣсняло Николая Михайловича, и онъ просилъ офицера оставить при себѣ лишь нѣсколькихъ солдатъ, а остальныхъ отправить обратно въ Хами. Только послѣ неоднократныхъ и настоятельныхъ просьбъ офицеръ согласился оставить при себѣ шесть человѣкъ, съ которыми и сопровождалъ караванъ.

На третьемъ и четвертомъ переходѣ пустыня явилась во всемъ своемъ ужасающемъ величіи: ни растительности, ни животныхъ нѣтъ, ни даже ящерицъ и насѣкомыхъ. „По дорогѣ безпрестанно валяются кости лошадей, муловъ и верблюдовъ. Надъ раскаленною днемъ почвою виситъ мутная, словно дымомъ наполненная, атмосфера; вѣтерокъ не колышетъ воздуха, не даетъ прохлады. Только часто пробѣгаютъ горячіе вихри и далеко уносятъ крутящіеся столбы соленой

пыли. Впереди и по сторонамъ путника играетъ обманчивый миражъ. Если же это видѣніе не видно, то и тогда сильно нагрѣтый нижній слой воздуха волнуется и дрожитъ, безпрестанно измѣняя очертаніе отдаленныхъ предметовъ. Жара днемъ невыносимая. Солнце жжетъ отъ самаго своего восхода до заката".

Въ такіе дни почва нагрѣвалась до 62,5 градусовъ, такъ что приходилось дѣлать переходы или ночью, или самымъ раннимъ утромъ. То и другое время было одинаково трудно для путешественниковъ и неудобно для производства съемки, наблюденій и проч. Плохіе колодцы были необильны даже и соленою водою и ее едва хватало, чтобы утолить жажду людей и животныхъ; если же при этихъ колодцахъ останавливались и проѣзжіе китайцы, то воду приходилось брать съ боя.

Невыносимые жары, дурная вода и ежедневные переходы истомили путниковъ и климатическія особенности отзывались на всей дѣятельности ихъ организма. Такъ, замѣчено было, что волосы на головѣ и бородѣ росли быстрѣе обыкновеннаго и у молодыхъ казаковъ вдругъ начали рости усы и борода. Пройдя 347 верстъ по безплодной пустынѣ, испытавъ всѣ трудности пути и потерявъ двухъ верблюдовъ, экспедиція вступила наконецъ въ оазисъ Са-чжеу, находившійся на южной окраинѣ Хамійской пустыни. Положеніе путешественниковъ сразу измѣнилось къ лучшему. Почти двѣ недѣли они провели среди мертвой мѣстности, въ которой лишь изрѣдка попадались уродливые кустарники, гдѣ на протяженіи 70 верстъ не было видно былинки земли — одна голая глина съ галькою; гдѣ колодцы отстояли другъ отъ друга не ближе 30—50 верстъ, гдѣ растительное царство не имѣетъ себѣ пищи, а животное—бѣжитъ въ мѣста, болѣе привѣтливыя и плодородныя. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ оазисъ Са-чжеу: хлѣба и фруктовъ было множество; здѣсь можно было отдохнуть, выспаться и устроиться.

Тотчасъ за городомъ стоитъ гряда сыпучихъ песковъ, составляющихъ восточный край Лобъ-норскаго

*

Кумъ-тола. За песками поднимаются терасами высокія горы, мѣстами покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ. Это Кукунорскій Нань-шань, соединяющійся съ Лобъ-норскимъ Алтынъ-тагомъ, знакомымъ Пржевальскому по предъидущему путешествію. „Теперь, впереди, писалъ онъ [1]), подобныхъ трудныхъ мѣстностей уже не будетъ. Большая половина разстоянія отъ Зайсана до Хлассы (1,400 верстъ) уже пройдена. Теперь осталось не болѣе 1,200 верстъ, притомъ по мѣстностямъ гораздо лучшимъ. Въ оазисѣ, гдѣ мы теперь находимся, есть утки и фазаны; самцы еще токуютъ вокругъ нашей палатки.

„Въ Хами китайцы приняли насъ хорошо, въ Са-чжеу наоборотъ. Приходится дѣйствовать то угрозами, то подкупомъ. Хорошо, что насъ, русскихъ, 12 человѣкъ; на такую силу можно опереться въ здѣшнихъ странахъ“.

Въ Са-чжеу отказали дать проводника въ Тибетъ, отговариваясь неимѣніемъ людей, знающихъ путь. Тогда Пржевальскій объявилъ, что пойдетъ безъ проводника и будетъ жаловаться въ Пекинѣ [2]).

На послѣдній онъ однакоже не надѣялся и грозилъ имъ только для очищенія совѣсти. Китайскіе министры, говоря, что Пржевальскій настаивалъ, чтобы ему дали проводниковъ, прямо заявили нашему повѣренному въ дѣлахъ, что по собраннымъ ими свѣдѣніямъ дорогъ отъ Са-чжеу къ югу нѣтъ и дать проводниковъ невозможно, потому что тамъ нѣтъ *„человѣческихъ слѣдовъ и некуда вести“*. Они утверждали, что въ тѣхъ мѣстахъ существуютъ не только дикіе тангуты, не признающіе никакой власти, но и громадныя препятствія природы.

— Если, говорили китайскіе министры, послѣ заявленія объ этомъ путешественнику, онъ все-таки

---

[1]) Брату Владиміру Михайловичу отъ 19 іюня 1879 г.

[2]) Письмо Пржевальскаго повѣренному въ дѣлахъ въ Пекинѣ 19-го іюня 1879 г.

пожелаетъ отправиться впередъ, то власти не могутъ быть привлечены къ какой либо отвѣтственности.

„Само собою разумѣется, отвѣчалъ на это нашъ повѣренный въ дѣлахъ [1]), что если по направленію, избранному Пржевальскимъ, вовсе не существуетъ путей, то путешественникъ нашъ, увидя это, самъ изберетъ другое направленіе для того, чтобы достигнуть Тибета. Если же пути существуютъ, то, конечно, власти почтеннаго государства не откажутся дать ему проводниковъ изъ мѣстныхъ жителей, которымъ извѣстно направленіе горныхъ тропинокъ и мѣста расположенія степныхъ колодцевъ“.

„Такъ какъ, съ одной стороны, путешественникъ нашъ привыкъ проходить по мѣстамъ пустыннымъ, представляющимъ въ научномъ отношеніи бо̀льшій интересъ, чѣмъ мѣстности густо населенныя, и такъ какъ, съ другой стороны, я не сомнѣваюсь, что власти почтеннаго государства употребятъ всѣ усилія, чтобы, на сколько это возможно, облегчить путешествіе, предупредить всякія случайности и оказать содѣйствіе,— то можно смѣло надѣяться, что экспедиція Пржевальскаго благополучно пройдетъ черезъ дикія пустынныя мѣста“.

Этого-то всего болѣе и опасались китайскіе министры. Они говорили, что такъ какъ на пути изъ Куку-нора въ Тибетъ нѣтъ сторожевыхъ китайскихъ постовъ, а лежитъ необозримая и ненаселенная пустыня, то китайскія власти не могутъ оказать полнаго покровительства путешественнику. Они поручили сининскому правителю дружескимъ образомъ уговорить Пржевальскаго не ходить на Куку-норъ и просили нашего повѣреннаго въ дѣлахъ, убѣдить путешественника относиться ко всему, съ усиленною осторожностью въ предъупрежденіе какихъ либо непріятностей отъ неосмотрительнаго движенія.

---

[1]) А. Каяндеръ, въ письмѣ китайскимъ министрамъ отъ 24 августа 1879 г. за № 24.

Въ отвѣтъ на эти замѣчанія нашъ повѣренный въ дѣлахъ А. Каяндеръ обратилъ вниманіе сановниковъ на то: 1) что существованіе пути отъ Куку-нора въ Тибетъ удостовѣрено собраніемъ узаконеній настоящей династіи; 2) что по этому пути происходитъ все караванное движеніе между Монголіею и Тибетомъ, причемъ въ послѣднюю страну этою дорогою идутъ многіе караваны богомольцевъ и ею же обыкновенно проѣзжаютъ ургинскіе бутухты; 3) что самъ Пржевальскій въ концѣ 1872 г. и началѣ 1873 г. прошелъ болѣе половины этого пути, и притомъ въ то время, когда въ близъ лежащихъ мѣстностяхъ западнаго Китая свирѣпствовало магометанское возстаніе, тогда какъ теперь край пользуется полнѣйшимъ спокойствіемъ, наконецъ 4) что всѣ мѣстности, лежащія между Сининомъ и Хлассою, состоятъ въ вѣдѣніи китайскихъ чиновниковъ: Куку-норъ—въ вѣдѣніи сининскаго начальника, Цайдамъ же и сѣверный Тибетъ—въ вѣдѣніи резидента въ Хлассѣ.

„Всѣ эти соображенія, прибавлялъ А. Каяндеръ [1]), заставляютъ меня предполагать, что экспедиція г. Пржевальскаго, которая снаряжена такимъ образомъ, что она, въ случаѣ нужды, можетъ проходить по пустыннымъ мѣстамъ, не завися ни относительно продовольствія, ни въ какихъ либо другихъ отношеніяхъ отъ мѣстнаго населенія, легко можетъ пройти въ Хлассу сѣвернымъ путемъ. По этому при условіи, что власти почтеннаго государства, по словамъ сановниковъ, сдѣлаютъ все, что отъ нихъ зависитъ, для облегченія путешествія г. Пржевальскаго, можно смѣло надѣяться, что экспедиція успѣшно достигнетъ предположенной ею цѣли, не встрѣтивъ на своемъ пути никакихъ непріятныхъ нечаянностей“.

„При переговорахъ по поводу выдачи г. Пржевальскому билета на проѣздъ изъ Хами въ Тибетъ, было выяснена ученая цѣль, преслѣдуемая этимъ путешественникомъ. Изученіе малоизвѣстныхъ мѣстностей

---

[1]) Въ письмѣ китайскимъ министрамъ отъ 15 октября 1879 г. № 32.

и ихъ природы, конечно, можетъ принести только пользу той странѣ, въ которой эти мѣстности находятся. Почтенное правительство всегда сознавало эту истину и славный Бохдоханъ Канъ-си въ былыя времена нарочно посылалъ иностранцевъ внутрь страны для изученія и опредѣленія астрономическихъ пунктовъ. Нынѣ русскій путешественникъ Пржевальскій организовалъ изъ любви къ наукѣ экспедицію въ малоизвѣстныя страны. Результаты его изслѣдованій могутъ принести исключительно лишь пользу, какъ наукѣ вообще, такъ и Китаю въ особенности. Поэтому, въ интересахъ самого почтеннаго правительства слѣдуетъ въ этомъ случаѣ держаться славнымъ традиціямъ правленія Канъ-си и облегчить по возможности трудъ Пржевальскаго. Я не сомнѣваюсь, что почтеннымъ министерствомъ даны китайскимъ властямъ инструкціи именно въ этомъ смыслѣ".

Китайскіе министры думали однакоже иначе. Они направляли экспедицію на Сы-чуань, чтобы по достиженіи этого пункта объявить, что тибетцы противятся вступленію иностранцевъ въ ихъ страну. Министры думали продѣлать съ Пржевальскимъ то же, что сдѣлали съ венгерскимъ графомъ Зеченьи, но это имъ не удалось. Прекрасное снаряженіе нашей экспедиціи, при которомъ она не нуждалась въ китайскомъ конвоѣ и пособіи мѣстнаго населенія, и извѣстная предпріимчивость Пржевальскаго разстроили всѣ планы министровъ, и тогда они рѣшились, какъ увидимъ, поставить ему преграду у самыхъ воротъ въ Хлассу.

Настойчивость, съ которою Николай Михайловичъ требовалъ въ Са-чжеу проводника, заставила мѣстныя власти быть сговорчивѣе и онѣ обѣщали отыскать такого человѣка, но стращали разсказами о разбойникахъ тангутахъ, о непроходимыхъ безводныхъ мѣстностяхъ, о страшныхъ холодахъ въ горахъ и проч. Всѣ эти разсказы мало безпокоили Николая Михайловича. Сдѣлавъ необходимые запасы продовольствія, онъ 21-го іюня выступилъ къ Нань-шаню, въ сопровожденіи одного офицера и трехъ китайскихъ солдатъ. Экспе-

диція направилась въ горы, гдѣ и располагала пробыть до половины или конца іюля.

„Передъ нами стояли тѣ самыя горы, говоритъ Пржевальскій [1]), которыя протянулись къ востоку до Желтой рѣки, а къ западу—мимо Лобъ-нора къ Хотану и Памиру, образуя собою гигантскую ограду всего Тибетскаго нагорья съ сѣверной стороны".

Въ Са-чжеу цѣлую недѣлю угощали обѣщаніями дать проводника и наконецъ дали какого-то китайца, который отвелъ верстъ 70 отъ города и затѣмъ объявилъ, что далѣе не знаетъ дороги. Къ тому же онъ завелъ въ такую глухую и изрытую оврагами мѣстность, что наши путешественники едва могли выбраться оттуда. При этомъ Пржевальскому невольно приходилъ въ голову разсказъ, что въ апрѣлѣ этого же года въ Са-чжеу пріѣзжали трое иностранцевъ [2]) съ намѣреніемъ идти въ Тибетъ, но что ихъ направили черезъ Су-чжеу и Сининъ.

— Англичане [3]), говорили китайцы, бывшіе весною, также хотѣли идти въ Тибетъ, но убѣдившись нашими доводами въ невозможности пройти туда, вернулись обратно. Почему же вы не хотите ворочаться?

„Къ сожалѣнію, прибавляетъ Пржевальскій [4]), въ данномъ случаѣ китайцы напали на человѣка не слишкомъ сговорчиваго. У меня такихъ одиннадцать (кромѣ переводчика таранчи изъ Кульджи) молодцовъ, съ которыми можно пройти весь свѣтъ".

За неимѣніемъ проводника, приходилось самимъ розыскивать дорогу, и съ этою цѣлью съ мѣста стоянки обыкновенно посылались по сторонамъ разъѣзды изъ двухъ человѣкъ верховыхъ, иногда верстъ за сто и болѣе. Въ одинъ изъ этихъ разъѣздовъ былъ посланъ казакъ Иринчиновъ и препараторъ Коломей-

---

[1]) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 100.

[2]) Впослѣдствіи оказалось, что это былъ графъ Зеченьи.

[3]) Т. е. тотъ же Зеченьи.

[4]) Въ письмѣ повѣренному въ дѣлахъ въ Пекинѣ отъ 11 сентября 1879 года.

цовъ, а въ другой направился самъ Пржевальскій съ унтеръ-офицеромъ Урусовымъ. Первый разъѣздъ долженъ былъ слѣдовать вверхъ по р. Данъ-хэ, а второй на югъ въ горы. Переваливъ черезъ крутой отрогъ, Пржевальскій услыхалъ въ одномъ изъ боковыхъ ущелій людскіе голоса. Минуту спустя оттуда выѣхали двое монголовъ и испугавшись неожиданной встрѣчи хотѣли было бѣжать, но были остановлены. Пржевальскій сталъ разспрашивать кто они такіе и знаютъ ли дорогу въ Цайдамъ. Монголы говорили сначала, что охотятся за сурками, а потомъ, что они пастухи и ищутъ потерявшихся лошадей. Во всякомъ случаѣ это были люди хорошо знавшіе окрестную мѣстность и воспользоваться ихъ услугами было необходимо. Николай Михайловичъ пригласилъ ихъ ѣхать къ своему бивуаку и на отказъ ихъ предложилъ сначала плату и хорошіе подарки, но когда и это не подѣйствовало, то объявилъ, что поведетъ ихъ силою. Онъ приказалъ имъ ѣхать за собою и предупредилъ, что будетъ стрѣлять при первой попыткѣ къ бѣгству.

„Дорогою, говоритъ Пржевальскій, видя, что мы ничего дурнаго не дѣлаемъ, наши плѣнники немного успокоились и прежде всего начали разспрашивать, кто нашъ начальникъ и какую имѣетъ онъ на шляпѣ шишку, т. е. чинъ, нисколько не подозрѣвая, что самъ начальникъ ѣдетъ съ ними въ простой парусинной рубашкѣ. Поздно ночью пріѣхали мы къ своему бивуаку, гдѣ монголы были напоены чаемъ, накормлены, но, для предупрежденія бѣгства, посажены подъ караулъ. Видя безвыходность своего положенія, они на утро объявили, что покажутъ дорогу въ Цайдамъ“.

Караванъ выступилъ вверхъ по р. Куку-усу, лѣвому притоку Данъ-хэ, и спустя нѣсколько дней вышелъ на тропинку, ведущую въ Цайдамъ. Забравшись въ Нань-шань и остановившись у сѣверной подошвы хребта Бурханъ-Будда, Николай Михайловичъ расположилъ свой бивуакъ въ прелестномъ ключевомъ оазисѣ, впослѣдствіи названномъ имъ „Благодатнымъ ключомъ“.

Предполагая оставаться здѣсь довольно продолжительное время, члены экспедиціи старались устроить свою жизнь по возможности комфортабельно. Обѣ палатки были поставлены на зеленой лужайкѣ, войлоки выколочены, вьючный багажъ разложенъ въ порядкѣ, а кухня, какъ притонъ всякой нечистоты, отнесена въ сторону и расположена подлѣ. Въ одномъ изъ глинистыхъ обрывовъ казаки устроили печку и пекли довольно сносныя булки изъ муки, купленной въ Са-чжеу. Первые дни пребыванія въ этой мѣстности были посвящены полному отдыху. „Ѣли мы сытно, говоритъ Пржевальскій, спали вдоволь и спокойно въ прохладѣ ночи; далекихъ экскурсій по окрестнымъ горамъ вначалѣ не предпринимали; словомъ, отлично отдыхали и запаслись новыми силами“.

Отсюда переводчикъ съ двумя казаками и семью верблюдами былъ посланъ обратно въ Са-чжеу, чтобы забрать оставленные тамъ запасы продовольствія и закупить новыхъ столько, чтобы экспедиція была обезпечена на четыре мѣсяца. Посланные возвратились черезъ недѣлю и привезли извѣстіе, что, по распоряженію главнокомандующаго, русскимъ не велѣно давать проводниковъ въ Тибетъ, но предложить всѣмъ возвратиться и направиться въ страну Далай-Ламы черезъ Су-чжеу и Синингъ. Такое распоряженіе оказалось запоздавшимъ. Наша экспедиція стояла уже у воротъ Тибета и была обезпечена четырехмѣсячнымъ продовольствіемъ. Ей важно было только то, чтобы китайцы заранѣе не запретили давать провожатыхъ въ самомъ Цайдамѣ, и для того переводчикъ и казаки, посланные за продовольствіемъ въ Са-чжеу, увѣрили всѣхъ, что вернутся черезъ мѣсяцъ обратно и, для бо̀льшаго убѣжденія въ томъ китайскихъ властей, заказали къ возвращенію экспедиціи на пять ланъ дзамбы и деньги за нее заплатили впередъ.

Оставаясь въ теченіе почти двухъ недѣль на ключѣ „Благодатномъ“, члены экспедиціи занимались разнаго рода экскурсіями и охотою, которая впрочемъ была не особенно удачна, по отсутствію звѣрей и птицъ. Под-

нявшись выше въ альпійскую область горъ, Пржевальскій остановился на небольшой горной долинѣ на абсол. высотѣ 11,700 фут. и въ разстояніи 4—5 верстъ отъ вѣчно-снѣговыхъ вершинъ, называемыхъ монголами Мачанъ-ула. Охота и здѣсь была не особенно богата и экспедиціи удалось убить лишь нѣсколько рѣдкихъ экземпляровъ. Посѣтивъ ледники и поднявшись для этого на 17,100 футовъ абсолют. высоты, Николай Михайловичъ былъ пораженъ грандіозностью всего окружавшаго.

„Никогда, говоритъ онъ, еще до сихъ поръ я не поднимался такъ высоко, никогда въ жизни не оглядывалъ такого обширнаго горизонта“. Обслѣдовавъ ледники, онъ вернулся опять къ ключу „Благодатному“, съ тѣмъ чтобы откормить верблюдовъ и двинуться въ Тибетъ. Но для этого необходимъ былъ хоть какой нибудь проводникъ. Для отысканія его Коломейцовъ и Иринчиновъ отправлены были верхами въ горы, на ту равнину, которая была видна со снѣговыхъ вершинъ и на которой по разнымъ показаніямъ жили монголы Цайдама.

На пятый день посланные вернулись обратно съ заявленіемъ, что монголы приняли ихъ хорошо, обѣщали дать проводника, продали даже барана и масла. Видно было, что жители этой мѣстности еще не получали никакихъ внушеній относительно русскихъ и потому ласково обошлись съ ними. Отъ тѣхъ же жителей узнали, что обширная равнина эта, лежавшая за горами, называется, по крайней мѣрѣ въ западной своей части, Сыртынъ и что на ней живутъ цайдамскіе монголы. Получивъ удовлетворительныя свѣдѣнія, Пржевальскій тотчасъ же двинулся впередъ и 11-го августа пришелъ съ караваномъ въ урочище Сыртынъ, гдѣ былъ встрѣченъ радушно жителями.

Стоянка у Сыртына памятна всѣмъ членамъ экспедиціи тѣмъ, что она едва не окончилась гибелью одного изъ товарищей — унтеръ-офицера Егорова. Во время охоты онъ заблудился въ ущельяхъ и пропалъ безслѣдно. Всѣ попытки отыскать его въ теченіе четырехъ

дней оставались напрасными. Посланные въ разныя стороны казаки, объѣздивъ верстъ по сотнѣ въ окружности, привезли извѣстіе, что не могли розыскать заблудившагося товарища, и участь несчастнаго была, повидимому, рѣшена—онъ или погибъ или ушелъ въ другомъ направленіи. Новые розыски не обѣщали успѣха и караванъ двинулся далѣе. Пройдя верстъ 25, встрѣтили ключъ, отдохнули и пошли опять. Всѣ ѣхали молча и въ мрачномъ настроеніи духа, думая о погибшемъ товарищѣ. Но вдругъ, ѣхавшій впереди перваго эшелона казакъ Иринчиновъ замѣтилъ, что вдали кто-то спускается съ горъ по направленію къ каравану. Сначала думали, что какой нибудь звѣрь, но въ бинокль увидѣли человѣка, а затѣмъ узнали въ немъ Егорова. „Мигомъ Эклонъ и одинъ изъ казаковъ поскакали къ нему и черезъ полчаса Егоровъ былъ приведенъ и встрѣченъ слезами отъ волненія и общей радости.

„Страшно перемѣнился за эти дни нашъ несчастный товарищъ, пишетъ Пржевальскій [1]), едва державшійся на ногахъ. Лицо у него было исхудалое и почти черное, глаза воспаленные, губы и носъ распухшіе, покрытые болячками, волоса всклокоченные, взглядъ какой-то дикій..... Съ подобною наружностью гармонировалъ и костюмъ, или, вѣрнѣе сказать, остатки того костюма, въ которомъ онъ отправился на охоту. Одна злосчастная рубашка прикрывала теперь наготу; фуражки и панталоновъ не имѣлось; ноги же были обернуты въ изорванныя тряпки“. Его наскоро одѣли и обули, дали водки для возбужденія силъ и посадили на верблюда. Черезъ три версты встрѣтили ключъ, на которомъ разбили бивуакъ, напоили Егорова чаемъ, накормили, обмыли теплою водою израненныя ноги и приложивъ на нихъ корпію, намоченную растворомъ арники, дали ему пять гранъ хины и уложили спать.

„И какъ не говорить мнѣ, прибавляетъ Пржевальскій, о своемъ удивительномъ счастіи! Опоздай мы днемъ выхода съ роковой стоянки, или выступи днемъ позже, наконецъ пройди часомъ ранѣе или позд-

[1]) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 141.

нѣе по той долинѣ, гдѣ встрѣтили Егорова—несчастный, конечно, погибъ бы навѣрное. Положимъ, каждый изъ насъ въ томъ былъ бы неповиненъ, но все-таки о подобной безцѣльной жертвѣ мы никогда не могли бы вспомнить безъ содроганія, и случай этотъ навсегда остался бы темнымъ пятномъ въ исторіи нашихъ путешествій....."

Взятый въ урочищѣ Сыртынъ проводникъ повелъ караванъ не прямо въ Тибетъ черезъ западный Цайдамъ, а кружнымъ путемъ черезъ стойбище своего Курлыкскаго князя. На второй день пути отъ Сыртына предстоялъ 65-ти верстный безводный переходъ, который и совершенъ былъ благополучно. Караванъ вышелъ на рѣчку Орегынъ-голъ, гдѣ и остановился на дневку; затѣмъ, двигаясь далѣе, пришли на р. Балгынъ-голъ. Сюда пріѣхалъ мѣстный князь, пожелавшій, чтобы русскіе пришли на его стойбище. Не далѣе версты отъ бивуака была поставлена ему юрта, въ которой онъ переодѣлся въ красное платье съ множествомъ побрякушекъ и со свитою человѣкъ въ 10 явился на свиданіе. Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати, не мытый, грязный, какъ и всѣ вообще монголы; на пальцахъ его было множество серебряныхъ колецъ, но самые пальцы были грязнѣе самаго грязнаго сапога.

Послѣ первыхъ привѣтствій Пржевальскій приступилъ прямо къ дѣлу и завелъ разговоръ относительно проводника, покупки верблюдовъ и барановъ. Князь отвѣчалъ отказомъ, говоря, что нѣтъ людей, знающихъ дорогу въ Тибетъ, и лишняго скота для продажи. Пржевальскій просилъ его подумать какъ лучше устроить это дѣло, и князь уѣхалъ. Немного погодя Николай Михайловичъ поѣхалъ отдать визитъ. Князь принялъ его въ грязной юртѣ, въ которой и происходило свиданіе. На возобновленныя просьбы русскаго путешественника князь опять отвѣчалъ отказомъ. Тогда Пржевальскій приказалъ сказать своему переводчику, что не первый разъ путешествуетъ въ этихъ мѣстахъ и знаетъ, что въ Тибетъ изъ Цайдама постоянно ходятъ монголы; что имѣя паспортъ изъ Пекина, онъ

требуетъ снабдить его, конечно, за деньги, проводникомъ и всѣмъ необходимымъ для путешествія. Срокомъ для окончательнаго отвѣта было назначено утро слѣдующаго дня, но при этомъ объявлено, что въ случаѣ неудовлетворительнаго отвѣта, русскіе будутъ жаловаться въ Пекинъ и возьмутъ силою все, что имъ понадобится.

На утро князь пріѣхалъ съ увѣреніями въ готовности, но невозможности исполнить требованія. Пржевальскій разругалъ князя и его свиту, выгналъ вонъ изъ палатки и объявилъ, что прибѣгнетъ къ еще болѣе крутымъ мѣрамъ. Отойдя немного отъ палатки, монголы сѣли въ кружокъ, стали совѣщаться и затѣмъ объявили, что готовы исполнить всѣ требованія, кромѣ назначенія проводника прямо въ Тибетъ, а дадутъ его для провожанія до стойбища сосѣдняго цайдамскаго князя Дзунъ-засака, у котораго Пржевальскій уже былъ въ 1872 и 1873 гг. Дѣлать нечего, надо было согласиться, и остатокъ дня былъ употребленъ на покупку войлочной юрты, 15 барановъ, 6 пудовъ дзамбы, 15 пудовъ ячменя, веревокъ, войлоковъ и другихъ мелочей. Продать верблюдовъ князь отказался, отговариваясь неимѣніемъ хорошихъ или запрашивая такія баснословныя цѣны, на которыя согласиться было невозможно. Присланный проводникъ оказался полнымъ идіотомъ, вѣроятно для того, чтобы во время пути не могъ ничего разсказывать русскимъ.

Отъ мѣста стоянки до хырмы Дзунъ-засака было 120 верстъ. Сдѣлавъ 42-хъ верстный безводный переходъ, экспедиція вышла на р. Булунгира, а затѣмъ черезъ р. Баянъ-голъ достигла до Дзунъ-засака. Здѣсь, на мѣстахъ уже знакомыхъ, Пржевальскій оставался шесть дней, но, къ сожалѣнію, былъ встрѣченъ крайне холодно. Мѣстный князь отказался дать проводника, но Пржевальскій назначилъ ему два дня сроку, обѣщая въ противномъ случаѣ поступить съ нимъ круто. Онъ послалъ сказать князю, что если завтра проводникъ не будетъ присланъ, то онъ потащитъ за собою въ Тибетъ самого князя. „И дѣйствительно исполню

свою угрозу, прибавлялъ Николай Михайловичъ [1]). Я такъ взволнованъ подобнымъ отказомъ, что трудно вамъ передать.... Мѣра моего терпѣнія уже кончилась. Нужно притомъ сказать, что этотъ самый князекъ былъ нашимъ пріятелемъ въ 1873 г.

„Ради Бога, нельзя-ли понудить пекинскія власти къ болѣе откровенному образу дѣйствій. Пусть онѣ или окончательно запретятъ мнѣ путешествовать въ ихъ владѣніяхъ, или кончатъ свои происки. Въ особенности важно устранить недоразумѣнія въ Хлассѣ, иначе Тибетъ не будетъ нами изслѣдованъ. О, если бы удалось изслѣдовать хотя часть Тибета! Въ особенности важно побывать на востокѣ этой страны, по направленію къ Батану. Здѣсь зоологическая добыча была бы великолѣпная, а затѣмъ пройти на Хотанъ. Нельзя-ли будетъ написать изъ Пекина въ Хлассу, чтобы насъ пустили охотиться въ лѣса къ Батану и дали бы потомъ проводниковъ въ Хотанъ“.

Все это было въ далекомъ будущемъ, а теперь предстояло добыть проводника, хотя бы только въ Тибетъ.

Мѣстный князь упрямился, но по полученіи заявленія, что самому придется вести экспедицію, пригласилъ къ себѣ на совѣщаніе другаго такого же князька Барунъ-засака. Они рѣшили дать проводника, но при этомъ заявили, что тибетцы выставили отрядъ войскъ у южной подошвы горъ Танъ-ла, чтобы не пропустить русскихъ, которые идутъ за тѣмъ, чтобы украсть Далай-Ламу. Видя въ этомъ обыкновенный пріемъ китайцевъ, чтобы остановить путешествіе, Пржевальскій одарилъ князьковъ за доставленіе проводника, которому обѣщалъ 50 ланъ (150 руб. кредитныхъ) за проводы, но объявилъ, что если онъ вздумаетъ обмануть или заведетъ куда нибудь, то будетъ разстрѣлянъ.

Собираясь въ трудный путь горами, Пржевальскій

---

[1]) Въ письмѣ русскому повѣренному въ дѣлахъ въ Пекинѣ, 11-го сентября 1879 г.

рѣшился оставить здѣсь часть багажа. Пріятель Камбы-лама помогъ въ этомъ отношеніи; онъ согласился спрятать у себя пудовъ до 30 клади, а Дзунъ и Барунъ-засаки взяли на храненіе 20 ямбовъ серебра. Такимъ образомъ, грузъ значительно уменьшился, но все-таки приходилось завьючить 22 верблюда, за то болѣе легкими вьюками, не превышавшими 6—7 пудовъ на верблюда. Распрощавшись съ Камбы-ламой Пржевальскій 12 сентября двинулся въ Тибетъ.

„Начался второй періодъ нашего путешествія, говоритъ онъ [1]), болѣе интересный, какъ по самому характеру впереди лежавшихъ мѣстностей, такъ и по ихъ совершенной неизвѣстности.

„Если же подвести итогъ первому, только что завершенному, періоду нашей экспедиціи, то, откровенно говоря, мало у насъ осталось отрадныхъ о немъ воспоминаній. Пустыня залегла сплошь отъ Зайсана до Бурханъ-Будда, болѣе чѣмъ на двѣ тысячи верстъ (2,060). На всемъ этомъ пространствѣ мы только однажды, именно на Тянь-шанѣ, встрѣтили настоящій лѣсъ, въ которомъ провели сутки. Понятно, что при такихъ условіяхъ мѣстностей, нами пройденныхъ, въ нихъ не слишкомъ обильна была научная добыча, какъ среди царства растительнаго, такъ и среди царства животнаго. За пять весеннихъ и лѣтнихъ мѣсяцевъ нами наблюдалось 43 вида млекопитающихъ и 201 видъ птицъ; тѣхъ и другихъ собрано въ коллекцію 600 экземпляровъ. Пресмыкающихъ добыто было довольно много, но рыбы найдены только въ рѣкахъ Урунгу и Баянъ-голѣ. Въ гербарій собрано было 406 видовъ растеній. Кромѣ того, по всему пройденному пути, интересному въ особенности отъ Хами до Бурханъ-Будда, гдѣ еще ни разу не проходилъ кто-либо изъ европейцевъ, добыто много данныхъ, чисто географическихъ: глазомѣрная съемка пути, нѣсколько опредѣленій широты, барометрическія измѣренія высотъ и метеорологическія наблюденія. Этнографическія

[1]) Письмо Н. М. Пржевальскаго брату Владиміру 11 сентября 1879 г.

же изслѣдованія вообще были скудны, такъ какъ по пути мы встрѣчали почти сплошь безплодную пустыню, за исключеніемъ лишь оазисовъ Хамійскаго и Са-чжоускаго, да немногихъ мѣстностей сѣвернаго Цайдама". Даже горы къ югу отъ Са-чжоу, на которыя Пржевальскій возлагалъ большія надежды, въ смыслѣ сбора коллекціи, оказались безлѣсными и безплодными, хотя онѣ и служатъ продолженіемъ хребта Гань-су [2]).

---

[1]) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 173.

XI.

Движеніе въ Тибетъ.—Лишенія, которыя пришлось встрѣтить путешественникамъ —Урочище Дынсы-обо.—Богатство животнаго царства —Въ долинѣ р Шуга —Трудность дальнѣйшаго движенія.—Долина р. Муръ-усу.—Верховья знаменитой Голубой рѣки —Хребетъ Танъ-ла.—Нападеніе егераевъ —Невозможность проникнуть въ Хлассу.—Трудное положеніе каравана —Свиданіе съ тибетскимъ посланникомъ.—Рѣшеніе вернуться назадъ.—Путь до Цайдама.—Прибытіе въ хырму Дзунъ-засакъ.—Слухъ о томъ, что Пржевальскій и его спутники погибли въ Тибетѣ.—Прибытіе въ Шала-хото.—Поѣздка въ Сининъ.—Свиданіе съ амбанемъ —Путь къ Желтой рѣкѣ.—Оазисъ Гуй-дуй —Возвращеніе въ Ургу.—Отъѣздъ въ Петербургъ

1879—1880.

Съ восходомъ солнца 12 сентября бивуакъ у хырмы (укрѣпленія) Дзунъ-засакъ былъ снятъ, и караванъ изъ 34 верблюдовъ и 5 верховыхъ лошадей двинулся къ Тибету. Путешественниковъ сопровождали разсказы о необыкновенно глубокихъ снѣгахъ, болѣзняхъ отъ непривычной для нихъ высоты, о множествѣ разбойниковъ, нападающихъ на караваны и проч. Такимъ росказнямъ члены экспедиціи мало вѣрили, хотя и не могли не сознать, что путешествіе будетъ сопряжено съ огромными затрудненіями, какъ со стороны природы, такъ и людей.

„Многими опытами прошедшихъ путешествій, записалъ Н. М. въ своемъ дневникѣ, я наученъ не вѣрить никакимъ слухамъ, но только своимъ собственнымъ глазамъ. Если бы разсчитывать навѣрняка, то мы бы никогда не были ни на Куку-норѣ, ни на Лобъ-норѣ, ни даже теперь въ Цайдамѣ. Въ путешествіи, подобномъ нашему, то вѣрно: идти на проломъ, не задумываясь ни передъ чѣмъ. Такъ и сдѣлаемъ“.

Высокое нагорье, извѣстное подъ именемъ Тибета,

рѣзко ограничено со всѣхъ сторонъ первостепенными горными хребтами и представляетъ форму неправильной трапеціи, грандіозную по своимъ размѣрамъ и нигдѣ на земномъ шарѣ не повторяющуюся. Столовидная масса эта поднята надъ уровнемъ моря на страшную высоту отъ 13—15,000 футовъ и окружена разрѣженнымъ воздухомъ, въ которомъ „мускулы человѣка отказываются служить, какъ слѣдуетъ“. Климатическія особенности здѣсь очень рѣзки: то слишкомъ (осенью, зимою и весною) сухо, то (лѣтомъ) слишкомъ влажно; холода и бури, недостатокъ топлива и корма—вотъ тѣ препятствія, которыхъ должны были ожидать путешественники, рѣшающіеся вступить въ гигантскія ущелья и горы. Съ другой стороны, было несомнѣнно, что населеніе встрѣтитъ враждебно каждаго невѣдомаго пришельца и постарается уничтожить его открытою силою иди затруднить дальнѣйшій путь.

Чтобы избавиться отъ высокаго перевала черезъ хребетъ Бурханъ-Будда, Н. М. Пржевальскій рѣшилъ обойти его по ущелью р. Намохунъ-голъ. Слѣдуя вдоль безплодной, хрящеватой и галечной равнины, окаймляющей подножіе Бурхана, караванъ пришелъ къ большой глиняной хырмѣ, которая носитъ названіе города Намохунъ-хото, гдѣ и дневалъ. Здѣсь также совѣтовали не ходить въ Тибетъ этимъ путемъ, а лучше направиться въ западный Цайдамъ, гдѣ можно отыскать гораздо лучшаго проводника. Конечно, никто не послушалъ этихъ совѣтовъ, и выступивъ на другой день, экспедиція, 18 сентября, поднялась на Тибетское плато у урочища Дынсы-обо, лежавшее на 13,000 футахъ абсолютной высоты.

Характеръ мѣстности и вообще всей обстановки круто измѣнился. „Мы, говоритъ Николай Михайловичъ [1]), вступали словно въ иной міръ, въ которомъ прежде всего поражало обиліе крупныхъ звѣрей, мало или почти вовсе не страшившихся человѣка. Не вдалекѣ отъ нашего стойбища паслись табуны хулановъ,

[1]) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 202.

лежали и въ одиночку расхаживали дикіе яки, въ граціозной позѣ стояли самцы оронго; быстро, словно резиновые мячики, скакали маленькія антилопы-ады. Не было конца удивленію и восторгу моихъ спутниковъ, впервые увидѣвшихъ такое количество дикихъ животныхъ".

Рядомъ съ этимъ царствомъ животныхъ, вниманіе путешественника обращалось на огромное по численности количество птицъ, преимущественно хищныхъ, искавшихъ и ожидавшихъ добычи. Хищность ихъ особенно проявилась на другой день, когда было убито 13 большихъ звѣрей и въ томъ числѣ два яка. Снявъ шкуры и взявъ мясо, необходимое для пищи, охотники бросили остальное въ полѣ и тутъ-то начался пиръ для волковъ, воронъ и грифовъ. Въ мигъ куча хищниковъ собиралась на убитомъ и оставленномъ звѣрѣ и въ теченіе нѣсколькихъ часовъ уничтожалось большое животное, какъ, напримѣръ, хуланъ.

Послѣ двухсуточнаго пребыванія въ Дынсы-обо, экспедиція направилась къ горамъ Шуга. Подъемъ этотъ сопровождался еще бо́льшимъ разрѣженіемъ воздуха, вызывавшимъ одышку, сердцебіеніе, скорую усталость при ходьбѣ въ гору, головокруженіе и вообще общее ослабленіе организма. Погода рѣзко измѣнилась, стали повторяться бури, иногда со снѣгомъ или мелкимъ градомъ. Тибетскія бури ужасны: онѣ наполняютъ воздухъ тучами пыли и песка. На поверхности почвы онѣ производятъ разрушающее дѣйствіе и въ теченіе вѣковъ, въ совокупности съ морозами и дождями, являются главнѣйшими дѣятелями въ измѣненіи конфигураціи страны. Въ сѣверномъ Тибетѣ нѣтъ ни лѣсовъ, ни травяныхъ зарослей, обильныхъ кормомъ, удобныхъ, какъ для жительства птицъ, такъ и для вывода молодыхъ. Берега рѣкъ вездѣ голые, открытые; озера большею частію соленые, въ которыхъ только изрѣдка водится рыба. Вотъ почему мѣстность эта остается почти не населенною и извѣстна у монголовъ подъ именемъ *„звѣриной страны"*.

По всему пройденному экспедиціею пути, попада-

лись только одиночные люди да и тѣ въ качествѣ охотниковъ за дикимъ звѣремъ.

Незамѣтно подымаясь вверхъ, экспедиція достигла перевала черезъ хребетъ Шуга, который имѣлъ 15,200 футовъ высоты и затѣмъ спустилась въ долину рѣки того-же имени. Здѣсь бродило баснословное количество травоядныхъ животныхъ, съ удивленіемъ и любопытствомъ смотрѣвшихъ на караванъ и не пугавшихся его. „Табуны хулановъ, говоритъ Николай Михайловичъ [1]), отходили только немного въ сторону и, повернувшись всею кучею, пропускали насъ мимо себя, а иногда даже нѣкоторое время слѣдовали сзади верблюдовъ. Антилопы, оронго и ады спокойно паслись и рѣзвились по сторонамъ, или перебѣгали дорогу передъ нашими верховыми лошадьми; лежавшіе же, послѣ покормки, дикіе яки, даже не трудились вставать, если караванъ проходилъ мимо ихъ, на разстояніи четверти версты. Казалось, что мы попали въ первобытный рай, гдѣ человѣкъ и животныя еще не знали зла и грѣха.....“

Мирная обстановка этого царства была скоро нарушена. Выбравъ удобное мѣсто для бивуака, Пржевальскій остановился здѣсь на день, чтобы добыть шкуры для коллекцій. Довѣрчивость животныхъ дѣлала охоту мало привлекательною и излишняя бойня была воспрещена. Въ теченіе не болѣе трехъ часовъ было убито 15 звѣрей, а именно: 4 оронго, 3 хулана и 8 куку-ямановъ. Послѣдніе всѣ убиты были самимъ Николаемъ Михайловичемъ, въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ и не сходя съ мѣста. Снятые съ убитыхъ звѣрей шкуры поступали въ коллекцію, сочное прекрасное мясо было взято въ запасъ и караванъ двинулся впередъ. Переваливъ черезъ могучее нагорье Чюмъ - чю и спустившись въ долину неизвѣстной рѣки, путешественники были застигнуты мятелью, снѣгомъ и морозами. Въ ночь на 3 октября выпалъ снѣгъ на полфута, а на слѣдующій день еще на

[1]) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 206.

столько-же. Снѣгъ въ Тибетѣ имѣетъ ту особенность, что при ясномъ солнцѣ блеститъ нестерпимо и почти не даетъ возможности смотрѣть вдаль. Вьючныя животныя не могли отыскать себѣ корма и голодные верблюды съѣли другъ на другѣ нѣсколько вьючныхъ сѣделъ, набитыхъ соломою; лошадямъ же было дано по двѣ пригоршни ячменя. Всѣ члены экспедиціи принуждены были мерзнуть на 9-ти градусномъ морозѣ и добыть топливо было крайне трудно: занесенный снѣгомъ аргалъ отыскать было невозможно, а который случайно попадался, тотъ отсырѣлъ и горѣлъ очень плохо. Приходилось сидѣть или въ дыму, или въ холодной юртѣ, безъ огня; кое-какъ и съ большимъ трудомъ сварили чай и мясо. Проводникъ отказывался вести далѣе, говоря, что не знаетъ мѣстности. Пржевальскій приказалъ наказать его и посадилъ подъ караулъ, но это мало помогло дѣлу и пришлось провести на этомъ мѣстѣ двое сутокъ, въ ожиданіи болѣе благопріятной погоды.

„Такимъ образомъ, сказано въ дневникѣ, съ самаго начала путь нашъ по Тибету мало обѣщаетъ хорошаго. Съ одной стороны, каждый день идетъ снѣгъ, а съ другой, проводникъ не знаетъ дороги. Трудно будетъ, но все-таки пойдемъ впередъ до послѣдней возможности“.

На третій день немного разъяснилось; но только двинулись въ путь, какъ снова поднялась мятель, и, сдѣлавъ не болѣе восьми верстъ отъ прежняго бивуака, караванъ принужденъ былъ остановиться. По счастію, на новомъ мѣстѣ была кое-какая трава и можно было не опасаться за участь караванскихъ животныхъ.

Что-то будетъ впереди? думалъ Пржевальскій, записывая эти слова въ свой дневникъ. „Если снѣгъ пролежитъ еще недѣлю и продлятся сильные морозы, то и наши верблюды начнутъ дохнуть. Впрочемъ, вѣроятно эти холода случайные и впереди будетъ тепло... Вчера на проталинахъ было много ящерицъ, притомъ медвѣди еще не залегли въ зимнюю спячку. Ни того, ни другаго не было бы, если бы теперь наступила зима настоящая“.

Тѣмъ не менѣе положеніе экспедиціоннаго отряда было очень трудное. Выпавшій снѣгъ не таялъ, а ночной морозъ вдругъ достигъ до 23 градусовъ. Трудно было ожидать, чтобы все это скоро кончилось, тѣмъ болѣе, что ежедневно мимо бивуака проходили стада звѣрей, направлявшіяся на юго-востокъ, въ болѣе низкую и теплую долину Муръ-усу. Они предчувствовали наступленіе тяжелой зимы и уходили отъ нея. Проводникъ увѣрялъ, что, оставаясь здѣсь или двигаясь далѣе, всѣ погибнутъ и совѣтовалъ возвратиться въ Цайдамъ, но Пржевальскій и его спутники, какъ одинъ человѣкъ, рѣшили идти впередъ. Оставаться на мѣстѣ было невозможно уже потому, что за недостаткомъ корма верблюды и лошади стали видимо худѣть и слабѣть. Но куда и какъ идти? старыя стойбища караванов богомольцевъ были занесены снѣгомъ, точно также занесены и другіе признаки истиннаго пути, по которымъ могъ оріентироваться проводникъ. Сначала Пржевальскій хотѣлъ идти слѣдомъ за стадами звѣрей, но потомъ рѣшилъ направиться на юго-западъ къ горамъ Куку-шили, длиннымъ бѣлымъ валомъ виднѣвшимся впереди каравана.

Двинулись въ путь. Отъ невыносимаго блеска снѣга скоро заболѣли глаза не только у всѣхъ членовъ экспедиціи, но и у животныхъ, не исключая барановъ, которыхъ гнали за собою.—„Одинъ изъ этихъ барановъ, пишетъ Николай Михайловичъ [1]), вскорѣ совершенно ослѣпъ, такъ что мы принуждены были его совсѣмъ зарѣзать безъ нужды въ мясѣ. Воспаленные глаза верблюдовъ пришлось промывать крѣпкимъ настоемъ чая и спринцовать свинцовою примочкою. Тѣ же лекарства служили и для насъ. Синія очки, которыя я надѣлъ, мало помогали, такъ какъ отраженный снѣгомъ свѣтъ попадалъ въ глаза съ боковъ; необходимы были очки съ боковыми сѣтками, но ихъ не имѣлось. Казаки, вмѣсто очковъ, завязали свои глаза синими тряпками, а монголъ прядью волосъ изъ чернаго хвоста дикаго яка. Послѣдній способъ, употребляемый монголами и

[1]) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 213.

тангутами, весьма практиченъ, хотя, конечно, необходима привычка къ подобной волосяной повязкѣ".

Слѣдуя по высокой горной равнинѣ, поднявшейся на 14—15,000 футовъ высоты и окаймленной двумя высокими параллельными хребтами, экспедиція въ три дня кое-какъ добралась до горъ Куку-шили. Выпавшій вездѣ снѣгъ лежалъ на $^1/_4$ и $^1/_2$ ф. глубиною; погода стояла ясная и по ночамъ морозы переходили за 20 градусовъ, но днемъ солнце грѣло довольно сильно, такъ что при движеніи переду тѣла, обращенному къ югу, было жарко, а спинѣ холодно.

Въ горахъ Куку-шили ожидали еще бо̀льшія невзгоды: путешественники не знали гдѣ ихъ перевалить. Сплошной снѣгъ закрылъ всѣ примѣты, по которымъ можно было бы оріентироваться; проводникъ велъ наугадъ, хотя и увѣрялъ, что знаетъ дорогу. Шли по кочковатымъ болотамъ, безпрестанно то подымаясь, то спускаясь по боковымъ горнымъ скатамъ. Верблюды и лошади спотыкались, падали и, наконецъ, караванъ уперся въ новыя горы, замыкавшія долину. При строгомъ допросѣ проводникъ сознался, что онъ немного ошибся и что необходимо вернуться на вчерашнюю стоянку. Очевидно, самъ онъ не зналъ дороги и лучше было отыскивать путь разъѣздами. Монголъ былъ прогнанъ и Пржевальскій остался одинъ со своими спутниками въ пустынѣ сѣвернаго Тибета...

На сотни верстъ вокругъ не было ни одного жилья, не было ни одной души человѣческой, стоялъ только караванъ небольшой горсти русскихъ смѣльчаковъ, окруженный дикою, суровою природою.....

Но, говоритъ русская пословица: „смѣлость города беретъ" и Николай Михайловичъ рѣшилъ идти напроломъ, повернуть на югъ и направиться на р. Муръусу, вверхъ по которой проходила караванная дорога монгольскихъ богомольцевъ. Рѣшеніе было весьма удачно. На слѣдующій же день, двигаясь однимъ изъ поперечныхъ ущельевъ хребта Куку-шили, караванъ благополучно и безъ особыхъ затрудненій вышелъ на

широкую равнину, за которою стоялъ хребетъ Думбуре. Природа здѣсь оказалась болѣе привѣтливою: было довольно тепло и снѣгъ на равнинахъ и южныхъ склонахъ горъ почти весь стаялъ. Экспедиція остановилась здѣсь на сутки, чтобы просушить собранныя для коллекціи звѣриныя шкуры и вмѣстѣ съ тѣмъ произвести развѣдки о дальнѣйшемъ направленіи движенія. Посланные въ разъѣздъ казаки привезли извѣстіе, что по направленію къ горамъ Думбуре мѣстность весьма удобна для движенія, и на слѣдующій день караванъ двинулся въ путь. Черезъ два дня онъ достигъ подножія Думбуре, потомъ перевалилъ черезъ главный хребетъ, два раза черезъ боковые его отроги и, наконецъ, спустился въ долину р. Муръ-усу, составляющую верховье знаменитой Голубой рѣки (Янъдзы-цзяня), оплодотворяющей своимъ теченіемъ лучшую половину собственнаго Китая.

Почва на берегахъ Муръ-усу довольно плодородная, пастбища хороши и на нихъ цѣлыми стадами бродятъ многочисленные звѣри. Охота за ними заняла два дня [1]) и затѣмъ караванъ двинулся вверхъ по рѣкѣ, довольно хорошею дорогою, по которой ходятъ богомольцы въ Хлассу. „Радовались и уповали мы, говоритъ Пржевальскій [2]), что дорога эта теперь не потеряется и что дальнѣйшій путь нашъ будетъ сдѣланъ не наугадъ. Но надежды эти скоро рушились. Черезъ тридцать верстъ отъ Думбуре-гола соблазнительная дорога исчезла — ее замели пескомъ и пылью вѣтры пустыни. Въ то же время и Муръ-усу круто повернула къ югу и вошла въ горы. Пришлось снова посылать разъѣзды. По счастію, мы теперь уже напрактиковались въ мѣстной оріентировкѣ и по самымъ ничтожнымъ примѣтамъ могли довольно вѣрно оцѣнить то или другое направленіе пути. Такъ было и теперь.

---

[1]) На одной изъ такихъ охотъ Николай Михайловичъ счастливо избѣжалъ опасности при встрѣчѣ съ якомъ. Подробности объ этомъ да и вообще прекрасное описаніе охоты можно найти въ его книгѣ: «Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ», стр. 226—230.

[2]) Тамъ-же, стр. 230.

Разъѣздъ направился на западный уголъ горъ, которыя стояли поперегъ Муръ-усу—и истинный путь былъ найденъ. Но, къ сожалѣнію, люди и животныя чувствовали полнѣйшую истому. Слабосиліе, головокруженіе, одышка, иногда сердцебіеніе чувствовались почти каждымъ; многіе заболѣвали простудою и головною болью, но болѣзнь не развивалась и проходила отъ нѣсколькихъ пріемовъ хины. Всѣ члены экспедиціи были грязны до невѣроятія, валялись на истрепанныхъ войлокахъ, пропитанныхъ соленою пылью, и проводили длинныя, иногда 11 часовъ въ сутки, ночи въ плохой и холодной юртѣ. Днемъ, когда зажигали аргалъ, юрта наполнялась дымомъ и мало согрѣвалась. Казакамъ было еще того хуже: они помѣщались въ лѣтней палаткѣ, мало защищавшей отъ холода и бурь. Верблюды отъ безкормицы и труднаго пути начали портиться; четверо изъ нихъ издохли или такъ устали, что были брошены на произволъ судьбы; изъ пяти лошадей одна издохла, а остальныя едва волочили ноги. Собранныхъ коллекцій везти было некому и пришлось четыре вьюка съ звѣриными шкурами спрятать въ одной изъ пещеръ горъ Цаганъ-обо, гдѣ они благополучно и пролежали до возвращенія экспедиціи“.

Вообще Тибетъ давалъ себя чувствовать своимъ негостепріимствомъ: повсюду валялись людскіе черепа и кости караванныхъ животныхъ, напоминавшихъ о трудной борьбѣ человѣка съ грандіозною природою. Нашимъ путешественникамъ приходилось убѣждаться въ этомъ на каждомъ шагу и испытывать всевозможныя лишенія. На переходѣ, даже небольшомъ, сильно уставали, ибо, помимо вьюченія и развьючиванія верблюдовъ, дорогою несли на себѣ ружья, патронташи и проч., всего чуть не по полупуду клади. Притомъ, часто приходилось идти пѣшкомъ, такъ какъ на холодѣ и въ особенности при бурѣ ѣхать долго шагомъ на верховой лошади или на верблюдѣ невозможно. Наконецъ, путники не имѣли возможности, хотя бы изрѣдка, подкрѣпить себя рюмкою водки, потому что въ наличности имѣли всего четыре бутылки коньяку, который берегся на крайній случай.

Испытывая всѣ невзгоды труднаго пути и подвигаясь довольно медленно впередъ, караванъ пришелъ опять къ р. Муръ-усу и затѣмъ поднялся на возвышенное и покрытое снѣгомъ плато Танъ-ла, окаймленное вѣчнымъ снѣговымъ хребтомъ того же имени. Здѣсь, впервые, отъ самаго Цайдама, путешественники встрѣтили людей—то были *егран*, принадлежавшіе вмѣстѣ съ своими собратьями *голыками* къ тангутской породѣ. Грабежи каравановъ богомольцевъ составляютъ ихъ спеціальное и выгодное занятіе, доставляющее одинъ изъ главныхъ источниковъ существованія; кромѣ того они занимаются, но не въ широкихъ размѣрахъ, скотоводствомъ и охотою. На одномъ изъ переходовъ нашего каравана они собрались толпою, вѣроятно съ цѣлью нападенія, но видя, что путешественники смѣло двигаются впередъ, прислали нѣсколько человѣкъ, съ изумленіемъ увидавшихъ совершенно иныхъ людей, нисколько ихъ не боявшихся. Кончилось тѣмъ, что при помощи пантомимъ, казаки разспросили дорогу и егран, получивъ нѣсколько щепотокъ табаку, уѣхали повидимому друзьями.

Караванъ сталъ подниматься на Танъ-ла. Шли по обледенѣлой тропинкѣ, которую приходилось посыпать пескомъ или глиною—иначе измученные верблюды не могли идти. Сильные морозы и бури сопровождали движеніе; отъ полнѣйшей безкормицы четыре верблюда издохли, а остальные приходили все въ худшее состояніе: люди зябли и самъ Николай Михайловичъ, производя съемку, отморозилъ концы нѣсколькихъ пальцевъ обѣихъ рукъ. Проходя въ сутки не болѣе пятнадцати верстъ, поднимались всего на 200—300 футовъ по отвѣсу и для того, чтобы переночевать, не могли найти иногда ровнаго пространства въ нѣсколько квадратныхъ саженъ. Въ такихъ случаяхъ разбивали свой бивуакъ на кочкахъ или на площадкахъ, выдутыхъ бурями и изрытыхъ пищухами.

Едва-едва на восьмыя сутки бивуакъ былъ разбитъ близъ перевала черезъ Танъ-ла на абсолютной высотѣ 16,700 футовъ. Справа и слѣва поднимались горы; съ

обширными ледниками имѣвшія отъ 19—20,000 футовъ. На перевалѣ Пржевальскій и его спутники дали залпъ изъ берданокъ и трижды прокричали ура! Природа была побѣждена усиліями и терпѣніемъ горсти русскихъ.....

День перевала экспедиціи черезъ Танъ-ла, 7-е ноября 1879 г., былъ ознаменованъ нападеніемъ егpаевъ. Въ ожиданіи хорошей добычи они давно издали слѣдили за караваномъ и, наконецъ, подъ предлогомъ продажи масла человѣкъ 15 ихъ явилось на бивуакъ. Среди торговли одинъ изъ егpаевъ укралъ складной ножикъ, висѣвшій на поясѣ у переводчика Абдулы Юсупова. Тотъ сталъ требовать его обратно и завязалась драка. Егpай выхватилъ свою саблю и ударилъ Абдулу по рукѣ, но плохимъ клинкомъ прорубилъ лишь шубу и халатъ. Другой егpай бросился на Абдулу съ копьемъ, а нѣсколько другихъ—на казаковъ. Все это было дѣломъ одной минуты, такъ что наши путешественники едва успѣли взять свои винтовки. Двое егpаевъ зажгли фитили у ружей и бросились за скалу, чтобы оттуда удобнѣе стрѣлять и бросать въ противниковъ камни изъ пращей. Пржевальскій не хотѣлъ начинать дѣла, но когда послѣдовали выстрѣлы съ противной стороны и пули прожужжали мимо, тогда онъ приказалъ казакамъ открыть огонь. Послѣ перваго залпа егpаи бросились на уходъ, потерявъ четырехъ убитыми и нѣсколькихъ ранеными.

Въ ожиданіи вторичнаго нападенія караванъ перешолъ на болѣе открытое мѣсто и къ ночи устроили нѣчто въ родѣ укрѣпленія, составивъ квадратъ изъ уложенныхъ верблюдовъ и багажа. Двое казаковъ поочередно стояли на часахъ, а остальные спали не раздѣваясь съ ружьями въ рукахъ и револьверами за поясомъ. Егpаи нападенія не произвели, а весь остатокъ дня и ночь наблюдали за караваномъ. Всю ночь слышались крики въ ближайшихъ аулахъ и по всему было видно, что они готовились отмстить за первую неудачу.

Съ наступленіемъ утра караванъ приготовился къ

выступленію. Три эшелона были поставлены рядомъ другъ съ другомъ. „Впереди ихъ, пишетъ Николай Михайловичъ [1]), собрались всѣ мы кучею, съ винтовками въ рукахъ, съ револьверами у пояса; въ сумкѣ у каждаго находилось по сто патроновъ; около четырехъ тысячъ тѣхъ же патроновъ везлись на вьюкахъ. Въ такомъ боевомъ порядкѣ двинулись мы впередъ къ ущелью, которое лежало по пути недалеко впереди насъ. Играи заняли это ущелье конною партіею, стоявшею при входѣ, и нѣсколькими стрѣлками, усѣвшимися (какъ было видно издали въ бинокль) съ фитильными ружьями на скалахъ; другая конная партія расположилась на скатѣ горы прямо противъ нашей ночевки; наконецъ, третья собралась немного сзади, вѣроятно для того, чтобы атаковать насъ съ тыла, или можетъ быть задержать наше отступленіе“.

Едва караванъ тронулся съ мѣста, играи, которыхъ было 60—70 человѣкъ, пришли въ движеніе: передняя партія заняла ущелье, средняя двигалась шагомъ параллельно съ караваномъ, а задняя осталась въ наблюдательномъ положеніи. Когда средняя кучка приблизилась къ каравану шаговъ на 700, Пржевальскій призналъ необходимымъ открыть огонь. „Сократить еще разстояніе не было разсчета, говоритъ онъ, такъ какъ играи, на своихъ отличныхъ коняхъ, въ нѣсколько мгновеній могли прискакать къ намъ и нашъ главный шансъ — дальнобойныя, скорострѣльныя ружья не могли быть пущены въ дѣло какъ слѣдуетъ“.

Послѣ первой команды „пли“ двѣнадцать пуль ударили въ ближайшую кучку непріятеля; не успѣлъ онъ опомниться, какъ послѣдовалъ второй залпъ, а за нимъ третій. Такой небывалый огонь поразилъ играевъ и они бросились въ разсыпную въ гору, слѣзли съ коней и прикрыли себя ихъ туловищами. Пржевальскій, желая поразить ихъ еще болѣе, приказалъ поднять прицѣлъ у берданокъ на 1200 шаговъ и послалъ

[1]) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 242.

залпъ въ партію, стоявшую въ ущельѣ, но пули не долетѣли и взрыли песокъ впереди ихъ лошадей. Тогда приказано было казакамъ взять самый дальній прицѣлъ и слѣдующій залпъ былъ на столько удаченъ, что сразу очистилъ входъ въ ущелье и разбойники разсыпались въ разныя стороны.

Пржевальскій и его спутники благополучно прошли короткое ущелье, вышли на равнину и, спустившись съ Танъ-ланскаго плато, достигли р. Санъ-чю. Продолжая двигаться на югъ, Пржевальскій на второмъ переходѣ отъ Санъ-чю узналъ, что тибетцы рѣшились не пускать его къ себѣ и что слухъ о приближеніи русскихъ къ Хлассѣ произвелъ большое возбужденіе среди населенія.

— Русскіе идутъ сюда затѣмъ, кричали защитники Далай-Ламы, чтобы уничтожить нашу вѣру; мы ихъ ни за что не пустимъ; пусть они сначала перебьютъ всѣхъ насъ, а затѣмъ войдутъ въ нашъ городъ.

Они выставили посты отъ ближайшей къ границѣ деревни Напчу до перевала Танъ-ла, наскоро собрали на границѣ Далай-ламскихъ владѣній солдатъ и милицію и запретили мѣстнымъ жителямъ, подъ страхомъ смертной казни, вступать съ русскими въ какія бы то ни было сношенія и даже продавать имъ продукты.

На содѣйствіе китайскаго резидента въ Хлассѣ разсчитывать было нечего, потому что и пекинскіе министры дѣйствовали не чистосердечно и въ душѣ были очень рады, если Пржевальскому не удастся проникнуть въ столицу Тибета.

Въ концѣ ноября 1879 г. китайскіе министры препроводили нашему повѣренному въ дѣлахъ копію съ донесенія сычуанскаго цзянь-цзюня и генералъ-губернатора въ Цзунъ-ли-ямынѣ. Эти лица доносили, что, не смотря на горячее ихъ желаніе оказать содѣйствіе венгерскому графу Зечени, въ его путешествіи въ Тибетѣ, они не могутъ этого сдѣлать, такъ какъ тибетскіе тангуты выставили своихъ солдатъ для удержанія путешественника. Защитники Далай-Ламы гово-

рили, что они рѣшились ни въ какомъ случаѣ не впускать къ себѣ иностранцевъ, и если графъ Зечени рѣшится вступить въ предѣлы Тибета, то доставленіе головы его будетъ сочтено подвигомъ, въ поощреніе котораго и обѣщанъ былъ цѣнный призъ. Опасаясь, чтобы того-же не произошло и съ Н. М. Пржевальскимъ, китайскіе министры торопились предварить о томъ нашего повѣреннаго въ дѣлахъ и сложить съ себя всякую отвѣтственность.

— Между Цайдамомъ и Сы-чуанью, говорили они, разстояніе большое, мѣстность открытая, изрѣзанная множествомъ тропинокъ, съ постоянными развѣтвленіями на боковые пути. При отсутствіи военныхъ постовъ и станцій, при грабежахъ на этомъ пространствѣ со стороны дикихъ тангутовъ, путешествовать тамъ опасно. Даже командированные изъ Сы-чуани чиновники и солдаты находятся внѣ возможности узнать мѣстопребываніе путешественника и выдти ему на встрѣчу. Въ случаѣ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, ихъ никакъ нельзя будетъ отнести къ неисполненію китайскими властями долга, защиты и покровительства.

Вслѣдъ затѣмъ министры сообщили, что Пржевальскій 12-го сентября оставилъ южный Цайдамъ, пошелъ въ Тибетъ и гдѣ теперь находится, они не знаютъ. Нашъ повѣренный въ дѣлахъ отвѣчалъ, что Цайдамъ и Куку-норъ къ югу граничатъ съ мѣстностями, находящимися въ вѣдѣніи пребывающаго въ Хлассѣ резидента, и какъ китайскіе министры сообщили ему о нашемъ путешественникѣ, то повѣренный въ дѣлахъ и не сомнѣвается, что ему будетъ оказано полное покровительство и гостепріимство. Китайскіе министры, повидимому, испугались такой увѣренности и торопились представить всю опасность путешествія по тому направленію, которое избралъ Пржевальскій.

„Отъ Куку-нора на Тибетъ, писали они [1]), хотя и есть сообщеніе, но на всемъ пространствѣ пути не

[1]) Повѣренному въ дѣлахъ въ Пекинѣ, отъ 1-го января 1880 г.

населенныя, дикія, покрытыя растительностію мѣста, по которымъ перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто монголы и тангуты съ ихъ помѣщеніемъ (юртами и т. п.). Проѣзжающіе по этимъ мѣстамъ слѣдуютъ если не черезъ пески, камни, пустынныя равнины, то черезъ горы и рѣки. Ежедневно доводится слѣдовать по мѣстамъ, гдѣ нѣтъ проторенныхъ дорогъ или тропъ. Съ того-же времени, какъ начались грабежи, производимые непокорными тангутами, большая часть монголовъ и тангутовъ, живущихъ въ направленіи отъ Куку-нора на Тибетъ, потерпѣла отъ грабежей. Хотя и попадаются такіе монголы и тангуты, которые не подвергались грабежамъ, но таковыхъ по истинѣ очень мало.

„Что касается до проѣзда китайскихъ чиновниковъ изъ Куку-нора въ Тибетъ, то по этому направленію проѣзжаютъ только тѣ чиновники, которые назначаются указами Богдохана сопутствовать хубилганамъ. Въ подобныхъ случаяхъ Ли-фань-юань (палата внѣшнихъ сношеній) заблаговременно относится къ подлежащимъ властямъ, о снаряженіи изъ Синина конвоя, на обязанности котораго лежитъ оказывать защиту и покровительство командируемымъ по богдыханскому повелѣнію чиновникамъ, вдоль пути, до предѣловъ Сы-чуани и Тибета. Но никогда не было случая, чтобы одни (мѣстные) монголы или тангуты могли оказывать защиту и покровительство китайскимъ чиновникамъ“.

Пржевальскій, по ихъ словамъ, ушелъ неизвѣстно куда и выслать ему конвой было невозможно.

— Вотъ уже прошло три мѣсяца, говорили министры, какъ Пржевальскій оставилъ Цайдамъ, и судя по времени, если не приключилось чего либо, этотъ русскій чиновникъ долженъ быть уже въ Хлассѣ. Цайдамскимъ властямъ приказано собрать достовѣрныя свѣдѣнія о Пржевальскомъ и доставить ихъ въ Сининъ. Между тѣмъ извѣстно, что тангуты давно уже выслали нѣсколько сотъ ламъ въ мѣстности, гдѣ соприкасается Тибетъ съ Сы-чуанью, чтобы воспрепятствовать путешественникамъ двигаться впередъ. Кро-

мѣ того, часто и въ неопредѣленное время появляются шайки въ тысячу слишкомъ непокорныхъ тангутовъ, чтобы производить грабежи и разбои. Невозможно удержать шайки такой большой численности и военною силой. По истинѣ нельзя намъ вполнѣ гарантировать путешественнику защиту и покровительство. Къ тому-же теперь подошло время, когда снѣгъ заваливаетъ горы до такой степени, что зимою и весною прекращается всякое сообщеніе и пройти черезъ горы нѣтъ никакой возможности.

„Сининскій правитель, отвѣчалъ на все это нашъ повѣренный въ дѣлахъ [1]), въ донесеніи своемъ пишетъ, что по сѣверному пути въ Тибетъ проѣзжаютъ лишь китайскіе чиновники, назначаемые для сопровожденія хубилгановъ. О командировкахъ этихъ чиновниковъ обыкновенно Ли-фань-юань заблаговременно извѣщаетъ сининскія власти, которыя и назначаютъ конвой для ихъ охраны. Не говоря уже о томъ, что о путешествіи по тѣмъ мѣстамъ г. Пржевальскаго почтенное правительство было увѣдомлено за долго до его туда прибытія,—я долженъ сказать, что по имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, путь этотъ служитъ не только для помянутыхъ чиновниковъ, но и для каравановъ торговцевъ, выѣзжающихъ изъ Куку-нора обыкновенно въ началѣ осени, т. е. въ то самое время года, когда проходилъ черезъ эти мѣстности и нашъ путешественникъ. Если тамъ могутъ проходить караваны, то нѣтъ причины, чтобы не прошли и нѣсколько, хотя мирныхъ, но хорошо вооруженныхъ для собственной защиты путешественниковъ.

„Опасенія, подобныя выражаемымъ теперь, высказывались и на счетъ пути отъ Дунъ-хуань-сіяна на Цайдамъ, причемъ всѣ власти единогласно говорили, что на этомъ пространствѣ даже нѣтъ вовсе тропинокъ. Однако экспедиція благополучно прошла этими мѣстностями, *открывъ такимъ образомъ путь, который, какъ*

[1]) Въ письмѣ китайскимъ министрамъ отъ 12 января 1880 г. № 3.

видно, до сихъ поръ не былъ извѣстенъ даже властямъ почтеннаго государства и тѣмъ, конечно, оказала послѣднимъ услугу“.

„Хотя, если судить по донесеніямъ этихъ властей, въ тѣхъ краяхъ и господствуетъ почти полная анархія, однако по свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ другихъ источниковъ, можно заключить, что картина рисуется вашими начальниками болѣе страшная, нежели дѣйствительность, доказательствомъ чему служитъ вполнѣ безопасность прослѣдованія черезъ эти мѣста того же полковника Пржевальскаго и въ 1872 году.

„Всѣ эти соображенія, а также извѣстная осторожность и энергія нашего путешественника, не оставляютъ во мнѣ сомнѣнія въ томъ, что онъ благополучно прослѣдовалъ черезъ пустыни сѣвернаго Тибета и достигъ мѣстностей, гдѣ начинается осѣдлое населеніе и гдѣ властямъ почтеннаго государства не можетъ представиться затруднительнымъ оказывать ему должную защиту и покровительство“.

Что касается до слуха о высылкѣ ламами на границы Тибета нѣсколькихъ сотъ солдатъ, то нашъ повѣренный въ дѣлахъ выразилъ удивленіе. Какимъ образомъ, спрашивалъ онъ, жители Тибета, составляющіе часть китайскаго государства, могутъ посылать солдатъ противъ путешественниковъ, идущихъ съ разрѣшенія правительства и съ билетомъ, имъ выданнымъ?

„Я увѣренъ, писалъ А. Кояндеръ, что власти невѣрно поняли переданный имъ слухъ, который, если бы онъ оказался справедливымъ, конечно, побудилъ бы ихъ немедленно же принять надлежащія мѣры противъ бунтовщиковъ. Иначе можно было бы подумать, что Тибетъ страна совершенно независимая и тогда характеръ отношеній къ ней, ея сосѣдей, несомнѣнно измѣнился бы“.

Не желая признать Тибета независимымъ, министры увѣряли, что они получили коллективное письмо отъ ламъ, просившихъ не разрѣшать иностранцамъ входъ въ Тибетъ. Не подозрѣвая о возникшихъ

въ Пекинѣ пререканіяхъ по поводу движенія русскихъ въ Тибетъ, Пржевальскій шелъ смѣло впередъ.

Съ приближеніемъ его къ дер. Напчу и за нѣсколько верстъ отъ нея, на встрѣчу были высланы двое тибетскихъ чиновниковъ, съ конвоемъ изъ десяти солдатъ, разузнать кто такіе путешественники и зачѣмъ идутъ? Чиновники держали себя очень вѣжливо и вошли въ юрту только по приглашенію. „Я объяснилъ, говоритъ Николай Михайловичъ, [1]) что всѣ мы русскіе и идемъ въ Тибетъ за тѣмъ, чтобы посмотрѣть эту неизвѣстную для насъ страну, узнать, какіе живутъ въ ней люди, какіе водятся звѣри и птицы, какая здѣсь растительность и т. д.; словомъ, цѣль наша исключительно научная. На эти тибетцы отвѣчали, что русскіе еще никогда не было въ Хлассѣ, что сюда съ сѣвера приходятъ только монголы, тангуты, да сининскіе торговцы и что правительство тибетское рѣшило не пускать насъ далѣе. Я показалъ свой пекинскій паспортъ и заявилъ, что самовольно мы никогда бы не пошли въ Тибетъ, если бы не имѣли на то дозволенія китайскаго государя, что, слѣдовательно, не пускать насъ далѣе не имѣютъ никакого права и что мы низачто не вернемся безъ окончательнаго разъясненія этого дѣла“.

Чиновники просили тогда обождать отвѣта изъ Хлассы, куда будетъ посланъ нарочный и дней черезъ двѣнадцать получится отвѣтъ. Обстоятельства заставляли согласиться на это предложеніе и тогда чиновники записали фамиліи членовъ экспедиціи, число казаковъ и уѣхали въ Напчу. Оттуда они выслали пять тибетскихъ солдатъ, съ предложеніемъ перенести бивуакъ на болѣе удобное мѣсто. Такимъ мѣстомъ былъ выбранъ ручей Ніеръ-чунчу, вытекающій изъ подошвы горы Бумза.

Невольная остановка послѣ тридцати дневныхъ переходовъ безъ дневокъ, необходима была для отдыха. Пользуясь ею, всѣ члены экспедиціи выбрились, помы-

[1]) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 248.

лись и стали нѣсколько походить на европейцевъ; одежда и обувь износились и необходимо было ихъ починить.

„Трудное теперь переживаемъ мы время, записалъ Николай Михайловичъ въ своемъ дневникѣ. Тягостная неизвѣстность впереди на счетъ посѣщенія Хлассы, огромная (16,000) абсолютная высота, холода, бури—все это вмѣстѣ донимаетъ насъ". Караваннымъ животнымъ было также плохо: корму почти не было и верблюды довольствовались травою твердою какъ дерево. Въ юртѣ было то холодно, то дымно и длинныя ночи давали себя чувствовать—приходилось одиннадцать часовъ въ сутки лежать на грязныхъ войлокахъ и часто безъ сна.

—Хорошо еще, говоритъ Пржевальскій, что у меня есть работа—писаніе о Тибетѣ, иначе не зналъ бы что дѣлать отъ скуки. На охоту ходить некуда — звѣрей нѣтъ, птицы же все однѣ и тѣ же.

Предстоявшій путь въ Хлассу былъ невозможенъ на верблюдахъ, и богомольцы обыкновенно въ д. Напчу пересаживались на яковъ, которыхъ нанимали у мѣстныхъ жителей, что невозможно было для нашихъ членовъ экспедиціи, съ которыми жителямъ запрещено было имѣть сношеніе. Наконецъ, прибавляетъ Пржевальскій, „совершенно безцѣльно было ломить впередъ, наперекоръ фанатизма цѣлаго народа. Положимъ, если бы достать вьючныхъ яковъ, или, въ крайнемъ случаѣ, бросивъ часть клади, взять нашихъ усталыхъ верблюдовъ, то можно было бы продвинуться еще немного впередъ при томъ обаятельномъ впечатлѣніи, какое производили мы на туземцевъ—но какую цѣль могъ имѣть подобный походъ? Всѣ мы должны бы были держаться въ кучѣ, постоянно сторожить и, быть можетъ, не одинъ разъ пускать въ дѣло свои берданки. Научныя изслѣдованія при подобныхъ условіяхъ были бы невозможны. При томъ, мы, конечно, сильно рисковали бы собою и во всякомъ случаѣ надолго оставили бы по себѣ недобрую память. Лучшимъ исходомъ, при подобныхъ обстоятельствахъ было — остановиться и ждать отвѣта изъ Хлассы".

Въ ожиданіи его Николай Михайловичъ занялся разными экскурсіями и собираніемъ этнографическихъ свѣдѣній о жителяхъ Тибета. Прошло 16 сутокъ прежде чѣмъ былъ полученъ отвѣтъ, и все это время Пржевальскій былъ въ тревожномъ состояніи. Онъ сознавалъ, что караванъ его запертъ и спереди и сзади. Впереди въ дер. Напчу было собрано до тысячи солдатъ и милиціи, а сзади на Танъ-ла несомнѣнно егран поджидали его возвращенія. По слухамъ, въ Хлассѣ происходилъ большой переполохъ и власти не знали что̀ дѣлать. Наконецъ на шестнадцатый день, и именно 30-го ноября, пріѣхали чиновники и объявили, что въ Напчу прибылъ изъ Хлассы посланникъ, но заболѣлъ послѣ дороги и потому видѣться съ русскими не можетъ; что по постановленію важныхъ сановниковъ Тибета, рѣшено не пропускать русскихъ въ Хлассу.

На вопросъ Пржевальскаго какое участіе принималъ въ этомъ китайскій резидентъ, ему отвѣчали, что до китайцевъ имъ дѣла нѣтъ и что они повинуются лишь своимъ природнымъ повелителямъ. Тогда Николай Михайловичъ объявилъ, что онъ желаетъ непремѣнно видѣться съ главнымъ посланцомъ и просилъ, чтобы о прибытіи русскихъ тотчасъ же дано было знать китайскому резиденту и отъ него привезено бы было дозволеніе или запрещеніе идти въ Хлассу. Онъ просилъ прислать ему письмо и бумаги, которыя должны быть получены изъ Пекина и наконецъ заявилъ, что если въ теченіе трехъ дней посланникъ къ нему не пріѣдетъ, то онъ самъ пойдетъ къ нему въ Напчу для переговоровъ. Это послѣднее очень испугало тибетскихъ чиновниковъ и они, умоляя не двигаться впередъ, обѣщали исполнить всѣ требованія. Дѣйствительно, черезъ день посланникъ явился и остановился въ одной изъ двухъ палатокъ, поставленныхъ не далеко отъ русскаго бивуака для него и для свиты. Переодѣвшись въ богатую соболью шубу мѣхомъ внаружу посланникъ пришелъ на нашъ бивуакъ въ сопровожденіи намѣстниковъ трехъ важныхъ

кумирень и представителей 13 аймаковъ собственно далай-ламскихъ владѣній.

Послѣ обычныхъ привѣтствій, первый вопросъ его былъ, русскіе-ли пришли или англичане? Получивъ соотвѣтствующій отвѣтъ, онъ началъ говорить, что русскіе никогда не были въ Хлассѣ, что они иной вѣры и что правители Тибета и Далай-Лама не желаютъ пустить ихъ къ себѣ.

„На это я отвѣчавъ, говоритъ Пржевальскій [1]), что хотя мы и разной вѣры, но Богъ одинъ для всѣхъ людей; что по закону божескому, странниковъ, кто бы они ни были, слѣдуетъ радушно принимать, а не прогонять; что мы идемъ безъ всякихъ дурныхъ намѣреній, собственно посмотрѣть Тибетъ и изучить его научно; что, наконецъ, насъ всего 13 человѣкъ, слѣдовательно мы никоимъ образомъ не можемъ быть опасны“.

Посланникъ повторивъ свои доводы, самымъ униженнымъ образомъ, умолялъ не ходить далѣе и обѣщалъ уплатить всѣ расходы по путешествію, если только русскіе согласятся повернуть назадъ. Отвергнувъ вопросъ объ уплатѣ денежныхъ издержекъ, какъ недостойный русской чести, Пржевальскій объявилъ, что онъ возвратится, но просилъ выдать ему бумагу съ объясненіемъ причинъ, почему его не пустили въ столицу Далай-Ламы. Послѣ совѣщаній между собою посольство заявило, что не будучи уполномочено, не можетъ дать такой бумаги.

— Завтра утромъ мы выступаемъ, сказалъ тогда Пржевальскій; если будетъ доставлена требуемая бумага, то пойдемъ назадъ, если же нѣтъ, то двинемся къ Хлассѣ.

Послѣ новыхъ совѣщаній главный посланникъ заявилъ, что они готовы дать такую бумагу, но для составленія ея имъ необходимо вернуться къ своему

---

[1]) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 274.

стойбищу, расположенному верстахъ въ десяти отъ русскаго бивуака.

— Тамъ, добавилъ посланникъ, мы будемъ вмѣстѣ редактировать объясненія на счетъ отказа въ пропускѣ васъ въ Хлассу, и если за это впослѣдствіи будутъ рубить намъ головы, то пусть уже рубятъ всѣмъ.

— Я путешествую много лѣтъ, отвѣчалъ Николай Михайловичъ, но нигдѣ еще не встрѣчалъ такихъ дурныхъ и негостепріимныхъ людей, каковы тибетцы; рано или поздно къ нимъ все-таки придутъ европейцы и заставятъ пустить себя силою.

Отвѣта на это нравоученіе не послѣдовало, а на слѣдующій день была доставлена требуемая бумага, въ которой приводились тѣ же причины, которыя объяснялъ посланникъ при первомъ свиданіи [1]).

Итакъ, не дойдя всего 250 верстъ до столицы Тибета, Пржевальскій съ грустью долженъ былъ повернуть назадъ. „Трудно описать, говоритъ онъ въ одномъ изъ писемъ [2]), съ какимъ грустнымъ чувствомъ повернулъ я въ обратный путь! Но видно такая моя судьба! Пусть другой, болѣе счастливый путешественникъ, докончитъ не доконченное мною въ Азіи. Съ моей же стороны сдѣлано все, что возможно было сдѣлать“.

Въ этомъ послѣднемъ никто не сомнѣвался. Знатокъ Китая, бывшій нашъ посланникъ въ Пекинѣ, А. Е. Влангали, впослѣдствіи писалъ Николаю Михайловичу [3]):

„Послѣднее путешествіе ваше одно изъ замѣчательныхъ и плодовитыхъ, и я радуюсь тому, что нашему отечеству выпала доля ознакомить весь міръ съ недоступными доселѣ странами Средней Азіи. Что

---

[1]) Переводъ этой бумаги напечатанъ Пржевальскимъ на стр. 276 его сочиненія „Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ“.

[2]) Письмо Пржевальскаго нашему повѣренному въ дѣлахъ въ Пекинѣ 1-го февраля 1880 г.

[3]) Въ письмѣ отъ 23 января 1881 г. изъ Рима.

вамъ не удалось быть въ Хлассѣ, это ничего. Въ будущей поѣздкѣ вашей вы дойдете и перейдете этотъ пунктъ. Со свѣдѣніями, собранными вами въ двѣ трудныя экспедиціи, вы подготовили себѣ путь къ третьей, которая, обнявъ почти весь Тибетъ, сдѣлаетъ извѣстнымъ всему ученому міру огромную часть Азіятскаго материка и обогатитъ науку многими драгоцѣнными свѣдѣніями".

Пржевальскій самъ разсчитывалъ на лучшее будущее, а теперь рѣшилъ идти въ Цайдамъ и посвятить весну и лѣто изслѣдованію Желтой рѣки, гдѣ, какъ извѣстно, не бывали еще европейцы.

Пока вьючили караванъ, тибетскіе чиновники съ особеннымъ вниманіемъ разсматривали оружіе; потомъ любезно распрощались съ русскими и какъ бы не вѣря, что они пойдутъ назадъ, стоя кучкою, слѣдили за караваномъ до тѣхъ поръ, пока онъ не скрылся за ближайшими горами.

Обратное путешествіе, и въ особенности зимою, обѣщало еще бо̀льшія трудности, чѣмъ были испытаны путешественниками при приближеніи къ Хлассѣ. Караванъ ихъ состоялъ всего изъ 26 слабыхъ верблюдовъ и 10 лошадей, запасы продовольствія были скудны, такъ какъ на послѣдней стоянкѣ удалось купить всего пять пудовъ дзамбы, нѣсколько барановъ, масла и полпуда дурнаго чая, который сами монголы называли *мото-цай*, т. е. деревянный чай.

Пріобрѣсти покупкою продовольствіе или вьючныхъ животныхъ было крайне трудно: между монголами былъ распущенъ слухъ, что серебро, которымъ платятъ русскіе, послѣ ихъ ухода превратится въ желѣзо. Про путешественниковъ разсказывали, что всѣ они трехглазые: сверхъ обыкновенныхъ двухъ глазъ, сидитъ еще одинъ посреди лба. Поводомъ къ такому слуху послужили офицерскія кокарды на шапкахъ. Далѣе увѣряли, что ружья русскихъ стрѣляютъ на разстояніе, равное цѣлому дню ѣзды на верховой лошади.

„Вообще мы производимъ страшную панику на тибетцевъ, записалъ Пржевальскій въ своемъ дневникѣ. Нѣкоторые даже начинаютъ эксплоатировать такое обстоятельство. Такъ, начальникъ каравана, при которомъ сначала находились нанятые нами монголы, говорилъ имъ, что если на Танъ-ла на него нападутъ егpаи, то онъ скажетъ имъ: „хорошо, берите мои товары; я же отправлюсь назадъ жаловаться русскимъ. Эти люди присланы сюда китайскимъ правительствомъ для того, чтобы всѣхъ васъ перебить за ваши разбои. Не перебили же до сихъ поръ потому, что не знали навѣрное, что вы и есть самые разбойники“.

Не смотря на разсказы о волшебствѣ и богатырствѣ русскихъ, Пржевальскій все-таки былъ увѣренъ что на Танъ-ла ихъ непремѣнно встрѣтятъ егpаи, имѣвшіе достаточно времени, чтобы собраться въ значительныхъ силахъ. Направляясь въ Хлассу, каждый разсчитывалъ получить вѣсточку отъ родныхъ, или узнать отъ товарища, что дѣлается на родимой сторонѣ, что дѣлается въ Европѣ? Но писемъ, присланныхъ въ Хлассу, черезъ пекинское посольство, имъ не выдали, а обѣщали отослать обратно въ Пекинъ. Ослабленные и утомленные безпрерывными переходами, члены экспедиціи шли повѣсивъ головы, и единственнымъ утѣшеніемъ для нихъ было пріобрѣтеніе трехъ старыхъ знакомыхъ проводниковъ-монголовъ, добровольно присоединившихся къ каравану и отлично знавшихъ путь. Одинъ изъ нихъ, цайдамецъ Дадай, восемь разъ ходилъ изъ Цайдама въ Хлассу и былъ очень полезенъ экспедиціи. При его содѣйствіи оказалось возможнымъ прикупить четырехъ лошадей и добавить продовольствія. „Хотя, говоритъ Пржевальскій [1]), новый вожакъ взялъ съ насъ красную цѣну [2]), но за то мы могли пользоваться отъ него необходимыми разспросами и пройти болѣе 500 верстъ по новымъ мѣстностямъ“.

---

[1]) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 279.

[2]) 40 ланъ (120 кредитныхъ рублей), при нашей верховой лошади и нашемъ продовольствіи.

Прежде всего Дадай указалъ другой путь, хотя и болѣе кружный, но такой, по которому можно было избѣжать перевала черезъ Танъ-ла, а главное обойти егораевъ. Обходный путь шелъ изъ дер. Напчу на западный уголъ Танъ-ла, къ рѣкѣ Думбуре-голъ, гдѣ и выходилъ на сѣверный, такъ называемый Тайджинерскій, путь. На весь этотъ переходъ монголы употребляютъ 45 дней вьючнаго движенія на якахъ и вдвое менѣе на верблюдахъ. Къ сожалѣнію, верблюды нашей экспедиціи были слишкомъ ненадежны, чтобы пройти лишнихъ 45 дней, и Пржевальскій принужденъ былъ отказаться отъ случая посмотрѣть новый клочокъ Тибета и решился идти прежнею дорогою, вверхъ по р. Танъ-чю.

На перевалѣ черезъ Танъ-ла экспедиція бросила двухъ верблюдовъ и имѣла еще кандидатовъ на подобную участь. Дойдя до горъ Цаганъ-обо, экспедиція провела здѣсь четверо сутокъ, по случаю болѣзни одного изъ спутниковъ, а затѣмъ свернула влѣво и направилась по тайджинерской дорогѣ. Этотъ путь представлялъ ту выгоду, что на протяженіи 500 верстъ караванъ шелъ новыми мѣстами и скорѣе попадалъ въ Цайдамъ. „Необходимо было спѣшить, говоритъ Николай Михайловичъ [1]), такъ какъ наши верблюды слабѣли съ каждымъ днемъ, а запасы провизіи истощались, за исключеніемъ одного мяса, котораго можно было добыть охотою сколько угодно“.

„Сегодня оказалось, сказано въ дневникѣ, подъ 25 числомъ декабря, что у насъ дзамбы только 107 фунтовъ; между тѣмъ впереди путь еще далекій. Поэтому съ завтрашняго дня казакамъ будетъ выдаваться только по полфунта въ день на каждаго. Соли тоже мало. Казаки ѣдятъ какъ фараоновы коровы. Вообще они звѣри, а не люди, но съ такими только и возможно путешествіе въ здѣшнихъ странахъ. Нужно, чтобы казакъ былъ звѣрь, но на уздѣ. Солдаты,—тѣ гораздо лучше, нравственнѣе и вообще благороднѣе.

[1]) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 290.

Съ ними и обращаться можно по человѣчески; съ казаками же должна быть строгость неумолимая.....

„Сегодня день Рождества. Достали и ѣли презервированную рыбу (треску) и земляничное варенье. Казакамъ было дано немного сахару и по три сигары изъ подарочныхъ“.

Новый 1880 годъ Пржевальскій встрѣтилъ въ сѣверной окраинѣ хребта Думбуре, въ сосѣдствѣ дикихъ яковъ, оронго, хулановъ „и вдали-дальней отъ всего цивилизованнаго міра“.

„Притомъ, записалъ онъ въ дневникѣ, сегодня ровно половина (по времени) нашего путешествія: 10 мѣсяцевъ тому назадъ мы пріѣхали въ Зайсанъ; десять-же мѣсяцевъ остается, по вѣроятному разсчету, до возвращенія нашего въ Кяхту. Дай Богъ, чтобы и наступающая вторая половина путешествія прошла также благополучно и продуктивно для науки, какъ первая. Тогда съ спокойною совѣстью, какъ и теперь, я оглянусь назадъ, зная, что еще одинъ годъ своей жизни прожилъ не даромъ.....

„Ради новаго года казакамъ дано было по полуимперіалу. Сами мы ѣли варенье и фрукты въ сахарѣ, которые предназначались для Далай-Ламы, но, по счастью, не попали къ этому.....“

Отпраздновавъ новый годъ, путешественники черезъ хребетъ Гурбунайджи спустились на р. Найджинъ-голъ. Здѣсь роздана была казакамъ послѣдняя порція дзамбы; рису, съ которымъ варился супъ, осталось также лишь нѣсколько горстей. По счастію, черезъ нѣсколько дней, двигаясь по той же самой рѣкѣ, встрѣтили пять юртъ тайджинерскихъ монголовъ, у которыхъ купили дзамбы, масла, молока, нѣсколькихъ барановъ и домашняго яка, мясо котораго оказалось превосходнымъ. Мѣсто, на которомъ расположился караванъ, было обильно ключами, кормомъ и топливомъ. Пользуясь этимъ, путники вымылись и почистились: грязь на тѣлѣ была такъ велика, что ее можно было соскабливать ногтями; подошвы же ногъ, съ которыхъ

не снималась обувь въ теченіе весьма долгаго времени, были похожи на пятки верблюдовъ.

„Назадъ на Тибетъ, говоритъ Пржевальскій [1]), страшно было даже посмотрѣть: тамъ постоянно стояли теперь тучи и, вѣроятно, бушевала непогода. Здѣсь-же, на Найджинъ-голѣ, было довольно тепло, хотя изрѣдка моросилъ снѣгъ—остатокъ тибетскихъ бурановъ. Этотъ снѣгъ покрывалъ окрестныя горы бѣлою пеленою; но на долинѣ рѣки быстро растаивалъ. Теперь оказалось возможнымъ снять и лишнее теплое одѣяніе, безъ котораго ходить и ѣздить верхомъ было несравненно удобнѣе, въ особенности при безпрестанныхъ слѣзаніяхъ съ коня, для дѣланія засѣчекъ бусолью“.

Простоявши здѣсь два дня, экспедиція въ полномъ смыслѣ отдохнула и оправилась. Такъ какъ для подъема вьюковъ оставалось всего 12 верблюдовъ, да и то плохихъ, то Николай Михайловичъ нанялъ у монгола шесть яковъ, съ которыми и двинулся далѣе. Стояла тихая и теплая погода и въ часъ пополудни 16-го января термометръ показывалъ въ тѣни 2,4 градуса тепла, а на солнцѣ 10,5 градусовъ.

На слѣдующій день караванъ перевалилъ съ большими трудностями черезъ Куку-томъ, а затѣмъ дальнѣйшій путь уже не представлялъ затрудненій. Становилось все теплѣе и теплѣе; въ полдень было до 9 градусовъ тепла въ тѣни, а на солнечномъ пригревѣ появились комары и пауки. 31-го января караванъ прибылъ въ знакомую хырму Дзунъ-засакъ, отъ которой четыре мѣсяца тому назадъ выступилъ въ Тибетъ. Въ теченіе этого времени пройдено было 1700 верстъ и изъ 34 взятыхъ тогда верблюдовъ возвратились только 13, остальные погибли.

„Мы сами, говоритъ Николай Михайловичъ, хотя счастливо вынесли эти трудности, но чувствовали себя истомленными, и не добромъ поминали тибетскія пустыни“.

---

[1]) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 299.

Въ Дзунъ-засакѣ Пржевальскій съ неудовольствіемъ узналъ, что оставленныя имъ письма не были отправлены въ Пекинъ, какъ онъ просилъ, а возвращены ему. Въ письмахъ этихъ онъ описывалъ свое путешествіе отъ Са-чжеу въ южный Цайдамъ говорилъ и о будущихъ своихъ предположеніяхъ. Пекинское посольство, привыкшее получать періодически отъ Николая Михайловича извѣстія о его путешествіи, на этотъ разъ въ теченіе полугода не имѣло о немъ никакого извѣстія и считало его погибшимъ въ пустыняхъ Тибета.

Поводомъ къ тому послужили слухи, распространившіеся въ посольствѣ о гибели какого-то каравана. „Участь экспедиціи полковника Пржевальскаго, писалъ нашъ повѣренный въ дѣлахъ министерству [1]), внушаетъ мнѣ серьезное безпокойство. Третьяго дня англійскій посланникъ передалъ мнѣ, что по полученнымъ имъ изъ Сы-чуани извѣстіямъ, тамъ ходятъ слухи, будто партія иностранцевъ, направившаяся въ Хлассу съ сѣвера, встрѣчаетъ такія же затрудненія, какъ и графъ Зечени на востокѣ. Въ тотъ же день министры сообщили мнѣ донесенія имъ синицскаго губернатора и сы-чуанскихъ властей, извѣщающихъ, что о Пржевальскомъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній, и что, въ виду пустынности проходимыхъ мѣстъ, китайскія власти не могутъ быть отвѣтственными за случайности. Что̀ означаютъ эти донесенія? простую ли предосторожность, принимаемую властями на всякій случай, или же желаніе приготовить меня къ болѣе тревожнымъ и непріятнымъ вѣстямъ—опредѣлить трудно“.

Десять дней спустя, тотъ же повѣренный въ дѣлахъ телеграфировалъ изъ Пекина [2]); «По словамъ китайцевъ, Пржевальскій, прогнавъ будто заблудившагося проводника, остался въ началѣ октября одинъ въ неизвѣстной пустынѣ. Съ тѣхъ поръ извѣстій о немъ нѣтъ“.

[1]) Коллежскій совѣт. Кояндеръ въ письмѣ отъ 4 (16) января 1880 г.
[2]) Отъ 14 (26) января 1880 г.

Въ газетѣ „Голосъ“ (№ 176) было категорически заявлено, что по извѣстіямъ изъ Вѣрнаго Пржевальскій находится въ плѣну у китайцевъ.

Помню какое впечатлѣніе произвело это въ Петербургѣ: всѣ единогласно утверждали о гибели Николая Михайловича какъ о фактѣ совершившемся и крайне сожалѣли о немъ, какъ о безвременно погибшемъ.

„Недавно, сказано было въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ [1]), черезъ иностранныя, конечно, газеты мы съ прискорбіемъ узнали, что съ Пржевальскимъ случилось что-то недоброе; одинъ изъ проводниковъ его, вернувшійся въ Зайсанъ, увѣряетъ, что ничего дурнаго съ нашимъ соотечественникомъ не случилось до тѣхъ поръ, пока онъ съ нимъ не разстался, но съ другой стороны толкуютъ о томъ, *что весь конвой отъ Пржевальскаго разбѣжался*, что проводники его покинули и, наконецъ, что караванъ ламайскихъ богомольцевъ, къ которому будто-бы присталъ нашъ путешественникъ, вернулся безъ него; въ австрійскихъ газетахъ, черезъ посредство путешествующаго по внутреннему Китаю мадьярскаго графа (Зечени), стали говорить, что нашъ соотечественникъ ограбленъ, убитъ. Утѣшаетъ лишь то, что наша пекинская миссія ничего о гибели Пржевальскаго не знаетъ..... Ливингстона искали, Пайера искали, Норденшельда искали, а Пржевальскаго никто искать и не думаетъ. Стоило-бы однако позаботиться о его судьбѣ, въ особенности въ тотъ моментъ, когда Китай становится прямо во враждебныя отношенія къ Россіи“.....

Только въ февралѣ было получено успокоительное свѣдѣніе о томъ, что не только Пржевальскій, но и всѣ остальные члены экспедиціи живы и здоровы. Скоро пришло извѣстіе и отъ самого Николая Михайловича, съ предположеніемъ о дальнѣйшемъ путешествіи къ истокамъ Желтой рѣки.

Двухдневная стоянка у хырмы Дзунъ-засакъ была

[1]) 1880 г., № 5, стр. 215.

употреблена на просушку и окончательную укладку собранныхъ коллекцій, закупки продовольствія и верблюдовъ, полученіе серебра и вещей, оставленныхъ на храненіе у Камбы-ламы и князей Барунъ-засака и Дзунъ-засака. Все взятое было возвращено въ цѣлости и Дзунъ-засакъ употреблялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы скорѣе выпроводить отъ себя экспедицію. Онъ тотчасъ-же приказалъ пригнать изъ стада 8 вьючныхъ верблюдовъ и кромѣ погонщиковъ былъ присланъ проводникъ, хотя и знавшій дорогу, но оказавшійся полнымъ идіотомъ.

Караванъ выступилъ тѣмъ-же путемъ, по которому слѣдовалъ въ 1872—1873 г., и пришелъ въ Дуланъ-китъ, гдѣ не хотѣли продать ни лошадей, ни верблюдовъ, изъ опасенія, чтобы, закупивъ новыхъ животныхъ, русскіе не направились куда нибудь еще помимо Синина. Опасенія были однако-же напрасны, и Пржевальскій, черезъ Бухаинъ-голъ, Цайза-голъ и по южному берегу Куку-нора пришелъ къ пикету Шалахото, близъ котораго и расположился бивуакомъ. До Синина оставалось 70 верстъ.

Оставивъ здѣсь караванъ подъ надзоромъ прапорщика Эклона, Николай Михайловичъ отправился въ г. Сининъ, съ прапорщикомъ Роборовскимъ, переводчикомъ Абдулою-Юсуповымъ и тремя казаками. Ихъ сопровождали высланные на встрѣчу за нѣсколько переходовъ китайскіе солдаты, съ желтыми знаменами, распущенными при входѣ въ г. Донкыръ, что привлекло огромную толпу зѣвакъ. Переночевавъ въ этомъ городѣ, Пржевальскій и его спутники выступили далѣе, въ сопровожденіи новой смѣны китайскихъ солдатъ. На другой день по прибытіи въ Сининъ, Николай Михайловичъ имѣлъ свиданіе съ мѣстнымъ губернаторомъ. Свиданіе было очень парадное и происходило въ ямынѣ (присутственномъ мѣстѣ), въ воротахъ котораго были выстроены солдаты со знаменами.

„Не смотря на довольно холодный день, говоритъ Пржевальскій [1]), всѣ присутствующіе помѣщались въ

[1]) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 331.

открытой фанзѣ; на дворѣ ея набилось народу видимо невидимо. Когда всѣ власти собрались и пріѣхалъ самъ амбань, мнѣ дали знать, что насъ ожидаютъ. Я поѣхалъ верхомъ, въ сопровожденіи прапорщика Роборовскаго, переводчика и двухъ казаковъ; на улицахъ впереди, сзади и по бокамъ насъ, тѣснилась огромная толпа народа, вплоть до самыхъ воротъ ямына, гдѣ мы слѣзли съ лошадей и вошли во дворъ. Пройдя черезъ этотъ дворъ, мы очутились во второмъ отдѣленіи внутренней ограды и здѣсь встрѣтились съ амбанемъ (губернаторомъ). Послѣдній вѣжливо, но весьма холодно, раскланялся съ нами и пригласилъ насъ въ фанзу, назначенную для пріема. Здѣсь амбань усѣлся посрединѣ, прямо противъ входа, и пригласилъ меня сѣсть рядомъ съ собою; прочія же власти, и вмѣстѣ съ ними г. Роборовскій, размѣстились возлѣ боковыхъ стѣнъ той-же фанзы; переводчикъ Абдулъ стоялъ возлѣ насъ; казаки остались на заднемъ дворѣ".

Прежде всего амбань спросилъ, куда Пржевальскій намѣренъ идти далѣе?

— Нынѣшнею весною, отвѣчалъ спрошенный, мы пойдемъ на верховье Желтой рѣки и пробудемъ тамъ мѣсяца три или четыре, смотря по тому, какъ много найдется научной работы.

— Не пущу туда, живо возразилъ амбань, я имѣю предписаніе изъ Пекина, какъ можно скорѣе выпроводить васъ отсюда и предлагаю вамъ идти въ Алашань.

При этомъ амбань пристально смотрѣлъ на Николая Михайловича, какъ-бы желая видѣть, какое впечатлѣніе произведетъ на него такой категорическій отказъ.

— На Желтую рѣку, отвѣчалъ Пржевальскій съ улыбкою, мы пойдемъ и безъ позволенія.

— Знаете-ли, началъ амбань послѣ нѣкотораго молчанія и какъ-бы желая испугать собесѣдника, на верхней Хуанъ-хэ (Желтой рѣкѣ) живутъ разбой-

ники-тангуты, которые, какъ мнѣ хорошо извѣстно, собираются умертвить всѣхъ васъ, въ отмщеніе за побитіе егораевъ въ Тибетѣ. Тангуты народъ храбрый, можно даже сказать отчаянный. Я самъ никакъ не могу съ ними справиться, не смотря на то, что у меня много солдатъ и всѣ они воины отличные. Если не вѣрите мнѣ, спросите у другихъ здѣшнихъ чиновниковъ.

Присутствовавшіе при аудіенціи китайцы стали почтительно кивать головами и бормотать, а одинъ изъ нихъ всталъ и доложилъ амбаню, что на Хуанъ-хэ живутъ даже людоѣды.

— Намъ необходимо идти на Хуанъ-хэ, говорилъ Пржевальскій, и мы пойдемъ туда даже безъ проводника, какъ то не разъ уже дѣлали.

Тогда амбань сталъ упрашивать, чтобы экспедиція ограничила свое пребываніе на Желтой рѣкѣ пятью—шестью днями; чтобы Николай Михайловичъ далъ ему росписку въ томъ, что предполагаемое путешествіе беретъ на свой рискъ, не будетъ переходить на правый берегъ Желтой рѣки и по возвращеніи оттуда пойдетъ прямо въ Ала-шань, не заходя на Кукуноръ.

„Дать требуемую записку я охотно согласился, пишетъ Пржевальскій, тѣмъ болѣе, что этимъ мы избавлялись отъ китайскаго конвоя, который былъ бы великою обузою, а при дѣйствительной опасности ни отъ чего бы не защитилъ; наоборотъ, всего вѣроятнѣе самъ бы сталъ подъ нашу защиту. Затѣмъ относительно двухъ другихъ условій я отвѣчалъ уклончиво, обнадеживая, впрочемъ, амбаня въ своей готовности исполнить его желаніе“.

Послѣ аудіенціи, продолжавшейся около часа, Пржевальскій отправился обратно на свою квартиру и послалъ амбаню подарки, изъ которыхъ онъ взялъ лишь нѣкоторыя вещи, а отъ остальныхъ отказался изъ опасенія быть уличеннымъ во взяточничествѣ. Въ замѣнъ полученныхъ вещей онъ прислалъ немного провизіи

и ведро крѣпкой китайской водки, весьма пригодившейся для спиртовыхъ коллекцій.

Въ Сининѣ Николай Михайловичъ оставался три дня, чтобы закупить часть продовольствія и муловъ, необходимыхъ для слѣдованія въ лѣсныя горы верхней Хуанъ-хэ, а также устроить свои коллекціи, которыя было невозможно тащить съ собою на Желтую рѣку. Амбань не соглашался на оставленіе ихъ на пикетѣ Шала-хото, а требовалъ, чтобы онѣ были доставлены въ Сининъ на храненіе. Дѣлалъ онъ это въ виду того, чтобы заставить экспедицію вернуться съ Желтой рѣки и слѣдовательно отказаться отъ Кукунора, гдѣ Пржевальскому было необходимо сдѣлать съемку восточнаго и части сѣвернаго береговъ и изслѣдовать лѣтнюю флору и фауну. По счастію, въ это время пришелъ въ Сининъ изъ Ала-шаня торговый караванъ и Николай Михайловичъ, нанявъ десять верблюдовъ, отправилъ свою коллекцію прямо въ Ала-шань.

Купивъ въ Сининѣ 14 муловъ, Пржевальскій отправился съ ними къ своему каравану. Въ Сининѣ онъ получилъ, первый разъ по выходѣ въ путешествіе, корреспонденцію изъ Европы и изъ нея узналъ, что въ 1879 г. королевское географическое общество въ Лондонѣ назначило ему королевскую золотую медаль. Онъ имѣлъ возможность поблагодарить общество только по возвращеніи въ Петербургъ въ 1881 году. Теперь же, по возвращеніи въ Шала-хото, онъ употребилъ два дня (15 и 16 марта) на отправленіе коллекціи въ Ала-шань, а затѣмъ на пригонку вьюковъ. Послѣ двухнедѣльнаго отдыха у пикета Шала-хото верблюды, числомъ десять, сдѣлались еще хуже; двое изъ нихъ издохли, а остальные были отданы на пастьбу. Экспедиція выступала на мулахъ, заранѣе предвкушая всю прелесть весенней жизни въ лѣсныхъ, обильныхъ водою, горахъ Желтой рѣки. Юрта была уничтожена и замѣнена палаткою; лишняя теплая одежда отправлена въ Ала-шань и члены экспедиціи перешли на лѣтнее положеніе.

Отъ бивуака до Желтой рѣки было всего 57 верстъ. Караванъ сначала поднялся на юго-восточную окраину Куку-норскаго плато, потомъ перевалилъ черезъ два хребта и съ южнаго склона Балекунъ-Гоми увидѣлъ Желтую рѣку, „широкою лентою извивавшуюся въ темной каймѣ кустарныхъ зарослей и обставленную гигантскими обрывами на противоположномъ берегу“.

Спустившись съ горъ, Пржевальскій разбилъ свой бивуакъ, на высотѣ 8,600 ф. абс. высоты— такъ низко не спускалась экспедиція въ теченіе восьми мѣсяцевъ отъ самаго Нань-шаня. Ожиданіе встрѣтить здѣсь богатую флору и фауну не оправдалось, но погода стояла теплая и поврем енамъ даже жаркая. Въ половинѣ марта Желтая рѣка очистилась ото льда, а въ концѣ мѣсяца появились всѣ признаки весны.

Найдя съ большимъ трудомъ проводника, Пржевальскій 30 марта двинулся вверхъ по Хуанъхэ. Всего 30 верстъ можно было воспользоваться хорошею дорогою, потомъ пришлось идти по глубокимъ пескамъ, гдѣ ноги муловъ глубоко вязли, а затѣмъ начался подъемъ въ горы. Характеристикою всего бассейна верхняго теченія Хуанъ-хэ служатъ безчисленные, чрезвычайно глубокіе, корридоры или траншеи, вырытыя въ наносной почвѣ всѣми безъ исключенія даже и маленькими рѣчками. Не рѣдко промоины образуются случайно во время сильныхъ лѣтнихъ дождей. Бока подобныхъ корридоровъ почти всегда отвѣсные, страшно исковерканные и въ самомъ меньшемъ случаѣ имѣютъ тысячу футовъ по отвѣсу. Сама Хуанъ-хэ течетъ въ корридорѣ, имѣющемъ 6—7 верстъ ширины и отвѣсные бока котораго возвышаются надъ уровнемъ рѣки на 1600 футовъ. Тысячи подобныхъ пропастей изрѣзываютъ всю мѣстность и совершенно незамѣтны для непривычнаго глаза.

„Идешь по луговому плато, говоритъ Пржеваль-

*

скій [1]), совершенно гладкому, какъ вдругъ подъ самыми ногами раскрывается страшная пропасть, по дну которой обыкновенно течетъ рѣчка, обросшая лиственными деревьями; густые кустарники зачастую покрываютъ болѣе пологія мѣста боковыхъ обрывовъ. Въ подобныя пропасти ведутъ тропинки, проложенныя си-фанями. Но вы можете себѣ представить, каково вьючнымъ муламъ взбираться или спускаться по тропинкѣ, имѣющей, на 3—4 версты протяженія, полторы тысячи футовъ паденія; при томъ съ глиняныхъ боковыхъ стѣнъ постоянно грозятъ обвалы.

„Помучились мы, въ особенности наши животныя, не мало, переходя одно за другимъ вышеописанныя ущелья. Къ неудобствамъ движенія присоединялось еще и враждебное настроеніе мѣстныхъ жителей сифаней. Лишь только мы вошли въ ихъ предѣлы, какъ тотчасъ явился какой-то всадникъ, который издали закричалъ намъ, что мы надняхъ будемъ перебиты, и ускакалъ. Пришлось опять, какъ зимою въ Тибетѣ, перейти на военное положеніе: ночью караулъ, спимъ съ оружіемъ подъ изголовьемъ, на охоту ходимъ съ револьверами, пасемъ скотъ не далѣе мѣры винтовочнаго выстрѣла отъ своего стойбища. Однако угрозы си-фаней остались на словахъ. Всѣмъ имъ очень хорошо извѣстно какъ мы отдѣлали на Танъ-ла еграевъ; поэтому си-фани, такіе же трусы, какъ и всѣ азіятцы, перемѣнили свои враждебныя отношенія на болѣе мирныя, пріѣзжали даже къ намъ, продавали масло и барановъ. Впослѣдствіи эти дикари намъ сознавались, что были страшно напуганы слухами, пущенными про насъ изъ Синина, и хотѣли даже всѣ укочевать изъ тѣхъ мѣстностей, по которымъ мы проходили“.

Съ большимъ трудомъ путешественники поднялись на возвышенное плато, по которому предстоялъ большой безводный переходъ. Необходимо было добыть воду, что удалось сдѣлать изъ находившагося внизу

[1]) Въ письмѣ повѣренному въ дѣлахъ въ Пекинѣ отъ „ “ мая 1880 г.

ручья. Безводный переходъ былъ совершенъ удачно и, слѣдуя далѣе, караванъ достигъ до р. Бага-горги. Она была крайнимъ пунктомъ, до котораго проводникъ зналъ дорогу, далѣе приходилось прибѣгать къ разъѣздамъ, крайне труднымъ среди мѣстности, изборожденной горами и ущельями. Однако Пржевальскій рѣшился прибѣгнуть къ этому способу, чтобы, хотя ощупью, пробраться на истоки Хуанъ-хэ.

„Тепло, говоритъ Николай Михайловичъ [1]), которое приласкало насъ въ долинѣ Хуанъ-хэ и на Бага-горги, съ поднятіемъ на высокое (11,800 ф. абс. выс.) плато возлѣ г. Джаханъ-фидза, опять замѣнилось частыми холодами, по временамъ снѣгомъ и бурями, приносившими, какъ обыкновенно, тучи пыли. Притомъ воздухъ былъ сухъ до крайности и это обстоятельство, вмѣстѣ съ ночными морозами и періодическими непогодами днемъ, какъ нельзя болѣе задерживало развитіе всей растительности вообще“.

Посланные въ разъѣздъ казаки отыскали, верстахъ въ 40 отъ бивуака, рѣчку Чурмынь, весьма удобную для стоянки. Туда и рѣшено было перекочевать со всѣмъ караваномъ, а затѣмъ слѣдовать къ верховьямъ Хуанъ-хэ. Но исполненіе послѣдняго желанія, въ виду дикости природы и невозможности движенія съ вьючными животными, пришлось оставить. Горы подымались почти подъ самыя облака, страшныя ущелья встрѣчались на каждой верстѣ и подножнаго корма почти не было. Перевалить черезъ хребетъ было невозможно, а обойти его, при помощи разъѣздовъ отыскивая путь, казалось дѣломъ очень труднымъ, въ особенности потому, что караванъ имѣлъ вьючныхъ муловъ, а не верблюдовъ. Сообразивъ это, Николай Михайловичъ рѣшилъ посвятить наступающее лѣто изслѣдованію окрестностей оазиса Гуй-дуй, озера Куку-нора и восточнаго Нань-шаня.

11 мая караванъ двинулся обратно въ Балекунъ-Гоми, немного ниже Доро-Гоми переправился черезъ

[1]) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 367.

Хуанъ-хэ и пришелъ въ оазисъ Гуй-дуй. Спустя нѣсколько дней, посвященныхъ разнаго рода изслѣдованіямъ, экспедиція продвинулась еще верстъ 40 по р. Муджикъ-хэ и встрѣтила здѣсь большое разнообразіе въ растительности. Охота за голубыми чеканами представляла также много интереснаго, такъ какъ птичка эта держится на высочайшихъ горахъ и обыкновенно вблизи снѣговой линіи. Чеканы очень довѣрчивы и убить ихъ не трудно; но вся прелесть охоты заключается въ томъ поэтическомъ наслажденіи, которое испытываетъ охотникъ, лазая по горамъ и любуясь видами окружающей мѣстности.

„Приходится, говоритъ Николай Михайловичъ [1]), лазить или сидѣть на высотѣ въ 13—14,000 ф., нерѣдко въ облакахъ, иногда даже выше ихъ. Во всѣ стороны раскрывается далекій, необъятный горизонтъ; смотришь въ даль и не насмотришься вдоволь..... Вокругъ надъ самою головою, съ особеннымъ дребезжащимъ шумомъ крыльевъ, плавно пролетитъ громадный грифъ или ягнятникъ; невольно провожаешь глазами эту могучую птицу. То раздастся громкій голосъ уллара, или прекрасное пѣніе нипальской завирушки; съ окрестныхъ скалъ нерѣдко валятся камни и съ шумомъ летятъ далеко внизъ въ пропасти; то, вдругъ, станетъ совершенно тихо, словно въ горахъ ни одного живаго существа..... И вотъ набѣжитъ облачко и обдастъ сыростью, или осыплетъ снѣжною крупою или, наконецъ, разразится недолгимъ бураномъ“....

Обслѣдовавъ альпійскую область горъ Джахаръ, Пржевальскій рѣшилъ не идти далѣе къ югу, а возвратиться въ Гуй-дуй съ тѣмъ, чтобы направиться на Куку-норъ. Въ Гуй-дуѣ встрѣтилъ путешественниковъ посланный сининскаго амбаня съ предложеніемъ, не заходя на Куку-норъ, прямо черезъ Сининъ идти въ Ала-шань. Отправивъ посланнаго обратно, Пржевальскій пошелъ своею дорогою черезъ ущелье р. Тагалына и 23 іюня поднялся на куку-норское плато. Этимъ подъемомъ закончилось трехмѣсячное

[1]) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 390.

изслѣдованіе бассейна верхней Хуанъ-хэ, т. е. мѣстностей сѣверо-восточнаго угла Тибетскаго нагорья.

Пройдя затѣмъ по долинамъ рѣкъ Ара-гола и Балема, поохотившись на дикихъ гусей, собравъ для коллекціи нѣсколько растеній и, наконецъ, закончивъ съемку озера Куку-нора, Николай Михайловичъ рѣшилъ возвращаться домой черезъ Ала-шань на Ургу.

6-го іюня экспедиція снялась съ бивуака на оз. Куку-норѣ и пошла въ обратный путь.

„Сегодня, записалъ Н. М. въ своемъ дневникѣ, распрощались мы съ Куку-норомъ вѣроятно уже навсегда. Передъ отходомъ я нѣсколько минутъ пристально глядѣлъ на красивое озеро, стараясь живѣе запечатлѣть въ памяти его панораму. Да, навѣрное въ будущемъ не одинъ разъ вспомню я о счастливыхъ годахъ своей страннической жизни. Много въ ней перенесено было невзгодъ, но много испытано и наслажденій, много пережито такихъ минутъ, которыя не забудутся до гроба.....“

На другой день озеро совершенно скрылось изъ вида и караванъ, переваливъ въ бассейнъ Сининской рѣки, употребилъ восемь сутокъ на переходъ до знакомой намъ кумирни Чейбсенъ. По цѣлымъ днямъ шли дожди, нерѣдко съ грозами, и сильно донимали путешественниковъ: всѣ они ходили постоянно въ мокромъ платьѣ и даже ружья и револьверы заржавѣли до крайности. По временамъ становилось холодно какъ осенью и собранныя растенія часто нельзя было просушить. Понятно, что при такихъ условіяхъ чейбсенская кумирня казалась имъ обѣтованною землею и тѣмъ болѣе, что тамъ встрѣтили многихъ старыхъ знакомыхъ, принявшихъ весьма радушно нашихъ странниковъ.

„Съ приходомъ въ Чейбсенъ, говоритъ Николай Михайловичъ [1]), окончилась маршрутно-глазомѣрная съемка, которую я велъ отъ самой р. Ургу; пред-

[1]) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 405.

стоявшій теперь путь черезъ Ала-шань до Урги былъ снятъ еще въ 1873 г. Всего въ теченіе нынѣшней экспедиціи снято было мною 3,850 верстъ. Если приложить сюда 5,300 верстъ, снятыхъ при первомъ путешествіи по Монголіи и сѣв. Тибету, 2,320 верстъ моей же съемки на Лобъ-норѣ и въ Чжунгаріи, то въ общемъ получится 11,470 верстъ, проложенныхъ вновь на карту Центральной Азіи.

„При этомъ слѣдуетъ сказать, что какъ ни проста сама по себѣ глазомѣрная съемка бусолью, но она достаточно утомляетъ дорогою, въ особенности при жарѣ, такъ какъ для засѣчекъ часто приходится слѣзать съ лошади; да и по приходѣ на мѣсто переноска снятаго на чистый планшетъ всегда отнимаетъ часъ или два времени. Притомъ, сама съемка является лишь небольшою частію различныхъ научныхъ работъ во время путешествія“.

Оставивъ кумирню Чейбсенъ, караванъ прошелъ кумирню Чартынтонъ, поднялся на перевалъ и 9-го августа, спустившись съ тибетскаго нагорья къ Ала-шаню, остановился въ двухъ верстахъ отъ города Даджинъ.

„На самомъ перевалѣ, записалъ въ своемъ дневники Н. М. въ ожиданіи прихода отставшаго немного каравана, я нѣсколько минутъ пристально смотрѣлъ на великолѣпную панораму горъ. Оба хребта — на южной и на сѣверной сторонѣ Тетунга—раскидавались передо мною и убѣгали вдоль къ западу, теряясь въ легкомъ синеватомъ туманѣ, наполнявшемъ воздухъ.

„Справа, невдалекѣ, стояла скалистая вершина Гаджура, не окутанная противъ обыкновенія облаками. Внизу подъ самыми моими ногами темнѣло глубокое ущелье и множество другихъ ущелій большихъ и малыхъ, близкихъ и далекихъ бороздили горы и извивались въ различныхъ направленіяхъ. Насколько хваталъ глазъ все было перепутано, изломано, исковеркано. На общемъ зеленомъ фонѣ горъ, тамъ и сямъ выдѣлялись болѣе темныя площади

лѣсовъ и кустарниковъ или голыя желтовато-сѣрыя скалы.

„Любовался глазъ, радовалось сердце. Но въ то-же время грустное чувство охватывало душу, при мысли, что скоро придется разстаться со всѣми этими прелестями.

„Сколько разъ я былъ счастливъ сидя одинокимъ на высокихъ горныхъ вершинахъ! Сколько разъ завидовалъ пролетѣвшему въ это время мимо меня грифу, который можетъ подняться еще выше и созерцать панорамы еще болѣе величественныя.....

„Лучшимъ дѣлается человѣкъ въ такія минуты Словно поднявшись въ высь онъ отрѣшается отъ своихъ мелкихъ помысловъ и страстей. Могу сказать, кто не бывалъ въ высокихъ горахъ, тотъ не знаетъ грандіозныхъ красотъ природы!.....“

Со спускомъ въ долину обстановка рѣзко измѣнилась: недавняя прохлада горъ замѣнилась сильною жарою и чрезвычайною сухостью атмосферы. Поднявшаяся сильная буря, наполнившая воздухъ тучами удушливой пыли, была какъ бы привѣтомъ пустыни....

Тяжелое впечатлѣніе производитъ Ала-шаньская пустыня на путешественника: повсюду сыпучіе пески, мертвенность и запустѣніе. По цѣлымъ часамъ не слышно никакихъ звуковъ, не видно ни одного живаго существа и негдѣ укрыться отъ невыносимой жары. Ни днемъ, ни ночью нѣтъ прохлады. „Раскаленная днемъ почва дышетъ жаромъ до слѣдующаго утра, а тамъ опять, багровымъ дискомъ показывается дневное свѣтило и быстро накаляетъ все, что хотя немного успѣло остынуть въ теченіе ночи“.....

При такихъ тяжелыхъ условіяхъ караванъ прошелъ 283 версты и 24-го августа прибылъ въ г. Дынь юань-инъ. Отсюда до Урги оставалось еще тысяча верстъ и путь лежалъ срединою дикой и непривѣтливой пустыни Гоби. Къ счастью, наступала осень — самое лучшее время для переходовъ

по пустынѣ, но все-таки необходимо было обставить себя отъ всякихъ случайностей и лишеній. Продавъ вану (правителю) своихъ верблюдовъ, Пржевальскій нанялъ у него-же 22 верблюда до Урги, замѣнилъ сбитыхъ лошадей новыми, и утромъ 2-го сентября выступилъ изъ Дынь-юань-ина. Изо-дня въ день, въ теченіе болѣе чѣмъ полутора мѣсяца, шли путешественники по непривѣтливой пустынѣ, не встрѣчая впрочемъ особыхъ затрудненій, и 19 октября прибыли въ Ургу.

Послѣдній переходъ тянулся невыносимо долго и нетерпѣніе скорѣе придти на мѣсто съ каждымъ часомъ усиливалось. „Наконецъ, пишетъ Николай Михайловичъ [1]), съ послѣдняго перевала, передъ нами раскрылась широкая долина р. Тола, а въ глубинѣ этой долины, на бѣломъ фонѣ недавно выпавшаго снѣга, чернѣлся грязною, безобразною кучею священный монгольскій городъ Ургa. Еще два часа черепашьей ходьбы—и вдали замелькало красивое зданіе нашего консульства. Тутъ же и быстрая Тола струила свою свѣтлую, еще не замерзшую воду; справа на горѣ Ханъ-ула чернѣлъ густой нетронутый лѣсъ. Обстановка пустыни круто измѣнялась. Попадали мы словно въ иной міръ. Близился конецъ девятнадцатимѣсячнымъ трудамъ и многоразличнымъ невзгодамъ. Родное, европейское, чувствовалось уже недалеко. Грязные монголы, встрѣчавшіеся по пути, казались теперь еще противнѣе..... Нетерпѣніе наше росло съ каждымъ шагомъ; ежеминутно подгонялись усталыя лошади и верблюды..... Но вотъ мы, наконецъ, и въ воротахъ знакомаго дома, видимъ родныя лица, слышимъ родную рѣчь..... Радушная встрѣча соотечественниковъ, обоюдные разспросы, письма отъ друзей и родныхъ, теплая комната, взамѣнъ грязной, холодной юрты, разнообразныя яства, чистое бѣлье и платье—все это сразу на столько обновило насъ, что прошлое, даже весьма недавнее, казалось грёзами обманчиваго сна“.....

[1]) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 463.

Подъ живымъ впечатлѣніемъ радостной встрѣчи, Николай Михайловичъ записалъ въ своемъ дневникѣ:

Бури грозно миновали,
Выплылъ на берегъ пловецъ,
Но ему вѣдь не сказали,
Что всѣмъ бурямъ ужь конецъ.....

Въ Ургѣ караванъ былъ расформированъ, и отдохнувъ пять сутокъ, путешественники отправились въ Кяхту, на монгольскихъ почтовыхъ; багажъ тащился шагомъ, то на двухколесныхъ телѣгахъ, то на вьючныхъ верблюдахъ. Еще до отъѣзда изъ Урги, Николай Михайловичъ получилъ письма: отъ старшинъ кяхтинскаго купечества, А. Швецова и М. Перевалова, и отъ знакомаго ему Е. Пфифіуса. Всѣ они, выражая живѣйшую радость о возвращеніи Пржевальскаго изъ экспедиціи, приглашали его пріѣхать скорѣе въ Кяхту и остановиться въ приготовленномъ ему домѣ коммерческаго собранія [1]). Наконецъ, послѣ полудня 29 октября, показались бѣлые шпицы кяхтинскихъ церквей и наши путники „со слезами на глазахъ привѣтствовали этотъ первый символъ своей родины“. Пограничный коммисаръ и нѣсколько кяхтинскихъ купцовъ встрѣтили пріѣхавшихъ передъ городомъ, проводили въ заранѣе приготовленную квартиру и окружили истинно родственною заботливостію.

Спустя недѣлю, Николай Михайловичъ и его спутники отправились далѣе: 19 ноября они были въ Пишпекѣ, а 22 числа прибыли въ Вѣрное. Пять дней, проведенныхъ въ этомъ городѣ, были рядомъ торжествъ для Николая Михайловича: обѣды и приглашенія не давали ему покоя, и какъ онъ ни отговаривался, его все-таки заставили прочитать лекцію о своемъ путешествіи [2]).

27-го ноября экспедиція выѣхала изъ Вѣрнаго на 12 почтовыхъ тройкахъ, и хотя за нѣсколько дней вы-

[1]) Письмо Швецова и Перевалова отъ 22 сентября и Пфифіуса отъ 25 сентября 1880 г.

[2]) Дневникъ Н. М. Пржевальскаго.

палъ снѣгъ, но ѣхали на колесахъ. Дорога была скверная и по сторонамъ ея не видно было ни птицъ, ни звѣрей. Черезъ два дня пришлось бросить тарантасъ и пересѣсть въ сани, что было истиннымъ наслажденіемъ послѣ тряскаго колеснаго экипажа. 3-го декабря экспедиція прибыла въ Семипалатинскъ и Николай Михайловичъ остановился у г. Степанова. Здѣсь, какъ и въ Вѣрномъ, его ожидали овацiи, обѣды и также чтеніе. Черезъ два дня, 6-го декабря, онъ оставилъ Семипалатинскъ и среди морозовъ и бурановъ 10-го числа прибылъ въ Омскъ, гдѣ и провелъ три дня.

Наступила уже полная зима, начались мятели и снѣгъ залегъ фута на два. Дорога съ каждымъ днемъ улучшалась и Николай Михайловичъ, черезъ Петропавловскъ, Троицкъ и Верхне-Уральскъ, въ 9 часовъ вечера 19 декабря пріѣхалъ въ Оренбургъ [1]). „Чествованія вездѣ такія, [2]), какихъ я никогда не смѣлъ

---

[1]) Дневникъ Пржевальскаго. См. также Голосъ № 360.

[2]) По всему пути слѣдованія Николая Михайловича его встрѣчали или догоняли телеграммы, присланныя отъ разныхъ учрежденій и лицъ. Помѣщаемъ ихъ здѣсь по порядку полученія:

1. *Отъ генерала Петрова изъ Иркутска.* Сибирскій отдѣлъ географическаго общества привѣтствуетъ васъ (съ) благополучнымъ возвращеніемъ изъ многотруднаго путешествія, гордясь тѣмъ, что ему первому выпадаетъ удовольствіе лично васъ привѣтствовать и познакомиться съ новыми вашими открытіями на пользу географической науки. Присоединяю привѣтствіе и отъ имени товарищей офицеровъ генеральнаго штаба.

2. *Отъ Михаила и Елизаветы Тихменевыхъ изъ Хабаровки.* Горячо привѣтствуемъ ваше благополучное возвращеніе. Самыя сердечныя пожеланія вамъ, дорогому для насъ человѣку, отъ всей Приморской области, родоначальницы вашей славы. Спасибо вамъ за память о насъ.

3. *1-го Декабря отъ чиновъ управленія Приморской области.* Ваше возвращеніе въ Россію огласилось на праздникѣ управленія войскъ. Всѣ присутствующіе глубоко радуются вашему возвращенію и твердо памятуютъ, что Приморская область послужила основаніемъ всесвѣтной славы нашего знаменитаго путешественника. Подписали: Тихменевъ, Барабашъ и 23 человѣка присутствующихъ на праздникѣ.

4. *Отъ П. П. Семенова и В. И. Срезневскаго.* Отъ имени географическаго общества шлемъ сердечный привѣтъ вамъ, дорогой и многоуважаемый Николай Михайловичъ, и вашимъ почтеннымъ спутникамъ Эклону и Ро-

ожидать, писалъ Пржевальскій [1])". Отъ Оренбурга до Москвы онъ ѣхалъ въ отдѣльномъ вагонѣ, любезно предложенномъ ему желѣзно-дорожнымъ обществомъ. Въ день Рождества Христова онъ обнялъ въ Москвѣ братьевъ и близкихъ. „Теперь, писалъ онъ [2]), на радостяхъ возвращенія къ роднымъ, ничего не могу написать дѣльнаго".

Изъ Москвы Николай Михайловичъ съѣздилъ на нѣсколько дней въ Смоленскую губернію и, возвратившись опять въ первопрестольную столицу, 7-го января 1881 года съ курьерскимъ поѣздомъ прибылъ въ Петербургъ.

боровскому. Искреннѣйшее поздравленіе съ счастливымъ исходомъ вашей экспедиціи. Съ нетерпѣніемъ ждетъ васъ Петербургъ.

5. *Отъ генерала Проценко.* Привѣтствую васъ не только отъ себя, но и отъ имени всѣхъ семипалатинцевъ, васъ знающихъ. Душевно радуемся благополучному окончанію труднаго, но славнаго вашего путешествія и поздравляемъ съ блистательнымъ успѣхомъ. Привѣтъ и вашимъ доблестнымъ спутникамъ.

6. *Отъ Рашевскаго изъ Зайсана.* Душевно поздравляю съ успѣшнымъ окончаніемъ экспедиціи на сугубую славу вамъ, пользу науки, радость всѣхъ чтущихъ ваши великія заслуги. Съ нетерпѣніемъ буду ждать извѣстій о торжествахъ, которыми почтитъ ваше возвращеніе ученый міръ. Привѣтъ, нижайшій поклонъ вашимъ спутникамъ и соучастникамъ вашихъ трудовъ и славы.

7. *Отъ генерала Проценко.* Снова не могу не выразить вамъ свою радость, что Богъ уберегъ васъ и среди лишеній и среди опасностей далекаго путешествія. Жалѣю, что не могу лично поздравить васъ съ успѣхомъ всей экспедиціи и обнять васъ какъ друга и какъ дорогого соотечественника, составляющаго гордость и славу нашу.

[1]) В. И. Срезневскому отъ 25 декабря 1880 г.

[2]) В И. Срезневскому и І. Л Фатѣеву 25 декабря 1880 г.

XII.

Встрѣча Николая Михайловича въ Петербургѣ —Просьба его о награжденіи спутниковъ Общее сочувствіе къ путешественнику.—Торжественное собраніе Императорскаго русскаго географическаго общества — Избраніе Пржевальскаго почетнымъ членомъ географическаго общества и почетнымъ гражданиномъ г. С.-Петербурга. — Постановленіе Думы выставить его портретъ. — Просьба Н. М. употребить эти деньги съ благотворительною цѣлью. — Избраніе почетнымъ гражданиномъ г Смоленска и почетнымъ членомъ разныхъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ обществъ — Докучливые посѣтители и письма. — Чтеніе лекцій.—Выставка для публики привезенныхъ коллекцій въ залѣ Академіи наукъ —Чтеніе лекцій Его Высочеству Наслѣднику Цесаревичу.—Отъѣздъ въ деревню.—Письмо Н. Г Настагаля.—Жизнь въ деревнѣ —Покупка имѣнія «Слободы» —Отношенія къ своимъ спутникамъ.—Командированіе въ Тибетъ на два года —Выходъ его книги: «Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ» и отзывы о ней —Сборы въ дорогу —Подарокъ Наслѣдника Цесаревича.—Отъѣздъ изъ Петербурга.

1881—1883.

7-го января, къ 11 часамъ утра, на станціи Николаевской желѣзной дороги собрались члены географическаго общества съ вице-предсѣдателемъ общества П. П. Семеновымъ во главѣ, многіе академики, офицеры генеральнаго штаба, ученые, литераторы и журналисты—словомъ всѣ, кто цѣнилъ заслуги неутомимаго и отважнаго путешественника.

Какъ только остановился поѣздъ, послышались крики: „здѣсь, здѣсь“ и толпа хлынула на встрѣчу прибывшему. Пржевальскій былъ встрѣченъ крикомъ ура! и громкими аплодисментами. Путешественникъ былъ введенъ въ особую залу, гдѣ П. П. Семеновъ привѣтствовалъ его отъ имени географическаго общества съ успѣхомъ и прибавилъ, „что не только это общество и корпорація русскихъ ученыхъ, но и все русское общество съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдило за его шествіемъ по средне-азіятскимъ пустынямъ; что каждое извѣстіе о немъ немедленно повторялось всею періодическою печатью, а распространенный въ

Европѣ другимъ путешественникомъ въ Азіи, венгерцомъ графомъ Зеченьи, тревожный слухъ о печальной участи, будто-бы постигшей русскую экспедицію, вызвалъ, съ одной стороны, всеобщее уныніе, а съ другой—недовѣріе къ слуху, такъ какъ смѣлость, находчивость и энергія Н. М. Пржевальскаго не допускали, по общему мнѣнію, неуспѣха въ его предпріятіи".

Въ заключеніе своей рѣчи П. П. Семеновъ объявилъ, что Императорское русское географическое общество избрало знаменитаго путешественника своимъ почетнымъ членомъ.

Николай Михайловичъ отвѣчалъ, что именно въ сочувствіи русскихъ ученыхъ къ его дѣятельности и въ сознаніи, что за нимъ слѣдятъ на родинѣ, онъ черпалъ энергію и рѣшимость. Слова эти были покрыты громкимъ ура! Потомъ П. П. Семеновъ пригласилъ путешественника въ приготовленное для него географическимъ обществомъ помѣщеніе въ гостинницѣ „Демутъ". Тамъ собрались болѣе близкіе къ Николаю Михайловичу и засыпали его разспросами о путешествіи и привезенной имъ коллекціи. Академикъ Максимовичъ заявилъ ему, что разборкою доставленныхъ имъ изъ прежнихъ экспедицій образцовъ азіятской флоры онъ задалъ ему большую работу.

— Я привезъ, отвѣчалъ на это Пржевальскій, еще новое богатство, надъ которымъ и желаю вамъ успѣшно потрудиться.

Нѣкоторые замѣтили Николаю Михайловичу, что онъ значительно пополнѣлъ.

— Это все надѣлали, отвѣчалъ онъ, огромные монгольскіе бараны, которыхъ мы съѣли около четырехсотъ штукъ.

Мало по малу присутствующіе стали расходиться и, оставшись одинъ, Пржевальскій въ тотъ же вечеръ составилъ, а на другой день представилъ записку начальнику главнаго штаба, въ которой счелъ своимъ долгомъ прежде всего просить о награжденіи своихъ помощниковъ и спутниковъ.

„Путешествіе, собственно внѣ нашихъ предѣловъ, писалъ онъ [1]), продолжалось $19^1/_3$ мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ пройдено отъ озера Зайсана, черезъ Хами въ Тибетъ и отсюда до Кяхты—7,200 верстъ. Путь этотъ почти весь лежалъ по дикимъ пустынямъ, часто лишеннымъ воды и подножнаго корма, иногда же вовсе необитаемымъ. Всевозможныя трудности и лишенія—отъ жаровъ, морозовъ, огромнаго абсолютнаго поднятія мѣстности, недостатка воды, а изрѣдка и пищи, преслѣдовали насъ почти отъ перваго до послѣдняго шага путешествія. Къ этому присоединялось иногда враждебное настроеніе туземцевъ, выразившееся въ Тибетѣ даже открытымъ нападеніемъ.

„При такой неблагопріятной обстановкѣ необходима была нравственная мощь, чтобы преодолѣть встрѣчаемыя преграды и не пасть въ борьбѣ, длившейся безъ перерыва почти двадцать мѣсяцевъ. Борьба эта выдержана стойко, побѣда осталась за нами, экспедиція принесла богатые научные результаты—и всѣмъ этимъ я, какъ руководитель дѣла, обязанъ, прежде всего, смѣлости, энергіи и беззавѣтной преданности своихъ спутниковъ. Ихъ не пугали ни страшные жары и ураганы пустыни, ни тысяче-верстные переходы, ни громадныя, уходящія за облака, горы Тибета, ни леденящіе тамъ холода, ни орды дикарей, готовые растерзать насъ. Въ страшной дали отъ родины, среди многоразличныхъ невзгодъ и опасностей, спутники мои свято исполняли свой долгъ, никогда не падали духомъ и вели себя дѣйствительно героями“...

Испрашивая каждому соотвѣтствующую награду, Пржевальскій въ заключеніи писалъ: „Затѣмъ въ виду опасностей, которымъ подвергались всѣ мои спутники во время путешествія, смѣлости и мужества, оказанныхъ ими при двухкратномъ отбитіи нападенія на насъ дикихъ тибетцевъ, рѣшаюсь ходатайствовать о пожалованіи имъ наградъ, назначаемыхъ за подвиги отличія въ военное время“.

---

[1]) Въ докладной запискѣ начальнику Главнаго Штаба отъ 8 января 1881 г. Арх. Главн. Штаба по Азіятской части, дѣло № 30.

Ходатайство его было исполнено въ полной мѣрѣ. Въ день пріѣзда его въ Петербургъ былъ составленъ въ главномъ штабѣ докладъ, высочайше утвержденный 10 января, по которому полковнику Пржевальскому пожалованы: орденъ Св. Владиміра 3-й степени и пожизненная пенсія въ 600 руб., сверхъ той, которую онъ уже получалъ. Въ тотъ же день, по другому докладу, спутники его, Роборовскій и Эклонъ, произведены въ слѣдующіе чины [1]) и каждому изъ нихъ пожалована пожизненная пенсія по 200 р. въ годъ. Старшему урядннку Забайкальскаго казачьяго войска Дондоку Иринчинову, совершившему всѣ три путешествія, назначена пожизненная пенсія по 60 руб. въ годъ или единовременное пособіе въ 500 руб., смотря по его желанію. Восьми нижнимъ чинамъ и переводчику Юсупову выдано единовременно по 200 руб. и всѣмъ, не исключая Иринчинова, пожалованы знаки военнаго ордена.

Первые дни пребыванія Николая Михайловича сопровождались рядомъ овацій, свидѣтельствовавшихъ объ общемъ сердечномъ сочувствіи къ возвратившемуся путешественнику.

Масса писемъ и телеграммъ получались въ Петербургѣ на имя Пржевальскаго и многія изъ нихъ пришли еще до пріѣзда его въ столицу. Всѣ поздравляли его съ громадными успѣхами на пользу науки всѣхъ объединяющей и на славу русской предпріимчивости. „Велики были ваши труды, писалъ одинъ изъ почитателей Н. М. [2]), лишенія и опасности, но за то и велика слава, велико значеніе подвига, по научнымъ результатамъ, связывающаго ваше имя почти со всѣми отраслями естествознанія“.

---

[1]) При этомъ Эклонъ произведенъ съ условіемъ, чтобы, по окончаніи разработки матеріаловъ, выдержалъ экзаменъ изъ военныхъ наукъ. 28-го апрѣля Пржевальскій просилъ начальника главнаго штаба откомандировать Эклона къ мѣсту служенія, „для практическаго изученія службы въ предстоящемъ лагерномъ сборѣ и для приготовленія затѣмъ къ экзамену изъ военныхъ наукъ“.

[2]) Г. Рашевскій въ письмѣ отъ 2 января 1881 г. изъ Зайсана

„Не сомнѣваюсь, писалъ ему старый пріятель Тачановскій [1]), что въ ту минуту, когда вы, вышедши изъ вагона, ступите на мостовую Петербурга, встрѣтите многихъ изъ вашихъ друзей, знакомыхъ и любопытныхъ—я желаю, дабы письмо мое было первымъ въ рукахъ вашихъ (изъ тѣхъ), которыя вы получите отъ друзей вашихъ, живущихъ на большомъ разстояніи отъ столицы. Когда вы успѣете отдохнуть, поразсказать разъ по десяти о своихъ приключеніяхъ, когда надоѣдятъ вамъ визиты и разсказы и когда въ одинъ прекрасный вечеръ, сидя дома, не будете знать что дѣлать, вспомните тогда обо мнѣ“.....

10-го января, въ часъ дня, Пржевальскій представлялся Императору Александру II, долго его разспрашивавшему и интересовавшемуся путешествіемъ, потомъ Наслѣднику Цесаревичу (нынѣ царствующему Государю Императору) и его августѣйшей супругѣ, а 20-го января Николай Михайловичъ представлялъ Государю тѣхъ изъ своихъ спутниковъ, которые прибыли съ нимъ въ Петербургъ.

Вечеромъ 14-го января было чрезвычайное торжественное собраніе Императорскаго русскаго географическаго общества, назначенное для привѣтствованія Н. М. Пржевальскаго и происходившее въ концертной залѣ дворца Ея Высочества Великой Княгини Екатерины Михаиловны. Охотниковъ присутствовать въ этомъ собраніи было очень много: выдано было билетовъ для почетныхъ членовъ и лицъ 90, для дѣйствительныхъ членовъ 390 и для приглашенныхъ лицъ по рекомендаціи дѣйствительныхъ членовъ 350 [2]). Въ числѣ присутствовавшихъ были члены государственнаго совѣта, высшія правительственныя лица, ученые, артисты, художники и много дамъ.

Въ 8 часовъ 20 минутъ, на эстраду, гдѣ за особымъ столомъ находились члены совѣта географическаго общества, взошелъ Великій Князь Константинъ

[1]) Отъ 2 января 1881 г. изъ Варшавы.
[2]) Голосъ 1881, г. № 14.

Николаевичъ, въ сопровожденіи П. П. Семенова и Н. М. Пржевальскаго. Когда послѣдній подошелъ къ столу, зала огласилась взрывомъ рукоплесканій. На каѳедру вошелъ П. П. Семеновъ и въ краткой рѣчи оцѣнилъ заслуги Пржевальскаго.

— Въ послѣднемъ своемъ собраніи, сказалъ онъ по окончаніи рѣчи и обращаясь къ Николаю Михайловичу, русское географическое общество избрало Николая Михайловича въ свои почетные члены, и я имѣю честь передать вамъ дипломъ на это почетное званіе.

Горячія рукоплесканія и крики „браво, браво Пржевальскій“ прекратились только тогда, когда гласный думы М. И. Семевскій сообщилъ, что сегодня же, 14-го января, дума избрала Пржевальскаго въ почетные граждане г. Петербурга и постановила помѣстить портретъ его въ одной изъ залъ думы.

Послѣ этого, при новыхъ аплодисментахъ, на каѳедрѣ появился самъ виновникъ торжества и въ сжатомъ, но чрезвычайно интересномъ очеркѣ познакомилъ присутствующихъ съ своимъ двухлѣтнимъ странствованіемъ въ азіятскихъ пустыняхъ. Особенное впечатлѣніе произвелъ разсказъ о рядовомъ Егоровѣ, пропадавшемъ въ теченіе нѣсколькихъ дней и случайно найденномъ. Зала огласилась громомъ рукоплесканій, когда Пржевальскій ввелъ на каѳедру самого Егорова.

— Съ такими молодцами, сказалъ Николай Михайловичъ, мнѣ не казалась трудна моя задача. Противъ насъ была сила физическая—у насъ была сила нравственная и мы побѣдили.

Этими словами онъ закончилъ свою лекцію, покрытую аплодисментами.

Узнавъ, что городская дума ассигновала на портретъ и его постановку 1,500 рублей, Николай Михайловичъ спѣшилъ отказаться отъ столь лестнаго для него вниманія.

*

„Глубоко тронутый, писалъ онъ [1]), столь лестнымъ для меня почетомъ, я позволяю себѣ просить васъ передать гласнымъ Думы мою искреннюю признательность. Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшаюсь откровенно объяснить, что былъ бы весьма счастливъ, если-бы, взамѣнъ постановки моего портрета, городская дума нашла возможнымъ употребить ассигнованныя на то деньги для цѣлей благотворительныхъ, напримѣръ для устройства стипендіи при одномъ изъ здѣшнихъ реальныхъ училищъ, или на призрѣніе сиротъ воиновъ, убитыхъ въ минувшую войну.

„Я не смѣлъ высказаться въ этомъ смыслѣ тотчасъ по объявленіи рѣшенія Думы, но теперь, когда мнѣ часто приходится слышать мнѣнія, вполнѣ тождественныя съ моимъ воззрѣніемъ на дѣло, касающееся портрета—я принимаю рѣшимость просить васъ довести о вышеупомянутомъ до свѣдѣнія С.-Петербургской городской Думы“.

Примѣру столицы послѣдовалъ и родной Пржевальскому городъ Смоленскъ, избравшій его своимъ почетнымъ гражданиномъ; Императорскій Московскій университетъ избралъ его почетнымъ докторомъ зоологіи и затѣмъ, въ томъ же году, онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ: Императорскаго С.-Петербургскаго университета, С.-Петербургскаго общества естествоиспытателей, Уральскаго общества любителей естествознанія, Московскаго общества любителей правильной охоты, Московскаго общества сельскаго хозяйства, Вѣнскаго, Италіянскаго и Дрезденскаго географическихъ обществъ и Сѣверо-Китайскаго отдѣленія королевскаго азіятскаго общества въ Шанхаѣ. Онъ благодарилъ всѣ эти общества и въ особенности Лондонское, которое назначило ему золотую медаль еще въ 1879 году.

„Принимая съ благоговѣйнымъ чувствомъ, писалъ онъ президенту, столь лестную награду, тѣмъ болѣе

---

[1]) Тогдашнему городскому головѣ барону П. Л. Корфу отъ 21 января 1881 г.

для меня цѣнную, что она исходитъ отъ ученаго общества, плодотворная дѣятельность котораго обнимаетъ обширныя страны того-же азіятскаго материка, я прошу васъ, милостивый государь, передать членамъ королевскаго географическаго общества въ Лондонѣ искреннюю мою признательность за столь высокую оцѣнку моихъ посильныхъ изслѣдованій въ мало-извѣстныхъ странахъ Центральной Азіи".

Чествованія и овація не легко доставались Николаю Михайловичу: отъ новыхъ знакомствъ и визитовъ не было отбоя; отъ обѣдовъ и приглашеній на вечера также. Отъ многихъ онъ отказывался, но было не мало и такихъ, отказаться отъ которыхъ было невозможно, а между тѣмъ онъ торопился привести въ порядокъ коллекцію, для представленія ея Государю. Днемъ онъ принималъ или дѣлалъ визиты, а вечеромъ усиленно занимался.

— Это хуже самаго труднаго путешествія, говорилъ онъ своимъ пріятелямъ. Обѣды и визиты до того меня доняли, что и жизнь становится не мила.

Къ нему приходили съ просьбами дать портретъ и автобіографическія свѣдѣнія для разныхъ иллюстрированныхъ изданій, какъ русскихъ, такъ и заграничныхъ[1]); просили оказать пособіе, похлопотать о доставленіи мѣста, пенсіи, скорѣйшаго производства въ слѣдующій чинъ и проч.

Онъ показывалъ всѣмъ желающимъ открытое письмо слѣдующаго содержанія [2]): „Вамъ, родимый мой, всѣ власти нашего города нынѣ бьютъ челомъ; кумъ мнѣ сказывалъ, что васъ повѣсили въ Думѣ, что вы въ почетѣ въ нашемъ городѣ, что вамъ все сдѣлаютъ. Такъ, ради Бога, отыщите мою собачку, кличка ея Мурло, маленькая, хорошая, съ бѣльмомъ на глазахъ; крысъ и мышатъ ловитъ. И буду я, вдова безутѣшная, весь длинный вѣкъ Бога за васъ молить. Живу я на

---

[1]) Онъ отвѣчалъ: „Я имѣю такъ много неотлагательныхъ работъ, что заниматься жизнеописаніемъ нѣтъ времени да и желанія".

[2]) Отъ 2 февраля 1881 г.

Петербургской, Зелениной (улицѣ) № 52 дома, у сторожа гвардейскаго, что подъ турку раненъ, Архипомъ прозывается".

Содержатель гостинницы Демутъ, 14-го января, писалъ Николаю Михайловичу: „Садовникъ Гегингеръ изъ г. Риги, поставщикъ Императорскаго двора, одинъ изъ моихъ друзей, узнавши, что вы изволили почтить мою гостинницу своимъ присутствіемъ, обратился ко мнѣ съ просьбою, можетъ-ли онъ къ вамъ пріѣхать для бесѣды, относительно ботаническихъ новостей, которыя вы, безъ сомнѣнія, привезли съ собою изъ Азіи и которыми бы наша страна могла пользоваться".

Другой садовникъ просилъ его выслать ему рѣдкія сѣмена, которыя можно бы было культивировать на европейской почвѣ. Просьбы самыя курьезныя слѣдовали одна за другой.

Едва онъ пріѣхалъ и не успѣлъ еще разобраться со своимъ имуществомъ, какъ получилъ письмо отъ предсѣдателя географическаго общества въ Бременѣ, доктора философіи М. Линдемана [1]), просившаго прислать ему отчетъ о послѣднемъ путешествіи.

„Высокопочтенный полковникъ, писалъ Линдеманъ, именемъ нашего общества позволяю себѣ поздравить васъ съ возвращеніемъ изъ новой опасной и многотрудной экспедиціи. Географія Внутренней Азіи вамъ столькимъ уже обязана, что мы съ величайшимъ нетерпѣніемъ и интересомъ ожидаемъ появленіе отчета о вашемъ новомъ путешествіи.

„Мы просимъ васъ о доставленіи намъ этого отчета и принадлежащей къ нему карты, для возможно скорѣйшаго представленія нашимъ членамъ, которые питаютъ особый интересъ ко всѣмъ изслѣдованіямъ Азіи".

Такъ разнообразна была корреспонденція, получаемая въ это время Пржевальскимъ, и на ней вполнѣ

---

[1]) Отъ 2 февраля 1881 г.

оправдывалась поговорка—„отъ великаго до смѣшнаго только одинъ шагъ“.

Желающихъ слышать разсказъ Пржевальскаго о посѣщенныхъ имъ невѣдомыхъ странахъ было такъ много, что общества и учрежденія одно за другимъ старались заручиться его обѣщаніемъ. Предсѣдатель общества Краснаго Креста [1]), московскій университетъ [2]), кронштадтское морское собраніе [3]), варшавскіе товарищи и даже лондонское географическое общество приглашали его подѣлиться добытыми имъ свѣдѣніями.

---

[1]) Отношеніе предсѣдателя отъ 5 февраля, № 364. Пржевальскій прочелъ три лекціи въ Соляномъ городкѣ (16, 23 и 30 марта) и вырученныя за нихъ деньги 1073 руб. пожертвовалъ на пособіе пострадавшимъ во время послѣдней Ахалъ-Текинской экспедиціи нижнимъ чинамъ или ихъ семействамъ (Письмо Пржевальскаго въ общество Краснаго Креста, 6 апрѣля 1881 г.).

[2]) Часть денегъ, вырученныхъ отъ этой лекціи, была пожертвована въ Московскій университетъ, а другая въ общество поощренія трудолюбія въ Москвѣ. За пожертвованныя деньги оба названныя учрежденія избрали Пржевальскаго своимъ членомъ-сотрудникомъ, причемъ общество поощренія трудолюбія въ Москвѣ предложило указать на дочь одного изъ офицеровъ, убитыхъ въ Ахалъ-Текинскую экспедицію, съ тѣмъ чтобы ее принять въ домъ призрѣнія на воспитаніе. По сношенію съ генералъ-адъютантомъ Скобелевымъ, выборъ палъ на Марію Мерхелеву, дочь георгіевскаго кавалера, поручика Ставропольскаго полка, убитаго при штурмѣ Геокъ-Тепе. Сообщая объ этомъ и благодаря общество за избраніе его сотрудникомъ, Николай Михайловичъ прибавлялъ, что надѣется «по мѣрѣ силъ служить великому христіанскому дѣлу призрѣнія несчастныхъ» (Письмо Пржевальскаго А. Н. Стрекаловой, 10 мая 1881 г.)

[3]) При этомъ главный командиръ кронштадтскаго порта адмиралъ Казакевичъ, 6 марта, писалъ Пржевальскому: «Наши моряки, имѣвшіе случай встрѣчаться съ вами, въ самомъ началѣ вашей дѣятельности, въ нашихъ далекихъ окраинахъ на Амурѣ и при описаніи Уссурійскаго края, едвали не первые изъ русскихъ имѣли возможность познакомиться съ энергическимъ и плодотворнымъ характеромъ этой дѣятельности. Съ тѣхъ поръ они съ величайшимъ вниманіемъ слѣдили за вашими дальнѣйшими успѣхами, изслѣдованіями и открытіями, и теперь, по возвращеніи изъ вашего послѣдняго путешествія въ Центральную Азію, будутъ очень счастливы, если вы согласитесь принять отъ моего имени и имени всѣхъ кронштадтскихъ моряковъ приглашеніе прочесть, въ кронштадтскомъ морскомъ собраніи, три, двѣ или хотя бы даже одну лекцію о вашемъ послѣднемъ путешествіи». Пржевальскій не имѣлъ, однакоже, времени прочесть лекцій въ Кронштадтѣ и онѣ были отложены до слѣдующаго года.

„Публика здѣсь (въ Лондонѣ), писалъ ему Э. Дельмаръ-Морганъ [1]), глубоко заинтересована вашими изслѣдованіями и желаетъ слышать про нихъ. Не находите-ли вы возможнымъ удовлетворить ихъ желаніе чтеніемъ здѣсь въ географическомъ обществѣ лекціи. Въ случаѣ, если незнаніе языка затрудняетъ васъ, то я охотно предлагаю свои услуги быть вашимъ переводчикомъ и надѣюсь, что не откажете принять оныя".

Къ сожалѣнію, Николай Михайловичъ не могъ воспользоваться этимъ приглашеніемъ. У него въ это время было столько работы, что не оставалось минуты свободной. Пожертвовавъ свою богатую ботаническую коллекцію Императорскому ботаническому саду, а зоологическую — Академіи наукъ, онъ долженъ былъ привести ее въ порядокъ и приготовить къ выставкѣ для публики.

17 февраля 1881 года въ засѣданіи физико-математическаго отдѣленія Академіи, академикъ А. А. Штраухъ заявилъ, что почетный членъ Академіи Николай Михайловичъ Пржевальскій принесъ въ даръ зоологическому музею богатую коллекцію позвоночныхъ животныхъ, собранную имъ въ его послѣднемъ путешествіи. При этомъ академикъ Штраухъ ходатайствовалъ объ открытіи выставки всей коллекціи, собранной Николаемъ Михайловичемъ.

„Знаменитый путешественникъ, почетный членъ академіи Н. М. Пржевальскій, писалъ г. Штраухъ [2]), собралъ во время своихъ путешествій по Центральной Азіи богатѣйшія коллекціи животныхъ, которыя пожертвованы имъ въ зоологическій музей Академіи.

„Со времени основанія музея никто еще не приносилъ ему такого цѣннаго и единственнаго въ своемъ родѣ подарка. Коллекціи Н. М. Пржевальскаго даютъ возможность познакомиться съ фауной до сихъ поръ неизвѣстныхъ частей Центральной Азіи, гдѣ до него не былъ ни одинъ натуралистъ.

---

[1]) Отъ 3-го февраля 1881 г., письмо писано порусски.

[2]) Президенту Академіи графу Литке.—Арх. Академіи, д. № 465.

„Для ознакомленія публики съ результатами столь плодотворныхъ путешествій г. Пржевальскаго было бы очень полезно выставить всѣ три привезенныя имъ коллекціи особо, такъ какъ въ музеѣ выставлена только часть ихъ, которая кромѣ того теряется въ массѣ имѣющихся другихъ предметовъ.

„Поэтому имѣю честь обратиться къ вашему сіятельству съ покорнѣйшею просьбою о дозволеніи мнѣ устроить въ большомъ конференцъ-залѣ Академіи выставку коллекціи г. Пржевальскаго. Входъ на выставку открыть по билетамъ и, если возможно, взимать за входъ небольшую плату. Изъ этого сбора можно бы основать при музеѣ особый капиталъ имени Пржевальскаго, предоставивъ ему лично указать назначеніе процентовъ съ этого капитала на пользу музея“.

Выставку разрѣшено было открыть съ 15 марта съ платою два дня въ недѣлю по 1 р. за билетъ, а въ остальные дни по 30 коп. Собранный такимъ образомъ капиталъ въ 1694 рубля названъ „капиталомъ Н. М. Пржевальскаго“. Онъ остается неприкосновеннымъ и проценты съ него употребляются на пользу зоологическаго музея Академіи [1]).

Выставка привлекла многочисленныхъ посѣтителей и обратила на себя вниманіе Ихъ Величествъ. Государыня Императрица изъявила желаніе, чтобы Николай Михайловичъ въ нѣсколькихъ бесѣдахъ сообщилъ Наслѣднику Цесаревичу главнѣйшіе результаты своихъ путешествій по Средней Азіи [2]). Пржевальскій принялъ это приглашеніе съ глубокою благодарностью и имѣлъ счастіе еще до начала лекцій поднести Его Высочеству коллекцію птичекъ, художественно расположенныхъ на деревѣ. 1-го мая онъ читалъ первую лекцію и по возвращеніи изъ Гатчины не могъ утерпѣть, чтобы не написать нѣсколькихъ писемъ о томъ вниманіи, съ которымъ былъ встрѣченъ Царскимъ семействомъ.

---

[1]) Письмо непремѣннаго секретаря Академіи К. С. Веселовскаго Н. М. Пржевальскому, 3 декабря 1881 г., № 1122.

[2]) Письмо Г. Г. Даниловича Пржевальскому отъ 25 Апрѣля 1881 г.

Съ окончаніемъ чтеній Николай Михайловичъ торопился уѣхать въ деревню, чтобы тамъ въ тиши сельской обстановки заняться составленіемъ описанія своего послѣдняго путешествія. Вскорѣ по прибытіи въ Отрадное онъ получилъ письмо отъ Н. Г. Нахтигаля, предсѣдателя Берлинскаго общества землевѣдѣнія.

„Къ сожалѣнію, писалъ онъ [1]), три года прошло съ тѣхъ поръ какъ наше общество землевѣдѣнія, въ день своего 50 лѣтняго юбилея, воспользовалось случаемъ, чтобы присудить вамъ первую медаль Гумбольдта за незабвенныя заслуги по географіи; между тѣмъ мы до сихъ поръ не привели въ исполненіе нашего постановленія.

„Вы отправились на совершеніе новыхъ подвиговъ и во время продолжительнаго и опаснаго путешествія собрали свѣжіе лавры, раньше чѣмъ мы успѣли вплести скромный нашъ листокъ въ вашъ славный вѣнецъ. Причины этого печальнаго запозданія, сообщенныя недавно секретарю Императорскаго Русскаго географическаго общества несостоятельныя и не избавляющія насъ отъ стыда, испытываемаго нами по отношенію къ вамъ. Въ виду этого, отнеситесь снисходительно къ нашей кажущейся небрежности и примите благосклонно передаваемое мною отъ имени общества выраженіе нашего восхищенія и благодарности за новыя изслѣдованія и искреннѣйшую нашу радость по случаю благополучнаго вашего возвращенія изъ опаснаго путешествія“.

Николай Михайловичъ благодарилъ Нахтигаля за его любезное письмо, тѣмъ болѣе лестное для него, что оно написано собратомъ по профессіи, путешественникомъ, прославившимъ свое имя „блестящими изслѣдованіями и открытіями въ нѣдрахъ Африканскаго материка“.

Въ деревнѣ жизнь шла самымъ регулярнымъ образомъ: въ 7 часовъ утра Николай Михайловичъ вста-

[1]) Отъ 3 мая 1881 г. изъ Берлина.

валъ и ежедневно окачивался холодною водою; потомъ занимался, въ 12 часовъ обѣдалъ и въ 9 часовъ ужиналъ. Лѣто стояло сухое, трава выгорѣла, хлѣбъ былъ плохой. Но не это безпокоило Пржевальскаго, а его огорчала неудача на охотѣ: проведя нѣсколько ночей въ лѣсу, онъ возвратился домой безъ всякой добычи. Страсть къ охотѣ подталкивала его купить такое имѣніе, въ которомъ было бы много лѣсу и воды. Доходы ему были не нужны и въ имѣніи онъ видѣлъ только охотничью дачу,—„тихій уголокъ для отдыха среди природы [1])“. Онъ искалъ для себя, какъ самъ говорилъ, такой медвѣжій уголъ, въ которой *„цивилизація“* не скоро дойдетъ. Жизнь въ Отрадномъ ему не очень нравилась преимущественно потому, что вокругъ его было слишкомъ людно.

— Тамъ кабакъ, говорилъ онъ, показывая рукою въ разныя стороны, тутъ — кабакъ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ домъ терпимости, а въ болѣе отдаленномъ— назойливо навязываютъ дочекъ невѣстъ. Ну, ихъ совсѣмъ этихъ сосѣдей! Мои друзья—вотъ, прибавлялъ онъ показывая на ружье, на болото покрытое мохомъ и на лѣсъ.

Объ отысканіи такихъ угодій Николай Михайловичъ просилъ многихъ знакомыхъ, родныхъ и разослалъ по разнымъ концамъ Смоленской губерніи своихъ довѣренныхъ. Къ іюню мѣсяцу такое имѣніе было пріискано въ Порѣчскомъ уѣздѣ. „Отличное имѣніе, писалъ Николай Михайловичъ [2]). Главное же три озера, изъ которыхъ одно передъ самымъ домомъ, имѣетъ верстъ восемь въ окружности. Рыбы, звѣрей, птицъ— гибель. Одно скверно, что при имѣніи кабакъ и небольшой винокуренный заводъ. Тотъ и другой даютъ 1,400 руб. въ годъ аренды. Имѣніе продается очень дешево,—за 26,000 руб. Послѣ завтра поѣду самъ осматривать, и если не куплю, то больше уже и не буду хлопотать на этотъ счетъ“.

---

[1]) Письмо Пржевальскаго Эклону 26-го мая 1881 г.

[2]) Ему же отъ 1-го іюня 1881 г.

Поѣздка и личный осмотръ имѣнія окончательно рѣшили дѣло и имѣніе Слобода, принадлежавшее помѣщику отставному артиллеріи поручику Леонтію Алексѣевичу Глинкѣ, было куплено за 26,000 рублей.

— Соблазнился я, говорилъ Николай Михайловичъ, на эту покупку не для хозяйства, къ которому душа не лежитъ, а для охоты и рыболовства.

Имѣніе это находилось въ 40 верстахъ отъ Порѣчья, въ 60 верстахъ отъ Духовщины и въ 80 верстахъ отъ станціи Ярцово, Московско-Брестской желѣзной дороги. Въ немъ имѣлось 2,080 десятинъ земли и 700 десятинъ лѣсу, „да и лѣсъ какъ *Сибирская тайга*, писалъ новый владѣлецъ [1]) и рядомъ лѣса пошли на сто верстъ“.

Въ Слободѣ было два озера: Сопша, имѣвшее 7—8 верстъ въ окружности, другое съ полверсты длиною; двѣ рѣки, изъ нихъ Ельша, довольно большая. Рыбы и раковъ множество; въ лѣсу водились въ изобиліи глухари, тетерева, рябчики, медвѣди, попадались и лоси. Домашняго скота и хлѣба было много и земля плодородная.

„Одно неудобство, говорилъ Пржевальскій [2]), что усадьба стоитъ рядомъ съ винокурнею, но это сейчасъ же устранится: переношу усадьбу теперь же на крутой берегъ озера Сопша [3]). Кругомъ будетъ лѣсъ, а изъ горы бьетъ ключъ. Мѣстность вообще гористая, сильно напоминающая Уралъ. Озеро Сопша въ гористыхъ берегахъ, словно Байкалъ въ миніатюрѣ. Продано такъ дешево потому, что въ глуши, *а это именно для меня и требуется*“.

Николай Михайловичъ былъ въ восторгѣ отъ своей покупки; онъ нашелъ именно то, что искалъ: кругомъ дѣвственная и вмѣстѣ съ тѣмъ изящная природа,

---

[1]) Въ письмѣ Эклону отъ 9-го іюня 1881 г.

[2]) Въ письмѣ Н. И. Толпыго 9-го іюня 1881 г.

[3]) Мысль эта не осуществилась потому, что къ этому мѣсту примыкала церковная земля, что не нравилось Николаю Михайловичу.

напоминающая ему далекія страны Азіи, прекрасная рыбная ловля и охота вполнѣ удовлетворяли его страсти и потребностямъ.

Онъ набросалъ планъ мѣста для усадьбы, разбилъ садъ по южному склону горы къ озеру и притомъ такъ, что въ срединѣ его былъ и прекрасный горный ключъ. Онъ приглашалъ къ себѣ друзей половить и поѣсть рыбы, пострѣлять дичи и погулять по великолѣпнымъ (конечно, въ смыслѣ дикости) лѣсамъ.

„Вотъ какимъ, прибавлялъ онъ, я сдѣлался крупнымъ землевладѣльцемъ. Но это все-таки не исключаетъ желанія, и даже весьма сильнаго, побывать еще въ Азіи, погулять въ Тибетѣ и на верховьяхъ Хуанъхэ. Въ новомъ имѣніи будетъ только мое гнѣздо, изъ котораго я буду летать въ глубь Азіятскихъ пустынь".

Пріятели говорили, что съ покупкою имѣнія ему недостаетъ только хорошей хозяйки и что ему теперь слѣдуетъ жениться. Николай Михайловичъ отвѣчалъ на это категорическимъ „нѣтъ". [1])

— Не измѣню я до гроба, говорилъ онъ, тому идеалу, которому посвящена вся моя жизнь. Написавъ что нужно, снова махну въ пустыню, гдѣ при абсолютной свободѣ и у дѣла по душѣ, конечно, буду стократъ счастливѣе, нежели въ раззолоченныхъ салонахъ, которые можно бы было пріобрѣсти женитьбой.

Зная характеръ Пржевальскаго его страсть къ наукѣ и путешествіямъ, нельзя было и думать, что имѣніе пріобрѣтено съ цѣлью осѣдлости; напротивъ, всѣ знакомые были увѣрены, что онъ не усидитъ ни въ Смоленской губерніи, ни въ Петербургѣ, что природа и свобода увлекутъ его въ новое путешествіе.

„Грустное, тоскливое чувство, говоритъ Николай Михайловичъ [2]), всегда овладѣваетъ мною лишь только пройдутъ первые порывы радостей по возвращеніи на родину. И чѣмъ долѣе бѣжитъ время среди обыденной

[1]) Въ письмѣ І. Л. Фатѣеву 17-го августа.

[2]) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 469.

жизни, тѣмъ болѣе и болѣе растетъ эта тоска, словно въ далекихъ пустыняхъ Азіи покинуто что-либо незабвенное, дорогое, чего не найти въ Европѣ. Да, въ тѣхъ пустыняхъ, дѣйствительно, имѣется исключительное благо—свобода, правда дикая, но за то ничѣмъ не стѣсняемая, чуть не абсолютная. Путешественникъ становится тамъ цивилизованнымъ дикаремъ и пользуется лучшими сторонами крайнихъ стадій человѣческаго развитія: простотою и широкимъ привольемъ жизни дикой, наукою и знаніемъ изъ жизни цивилизованной. При томъ самое дѣло путешествія для человѣка, искренно ему преданнаго, представляетъ величайшую заманчивость ежедневною смѣною впечатлѣній, обиліемъ новизны, сознаніемъ пользы для науки. Трудности же физическія, разъ онѣ миновали, легко забываются и только еще сильнѣе оттѣняютъ въ воспоминаніяхъ радостныя минуты удачъ и счастія.

„Вотъ почему истому путешественнику невозможно позабыть о своихъ странствованіяхъ, даже при самыхъ лучшихъ условіяхъ дальнѣйшаго существованія. День и ночь неминуемо будутъ ему грезиться картины счастливаго прошлаго и манить: промѣнять вновь удобства и покой цивилизованной обстановки на трудовую, по временамъ непривѣтливую, но за то свободную и славную странническую жизнь.....“

— Не одинъ разъ, говорилъ и писалъ онъ при разныхъ случаяхъ, сидя въ застегнутомъ мундирѣ, въ салонѣ какого нибудь вельможи, я вспоминалъ съ сожалѣніемъ о своей свободной жизни въ пустынѣ, съ товарищами офицерами и казаками. Тамъ кирпичный чай и баранина пились и ѣлись съ бо̀льшимъ аппетитомъ, нежели здѣшнія заморскія вина и французскія блюда; тамъ была свобода, а здѣсь—позолоченная неволя, здѣсь, все по формѣ, все по мѣркѣ; нѣтъ ни простора, ни свѣта, ни воздуха. Каменныя тюрьмы—называемыя домами, изуродованая жизнь—жизнію цивилизованною, мерзость нравственная—тактомъ житейскимъ называемая, продажность, безсердечіе, безпечность, развратъ, словомъ всѣ гадкіе инстинкты человѣка, правда, при-

крашенные тѣмъ или другимъ способомъ, фигурируютъ и служатъ главными двигателями во всѣхъ слояхъ общества отъ низшаго до высшаго. Могу сказать только одно, что въ обществѣ, подобномъ нашему, очень худо жить человѣку съ душою и сердцемъ. Нѣтъ, видно никогда не привыкнуть вольной птицѣ къ тѣсной клѣткѣ, никогда и мнѣ не сродниться съ искусственными условіями цивилизованной — правильнѣе изуродованной — жизни! Осенью опишу птицъ, добытыхъ въ Тибетѣ и на Желтой рѣкѣ. Зимою же вновь буду снаряжаться въ экспедицію.

„Вѣрите-ли, прибавлялъ онъ [1]), покою не имѣю, смотря по картѣ сколько въ Тибетѣ еще неизвѣстныхъ мѣстъ, которыя *я могу и долженъ* изслѣдовать. При томъ-же я привыкъ пребывать на заоблачныхъ высотахъ, оттого, вѣроятно, мнѣ и не нравится жить въ Петербургѣ..... Въ нашей здѣшней жизни мало утѣшительнаго. Простой народъ развращенъ въ конецъ, пьянство и мошеничество—нормальныя состоянія нравственности, честность и трезвость—рѣдкія исключенія“.

Въ этомъ убѣдился Николай Михайловичъ лишь только сдѣлался владѣльцемъ имѣнія и пришлось по необходимости сталкиваться съ простымъ народомъ. Среди устройства имѣнія, постоянныхъ занятій до обѣда, рыбной ловли и охоты, незамѣтно прошло лѣто. Съ нимъ жили въ деревнѣ его спутники, Роборовскій и унтеръ-офицеръ Румянцовъ; съ остальными онъ поддерживалъ постоянную переписку, слѣдилъ за ними, давалъ имъ наставленія и совѣты какъ вести себя, чтобы избѣгнуть увлеченій молодости и не впасть въ пороки. Пржевальскому хотѣлось, чтобы человѣкъ, котораго онъ выбралъ себѣ въ товарищи, котораго любилъ какъ брата, былъ достоинъ этого выбора и любви.

Первый его спутникъ, Ягуновъ, кончилъ курсъ въ училищѣ первымъ ученикомъ, былъ всѣми любимъ и уважаемъ. Николай Михайловичъ желалъ, чтобы и другіе были такими-же.

---

[1]) Въ письмахъ А. М. Лушникову 14 марта и 31 августа.

„Слышалъ отъ Вольки (Роборовскаго), писалъ онъ одному изъ своихъ спутниковъ [1]), что ты сидѣлъ на гауптвахтѣ. Теперь можешь считаться старымъ офицеромъ. Писемъ часто не пиши, не трать на пустяки время, лучше *выдолби что нибудь*".

„Жизнь самостоятельная въ полку оказала на тебѣ уже то вліяніе, писалъ онъ въ другомъ письмѣ [2]), что ты сдѣлался въ значительной степени moucher'омъ. Коляски, рысаки, бобровыя шинели, обширныя знакомства съ дамами полусвѣта—все это увеличиваясь прогрессивно, можетъ привести, если не къ печальному, то, во всякомъ случаѣ, къ нежелательному концу. Сдѣлаешься ты окончательно армейскимъ ловеласомъ и поведешь жизнь пустую, безполезную. Пропадетъ любовь къ природѣ, охотѣ, къ путешествіямъ, ко всякому труду. Не думай, что въ такой омутъ попасть трудно, напротивъ, очень легко, даже незамѣтно, понемногу. А ты уже сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ эту сторону, и если не опомнишься, то можешь окончательно направиться по этой дорожкѣ. Мало того: имѣющіяся деньги будутъ истрачены, начнутся долги и т. д.

„Во имя нашей дружбы и моей искренней любви къ тебѣ, прошу перестать жить такимъ образомъ. Учись, занимайся, читай—старайся наверстать хотя сколько нибудь потерянное въ твоемъ образованіи. Для тебя еще вся жизнь впереди — не порти и не отравляй ея въ самомъ началѣ. Гдѣ-бы ты ни былъ, вездѣ скромность и трудъ будутъ оцѣнены, конечно, не товарищами-шелопаями. Я тебя вывелъ на путь; тяжело мнѣ будетъ видѣть, если ты пойдешь иною дорогою..... Я не говорю, чтобы ты совершенно отказался отъ удовольствій, но стою на томъ, чтобы эти удовольствія не сдѣлались окончательно цѣлью твоей жизни".

Получивъ извѣстіе, что у Эклона захворала мать ракомъ въ желудкѣ, т. е. тою-же болѣзнью, отъ кото-

---

[1]) Отъ 16-го сентября 1881 г.

[2]) Отъ 6-го ноября 1886 г.

рой скончалась и его мать, Николай Михайловичъ нравственно страдалъ за своего друга.

„Съ глубокою грустью, писалъ онъ ему, прочиталъ я твое послѣднее письмо, мой дорогой Федя. Дай Богъ, чтобы бѣда миновала; если-же ей суждено исполниться, то имѣй мужество перенести роковой ударъ. Вѣдь онъ неизбѣженъ — придетъ рано или поздно, но непремѣнно и для каждаго изъ насъ. Не падай духомъ; плачь, если плачется, втихомолку: знай, что горе истинное лежитъ всегда глубоко, что выставленное на показъ, оно никогда не возбудитъ участія другихъ, кромѣ самыхъ рѣдкихъ исключеній.

„Ты теперь не знаешь, что жизнь имѣетъ гораздо болѣе печалей, чѣмъ радостей. Такъ для каждаго изъ насъ, съ лѣтами все менѣе и менѣе вѣрится въ счастье, какимъ оно представлялось въ дѣтствѣ и юности. Но за то блаженъ тотъ человѣкъ, который, *рядомъ съ тяжелымъ жизненнымъ опытомъ, сохраняетъ до гроба теплоту душевную.....*“

Пржевальскій просилъ Эклона поторопиться выдержаніемъ экзамена, обѣщалъ скоро вызвать къ себѣ и взять опять въ экспедицію. Планъ ее уже назрѣвалъ въ головѣ Николая Михайловича и съ нимъ, въ концѣ октября, онъ отправился въ Петербургъ. Здѣсь онъ прежде всего просилъ совѣтъ Императорскаго русскаго географическаго общества наградить его спутниковъ, много содѣйствовавшихъ успѣху его послѣдняго путешествія [1]).

Пребываніе въ Петербургѣ обусловливалось тѣмъ же, что и прежде: ему не было прохода отъ газетчиковъ и попрошаевъ всякаго рода [2]).

— Ни одна мельница, говорилъ онъ, не мелитъ здѣсь такъ усердно, какъ мой языкъ.

---

[1]) Письмо Пржевальскаго въ совѣтъ Имп. Рус. Геогр. общ. 5 ноября 1881 г. Въ общемъ годовомъ собраніи геогр. общ., въ слѣдующемъ 1882 г, было объявлено о награжденіи Роборовскаго и Эклона золотыми медалями.

[2]) Письмо его-же В. А. Бѣльцеву 11-го февраля 1882 г.

Собираясь въ новое путешествіе и организуя его на болѣе широкихъ началахъ, Николай Михайловичъ желалъ пріискать себѣ третьяго спутника. Въ охотникахъ попасть въ число ихъ недостатка не было: награды и пріемъ, оказанный только что возвратившимся участникамъ экспедиціи, кружилъ голову многимъ. Еще въ 1881 году, спустя нѣсколько дней по пріѣздѣ Пржевальскаго въ Петербургъ, къ нему на квартиру являлись совершенно незнакомыя лица, просившія взять ихъ въ слѣдующую экспедицію. Заявленія, что онъ только что возвратился изъ путешествія и не думаетъ о новомъ, были безполезны: квартира его осаждалась разными неизвѣстными людьми и предложенія услугъ летѣли въ столицу по почтѣ съ разныхъ концовъ Россіи.

„Осмѣливаюсь заявить вамъ, писалъ одинъ изъ такихъ охотниковъ, о своемъ страстномъ желаніи сопутствовать вамъ и раздѣлять съ вами всѣ труды и опасности, вслѣдствіе чего и дерзаю просить васъ принять меня въ небольшое число вашихъ избранниковъ. Съ своей же стороны прибавлю, господинъ полковникъ, что если понадобится вамъ когда-нибудь *моя голова, мое умѣнье и мои руки—все, все сложу за успѣхъ вашего предпріятія.* Еще разъ прошу васъ, если есть какая либо возможность, возьмите меня съ собой. Это моя давнишняя и завѣтная мечта, за исполненіе которой я готовъ на все,—буквально на все. Съ нетерпѣніемъ ожидаю вашего разрѣшенія и моего: *„быть или не быть“*. При этомъ могу прибавить, что я, какъ казакъ, очень силенъ въ верховой ѣздѣ и стрѣльбѣ. Быть можетъ и это не лишнее“.

Отцы рекомендовали своихъ сыновей, полковые командиры подчиненныхъ имъ офицеровъ и наконецъ юноши писали, что съ принятіемъ ихъ въ число спутниковъ, Пржевальскій пріобрѣтетъ въ нихъ „охотниковъ съ Ланкастеромъ“.

При извѣстномъ намъ взглядѣ Николая Михайловича на своихъ спутниковъ всѣ присылаемыя просьбы не имѣли успѣха и вниманіе его остановилось на Петрѣ

Кузмичѣ Козловѣ — юношѣ, недавно окончившемъ курсъ въ Духовщинскомъ городскомъ училищѣ.

По окончаніи курса въ VI классѣ П. К. Козловъ поступилъ на службу къ арендатору винокуреннаго завода въ Слободѣ Х. П. Пашеткину. Здѣсь Н. М. познакомился съ Козловымъ, на котораго обратила его вниманіе старуха Макарьевна, отзывавшаяся о немъ какъ о скромномъ, трудолюбивомъ и прекрасномъ молодомъ человѣкѣ.

Рѣшивъ взять его съ собою въ путешествіе, Пржевальскій намѣренъ былъ подготовить его и опредѣлить вольноопредѣляющимся, и съ этою цѣлью купилъ на свой счетъ руководства и взялъ Козлова съ собою въ Слободу. Тамъ слѣдилъ за его занятіями и пріучалъ къ охотѣ.

Съ покупкой Слободы, Николай Михайловичъ принялся за хозяйство и его любимымъ занятіемъ была посадка деревьевъ въ саду и полѣ. Онъ выписывалъ изъ Петербурга и Риги разныя деревья, самъ сажалъ ихъ, обрывалъ съ молодыхъ яблонь лишніе плоды, подрѣзывалъ молодые побѣги, приказывалъ при себѣ окапывать деревья и проч. [1]). Онъ окружилъ садъ высокимъ частоколомъ, вырылъ прудъ, въ который пустилъ много рыбы разныхъ видовъ. На это онъ тратилъ много денегъ и о доходахъ съ имѣнія не думалъ.

— Говорю же я вамъ, повторялъ часто Пржевальскій своему управляющему, что я доходовъ не хочу имѣть. Я смотрю на имѣніе не какъ на доходную статью, а какъ на дачу, въ которой можно бы было отдохнуть послѣ трудовъ. Для кого мнѣ собирать: дѣтей у меня нѣтъ и не будетъ, а для себя?—мнѣ многаго не надо.

Сельское хозяйство было на послѣднемъ планѣ, и если нужно было ѣхать на охоту или рыбную ловлю, то рабочія лошади отвлекались отъ работы въ самую

[1]) Воспоминанія о Николай Михайловичѣ его племянника В. В. Пржевальскаго.

горячую пору. Въ Слободѣ сѣялся овесъ не столько для продажи, сколько для домашняго обихода, а главное для пріученія медвѣдей ходить въ него и затѣмъ охотиться на нихъ. На охотѣ было сосредоточено все вниманіе владѣльца: лѣтомъ покупались маленькіе зайцы и пускались на довольно большой островъ, бывшій на озерѣ Сопшѣ, а осенью въ заморозки ѣздили туда на лодкѣ охотиться. Такая охота предназначалась для поощренія служащихъ въ Слободѣ и пріученія ихъ къ охотѣ.

Въ такихъ случаяхъ Николай Михайловичъ не бралъ съ собою ружья, а слѣдилъ за охотою другихъ. Кто убьетъ нѣсколькихъ зайцевъ, тому приказывалось прекратить охоту, чтобы дать возможность и другимъ не возвращаться съ пустыми руками. Стрѣлковъ Н. М. старался поставить такъ, „чтобы самому видѣть выстрѣлы всѣхъ и, Боже сохрани, кто сдѣлаетъ непростительный промахъ—это его ужасно сердило [1])“.

Охота и дикость природы въ глазахъ Пржевальскаго имѣли особую прелесть. Онъ особенно цѣнилъ то, что Слобода его находится въ 80 верстахъ отъ желѣзной дороги, что въ распутицу, осенью и весною, онъ по цѣлымъ мѣсяцамъ былъ буквально отрѣзанъ отъ всего міра, не получалъ ни писемъ, ни газетъ, никуда не могъ выѣхать и нерѣдко оставался безъ провизіи [2]).

— Если къ Слободѣ, говорилъ онъ, проведутъ желѣзную дорогу, непремѣнно продамъ ее и не куплю другаго имѣнія въ Европейской Россіи, а поселюсь въ Азіи.

„Какъ гордился онъ тѣмъ, пишетъ его племянникъ [3]), что передъ самымъ его домомъ было болото! Особенно ему нравилось то, что въ Слободѣ и ея

---

[1]) Письмо управляющаго Денисова Ф. А. Фельдману „ “ декабря 1888 г.

[2]) Воспоминанія Ф. А. Фельдмана. Любя свою Слободу, Н. М. завѣщалъ обратить ее въ маіоратъ въ мужскомъ поколѣніи старшаго брата.

[3]) Воспоминанія племянника В. В. Пржевальскаго.

окрестностяхъ была дикая охота: медвѣди, иногда забѣгали кабаны [1]), водились рыси, много глухарей.

Дѣйствительно, почти не проходило дня, чтобы Николай Михайловичъ, живя въ деревнѣ, не побывалъ на охотѣ. Если случались гости, то охота, какъ и вообще всѣ увеселенія, устраивались въ болѣе широкихъ размѣрахъ, съ цѣлью познакомить гостей со всѣми ихъ видами—лѣтними и зимними, болотными и лѣсными, съ собаками и безъ нихъ.....

„Запѣвалой всѣхъ начинаній, говоритъ І. Л. Фатѣевъ, охотъ, поѣздокъ въ лѣсъ съ самоваромъ, путешествій на сѣнокосъ, устройства фейерверковъ, хожденія на пасѣку за добычей меда, устройства рыбныхъ ловель, купаній, обливаній, шутливыхъ декламацій въ стихахъ, имъ же сочиненныхъ, шутливыхъ разговоровъ на разныя темы—былъ Николай Михайловичъ“.

Его радушіе и гостепріимство, его чистая, дѣвственная натура привлекали многихъ. Въ періоды отдыховъ, онъ приглашалъ къ себѣ друзей и развертывался передъ ними во всю ширину русскаго радушія и своей могучей натуры. „Подъ отдыхами онъ разумѣлъ время полнаго отрѣшенія отъ всякой книжной мудрости и даже отъ газетъ, и въ это время обильная ѣда, до четырехъ разъ въ день, разныя лакомства, которыя онъ называлъ жизненными усладами и состоявшія изъ ланинскихъ напитковъ, водянокъ, фруктовыхъ квасовъ, наливокъ, всевозможныхъ фруктовъ и конфектъ въ невѣроятно большомъ количествѣ“, наполняли весь день, чередуясь съ охотою, рыбною ловлею, поѣздкою въ лѣсъ и проч. [2]).

Съ отъѣздомъ гостей, пора веселья проходила и Николай Михайловичъ усиленно трудился надъ описаніемъ своего путешествія.

---

[1]) Зимою 1887—1888 г.г., верстахъ въ 15 отъ Слободы, были убиты два кабана.

[2]) Воспоминанія І. Л. Фатѣева

Обширность этой послѣдней работы заставила его просить разрѣшенія остаться въ деревнѣ до 1-го января 1883 года. Начальникъ главнаго штаба, соглашаясь на эту просьбу, прибавилъ, что онъ думаетъ, однако, „что эти занятія не помѣшаютъ полковнику Пржевальскому быть на юбилеѣ Николаевской академіи генеральнаго штаба [1]). При этомъ помощникъ начальника главнаго штаба, генералъ Мирковичъ, писалъ Николаю Михайловичу [2]): „28 ноября наша академія будетъ праздновать 50 лѣтній юбилей своего существованія. Представляющимся случаемъ желательно воспользоваться, чтобы доставить пріѣзжимъ офицерамъ возможность ознакомиться съ нѣкоторыми болѣе выдающимися видами дѣятельности генеральнаго штаба за послѣднее время. Явилось предположеніе просить васъ прочесть, въ послѣднихъ числахъ ноября, отрывокъ изъ вашихъ путешествій“.

Пржевальскій, конечно, тотчасъ-же пріѣхалъ въ Петербургъ, прочелъ лекцію „Объ открытіяхъ въ Центральной Азіи,“ и 8-го декабря опять возвратился въ Слободу. Здѣсь онъ усиленно занимался окончаніемъ своей книги, которую и надѣялся выпустить въ мартѣ.

„Слѣдовало-бы послѣ этого, писалъ онъ [3]), отдохнуть лѣто, но боюсь терять время; поэтому въ маѣ же отправляюсь въ новое путешествіе—опять въ Тибетъ“.

Наканунѣ новаго года, описаніе путешествія было закончено и въ первыхъ числахъ января 1883 г. Николай Михайловичъ отправился въ Петербургъ и тотчасъ-же приступилъ къ печатанію книги.

„Теперь, писалъ онъ совѣту Императорскаго русскаго географическаго общества [4]), когда результаты совершенной экспедиціи уже частью воплощены, да позволено мнѣ будетъ поднять вопросъ о новомъ путешествіи.

---

[1]) Письмо генерала Иванова Пржевальскому 30 октяб. 1882 г. № 669.
[2]) Отъ 28 октября 1882 г.
[3]) В А. Бѣльцову отъ 20 декабря 1882 г.
[4]) Отъ 9 февраля 1883 г. Арх. геогр. общ., дѣло № 6.

„Не смотря на удачу трехъ моихъ экспедицій въ Центральной Азіи и почтенныя здѣсь изслѣдованія другихъ путешественниковъ, въ особенности русскихъ,—внутри азіятскаго материка, именно на высокомъ нагорьѣ Тибета, все еще остается площадь болѣе 20,000 кв. географ. миль почти совершенно невѣдомая.... Бо́льшую западную часть такой terra incognita занимаетъ, поднятое на страшную абсолютную высоту (отъ 14,000 до 15,000 футовъ), плато Сѣвернаго Тибета; меньшая восточная половина представляетъ собою грандіозную альпійскую страну переходныхъ уступовъ отъ Тибета къ Собственному Китаю.

„На вышеупомянутой площади лишь кое-гдѣ удалось побывать путешественникамъ..... Продолжая разъ принятую на себя задачу—изслѣдованіе Центральной Азіи, я считаю своимъ нравственнымъ долгомъ, помимо страстнаго къ тому желанія, вновь отправиться въ Тибетъ и поработать тамъ, на сколько хватитъ силъ и умѣнья, для пользы географической науки. Двинуться въ путь разсчитываю, если не встрѣтится особенныхъ препятствій, въ іюнѣ нынѣшняго года“.

Наученый опытомъ прежнихъ путешествій въ затрудненіи таскать съ собою багажъ на высокомъ плоскогорьи Тибета и вообще двигаться караваномъ, Николай Михайловичъ предполагалъ теперь устраивать въ благопріятныхъ мѣстностяхъ этапные пункты, на которыхъ будутъ оставаться лишніе верблюды и лишній багажъ подъ присмотромъ казаковъ. Экспедиціонный же, такъ сказать летучій, отрядъ будетъ производить по радіусамъ отъ складочнаго пункта свои экскурсіи болѣе или менѣе продолжительныя. Такая постановка дѣла требовала, чтобы въ составъ экспедиціи было назначено нѣсколько лишнихъ людей, но за то и болѣе обезпечивала успѣхъ экспедиціи въ научныхъ ея изслѣдованіяхъ.

Желая проникнуть въ Хлассу, Пржевальскій не дѣлалъ ее исключительною и конечною цѣлью своего путешествія, но смотрѣлъ на него съ болѣе широкой точки зрѣнія, болѣе плодотворной для науки.

— Если пустятъ насъ въ Хлассу, говорилъ онъ, то пойдемъ, а если нѣтъ—то и въ сторонѣ оставимъ, но до озера Тенгри-нора добраться постараемся.

Поставивъ себѣ главною задачею изслѣдованіе Сѣвернаго Тибета, Николай Михайловичъ набросалъ въ краткихъ чертахъ планъ будущей экспедиціи [1]), и предполагалъ имѣть въ ея составѣ трехъ помощниковъ и 15 человѣкъ нижнихъ чиновъ. Разсчитывая пробыть въ Тибетѣ два года, онъ исчислилъ расходы въ 43,580 руб. и объ отпускѣ ихъ просилъ ходатайства совѣта географическаго общества.

Совѣтъ принялъ предложеніе съ большимъ сочувствіемъ и вице-предсѣдатель общества, П. П. Семеновъ, лично просилъ министра финансовъ объ отпускѣ испрашиваемой суммы. Н. Х. Бунге, выражая полную готовность содѣйствовать столь полезному предпріятію, нашелъ, однако же, необходимымъ внести это дѣло, черезъ министра внутреннихъ дѣлъ, графа Д. А. Толстаго, на разсмотрѣніе и утвержденіе Государственнаго Совѣта. Послѣдній въ апрѣлѣ 1883 года разрѣшилъ отпустить требуемую сумму и 18 мая того же года послѣдовало на это высочайшее утвержденіе.

Между тѣмъ, одновременно съ ходатайствомъ у министра финансовъ, совѣтъ географическаго общества просилъ и военнаго министра, генералъ-адъютанта Ванновскаго, оказать содѣйствіе этому дѣлу. Полная готовность послѣдняго дала возможность Николаю Михайловичу написать, что его предположеніе „на девять-десятыхъ на пути къ исполненію“ и, дѣйствительно, 5-го апрѣля 1883 г., былъ высочайше утвержденъ докладъ военнаго министра, по которому полковникъ Пржевальскій командировался въ Тибетъ на два года. Въ помощь ему назначались прежніе спутники, подпоручики Роборовскій и Эклонъ, вольноопредѣляющійся 2-го Софійскаго Его Величества полка Петръ Козловъ, одинъ переводчикъ, семь нижнихъ чиновъ и 9 казаковъ. При этомъ высочайше повелѣно:

---

[1]) См приложеніе № 16-й.

1. Сохранить на время путешествія какъ полковнику Пржевальскому, такъ и его помощникамъ, все получаемое ими содержаніе, съ выдачею таковаго золотомъ по номинальной цѣнѣ и за два года впередъ.

2. Всѣмъ нижнимъ чинамъ сохранить получаемое содержаніе и время нахожденія въ экспедиціи зачесть за дѣйствительную службу.

3. Отпустить двойныя прогонныя деньги до Кяхты всѣмъ тремъ офицерамъ, вольноопредѣляющемуся Козлову на пару лошадей и сверхъ того одиночные прогоны на три тройки для перевоза багажа экспедиціи и нижнихъ чиновъ; при возвращеніи экспедиціи такіе же прогоны отпустить отъ пограничнаго пункта, въ который выйдетъ экспедиція до С.-Петербурга.

4. Для производства астрономическихъ опредѣленій, метеорологическихъ наблюденій и глазомѣрныхъ съемокъ выдать необходимые инструменты.

5. Для вооруженія экспедиціи отпустить 15 пѣхотныхъ и 5 драгунскихъ малокалиберныхъ винтовокъ, 40 револьверовъ и боевыхъ патроновъ: пѣхотныхъ 11,000 и револьверныхъ 5,000; сверхъ того для охоты 4 пуда винтовочнаго пороха и изъ интендантства 25 патронташей къ винтовкамъ и 25 къ револьверамъ, и

6. Предоставить полковнику Пржевальскому производить во время путешествія нижнихъ чиновъ и казаковъ за отличіе въ младшіе и старшіе унтеръ-офицеры и въ младшіе и старшіе урядники.

Пока разрѣшался вопросъ о новой экспедиціи, Николай Михайловичъ окончилъ печатаніе своей книги и выпустилъ ее подъ заглавіемъ: „Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ и въ верховье Желтой рѣки“. Книга была встрѣчена съ большимъ сочувствіемъ и заслужила лестныя похвалы какъ въ русской, такъ и въ иностранной литературахъ. Авторъ получилъ много восторженныхъ писемъ отъ соотечественниковъ и иностранцевъ, успѣвшихъ познакомиться съ увлекательнымъ разсказомъ путешественника.

„Полковника Пржевальскаго, писалъ Ф. Марте (F. Marthe) [1]) по прежнимъ его сочиненіямъ (къ которымъ слѣдуетъ прибавить и первый его трудъ Уссурійскій край 1870 г., не переведенный на нѣмецкій языкъ), знаютъ уже какъ внимательнаго наблюдателя, искуснаго съемщика, усерднаго собирателя и охотника; знаютъ, что онъ для флоры и фауны изслѣдованныхъ странъ для животнаго царства, а по преимуществу для орнитологіи обладаетъ зоркимъ и опытнымъ глазомъ, между тѣмъ какъ геологическія наблюденія у него слабѣе. Этотъ недостатокъ и названныя достоинства встрѣчаются и въ третьемъ путешествіи, но послѣднія (достоинства) въ немъ выступаютъ еще рѣзче и *обращаютъ это сочиненіе въ сокровищницу по этно и зоографіи Центральной Азіи*".

„Всѣ научныя сокровища, скрытыя въ этомъ новомъ трудѣ замѣчательно дѣятельнаго автора, мы надѣемся скоро сдѣлаются общимъ достояніемъ, когда появятся нѣмецкій, англійскій, французскій и другіе переводы".

Интересъ, возбужденный книгою Пржевальскаго, былъ на столько великъ, что 13 (25) іюня въ засѣданіи Парижской академіи наукъ состоялся докладъ о только-что вышедшей книгѣ. Это можно считать большою рѣдкостью, потому что по уставу академіи запрещается дѣлать библіографическія сообщенія, но на этотъ разъ было сдѣлано исключеніе. По мысли нашего соотечественника М. Венюкова, извѣстный геологъ и начальникъ горной школы Добрэ, взялся сдѣлать словесный докладъ академіи, по запискѣ, составленной для него М. Венюковымъ. Еще до окончанія преній предсѣдатель предложилъ выразить признательность къ трудамъ Пржевальскаго и многіе академики высказали желаніе пріобрѣсти его книгу.

Сообщая объ этомъ Николаю Михайловичу, М. Венюковъ писалъ ему [2]): „Теперь отъ прошедшаго поз-

[1]) Verhandlungen der Gesellschaft fur Erdkunde zu Berlin 1883 г. №№ 9 и 10, стр. 490—499.

[2]) Въ письмѣ отъ 14 (26) іюня 1883 г. изъ Парижа.

вольте перейти къ будущему. Вотъ мнѣніе одного вашего почитателя, который, впрочемъ, не знаетъ васъ лично. „Полковникъ Пржевальскій по познаніямъ, необходимымъ для путешественника и по энергіи — феноменъ. Но кому много дано, съ того можно и много спрашивать. Отчего не хочетъ онъ связать своего имени съ изслѣдованіемъ чего нибудь *цѣльнаго*, напримѣръ всей системы Куэнь-луня. Что за охота тратить время, средства и энергію на повторительныя изысканія, хоть бы въ Тибетѣ, если за то же время можно пройти вдоль всего Куэнь-луня отъ верховьевъ Желтой рѣки до Памира? Ученое самолюбіе, желаніе преодолѣвать трудности? Да развѣ на пути вдоль Куэнь-луня ихъ будетъ меньше? Да и кто мѣшаетъ путешественнику дѣлать поперечныя экскурсіи, оставляя главный караванъ постоянно сѣвернѣе горнаго кряжа? Пожалуйста, сообщите этотъ отзывъ г. Пржевальскому“....

Послѣднему, уже готовому къ отъѣзду въ новое путешествіе, не было возможности измѣнять планъ даже и въ томъ случаѣ, если бы онъ раздѣлялъ вполнѣ дававшіеся ему совѣты. Онъ видѣлъ въ нихъ только, что отъ новой его экспедиціи ученый міръ ожидаетъ многаго и конечно стремился къ тому, чтобы удовлетворить этимъ ожиданіямъ.

Передъ самымъ отъѣздомъ изъ Петербурга Наслѣдникъ Цесаревичъ, при прощаніи, подарилъ Николаю Михайловичу зрительную трубу изъ алюминія. Драгоцѣнный этотъ подарокъ служилъ ему во все четвертое путешествіе и взятъ былъ имъ и въ пятое. По своей легкости труба была очень удобна для употребленія и Пржевальскій берегъ этотъ дорогой даръ какъ зеницу ока.

Къ сожалѣнію, въ это время случилось одно обстоятельство, крайне его огорчившее: бывшій его спутникъ Эклонъ, собираясь жениться, отказался отъ участія въ экспедиціи. Отказъ этотъ произошелъ въ Отрадномъ, куда заѣхалъ Николай Михайловичъ, возвращаясь изъ Москвы послѣ коронаціи Императора.

Онъ былъ такъ неожиданъ и тяжелъ для обоихъ, что Эклонъ торопился уѣхать скорѣе въ Москву.

„При отъѣздѣ изъ Отраднаго, писалъ онъ Пржевальскому [1]), мнѣ не пришлось съ вами проститься, хотя я и искалъ васъ въ саду и рощѣ. Позвольте отъ души поблагодарить за все то, что сдѣлали для меня въ продолженіе нашего восьмилѣтняго знакомства“.

Не въ характерѣ Николая Михайловича было вредить кому либо; напротивъ, по своей довѣрчивости и искренней привязанности онъ часто вредилъ только самому себѣ. Онъ отчислилъ Эклона подъ предлогомъ болѣзни его отца и написалъ ему предписаніе отправиться въ полкъ. „Вещи ваши, заготовленныя для путешествія, прибавилъ онъ [2]), будутъ приняты въ багажъ экспедиціи, по цѣнѣ, въ которую эти вещи вамъ обошлись“.

Въ началѣ августа 1883 г. Пржевальскій выѣхалъ изъ Петербурга, 9-го августа былъ въ Москвѣ, а 14-го числа въ Перми. „Опять передо мною, писалъ онъ [3]), мелькнула Волга и Кама, по которымъ я ѣхалъ также въ экспедицію въ 1870 и 1876 годахъ. И какъ недавно кажется все это было, а между тѣмъ, сколько за это время испытано было разныхъ передрягъ“.

15-го августа, вечеромъ, Пржевальскій, оставивъ Пермь, перевалилъ по желѣзной дорогѣ за Уралъ, проѣхалъ на шести почтовыхъ тройкахъ отъ Екатеринбурга до Тюмени и далѣе до деревни Іевлевой. Здѣсь 21-го августа путешественники сѣли на пароходъ, повезшій ихъ внизъ по р. Тоболу. Отсюда они перебрались въ Иртышъ и потомъ стали подыматься по довольно быстрой рѣкѣ Оби. Прибывъ въ Томскъ и употребивъ трое сутокъ на покупку экипажей и зимней одежды, путники направились на почтовыхъ въ Иркутскъ, а затѣмъ въ Кяхту, куда и прибыли 26-го сентября.

---

[1]) Въ письмѣ отъ 20 іюля 1883 г. изъ Москвы

[2]) Въ предписаніи отъ 19 іюля.

[3]) Письмо Пржевальскаго І. Л. Фатѣеву 15 августа 1883 г. изъ Перми.

Въ Кяхтѣ Пржевальскій получилъ письмо воспитателя Царскихъ сыновей, генералъ-адъютанта Г. Г. Даниловича.

„Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ поручилъ мнѣ, писалъ онъ[1]), переслать вамъ фотографическую карточку Его Императорскаго Высочества и Его Августѣйшаго брата. Исполняя это черезъ посредство главнаго штаба, желаю отъ души, чтобы эта посылка застала васъ до отправленія въ экспедицію.

„Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы повторить вамъ еще разъ и мои искреннѣйшія пожеланія о томъ, чтобы предстоящее путешествіе совершилось съ тѣми же важными результатами *для русской науки и русской славы*, которыми отличались ваши прежнія путешествія.

„Если бы во время путешествія вамъ представилась бы возможность прислать вѣсть о вашемъ дѣлѣ въ дальній Петербургъ, адресуйте пакетъ на мое имя для представленія Государю Наслѣднику Цесаревичу. Не думайте при этомъ нисколько о редакціи вашего письма; для Его Высочества интересны будутъ всѣ извѣстія, написанныя или даже нацарапанныя вашею рукою“.

Письмо это настигло Пржевальскаго въ Кяхтѣ и онъ, благодаря за драгоцѣнный подарокъ, писалъ Г. Г. Даниловичу, что исполнитъ *„въ высшей степени драгоцѣнное“* для него желаніе Государя Наслѣдника Цесаревича относительно сообщенія свѣдѣній о ходѣ его путешествія.

---

[1]) Письмо генералъ-адъютанта Даниловича Н. М. отъ 17 августа 1883 г.

XIII.

Четвертое путешествіе Пржевальскаго въ центральную Азію.—Составъ экспедиціи.—Путь до Урги.—Приказъ по отряду.—Порядокъ движенія.—Прибытіе въ г. Дынь-юань-инь.—Кумирни Чергынгонъ и Чейбсенъ.—Путь на Куку-норъ.—Стоянка у хырмы Дзунъ-засака.—На истокахъ Желтой рѣки.—Ночь, проведенная подъ открытымъ небомъ среди бури и мятели.—Голубая рѣка.—Стрѣльба тангутовъ по Пржевальскому и Роборовскому.—Трудность обратнаго пути къ истокамъ Желтой рѣки.—Озеро Русское и озеро Экспедиціи.—Нападеніе тангутовъ и голыковъ.—Приказъ Пржевальскаго.—Путь къ Лобъ-нору.—Прибытіе въ Черчень.—Недоброжелательство китайскихъ властей.—Пребываніе въ Кэріи.—Свиданіе съ мѣстнымъ амбанемъ.—Колонія Полу.—Балъ, устроенный жителями этой колоніи для экспедиціи.—Изслѣдованіе Кэрійскаго хребта.—Прибытіе въ Хотанъ.—Столкновеніе съ китайскими солдатами.—Возвращеніе на родину.—Приказъ Пржевальскаго по отряду.—Прибытіе въ Каракольъ.—Отъѣздъ въ Петербургъ.

1883—1885.

Болѣе полутора мѣсяца прошло, прежде чѣмъ экспедиція, выѣхавъ изъ Петербурга, могла добраться до Кяхты. Здѣсь Николай Михайловичъ принужденъ былъ пробыть почти мѣсяцъ, снаряжая багажъ и выбирая солдатъ изъ линейнаго баталіона; забайкальскіе казаки были высланы прямо въ Кяхту и ожидали тамъ его пріѣзда.

Тотчасъ по сформированіи отряда, состоявшаго теперь изъ 21 человѣка [1]), было приступлено къ ежедневнымъ упражненіямъ въ стрѣльбѣ изъ берданокъ и револьверовъ. Умѣнье хорошо стрѣлять ставилось непремѣннымъ условіемъ для окончательнаго зачисленія въ экспедиціонный отрядъ. Всѣ лѣзли изъ кожи, чтобы не быть забракованными при окончательномъ

---

[1]) Кромѣ самого Пржевальскаго, въ отрядѣ находились: поручикъ В. И. Роборовскій, вольноопредѣляющійся П. К. Козловъ, 9 казаковъ, 7 солдатъ, 1 переводчикъ и 1 обыватель, для прислуживанія при фотографическомъ апаратѣ.

испытаніи и скоро оказались весьма плодотворные результаты упражненій. Отрядъ могъ выпустить въ минуту сотню мѣткихъ пуль, а „при извѣстной трусости азіятцевъ, говорилъ Николай Михайловичъ [1]), такой силы достаточно для гарантіи нашей безопасности".

Другою заботою начальника экспедиціи было заготовленіе вьючныхъ и походныхъ вещей. Все было дорого и дурнаго качества; лучшія вещи привозились въ Кяхту издалека. Такъ, напримѣръ, хорошее мыло приходило изъ Калифорніи, а сапоги для солдатъ— берлинской работы. Чтобы облегчить Пржевальскаго въ заготовленіи ящиковъ, сумъ, палатокъ и прочаго, генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, генералъ-лейтенантъ Д. Г. Анучинъ, предоставилъ въ его распоряженіе рабочихъ изъ мѣстнаго казачьяго отдѣла и изъ линейнаго баталіона. При помощи ихъ заготовивъ необходимое и отправивъ роднымъ и знакомымъ въ подарокъ чаю [2]), Николай Михайловичъ 21-го октября выступилъ изъ Кяхты.

Въ этотъ день, по желанію казаковъ, былъ отслуженъ напутственный молебенъ и затѣмъ кяхтинскими купцами былъ предложенъ экспедиціи прощальный обѣдъ. Ровно въ три часа пополудни верблюды были завьючены и выстроились на улицѣ. Толпа родственниковъ и постороннихъ зѣвакъ, провожавшихъ казаковъ, присутствовала при выступленіи каравана, и черезъ нѣсколько минутъ путешественники были уже на китайской землѣ.

Началось четвертое путешествіе Пржевальскаго по Центральной Азіи. Снова передъ нимъ лежало неизвѣстное будущее, опять судьба всего дѣла не одинъ разъ должна была висѣть на волоскѣ; но онъ твердо вѣрилъ въ свою счастливую звѣзду и съ поэтическимъ восторгомъ записалъ въ своемъ дневникѣ:

---

[1]) Въ письмѣ Г. Г. Даниловичу 7-го ноября 1883 г.

[2]) Онъ послалъ отъ себя, Роборовскаго и Козлова· И. Д Толпыго 15 ф., тетушкѣ—8 ф., сестрѣ А. И. Пыльцовой—10 ф., доктору Сердечному въ Петербургъ—10 ф. и своему управляющему—5 ф., всего—1 п. 8 ф.

Въ бурю, въ бурю снова.....
Отдохнувъ сказалъ пловецъ,
Знать я жребія такого,
Что въ затишьѣ не жилецъ.....

Девять дней было употреблено на переходъ 300 верстнаго разстоянія отъ Кяхты до Урги, гдѣ путешественники остановились въ домѣ нашего консульства, стоящаго особнякомъ, недалеко отъ р. Тола. Въ Ургѣ было куплено 56 отличныхъ верблюдовъ, за 6,757 руб., семь верховыхъ лошадей, 30 барановъ, двѣ юрты и запасы всякаго рода провизіи. Все это покупалось дорогою цѣною, денегъ было потрачено много, но Пржевальскій не жалѣлъ ихъ, желая обставить экспедицію какъ можно прочнѣе и лучше. Солдаты и казаки были подобраны отлично—все молодежь до единаго человѣка. „Мое здоровье хорошо, писалъ Николай Михайловичъ [1]); расположеніе духа большею частію хорошее, не то что бываетъ въ Питерѣ“.

Распредѣливъ между нижними чинами должности, которыя каждый изъ нихъ долженъ былъ исполнять во время экспедиціи, Пржевальскій 8-го ноября выступилъ изъ Урги. Наканунѣ, онъ прочелъ своему отряду слѣдующій приказъ:

„Товарищи! Дѣло, которое мы теперь начинаемъ—великое дѣло. Мы идемъ изслѣдовать невѣдомый Тибетъ, сдѣлать его достояніемъ науки. Государь Императоръ и вся Россія, мало того, весь образованный міръ съ довѣріемъ и надеждою смотрятъ на насъ. Не пощадимъ же ни силъ, ни здоровья, ни самой жизни, если то потребуется, чтобы выполнить нашу громкую задачу и сослужить тѣмъ службу какъ для науки, такъ и для славы дорогаго отечества“.

Въ караванѣ находилось 40 завьюченныхъ верблюдовъ, 14 подъ верхомъ казаковъ, 2 запасныхъ и 7 лошадей. Всѣ вьючные верблюды, несшіе на себѣ болѣе 300 пудовъ багажа, были раздѣлены на шесть эше-

[1]) Въ письмѣ І. Л. Фатѣеву отъ 7-го ноября 1883 г.

лоновъ, сопровождаемый каждый двумя казаками. Впереди всѣхъ ѣхалъ самъ Пржевальскій, съ вожакомъ монголомъ и урядникомъ Телешевымъ, исполнявшимъ обязанности препаратора. Позади и въ нѣкоторомъ отдаленіи велъ караванъ старшій урядникъ Иринчиновъ, назначенный вахмистромъ экспедиціоннаго отряда. Затѣмъ остальные казаки ѣхали, частію въ срединѣ каравана съ вольноопредѣляющимся Козловымъ, а частію въ арьергардѣ съ поручикомъ Роборовскимъ, слѣдившимъ за общимъ порядкомъ. Шествіе замыкалось казакомъ на лошади, гнавшимъ передъ собою небольшую кучку порціонныхъ барановъ.

По выходѣ изъ Урги, экспедиція направилась поперекъ Гоби, тѣмъ самымъ путемъ, по которому Пржевальскій проходилъ уже два раза: въ 1873 г. при возвращеніи изъ перваго путешествія и въ 1880 г.— изъ третьяго.

На девятнадцатый день путешествія, караванъ оставилъ позади себя степной раіонъ сѣверной Гоби и вступилъ въ настоящую пустыню, тянувшуюся съ востока на западъ, черезъ всю Центральную Азію до окраинъ горъ Гань-су. Всѣ эти мѣста знакомы намъ изъ предъидущаго описанія путешествій Николая Михайловича и потому мы на нихъ останавливаться не будемъ, а скажемъ только, что 3-го января 1884 года караванъ прибылъ въ городъ Дынь-юань-инъ и разбилъ свой бивуакъ въ полутора верстахъ отъ него.

Новая обстановка ничѣмъ не отличалась отъ прежнихъ: то же безстыдное попрошайство князей, та же дороговизна; но необходимость въ пополненіи израсходованныхъ запасовъ заставляла сдѣлать новыя покупки и пробыть здѣсь цѣлую недѣлю. Предоставивъ Иринчинову и переводчику Абдулу Юсупову совершать всѣ торговыя сдѣлки съ туземцами, Пржевальскій самъ произвелъ нѣсколько экскурсій въ окрестностяхъ города и Ала-шаньскихъ горахъ.

10-го января экспедиція снялась съ бивуака и двинулась прежнимъ путемъ, черезъ южный Ала-шань

къ предѣламъ Гань-су; 13 февраля караванъ вышелъ на знакомую намъ рѣку Тэтунгъ-голъ и расположился бивуакомъ противъ кумирни Чертынтонъ, въ прекрасномъ и живописномъ мѣстѣ. Бивуакъ былъ расположенъ на абсолютной высотѣ 7,600 футовъ, на ровной сухой площадкѣ возлѣ рощи, „за которою тотчасъ протекалъ красавецъ Тэтунгъ".

Въ кумирнѣ путешественники были встрѣчены довольно радушно, какъ старые знакомые. Такъ какъ вокругъ кумирни охота для туземцевъ была запрещена и въ сосѣднихъ лѣсахъ было много звѣрей и птицъ, то Николай Михайловичъ воспользовался этимъ для пріобрѣтенія наиболѣе рѣдкихъ экземпляровъ. Туземцы относились къ русскимъ довѣрчиво, продавали имъ яйца, булки и домашнихъ яковъ на убой.

Простоявъ здѣсь двѣ недѣли, караванъ 27 февраля направился вверхъ по ущелью рѣки Рангхта и, переваливъ черезъ хребетъ южно-тэтунгскій, пришелъ къ кумирнѣ Чейбсенъ и расположился на знакомомъ лугу, гдѣ и прежде нѣсколько разъ бивуакировалъ. Здѣсь также были встрѣчены радушно, и на другой день явился китайскій чиновникъ изъ Синина привѣтствовать путешественниковъ и передать письма, полученныя изъ Пекина. Воспользовавшись его прибытіемъ, большинство членовъ экспедиціи отправили письма на родину къ роднымъ и знакомымъ.

„У насъ все благополучно, писалъ Николай Михайловичъ [1]); солдаты и казаки ведутъ себя отлично и живутъ дружно. Отрядъ совершенно на военномъ положеніи: всѣ мы ѣдемъ съ берданками и револьверами; днемъ и ночью очередныя дежурства, дисциплина неумолимая. Весело намъ и хорошо вдали отъ всѣхъ гадостей европейской жизни. Самъ я здоровъ совершенно; толстота пропала—потонѣлъ я теперь на $4^1/_2$ вершка въ окружности.

„Теперь, когда я въ юртѣ своей, на ящикѣ вмѣсто стола, пишу это письмо, на дворѣ идетъ неболь-

[1]) Въ письмѣ І. Л. Фатѣеву отъ 10 марта 1884 г.

шой снѣгъ, у насъ горитъ огонекъ. Козловъ и Роборовскій также пишутъ письма. Кончимъ свои писанія— будемъ ѣсть супъ изъ мяса яка съ рисомъ, затѣмъ пойдемъ на охоту. А кругомъ насъ тангуты и китайцы, которые рады бы были проглотить нашу маленькую кучку, да только не легко это сдѣлать".

И дѣйствительно, прежнее поведеніе Пржевальскаго такъ напугало китайскія власти, что теперь сининскій амбань уже не пытался противиться движенію на Куку-норъ и далѣе въ Цайдамъ, но отказывался только дать проводника на истоки Желтой рѣки, говоря, что не имѣетъ въ своемъ распоряженіи людей, знающихъ эту мѣстность. При этомъ, для наблюденія за путешественниками, но подъ видомъ почета, амбань прислалъ нѣсколько десятковъ китайскихъ солдатъ при двухъ офицерахъ.

Простоявъ четверо сутокъ возлѣ кумирни Чейбсенъ, караванъ двинулся на Куку-норъ тою же дорогою, которою шелъ въ іюлѣ 1880 г.

Ежедневно выпадавшій снѣгъ затруднялъ движеніе и два раза приходилось останавливаться на дневку, по совершенной невозможности идти съ верблюдами по размокшей глинѣ.

Сопровождавшій экспедицію китайскій конвой занимался пьянствомъ, дракою и грабежомъ жителей. Пржевальскій послалъ нарочнаго къ сининскому амбаню, съ просьбой убрать своихъ солдатъ, но отвѣта не было. Тогда Николай Михайловичъ объявилъ грабителямъ солдатамъ, что если они не уйдутъ, то будетъ по нимъ стрѣлять. Эта угроза подѣйствовала и наша экспедиція отдѣлалась отъ китайскихъ соглядатаевъ.

Поднимаясь вверхъ ущельемъ р. Рако-голъ, экспедиція достигла 11,200 футовъ абсолютной высоты и затѣмъ безъ особаго затрудненія спустилась къ самому берегу Куку-нора, на устье рѣки Балема. Простоявъ здѣсь трое сутокъ, пошли далѣе берегомъ озера на рѣку Бухайнъ-голъ, самый большой изъ

всѣхъ притоковъ Куку-нора, гдѣ и провели двое сутокъ по случаю наступленія Пасхи.

„Христосуясь съ казаками, пишетъ Пржевальскій [1]), я далъ каждому, вмѣсто краснаго яйца, по полуимперіалу. Изъ запасовъ еще московскихъ, до сихъ поръ почти нерасходовавшихся, мы полакомились теперь коньякомъ и кое-какими презервами; подѣлились, конечно, и съ казаками. Словомъ, праздникъ встрѣченъ былъ и проведенъ съ нѣкоторымъ комфортомъ“.

Съ Бухайнъ-гола двинулись далѣе и 1-го мая прибыли къ хырмѣ [2]) Дзунъ-засакъ. Отсюда собственно и предполагалось начать изслѣдованіе невѣдомыхъ мѣстностей Тибета, продолжительными экскурсіями въ стороны отъ опорныхъ складочныхъ пунктовъ. Мѣстность, на которой Пржевальскій думалъ устроить свой складочный пунктъ, принадлежала двумъ князьямъ: Дзунъ-засаку и восточному его сосѣду Барунъ-засаку. Оба они были неважные и жили податями, собираемыми натурою съ небольшаго числа имъ подвластныхъ юртъ.

Предполагая производить экскурсіи налегкѣ, Николай Михайловичъ прежде всего долженъ былъ позаботиться о покупкѣ новыхъ верблюдовъ. Дзунъ-засакъ отговаривался неимѣніемъ ихъ и получивъ секретное приказаніе синицкаго амбаня отговаривалъ отъ путешествія въ Тибетъ. Онъ говорилъ, что не можетъ дать проводниковъ, знающихъ мѣстность въ сѣверо-восточномъ Тибетѣ, и уклонялся отъ продажи барановъ и ячменя для лошадей. Пржевальскій заявилъ, что если его требованія не будутъ исполнены, то онъ принужденъ будетъ прибѣгнуть къ крутымъ мѣрамъ, и далъ Дзунъ-засаку четыре дня срока. По окончаніи его, засакъ, посовѣтовавшись съ сосѣдомъ Барунъ-засакомъ, привелъ на продажу десятка два

[1]) Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки, изслѣдованіе сѣверной окраины Тибета и путь черезъ Лобъ-норъ по бассейну Тарима, стр. 131.

[2]) Хырмою называется жилье, обнесенное квадратною глиняною стѣною для защиты отъ разбойниковъ.

никуда негодныхъ верблюдовъ и столько же плохихъ барановъ.

„Тогда, говоритъ Пржевальскій [1]), безъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій, я посадилъ Дзунъ-засака подъ арестъ у насъ въ лагерной палаткѣ, возлѣ которой былъ поставленъ вооруженный часовой; помощникъ князя, едва-ли еще не бо́льшій негодяй, былъ привязанъ на цѣпь подъ открытымъ небомъ, а одинъ изъ приближенныхъ, осмѣлившійся во время осмотра верблюдовъ ударить нашего переводчика Абдула, былъ тотчасъ же высѣченъ. Такія мѣры возымѣли желаемое дѣйствіе, какъ непосредственно на самого Дзунъ-засака, такъ и косвенно на его сосѣда, Барунъ-засака. У послѣдняго отыскался для насъ проводникъ, а черезъ два дня намъ были доставлены и проданы 14 хорошихъ верблюдовъ, 46 отличныхъ барановъ и часть продовольствія. Тогда арестованные были отпущены во-свояси“.

Барунъ-засакъ даже согласился устроить складъ въ своей хырмѣ, возлѣ которой кормъ для верблюдовъ былъ очень хорошій. Перебравшись 8-го мая на новое мѣсто стоянки, путешественники разсортировали свой багажъ и отдѣлили то, что должно было оставаться въ складѣ, отъ вещей необходимыхъ для предстоявшаго движенія въ Тибетъ. Весь оставляемый багажъ былъ помѣщенъ въ двухъ наиболѣе просторныхъ конурахъ хырмы. Въ составъ караула были назначены шесть казаковъ, подъ начальствомъ старшаго урядника Иринчинова. Для развлеченія отъ скуки имъ даны были народныя книжки для чтенія и сѣмена кое-какихъ овощей на посѣвъ. Огородниками они оказались плохими, но книжки читали охотно. Двое казаковъ ежедневно пасли верблюдовъ, а прочіе находились при складѣ. Остальные участники экспедиціи, числомъ 14 человѣкъ, отправлялись на предстоявшую экскурсію, срокъ которой опредѣлялся отъ 3 до 4 мѣсяцевъ.

„Снарядились мы налегкѣ, да не совсѣмъ, гово-

[1]) Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки и проч., стр. 139.

ритъ Пржевальскій [1]). Имѣя всѣ данныя разсчитывать на недружелюбную и даже враждебную встрѣчу со стороны независимыхъ тангутскихъ племенъ мы должны были запастись продовольствіемъ (кромѣ мяса) на четырехмѣсячный срокъ и достаточнымъ количествомъ боевыхъ патроновъ; затѣмъ различные препараты для коллекцій, ящики для ихъ помѣщеній, охотничьи принадлежности, инструменты и проч. представляли собою не малое количество багажа. Между тѣмъ въ разряженномъ воздухѣ высокихъ нагорій Тибета вьюкъ даже для сильнаго верблюда не долженъ превышать 6—7 пудовъ".

10-го мая экспедиція выступила съ 29-ю верблюдами и 15-ю верховыми лошадьми. Поднявшись на хребетъ Бурханъ-Будда и миновавъ высокую столовидную гору Урундуши, вышли къ восточному устью обширной болотистой котловины Одонь-тала, на которой лежатъ истоки знаменитой Желтой рѣки.

„Еще не позднимъ утромъ 17-го мая, пишетъ Пржевальскій [2]), перешли мы вбродъ нѣсколько мелкихъ рукавовъ новорожденной Хуанъ-хэ и разбили свой бивуакъ на правомъ ея берегу, въ трехъ верстахъ ниже выхода изъ Одонь-тала. Такимъ образомъ давнишнія наши стремленія увѣнчались успѣхомъ: мы видѣли теперь во-очію таинственную колыбель великой китайской рѣки и пили воду изъ ея потоковъ. Радости нашей не имѣлось конца....."

Желая обслѣдовать окрестную мѣстность, Николай Михайловичъ отправился въ разъѣздъ съ двумя казаками и одною вьючною лошадью. Сдѣлавъ до полудня верстъ 17 и встрѣтивъ довольно хорошее кормное мѣсто для лошадей, путники остановились на привалъ, разсѣдлали и пустили лошадей на траву, а сами напились чаю и закусили. Пока кормились лошади Пржевальскій задремалъ, но скоро караульный разбудилъ его и указалъ на двухъ медвѣдей, прогуливавшихся

---

[1]) Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки и проч., стр. 146.

[2]) Тамъ же, стр. 158.

въ разстояніи не болѣе версты. Схвативъ штуцеръ, Николай Михайловичъ, вмѣстѣ съ казакомъ Телешовымъ, отправился за звѣрями. Придя на мѣсто, встрѣтили не двухъ, а четырехъ медвѣдей, изъ коихъ два были убиты, а третій бросился на утекъ и набѣжалъ на бивуакъ, гдѣ былъ также убитъ остававшимися тамъ казаками. Такимъ образомъ были пріобрѣтены прекрасные экземпляры тибетскихъ медвѣдей.

Снятіе шкуръ съ убитыхъ звѣрей заняло много времени и Пржевальскій не замѣтилъ какъ наступили сумерки, заставившія его остаться ночевать на мѣстѣ привала. Между тѣмъ поднялась сильная вьюга и пошолъ снѣгъ; термометръ быстро падалъ и, не смотря на то, что было 20 мая, къ утру морозъ достигъ до 23 градусовъ. Николай Михайловичъ провелъ ночь на войлокѣ въ небольшой ложбинѣ и былъ совершенно занесенъ снѣгомъ; положеніе казаковъ было еще того хуже. Съ наступленіемъ утра мятель не унималась и наши путники, измученные и озябшіе, только къ двумъ часамъ пополудни вернулись на свою стоянку.

Весь слѣдующій день зима была полная; идти впередъ нечего было и думать, а между тѣмъ верблюды не ѣли уже двое сутокъ. Положеніе было трудное и Пржевальскій все-таки рѣшился выступить. Шли очень медленно, по черепашьи, поминутно поправляя вьюки и поднимая падавшихъ животныхъ. Одинъ верблюдъ и одна лошадь скоро были брошены.

Огромная высота и холодная, дурная погода вызывали головную боль; у нѣсколькихъ казаковъ на лицѣ, преимущественно на губахъ и ушахъ, показалась особая сыпь, которую прижигали растворомъ карболовой кислоты; въ предупрежденіе отъ простуды давалась хина. При такихъ условіяхъ охота была отложена, да и птицъ и звѣрей попадалось мало.

На седьмыя сутки караванъ перебрался черезъ водораздѣлъ области истоковъ Хуанъ-хэ къ бассейну верхняго теченія Янъ-цзы-цзана (Голубой рѣки) или Ды-чю, какъ называютъ эту рѣку тангуты. Погода

стояла очень плохая и, не смотря на конецъ мая, рѣдко перепадало весеннее тепло. Обыкновенно стояли холода не только ночью, но и днемъ при постоянномъ вѣтрѣ, мѣнявшемъ свое направленіе по нѣскольку разъ въ день.

Миновавъ водораздѣлъ двухъ великихъ китайскихъ рѣкъ, путешественники вступили въ настоящую альпійскую область горъ, тамъ гдѣ рѣка Дзо-чю прорываетъ высокій поперечный хребетъ и пошли сначала внизъ по этой рѣкѣ, а потомъ внизъ по р. Бы-чю. Окрестныя горы были высоки, круты и потому звѣрей встрѣчалось очень мало. Спустившись въ ущелье р. Конъ-чюнъ-чю, тянувшееся на 23 версты, караванъ остановился въ разстояніи полуверсты отъ берега р. Ды-чю въ прекрасномъ мѣстѣ, подъ скалами.

Пржевальскій вмѣстѣ съ В. И. Роборовскимъ отправились полюбоваться Голубою рѣкою, опредѣлили ширину рѣки, температуру ея воды и затѣмъ спокойно усѣлись на камень. „Вдругъ, говоритъ Николай Михайловичъ [1]), со скалъ противоположнаго берега раздался выстрѣлъ и пуля ударила въ песокъ возлѣ насъ. Сначала мы не знали въ чемъ дѣло, но вскорѣ послѣдовали еще два выстрѣла, и пули опять прилетѣли къ намъ. Теперь не оставалось сомнѣнія, что тангуты предательски стрѣляютъ именно въ насъ; сами же разбойники были спрятавшись въ скалахъ. Лишь спустя немного показалось нѣсколько человѣкъ, перебѣгавшихъ отъ одной скалы къ другой и я пустилъ въ нихъ съ десятокъ пуль изъ бывшей съ нами берданки. Были-ли убитые или нѣтъ—не знаю.

„Случай этотъ ясно показалъ, что кругомъ насъ теперь враги, и что, слѣдовательно, необходимо быть на-сторожѣ. Поэтому, прежде всего, мы перенесли свой бивуакъ изъ подъ скалъ, откуда тангуты могли задавить насъ камнями, на открытое мѣсто; ночной караулъ былъ усиленъ, да притомъ всѣ спали не раздѣваясь и съ оружіемъ на готовѣ; увеличено было

[1]) Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки и проч., стр. 177.

число казаковъ, ежедневно наряжаемыхъ пасти верблюдовъ. Съ такими предосторожностями мы могли считать себя почти въ безопасности".

Оставаясь на этомъ мѣстѣ цѣлую недѣлю, путешественники тангутовъ не видали, занимались охотою и рыбною ловлею, а затѣмъ караванъ, повернувъ назадъ, пошелъ прежнимъ путемъ къ истокамъ Желтой рѣки, съ тѣмъ, чтобы заняться изслѣдованіемъ большихъ озеръ ея верхняго теченія. При переправѣ въ бродъ черезъ рѣку Дяо-чю, едва не утонулъ В. И. Роборовскій, спасавшій барановъ и едва не сдѣлавшійся жертвою своего ревниваго отношенія къ интересамъ экспедиціи [1]).

Утромъ 3-го іюля путешественники поднялись на водораздѣлъ Желтой и Голубой рѣкъ и взошли опять на плато Тибета. Температура мало напоминала лѣтнюю пору, дожди нерѣдко смѣнялись со снѣгомъ, по ночамъ морозило, а трава поднялась не болѣе, какъ на дюймъ. Путь внизъ по Джагынъ-голу былъ особенно труденъ. За неимѣніемъ проводника, приходилось двигаться при помощи разъѣздовъ, по весьма узкой тропинкѣ, проторенной вѣроятно партіями грабителей. Кромѣ ослабленія организма отъ разрѣженнаго воздуха на громадной высотѣ, путешественниковъ донимали постоянные дожди, часто смѣнявшіеся снѣгомъ; не смотря на іюль, стояли морозы, доходившіе иногда до 5 градусовъ, такъ что стоячая вода покрывалась льдомъ.

„Сырость, пишетъ Николай Михайловичъ [2]), была ужасная. Спали мы на мокрыхъ войлокахъ, носили мокрое платье. Оружіе наше постоянно ржавѣло; собираемыя въ гербарій растенія невозможно было просушить; вьюки и войлочныя сѣдла верблюдовъ также почти не переставали мокнуть и черезъ то значительно прибавляли своей тяжести.

„Еще сильнѣе отзывались всѣ эти невзгоды на казакахъ. На бивуакѣ двое изъ нихъ ежедневно пасли

---

[1]) Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки и проч., стр. 197.

[2]) Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки и проч., стр. 197.

караванныхъ животныхъ, нерѣдко подъ проливнымъ дождемъ, или сильною мятелью. Дежурный и поваръ на такомъ же дождѣ или снѣгѣ варили чай и обѣдъ. Наконецъ, послѣ всѣхъ дневныхъ трудовъ, измокшіе, озябшіе и усталые казаки становились поочередно, обыкновенно также при непогодѣ, на двѣ смѣны ночнаго караула".

При постоянномъ ненастьѣ достать сухаго аргала на топливо было крайне трудно, а сырой и промоченный дождями не горѣлъ. Приходилось его сушить урывками на рѣдко показывавшемся солнцѣ, и чтобы вскипятить воду, при такомъ топливѣ, необходимо было около часу времени. Словомъ, жизнь экспедиціоннаго отряда была крайне трудная, но всѣ члены его держали себя молодцами и каждый свято исполнялъ возложенную на него обязанность. Эта стойкость въ борьбѣ съ природою и лишеніями побудила Николая Михайловича увѣковѣчить дѣятельность экспедиціоннаго отряда въ тѣхъ мѣстахъ.

Образовавшись изъ ключей и рѣчекъ Одонь-тала, Желтая рѣка вскорѣ затѣмъ проходитъ черезъ два большія озера, изъ коихъ восточное Пржевальскій назвалъ *Русскимъ*, а западное—*озеромъ Экспедиціи*. „Пусть, говоритъ онъ, первое изъ этихъ названій свидѣтельствуетъ, что къ таинственнымъ истокамъ Желтой рѣки впервые проникъ русскій человѣкъ, а второе—упрочитъ память нашей здѣсь экспедиціи, которая, какъ будетъ разсказано ниже, оружіемъ завоевала возможность научнаго описанія тѣхъ-же озеръ".

Подвинувшись внизъ по Джагынъ-голу, Пржевальскій и его спутники 11-го іюля разбили свой бивуакъ на правомъ берегу этой рѣки, недалеко отъ озера Экспедиціи. Отсюда былъ предпринятъ рядъ экскурсій, съ цѣлью подробнаго изслѣдованія новооткрытыхъ озеръ. По возвращеніи изъ одной такой экскурсіи, В. И. Роборовскій сообщилъ, что видѣлъ большую партію тангутовъ, расположившихся на ночлегъ верстахъ въ 12 отъ русскаго бивуака. Предполагая, что это былъ проходящій караванъ, Николай

Михайловичъ не обратилъ вниманія на это сообщеніе, тѣмъ болѣе, что въ отрядѣ всегда соблюдалась должная осторожность и бывшія при караванѣ двѣ собаки всегда сторожили отлично.

Наступившая темная, облачная ночь прошла покойно. На разсвѣтѣ дежурный казакъ разбудилъ г. Козлова и товарищей, а самъ пошелъ къ огню и сталъ раздувать его мѣхомъ. Въ это время послышался лошадиный топотъ, а вслѣдъ затѣмъ были замѣчены двѣ кучки всадниковъ: одна, болѣе значительная, скакала прямо на бивуакъ, а другая—съ тыла.

— Нападеніе! крикнулъ дежурный казакъ и выстрѣлилъ.

Въ одинъ мигъ всѣ выскочили изъ палатокъ и открыли учащенный огонь по разбойникамъ, подскакавшимъ къ бивуаку не далѣе, какъ на полтораста шаговъ. Не ожидая подобной встрѣчи, разбойники сначала остановились, потомъ быстро повернули назадъ и разсыпались въ разныя стороны. Русскія пули провожали ихъ, но, къ сожалѣнію, сѣрое и довольно туманное утро не дозволяло хорошо цѣлиться. Однако, возлѣ бивуака остались двѣ убитыя лошади и одинъ тангутъ; видно было, какъ падали и другіе разбойники, но ихъ ловко подхватывали товарищи и увозили съ собою. По повѣрью тангутовъ, если убитый не будетъ привезенъ домой, то его душа будетъ вредить всему хошуну.

Во время отбитія нападенія восемь лошадей экспедиціи сорвались съ привязи и убѣжали за тангутами; одна лошадь оказалась раненою въ животъ и ее пришлось дострѣлить.

Выбравшись изъ сферы выстрѣловъ, разбойники съ вершинъ ближайшихъ холмовъ слѣдили за горстью русскихъ. Тогда Пржевальскій приказалъ прочистить винтовки, напился чаю и рѣшилъ самъ атаковать тангутовъ, чтобы отогнать ихъ отъ близкаго сосѣдства и отбить охоту къ дальнѣйшимъ нападеніямъ. Лишь

только караванъ тронулся съ мѣста, какъ разбойники быстро собрались къ своему стойбищу.

„Мы продолжали медленно туда подвигаться, пишетъ Пржевальскій [1]), съ винтовками въ рукахъ, съ револьверами на поясѣ и съ сотнею боевыхъ патроновъ у каждаго въ запасѣ; вьючные верблюды и уцѣлѣвшія верховыя лошади шли плотною кучею. Когда, такимъ образомъ, мы приблизились къ стойбищу разбойниковъ версты на двѣ, то въ бинокль видно было, что вся ихъ ватага, человѣкъ около 300, выстроилась впереди бивуака верхомъ, въ линію; сзади же стояли кучею запасныя и вьючныя лошади. Казалось, что тангуты рѣшили дать намъ теперь отпоръ, но не тутъ-то было. Подпустивъ насъ еще немного, разбойники повернули своихъ коней и ну удирать. Но такъ какъ позади тѣхъ-же разбойниковъ протекала непроходимая въ бродъ рѣка, то они вынуждены были двинуться наискось, мимо насъ въ разстояніи около версты. Тогда, видя, что тангуты уходятъ, догнать же ихъ намъ невозможно, я рѣшилъ палить отсюда, и разъ за разомъ мы пустили 14 залповъ. Не смотря на дальнее разстояніе, пули наши ложились хорошо въ кучу всадниковъ, которые въ топи мото-ширинов не могли быстро ускакать. Наконецъ, тангуты вышли за предѣлы самаго дальняго полета нашихъ пуль и мы прекратили стрѣльбу. Всего, какъ теперь, такъ и утромъ, нами было выпущено около 500 патроновъ. Число же убитыхъ и раненыхъ разбойниковъ мы полагали въ десять человѣкъ; убито было также нѣсколько лошадей“.

„Раздѣлавшись съ тангутами, мы вскорѣ вышли на сухое мѣсто, гдѣ и раскинули свой бивуакъ. На общей радости всѣ солдаты и казаки были произведены мною за военное отличіе въ унтеръ-офицеры и урядники“.

На слѣдующій день караванъ пошелъ далѣе на югъ, переправился черезъ рѣчку, которая впадаетъ

[1]) Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки и проч., стр. 202 и 203.

въ озеро Русское, и Пржевальскій, въ память событія, назвалъ ее *Разбойничьею.*

Въ караванѣ было всего 7 лошадей и 24 верблюда, изъ нихъ 5 были очень плохи. Для облегченія вьюковъ пришлось бросить часть дзамбы и идти по очереди пѣшкомъ. На случай нападенія тангутовъ, усилены были мѣры предосторожности: разъѣзды не посылались, чтобы не раздѣляться, бивуакъ располагался тыломъ къ какому нибудь непроходимому мѣсту—болоту или озеру—и по ночамъ выставлялись парные часовые; караванныхъ животныхъ пасли у самаго бивуака и всѣ ложились спать не раздѣваясь и съ оружіемъ возлѣ себя.

Предосторожность эта была не лишнею, такъ какъ, при изслѣдованіи озера Русскаго, нашъ отрядъ подвергся новому нападенію *голыковъ*—разбойничьяго населенія изъ племени тангутовъ, живущаго по Желтой рѣкѣ, въ числѣ около 14 т. палатокъ.

На третій день пути вдоль озера Русскаго, около полудня, были замѣчены вдали трое всадниковъ, видимо слѣдившихъ за караваномъ. Желая завлечь ихъ въ бой днемъ, чтобы воспользоваться всѣми преимуществами скорострѣльнаго оружія, Пржевальскій отправилъ Роборовскаго, съ переводчикомъ и четырьмя казаками, къ замѣченнымъ голыкамъ и приказалъ имъ ни въ какомъ случаѣ не вступать въ перестрѣлку, а напротивъ выказать боязнь. Двое изъ нихъ съ зажженными фитилями своихъ ружей проѣхали мимо нашего разъѣзда, спросили у переводчика сколько всѣхъ русскихъ и видя, что послѣдніе при двойномъ числѣ не осмѣливаются на нихъ напасть, голыки ускакали въ горы.

Часа черезъ два выѣхали изъ ближайшаго ущелья три всадника, а за ними показалась партія человѣкъ въ 300, направлявшаяся къ нашему бивуаку. Верблюды были тотчасъ-же пригнаны и привязаны, лошади крѣпко стреножены и всѣ приготовились къ встрѣчѣ незванныхъ гостей. Озеро обезпечивало тылъ,

а впереди лежала довольно широкая окаймленная горами равнина.

Приблизившись къ русскому стойбищу на разстояніе около версты, разбойники съ громкимъ крикомъ бросились въ атаку. „Гулко застучали по влажной глинистой почвѣ копыта коней, говоритъ Николай Михайловичъ [1]), частоколомъ замелькали длинныя пики всадниковъ, по встрѣчному вѣтру развѣвались ихъ суконные плащи и длинные черные волосы... Словно туча неслась на насъ эта орда, дикая, кровожадная.... Съ каждымъ мгновеніемъ рѣзче и рѣзче выдѣлялись силуэты коней и всадниковъ.... А на другой сторонѣ, впереди своего бивуака, молча, съ прицѣленными винтовками, стояла наша маленькая кучка—14 человѣкъ, для которыхъ теперь не было иного исхода, какъ смерть или побѣда.....

„Когда разстояніе между нами и разбойниками сократилось до 500 шаговъ, я скомандовалъ „пли“, и полетѣлъ нашъ первый залпъ; затѣмъ началась учащенная пальба. Однако тангуты продолжали скакать, какъ ни въ чемъ ни бывало. Ихъ командиръ скакалъ нѣсколько влѣво отъ шайки, берегомъ самаго озера и, ободряя своихъ подчиненныхъ, громко кричалъ (какъ намъ потомъ переводилъ китаецъ) „бросайтесь, бросайтесь, съ нами Богъ, онъ намъ поможетъ“. Черезъ нѣсколько мгновеній лошадь подъ этимъ командиромъ была убита, и самъ онъ, вѣроятно раненый, согнувшись, побѣжалъ назадъ. Тогда вся шайка, не доскакавшая до насъ менѣе двухсотъ шаговъ, сразу повернула вправо и скрылась за ближайшій увалъ“.

Спѣшившись и залегши за закрытіемъ, тангуты открыли огонь съ разстоянія не болѣе 300 шаговъ. Тогда Пржевальскій рѣшился выбить ихъ изъ-за закрытій. Оставивъ поручика Роборовскаго съ пятью казаками для прикрытія бивуака, самъ Николай Михайловичъ съ семью нижними чинами отправился вы-

[1]) Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки и проч., стр. 205.

бивать тангутовъ. Послѣдніе открыли частую пальбу, но когда урядникъ Телешовъ взбѣжалъ первый на увалъ, то тангуты бросились къ лошадямъ, причемъ, пользуясь ихъ замѣшательствомъ, наши смѣльчаки открыли огонь по кучѣ разбойниковъ. Подхвативъ своихъ убитыхъ и раненыхъ, тангуты скрылись за слѣдующій увалъ и повторили тотъ же самый маневръ. Пришлось ихъ выбивать и изъ второй позиціи. Опасаясь оставить первый увалъ, чтобы не быть отрѣзаннымъ, Пржевальскій остался на немъ съ двумя казаками, а четырехъ казаковъ съ вольноопредѣляющимся Козловымъ послалъ на небольшую горку, откуда стрѣльбою изъ берданокъ тангуты были выбиты изъ своей засады. Часть изъ нихъ, человѣкъ около 50, полагая, что нашъ бивуакъ оставленъ безъ прикрытія, бросилась туда, но была отбита поручикомъ Роборовскимъ. Тогда, видя неудачу, тангуты отступили къ горамъ и были провожаемы пулями нашихъ берданокъ.

Стычка продолжалась болѣе двухъ часовъ; за это время было выпущено около 800 патроновъ и по общему заключенію было убито и ранено разбойниковъ до 30 человѣкъ.

Ожидая, что тангуты могутъ атаковать бивуакъ ночью, члены экспедиціи всю ночь не спали и просидѣли въ двухъ кучкахъ по флангамъ своего расположенія. Ночь была темная, шелъ дождь и бушевалъ сильный западный вѣтеръ. Тяжело было горсти храбрыхъ ожидать новаго нападенія разбойниковъ, но, къ счастью, его не послѣдовало.

„Товарищи! писалъ Николай Михайловичъ въ приказѣ по своему отряду. Вчера было сдѣлано новое на насъ нападеніе разбойничьей тангутской шайки, численностію болѣе 200 человѣкъ. Вы мужественно встрѣтили лютаго врага въ 20 разъ многочисленнѣйшаго и послѣ двухчасоваго боя разбили и прогнали его. Этою побѣдою, равно какъ и предшествовавшею, куплено изслѣдованіе большихъ до сихъ поръ невѣдомыхъ озеръ верхняго теченія Желтой рѣки.

„Вы сослужили славную службу для науки и для славы русскаго имени! За таковой подвигъ я буду ходатайствовать о награжденіи каждаго изъ васъ знакомъ отличія военнаго ордена. Переводчика же Абдула Юсупова буду просить произвести въ хорунжіе милиціи [1])".

На слѣдующій день къ мѣсту нашего бивуака подошелъ большой караванъ, отъ котораго узнали, что на верблюдахъ невозможно было переправиться черезъ Желтую рѣку по выходѣ ея изъ озера Русскаго. Экспедиціи пришлось отказаться пройти сѣвернымъ берегомъ обоихъ большихъ озеръ и пойти обратно южнымъ берегомъ и далѣе къ Цайдаму, гдѣ былъ оставленъ складъ и гдѣ предполагалось отдохнуть и переснарядиться. Въ складѣ оказалось все благополучно; оставленные 50 верблюдовъ отлично отдохнули и откормились, а пришедшіе съ экспедиціею 16 верблюдовъ требовали отдыха и поправки.

Отсюда были отправлены письма къ роднымъ и знакомымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Пржевальскій просилъ русскаго консула въ Кашгарѣ похлопотать у хотанскихъ властей, чтобы они давали проводниковъ и содѣйствовали покупкѣ разныхъ продуктовъ.

„Болѣе ничего не требуется, писалъ Николай Михайловичъ [2]); никакихъ конвоевъ и парадныхъ

---

[1]) Спустя нѣсколько дней Пржевальскій отправилъ въ главный штабъ телеграму слѣдующаго содержанія:

„Въ глубинѣ Центральной Азіи, на заоблачномъ плоскогоріи Тибета, за 3,000 верстъ отъ ближайшей нашей границы, среди дикой природы и ужаснаго климата наша экспедиція оружіемъ завоевала изслѣдованіе отъ вѣка невѣдомыхъ истоковъ Желтой рѣки и большихъ озеръ ея верхняго теченія. Дикари тангуты, старавшіеся преградить намъ путь, дважды были разбиты горстью моихъ смѣльчаковъ спутниковъ, сослужившихъ отличную службу для науки и для славы русскаго имени. За таковой поистинѣ геройскій подвигъ умоляю наградить знаками отличія военнаго ордена моихъ помощниковъ: подпоручика Роборовскаго и вольноопредѣляющагося Козлова, девять нижнихъ чиновъ экспедиціи, волонтера при ней кяхтинскаго мѣщанина Михаила Протопопова; переводчика-же Абдула Юсупова произвести въ хорунжіе милиціи".

[2]) Въ письмѣ Н. Ф. Петровскому отъ 8-го августа 1884 г.

встрѣчъ намъ не нужно—все это только великая помѣха для работъ экспедиціи".

„Мы всѣ, писалъ онъ въ другомъ письмѣ [1]), находимся въ вожделѣнномъ здравіи, живемъ дружно и помаленьку мастеримъ великое дѣло изслѣдованія Тибета. Мои спутники, казаки и солдаты, отличные люди, съ которыми можно пройдти вездѣ и сдѣлать все".

Собственно говоря, Николай Михайловичъ представлялъ собою имя собирательное—духъ цѣлой горсти людей. При его имени, нельзя не вспомнить его спутниковъ: Ягунова, Пыльцова, Эклона, Роборовскаго, Козлова, Иринчинова, Нефедова, Телешова, Иванова и другихъ. Всѣ они подчинялись духу и волѣ Николая Михайловича. Его желанія были ихъ желаніями и другихъ имѣть они не могли. Своихъ спутниковъ онъ любилъ какъ дѣтей и искренно былъ благодаренъ, когда оказывали имъ вниманіе—оно было для него дороже, чѣмъ оказанное ему самому.

Съ другой стороны, подъ обаяніемъ дарованій Николая Михайловича, всѣ спутники боготворили его и готовы были идти съ нимъ въ огонь и воду: онъ былъ для нихъ безусловный авторитетъ, близкій другъ и начальникъ, волю котораго не исполнить было немыслимо. Только строгая и неумолимая дисциплина и нравственное превосходство начальника экспедиціи дѣлали возможнымъ пребываніе маленькой горсти русскихъ людей среди поголовно враждебнаго населенія. Но и для героевъ есть невозможное, а потому Николай Михайловичъ рѣшился на этотъ разъ не ходить въ Хлассу.

„Отъ посѣщенія Хлассы отказываюсь, писалъ онъ [2]), въ виду важности намѣченныхъ изслѣдованій и возможности того, что насъ опять не пустятъ въ столицу Далай-Ламы, въ особенности послѣ двухкратнаго побитія тангутовъ на Желтой рѣкѣ".

---

[1]) А. М. Лушникову 8-го августа 1884 г.

[2]) Въ письмѣ І. Л. Фатѣеву 8-го августа 1884 г.

Въ теченіе двухнедѣльнаго отдыха, Пржевальскій успѣлъ купить 13 новыхъ верблюдовъ и въ караванѣ его состояло всего 75 головъ, изъ которыхъ 64 были вполнѣ надежны для дальнѣйшаго путешествія. Продовольствія было запасено почти на полгода, но для лошадей имѣлось всего 8 п. ячменя.

26-го августа экспедиція тронулась въ новый путь и направилась къ западному Номохунъ-голу. Стояли жаркіе дни и верблюдамъ приходилось идти по высохшей глинѣ, смѣшанной съ солью. У нихъ стали опухать ступни и нижнія части голени всѣхъ четырехъ ногъ, такъ что, когда пришли на Номохунъ-голъ, то 54 верблюда оказались больными. Пришлось простоять здѣсь 18 сутокъ и въ концѣ-концовъ промѣнять семь верблюдовъ на лошадей; послѣднихъ теперь имѣлось въ караванѣ 19, а верблюдовъ 67. Всѣ они были еще на столько слабы, что вьючить ихъ было невозможно, и Пржевальскій успѣлъ нанять 45 лошадей, чтобы доставить вьюки въ урочище Калмыкъ, находившееся въ 145 верстахъ къ западу отъ Номохунъ-гола.

15-го сентября караванъ выступилъ далѣе и спустя нѣсколько дней пришелъ въ урочище Уланъ-гаджиръ, гдѣ и провели пять сутокъ. При помощи синицкаго переводчика, купили у мѣстныхъ монголовъ 60 барановъ, юрту для казаковъ, промѣняли трехъ усталыхъ лошадей на новыхъ, а что самое главное, успѣли найти проводника, съ которымъ и выступили 13-го октября въ урочище Гасъ, гдѣ предполагалось устроить складъ.

По прибытіи въ Гасъ, Пржевальскій отправилъ разъѣзды, для отысканія пути къ Лобъ-нору. Только на двѣнадцатый день вернулись посланные съ извѣстіемъ, что путь найденъ.

„Большимъ трудомъ купленъ былъ такой успѣхъ. На протяженіи около 50 верстъ по гребню Алтынъ-тага, казаки лазили во всѣ ущелья, нерѣдко спускались по нимъ на другую сторону хребта и, встрѣтивъ

здѣсь непроходимую мѣстность, возвращались обратно, пока, наконецъ, не попали на истинный путь. По немъ посланные проѣхали верстъ 60 до выхода изъ Алтынъ-тага".

По полученіи удовлетворительныхъ извѣстій, въ урочищѣ Чонъ-яръ былъ устроенъ складъ, въ которомъ были оставлены подъ начальствомъ Иринчинова шесть казаковъ и переводчикъ Абдулъ-Юсуповъ. Ихъ охраненію порученъ былъ весь остающійся багажъ, верблюды, лошади и продовольственные бараны. Въ составъ экспедиціи было назначено 25 верблюдовъ, 4 верховыя лошади и десятка полтора барановъ; всѣ запасы разсчитаны только на два мѣсяца.

19-го ноября путешественники тронулись въ путь и направились вверхъ по р. Зайсанъ-сайту. Сначала шли хорошо, имѣя кормъ, воду и топливо; но лишь только миновали ключевые источники рѣки, какъ голая пустыня явилась сразу впереди. Какъ далеко она простиралась—никто не зналъ, и Пржевальскій отправился самъ розыскивать болѣе удобный путь. Онъ нашелъ пропавшую рѣку, передвинулся къ ней всѣмъ караваномъ, но для животныхъ наступила трудная пора. Экспедиція находилась теперь на высотѣ 11,500 ф.; наступили сильные морозы, сопровождаемые вѣтрами. Послѣдніе по большей части дули прямо въ лицо и послѣ дневнаго перехода почти у всѣхъ болѣли глаза и голова. При такихъ условіяхъ, вошли въ ущелье р. Зайсанъ-сайту, гдѣ вздохнули свободнѣе, освободившись отъ сильныхъ вѣтровъ.

Черезъ два небольшихъ перехода путешественники поднялись на плато Тибета, высшая точка котораго находится на 13,800 ф. абсолютной высоты. Обширная, широкая, но безплодная равнина разстилалась передъ глазами и уходила къ востоку за горизонтъ. Ближайшій осмотръ мѣстности убѣдилъ Пржевальскаго въ невозможности идти дальше. Безплодные холмы залегли къ югу, за ними виднѣлись горы, а затѣмъ подымался снѣжный хребетъ. Мѣстность представляла неодолимыя трудности для истомленныхъ

вьючныхъ животныхъ и потому рѣшено было повернуть назадъ и идти къ западу отъ р. Зайсанъ-сайту.

Изслѣдовавъ эту мѣстность, Николай Михайловичъ открылъ много новыхъ хребтовъ и озеръ, которымъ и далъ названія по праву перваго путешественника, проникшаго въ эти мѣста. Во все это время экспедиція не дѣлала дневокъ, но подвигалась небольшими переходами. Наступила суровая зима и въ началѣ декабря морозы четыре раза превышали 30 градусовъ. Единственнымъ жилищемъ для путешественниковъ была войлочная юрта; казаки же, которымъ не доставало мѣста въ юртѣ, укрывались въ палаткѣ.

„Ежедневныя дежурства, говоритъ Николай Михайловичъ [1]), пастьба верблюдовъ съ лошадьми и ночные караулы шли у казаковъ обыденнымъ чередомъ. Молодцами держали они себя по прежнему, не смотря на всѣ трудности и лишенія. Тѣ и другія увеличивались для насъ съ каждымъ днемъ, ибо, съ одной стороны, взятые лишь въ обрѣзъ запасы поневолѣ заставляли экономить даже такіе предметы нашего довольствія, какъ кирпичный чай и дзамба, а съ другой, сильные холода и бури донимали насъ теперь почти безъ перерыва“.

Всѣ эти труды и лишенія заставили Николая Михайловича вернуться назадъ и 11-го января 1885 года экспедиція радостно встрѣтилась съ остававшимися въ складѣ казаками. Погода сдѣлалась теплѣе и, пользуясь этимъ, всѣ стали приводить себя въ порядокъ: стриглись, мылись, чистились, чинились.

Трое сутокъ было употреблено на просушиваніе собранныхъ зоологическихъ коллекцій, перекладку багажа, исправленіе вьюковъ и проч. Затѣмъ, путешественники покинули свою прекрасную стоянку и направились къ сѣверу на Лобъ-норъ, по пути, отысканному разъѣздомъ еще въ ноябрѣ прошлаго года.

---

[1]) Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки и проч., стр. 263

Въ концѣ января экспедиція пришла на Лобъ-норъ и остановилась на р. Таримѣ, возлѣ д. Новый-Абдалъ, гдѣ и провела 10 сутокъ. Все это время было посвящено приведенію въ порядокъ записокъ о зимнихъ изслѣдованіяхъ и подробному знакомству съ нравами и обычаями мѣстныхъ жителей [1]). Затѣмъ, для наблюденія за весеннимъ прилетомъ птицъ, Николай Михайловичъ перенесъ свой бивуакъ на правый берегъ Тарима, на то самое мѣсто, гдѣ стоялъ въ 1877 г., въ одной верстѣ отъ деревни Старый Абдалъ.

Располагая остаться здѣсь на довольно продолжительное время, Пржевальскій принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы обставить своихъ спутниковъ возможными удобствами, которыхъ они не имѣли столь долгое время. Двѣ палатки и двѣ юрты были поставлены просторно и между ними сложенъ багажъ; кухня, хотя устроена была въ растрепавшейся юртѣ, но не подъ открытымъ небомъ; на бивуакъ были доставлены дрова, а затѣмъ верблюды, въ числѣ 64, были отправлены на р. Джахансай, гдѣ былъ для нихъ лучшій кормъ. Продовольствія для чиновъ экспедиціи было въ изобиліи: мяса, муки и прочихъ припасовъ было вдоволь.

Жизнь шла довольно однообразно и не нарушалась за все время пребыванія на Лобъ-норѣ. На восходѣ солнца всѣ вставали и, напившись чаю, занимались каждый порученнымъ ему спеціальнымъ дѣломъ; въ 9 часовъ утра завтракали и отправлялись на охоту. Часа въ три, или четыре пополудни возвращались назадъ, обѣдали, занимались, пили чай и часовъ въ 8 вечера ложились спать. Туземное населеніе и мѣстный бекъ относились къ экспедиціи съ полнымъ радушіемъ.

На Лобъ-норѣ Николай Михайловичъ и его спутники оставались до 20 марта, но въ этотъ день выступили и направились къ поселенію Чархалыкъ. Двигаться каравану по кустарной полосѣ было очень трудно, потому что рыхлая почва быстро разминалась

[1]) Описанію ихъ быта Пржевальскій посвящаетъ много блестящихъ страницъ въ своемъ четвертомъ путешествіи.

въ пыль и залѣпляла глаза. Въ Чархалыкѣ встрѣтили Свѣтлое Христово Воскресеніе, закупили нѣсколько продовольствія и пошли въ Черченъ. Двигались небольшими переходами, иногда дневали, чтобы лучше изслѣдовать мѣстность, но научная добыча растеній и животныхъ была незначительна. 14-го апрѣля караванъ пришелъ въ Черченъ, гдѣ былъ встрѣченъ мѣстными властями и расположился не доходя одной версты до главной части оазиса.

На другой день послѣ прихода въ Черченъ поднялась сильная буря, продолжавшаяся почти безъ перерыва цѣлую недѣлю. Напоръ вѣтра былъ на столько силенъ, что противъ него ходить было невозможно, а выступать въ дальнѣйшій путь неблагоразумно. Кромѣ того, одною изъ причинъ задержки въ Черченѣ была необходимость пополнить запасы и достать проводника. Мѣстныя власти отказывали въ томъ и другомъ подъ разными предлогами; но потомъ, подъ вліяніемъ угрозы, признались, что имъ запрещено китайскимъ правительствомъ не только продавать что либо и давать вожаковъ, но и входить въ какія-бы то ни было сношенія съ русскими. Заявленіе Пржевальскаго, что продовольствіе онъ возьметъ силою, а проводникомъ самого хакима (уѣзднаго начальника),—заставило послѣдняго исполнить требованіе и онъ доставилъ двухъ провожатыхъ, а за деньги—барановъ, муку и ячмень для лошадей. Передъ самымъ выступленіемъ оба проводника бѣжали ночью и пока были доставлены новые, путешественники принуждены были оставаться въ Черченѣ.

25-го апрѣля, наконецъ, тронулись въ путь. „На первыхъ-же порахъ, говоритъ Пржевальскій [1]), пришлось пройти въ полтора сутокъ 86 верстъ безъ воды, да притомъ еще съ подъемомъ почти на 5,000 футовъ; ко всему этому добавилась жара и въ началѣ сыпучій песокъ. Какъ обыкновенно, вожаки не знали точно разстоянія и опредѣлили этотъ переходъ въ 50 съ не-

[1]) Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки и проч., стр. 373.

большимъ верстъ; такъ мы и запаслись водою, разсчитывая на завтра утромъ быть на мѣстѣ. Но уже къ полудню перваго дня выяснилось, что безводный переходъ будетъ несравненно бо̀льшій, чѣмъ насъ увѣряли. Тогда мы, какъ говорится, приналегли и прошли къ вечеру того-же дня 41 версту. Переспрошенные чуть не въ десятый разъ, вожаки съ испугу бросились въ другую крайность и объявили, что мы далеко еще не сдѣлали половины всего перехода".

Хотя Николай Михайловичъ имъ и не вѣрилъ вполнѣ, но счелъ необходимымъ отправить впередъ, въ полночь, двухъ казаковъ на верблюдахъ, съ приказаніемъ привезти на встрѣчу воду. Остальные члены экспедиціи выступили на разсвѣтѣ, прошли 25 верстъ и остановились; сварили чай изъ послѣдней воды и стали ждать посланныхъ казаковъ. Около 3 часовъ пополудни вода была доставлена и, вмѣстѣ съ тѣмъ, получены точныя свѣдѣнія, что до мѣста предполагаемой остановки не болѣе 20 верстъ. Напившись вдоволь и напоивъ животныхъ, двинулись впередъ и уже въ потьмахъ разбили свой бивуакъ.

Въ теченіе всего апрѣля стояли жары, иногда доходившія до 30,$_8$ градусовъ въ тѣни; караванъ шелъ то по пустынѣ, то по сыпучимъ пескамъ, то подымался на горы или спускался въ ущелья.

1-го мая экспедиція достигла Кара-кургана, а затѣмъ перешла въ оазисъ Нія, гдѣ и провела цѣлую недѣлю. Стоянка была прекрасная—обиліе воды и корма для животныхъ; мѣстные жители оказывали полное радушіе и мальчики охотно таскали на продажу ягоды шелковицы.

Отъ Ніи до Кэріи, куда направился теперь караванъ, было всего 93 версты, но дорога была преимущественно вьючная съ безводными переходами. Первый былъ въ 51 версту и привелъ къ дер. Ясулгунъ, отличной стоянкѣ на берегу пруда, въ которомъ можно было купаться.

„Въ Ясулгунѣ, записалъ Николай Михайловичъ[1]), была отпразднована нами шестая тысяча верстъ пути отъ Кяхты. Такія празднества, конечно, по средствамъ, какія имѣлись на лицо, мы устраивали послѣ каждой пройденной тысячи верстъ.

„Тѣ-же ясулгунцы сообщили теперь намъ нѣсколько интересныхъ подробностей относительно нелѣпой трусости и секретныхъ козней противъ насъ со стороны китайцевъ. Эти послѣдніе не только всюду запретили туземцамъ входить съ нами въ близкія сношенія и сообщать правду на наши разспросы, но даже приказали увести въ горы мѣстныхъ верблюдовъ, также частью лошадей и вслѣдъ за ними прогнать стадо барановъ, чтобы скрыть слѣды. Затѣмъ, узнавъ, что мы намѣрены пройдти въ Тибетъ изъ Кэріи, мѣстный китайскій начальникъ послалъ разрушить въ горахъ мостъ и испортить дорогу. Тотъ-же начальникъ или, какъ его здѣсь величаютъ, амбань, приказалъ собрать въ Кэріи отъ жителей запасный хлѣбъ, сложилъ его въ восьми сакляхъ и подложилъ мину, чтобы взорвать ее въ случаѣ возстанія жителей по нашемъ приходѣ. Самъ амбань нѣсколько ночей сряду выѣзжалъ съ конвоемъ изъ города и ночевалъ въ палаткѣ, опасаясь быть застигнутымъ врасплохъ. Ранѣе того, полицейскіе въ-Кэріи отбирали у обывателей небольшіе ножики, носимые на поясахъ, и отламывали у этихъ ножей острые концы, дабы сдѣлать такое невинное оружіе еще болѣе безопаснымъ. Кромѣ того, китайцы, да и туземцы, были убѣждены, что въ большихъ ящикахъ, гдѣ возились собранныя нами коллекціи, спрятаны наши солдаты. Словомъ, какъ теперь, такъ и послѣ не прекращались нелѣпые слухи и выходки, которыми китайцы, стараясь повредить намъ, заявляли лишь свою трусость и дискредитировали себя въ глазахъ мѣстнаго населенія. Для насъ же ясно теперь стало, что изъ Восточнаго Туркестана мы не могли бы попасть въ Тибетъ и что весьма предусмотрительно нынѣшнее путешествіе начато было изъ Кяхты“.

---

[1]) Отъ Кяхты на верховья Желтой рѣки и проч., стр. 392.

1-го іюня экспедиція выступила изъ Ясулгуна въ Кэрію. „Это огромный оазисъ, писалъ Николай Михайловичъ [1]), въ которомъ до 3,000 фермъ. Фруктовые сады сплошь и мы теперь объѣдаемся абрикосами".

Изъ Кэріи онъ намѣренъ былъ пробраться, мѣсяца на полтора, на сосѣднее плато Тибета. Для достиженія такой цѣли, необходимо было замѣнить верблюдовъ лошадьми и Пржевальскій рѣшился устроить въ Кэріи складъ, послать верблюдовъ на пастьбу и нанять 30 лошадей.

Китайцы по прежнему старались тормозить на каждомъ шагу: запрещали мѣстному населенію входить въ какія-бы то ни было сношенія съ путешественниками, говоря, что русскіе дурные люди и путешествуютъ съ худымъ умысломъ. Встрѣчая повсюду сопротивленіе въ пріобрѣтеніи всего необходимаго, Николай Михайловичъ объявилъ, что если населеніе не желаетъ продавать продукты за деньги, то онъ возьметъ ихъ силою. Это испугало китайцевъ и на другой же день кэрійскій амбань явился съ визитомъ, въ сопровожденіи небольшаго отряда войскъ.

Пржевальскій принялъ его въ палаткѣ и угостилъ чаемъ. Затѣмъ прямо приступилъ къ дѣлу и просилъ китайца при немъ-же отдать приказаніе хакиму, чтобы онъ нанялъ лошадей, отвелъ помѣщеніе подъ складъ и приказалъ продавать съѣстные припасы. Амбань исполнилъ просьбу и Николай Михайловичъ на другой день отдалъ ему визитъ.

„Намъ устроенъ былъ парадный пріемъ, пишетъ Николай Михайловичъ [2]). Помимо солдатъ, собраны были всѣ власти Кэріи; въ воротахъ помѣщенія китайскаго начальника намъ салютовали тремя выстрѣлами и музыкою; хозяинъ встрѣтилъ насъ и проводилъ въ свою фанзу, гдѣ самъ подавалъ намъ чай". Эти любезности не мѣшали сдѣлать подъ рукою распоря-

---

[1]) Въ письмѣ Е. С. Денисову отъ 8-го іюня 1885 г.

[2]) Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки и проч., стр. 401

женіе, чтобы туземцы не посѣщали русскихъ и не разсказывали имъ ничего. Любопытство однако-же пересиливало угрозы и они постоянно приходили на бивуакъ. Не малою для нихъ приманкою была гармонія, на которой по вечерамъ играли казаки. Слухъ объ этомъ удивительномъ инструментѣ шелъ далеко впереди экспедиціи и притягивалъ многихъ. Вообще туземцы выказывали полную симпатію, приносили фрукты и разнаго рода продукты. Рядомъ съ этимъ китайскія власти принимали всѣ мѣры къ тому, чтобы затруднить путешествіе. Провѣдавъ, что Пржевальскій намѣренъ идти въ Пòлу, они испортили туда дорогу, уничтоживъ два моста и заваливъ крутые спуски.

„Но опять не посчастливилось китайцамъ, писалъ Николай Михайловичъ [1]). Для насъ гораздо интереснѣе идти отъ Кэріи на юго-востокъ, чѣмъ прямо на югъ. При первомъ свиданіи, я объявилъ китайскому амбаню, что мы пойдемъ на юго-востокъ, и что если туземцы (показываю видъ, что китайцы этого не сдѣлаютъ) вздумаютъ испортить дорогу, то для починки ея, я призову русскихъ солдатъ изъ Кашгара. Китайцы даже глаза вытаращили при подобной угрозѣ и тотчасъ-же обѣщали принять мѣры къ охраненію пути. Затѣмъ, по моему требованію, амбань приказалъ отвести въ Кэріи фанзу для склада нашего лишняго багажа (собранныхъ коллекцій) и мѣста для пастьбы нашихъ верблюдовъ“.

Этимъ послѣднимъ мѣстомъ была избрана деревня Ачанъ, въ 40 верстахъ къ югу отъ Кэріи. Въ Ачанѣ экспедиція окончательно снарядилась и 16-го іюня снова двинулась въ путь. Караванъ состоялъ изъ 15 верховыхъ лошадей, 22 вьючныхъ и 5 ословъ у погонщиковъ. Сначала все не ладилось съ лошадьми, непривычными къ вьюкамъ, да и самый путь былъ труденъ. Тропинка, по которой шли, была мѣстами испорчена китайцами и по требованію Пржевальскаго ее исправляли тѣ-же самые жители, которые такъ недавно ее портили. Туземцы ненавидѣли китайцевъ и

[1]) Въ письмѣ Н. Ф. Петровскому отъ 2-го іюня 1885 г.

готовы были при первомъ удобномъ случаѣ вырѣзать ихъ.

— Прикажи, говорили они Пржевальскому,—мы сейчасъ пойдемъ рѣзать китайцевъ. Мы ничего не желаемъ, какъ только быть подъ властью Бѣлаго Царя. Мы знаемъ, какая теперь справедливость водворилась въ русскомъ Туркестанѣ.... А у насъ—каждый китайскій чиновникъ, даже каждый солдатъ, могутъ безнаказанно бить кого угодно, отнять имущество, жену, дѣтей; подати съ насъ берутъ непомѣрныя. Мы не можемъ долго выносить подобнаго положенія; у многихъ изъ насъ заготовлено и спрятано оружіе. Одно только горе—нѣтъ головы, общаго руководителя. Дай намъ хотя простаго казака; пусть онъ будетъ нашимъ командиромъ.

Повернувъ съ Кэрійской рѣки вверхъ по лѣвому ея притоку—Курабу, экспедиція встрѣтила небольшую колонію Пòлу, гдѣ и провела пять сутокъ.

Получивши отъ китайцевъ самые неодобрительные отзывы о русскихъ и приказаніе не сообщаться съ ними, жители этой колоніи встрѣтили путешественниковъ съ нѣкоторымъ недовѣріемъ и страхомъ. Они спрятали лучшую одежду и вещи въ горахъ, опасаясь грабежа; спрятали и женщинъ. Но когда увидѣли противное тому, что говорили китайцы, то такъ подружились съ членами экспедиціи, что устроили танцовальный вечеръ съ музыкою и скоморохами.

„Наши казаки, говоритъ Николай Михайловичъ [1]), также принимали участіе въ общемъ весельи и лихо отплясывали по своему, подъ звуки гармоніи; инструментъ этотъ приводилъ слушающихъ въ восторгъ. Въ антрактахъ танцевъ появлялись скоморохи: одинъ наряженный обезьяною, другой козломъ, третій, изображавшій женщину, верхомъ на лошади, выдѣлывали очень искусныя штуки. Сначала наше присутствіе немного стѣсняло туземцевъ, которые даже извинялись, что ихъ женщины не могли хорошо нарядиться,

[1]) Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки и проч., стр. 411.

ибо лучшее платье, вслѣдствіе китайскихъ навѣтовъ, далеко спрятано въ горахъ, потомъ всѣ освоились и веселились отъ души. Вообще, наши казаки до того очаровали мѣстныхъ красавицъ, что когда мы уходили изъ Пòлу, женщины плакали навзрыдъ, приговаривая: „уходятъ русскіе молодцы, скучно намъ безъ нихъ будетъ“.

Жители въ Пòлу заявили, что вверхъ по ущелью р. Курабъ трудно и почти невозможно пробраться въ Тибетъ. Не вполнѣ довѣряя показаніямъ туземцевъ, Пржевальскій произвелъ рекогносцировку, подтвердившую показанія населенія, и потому рѣшено было направиться къ западу, вдоль высокихъ снѣговыхъ горъ, и поискать тамъ болѣе удобнаго прохода. Двигаясь почти въ теченіе цѣлаго мѣсяца вдоль сѣвернаго подножія Кэрійскаго хребта, экспедиція не имѣла той удачи, на которую разсчитывала. Весь путь лежалъ на высотѣ 10—12 тысячъ футовъ и мѣстность представляла собою холмы, горы, пади и рѣчныя ущелья глубоко врѣзанныя въ почву, иногда на 1,000 футовъ. Все это крайне затрудняло движеніе; при безпрерывныхъ дождяхъ, вьюки дѣлались болѣе тяжелыми, крутые спуски скользкими, вода въ рѣчкахъ быстро прибывала и неслась съ ужасающею силою, ворочая иногда каменныя глыбы до 10 кубическихъ саженъ по объему. Путь былъ на столько затруднителенъ, что въ теченіе 28 дней можно было пройдти только 135 верстъ. Никогда не ходившія подъ вьюкомъ туземныя лошади то брыкались и не давались вьючить, то вмѣстѣ съ вьюкомъ ложились на землю, то, не привыкши ходить по горамъ, обрывались съ кручи. Казаки шли большею частію пѣшкомъ, а туземцы-проводники раскисли отъ холода и непогоды,—ихъ пришлось отпустить и замѣнить новыми, но и тѣ скоро пришли въ такое-же состояніе. Согрѣться было нечѣмъ, такъ какъ сырой аргалъ не горѣлъ и только благодаря подгорнымъ жителямъ, доставившимъ немного дровъ, можно было сварить чай и пищу.

При всѣхъ этихъ невзгодахъ научная добыча

была ничтожна: птицъ и звѣрей было мало, цвѣтущихъ растеній также; производить съемку подъ дождемъ и въ горахъ, закутанныхъ облаками, было затруднительно, и при такихъ условіяхъ, 23 іюля, путешественники достигли до урочища Улукъ-ачикъ—крайняго пункта наступательнаго движенія.

Дожди не переставали; лошади измучились и половина изъ нихъ была негодна для движенія. Имѣя въ виду, что направленіе Кэрійскаго хребта, его топографическій характеръ, флора и фауна достаточно обслѣдованы, Николай Михайловичъ рѣшилъ спуститься съ горъ на Кэрійско-хотанскую дорогу въ оазисъ Чира, привести туда верблюдовъ съ оставшимся багажомъ и идти къ Хотану.

Послѣ однѣхъ сутокъ отдыха въ Чирѣ Роборовскій и Козловъ были посланы въ Кэрію за багажомъ и верблюдами, а Пржевальскій въ это время писалъ краткій отчетъ о путешествіи и письма, которыя и были отправлены въ Кашгаръ къ нашему консулу Н. Ф. Петровскому. Черезъ его же посредство были получены письма и газеты изъ Россіи.

„Словъ не придумаю, писалъ ему Пржевальскій, какъ благодарить васъ за ваше заботливое вниманіе. Весь вчерашній день и сегодняшній для насъ праздники великіе. Не знаемъ съ чего начать читать; лихорадочно хватаешь то тотъ, то другой нумеръ газетъ;—вездѣ новое и новое. Только грустно, что вездѣ одинъ и тотъ же напѣвъ—ссоры, драки, война, будто все это совершается не въ цивилизованномъ мірѣ, а среди кровожадныхъ дикарей“.....

Черезъ восемь сутокъ посланные въ Кэрію вернулись, привели верблюдовъ и багажъ въ полной исправности. Отсюда экспедиція должна была идти въ Хотанъ, внизъ по Хотанской рѣкѣ на Аксу и далѣе за Тянь-шань на родину.

16-го августа караванъ тронулся въ путь и, прійдя 29-го числа въ Хотанъ, расположился въ помѣщеніи, приготовленномъ русскими подданными торговцами-

сартами. Это былъ просторный и тѣнистый садъ, въ которомъ не пришлось, однакоже, долго оставаться. Лишь только караванъ развьючилъ верблюдовъ, какъ явилось двое китайскихъ солдатъ, съ нахальствомъ лѣзшихъ смотрѣть вещи; ихъ прогнали и они уѣхали съ бранью. Чтобы избѣжать повторенія подобныхъ случаевъ, Николай Михайловичъ отправилъ переводчика Абдулу, съ двумя нашими хотанскими торговыми аксакалами (старшинами), въ китайскій ямынь (управленіе) просить, чтобы не дозволяли китайскимъ солдатамъ безпокоить путешественниковъ. Посланные исполнили порученіе, но на обратномъ пути на нихъ напали китайскіе солдаты и избили ихъ. Абдула вернулся въ ямынь, заявилъ о происшествіи и прибылъ на бивуакъ въ сопровожденіи китайскаго чиновника, присланнаго амбанемъ, съ увѣреніемъ, что виновные будутъ наказаны. Пржевальскій объявилъ, что оставитъ это дѣло только тогда, когда виновные будутъ наказаны на глазахъ экспедиціи или будутъ просить прощеніе у переводчика и аксакаловъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы быть болѣе обезпеченнымъ отъ нападенія и имѣть болѣе самостоятельности, начальникъ экспедиціи перенесъ свой бивуакъ на болѣе открытое мѣсто, дававшее полный просторъ для дѣятельности берданокъ и револьверовъ. Отсюда были отправлены въ городъ поручикъ Роборовскій, г. Козловъ, переводчикъ и 10 казаковъ *„прогуляться“* передъ китайцами.

„Посланные, говоритъ Пржевальскій [1]), были вооружены винтовками, съ примкнутыми штыками и несли съ собою каждый по сотнѣ патроновъ. Роборовскому поручено отъ меня было пройдти черезъ весь мусульманскій городъ въ китайскій, отдохнуть немного тамъ и вернуться обратно; въ случаѣ же нападенія китайскихъ солдатъ—стрѣлять въ нихъ. Страннымъ, невѣроятнымъ можетъ казаться издали, въ особенности по европейскимъ понятіямъ, подобный поступокъ; но въ Азіи, тѣмъ болѣе имѣя дѣло съ китайцами, малѣйшая

[1]) Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки и проч., стр. 460.

уступчивость несомнѣнно приведетъ къ печальнымъ результатамъ; тогда какъ смѣлость, настойчивость и дерзость изъ десяти разъ на девять выручатъ въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ".

Стройно, при одобрительныхъ крикахъ толпы, шла горсть русскихъ казаковъ, дошла до крѣпости, сдѣлала тамъ привалъ и затѣмъ съ пѣснями возвратилась обратно.

На другой день амбань опять прислалъ чиновника съ просьбою позабыть случившееся. При этомъ чиновникъ говорилъ, что солдаты не подчинены амбаню, не слушаются его и даже дѣлаютъ дерзости ему самому; что амбань писалъ объ этомъ по начальству и нѣтъ сомнѣнія, что виновные будутъ наказаны. Пржевальскій оставался при прежнемъ своемъ требованіи и тогда, на слѣдующій день, явился тотъ же чиновникъ съ просьбою отпустить для переговоровъ съ амбанемъ хотя своего помощника. Николай Михайловичъ согласился и послалъ Роборовскаго съ переводчикомъ и 10 казаками. На свиданіи этомъ было рѣшено, что въ видѣ извиненія во всемъ происшедшемъ амбань первый сдѣлаетъ визитъ начальнику экспедиціи, что было весьма важно для уничтоженія среди туземцевъ тѣхъ толковъ, которые распускали китайцы.

Хитрый амбань согласился, но потомъ прислалъ карточку. Пржевальскій не принялъ карточки и прогналъ посланнаго. Тогда амбань со свитою изъ чиновниковъ и мѣстныхъ мусульманскихъ властей пріѣхалъ на нашъ бивуакъ и пробылъ у Николая Михайловича съ полчаса времени. Передъ вечеромъ визитъ былъ отданъ, а на слѣдующій день амбань опять пріѣзжалъ въ лагерь и разсыпался въ любезностяхъ. Такимъ образомъ взаимныя отношенія приняли дружественный характеръ и о происшествіи болѣе не упоминалось.

Пополнивъ свои запасы, Пржевальскій нанялъ въ подмогу верблюдамъ нѣсколько вьючныхъ ословъ и лошадей и 5-го сентября выступилъ въ Аксу, куда и

прибылъ 16-го октября. Здѣсь сдѣланы были кое-какія покупки, проданы 37 уцѣлѣвшихъ верблюдовъ, а вмѣсто ихъ были завьючены 40 новыхъ верблюдовъ, высланныхъ на встрѣчу экспедиціи изъ Каракола. Пробывъ въ Аксу только одинъ день, путешественники выступили по дорогѣ на Караколъ и прошли черезъ оазисъ Учь-Турфанъ на Тянь-шань.

Переночевавъ не далеко отъ перевала, экспедиція, 29 октября, стала подыматься на Бедель, на высоту 13,700 футовъ.

На самомъ перевалѣ Пржевальскій поздравилъ своихъ спутниковъ съ близкимъ окончаніемъ путешествія и подарилъ казакамъ винтовки, съ которыми они два года путешествовали. Затѣмъ былъ сдѣланъ залпъ изъ берданокъ и револьверовъ въ ближайшую скалу [1]).

Переходомъ черезъ Бедель, гдѣ пролегаетъ теперь пограничная черта Россіи съ Китаемъ, было закончено четвертое путешествіе Пржевальскаго въ Центральной Азіи.

„Сегодня для насъ знаменитый день, писалъ онъ въ приказѣ отъ 29 октября по своему отряду, мы перешли китайскую границу и вступили на родную землю. Болѣе двухъ лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ, какъ мы начали изъ Кяхты свое путешествіе. Мы пускались тогда въ глубь азіятскихъ пустынь, имѣя съ собою лишь одного союзника—отвагу; все остальное стояло противъ насъ: и природа, и люди. Вспомните—мы ходили то по сыпучимъ пескамъ Ала-шаня и Тарима, то по болотамъ Цайдама и Тибета, то по громаднымъ горнымъ хребтамъ, перевалы черезъ которыя лежатъ на заоблачной высотѣ. Мы жили два года, какъ дикари, подъ открытымъ небомъ, въ палаткахъ или юртахъ и переносили то 40 градусные морозы, то еще бо̀льшія жары, то ужасныя бури пустыни. Ко всему этому по временамъ прибавлялось недружелюбіе, иногда даже открытая вражда туземцевъ: вспомните, какъ на

[1]) Изъ дневника Пржевальскаго

насъ дважды нападали тангуты въ Тибетѣ, какъ постоянно обманывали монголы Цайдама, какъ лицемѣрно-враждебно относились къ намъ китайцы.

„Но ни трудности дикой природы пустыни, ни препоны со стороны враждебно настроеннаго населенія, ничто не могло остановить насъ. Мы выполнили свою задачу до конца—прошли и изслѣдовали тѣ мѣстности Центральной Азіи, въ бо̀льшей части которыхъ еще не ступала нога европейца. Честь и слава вамъ, товарищи! О вашихъ подвигахъ я повѣдую всему свѣту. Теперь же обнимаю каждаго изъ васъ и благодарю за службу вѣрную—отъ имени Государя Императора, насъ пославшаго, отъ имени науки, которой мы служили, и отъ имени родины, которую мы прославили.....“

И дѣйствительно прославили, если припомнить что̀ вынесла экспедиція и какіе научные результаты были ею пріобрѣтены. Изслѣдованіе неизвѣстныхъ до сихъ поръ истоковъ Желтой рѣки, гдѣ противъ 14 человѣкъ русскихъ смѣльчаковъ было болѣе 14,000 палатокъ враждебныхъ тангутъ-голыковъ, переходъ безъ проводниковъ изъ Цайдама на Лобъ-норъ по мѣстности, которую не знаютъ даже туземцы и гдѣ впродолженіе трехъ мѣсяцевъ не встрѣчалось души человѣческой—свидѣтельствуетъ о заслугахъ членовъ экспедиціи. Затѣмъ торжественное шествіе по оазисамъ Восточнаго Туркестана, гдѣ туземцы встрѣчали съ хлѣбомъ-солью и букетами цвѣтовъ, а китайцы, властелины страны, держались въ сторонѣ, „поджавши хвостъ“—все это свидѣтельствуетъ о торжествѣ русскаго имени и звучитъ какою-то сказкою, тѣмъ не менѣе осуществленною на дѣлѣ Н. М. Пржевальскимъ и его доблестными спутниками.

Въ самомъ началѣ ноября путешественники прибыли въ Караколъ, гдѣ 3-го числа Пржевальскій былъ осчастливленъ полученіемъ поздравительной депеши Наслѣдника Цесаревича „съ благополучнымъ окончаніемъ многотрудной экспедиціи и пріобрѣтенными результатами“.

Въ семи верстахъ не доходя до Каракола, путешественники были встрѣчены мѣстными властями, наличными офицерами и чиновниками. Въ юртѣ устроенъ былъ завтракъ съ шампанскимъ.

„Такъ сегодня, записалъ Николай Михайловичъ въ своемъ дневникѣ, окончилось четвертое мое путешествіе по Центральной Азіи. Ровно два года провели мы въ пустыняхъ вдали отъ всего цивилизованнаго міра. Но мила и сердцу дорога свободная странническая жизнь. Какъ въ прежніе разы, такъ и теперь жалко, больно съ нею разставаться—быть можетъ надолго, если только не навсегда. Тяжело подумать о послѣднемъ, но годы налегаютъ одинъ за другимъ и, конечно, наступитъ время, когда уже невозможно будетъ выносить всѣхъ трудовъ и лишеній подобныхъ путешествій. Пусть же—если только мнѣ не суждено болѣе идти въ глубь Азіи—воспоминанія о видѣнномъ тамъ и содѣланномъ въ теченіе долголѣтнихъ странствованій будутъ для меня отрадою до конца жизни. Пусть съ именами Лобъ-нора, Куку-нора, Тибета и многими другими будутъ воскресать въ моемъ воображеніи живые образы тѣхъ незабвенныхъ дней, которые удалось мнѣ провести въ этихъ невѣдомыхъ странахъ, среди дикой природы и дикихъ людей, на славномъ поприщѣ служенія наукѣ.....

Снова бури миновали,
Снова невредимъ пловецъ.....
Снова, снова не сказали,
Что для бурь насталъ конецъ.....

16-го ноября Николай Михайловичъ выѣхалъ изъ Каракола и черезъ Вѣрное и Омскъ направился въ Петербургъ.

XIV.

Производство Пржевальскаго въ генералъ-маіоры —Награды членамъ экспедиціи —Жизнь въ Слободѣ — Загадочное письмо непремѣннаго секретаря Академіи — Вызовъ Николая Михайловича въ Петербургъ, для участвованія въ комитетѣ по китайскимъ дѣламъ —Постановленіе Академіи наукъ выбить въ честь Пржевальскаго особую именную золотую медаль —Возвращеніе въ деревню.—Избраніе дѣйствительнымъ членомъ императорской германской академіи естественныхъ и медицинскихъ наукъ въ Галле и почетнымъ членомъ Императорскихъ обществъ любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при Московскомъ университетѣ —Торжественный актъ въ Академіи наукъ 29-го декабря 1886 года —Рѣчь непремѣннаго секретаря академіи К. С Веселовскаго.—Избраніе Пржевальскаго почетнымъ членомъ франкфуртскаго и голландскаго географическихъ обществъ. — Выставка для публики коллекцій, собранныхъ Пржевальскимъ — Проектъ пятаго путешествія въ Азію — Предполагаемый составъ экспедиціи — Вопросъ объ изданіи описанія научныхъ результатовъ, собранныхъ въ прежнія экспедиціи —Пожалованіе на изданіе 25,000 рублей Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ —Приготовленія къ путешествію — Ожидаемыя затрудненія со стороны Китайскаго правительства

1886—1888.

Заслуги Николая Михайловича прежде всего были оцѣнены Государемъ Императоромъ. Его Величеству угодно было наградить полковника Пржевальскаго производствомъ въ генералъ-маіоры и выразить желаніе видѣть его въ генеральскихъ эполетахъ. Высочайшій приказъ о производствѣ [1]) послѣдовалъ 22-го января и въ тотъ-же день, въ 12 часовъ дня, генералъ-маіоръ Пржевальскій имѣлъ счастіе представиться Государю Императору. Онъ не разъ потомъ разсказывалъ о томъ милостивомъ и сердечномъ вниманіи Монарха, котораго, по его словамъ, онъ не заслуживалъ. Всегда прямой и честный, Николай Михайловичъ неспособенъ былъ покривить душой и въ разсказѣ его объ этомъ пріемѣ чувствовалась сердечная теплота и глубокая благодарность къ высокому цѣнителю его заслугъ.

[1]) Съ назначеніемъ членомъ В.-Ученаго Комитета Гл. Штаба.

Осыпанный царскими милостями, онъ былъ далекъ отъ той мысли, что успѣхъ и блестящіе результаты путешествія принадлежатъ ему одному. За нѣсколько дней до полученія награды, онъ доносилъ, что большая часть заслугъ экспедиціи „принадлежитъ не мнѣ, а моимъ сподвижникамъ. Безъ ихъ отваги, энергіи и беззавѣтной преданности дѣлу, конечно, никогда не могла бы осуществиться даже малая часть того, что теперь сдѣлано за два года путешествія. Да будетъ-же и воздаяніе достойное подвига“ [1]).

Признавая справедливымъ наградить всѣхъ членовъ экспедиціи, военный министръ, генералъ-адъютантъ П. С. Ванновскій, испросилъ имъ слѣдующія награды:

Генералъ-маіору Пржевальскому добавочную пожизненную пенсію въ 600 руб., что съ прежде получаемою составляло 1,800 руб. въ годъ. Поручику Роборовскому—орденъ Св. Владиміра 4-й степени и прибавку въ 200 руб. къ пожизненной пенсіи, пожалованной въ 1881 году; вольно-опредѣляющемуся Петру Козлову—знакъ отличія военнаго ордена 4-й степени, единовременно 500 руб. и разрѣшеніе поступить въ С.-Петербургское пѣхотное юнкерское училище; старшему уряднику Забайкальскаго казачьяго войска Дондоку Иринчинову, участвовавшему въ четырехъ экспедиціяхъ—знакъ отличія военнаго ордена 3-й степени и пожизненная пенсія въ 120 руб.; старшему уряднику того-же войска Пантелею Телешову, два раза сопровождавшему Пржевальскаго—знакъ отличія военнаго ордена 3-й степени и единовременно 300 рублей. Всѣмъ остальнымъ 14 нижнимъ чинамъ и волонтеру Михаилу Протопопову—знаки отличія военнаго ордена 4-й степени, по 200 руб. единовременно и предоставленіе права на шестимѣсячный отпускъ для отдыха и поправленія здоровья [2]).

Независимо отъ этихъ наградъ, еще въ 1884 г., когда

[1]) Рапортъ Пржевальскаго въ Главный Штабъ отъ 20 января 1886 г.
[2]) Дѣло воен. учен. комитета Главнаго Штаба, № 36.

Николай Михайловичъ странствовалъ по пустынямъ Азіи, шведское антропологическое и географическое общество избрало его своимъ иностраннымъ членомъ и назначило ему медаль „Вега“; въ 1886 году, вскорѣ по возвращеніи его въ Петербургъ, онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Императорскаго россійскаго общества садоводства, общества землевѣдѣнія въ Лейпцигѣ и нѣмецкой академіи въ Галле. Въ февралѣ 1886 г., нѣкоторые изъ членовъ географическаго общества [1]), имѣя въ виду несомнѣнныя и громадныя заслуги Н. М. Пржевальскаго по географіи Азіи, признали справедливымъ ходатайствовать передъ совѣтомъ общества о наименованіи его именемъ одного изъ первостепенныхъ географическихъ предметовъ. Не только совѣтъ, но и всѣ члены общества приняли это заявленіе съ большимъ сочувствіемъ и тогда рѣшено было вѣчно-снѣговой хребетъ, названный путешественникомъ *Загадочнымъ*—назвать *хребтомъ Пржевальскаго*.

Всѣ эти награды и оцѣнка заслугъ Николая Михайловича учеными обществами, конечно, были ему весьма пріятны, но его тяготила та тревожная и суматошливая жизнь Петербурга, которую онъ такъ не любилъ и всегда избѣгалъ.

— Общая характеристика петербургской жизни, говорилъ онъ, на грошъ дѣла,—на рубль суматохи.

Всеобщее расположеніе и вниманіе тормошили его каждый часъ, каждую минуту. „Рѣшительно не найду минуты свободной, чтобы посѣтить васъ, писалъ Николай Михайловичъ Маріи Николаевнѣ Шишмаревой [2]). Попасть къ вамъ никакъ не могу. Завтра, кажется, день вашего ангела, примите отъ меня сердечное поздравленіе, съ пожеланіемъ всякихъ благъ“.

Письмо это писалось наканунѣ и среди приготов-

---

[1]) Бар. А. В. Каульбарсъ, Ѳ. Фельдманъ, бар. Н. В. Каульбарсъ, І. Стебницкій, О. Штубендорфъ, Эд. Коверскій, Н. Артамоновъ, К. Шарнгорстъ, А. Большевъ, Н. В. Гриммъ, Н. Овсяный, бар. А. Тизенгаузенъ, А. Назаровъ, Г. Ивановъ и Ал. Тилло.

[2]) Отъ 11-го февраля 1886 г.

леній къ чтенію на слѣдующій день лекціи въ библіотекѣ Главнаго Штаба. Въ 8 часовъ вечера, 12 февраля, лекція эта состоялась, а вслѣдъ затѣмъ въ залѣ городской Думы состоялись двѣ публичныя лекціи, причемъ вырученныя за нихъ деньги 800 руб. были обращены на устройство первой городской безплатной читальни.

„Пребываю еще въ Питерѣ, писалъ онъ А. М. Лушникову [1]) и мучаюсь несказанно; не говоря уже про различныя чтенія и оффиціальныя торжества, мнѣ просто невозможно пройти ста шаговъ по улицѣ— сейчасъ обознаютъ и пошла писать исторія, съ разными разспросами, привѣтствіями и т. п. Мало того, Телешову проходу не даютъ.....

„Искренно васъ благодарю за ваше письмо и за поздравленіе. Только рѣчь о *генеральшѣ* вѣроятно останется безъ исполненія, не тѣ уже мои года (46 лѣтъ), да и не такая моя профессія, чтобы жениться. Въ Центральной-же Азіи у меня много оставлено потомства—не въ прямомъ, конечно, смыслѣ, а въ переносномъ: Лобъ-норъ, Куку-норъ, Тибетъ и проч.—вотъ мои дѣтища“.

Съ ними, т. е. съ описаніемъ своего послѣдняго путешествія, приходилось проводить Николаю Михайловичу многіе дни и онъ торопился уѣхать въ деревню, чтобы тамъ, въ тиши, заняться этою работою. „Года два, писалъ онъ [2]), сидѣть придется за разработкою привезенныхъ матеріаловъ. На счетъ истиннаго положенія Восточнаго Туркестана мнѣ приходилось говорить съ сильными міра сего, но они, сколько я знаю, считаютъ мои слова преувеличенными, другими словами — ложными..... Время сдѣлаетъ свое дѣло и истина всегда возьметъ верхъ надъ ложью и проходимствомъ“.

Пржевальскому, однако же, было поручено написать свои мысли о возможности войны съ Китаемъ

---

[1]) Отъ 28-го февраля 1886 г.

[2]) Н. Ф. Петровскому отъ 14-го марта 1886 г.

и о дѣйствіяхъ, какъ въ самой Кашгаріи, такъ и со стороны Кашгаріи [1]). Николай Михайловичъ принялся за это порученіе съ увлеченіемъ и думалъ заняться имъ безотлагательно, тотчасъ по пріѣздѣ въ свою Слободу. Еще далеко до отъѣзда онъ отправилъ въ деревню сѣмена цвѣтовъ, огородныхъ овощей, разныхъ злаковъ, дынь и арбузовъ, привезенныхъ имъ изъ Азіи. Онъ просилъ управляющаго заготовить неводъ, лодки и возить лѣсъ для построекъ. „Если между работниками, писалъ онъ [2]), есть пьяницы и имъ выходитъ годовой срокъ (условій), то таковыхъ разсчитайте, въ томъ числѣ и Антипа, который не только пьетъ, но еще и буйствуетъ въ пьяномъ видѣ“.

20-го марта Пржевальскій пріѣхалъ въ свою Слободу. Первые два дня онъ провелъ въ разборкѣ багажа, а затѣмъ, вмѣстѣ съ казакомъ Телешовымъ, отправился въ лѣсъ на охоту. Просидѣли всю ночь, но ничего не убили; погода была плохая и тетерева токовали плохо. Птицъ въ перелетѣ было мало; утокъ и вальдшнеповъ—совсѣмъ не было. Отказавшись временно отъ охоты, Николай Михайловичъ занялся своимъ маленькимъ хозяйствомъ. Садъ уже очищался отъ снѣга; яблони, вишни и сливы, повидимому, сохранились отлично; арбузы и дыни, привезенныя изъ Хотана и Аксу, были посажены 1-го марта и дали большіе ростки.

Садъ постепенно устроивался и совершенствовался: не только огурцы, но и хотанскія дыни начали цвѣсти, обѣщая принести плоды.

Любуясь ими, Пржевальскій сожалѣлъ только, что возлѣ него не было друзей-спутниковъ, Роборовскаго и Козлова; первый готовился къ поступленію въ академію генеральнаго штаба, а второй былъ въ юнкерскомъ училищѣ. Сообщая имъ обо всемъ, что самого

---

[1]) Къ сожалѣнію, близкое время лишаетъ насъ возможности познакомить читателей съ этою блестящею работою.

[2]) Своему управляющему Е. С. Денисову 5 февраля 1886 г.

интересовало въ деревнѣ, Николай Михайловичъ совѣтовалъ не скорбѣть, не увлекаться мечтами о деревенской жизни и не думать о ней, пока не доведутъ до конца начатаго дѣла.

„Какъ ты устроилъ свои занятія? спрашивалъ онъ Роборовскаго [1]). Зубри съ утра до вечера, иначе не успѣешь приготовиться. Не уступай передъ трудностями поступленія въ академію, въ этомъ вся твоя будущность".

„Воображаю, писалъ онъ Козлову [2]), какъ тебѣ бываетъ грустно при хорошей погодѣ. Но, нечего дѣлать, нужно покориться необходимости. Твоя *весна* еще впереди, а для меня уже близится осень. Пожалуйста, *не часто* пиши, лучше учись къ экзамену, послѣ же экзамена пиши каждую недѣлю".

Наступавшая весна дѣйствовала живительно на Николая Михайловича и онъ цѣлые дни проводилъ внѣ дома: днемъ охотился, вечеромъ билъ щукъ острогою и ночевалъ въ лѣсу, поджидая глухарей. „Не взыщите за то, писалъ онъ супругѣ брата Владиміра Михайловича [3]), что пишу только о тетеревахъ и вальдшнепахъ. Больше отсюда писать не о чемъ. Сейчасъ опять ѣду въ лѣсъ на ночевку".

„Среди лѣсовъ и дебрей смоленскихъ, писалъ онъ Ѳ. А. Фельдману [4]), я жилъ все это время жизнію экспедиціонною, рѣдко когда даже ночевалъ дома— все въ лѣсу, на охотѣ за глухарями, рябчиками и т. п. Вздохнулъ свободно и отошелъ послѣ петербургской суматохи. На дняхъ примусь за писаніе отчета....

„Нѣкая г-жа Жардецкая перевела на французскій языкъ мое путешествіе. Hachette et C⁰ въ Парижѣ даетъ 2,000 франковъ за право изданія этого перевода. Половина этой суммы поступитъ переводчицѣ, поло-

---

[1]) Въ письмѣ отъ 20-го марта 1886 г.
[2]) Въ письмѣ отъ 20-го марта 1886 г.
[3]) С. А. Пржевальской отъ 2 апрѣля 1886 г.
[4]) Отъ 14 апрѣля 1886 г.

вина мнѣ. Позвольте попросить васъ засвидѣтельствовать подпись моей руки на условіи съ Hachett'омъ. Это условіе принесетъ вамъ сама переводчица".

Дни за днями проходили въ Слободѣ, мирно и покойно; по временамъ приносили съ почты кучу писемъ, отправленныхъ съ разныхъ концовъ Россіи: Кяхты, Кашгара, Вѣрнаго, Тифлиса и проч. Доставляя истинное наслажденіе Николаю Михайловичу среди деревенской жизни, они не возбуждали въ немъ сомнѣній, какъ вдругъ, 15-го апрѣля, онъ былъ очень заинтересованъ письмомъ, полученнымъ отъ непремѣннаго секретаря Императорской академіи наукъ, К. С. Веселовскій просилъ Пржевальскаго съѣздить въ Смоленскъ и снять тамъ съ себя фотографію, непремѣнно въ профили и безъ ретушовки. „Эта фотографія, прибавлялъ Веселовскій [1]), очень нужна для Академіи и исполненіемъ этой просьбы вы несказанно меня порадуете и обяжете".

Зачѣмъ понадобилась такая карточка? думалъ Николай Михайловичъ и, считая неловкимъ просить разъясненія у писавшаго, обратился за этимъ къ академику А. А. Штрауху. При этомъ онъ писалъ, что проѣхать въ Смоленскъ, по бездорожью, теперь нельзя и что онъ можетъ исполнить просьбу только лѣтомъ. „Спросите, говорилъ онъ [2]), у К. С. Веселовскаго не годенъ-ли будетъ портретъ на двѣ трети поворота головы, снятый теперь въ Петербургѣ; такой у меня есть и я могу его прислать".

Но зачѣмъ портретъ, зачѣмъ въ профили и такъ скоро,—вотъ вопросы, которые приводили Пржевальскаго въ недоумѣніе и разъяснить которые, конечно, онъ очень желалъ.

Полученное отъ А. А. Штрауха письмо не удовлетворило его; онъ убѣдился только въ томъ, что отъ него что-то скрываютъ и прямо не говорятъ. А. А. Штраухъ писалъ, что портретъ въ двѣ трети пово-

[1]) Въ письмѣ отъ 7-го апрѣля 1886 г.

[2]) Въ письмѣ А. А. Штрауху отъ 15-го апрѣля 1886 г.

рота „для нашей цѣли не годенъ, а требуется непремѣнно портретъ въ полной профили“.

„Надѣюсь, прибавлялъ А. Штраухъ [1]), что вы не откажетесь съѣздить въ Смоленскъ къ фотографу и доставить намъ необходимый портретъ въ теченіе мая или, самое позднее, въ теченіе іюня мѣсяца, а то нашему художнику не хватитъ времени исполнить ту вещь, для изготовленія которой именно нуженъ портретъ. Что это за вещь, вы, вѣроятно, давно отгадали, а подробности я сообщу вамъ черезъ нѣсколько времени“.

Николай Михайловичъ не отгадалъ и принужденъ былъ ждать дальнѣйшихъ разъясненій не прежде осени, когда онъ располагалъ быть въ Петербургѣ. Обстоятельства сложились, однакоже, такъ, что пріѣздъ его въ столицу состоялся ранѣе, чѣмъ онъ ожидалъ. 20-го мая онъ получилъ телеграмму, вызывавшую его въ Петербургъ, для присутствованія въ особомъ комитетѣ по обсужденію принятія мѣръ на случай войны съ Китаемъ. Захвативъ съ собою только-что составленную имъ записку, подъ заглавіемъ: „Новыя соображенія о войнѣ съ Китаемъ“, Пржевальскій явился на совѣщаніе во всеоружіи. Близость времени лишаетъ насъ возможности познакомить читателей какъ высшей степени съ интересною запискою Николая Михайловича, такъ и съ происходившими преніями. Будущій біографъ, разсказывая объ этомъ эпизодѣ жизни его съ большею подробностію, скажетъ, что голосъ Пржевальскаго имѣлъ рѣшающее значеніе.

„Вообще на совѣщаніяхъ, писалъ онъ [2]), длившихся часа по четыре, мое торжество было полное. Мой отчетъ произвелъ сильное впечатлѣніе. Оппоненты, конечно, есть, но слабы они своимъ незнаніемъ“.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней пребыванія въ Петербургѣ онъ узналъ, что 3-го мая въ общемъ собра-

[1]) Въ письмѣ отъ 29-го апрѣля 1886 г.

[2]) Въ письмѣ В. Роборовскому отъ 6-го іюня 1886 г

ніи Императорской Академіи наукъ читалось слѣдующее заявленіе академиковъ: К. Веселовскаго, А. Штрауха, Ф. Овсянникова, Л. Шренка, А. Фаминцына, К. Максимовича и Ф. Шмидта [1]).

„Экспедиціи Николая Михайловича Пржевальскаго въ Центральную Азію составляютъ одно изъ самыхъ выдающихся явленій въ исторіи ученыхъ путешествій вообще. Первымъ изъ европейцевъ, нашъ знаменитый путешественникъ проникъ въ самый центръ высокой нагорной Азіи и познакомилъ насъ съ мѣстностями, извѣстными до него, и то лишь отчасти, только по скуднымъ китайскимъ источникамъ. Тамъ онъ произвелъ цѣлый рядъ крайне важныхъ открытій и изслѣдованій, вполнѣ оцѣненныхъ какъ у насъ, такъ и за границею и поставившихъ имя его на ряду съ именами знаменитѣйшихъ путешественниковъ всѣхъ временъ и народовъ.

„Но Н. М. Пржевальскій отнюдь не довольствовался чисто географическими изслѣдованіями, какъ большинство другихъ путешественниковъ, а во всѣхъ четырехъ совершенныхъ имъ экспедиціяхъ собралъ также и естественно-историческія коллекціи. Добытыя имъ изумительно богатые зоологическіе и ботаническіе матеріалы дали намъ возможность опредѣлить составъ и характеръ фауны и флоры такихъ странъ, о которыхъ мы до него, въ этомъ отношеніи, не имѣли ни малѣйшаго представленія.

„Какъ извѣстно, зоологическія коллекціи Н. М. Пржевальскаго принесены имъ въ даръ Академіи и составляютъ безусловно самое важное и существенное обогащеніе, когда либо поступившее въ нашъ музей. Въ виду этого, мы полагаемъ, что Академіи надлежитъ выразить неутомимому путешественнику особенную признательность и потому предлагаемъ конференціи для этой цѣли выбить въ честь Пржевальскаго золотую медаль, на лицевой сторонѣ которой изобра-

[1]) § 58 протокола засѣданія общаго собранія Академіи наукъ отъ 3-го мая 1886 г.

зить портретъ путешественника, съ надписью вокругъ: „*Николаю Михайловичу Пржевальскому Императорская Академія наукъ*“, а наоборотѣ слова: „*Первому изслѣдователю природы Центральной Азіи. 1886 г.*“, окруженныя лавровымъ вѣнкомъ“.

Нечего и говорить, что Академія вполнѣ раздѣлила мнѣніе своихъ членовъ и постановила ходатайствовать о разрѣшеніи поднести такую медаль Николаю Михайловичу.

Этимъ постановленіемъ Академіи разъяснилась загадочность письма непремѣннаго секретаря и 8 іюля Пржевальскій опять уѣхалъ изъ Петербурга въ свою Слободу, гдѣ по прежнему занимался охотою и рыбною ловлею; описаніемъ же своего путешествія онъ не занимался вовсе.

За все лѣто онъ могъ написать только одну главу подъ заглавіемъ: „Очеркъ современнаго положенія Центральной Азіи“, которая и была напечатана въ декабрской книжкѣ Русскаго Вѣстника[1]). Остальныя главы были лишь намѣчены и за нихъ онъ намѣренъ былъ приняться только въ будущемъ.

— Въ жаркую погоду писать невозможно, говорилъ онъ; вилотную я засяду только осенью. „Послѣ питерской каторги, теперь отдыхаю въ деревнѣ и низачто никуда не поѣду до глубокой осени.

---

[1]) Статья эта вызвала со стороны г. Георгіевскаго обширное возраженіе, помѣщенное въ Вѣстникѣ Европы (1887 г., №№ 7 и 8). Узнавъ въ деревнѣ изъ газетъ о появленіи этой статьи, Николай Михайловичъ просилъ выслать нумера журнала. „Вѣроятно, отвѣчать не буду, писалъ онъ І. Л. Фатѣеву. Да и что изъ этого выйдетъ—толченіе воды въ ступкѣ не болѣе. Взгляды наши совершенно противоположные—тамъ кабинетныя гуманности, у меня выводы суровой практики жизни. Тамъ процвѣтаютъ мыльные пузыри, называемые идеалами, здѣсь—сила признается единственнымъ критеріумомъ права. При такой противоположности воззрѣній согласиться невозможно. На сколько же вѣренъ тотъ или другой взглядъ—рѣшитъ будущее“. Не смотря на то, прочтя статью, Пржевальскій все-таки призналъ необходимымъ написать возраженіе и отправилъ его для напечатанія въ „Новое Время“. Въ бумагахъ Н. М. Пржевальскаго сохранилось много писемъ отъ разныхъ лицъ, печатать которыя мы не имѣемъ права и возможности, лицъ, знакомыхъ съ Китаемъ и выражавшихъ сочувствіе къ поднятому Н. М. вопросу.

Однакоже болѣзнь ноги заставила его, противъ желанія, съѣздить въ Москву, чтобы тамъ посовѣтоваться съ докторомъ Остроумовымъ. Послѣдній объявилъ ему, что онъ болѣнъ отъ избытка здоровья.

— Вашъ организмъ работаетъ отлично, говорилъ докторъ, но мускульнаго употребленія мало и избытокъ отлагается въ жиръ въ животѣ. Этотъ жиръ затрудняетъ кровообращеніе и увеличиваетъ вѣсъ тѣла—оттого и опухоль ногъ.

Пржевальскому предписана была діета и купанье два раза въ день.

— Обидно, говорилъ онъ, что квасъ и сладости запрещены, мучнаго можно немного, а жирнаго вовсе не надо; фрукты ѣсть можно, пить клюквенный морсъ безъ сахару не болѣе восьми стакановъ въ сутки.

Кромѣ того, г. Остроумовъ совѣтовалъ ему меньше сидѣть за писаніемъ и непремѣнно найти переписчика, которому диктовать свое путешествіе [1]). Первое время Николай Михайловичъ строго держался совѣтовъ и въ нѣсколько дней убавился вѣсомъ на девять фунтовъ; но потомъ, конечно, все пошло по старому, кромѣ купанья, которое онъ самъ очень любилъ. Опасаясь, что одинокая и притомъ сидячая жизнь дурно отзовется на его здоровьи, супруга брата Владиміра Михайловича, Софья Алексѣевна, приглашала его пріѣхать на лѣто къ нимъ на дачу.

„Много благодаренъ, отвѣчалъ Николай Михайловичъ [2]), за ваше любезное предложеніе, жаль только, что мнѣ трудно имъ воспользоваться. Къ Слободѣ я весьма привыкъ, одиночество меня нисколько не стѣсняетъ, охота вокругъ отличная, мѣсто дикое. Словомъ, на лицо все, что для меня требуется. Діету я держу по возможности, купаюсь ежедневно два раза. Что касается до опухоли ноги, то эту опухоль вѣроятно вылечитъ только пустыня, какъ то и было въ

---

[1]) Письмо Н. М. Пржевальскаго Роборовскому 20 іюля 1886 г.

[2]) С. А. Пржевальской отъ 3-го августа 1886 г

минувшую мою экспедицію. Какъ вольной птицѣ трудно жить въ клѣткѣ, такъ и мнѣ не ужиться среди *„цивилизаціи“*, гдѣ каждый человѣкъ, прежде всего, рабъ условій общественной жизни. Но просторъ въ пустынѣ—вотъ о чемъ я день и ночь мечтаю. Дайте мнѣ горы золота, я за нихъ не продамъ своей дикой свободы.....

„Еще разъ искренно васъ благодарю за вниманіе. *По временамъ ласки пріятны и дикому звѣрю*“.

Онъ находилъ даже, что и въ Слободѣ слишкомъ людно и потому рѣшился закрыть винный заводъ, для возможно бо̀льшаго личнаго уединенія [1]).

— Теперь нужно надѣяться, говорилъ онъ, что имѣніе это сдѣлается дѣйствительно тихимъ, уединеннымъ уголкомъ, какой для меня и требуется. Если же сократится нѣсколько доходность, то это не суть важно. Дай Богъ намъ спокойно царствовать въ Слободѣ, изъ которой я прежде всего желаю устроить для себя тихое гнѣздо.

Тишина болѣе всего прельщала Николая Михайловича; онъ скучалъ по пустынямъ Азіи и чистосердечно ненавидѣлъ цивилизацію.

„Счастливы вы въ Азіи, писалъ онъ Николаю Ивановичу Толпыго [2]), куда еще не проникла цивилизація европейская—великая вещь сама по себѣ, но совершенно непригодная въ нашихъ дикихъ мѣстахъ и вовсе неприложимая своими идеями къ нашему (русскому) дикому человѣку..... Крестьяне, какъ и вездѣ, пьяницы и лѣнтяи; съ каждымъ годомъ все хуже и хуже. Къ чему только это приведетъ! Казакъ Телешовъ весьма мѣтко однажды мнѣ замѣтилъ: мы искали въ Азіи дикарей, но вотъ гдѣ живутъ дикари“.

„Беззаконіе и развратъ полные, писалъ онъ А. М. Лушникову [3]), я еще живу въ 80 верстахъ отъ же-

[1]) Письмо Пржевальскаго управляющему имѣніемъ Е. С. Денисову и арендатору завода Х. П. Пашеткину 17 ноября 1886 г
[2]) Отъ 14 сентября 1886 г.
[3]) Отъ 24 сентября 1886 г

лѣзной дороги, а вблизи этихъ дорогъ населеніе еще пакостнѣе".

„Отсутствіе власти и закона чувствуется въ особенности въ деревнѣ. Тамъ пьяный волостной писарь и безграмотный старшина безконтрольно властвуютъ. Плохо и очень! [1]) Изъ года въ годъ все хуже и хуже еще потому, что теперь подростаетъ молодое поколѣніе, народившееся въ эпоху *всеобщаго россійскаго* одурѣнія [2]). Въ общественной жизни въ деревнѣ такая неурядица, такія беззаконія и такое торжество порока, какихъ нигдѣ не встрѣчалъ я въ самыхъ дикихъ ордахъ центральной Азіи [3])".

Подъ такимъ впечатлѣніемъ Пржевальскій оставилъ свою Слободу и въ началѣ ноября 1886 г. пріѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ узналъ, что императорская германская академія естественныхъ и медицинскихъ наукъ Галле избрала его своимъ дѣйствительнымъ членомъ [4]), а Императорское общество любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при Московскомъ университетѣ—своимъ почетнымъ членомъ.

2-го декабря Пржевальскій принесъ въ даръ музею Императорской Академіи наукъ свою орнитологическую коллекцію и 29 числа того же мѣсяца присутствовалъ на годовомъ торжественномъ собраніи Академіи наукъ. Этотъ день, небывалый еще въ исторіи нашей академіи, былъ полнымъ торжествомъ для Николая Михайловича, торжествомъ выпадающимъ на долю только блестящихъ единицъ и двигателей науки.

„Есть счастливыя имена, сказалъ непремѣнный секретарь академіи К. С. Веселовскій, которыя довольно произнести, чтобы возбудить въ слушателяхъ представленіе о чемъ-то великомъ и общеизвѣстномъ. Таково имя Пржевальскаго. Я не думаю, чтобы на всемъ

[1]) Изъ письма Пржевальскаго Н. Ф. Петровскому 30 января 1887 г.
[2]) Тоже Я. П. Шишмареву 16 мая 1887 г.
[3]) Тоже барону Ѳ. Р. Остенъ-Сакену 16 мая 1887 г.
[4]) Присланный дипломъ настолько характеренъ, что мы помѣщаемъ его въ приложеніи № 17.

необъятномъ пространствѣ земли Русской нашелся хоть одинъ сколько нибудь образованный человѣкъ, который бы не зналъ что это за имя. Тѣмъ менѣе имѣю я надобность, скажу даже—право, говорить о значеніи Пржевальскаго здѣсь, передъ вами. Да и чтобы я могъ сказать для васъ новаго, вамъ неизвѣстнаго, даже если бы мнѣ приходилось въ пространной рѣчи развернуть передъ вами длинную одиссею этихъ многолѣтнихъ, нескончаемыхъ, опасныхъ странствованій, по необозримымъ протяженіямъ неизвѣданныхъ еще странъ, гдѣ только одна непреклонная воля, находчивость и отвага помогли путешественнику одолѣвать всѣ препятствія, какими на каждомъ шагу преграждали ему путь то силы природы,—высочайшіе на землѣ хребты горъ, съ ихъ холодомъ и бурями, или безбрежныя, безлюдныя пустыни, со всѣми ихъ азіятскими ужасами—удушливымъ зноемъ, безводіемъ, ураганами,—то, наконецъ, еще болѣе опасныя преграды—невѣжество, подозрительность и враждебность туземцевъ, а невѣжество есть также сила и даже очень большая, часто неодолимая. Были минуты и не разъ, когда при столкновеніи съ этою силою, одна смѣлость путешественника спасала его отъ вѣрной смерти, и я увѣренъ, что богатырски отстаивая себя въ этихъ случаяхъ, онъ не столько думалъ о спасеніи самого себя, сколько объ охраненіи тѣхъ научныхъ сокровищъ, которыхъ онъ былъ въ то время носителемъ. Да, всѣ лишенія, претерпѣнныя нашимъ путешественникомъ, всѣ опасности—погибнуть въ неравной борьбѣ съ силами природы или свою сложить голову гдѣ-нибудь въ глухой пустынѣ, подъ ножомъ какого-нибудь темнаго азіятца—были жертвами, цѣною которыхъ куплены неисчерпаемыя богатства для науки.

„Эти богатства, зоологическія и ботаническія, составлявшія сами по себѣ цѣлый музей, были подарены имъ музею Академіи наукъ и Императорскому ботаническому саду. Въ нихъ находится неисчерпаемый источникъ для изученія фауны и флоры такихъ странъ, о которыхъ до Пржевальскаго ученые не имѣли ни малѣйшаго представленія.

ВЫСТАВКА 1887 г. ВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Фототипія В. Клавсенъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7–2.

— Не смѣю, прибавилъ К. С. Веселовскій въ заключеніи своей рѣчи, поддаваться искушенію говорить долѣе о такой заманчивой темѣ, какъ заслуги Николая Михайловича. Я обязанъ быть краткимъ и потому скажу только, что имя Пржевальскаго будетъ отнынѣ синонимомъ безстрашія и энергіи въ борьбѣ съ природою и людьми и беззавѣтной преданности наукѣ. Поднося ему сегодня выбитую въ честь его медаль, Академія желала какъ бы приложить свою скрѣпу къ давно состоявшемуся единодушному приговору всего ученаго свѣта о великости услугъ, оказанныхъ славнымъ русскимъ путешественникомъ ближайшему познанію природы на огромныхъ, трудно доступныхъ, пространствахъ земнаго шара.

Рѣчь эта произвела глубокое впечатлѣніе на Николая Михайловича и намъ никогда не случалось его видѣть въ такомъ возбужденномъ состояніи, какъ въ этотъ разъ.

— Вотъ прекрасный некрологъ для меня и готовъ, повторялъ онъ; теперь знаю что̀ скажутъ послѣ моей смерти.

Впечатлѣніе, вынесенное изъ Академіи, запало глубоко въ душу Николая Михайловича, и онъ долго не могъ забыть его. Хотя вскорѣ послѣ того онъ получилъ званія почетнаго члена отъ Франкфуртскаго и Голландскаго географическихъ обществъ, но удовольствіе, доставленное этимъ избраніемъ, было подавлено тѣми ощущеніями, которыя испытаны были въ залѣ Академіи наукъ при многочисленномъ стеченіи публики.

Между тѣмъ, съ наступленіемъ новаго года, для Николая Михайловича готовилось новое торжество—мы говоримъ о выставкѣ его коллекцій для публики. Устройство этой выставки требовало много заботъ и времени и только 2-го февраля она была готова. Въ этотъ день посѣтили выставку Государь Императоръ съ Августѣйшею супругою, Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великіе Князья Георгій Александровичъ и Владиміръ Александровичъ. Августѣйшіе гости пробыли на вы-

ставкѣ цѣлый часъ, причемъ Его Величество нѣсколько разъ благодарилъ Николая Михайловича и остался выставкою очень доволенъ. 4-го февраля она была открыта для публики и Пржевальскій получилъ возможность уѣхать въ деревню, чтобы тамъ продолжать описаніе четвертаго путешествія.

4-го марта вечеромъ онъ пріѣхалъ въ свою Слободу и 9 числа, „для перваго дня весны“, принялся за писаніе. Писалъ онъ усидчиво и лишь по временамъ отвлекался устройствомъ новаго дома и вообще всей усадьбы. Домъ былъ его любимымъ дѣтищемъ и строился по данному имъ плану.

Лѣтомъ 1887 года онъ былъ оконченъ вчернѣ. Построенный съ мезониномъ онъ имѣлъ внизу шесть комнатъ, съ прочною мебелью, заказанною въ Петербургѣ. У дверей, изъ передней въ гостинную, стояло чучело огромнаго тибетскаго медвѣдя, который держитъ подносъ; надъ медвѣдемъ висѣлъ портретъ Николая Михайловича, нарисованный его товарищемъ, А. А. Бильдерлингомъ, и представлявшій возвращеніе съ охоты съ богатою добычею. На другихъ стѣнахъ были развѣшаны портреты съ надписями Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Георгія Александровича, нѣсколько фотографическихъ карточекъ самого хозяина изъ разныхъ эпохъ его жизни. Въ столовой на стѣнахъ было нѣсколько красивыхъ фазановъ подъ стеклянными колпаками, а въ кабинетѣ, кромѣ письменнаго стола и прочей мебели, стоялъ шкафъ для ружей, содержавшихся въ щегольскомъ видѣ. Возлѣ кабинета была спальня съ желѣзною кроватью и матрацомъ изъ хвостовъ дикаго яка.

— Такого матраца нѣтъ ни у кого изъ царей, говорилъ Николай Михайловичъ.

Во второмъ этажѣ было три комнаты, изъ которыхъ въ одной находилась большая библіотека съ книгами объ Азіи.

Дверь изъ гостинной вела на террасу и въ садъ, въ которомъ росли кусты дикаго ревеню, привезенные

изъ Азіи, въ грунтовомъ сараѣ—сливы, въ парникахъ—хотанскіе арбузы и дыни, въ грядахъ—ягоды во множествѣ. Въ саду были дорожки, но Николай Михайловичъ никогда не ходилъ по нимъ, а всегда напрямикъ; дорожки же расчищались только передъ пріѣздомъ гостей и въ знакъ вниманія къ нимъ.

Въ углу сада находилась „хатка“, состоявшая изъ трехъ маленькихъ комнатъ, въ которой онъ постоянно работалъ и описывалъ свое путешествіе. Въ кабинетѣ, по крайней мѣрѣ лѣтомъ, онъ занимался рѣдко и весь день проводилъ въ своей „хаткѣ“ [1]). Въ саду среди зелени работалось какъ-то лучше, дышалось свободнѣе. Его завѣтною мечтою было развести зелень у самаго дома такъ, чтобы всю весну пѣли соловьи. Отчасти онъ и достигъ этого. Въ послѣднюю весну своего пребыванія въ Слободѣ онъ каждый вечеръ слышалъ изъ „хатки“ пѣніе прелестной птички. Едва она подавала первый голосъ, какъ Николай Михайловичъ оставлялъ работу, быстро измѣнялся въ лицѣ, дѣлался задумчивымъ и, обращаясь весь въ слухъ, вспоминалъ счастливыя минуты прошлыхъ путешествій. Перебрасываясь словами съ присутствующими, онъ вспоминалъ кумирню Чартынтонъ и провинцію Гань-су, какъ самый роскошный уголокъ Центральной Азіи, гдѣ тотъ-же соловей, но при другой обстановкѣ, производилъ сильное впечатлѣніе.

„Видъ изъ дома на озеро и лѣса великолѣпный, писалъ онъ [2]), у самаго балкона ключевой прудъ; кругомъ садъ очень хорошій для здѣшнихъ мѣстъ. На дняхъ купилъ я въ Смоленскѣ у Мочульскаго тоже грунтовый сарай (сливы, вишни и проч.) и послалъ уже за деревьями. Для Слободскаго дома я сдѣлалъ, по заказу въ Питерѣ, мебель, обошлась съ перевозкою 1,800 руб. Не думайте только, что я желаю уже осѣсться,—нѣтъ, до этого, я полагаю, еще далеко“.

„Блаженная минута“ новаго путешествія, какъ

[1]) Воспоминанія Ѳ. А. Фельдмана.

[2]) Николаю Ивановичу Толпыго, 20 марта 1887 г

выразился Пржевальскій, могла наступить только по окончаніи описанія четвертаго путешествія, а оно подвигалось „черепашьимъ шагомъ“ [1]).

— Право, говорилъ онъ, когда кончится это писаніе, то вздохнешь свободнѣе и радостнѣе, какъ бы отдѣлавшись отъ наскучившей любовницы.

Еще занимаясь описаніемъ своего четвертаго путешествія, Пржевальскій говорилъ, что онъ „только тѣломъ въ Европѣ, а духомъ постоянно витаю въ Азіи“.

„Какъ вы думаете, спрашивалъ онъ Н. Ф. Петровскаго [2]), можно-ли *безъ приключеній* пройти черезъ Кашгаръ, Яркендъ, въ Хотанъ и Лобъ-норъ, а оттуда въ Тибетъ, отрядомъ человѣкъ въ тридцать? По-моему, китайцы нарочно вызовутъ столкновеніе, чтобы затормозить путь въ Тибетъ. Положимъ, что 30 молодцовъ достаточны, чтобы разнести нѣсколько тысячъ китайцевъ, да цѣль-то путешествія—посѣщеніе Тибета—не будетъ достигнута. А въ Хлассу дойти можно, только, конечно, силою; для этого именно нужно человѣкъ 30 отчаянныхъ. Идти изъ Кяхты несравненно надежнѣе, за то нужно даромъ тащиться черезъ Гоби. Обо всемъ этомъ я спрашиваю такъ себѣ, на всякій случай“.

Въ Тибетъ ведутъ три пути: 1) черезъ Кяхту, Ургу, Куку-норъ и Цайдамъ; 2) изъ Зайсана черезъ Хами, Са-чжоу и Цайдамъ и 3) изъ Семирѣчья или Фергана черезъ Кашгаръ, Яркендъ и Черченъ. Каждый изъ этихъ путей имѣлъ свои выгоды и невыгоды. Путь изъ Урги былъ самый надежный, но кружный; путь черезъ Хами—наилучшій, черезъ Кашгарію—ближайшій, но болѣе случайный, потому что въ любомъ китайскомъ городѣ могло дойти до вооруженнаго столкновенія съ китайскими солдатами. При избраніи этого пути, трудно было провести верблю-

---

[1]) Письмо Н. М. Пржевальскаго Ѳ. А. Фельдману 9 апрѣля 1887 г.

[2]) Въ письмѣ отъ 8-го апрѣля 1887 г.

довъ по культурной странѣ и сохранить лѣтомъ, при сильныхъ жарахъ. Самое же главное неудобство было, конечно, возможность столкновенія съ китайцами, и тогда экспедиціи пришлось бы или идти другою дорогою, или отложить даже путешествіе. Направляясь-же изъ Зайсана, встрѣчалось только два китайскихъ города, Хами и Са-чжоу, а затѣмъ Цайдамъ, изъ котораго по Тибету можно было разгуливать сколько угодно.

„Думаю, писалъ Николай Михайловичъ [1]), еще разъ сходить въ Тибетъ, посмотрѣть теперь Далай-Ламу. Нужно 20—30 стрѣлковъ и головою ручаюсь, что буду въ Хлассѣ. Пусть попробуютъ туда сходить синологи, съ своею китайскою грамотою и плаксивыми проповѣдями мира“.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, въ началѣ марта, Николай Михайловичъ тотчасъ-же представилъ совѣту Императорскаго русскаго географическаго общества программу своего будущаго *пятаго* путешествія и на этотъ разъ исключительно въ Тибетъ. Срокомъ для путешествія онъ назначалъ два года и исходнымъ пунктомъ для окончательнаго снаряженія экспедиціи — г. Караколъ въ Семирѣчьи. Отсюда, осенью 1888 г., онъ предполагалъ двинуться черезъ Тянь-шань на Аксу и по Хотанской рѣкѣ въ г. Хотанъ; далѣе черезъ Кэрію въ Черчень и въ Гасъ, гдѣ разсчитывалъ устроить складъ, подъ охраною 7 или 8 казаковъ.

Весна и лѣто 1889 г. назначались для изслѣдованія сѣверо-западнаго Тибета, къ югу и юго-западу отъ Гаса. Возвратившись затѣмъ къ складу, обновивъ запасы и перемѣнивъ вьючныхъ животныхъ, онъ располагалъ раннею осенью двинуться къ Хлассѣ.

„Если, писалъ онъ [2]), пріемъ намъ будетъ радушный, пойдемъ изслѣдовать восточную тибетскую провинцію Камъ. Если-же встрѣтимъ въ Хлассѣ недружелюбіе, то придется возвратиться отсюда тѣмъ или

---

[1]) І. Л. Фатѣеву отъ 10-го ноября 1887 г.

[2]) Дѣло географическ. общества 1888 г., № 12.

другимъ путемъ въ Цайдамъ, куда зимою 1889—90 г. перейдетъ изъ Гаса и нашъ складъ. Весна и лѣто 1890 г. будутъ тогда посвящены, смотря по обстоятельствамъ, или изслѣдованіямъ въ сѣверо-восточномъ Тибетѣ или въ Тибетѣ западномъ, по направленію къ Ладаку. Позднею осенью того-же 1890 года путешествіе, вѣроятно, закончится".

Такова была, въ общихъ чертахъ, программа новаго путешествія, для выполненія которой онъ считалъ необходимымъ имѣть въ составѣ экспедиціи: двухъ офицеровъ помощниковъ, двухъ препараторовъ, двухъ переводчиковъ [1]), 15 солдатъ и 7 казаковъ. Усиленный составъ экспедиціи необходимъ былъ для охраненія складовъ, для безпрепятственнаго движенія въ разбойничьихъ мѣстностяхъ и для проникновенія въ Хлассу. На расходы по экспедиціи, сверхъ получаемаго на службѣ содержанія, было исчислено 48,520 рублей.

Одновременно съ этимъ проектомъ, генералъ-маіоръ Пржевальскій подалъ докладную записку и военному министру, генералъ-адъютанту П. С. Ванновскому, въ которой просилъ исходатайствовать высочайшее разрѣшеніе на командированіе его въ Тибетъ, на два года, съ сохраненіемъ какъ ему, такъ и всѣмъ членамъ экспедиціи, получаемаго на службѣ содержанія. Прося о назначеніи соотвѣтствующаго числа нижнихъ чиновъ и казаковъ, Николай Михайловичъ прибавлялъ: „Въ видахъ сохраненія дисциплины, статскій элементъ изъ состава экспедиціи исключенъ. Но если бы нашелся неслужащій человѣкъ, пригодный для экспедиціонныхъ работъ (собираніе коллекцій, работа при фотографіи и проч.), то разрѣшить мнѣ зачислить его на время экспедиціи нижнимъ чиномъ—охотникомъ, въ составъ экспедиціоннаго отряда".

15-го марта ходатайство военнаго министра было высочайше утверждено, причемъ Государю Императору благоугодно было высказать, что лучше выдать

[1]) Одинъ для тюркскаго, а другой для монгольскаго языковъ.

содержаніе прямо золотомъ и серебромъ, не перекладывая на кредитные билеты, которые въ Китаѣ не имѣютъ обращенія.

Въ составъ экспедиціи назначались: поручикъ Роборовскій и подпоручикъ Козловъ, 6 нижнихъ чиновъ изъ Московскаго военнаго округа, 5 человѣкъ солдатъ и казаковъ изъ Забайкалья и 13 солдатъ и казаковъ изъ Туркестанскаго военнаго округа.

Генералу Пржевальскому и двумъ офицерамъ назначены двойныя прогонныя деньги отъ С.-Петербурга до Каракола и одиночныя на четыре тройки, для перевозки багажа и нижнихъ чиновъ. По примѣру прежнихъ экспедицій, были отпущены инструменты для астрономическихъ и гипсометрическихъ работъ, 25 винтовокъ, 60 патронташей, 25 т. патроновъ для берданокъ и 1,000—для револьверовъ Смитта и Вессона. Начальнику экспедиціи предоставлено право производить нижнихъ чиновъ и казаковъ за отличіе въ младшіе и старшіе унтеръ-офицеры или урядники.

Одновременно съ этимъ, Императорское географическое общество ходатайствовало объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства 48,520 руб., что съ курсовою разницею составляло сумму въ 63,600 руб. Присоединяя къ этой суммѣ 16,735 руб. 68 коп. прогоновъ и содержанія вмѣстѣ съ курсовою разницею, общая цифра доходила до 80,335 руб., которые 8-го апрѣля 1888 года, по всеподданнѣйшему докладу министра финансовъ, высочайше повелѣно было отпустить изъ суммъ государственнаго казначейства.

Получивъ разрѣшеніе предпринять новое путешествіе, Пржевальскій сталъ дѣятельно готовиться къ отъѣзду и прежде всего торопился окончаніемъ печатанія своей книги, а затѣмъ обезпеченіемъ изданія научныхъ результатовъ его прежнихъ экспедицій. Онъ желалъ, чтобы до его отъѣзда были окончательно разрѣшены вопросы: 1) на какомъ языкѣ, кромѣ русскаго, печатать текстъ описанія; 2) куда должны поступить деньги 25 т. руб., пожалованныя Государемъ Наслѣд-

никомъ Цесаревичемъ, и тѣ, которыя будутъ выручены отъ продажи изданія, и, наконецъ, 3) должно-ли это изданіе быть отъ Академіи наукъ. Его Высочеству благоугодно было предоставить это рѣшеніе бывшему президенту Академіи, графу Д. А. Толстому.

„При этомъ, писалъ Пржевальскій [1]), рѣшаюсь высказать свое личное желаніе о томъ, дабы деньги, вырученныя отъ продажи предполагаемаго изданія, были обращены въ капиталъ моего имени, устроенный съ высочайшаго соизволенія, при Академіи наукъ, для зоологическихъ цѣлей“.

Графъ Д. А. Толстой полагалъ: 1) что изданіе слѣдуетъ печатать отъ имени Академіи, съ тѣмъ, чтобы на каждомъ выпускѣ было обозначено, что изданіе сдѣлано на счетъ пожертвованной Его Императорскимъ Высочествомъ суммы; 2) чтобы вырученныя отъ продажи деньги составляли особый капиталъ, для употребленія его на послѣдующія изданія его научныхъ результатовъ, если бы пожалованной суммы 25 т. руб. оказалось недостаточной, и, наконецъ, 3) другой языкъ текста, кромѣ русскаго лучше нѣмецкій, такъ какъ онъ удобнѣе для лицъ, занимающихся обработкою матеріаловъ [2]).

Выяснивъ эти вопросы и сознавая въ глубинѣ души, что опубликованіемъ своихъ научныхъ результатовъ экспедиціи онъ всецѣло обязанъ покровительству Государя Наслѣдника Цесаревича, Николай Михайловичъ считалъ своею нравственною обязанностію принести посильную дань благодарности Его Высочеству и просилъ военнаго министра ходатайствовать передъ Государемъ Императоромъ о дозволеніи посвятить Государю Наслѣднику Цесаревичу описаніе четвертаго своего путешествія по Центральной Азіи [3]).

---

[1]) Непремѣнному секретарю Академіи К. С. Веселовскому, отъ 23-го марта 1888 г.

[2]) Письмо К. С. Веселовскаго Н. М. Пржевальскому 31-го марта 1888 г., № 217.

[3]) Докладная записка Н. М. военному министру 3-го іюня 1888 г.

Разрѣшеніе послѣдовало и въ началѣ августа книга была издана, подъ заглавіемъ: „Четвертое путешествіе въ Центральной Азіи. *Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки. Изслѣдованія сѣверной окраины Тибета и путь черезъ Лобъ-норъ по бассейну Тарима*“.

Итакъ описаніе четвертаго путешествія было окончено и впереди предстояло пятое, предвѣщавшее не мало затрудненій со стороны китайскаго правительства. Оно отказывалось выдать паспортъ на путешествіе въ Тибетъ, указывая на многочисленность конвоя, невозможность обезпечить безопасность путешественниковъ и подозрительность туземцевъ относительно европейцевъ вообще. Дѣйствительною же причиною было просто нежеланіе пропустить Пржевальскаго въ такія мѣста, которыя тщательно скрывались отъ глазъ европейцевъ, а въ особенности русскаго путешественника, вызывавшаго опасенія огласкою тѣхъ воззрѣній на Небесную имперію, которыя были выражены въ его описаніяхъ путешествій. Впрочемъ, не одни китайцы, а и англичане смотрѣли непріязненно на новое путешествіе Пржевальскаго въ Тибетъ.

Встревоженныя лондонскія газеты указывали на странное, по ихъ мнѣнію, совпаденіе этого путешествія съ начатіемъ непріязненныхъ дѣйствій между Англіей и Тибетомъ, причемъ выставляли на видъ, что такъ какъ политика всѣхъ азіятскихъ дворовъ основана отчасти на соперничествѣ между Англіей и Россіей, то въ Тибетѣ уже начинаютъ обнаруживаться симпатіи къ послѣдней. Газеты эти присовокупляли, что азіятская политика Россіи всегда искусно умѣла пользоваться проявляющимся въ азіятскихъ народахъ сочувствіемъ къ Россіи, а потому весьма возможно, что экспедиція Пржевальскаго имѣетъ именно цѣлью поощреніе тибетцевъ къ сопротивленію Англіи.

По этому поводу брюссельская газета „Indépendance Belge“ говорила отъ 27-го августа (8-го сентября): „Въ Лондонѣ до сихъ поръ не имѣютъ никакихъ свѣдѣній объ экспедиціонномъ отрядѣ, которому поручено прогнать изъ Сиккима вторгнувшихся туда тибетцевъ.

Извѣстія эти ожидаются съ тѣмъ бо̀льшимъ нетерпѣніемъ, что положеніе угрожаетъ, повидимому, осложниться вмѣшательствомъ иностранной державы. Телеграммы изъ Петербурга, дѣйствительно, сообщаютъ, что генералъ Пржевальскій только-что отправился изъ Россіи въ Тибетъ, съ намѣреніемъ проникнуть, если возможно, въ тибетскую столицу Хлассу. Путешествіе генерала Пржевальскаго предпринимается, будто-бы, исключительно, съ научною цѣлью, тѣмъ не менѣе, оно сильно обезпокоиваетъ британскихъ государственныхъ дѣятелей своимъ совпаденіемъ съ военными дѣйствіями въ Сиккимѣ, такъ-что въ англійскихъ политическихъ сферахъ усматриваютъ въ экспедиціи генерала Пржевальскаго политическое, а можетъ быть даже военное значеніе, и полагаютъ, что она предпринята съ цѣлью создать новыя затрудненія для Англіи. Россія давно уже нашла слабую сторону индо-британской имперіи на сѣверо-западной индійской границѣ съ Афганистаномъ. Вторженіе тибетцевъ въ Сиккимъ свидѣтельствуетъ о существованіи другаго слабаго пункта индо-британской имперіи на сѣверо-восточной ея границѣ. Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что Россія пожелаетъ этимъ воспользоваться. Во всякомъ случаѣ, предполагаютъ, что экспедиція генерала Пржевальскаго предпринята не безъ задней мысли. Въ Лондонѣ убѣждены, что русскій генералъ, по прибытіи въ Хлассу, не преминетъ заключить секретный договоръ съ Далай-Ламой. Для Англіи это тѣмъ болѣе прискорбно, что она, какъ видно изъ недавнихъ объясненій, данныхъ англійскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ китайскому послу, не имѣетъ въ виду завоевывать Тибетъ. Правда, что, поколотивъ тибетцевъ, британское правительство могло-бы установить надъ ними свой протекторатъ и сдѣлать изъ Тибета нѣчто въ родѣ буффера между Индіей и русскимъ вліяніемъ, подобно тому, какъ это сдѣлано уже въ Афганистанѣ. Осуществленіе такой комбинаціи былобы сопряжено, однако, съ серьезными трудностями, тѣмъ болѣе, что Китай на-врядъ-ли-бы на нее согласился“.

Всѣ эти извѣстія крайне безпокоили Пржевальскаго и онъ рѣшился идти на проломъ. „Я готовъ идти въ Тибетъ, говорилъ онъ [1]), и безъ китайскаго паспорта, если получу на то высочайшее соизволеніе".

„Двинуться въ путь необходимо, по мѣстнымъ условіямъ, предстоящею осенью, въ видахъ чего снаряженіе экспедиціи почти все уже заготовлено. Кромѣ того, объ этомъ путешествіи заявлено не только въ нашей, но и въ заграничной печати.... Рѣшаюсь, разсчитывая на ваше доброжелательное расположеніе, безпокоить ваше превосходительство покорнѣйшею просьбою: не признаете-ли возможнымъ доложить о вышеизложенномъ Государю Наслѣднику Цесаревичу и повергнуть къ стопамъ Его Высочества мою горячую мольбу относительно устраненія съ яснаго горизонта нашей экспедиціи той тучки, которая такъ неожиданно взошла съ Востока".

Тучка эта однако-же разсѣялась сама собою. Настояніе нашего посланника въ Пекинѣ сдѣлало свое дѣло и китайское министерство согласилось выдать Пржевальскому паспортъ на путешествіе въ Тибетъ, но только съ конвоемъ не болѣе 16 человѣкъ. При этомъ маркизъ Ценгъ заявилъ дѣйствительному статскому совѣтнику Кумани, что русскіе могутъ добавить нѣсколько человѣкъ и помимо числа, обозначеннаго въ паспортѣ. Эта прибавка легко могла быть сдѣлана подъ именемъ препараторовъ, переводчиковъ и проч.

Въ концѣ августа былъ полученъ, наконецъ, отъ китайскаго правительства охранный листъ на имя генералъ-маіора Пржевальскаго для путешествія въ Тибетѣ. Препровождая этотъ листъ нашему посланнику въ Пекинѣ, китайскіе министры писали ему [2]):

„По вопросу о путешествіи русскаго офицера Пржевальскаго, министерство въ неоднократныхъ отвѣтахъ своихъ указывая на то, что дорога отъ Хотана въ Ти-

---

[1]) Въ письмѣ Г. Г. Даниловичу отъ 12-го іюня 1888 г.

[2]) Отъ 28 іюня 1888 года.

бетъ пустынна, что по ней запрещено движеніе и что выдача билетовъ на путешествіе въ прежніе разы было актомъ уступчивости, выражало надежду на то, что ему предложено будетъ отказаться отъ настоящаго путешествія.

„Послѣ сего министерство получило новое письмо вашего превосходительства слѣдующаго содержанія:

„Г. Пржевальскій намѣревается отправиться въ путешествіе изъ Хотана въ Тибетъ, какъ лицо беззавѣтно преданное интересамъ науки, до забвенія личныхъ опасностей. Исключительная цѣль его путешествія заключается въ пополненіи научныхъ свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ въ прежнихъ путешествіяхъ, благодаря великодушному содѣйствію властей почтеннаго государства. Въ этотъ разъ ученый путешественникъ, имѣя съ собою человѣкъ двадцать необходимой прислуги, предполагаетъ изслѣдовать мѣста еще не обслѣдованныя и при этомъ не подастъ мѣстному населенію ни малѣйшаго повода къ подозрѣнію.

„Въ виду исключительно научной цѣли путешествія и условій его, онъ никоимъ образомъ не имѣетъ въ виду мѣшаться во внутреннюю политику, а тѣмъ менѣе питать какіе либо воинственные замыслы. Имѣя съ собою необходимую на всякій случай прислугу, ученый путешественникъ будетъ дѣйствовать сообразуясь съ обстоятельствами. Если почтенному министерству угодно будетъ изъявить свое согласіе на выдачу охраннаго листа, то въ такомъ случаѣ я употреблю всѣ старанія къ тому, чтобы ученый путешественникъ выказывалъ крайнюю осторожность, тщательно избѣгалъ подавать поводы къ малѣйшему подозрѣнію или неудобствамъ. Въ виду приближенія времени выступленія въ путешествіе, я бы покорнѣйше просилъ почтенное министерство о принятомъ имъ рѣшеніи удостоить меня скорымъ отвѣтомъ.

„По поводу путешествія иностранцевъ въ Китаѣ министерство имѣетъ честь замѣтить, что за исключеніемъ мѣстъ заповѣдныхъ, имъ предоставляется право

свободнаго путешествія въ мѣстахъ, не представляющихъ къ тому препятствій, и для такихъ путешествій оно немедленно и безпрепятственно выдавало необходимые охранные билеты. Что касается пустынности пути изъ Хотана въ Тибетъ, обычнаго запрещенія движенія по немъ и всѣхъ другихъ затрудненій, то объ этомъ министерствомъ было уже подробно писано въ неоднократныхъ его отвѣтахъ вамъ. Нынѣ въ виду полученія отъ вашего превосходительства новаго и убѣдительнаго письма, съ заявленіемъ при томъ, что въ случаѣ несчастій, происшедшихъ не по волѣ китайскихъ властей и по невозможности ихъ оказывать защиту, чтобы не ставить китайское правительство въ затрудненіе, отвѣтственность за таковыя не можетъ падать на него—ему остается только, скрѣпя сердце (черезъ силу), согласиться на выдачу охраннаго листа. Но, только, при этомъ мы замѣтимъ, что въ мѣстахъ, гдѣ въ разговорѣ не будутъ понимать другъ друга и гдѣ письменность другая (не китайская) этотъ охранный листъ будетъ безполезенъ. Далѣе, въ виду только-что открывшейся вражды тибетцевъ съ англичанами, нельзя разсчитывать на повсемѣстную безопасность русскихъ, вслѣдствіе того, что у нихъ есть охранный листъ. Однимъ словомъ, въ этотъ разъ, при непремѣнномъ желаніи ученаго путешественника проникнуть изъ Хотана далѣе положительно трудно поручиться за то, что онъ не встрѣтитъ опасностей. А потому китайское правительство слагаетъ съ себя отвѣтственность за случайности (несчастія).

„Затѣмъ иностраннымъ путешественникамъ не дозволяется имѣть съ собою конвой. Между тѣмъ въ письмѣ вашего превосходительства, отъ 14 апрѣля, было сказано, что съ г. Пржевальскимъ будетъ два офицера, одинъ переводчикъ и 24 человѣка команды. Въ слѣдующемъ затѣмъ письмѣ заявлено было, что люди, которыхъ онъ беретъ съ собою, составляютъ необходимую прислугу, а въ послѣднемъ письмѣ вашемъ сказано, что необходимая прислуга состоитъ человѣкъ изъ двадцати. Въ концѣ-концовъ для насъ не вполнѣ ясно, беретъ-ли съ собой русскій офицеръ

Пржевальскій солдатъ или прислугу. Если это солдаты, то министерству трудно было бы на это согласиться. Если же это прислуга, то двухъ-десятковъ намъ кажется слишкомъ много, потому что когда людей много, то это вызываетъ изумленіе и весьма легко можетъ повести къ непріятнымъ исторіямъ. Если смотрѣть на нихъ какъ на людей необходимыхъ, на случай опасности, то, въ случаѣ таковой, 20 человѣкъ прислуги дѣлу не помогутъ, а въ спокойное время они будутъ только пугать (мѣстное населеніе). Къ чему же непремѣнно брать съ собою прислугу въ большомъ количествѣ и тѣмъ возбуждать въ зрителяхъ подозрѣніе?

„Намъ кажется будетъ правильнѣе ограничиться 16-ю человѣками—количествомъ прислуги въ прежнемъ путешествіи Пржевальскаго. Изъ продолжительнаго пребыванія въ Китаѣ ваше превосходительство, безъ сомнѣнія, убѣдились, что противъ нравовъ китайскаго населенія и мѣстныхъ обычаевъ трудно идти“.

XV.

Сборы въ пятое путешествіе.—Грустное настроеніе Николая Михайловича.—Болѣзнь няни Макарьевны.—Отъѣздъ изъ Слободы.—Прибытіе въ Петербургъ.—Представленіе Государю Императору.—Прощаніе съ близкими и товарищами.—Впечатлѣніе, произведенное на Николая Михайловича извѣстіемъ о кончинѣ няни.—Отъѣздъ изъ Москвы.—Закаспійская желѣзная дорога.—Самаркандъ.—Прибытіе въ Пишпекъ.—Поѣздка въ Вѣрный.—Возвращеніе въ Пишпекъ.—Охота.—Прибытіе въ Каракольъ.—Начало болѣзни.—Бивуакъ внѣ города.—Приказъ по отряду.—Дальнѣйшее развитіе болѣзни.—Перенесеніе больнаго изъ юрты въ глазной баракъ Каракольскаго лазарета.—Послѣдняя воля и завѣщаніе.—Кончина Николая Михайловича.—Похороны.—Увѣковѣченіе памяти Пржевальскаго: переименованіе г. Каракола въ г. Пржевальскъ и наименованіе именемъ Пржевальскаго барака, въ которомъ онъ скончался.—Пожалованіе Государемъ Императоромъ пожизненнаго пенсіона тремъ его племянницамъ Пыльцовымъ.—Высочайшее повелѣніе о постановкѣ ему памятника.—Чествованіе памяти Н. М. Пржевальскаго въ европейскихъ ученыхъ обществахъ

1888.

Собираясь въ новый и дальній путь, Пржевальскій не выказывалъ уже того увлеченія, которымъ сопровождались обыкновенно прежніе его отъѣзды изъ Петербурга.

— Самъ-то я довольно здоровъ, говорилъ онъ, хотя, конечно, теперь далеко не та сила физическая, какая была въ молодые годы; теперь мнѣ 49 лѣтъ, за то опытности много.

Передъ самымъ отъѣздомъ изъ Петербурга, онъ получилъ извѣстіе, что спутникъ всѣхъ его прежнихъ путешествій—урядникъ Иринчиновъ не рѣшается на этотъ разъ идти въ экспедицію. Иринчиновъ говорилъ, что онъ не надѣется на свои силы, чувствуетъ себя слабымъ и сознаетъ, что если пойдетъ въ экспедицію, то домой не вернется. Николай Михайловичъ сожалѣлъ, что лишился такого спутника, но признавалъ его доводы справедливыми.

— Умно Иринчиновъ сдѣлалъ, говорилъ онъ, что не идетъ въ путешествіе. Онъ умнѣе въ этомъ случаѣ меня; нравственно я тоже чувствую себя слабымъ, усталымъ, хотя физически крѣпокъ.

Однажды, весною, встрѣтивъ въ военно-ученомъ комитетѣ главнаго штаба поручика Артамонова, который кому-то изъ офицеровъ по линіямъ на рукѣ предсказывалъ будущность, Николай Михайловичъ протянулъ ему и свою руку.

— Вы думаете образно, сказалъ ему Артамоновъ, никогда не забываете друзей, но жизнь ваша будетъ коротка.

Пржевальскій сказалъ, что совершенно справедливо замѣчено какъ онъ думаетъ, а на остальное не обратилъ вниманія. Но за недѣлю до послѣдняго отъѣзда изъ С.-Петербурга онъ, въ разговорѣ съ І. Л. Фатѣевымъ, вспомнилъ о предсказаніи на счетъ его недолговѣчности. Вообще послѣднее путешествіе заботило его болѣе обыкновеннаго. Еще въ мартѣ мѣсяцѣ, когда только поднимался вопросъ о путешествіи, его безпокоила мысль, какъ онъ оставитъ свою няню и Слободу, къ которой онъ сильно привязался, полюбилъ и привыкъ къ ней.

„Поѣдемъ въ экспедицію въ половинѣ августа, писалъ онъ своему управляющему [1]). Макарьевнѣ передайте какъ нибудь помягче о томъ, что я ѣду на два года. Увѣрьте ее, и это совершенно справедливо, что въ это время здѣсь можетъ быть война, такъ что мнѣ въ пустыняхъ Азіи будетъ безопаснѣе. Нужно только какъ нибудь обставить Макарьевну, чтобы она не скучала. Расходы я для этого сдѣлаю какіе угодно. Пусть откуда хочетъ выпишетъ себѣ подругу, или возьметъ кого либо изъ родственниковъ,—я на все согласенъ, лишь-бы моя любимая старуха могла жить спокойно. Затѣмъ, на васъ я вполнѣ надѣюсь; откровенно говорю, что туго я привязываюсь къ человѣку, за то эта привязанность бываетъ прочная“.

---

[1]) Ефиму Сергѣевичу Денисову отъ 18-го марта 1888 г.

Въ іюлѣ Николай Михайловичъ въ послѣдній разъ пріѣхалъ въ свою любимую Слободу, составилъ инструкцію для управляющаго [1]) и сдѣлалъ послѣднія хозяйственныя распоряженія. Въ это время, къ его большому огорченію, заболѣла Макарьевна воспаленіемъ почекъ—болѣзнью весьма серьезною и не дававшею надежды на выздоровленіе. Это крайне безпокоило Николая Михайловича и огорчало еще болѣе потому, что онъ долженъ былъ оставить ее въ такомъ видѣ передъ отъѣздомъ въ далекое путешествіе. Оставаться же долѣе въ Слободѣ не было никакой возможности и 5 августа былъ назначенъ отъѣздъ.

Всѣ вещи были отправлены на станцію еще наканунѣ и слѣдовательно всѣ сборы окончены, но Николай Михайловичъ видимо не торопился ѣхать. Вставъ ранѣе обыкновеннаго, онъ наскоро напился чаю и приказалъ приготовить маленькую закуску. Утромъ пріѣхали сосѣди попрощаться и проводить отъѣзжающаго, собрались служащіе и работники. Не сказавъ никому, Николай Михайловичъ черезъ балконъ вышелъ въ садъ, обошелъ его, побывалъ въ любимой „хаткѣ“, гдѣ постоянно занимался описаніемъ своихъ путешествій, прошелъ еще разъ по саду, причемъ часто останавливался, какъ-бы прощаясь съ любимыми мѣстами. На глазахъ его были слезы.....

Собравъ своихъ спутниковъ, онъ пошелъ съ ними къ больной нянѣ; слезы и рыданія огласили комнату....

— Въ послѣдній разъ!.... вскрикнула старушка и болѣе не могла ничего сказать.

Очень грустнымъ вернулся Н. М. опять на балконъ и прошелъ прямо въ свой кабинетъ, куда слѣдомъ за нимъ вошелъ и управляющій Слободою Е. С. Денисовъ. Услышавъ шаги послѣдняго, Николай Михайловичъ круто обернулся, обнялъ его за шею и такъ горько зарыдалъ, „что я, говоритъ Денисовъ [2]), употребляя всѣ усилія, не могъ удержаться отъ слезъ

[1]) См. приложеніе № 18.

[2]) Въ письмѣ Ѳ. А. Фельдману « » декабря 1888 г.

и такихъ-же рыданій. Я сталъ уговаривать, чтобы онъ не безпокоился о Слободѣ, обѣщая все, что будетъ не свыше моихъ силъ, исполнить въ точности и слѣдовать его приказаніямъ".

— На счетъ Слободы я покоенъ, отвѣчалъ Николай Михайловичъ; но меня больше всего безпокоитъ то, что моя любимая няня безъ меня должна умереть.

Нѣсколько успокоившись, онъ вышелъ къ собравшимся и всѣ сѣли завтракать. Завтракалъ онъ очень мало и въ виду предстоявшаго отъѣзда былъ грустно настроенъ. Прощаясь съ нянею, онъ горько плакалъ и просилъ себя благословить, не скучать и обѣщалъ, вернувшись въ Слободу, зажить уже покойною жизнью. Перецѣловавъ всѣхъ присутствовавшихъ, не исключая дѣтей рабочихъ, Николай Михайловичъ снова вышелъ на балконъ и на одной изъ колоннъ написалъ краснымъ карандашомъ: *„5 августа 1888 г. До свиданія, Слобода. Н. Пржевальскій"*. Затѣмъ подозвалъ своихъ спутниковъ, Всеволода Ивановича Роборовскаго, Петра Кузьмича Козлова, казаковъ Телешова и Нефедова и приказалъ имъ написать свои фамиліи на той-же колоннѣ [1]).

Сѣвъ въ свою любимую, обитую кожей, телѣжку безъ рессоръ [2]), Николай Михайловичъ тронулся въ путь и когда слободское озеро стало уходить изъ глазъ, онъ всталъ, обернулся назадъ и сказалъ: „ну, теперь прощай, мое озеро".

— День этотъ, говорилъ Николай Михайловичъ, былъ для меня такой тяжелый, какихъ я, кажется, еще не испытывалъ въ своей жизни. Приходилось прощаться съ Макарьевной, безъ надежды когда-либо ее увидѣть.

---

[1]) Въ настоящее время, по распоряженію управляющаго, эти надписи заключены въ рамку со стекломъ, для лучшаго сохраненія въ Слободѣ памяти Николая Михайловича.

[2]) Эта телѣжка запрягалась тройкою излюбленныхъ, простыхъ и смирныхъ лошадей. Хотя въ Слободѣ и былъ очень хорошій тарантасъ, но хозяинъ его не любилъ и ѣздилъ въ немъ всего раза два.

„Никогда онъ не плакалъ такъ при разставаніи съ нами, замѣчаетъ племянникъ его, какъ послѣдній разъ; онъ сталъ прощаться и самъ первый заплакалъ. Вѣроятно, тяжелое предчувствіе давило его сердце“....

Вообще, передъ послѣднимъ отъѣздомъ, онъ не былъ похожъ на прежняго Николая Михайловича. Онъ каждый разъ сердился, когда его спутники говорили между собою, что̀ будутъ дѣлать по возвращеніи въ Слободу [1]).

— Развѣ объ этомъ можно говорить, замѣчалъ онъ, развѣ вы не знаете, что жизнь каждаго изъ насъ не одинъ разъ будетъ висѣть на волоскѣ.

Въ среду, 10-го августа, Николай Михайловичъ имѣлъ счастіе представиться въ Петергофѣ Государю Императору и поднести свою книгу: „Четвертое путешествіе въ Центральную Азію“.

„Пріемъ былъ такой милостивый, писалъ онъ [2]), о какомъ я и не воображалъ. Меня провожали и напутствовали, какъ роднаго“.

Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ просилъ Пржевальскаго писать ему и вообще чаще давать знать о себѣ. Сочувствіе всеобщее сопровождало и на этотъ разъ Николая Михайловича въ новое его путешествіе. „Спасибо вамъ, писалъ онъ своему управляющему, за ваши сердечные проводы. Этотъ день показалъ мнѣ еще болѣе вашу преданность; я же цѣню это всего болѣе на свѣтѣ. Передайте всѣмъ мое спасибо за сердечные проводы. Дастъ Богъ, вернемся опять и заживемъ въ Слободѣ спокойно, на лаврахъ.

„Макарьевну цѣлую. Одна моя къ ней просьба, беречь себя; довольно уже старуха поработала на своемъ вѣку“.

Другимъ близкимъ человѣкомъ для Николая Ми-

---

[1]) Воспоминанія П. Козлова.

[2]) Е. С. Денисову отъ 17 августа, С. А. Пржевальской отъ 22 августа 1888 г.

хайловича былъ сирота, сынъ сосѣда по имѣнію, воспитанникъ 2-го Кадетскаго корпуса Константинъ Воеводскій, котораго онъ окружалъ истинно отеческими попеченіями. Онъ заботился о немъ, какъ отецъ о сынѣ; скорбѣлъ за каждую плохую отмѣтку, ѣздилъ самъ въ корпусъ къ директору или посылалъ Козлова, чтобы подѣйствовать на мальчика нравственно и заставить его учиться. Онъ бралъ Костю Воеводскаго къ себѣ въ отпускъ на лѣто въ деревню, доставлялъ ему всевозможныя удовольствія, водилъ съ собою на охоту, но держалъ его строго и потачки не давалъ. Наканунѣ отъѣзда мнѣ случилось встрѣтить Николая Михайловича въ главномъ штабѣ.

— Вотъ, говорилъ онъ, какъ бы въ нѣкоторомъ раздумьѣ, никогда въ жизни не плакалъ, а сегодня, прощаясь съ Костей Воеводскимъ, расплакался какъ баба и не понимаю отъ чего.

Онъ просилъ Ѳ. А. Фельдмана принять Костю подъ свой строгій надзоръ и оставилъ ему 150 руб. на слѣдующіе расходы: 1) 50 руб. на скорострѣльное ружье, которое просилъ заказать въ Тулѣ и отдать Воеводскому въ маѣ 1889 г., но въ томъ только случаѣ, если Костя выдержитъ экзаменъ. 2) Изъ 75 рублей выдавать ежемѣсячно по три рубля до его возвращенія изъ экспедиціи, а на 25 рублей заказать ему платье. Но если казенное будетъ прилично, то по его мнѣнію лучше было бы купить на эти деньги охотничьи принадлежности, чѣмъ заниматься щегольствомъ. „Въ случаѣ-же лѣни въ наукахъ, писалъ Николай Михайловичъ Ѳ. А. Фельдману [1]), а тѣмъ паче невыдержанія экзамена — *усердно прошу драть и драть*“.

Передъ самымъ отъѣздомъ, квартира Николая Михайловича имѣла видъ амбара, въ которой сложены были самыя разнообразныя вещи. Трудно собраться въ путешествіе за тысячу верстъ и одному человѣку, а снарядить 27—28 человѣкъ на два или болѣе года,

[1]) Desiderata Пржевальскаго отъ 18-го августа 1888 г.

безъ возможности ремонтировать необходимыя вещи, еще того труднѣе и для неопытнаго человѣка представляетъ задачу непреодолимую.

При личныхъ хлопотахъ и содѣйствіи неутомимыхъ спутниковъ, каждый день въ квартиру путешественника сносились со всѣхъ сторонъ лопаты, капканы, книги, инструменты, деревянныя чашки, разнаго вида ящики, пакеты, свертки. Все это сортировалось, укладывалось и запаковывалось на долгое время.

Къ половинѣ августа всѣ сборы были окончены и Николай Михайловичъ старался скрыть день своего отъѣзда. Онъ былъ всегда противъ многочисленныхъ собраній и шумныхъ овацій. Въ такихъ случаяхъ является много зѣвакъ, которые только мѣшаютъ попрощаться и поговорить отъ души съ искренними пріятелями и родными.

— Вообще, говорилъ онъ, гораздо лучше проститься у себя дома, чѣмъ на глазахъ людей посторонних. Долгіе проводы—лишнія слезы.

Не смотря на то, во всѣхъ почти газетахъ былъ напечатанъ день отъѣзда нашего путешественника и 18-го августа на станцію московской дороги явилась масса публики, въ числѣ которой было много и газетныхъ репортеровъ.

Тѣсный кругъ друзей Николая Михайловича мѣшалъ имъ наброситься на него и они осадили Роборовскаго, засыпавъ его разными вопросами.

Но вотъ сѣли въ вагоны, раздалось послѣднее „прощайте“ и поѣздъ тронулся. Николай Михайловичъ высунулся изъ окна вагона и обращаясь къ Ѳ. Д. Плеске крикнулъ ему: „Если меня не станетъ, то обработку птицъ поручаю вамъ“. Поѣздъ быстро скрылся съ глазъ провожавшихъ; путешественники оглянулись другъ на друга и Роборовскій замѣтилъ слезы на глазахъ Николая Михайловича.

— Что-же! надо успокоиться, говорилъ онъ, какъ бы оправдываясь въ небываломъ явленіи,—ѣдемъ на

волю, на свободу, на труды, но труды пріятные и полезные. Если поможетъ Богъ вернуться, то снова увидимся со всѣми; если-же не вернемся, то все-таки умереть за такое славное дѣло пріятнѣе, чѣмъ дома. Теперь мы вооружены прекрасно и жизнь наша дешево не достанется.

Едва онъ пріѣхалъ въ Москву, какъ получилъ, 21-го числа, извѣстіе о кончинѣ любимой няни Макарьевны.

„Роковая вѣсть, писалъ онъ [1]), о смерти Макарьевны застала меня достаточно уже подготовленнымъ къ такому событію. Но все-таки тяжело, очень тяжело. Вѣдь я любилъ Макарьевну, какъ мать родную..... Тѣмъ дороже для меня была старуха, что и она любила меня искренно, чего почти не найти въ нынѣшнее огульно-развратное время. „Прощай, прощай дорогая"—такъ скажите отъ меня на ея могилѣ. Я уже телеграфировалъ вамъ, чтобы похоронить Макарьевну въ оградѣ церкви, на лучшемъ мѣстѣ. Теперь Слобода стала для меня еще дороже.

„Вмѣсто обильныхъ поповскихъ поминокъ, раздайте бѣднымъ (но только самымъ бѣднымъ) крестьянамъ, и главное крестьянкамъ, нашего имѣнія (т. е. всей Глинщины) 100 рублей на поминки. Деньги эти при семъ посылаю. Могилу Макарьевны обнесите деревянною оградою, поставьте деревянный крестъ. На будущій годъ посадите въ оградѣ цвѣтовъ. Пріѣду, сдѣлаю ограду..... А можетъ быть когда нибудь и самъ тамъ рядомъ лягу.

„Оба вашихъ письма получилъ. Спасибо вамъ за нихъ. Спасибо за вашу искренность. Вѣрьте, что я съумѣю это оцѣнить. Оставьте для меня чашку и блюдцо, изъ которыхъ Макарьевна пила чай, и еще что нибудь изъ ея вещей на память. Деньги Макарьевны (12 или 13 пятидесяти рублевыхъ серій) храните у Евгенія Михайловича. Наслѣдники могутъ получить.

---

[1]) Е. С. Денисову 22-го августа 1888 г

Заплатите также что слѣдовало отъ меня Макарьевнѣ: съ 1-го января 1888 г. по день смерти, т. е. пенсію 25 р. и жалованье по 5 руб. въ мѣсяцъ, всего за восемь мѣсяцевъ 65 рублей (съ пенсіею).

„Кого-же взять на мѣсто Макарьевны! Васильевна и Андреевна если управятся, то пусть онѣ дѣйствуютъ. Если-же нѣтъ, то нужно будетъ нанять кого нибудь—только не барыню и не ученую хозяйку, а прямо таки женщину простую, знающую хозяйство, главное-усердную и честную, гораздо лучше безъ мужа.

„Дай Богъ въ добромъ здоровьѣ перенести свое теперешнее одиночество. Еще разъ вѣрьте, что всѣ ваши труды получатъ широкую отъ меня оцѣнку.

„Книгу, посланную Макарьевнѣ, положите въ мою библіотеку“.

„Горе, которое стряслось надо мною, писалъ онъ нѣсколько дней спустя [1]), я не забылъ еще до сихъ поръ. Нѣтъ, нѣтъ да и вспомнишь о Макарьевнѣ. На похороны ея я не поѣхалъ только потому, что не могъ, по чувству долга, отложить свой отъѣздъ изъ Москвы въ путешествіе. Съ другой стороны, эта вторая поѣздка въ Слободу, навѣрное, повліяла бы на мое здоровье болѣе, чѣмъ все путешествіе, чего я также не имѣлъ права допустить надъ собою“.

24 августа Николай Михайловичъ выѣхалъ изъ Москвы. „Въ 4 часа, записалъ онъ въ дневникѣ, почтовый поѣздъ Нижегородской дороги повезъ меня въ *„пятое“* путешествіе по Центральной Азіи. Радость великая!.... Опять впереди свобода и дѣло по душѣ..... Но для успѣха его необходимо прежнее счастіе, которое да не отвернется нынѣ отъ меня“.....

Утромъ 25-го числа путешественники сѣли въ Нижнемъ на пароходъ „Фельдмаршалъ Суворовъ“ и въ двѣ недѣли прокатили по Волгѣ, по Каспійскому морю, по Закаспійской желѣзной дорогѣ и, сдѣлавъ такимъ

---

[1]) Е. С. Денисову отъ 10-го сентября 1888 г.

образомъ около 5,000 верстъ, 7-го сентября пріѣхали въ Самаркандъ.

Желѣзная дорога произвела на Пржевальскаго самое отрадное впечатлѣніе и явилась какимъ-то чудомъ въ тамошнихъ мѣстахъ. „Словно въ сказкѣ, писалъ онъ [1]), несешься въ вагонѣ по сыпучимъ пескамъ, или по безплодной и безводной соляной равнинѣ. Послѣ первой ночи ѣзды отъ Каспія является Кизылъ-Арватъ, къ вечеру того же дня Асхабадъ, на завтра утромъ Мервъ и т. д. до Самарканда. Черезъ Аму-дарью переброшенъ мостъ, который, правда, трещитъ и колышется, тѣмъ не менѣе поѣздъ проходитъ благополучно изъ Туркменіи въ бухарскіе предѣлы. Вообще Закаспійская дорога созданіе смѣлое и съ большимъ значеніемъ въ будущемъ. Правда, сплошь и кряду встрѣчаются здѣсь мелкіе неудобства и недостатки, но они неизбѣжны и нисколько не умаляютъ большой заслуги Анненкова. Самое трудное—побѣдить сыпучіе пески. Активная борьба (насажденія, ограды и проч.) здѣсь невозможна, но за то успѣшно, какъ и теперь уже практикуется, можетъ идти борьба пассивная, т. е. постоянное сметаніе наносимаго вѣтромъ песка съ полотна дороги, насыпка на это полотно лесовой глины и т. д. Словомъ, по-моему, Закаспійская дорога, въ своемъ цѣломъ, многократно заслуживаетъ больше похвалы и удивленія, чѣмъ порицанія и нападокъ, на что вообще такъ щедры наши газетчики и разные пустословы“.

Въ Самаркандѣ встрѣтилъ Пржевальскаго его сводный братъ Н. И. Толпыго и отвезъ къ себѣ на квартиру. Николай Михайловичъ былъ въ веселомъ расположеніи духа и говорилъ, что Самаркандъ это совершенно тоже, что Хотанъ. По пріѣздѣ на квартиру, онъ сталъ просить завтракъ, хотя всего было около 9 часовъ утра. За завтракомъ онъ съ аппетитомъ поѣлъ пирога и въ изобиліи кушалъ фрукты: яблоки, груши, сливы и виноградъ. Хвалилъ очень Закаспійскую дорогу, говоря, что здѣсь все какъ-то проще, по азіятски,

---

[1]) Ѳ. А. Фельдману отъ 10 сентября 1888 г.

и показывалъ направленіе желѣзной дороги, если бы она когда нибудь пошла изъ Туркестана въ Китай.

Весь этотъ день Николай Михайловичъ провелъ дома: распаковывалъ вещи и перекладывалъ ихъ изъ одного ящика въ другой. Затѣмъ отправился со своими спутниками въ баню, потомъ пообѣдалъ и скоро легъ спать.

8-го сентября Пржевальскій посвятилъ визитамъ, которыхъ, впрочемъ, терпѣть не могъ, но принужденъ былъ сдѣлать по необходимости. Послѣ обѣда онъ нанялъ подводы для перевозки багажа и вечеръ провелъ у губернатора. 10-го сентября были отправлены въ Ташкентъ вещи, а въ 8 часовъ утра 11-го числа выѣхалъ туда и самъ въ сопровожденіи Н. И. Толпыго и своихъ спутниковъ, Роборовскаго и Козлова. Въ 10 часовъ вечера 12 числа путешественники прибыли въ Ташкентъ [1]).

— Теперь для насъ одинъ маршрутъ, говорилъ Николай Михайловичъ — впередъ до Хлассы. Черезъ два года увидимся. Срокъ этотъ крупный въ обыденной жизни, не особенно дологъ для великихъ дѣлъ [2]).

Н. И. Толпыго имѣлъ отпускъ всего на пять дней и потому утромъ 14 числа долженъ былъ уѣхать изъ Ташкента.

„Помню, пишетъ онъ [3]), какъ Николай Михайловичъ говорилъ мнѣ: *прощай*, *прощай*, не смотря на то, что я усердно просилъ возвратиться обратно черезъ Самаркандъ и повторялъ „*до свиданія*“.

23 сентября Н. М. Пржевальскій пріѣхалъ въ Пишпекъ и былъ очень тронутъ вниманіемъ уѣзднаго начальника Сергѣя Михайловича Махонина и городничаго Константина Павловича Крупеникова. Зная его привычки и нелюбовь къ городской жизни, они по-

[1]) Письма Н. И. Толпыго Я. А. Сердечному 25 ноября 1888 г.

[2]) Письма Н. М Пржевальскаго Ѳ. А Фельдману и Е. С. Денисову 10 сентября 1888 г.

[3]) Я. А. Сердечному 25 ноября 1888 г.

ставили возлѣ этапнаго барака четыре юрты: одну для Николая Михайловича, одну для Роборовскаго съ Козловымъ, одну для нижнихъ чиновъ и четвертую для багажа. Тотчасъ же приступили къ выбору верблюдовъ, которыхъ необходимо было купить 120 головъ и 10 или 15 лошадей. Выбрать хорошихъ и годныхъ для экспедиціи было очень трудно и не смотря на сотни приводимыхъ ежедневно, къ 26 числу успѣли выбрать только 43 верблюда.

Въ этотъ день Николай Михайловичъ выѣхалъ вмѣстѣ съ Роборовскимъ въ Вѣрный, чтобы достать тамъ китайскаго серебра и выбрать нижнихъ чиновъ въ составъ экспедиціи. Во время пути, сидя въ тарантасѣ, онъ развивалъ планъ будущаго путешествія и нерѣдко приходилъ къ мрачнымъ заключеніямъ.

— Если путешествіе, говорилъ онъ Роборовскому, кончится благополучно и всѣ мы вернемся домой, то жизнь моя будетъ самая тяжелая. Я привыкъ къ дѣятельности и не могу сидѣть дома; меня томитъ и давитъ покой, я долженъ по природѣ всегда бороться въ достиженіи заданной себѣ цѣли. А тутъ старость, упадокъ силъ и толстота не позволятъ мнѣ дѣлать то, къ чему стремится душа. Самая грустная будущность ожидаетъ меня на старости. Съ завистью смотрю я на тебя съ Козловымъ,—вотъ бы мнѣ ваши лѣта, я бы все отдалъ. Ваша жизнь еще впереди и послѣ путешествія вы можете продолжать ее, а мнѣ придется развѣ только давать совѣты и наставленія. Одинъ искренній совѣтъ мой тебѣ: никогда ни съ кѣмъ другимъ не ѣзди въ путешествіе; такой тѣсной и дружной семьи не будетъ. Насъ свела счастливая судьба, которая всегда мнѣ помогала; второй семьи, такой какъ наша, не будетъ, а ѣхать съ кѣмъ нибудь безъ дружбы, безъ искренняго довѣрія—не будетъ успѣха.

„Нѣсколько разъ, говоритъ В. И. Роборовскій [1]), возвращался Николай Михайловичъ и къ мыслямъ о смерти. Онъ говорилъ, что больше всего желалъ бы

[1]) Въ своихъ воспоминаніяхъ

умереть не дома, а гдѣ нибудь въ путешествіи, на рукахъ отряда, который онъ называлъ *нашей семьей*. Часто во время пути жаловался онъ на жару, чего прежде вообще не замѣчалось".

Подъѣзжая къ Вѣрному, Пржевальскій любовался снѣговымъ хребтомъ и желалъ поскорѣе увидѣть городъ послѣ землетрясенія. Въ 12 часовъ дня 27 сентября, пріѣхавъ въ Вѣрный, онъ тотчасъ-же приступилъ къ собиранію свѣдѣній относительно покупки китайскаго серебра и къ выбору нижнихъ чиновъ въ составъ экспедиціи. Выборъ этотъ производился съ особою строгостію, да „иначе и нельзя было, говоритъ его спутникъ [1]), при той тѣсной и, такъ сказать, семейно-патріархальной жизни, которою существовалъ отрядъ загранicею. Вѣдь всѣ жили однимъ духомъ, одними желаніями, питались одною пищею, составляя одну семью, главою которой былъ Николай Михайловичъ. Въ семьѣ этой царствовала дисциплина самая суровая, но нравственная, выражавшаяся въ рвеніи каждаго сдѣлать возможно болѣе для того святаго и великаго дѣла, которому каждый подчинялся добровольно, потому что люди выбирались въ отрядъ по охотѣ, а не по назначенію; каждый старался возможно лучше и больше угодить Николаю Михайловичу; каждый солдатъ и казакъ старался служить чѣмъ можетъ и какъ умѣетъ: тотъ принести ящерицу, другой цвѣточекъ, третій укажетъ ключъ, гдѣ можно поймать рыбу и т. д."

Слѣдовательно, чтобы составить такую семью и связать себя съ нею на два или болѣе года, надо было много умѣнья и опыта. Обыкновенно выстраивался баталіонъ или рота и вызывались охотники. Пржевальскій рисовалъ передъ ними самую непривлекательную картину экспедиціонной жизни и умалчивалъ объ усиленномъ жалованіи и будущихъ наградахъ. Послѣ такой рѣчи многіе осаживали назадъ, а изъ оставшихся отдѣлялись женатые отъ холостыхъ. Женатыхъ Николай Михайловичъ не бралъ въ экспедицію, точно также фабричныхъ, жившихъ долго въ

[1]) Роборовскій въ своихъ воспоминаніяхъ о Н. М. Пржевальскомъ.

городахъ, ходившихъ на заработки, однимъ словомъ такихъ, какъ говорилъ онъ, которые уже вдохнули въ себя городскую цивилизацію и къ которымъ успѣли пристать всѣ пороки городской жизни. Лучшимъ человѣкомъ признавался земледѣлецъ, жившій въ глуши, вдали отъ желѣзныхъ дорогъ, и охотникъ; выбирались люди здоровые, преимущественно послѣднихъ сроковъ службы и рядовые, а унтеръ-офицеры были только ходившіе прежде и извѣстные хорошими нравственными качествами.

Сдѣлавъ необходимыя закупки сахару, чаю, веревокъ, квасцовъ и проч., Николай Михайловичъ вмѣстѣ съ выбранными нижними чинами, 1-го октября, выѣхалъ обратно въ Пишпекъ. По дорогѣ онъ осматривалъ и выбиралъ верблюдовъ и ночью не ѣхалъ.

— Передъ путешествіемъ, говорилъ онъ, необходимо беречь силы; къ чему себя нудить (утомлять) ночными переѣздами.

Подъѣзжая 3-го октября къ Пишпеку, Пржевальскій видѣлъ множество фазановъ и рѣшилъ на слѣдующій-же день пріѣхать сюда на охоту. Отправившись на станцію Константиновскую 4-го октября, Николай Михайловичъ охотился до ночи и весьма удачно. Сопровождавшій его солдатъ несъ цѣлый мѣшокъ фазановъ.

— Ну, потѣшился я, говорилъ онъ Роборовскому, пострѣлялъ сегодня на первый разъ хорошо, завтра чуть свѣтъ еще пойдемъ. Только ужасно жарко, совсѣмъ спотѣлъ.

Рѣка Чу, на которой охотился Николай Михайловичъ, протекаетъ по мѣстности болотистой, извѣстной своимъ вреднымъ для здоровья климатомъ. Среди киргизъ, живущихъ въ той мѣстности, всю зиму 1887 года свирѣпствовалъ сильнѣйшій тифъ.

На охотѣ онъ пробылъ почти цѣлый день и вернулся домой уже позднимъ вечеромъ. Днемъ было настолько жарко, что, будучи одѣтъ въ одномъ кителѣ,

онъ такъ вспотѣлъ, что китель и бѣлье были буквально мокры. Къ тому же онъ пилъ во время охоты воду изъ р. Чу, которая даже и туземцами считается вредною въ сыромъ видѣ.

Придя на станцію, Николай Михайловичъ засталъ готовый самоваръ, но, по привычкѣ, выпилъ холодной *„запивки“* [1]) двѣ бутылки. Потомъ выпилъ стаканъ чая, съ полстакана бѣлаго ташкентскаго вина и, поужинавъ жаренымъ мясомъ, легъ спать. Ночью ему показалось жарко и онъ пріотворилъ окно. Съ разсвѣтомъ всталъ, ходилъ на охоту, а затѣмъ возвратился въ Пишпекъ. Ему все казалось жарко, тогда какъ окружающіе его находили температуру, достаточную только для того, чтобы не надѣвать верхняго платья.

Оставаясь въ Пишпекѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней, Николай Михайловичъ занимался выборомъ верблюдовъ, отправкою багажа и проч. Утромъ 8-го октября онъ выѣхалъ въ Караколъ, куда и прибылъ 10-го числа въ четвертомъ часу пополудни. На слѣдующее утро пріѣхали туда-же В. И. Роборовскій и П. К. Козловъ. На замѣчаніе ихъ, послѣ первыхъ привѣтствій, что онъ успѣлъ уже побриться, Николай Михайловичъ съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ лица замѣтилъ: „Да, братцы! я видѣлъ себя сегодня въ зеркалѣ такимъ скверномъ, старымъ, страшнымъ, что просто испугался и скорѣе побрился“.

— Завидую тебѣ, прибавилъ онъ, обращаясь къ Роборовскому, какой ты здоровый.

Это замѣчаніе показалось нѣсколько страннымъ его спутникамъ и скоро они замѣтили, что ни одна квартира не нравилась Пржевальскому и онъ перемѣнилъ ихъ нѣсколько въ одинъ день. То была сыра и темна, то давили стѣны и потолокъ, даже и та, на которой онъ, наконецъ, остановился—его не удовлетворяла.

---

[1]) Запивка приготовлялась изъ чая съ сахаромъ и клюквеннымъ морсомъ. Холодное такое питье онъ любилъ больше всего и пилъ его очень много. На послѣднее путешествіе онъ купилъ 40 бутылокъ одного клюквеннаго экстракта Мартенса.

— Здѣсь, говорилъ онъ, тоже мрачно, гадко и выдти некуда, а по улицамъ шляться я не люблю. Стрѣлять (производить практическую стрѣльбу) съ казаками—ходить далеко и на дворѣ негдѣ будетъ размѣститься, когда придутъ вещи. Нѣтъ, надо посмотрѣть мѣсто за городомъ, ближе къ горамъ, тамъ поселимся въ юртахъ, по экспедиціонному. Тамъ и просторно и есть гдѣ вещи разложить, да и верблюды будутъ на глазахъ; пристрѣлка тутъ-же подъ-бокомъ, есть гдѣ прогуляться на свободѣ; можно на охоту сходить въ ущелье, можно даже облаву сдѣлать на козъ. Отсюда коза должна быть интересна—въ музеѣ нѣтъ.

Поручикъ Роборовскій съ казакомъ Телешовымъ ѣздили за городъ, чтобы выбрать мѣсто для бивуака, и нашли около устья Каракольскаго ущелья широкую площадку, съ рукавомъ прекрасной воды изъ р. Каракола. Она очень понравилась Николаю Михайловичу и онъ самъ указалъ, гдѣ разставить юрты, кухни, гдѣ сложить вещи и проч., но все это время находился въ мрачномъ расположеніи духа и какомъ-то раздражительномъ состояніи.

14-е октября было назначено для перехода на бивуакъ за городъ. Пржевальскій самъ приводилъ въ порядокъ бумаги, денежные разсчеты и далъ своимъ спутникамъ записочки, сколько ихъ денегъ находится у него на храненіи [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, переходя изъ города на бивуакъ, онъ написалъ приказъ по экспедиціонному отряду, въ которомъ перечислилъ поименно всѣхъ лицъ, въ него вошедшихъ, распредѣлилъ между ними должности и разные виды занятій во время путешествія и проч.

„Итакъ, писалъ онъ въ заключеніе, начинается наше путешествіе! Дѣло это будетъ трудное, за то и славное. Теперь мы на виду не только всей Россіи,

[1]) Всегда лишнія деньги Роборовскаго и Козлова хранились у Николая Михайловича, хотя онъ бралъ ихъ неохотно и ворчалъ: „что я за казначей, вѣдь и у меня могутъ украсть, такъ же какъ и у васъ, бойся за чужія деньги“. Тѣмъ не менѣе все-таки бралъ ихъ и хранилъ.

но даже цѣлаго свѣта. Покажемъ-же себя достойными такой завидной участи и сослужимъ для науки службу молодецкую.....

„Впереди, на цѣлые два года, насъ ждетъ непрерывный рядъ трудовъ, лишеній и опасностей, но помните, что смѣлымъ Богъ владѣетъ, и что за Богомъ молитва, а за Царемъ служба—не пропадаютъ".

Къ полудню 14-го октября, экспедиція перебралась на бивуакъ, а на слѣдующій день Николай Михайловичъ имѣлъ уже видъ больнаго человѣка и жаловался, что ему нездоровится. Пригласить доктора онъ не соглашался.

— Не въ первый разъ это, говорилъ онъ, и такъ пройдетъ.

Изъ юрты онъ выходилъ уже неохотно, отчасти и потому, что съ утра началась дурная погода: сначала шелъ дождь, а потомъ снѣгъ, покрывшій землю вершка на два. Николай Михайловичъ жаловался на погоду и говорилъ, что если-бы она была получше, то было-бы веселѣе. Весь день онъ провелъ въ юртѣ, въ полулежачемъ положеніи и самъ измѣрялъ свою температуру и отсчитывалъ свой пульсъ. У пріѣхавшаго навѣстить его штабсъ-капитана Хацитовскаго онъ спрашивалъ, часто-ли бываетъ тифъ въ Караколѣ, въ какихъ формахъ проявляется онъ и вообще долго разговаривалъ на эту тему.

„Въ ночь съ 15-го на 16-е число, говоритъ В. И. Роборовскій [1]), Николай Михайловичъ спалъ неспокойно; температура тѣла значительно повышалась, чувствовалъ себя онъ хуже, но выйдя изъ юрты и увидавъ на косогорѣ сидящаго чернаго грифа, не вытерпѣлъ и выстрѣлилъ въ него. Къ величайшему восторгу бывшихъ неподалеку киргизъ, грифъ покатился убитымъ. Притащили его къ юртѣ; Николай Михайловичъ разсматривалъ его, расправлялъ крылья и перья и любовался ими",

[1]) Въ своихъ воспоминаніяхъ.

На слѣдующее утро онъ почувствовалъ себя еще хуже и тогда согласился послать за докторомъ. В. И. Роборовскій немедленно поѣхалъ въ городъ и привезъ оттуда Ив. Ив. Крыжановскаго. Послѣдній нашелъ больнаго въ юртѣ, въ сидячемъ положеніи, въ мѣховой тужуркѣ, такъ какъ на дворѣ и въ юртѣ было порядочно холодно. Больной жаловался на боль подъ ложечкой, тошноту, рвоту, отсутствіе аппетита, жажду, боли въ ногахъ и затылкѣ и тяжесть въ головѣ. Докторъ тщательно осмотрѣлъ его и выслушалъ. При изслѣдованіи оказалось: цвѣтъ лица съ самымъ незначительнымъ желтоватымъ оттѣнкомъ; языкъ сухой, животъ очень большой и вздутый, толчки сердца и пульсъ слабые [1]).

Прописавъ лекарство, докторъ обѣщалъ заѣхать на слѣдующій день и хотя лекарство его оказало свое дѣйствіе, но къ утру положеніе больнаго улучшилось немного. Въ юртѣ было холодно, но топить ее Николай Михайловичъ не позволялъ, такъ какъ ему трудно было смотрѣть на мерцающій огонь, да кромѣ того пока разгораются дрова обыкновенно юрта наполняется дымомъ, который ѣстъ глаза, а когда дрова разгорятся, то дѣлается жарко.

Весь этотъ день больной ничего не ѣлъ, пилъ только чай съ клюквеннымъ экстрактомъ, немного дремалъ и изъ юрты не выходилъ.

Болѣзнь не поддавалась леченію и докторъ Крыжановскій предложилъ ему возвратиться въ городъ и помѣститься въ какомъ нибудь домѣ. Жизнь въ холодной юртѣ, постоянное нахожденіе въ мѣховой одеждѣ, лежаніе на кошмѣ и на землѣ—все это могло только ухудшить и безъ того тяжелое положеніе больнаго. Николай Михайловичъ соглашался переѣхать въ домъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы отыскали ему помѣщеніе внѣ города и притомъ такое, возлѣ котораго можно было бы расположить весь отрядъ, багажъ и вер-

[1]) Четыре дня у одра болѣзни Н. М Пржевальскаго. Записки доктора И. И. Крыжановскаго.

блюдовъ. Такимъ требованіямъ удовлетворялъ вполнѣ глазной баракъ каракольскаго лазарета. Это было кирпичное зданіе, сухое и теплое, съ хорошимъ поломъ и печкой. Стѣны были немедленно выбѣлены, полъ вымытъ и баракъ протопленъ съ открытыми окнами. На дворѣ было поставлено нѣсколько юртъ для В. И. Роборовскаго, П. К. Козлова и для людей отряда. Для верблюдовъ нашлось чистое ровное мѣсто, а для вещей хорошій дворъ. Все мѣсто обсажено ивой и орошалось нѣсколькими арыками, проведенными изъ р. Караколки.

Въ 9 часовъ утра 18 октября докторъ Крыжановскій получилъ записку съ верховымъ казакомъ, что у больнаго, съ 8 часовъ утра, идетъ носомъ кровь и не останавливается. Отправивъ съ тѣмъ же казакомъ записку что̀ предпринять до его пріѣзда, И. И. Крыжановскій заѣхалъ къ старшему врачу каракольскаго лазарета Барсову и вмѣстѣ съ нимъ отправился къ больному. Они нашли Николая Михайловича въ сильномъ пароксизмѣ лихорадки, за которымъ послѣдовалъ обильный потъ. Передъ наступленіемъ пота больной чувствовалъ себя очень скверно.

— Воздуху не хватаетъ, твердилъ онъ.

Лишь только сдѣлалось нѣсколько легче, какъ Николай Михайловичъ изъявилъ желаніе переѣхать въ баракъ. Ему надѣли шубу и валенки, посадили въ тарантасъ и шагомъ перевезли въ госпиталь. Новое помѣщеніе ему, повидимому, понравилось и возбудился нѣкоторый аппетитъ: онъ съѣлъ тарелку куринаго супа и выпилъ немного вина [1]).

Послѣ обѣда ему сдѣлалась опять хуже, появилось кровотеченіе носомъ и температура поднялась до 40,$_4$ градусовъ Цельзія. Находившійся при больномъ фельдшеръ показалъ Роборовскому глазами на термометръ.

---

[1]) Есть, впрочемъ, указаніе, что кромѣ супа онъ поѣлъ пельменей и котлетъ съ горошкомъ. См. Донесеніе Иссыкъ-кульскаго уѣзднаго начальника 24 октября 1888 г. Арх. глав. шт. по воен. учен. комитету, д. № 40.

— Сколько? спросилъ Николай Михайловичъ, слѣдившій за глазами фельдшера.

— Тридцать восемь съ небольшимъ, почти 39 отвѣчалъ фельдшеръ.

Больной приказалъ показать себѣ термометръ.

— Нѣтъ, сказалъ онъ,—порядочно выше.

Въ $12^1/_2$ часовъ ночи пришелъ докторъ и больной жаловался ему, что животъ давитъ ему грудь и не даетъ дышать. Его вытерли камфорнымъ спиртомъ; сталъ замѣчаться упадокъ силъ, больной дремалъ и изрѣдка бредилъ. Приходя въ сознаніе и видя себя окруженнымъ своими спутниками и людьми ему близкими, онъ говорилъ имъ совершенно твердымъ голосомъ о своей близкой смерти.

— Я нисколько не боюсь смерти, говорилъ онъ, и нѣсколько разъ стоялъ лицомъ къ лицу съ ней.

Замѣчая на глазахъ окружающихъ слезы, онъ называлъ ихъ *„бабами“*.

— Похороните меня, говорилъ онъ, непремѣнно на Иссыкъ-кулѣ, на берегу, но чтобы не размыло водою. Надпись просто: *„Путешественникъ Пржевальскій“*. Положить въ гробъ въ моей экспедиціонной одеждѣ; пожалуйста, докторъ, не анатомируйте меня. Ты (обращаясь къ Роборовскому) сними съ меня фотографію съ Ланкастеромъ. Ланкастеръ оставляю Роборовскому, Перде—Козлову. Слободу передаю Владиміру Михайловичу въ маіоратъ Володѣ, чтобы она не продавалась. Если Володя откажется, то дочери Евгенія Михайловича—Лёлѣ, въ ея родъ и тоже маіоратомъ. Кому она достанется, скажите, чтобы дали награду Ефиму Сергѣевичу [1]) въ 300 руб. Нефедку пристроить навсегда въ Слободѣ; книги мои: млекопитающихся—Бихнеру, птицъ—Плеске.

Прошло нѣсколько томительныхъ минутъ.

---

[1]) Денисову—управляющему имѣніемъ.

— Скажите, докторъ, скоро-ли я умру? спросилъ Николай Михайловичъ. Мнѣ надо многое передать. Вы меня не испугаете, если скажете правду; смерти я не боюсь нисколько.

Докторъ старался, конечно, успокоить больнаго.

— Ну, въ такомъ случаѣ я все скажу завтра, проговорилъ онъ, завтра пошлемъ и телеграммы.

Къ 8 часамъ утра 20-го октября ему стало совсѣмъ худо. Онъ бредилъ, лежалъ на правомъ боку, прикрывъ лицо рукою. По выраженію нижней части лица можно было думать, что онъ плакалъ. Потомъ вдругъ всталъ во весь ростъ и поддерживаемый присутствующими посмотрѣлъ кругомъ и сказалъ: „*ну, теперь я лягу*“.

Это были самыя послѣднія слова, которыя произнесли уже застывавшія уста.....

„Мы помогли лечь, говоритъ В. И. Роборовскій; лицо и руки стали желтѣть..... Нѣсколько учащенныхъ дыханій, затѣмъ два-три глубокихъ вздоха унесли навѣки безцѣнную жизнь человѣка, который для насъ, для отряда, былъ дороже всѣхъ людей“.

Растерявшіеся спутники и даже самъ докторъ бросились оттирать, но все было напрасно, и ровно въ 9 часовъ утра Николай Михайловичъ скончался. Всѣ окружающіе его плакали, лишаясь въ немъ не начальника, а истиннаго друга и попечительнаго отца.

Онъ вдругъ угасъ средь азіятской дали,—
Въ странѣ степей песчаныхъ, горныхъ грядъ,
Когда всю Русь собою занимали
Его трудовъ и странствій цѣлый рядъ [1]).

Казаки и солдаты рѣшили никого не допускать къ драгоцѣннымъ останкамъ покойника и необходимыя въ данномъ случаѣ приготовленія исполняли сами. Сами омыли бездыханный прахъ, одѣли въ походную

[1]) Памяти Н. М. Пржевальскаго. Стихотвор. И. Можайскаго. „Наблюдатель“ 1890 г. № 1.

экспедиціонную одежду и положили его въ переднемъ углу того-же барака.

Всѣ спутники сообща отправились искать мѣсто для могилы и по общему совѣту выбрали его въ 12 верстахъ отъ города, на крутомъ обрывистомъ берегу озера Иссыкъ-куля. По твердости грунта, могилу копали сами солдаты въ теченіе двухъ дней; два гроба: одинъ деревянный, а другой желѣзный приготовляли въ батареѣ и убирали ихъ матеріей и галунами. Мѣстныя дамы сдѣлали прекрасный вѣнокъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ и положили его на гробъ; солдатики сдѣлали огромный вѣнокъ и гирлянду изъ ели, родной ели, которую такъ любилъ покойный.

Два раза въ день служили панихиды, на которыя собиралось много народа, изъ числа знакомыхъ или просто уважавшихъ Николая Михайловича, какъ знаменитаго путешественника.

Такъ прошло до 26-го октября, когда около 8 часовъ вечера была получена телеграмма командующаго войсками округа, разрѣшавшая предать тѣло землѣ.

Въ $8^1/_2$ часовъ утра 27-го числа былъ назначенъ выносъ и къ этому времени передъ баракомъ выстроились: 5-й Западно-Сибирскій линейный баталіонъ съ хоромъ музыки и батарея артиллеріи; вмѣсто дрогъ для гроба былъ приспособленъ полевой лафетъ. Тяжесть гроба была такъ велика, что его едва донесли до лафета.

Послѣ обѣдни и отпѣванія, печальная процессія двинулась за городъ къ мѣсту погребенія. Провожавшихъ было очень много, и даже дамы всѣ 12 верстъ шли пѣшкомъ. На перекресткахъ дорогъ встрѣчались толпы киргизовъ, стоявшихъ безъ шапокъ. Всю дорогу пѣли пѣвчіе, смѣняемые хоромъ музыки. Стояла прекрасная погода, солнце глядѣло по лѣтнему и въ пальто идти было жарко.

„Возлѣ могилы, пишетъ Роборовскій, войска выстроились, зайдя впередъ и пропустили съ должною

почестью печальную процессію. Колесница-лафетъ сдѣлала заѣздъ къ могилѣ. Спутники-товарищи приняли съ нея послѣдній разъ на свои руки безцѣнный прахъ и понесли по покатости внизъ къ склепу. Залпы орудій и пѣхоты грозно разнесли грустную вѣсть далеко по озеру и окрестнымъ горамъ. Началась служба. Рыданіе путниковъ, бывшихъ тутъ многихъ сторонникъ людей и женщинъ возносились вмѣстѣ съ душевною мольбою ко Всевышнему, упокоить добрую душу усопшаго раба Николая“.....

Священникъ кончилъ, бросилъ горсть земли и на краю могилы сталъ сначала полковникъ Корольковъ, сказавшій теплое слово [1]), а потомъ докторъ И. Крыжановскій, говорившій сквозь слезы [2]) и заставившій плакать всѣхъ окружавшихъ могилу.

По окончаніи рѣчей, склепъ былъ задѣланъ, засыпанъ землей и на немъ водруженъ большой черный крестъ, убранный вѣнкомъ изъ цвѣтовъ и съ прибитою на немъ небольшою доскою. На ней Роборовскій написалъ: *„Путешественникъ Николай Михайловичъ Пржевальскій. Родился 1839 года марта 31. Скончался 1888 года октября 20-го.*

Задушевное желаніе покойнаго было исполнено: тѣло его осталось навсегда въ Азіи и могила его находится у подножія Небесныхъ горъ.

„Широко раскинулась вправо, говоритъ П. П. Семеновъ [3]), синяя поверхность необъятнаго къ западу озера. Впереди высится горная стѣна Небеснаго хребта, образующая вправо окраину озера, увѣнчанную непрерывнымъ рядомъ снѣжныхъ вершинъ. Чѣмъ далѣе къ западу, тѣмъ ближе прикасается этотъ бѣлоснѣжный вѣнецъ къ синей поверхности озера, а на его оконечности снѣжныя вершины кажутся какъ бы утопающими въ волнахъ Иссыкъ-куля.

---

[1]) См. приложеніе № 19.

[2]) См. приложеніе № 20.

[3]) „Памяти Н. М. Пржевальскаго“. Изданіе Имп. рус. геогр. общес., стр. 12.

„Этотъ величественный рядъ закутанныхъ въ бѣлоснѣжные саваны великановъ стоитъ на стражѣ дорогой намъ могилы, обозначая собою ту грань русской земли, за предѣлы которой нашъ славный путешественникъ дѣлалъ свои отважные набѣги въ почти невѣдомыя до него въ научномъ отношеніи страны. Изъ-за этой грани привозилъ онъ намъ богатую добычу планшетовъ, записей и естественно-историческихъ коллекцій. Несравненно дороже серебра и золота, которыя такъ бережливо тратилъ онъ на свои экспедиціи, была та добыча, такъ какъ она представляетъ собою тотъ драгоцѣнный матеріалъ, изъ котораго, впослѣдствіи, кропотливымъ трудомъ ученыхъ въ ихъ кабинетахъ постоянно достраивается и ремонтируется величественное общечеловѣческое зданіе науки.....

„Не бредомъ больнаго воображенія было послѣднее выраженное дорогимъ намъ усопшимъ желаніе быть похороненнымъ на берегахъ Иссыкъ-куля. Идея, связанная съ этимъ желаніемъ, не только глубокая, но и вполнѣ соотвѣтствующая русскому народному складу ума Николая Михайловича. Въ русскомъ народномъ творчествѣ сказочный русскій богатырь желаетъ быть похороненнымъ на перепутьи, какъ бы указывая своею могилою на дальнѣйшіе пути тѣмъ русскимъ богатырямъ, которые пойдутъ вслѣдъ за нимъ.

„Въ этомъ выражается глубокая и трогательная вѣра русскаго народнаго героя не только въ безсмертіе его идеи, но и въ неоскудѣніе русской земли такими же богатырями, какъ онъ“.

Блестящимъ метеоромъ мелькнула передъ нами жизнь чистая, поэтическая, мощная духомъ и тѣломъ, и канула въ вѣчность.....

Но оставленный ею на землѣ примѣръ горячей любви къ родинѣ, заботы о ея славѣ и могуществѣ и огромный запасъ научнаго наслѣдства—сдѣлаютъ имя Николая Михайловича Пржевальскаго безсмертнымъ.....

Добытые въ тѣхъ странствіяхъ трофеи,—
Что въ гробъ его довременно свели,—
Обогативъ отечества музеи,
Наукѣ дань обильно принесли.
Какъ богатырь, чуждаясь лѣни, барства,
Пытливостью, отвагою горя,
Изслѣдовалъ невѣдомыя царства
Во славу онъ—Россіи и Царя.

Въ воспоминаніяхъ современниковъ съ именемъ Пржевальскаго соединяется теплота сердечная, чистота душевная, отвага богатырская, восторженная любовь къ природѣ, родинѣ и къ высшему проявленію человѣческаго генія—наукѣ.....

Вскорѣ послѣ похоронъ начальникъ Каракольскаго мѣстнаго лазарета ходатайствовалъ:

1) Баракъ, въ которомъ скончался Николай Михайловичъ, наименовать баракомъ „Генералъ-маіора Пржевальскаго“ и сдѣлать надъ входомъ соотвѣтствующую надпись на черной доскѣ.

2) Заказать на экономическія суммы мѣдную доску съ надписью: „Здѣсь скончался генералъ-маіоръ Пржевальскій 20 октября 1888 года въ 9 часовъ утра“ и прибить ее на стѣнѣ противъ того мѣста, гдѣ умеръ Николай Михайловичъ.

3) Лазаретный образъ Спасителя, предъ которымъ происходило отпѣваніе тѣла, оставить навсегда въ баракѣ, и

4) Такъ какъ баракъ составляетъ собственность лазарета, то, не передавая его инженерному вѣдомству, оставить его на попеченіи лазаретной администраціи, чтобы „чины лазарета постоянными заботами о своевременномъ ремонтѣ могли сохранить зданіе для потомства“.

Нѣсколько времени спустя, и именно въ февралѣ 1889 года, командующій войсками Омскаго военнаго округа, генералъ отъ инфантеріи Колпаковскій, принимая во вниманіе желаніе многихъ лицъ, высоко цѣ-

нящихъ заслуги покойнаго, ходатайствовалъ о наименованіи города Каракола именемъ Пржевальскаго, для увѣковѣченія его памяти въ Средней Азіи. „Городъ Караколъ, писалъ Герасимъ Алексѣевичъ Колпаковскій [1]), не имѣетъ своей исторіи: онъ возникъ въ 1868 г. на мѣстности пустынной, которая изрѣдка покрывалась юртами кочующихъ кара-киргизовъ, пригонявшихъ сюда, для пастьбы, свои стада. Названъ же Караколомъ по имени горной рѣчки, берущей начало изъ южнаго Алатау и впадающей въ озеро Иссыкъ-куль, вблизи котораго и погребенъ генералъ-маіоръ Пржевальскій.

„Имя города Каракола тѣсно связано съ памятью о знаменитомъ путешественникѣ. Изъ этого города онъ отправился на озеро Лобъ-норъ; по возвращеніи изъ четвертаго своего путешествія, городъ Караколъ былъ первымъ населеннымъ пунктомъ, гдѣ генералъ Пржевальскій вступилъ на родную землю, встрѣтилъ радушный пріемъ и въ продолженіе нѣкотораго времени готовился къ отъѣзду въ С.-Петербургъ и къ отправленію туда же богатыхъ коллекцій. Наконецъ, Караколъ избранъ былъ исходнымъ пунктомъ для новой экспедиціи въ Тибетъ, которой не суждено было осуществиться по случаю преждевременной кончины начальника экспедиціи, послѣдовавшей все въ томъ же Караколѣ“.

Имѣя въ виду, что въ нашихъ азіятскихъ владѣніяхъ есть много городовъ, поселеній и урочищъ, носящихъ имена выдающихся дѣятелей и лицъ, служившихъ на окраинахъ [2]), военный министръ генералъ-адъютантъ П. С. Ванновскій призналъ возможнымъ повергнуть на высочайшее благоусмотрѣніе ходатайство генерала Колпаковскаго.

11 марта 1889 года Государь Императоръ соизволилъ на переименованіе г. Каракола Семирѣченской области

[1]) Въ письмѣ начальнику главнаго штаба 8 февр. 1889. г., № 29.

[2]) Такъ, напримѣръ: Ермаковка, Албазинъ, Корсаковка, Анучина, Лазарева, Колпаковское, заливъ Посьета, бухта Лазарева, заливъ Муравьевъ-Амурскій и проч.

Фотопечать Л. Классенъ. С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7–9

въ городъ Пржевальскъ, и на присвоеніе имени Николая Михайловича тому бараку, въ которомъ онъ скончался.

Милости Царя распространились и на родственниковъ Николая Михайловича. Государю Императору благоугодно было пожаловать тремъ племянницамъ Пржевальскаго, дѣвицамъ Еленѣ, Софьѣ и Натальи Пыльцовымъ, по 400 рублей каждой ежегодно до выхода ихъ замужъ.

На всеподданнѣйшей запискѣ, при которой была представлена Государю Императору телеграмма о похоронахъ Пржевальскаго, военный министръ написалъ: „составить соображеніе о сооруженіи памятника на казенный счетъ". Вслѣдствіе этого начальство Омскаго военнаго округа представило проектъ памятника, состоящаго изъ пирамиды въ 15 саженъ высотою. Одновременно съ этимъ, товарищъ и другъ покойнаго, генералъ-маіоръ А. А. Бильдерлингъ, представилъ свой рисунокъ памятника, удостоившійся 21-го января 1889 года особой похвалы Его Величества и Высочайшаго утвержденія.

Памятникъ (рисунокъ котораго при семъ прилагается) изображаетъ скалу, сложенную изъ большихъ глыбъ мѣстнаго камня, на гидравлическомъ цементѣ.

На вершинѣ скалы большой бронзовый орелъ,—выраженіе ума, силы и безстрашія. Подъ когтями орла карта Азіи, на бронзовомъ листѣ; въ клювѣ оливковая вѣтка—эмблема мирныхъ завоеваній науки. На лицевой сторонѣ скалы бронзовый крестъ, подъ нимъ надпись, высѣченная на камнѣ: „*Николай Михайловичъ Пржевальскій*", мѣсяцъ, число, годъ рожденія и кончины.

Подъ надписью, въ срединѣ скалы, вставлена бронзовая медаль (въ увеличенномъ видѣ), выбитая Императорскою Академіею наукъ. На медалѣ изображенъ Пржевальскій, а подъ нею высѣчена въ камнѣ надпись, помѣщенная на оборотной сторонѣ медали: „*Первому изслѣдователю природы Центральной Азіи*" [1]).

---

[1]) По проекту высота всего памятника около 4-хъ саженъ; орелъ въ два раза больше натуральной величины, въ размахахъ крыльевъ около $1^1/_2$ сажени. Медаль въ діаметрѣ около 2-хъ аршинъ. Скала должна быть

Вѣсть о рановременной кончинѣ Николая Михайловича вызвала всеобщее сожалѣніе какъ въ Россіи, такъ и среди европейскихъ ученыхъ обществъ.

С.-Петербургская городская Дума постановила: 1) выразить брату покойнаго глубочайшее чувство соболѣзнованія о такой тяжелой утратѣ; 2) поставить въ первой городской читальнѣ поясной портретъ Николая Михайловича; 3) наименовать два изъ вновь предполагаемыхъ къ открытію въ 1889 г. городскихъ училищъ именемъ Н. М. Пржевальскаго и 4) въ ближайшемъ засѣданіи Императорскаго русскаго географическаго общества выразить, черезъ посредство городскаго головы, глубокое сочувствіе къ тяжкой потерѣ, понесенной обществомъ, лишившимся въ лицѣ Н. М. Пржевальскаго одного изъ знаменитыхъ русскихъ путешественниковъ, труды и открытія котораго пріобрѣли всемірную извѣстность.

Со своей стороны Императорское Русское географическое общество испросило Высочайшее разрѣшеніе на открытіе въ Имперіи всеобщей подписки на образованіе капитала и учрежденіе преміи и медали имени Пржевальскаго [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ обществѣ возникла мысль о постановкѣ бюста Пржевальскаго въ скверѣ у Чернышева моста, противъ оконъ помѣщенія общества. Проектъ памятника принадлежитъ А. А. Бильдерлингу, ближайшему товарищу покойнаго [2]).

Въ засѣданіи 23-го октября (3-го ноября) 1888 года Берлинскаго общества землевѣдѣнія, предсѣдатель

сложена на мѣстѣ по модели, вылѣпленной академикомъ Шредеромъ въ Петербургѣ. Крестъ не помѣщенъ на верху, а вставленъ въ боковую поверхность скалы, дабы отъ времени онъ не могъ покоситься, тѣмъ болѣе, на мѣстности, подверженной землетрясеніямъ. Вся скала сложеная на гидравлическомъ цементѣ, каменѣющемъ на воздухѣ, представляетъ простое, прочное сооруженіе, не подвергающееся порчѣ и измѣненіямъ отъ времени.

[1]) До 1 февраля поступило восемь съ половиною тысячъ.

[2]) Проектированный памятникъ состоитъ изъ бюста удвоеннаго размѣра на красивомъ пьедесталѣ, у подножія котораго положенъ въ натуральную величину верблюдъ, навьюченный коллекціями.

баронъ Рихтгофенъ, сообщая печальное извѣстіе о кончинѣ Николая Михайловича, указалъ на чрезвычайныя заслуги покойнаго по изслѣдованію Центральной Азіи, „въ которой онъ съ необыкновенною настойчивостію и энергіею совершилъ рядъ путешествій, увѣнчавшихся блестящими результатами“. По словамъ барона Рихтгофена, заслуги Пржевальскаго приняли размѣры, заслуживающіе крайняго удивленія. „То что Стэнлей сдѣлалъ для Африки, Пржевальскій сдѣлалъ для Центральной Азіи, сказалъ Рихтгофенъ. Преждевременная его кончина возбуждаетъ въ членахъ общества землевѣдѣнія самую глубокую скорбь, выраженную въ некрологѣ, помѣщенномъ въ Запискахъ общества“ [1]).

Некрологъ этотъ принадлежитъ Ф. Марте (F. Marthe). „Современемъ вторую половину текущаго столѣтія, говоритъ авторъ, назовутъ великою эпохою географическихъ открытій. За истекшее десятилѣтіе во всѣхъ частяхъ свѣта, болѣе или менѣе обширныя пространства получили новое освѣщеніе и въ этомъ великомъ дѣлѣ приняли участіе всѣ народы Европы. Россія также не отстала отъ другихъ. Для нея полемъ славы и трудовъ была, какъ и не могло быть иначе, Азія, гдѣ географическія и политическія побѣды, то шли рядомъ, то слѣдовали другъ за другомъ. Но изъ русскихъ изслѣдователей, число коихъ за послѣднія тридцать лѣтъ быстро росло, рѣзко выдѣляется Пржевальскій“.

Во всѣхъ заграничныхъ отчетахъ объ ученой дѣятельности Николая Михайловича ему вмѣняется въ особую заслугу: 1) обширность раіона изслѣдованій, 2) богатство открытій, наблюденій и коллекцій, привезенныхъ изъ путешествій и 3) быстрота, съ которою онъ знакомилъ ученый міръ съ результатами своихъ путешествій, описанныхъ въ объемистыхъ сочиненіяхъ.

Говоря, что весь ученый міръ, интересующійся географіею, „горько оплакиваетъ кончину этого мужа“,

[1]) Verhandlungen der Gesellschaft fur Erdkunde zu Berlin. Band. XV, № 9. Sitzung vom 3 November 1888 г., стр. 426, 455—462.

г. Марте прибавляетъ, что обработка собранныхъ Пржевальскимъ матеріаловъ долго еще будетъ занимать многихъ ученыхъ спеціалистовъ, и лишь тогда „представится возможность подвести итогъ дѣятельности этого человѣка, которая представится феноменальною“.

Въ засѣданіи Парижскаго географическаго общества 4 (16) ноября 1888 г. нашъ соотечественникъ М. И. Венюковъ сообщилъ о кончинѣ Н. М. Пржевальскаго и прочиталъ краткій и прекрасно составленный некрологъ. По окончаніи чтенія предсѣдатель заявилъ, что все общество присоединяется къ одинодушной скорби, вызванной во всемъ ученомъ мірѣ смертью самаго смѣлаго изъ новѣйшихъ русскихъ путешественниковъ. Къ этому пресѣдатель прибавилъ, что тотчасъ по полученіи печальнаго извѣстія центральная коммиссія поспѣшила выразить отъ имени всѣхъ членовъ общества свое соболѣзнованіе Августѣйшему предсѣдателю Императорскаго русскаго географическаго общества Великому Князю Константину Николаевичу.

Венгерское и другія иностранныя общества также выразили сожалѣніе о кончинѣ Николая Михайловича, посвятивъ его памяти отдѣльныя засѣданія.

XVI.

Научные результаты путешествій Н. М. Пржевальскаго.—Его географическія открытія [1])—Этнографическія данныя.—Значеніе собранныхъ коллекцій зоологическихъ и ботаническихъ.—Астрономическія, метеорологическія и климатологическія наблюденія.

Н. М. Пржевальскій принадлежалъ къ числу немногихъ и счастливыхъ людей, ученая дѣятельность котораго рано и при его жизни была оцѣнена какъ въ своемъ отечествѣ, такъ и за границею. Послѣ появленія перваго его труда: „Путешествіе въ Уссурійскомъ краѣ въ 1867—1869 гг.“, онъ встрѣтилъ полное сочувствіе среди членовъ нашего географическаго общества и покровительство въ лицѣ бывшаго военнаго министра графа Д. А. Милютина. Съ появленіемъ въ 1875—1876 гг. труда: „Монголія и страна тангутовъ“, Пржевальскій пріобрѣлъ себѣ европейскую извѣстность и слава его росла съ выходомъ каждаго новаго сочиненія. Его книги переводились на иностранные языки, ему присуждались высшія награды нашихъ и заграничныхъ ученыхъ обществъ [2]). Въ чемъ же заслуга

---

[1]) Обзоръ географическихъ открытій сдѣланныхъ Николаемъ Михайловичемъ составленъ барономъ А. Е. Тизенгаузеномъ. При чтеніи этой главы см. прилагаемую при семъ карту.

[2]) Николай Михайловичъ былъ: 1) докторомъ зоологіи Имп. Московскаго университета; почетнымъ членомъ: 2) Имп. Академіи наукъ, 3) Имп. Русскаго Географическаго общества, 4) Имп. С.-Петербургскаго университета, 5) Имп. ботаническаго сада, 6) Общества любителей естествознанія и антропологіи при Московскомъ университетѣ, 7) С.-Петербургскаго общества естествоиспытателей, 8) Уральскаго общества любителей естествознанія, 9) Московскаго общества сельскаго хозяйства, 10) Имп. общества садоводства, 11) Общества любителей правильной охоты; географическихъ обществъ: 12) Парижскаго, 13) Берлинскаго, 14) Вѣнскаго, 15) Венгерскаго, 16) Итальянскаго, 17) Голландскаго, 18) Франкфуртскаго, 19) Лейпцигскаго, 20) Дрезденскаго и 21) Сѣв.-Китайскаго отдѣленія королев. Азіятскаго обще-

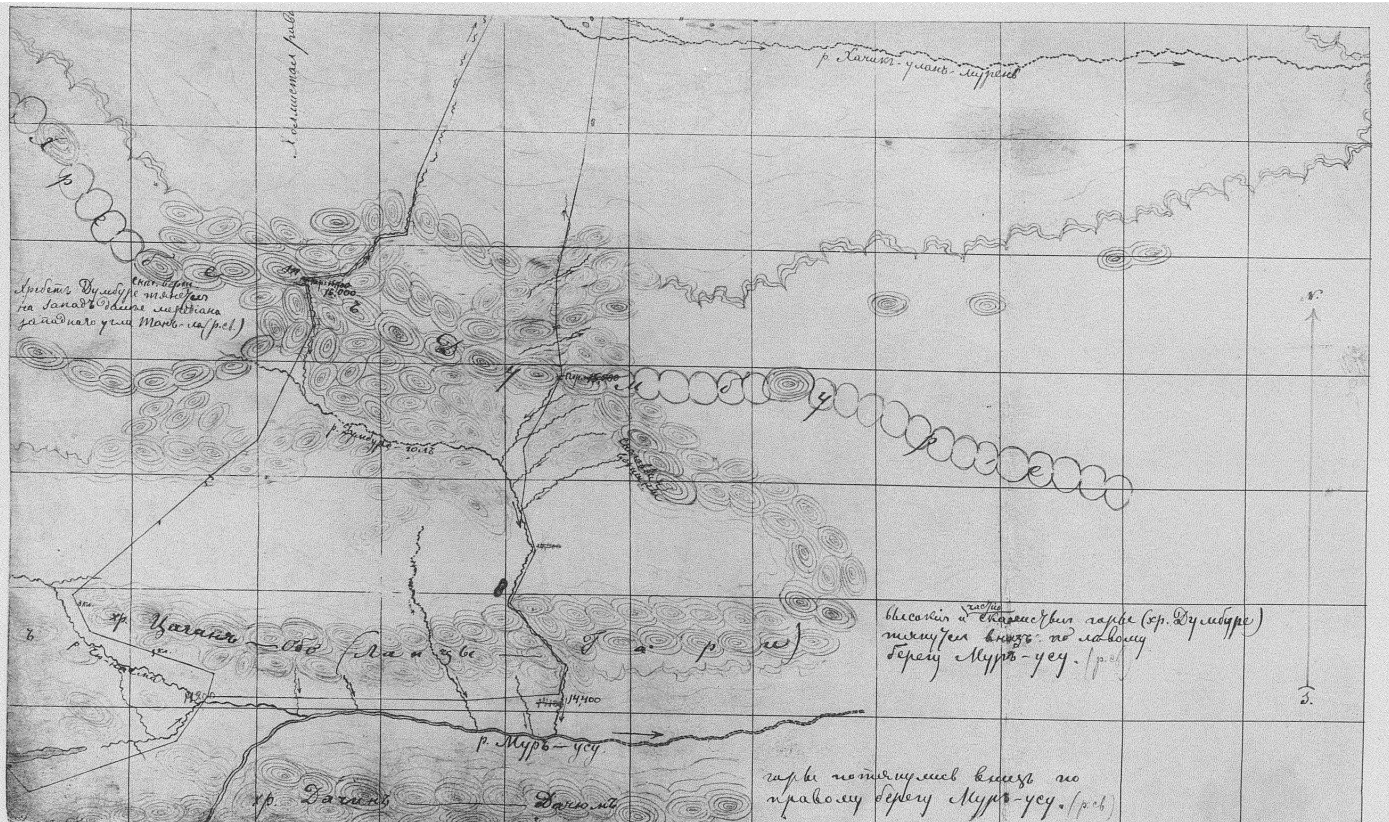
Пржевальскаго? Чѣмъ замѣчательны его путешествія и что̀ дали они ученому міру?

„Самымъ жизненнымъ вопросомъ“ всѣхъ экспедицій Н. М. Пржевальскаго было, по собственнымъ его словамъ, строго научныя изслѣдованія. Эти изслѣдованія, начиная съ Уссурійскаго путешествія, производились имъ постоянно, по одной и той-же программѣ и состояли изъ военно-глазомѣрной съемки, астрономическаго опредѣленія широтъ (въ четвертомъ путешествіи и долготъ) главнѣйшихъ пунктовъ, барометрическихъ опредѣленій высотъ, метеорологическихъ и спеціальныхъ наблюденій надъ млекопитающими и птицами, собиранія этнографическихъ данныхъ и коллекцій зоологическихъ, ботаническихъ и отчасти геологическихъ. Кромѣ того, изъ третьяго путешествія Николай Михайловичъ привезъ собраніе рисунковъ—видовъ, а изъ послѣдняго—фотографическихъ снимковъ интереснѣйшихъ видовъ и типовъ туземнаго населенія.

Посвятивъ себя всецѣло изученію Центральной Азіи и ея природы, Николай Михайловичъ провелъ въ ней въ общей сложности 9 лѣтъ 2 мѣсяца и 27 дней, прошелъ 29.585 верстъ (а включая его путешествіе по Уссурійскому краю—31.185 верстъ); для достиженія успѣха въ научныхъ изслѣдованіяхъ, онъ напрягалъ всю свою энергію и не останавливался передъ весьма крупными препятствіями, созданными обстоятельствами, суровою природою и людьми. Въ самомъ началѣ своей ученой дѣятельности, онъ былъ

ства, 22) дѣйствительнымъ членомъ Германской Академіи естественныхъ и медицинскихъ наукъ въ Галлѣ и 23) Шведскаго антропологическаго и географическаго общества и 24) сотрудникомъ французскаго министерства народнаго просвѣщенія.

Ему были присуждены слѣдующія золотыя медали: 1) именная Имп. Академіи наукъ съ его изображеніемъ и надписью: „Первому изслѣдователю природы Центральной Азіи, 2) Константиновская (и малая серебряная), Имп. Русскаго Географическаго общества, 3) медаль Гумбольдта берлинскаго общества землевѣдѣнія, географическихъ обществъ: 4) Лондонскаго, 5) Парижскаго и 6) Итальянскаго, 7) медаль Веги Шведскаго антропологическаго и географическаго общества и 8) Французская Palme d'Academie.



МАРШРУТНО ГЛАЗОМѢРНАЯ СЪЕМКА ТИБЕТСКОЙ ЭКСПЕДИЦІИ (III. ПУТЕШЕСТВІЕ) № 14.

Фототипія В. Клавсенъ. С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7–9

поставленъ въ крайне трудное положеніе и по недостатку матеріальныхъ средствъ, тратилъ собственныя деньги, но не отступилъ отъ предначертаннаго плана. Ни обширныя безводныя пустыни, ни снѣгомъ заваленные хребты высочайшихъ горъ, ни стужа съ снѣжными мятелями, ни зной съ продолжительными и непрерывными дождями, ни дунганское возстаніе и нападеніе разбойниковъ, ни, наконецъ, недоброжелательство китайскихъ властей—ничто не могло противопоставить преградъ смѣлому путешественнику, преданному наукѣ до самозабвенія. Повсюду онъ шелъ смѣло, настойчиво, безостановочно, съ маленькою записною книжкою въ рукахъ, въ которую заносилъ все заслуживающее вниманія и съ бусолью Шмалькальдера, въ помощь которой имѣлся карманный компасъ, для съемки. Въ населенныхъ мѣстностяхъ ее приходилось производить секретно, чтобы не подать поводовъ къ толкамъ и подозрѣніямъ; въ горахъ-же и степяхъ можно было дѣлать это и открыто.

„Засѣчки дѣлались держа бусоль въ обѣихъ рукахъ на уровнѣ глазъ; засѣкались направленія путей и важные боковые предметы; второстепенныя засѣчки нерѣдко производились компасомъ, не слѣзая съ коня. Разстоянія въ пути измѣрялись часами по ходу верблюда; въ гористыхъ мѣстахъ на глазъ. Всѣ данныя записывались въ карманную книжку, а по приходѣ на мѣсто они переносились на чистый планшетъ и составлялся дневникъ“ [1]).

---

[1]) Четвертое путешествіе, стр. 59. Въ видѣ образчика съемки, къ настоящему изданію приложена фототипія, снятая съ 14 листа съемки тибетской экспедиціи III путешествія; масштабъ 10 верстъ въ дюймѣ.

Для дневниковъ употреблялись толстыя переплетеныя тетради въ $^1/_4$ листа; такихъ дневниковъ Н. М. оставилъ 18, изъ коихъ 4 обнимаютъ путешествіе въ Уссурійскій край, 4—первое путешествіе въ Центральную Азію, 2—второе, 3—третье и 4—четвертое. Послѣдній дневникъ начатъ 24 августа 1888 года, въ день отъѣзда изъ Москвы, и законченъ въ Пишпекѣ 4—5 октября, за 15 дней до кончины.

Дневники эти подраздѣлены на слѣдующіе отдѣлы: общій дневникъ; метеорологическія наблюденія; отдѣльные списки собраннымъ птицамъ, яйцамъ, млекопитающимъ, молюскамъ, растеніямъ, горнымъ породамъ и

При подобныхъ условіяхъ детальное изображеніе мѣстности было невозможно; да оно и не нужно, потому что географическая съемка должна выражать лишь общій характеръ мѣстности, захватывая возможно бо̀льшій раіонъ. Съемки Николая Михайловича отличались необыкновенною точностью, въ чемъ мы и имѣемъ полное доказательство. Полковникъ А. А. Большевъ [1]), черезъ руки котораго прошелъ весь картографическій матеріалъ, доставленный Пржевальскимъ, говоритъ о немъ слѣдующее: [2]).

„Когда были вычислены и нанесены на карту широты, опредѣленныя нашимъ путешественникомъ, на пути изъ Кяхты черезъ Ургу и далѣе въ Алашань, мы получили возможность провѣрить разстоянія между пунктами, указанныя брульонами маршрутной съемки, и результаты провѣрки привели къ полному согласію координатъ широтъ къ линейнымъ протяженіямъ между предметами“.

Въ той же запискѣ А. А. Большевъ приводитъ примѣръ рѣдкой способности Николая Михайловича необыкновенно точно описывать пройденныя имъ мѣстности. Опираясь на этомъ, А. А. Большевъ, при составленіи стоверстной карты Азіи, за неимѣніемъ маршрутной съемки IV путешествія, воспользовался текстомъ писемъ Пржевальскаго къ Государю Наслѣднику Цесаревичу. По возвращеніи-же Николая Михайловича изъ экспедиціи, когда маршрутъ его былъ проложенъ по вычисленнымъ астрономически координатамъ, то разница между первоначальной работой и

пр. и замѣтки общія, этнографическія, политическія, для главы „наставленіе“ (какъ путешествовать). По этимъ дневникамъ написаны всѣ сочиненія Пржевальскаго.

Кромѣ дневниковъ, онъ имѣлъ особую книжечку въ $^1/_8$ долю листа для записыванія астрономическихъ наблюденій и велъ отдѣльный дневникъ по зоологическимъ изслѣдованіямъ. Въ послѣднихъ книгахъ полулистоваго формата, каждому виду животныхъ было отведено соотвѣтствующее число страницъ, которыя пополнялись съ каждою новою экспедиціею.

[1]) Полковникъ Большевъ состоитъ редакторомъ азіятскихъ картъ, издаваемыхъ военно-топографическимъ отдѣломъ главнаго штаба.

[2]) Записка А. А. Большева.

1. Определение долготы покрытием звезды Луною

Рукав Тарелка двинул западного края об. Лав-пара. 7/19 Февраля 1885 года около 6½ час. вечера по среднему времени (через посредство) наблюдения луны и звезды каждый определивших без трубы

Время покр. 1-го края звезды по хрон. № 75 = 6.27.57.0 (по часам)

Хронометр { № 74 = 6,47,0 / № 75 = 6,45,58,0 } -1,2,0

Измерили при звезде Лебедя с 27 прикосновениями диск Величиною в пятую звезду.

2. Определение широты. Наблюдения Рукав Тарелка двиг. зер. Лебедя.

Хронометр { № 74 = 11,45,0 / № 75 = 11,43,43,5 } -1,16,5.

Край Малеина покр. № 75 — Кругом 1 кон. 2 кон.

Круг Востоко

Восход	11ч. 47'. 11".	+10	-6.3	50°. 2'. 0"	230°. 3'. 0"
верхн.	49.14.9	+9	-7.3	0.40	1.40
верхн.	51.32.	+8.3	-8.	0.0	1. 0
низкн.	52.27.8	+8.	-8.3	49. 26.40	229. 27.40
низкн.	54.30.9	+9.2	-8	26.20	27.20
низкн.	56.40.0	+9	-7.3	~~25.20~~ 25.40	27. 0

Край Малеина покр. № 75 — Кругом 1 кон. 2 кон.

Круг Запад

низкн.	11.59.26.3	+10	-6.3	310°. 45.40	130°. 46'. 40"
низкн.	12.1.33.8	+9.2	-7	45.20	46.40
низкн.	4.2.5	+9.7	-6.5	44. 0	45.20
верхн.	5.250	+10	-6.3	11.20	12.20
верхн.	7.29.7	+9.2	-7	10. 0	11.20
верхн.	9.340	+9	-7.3	9.0	10. 0

Хронометр { № 74 = 12, 13, 0 / № 75 = 12, 11, 43,5 } -1,16,5

Барометр = 704,5 (-0,2 С)

Темп. Фарфора = +1,9 С

Во время последней обсерватории Луна наклонялась к западу, а когда наблюдали звезды, Луна была уже за трубой. Небо хорошо видно.

Фототипія В. Киселя, С. Петербургъ, Кабинетская лин. № 7. 2

точною постановкою предметовъ по астрономическимъ пунктамъ оказалась самою ничтожною.

Для астрономическаго опредѣленія географическаго положенія главнѣйшихъ точекъ, въ которыхъ Николаю Михайловичу случалось останавливаться болѣе продолжительное время, онъ пользовался малымъ универсальнымъ инструментомъ Бауера, весьма удобнымъ для путешествій. Кругъ этого инструмента [1]) имѣлъ діаметръ около 3 дюймовъ, точность ноніусовъ была въ 20 секундъ, труба имѣла объективъ около $^3/_4$ дюйма и увеличивала приблизительно въ 15 разъ. Для опредѣленія времени, за нѣсколько часовъ до или послѣ полудня, измѣрялись высоты верхняго и нижняго краевъ солнца, причемъ оба края наблюдались одинаковое число разъ въ различныхъ положеніяхъ инструмента при кругѣ вправо и влѣво.

Для опредѣленія широтъ, Николай Михайловичъ наблюдалъ солнце около полудня, а обыкновенно также и полярную звѣзду, причемъ въ обоихъ случаяхъ производились 12 наблюденій. При каждомъ наблюденіи сперва записывалось показаніе хронометра, потомъ отсчетъ по уровню и оба ноніуса.

Барометръ и термометръ отсчитывались непосредственно до или послѣ астрономическихъ наблюденій. По свидѣтельству профессора К. В. Шарнгорста, въ работахъ Пржевальскаго, по согласію широтъ, выведенныхъ изъ наблюденій солнца и полярной звѣзды, можно допустить въ широтахъ погрѣшности не болѣе $^1/_4$ минуты. Точность опредѣленія времени оцѣнивается въ ± 2 секунды.

Всего Н. М. опредѣлилъ въ Центральной Азіи положеніе 63 точекъ. Въ послѣднее его путешествіе въ Тибетъ, имъ опредѣлена и долгота 6 точекъ [2]) изъ

[1]) Записка генералъ-маіора К. В. Шарнгорста 1888 г.

[2]) На приложенномъ листѣ фотографированы изъ записной книги Н. М. страницы, на которыхъ записаны результаты опредѣленій долготы и широты, по наблюденіямъ, произведеннымъ на Таримѣ 7/19 и 10/22 февраля 1885 года.

покрытія звѣздъ луною; наблюденія эти повторялись въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и дали очень согласные между собою результаты.

Имѣвшимися у путешественника 2—3 карманными хронометрами, онъ не могъ пользоваться для опредѣленія долготъ, вслѣдствіе продолжительности путешествія и отсутствія по пути хорошо извѣстныхъ точекъ, необходимыхъ для вывода долготъ, изъ перевозки хронометровъ.

Многочисленныя барометрическія наблюденія Пржевальскаго послужили къ опредѣленію высотъ около 300 пунктовъ Центральной Азіи. Они вычислялись относительно ближайшихъ метеорологическихъ станцій въ Пекинѣ, Иркутскѣ, Барнаулѣ и Ташкентѣ, причемъ принимались во вниманіе и изобары [1]).

Вообще географическая наука ему обязана очень многимъ и Пржевальскій одинъ исполнилъ то, на что обыкновенно требуются усилія десятковъ ученыхъ. Въ иностранныхъ отзывахъ о трудахъ Николая Михайловича, его называютъ „геніальнымъ путешественникомъ“, ему отводятъ первое мѣсто не только среди русскихъ, но и среди всѣхъ иностранныхъ современныхъ путешественниковъ. Про него говорятъ, что имъ сдѣлано для Азіи болѣе, чѣмъ сдѣлали для Африки Стэнли, Ливингстонъ и Бартъ.

Джозефъ Гукеръ, спутникъ капитана Росса и извѣстный изслѣдователь флоры Гималая, сравнивая Николая Михайловича съ только-что названными тремя путешественниками, говоритъ слѣдующее: „Стэнли и Ливингстонъ были отважнѣйшими піонерами, но они только съумѣли проложить на картѣ пройденный путь; для изученія же природы ими ничего не сдѣлано, а послѣ знаменитаго Барта пришлось даже посылать

---

[1]) Коснувшись астрономическихъ работъ Николая Михайловича, нельзя не упомянуть объ осторожности, съ которою онъ обращался съ инструментами во время всѣхъ экспедицій. Большинство инструментовъ совершили съ нимъ всѣ путешествія и служатъ нынѣ его преемнику, М. В. Пѣвцову.

особаго человѣка, чтобы нанести его маршрутъ на карту; одинъ Пржевальскій соединилъ въ своемъ лицѣ отважнаго путешественника съ географомъ и натуралистомъ“ [1]).

Первое путешествіе Николая Михайловича по Южно-Уссурійскому краю значительно обогатило наши свѣдѣнія объ этой, тогда мало изслѣдованной, странѣ. Наиболѣе труда и времени путешественникъ посвятилъ осмотру верховьевъ Уссури, бассейна озера Ханка, южной части хребта Сихота-алинь и прибрежья Японскаго моря отъ залива Америка до 44° сѣверной широты.

Верхнее теченіе Уссури, выше впаденія р.р. Има и Муреня, изображено имъ обширною луговою равниною. Озеро Ханка, по изысканіямъ Николая Михайловича, получило новое, болѣе округленное, очертаніе; имъ-же опредѣлены древніе его берега, сохранившіеся въ видѣ параллельныхъ уваловъ, которые сопровождаютъ озеро съ восточной и сѣверной сторонъ. Озеро Ханка занимало прежде всю площадь окружающихъ его нынѣ болотъ; открытые Пржевальскимъ увалы образовались вслѣдствіе господства западныхъ и юго-западныхъ вѣтровъ, набрасывающихъ на противоположный край озера массы песку и другихъ наносовъ.

Доказательствомъ продолжающейся геологической работы, по уменьшенію бассейна озера Ханка, служитъ расположенное на сѣверной его оконечности малое озеро, теперь уже отдѣленное пересыпью въ нѣсколько саженъ ширины. Параллельный Японскому морю хребетъ Сихота-алинь Пржевальскій пересѣкъ два раза и далъ возможность нанести на карту восточный его склонъ, упирающійся въ море, по прибрежью котораго онъ произвелъ съемку отъ бухты Находка до устья р. Тазуши.

По статистикѣ края, Николай Михайловичъ далъ перепись русскаго населенія, съ подробнымъ описа-

[1]) „Памяти Н. М. Пржевальскаго“. издан географ. общества, стр. 45.

ніемъ его экономическаго положенія и интересный этнографическій очеркъ мѣстныхъ инородцевъ.

Эти результаты совершенно блѣднѣютъ передъ великими открытіями, сдѣланными Н. М. въ Центральной Азіи. Онъ выбралъ эту часть свѣта потому, что она представляетъ наиболѣе интереса для Россіи и возможность проникнуть изъ Забайкалья и Степного генералъ-губернаторства въ такіе непочатые углы, куда трудно добраться иностраннымъ ученымъ, отправляющимся изъ Индіи или Собственнаго Китая. Въ верхнюю Азію его манили именно тѣ недоступныя мѣстности, куда еще не ступала нога европейца.

Работы его предшественниковъ, капитальные труды Гумбольдта и Риттера и карты 60-хъ годовъ, составленныя преимущественно по китайскимъ источникамъ, доставили Пржевальскому лишь канву, на которую онъ нанесъ все лично имъ осмотрѣнное. И только тогда, когда мастерскими описаніями своихъ путешествій Николай Михайловичъ познакомилъ ученый міръ съ Центральною Азіею, она предстала въ совершенно иномъ видѣ: появились новые неизвѣстные хребты горъ и измѣнилось относительное положеніе многихъ пунктовъ. До путешествій Пржевальскаго въ Центральной Азіи не было ни одного астрономически опредѣленнаго пункта, мало точныхъ маршрутовъ и ученыхъ изслѣдованій. Для географіи, фауны и флоры этой части свѣта открылась новая эра съ появленіемъ сочиненій Пржевальскаго, при чтеніи которыхъ, по мѣткому выраженію г. Марте [1]), ученые „испытывали чувство, производимое на человѣка переходомъ изъ темной комнаты на яркій солнечный свѣтъ“.

Изслѣдованія Пржевальскаго распространились на огромную площадь отъ Памира до Бол. Хингана, длиною въ 4,000 верстъ (отъ 48 до 87° долготы) и шириною свыше 1,000 верстъ (между 32 и 48° сѣв. широты). Они обнимаютъ всю Великую Гоби отъ озера Далай-

[1]) Verhandlung der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin. Band XV. № 9. 1888 г., стр. 455—462.

нора до г. Аксу съ врѣзывающимися въ нее Алтаемъ и Тянь-шанемъ и хребты, окаймляющіе съ юга это обширное поднятіе, а также высочайшее въ мірѣ нагорье Тибета.

Великая Гоби далеко не вездѣ представляетъ равнину, напротивъ во многихъ мѣстахъ она изрѣзана хребтами или грядами холмовъ. Пустыня почти по срединѣ, а именно у оконечности Тянь-шаня и западной окраины Ала-шаня, съуживается до 450 верстъ. Въ этомъ мѣстѣ проходитъ дорога, связывающая Притянь-шанскіе оазисы съ провинціею Гань-су, и Гоби теряетъ свой непривѣтливый характеръ, благодаря лучшему орошенію. Узкій перешеекъ этотъ дѣлитъ средне-азіятское плоскогорье на двѣ половины: Восточную и Западную Гоби.

Восточная Гоби пересѣчена Н. М. въ двухъ направленіяхъ: изъ Кяхты чрезъ Ургу на Калганъ и изъ Урги черезъ городъ Дынь-юань-инь въ Ала-шанѣ на г. Даджинъ въ Гань-су (три раза). Пользуясь трудами своихъ предшественниковъ (Фуса, Бунге, Тимковскаго, Ковалевскаго и др.) и обобщивъ сообщенныя ими данныя, Н. М., благодаря многочисленнымъ личнымъ наблюденіямъ, далъ весьма полное описаніе этой части Гоби. Изъ Урги въ Ала-шань онъ прошелъ первымъ, а потому ему всецѣло принадлежитъ изслѣдованіе этого участка пустыни.

Здѣсь, равно какъ и въ болѣе восточныхъ частяхъ, Гоби оказалась гораздо ниже, чѣмъ предполагали географы.

На послѣдней трети пути изъ Кяхты въ Ала-шань, почти посрединѣ Гоби, Пржевальскій открылъ и впервые описалъ хребетъ Хурху (Гурбынъ-Сейхынъ) шириною около 10 верстъ и высотою въ 2,000 ф. надъ поверхностью равнины. Горы эти первоначально были приняты имъ за восточный отрогъ Тянь-шаня, впослѣдствіи же признаны продолженіемъ Алтая.

По гипсометрическимъ наблюденіямъ Н. М., высота Гоби между Ургою и хребтомъ Хурху колеблется

отъ 3,700 до 5,300 ф., южнѣе же плоскогорье нѣсколько ниже, и высота его измѣняется въ предѣлахъ отъ 3,500 до 4,100 ф.

Двѣ различныя характеристики даны Н. М. для Гоби къ сѣверу и къ югу отъ хребта Хурху. Сѣверная часть имѣетъ глинистую почву съ степною растительностью, песковъ въ ней не встрѣчается; къ югу отъ хребта, наоборотъ, Гоби пріобрѣтаетъ пустынный характеръ и пески занимаютъ обширныя площади. Изъ нихъ вниманія заслуживаетъ Галбынъ-Гоби, тянущаяся полосою въ 27 верстъ ширины, на 20 дней пути съ востока на западъ. Она представляетъ собою пустыню щебневую и галечную, рѣзко отличающуюся отъ песчаныхъ пустынь. Достигая всего 3,200 ф., Галбынъ-Гоби является впадиною на профили плоскогорья.

Важнѣйшую часть работъ Н. М. въ Восточной Гоби составляетъ изслѣдованіе южной ея окраины, начиная отъ озера Далай-нора, лежащаго у подножія Большаго Хингана, до города Даджина въ Гань-су.

Отъ Гу-бей-кэу къ г. Долонъ-нору, на протяженіи 150 верстъ, идутъ въ нѣсколько рядовъ съ запада на востокъ горныя цѣпи, черезъ которыя дорога выходитъ на Монгольское плато. Онѣ часто принимаютъ альпійскій характеръ, но вообще средней высоты и образуютъ контръ-форсъ обширнаго поднятія позади лежащей Монголіи. Городъ Долонъ-норъ установленъ Н. М., по наблюденіямъ высоты полярной звѣзды, подъ 42°,16′ сѣв. широты, чѣмъ опредѣлилось астрономическое положеніе одной изъ окраинъ Монгольскаго плоскогорья.

Озеро Далай-норъ, имѣющее 4,200 ф. абсолютной высоты и занимающее первое мѣсто по величинѣ среди другихъ озеръ ю.-в. Монголіи, обслѣдовано по всей окружности и опредѣлены его притоки.

Осмотрѣвъ юго-восточную окраину Монголіи между г. Долонъ-норомъ и Калганомъ, Николай Михайловичъ

проложилъ на карту 230 верстъ, на основаніи произведенной имъ подробной съемки.

Здѣсь мѣстность представляетъ холмистую степь съ почвою изъ песка, насыщеннаго мѣстами солью, но вмѣстѣ съ тѣмъ изобилующую травяною растительностью и удобную для пастьбы табуновъ богдохана. Изъ Калгана Н. М. обслѣдовалъ Монгольское плоскогорье по направленію къ городу Куку-хото и встрѣтилъ тоже плато съ богатыми пастбищами, среди которыхъ уже успѣла появиться китайская культура. Продолжая свое путешествіе на западъ и сойдя съ дороги на Куку-хото, Пржевальскій встрѣтилъ хребты, поднимающіеся надъ плоскогорьемъ Монголіи. Восточный изъ нихъ Шара-хада или Желтый хребетъ, состоящій изъ желтоватыхъ известковыхъ скалъ, тянется съ юго-запада къ сѣверо-востоку. Къ западу отъ него исчезаетъ богатая травяная растительность. Въ 50 верстахъ далѣе на западъ возвышается другой параллельный хребетъ Сума-хада, имѣющій болѣе дикій альпійскій характеръ. Возвышеніе обоихъ хребтовъ надъ поверхностью плоскогорья на глазъ не превосходитъ 1,000 ф.

Во время перехода черезъ эти горы Пржевальскій пришелъ къ общему выводу, что во всей безъ изъятія Монголіи кустарная и древесная растительность развивается на сѣверной сторонѣ горъ и холмовъ предпочтительно передъ южными склонами.

Отъ хребта Сума-хада Н. М. прошелъ въ западномъ направленіи 160 верстъ по Монгольскому нагорью и нашелъ на немъ соленыя озера и сравнительно менѣе богатую травяную растительность. Затѣмъ онъ подошелъ къ горамъ, которыя оказались западнымъ продолженіемъ Инъ-шаня и тянутся на 250 верстъ къ западу отъ Куку-хото. Горы эти оканчиваются на лѣвомъ берегу Желтой рѣки скалистымъ хребтомъ Мунула, который, подобно Инъ-шаню, въ противоположность горамъ ю.-в. Монголіи, отличается обиліемъ лѣса и воды.

Хребетъ Муни-ула, точно такъ же какъ лежащая къ востоку отъ него часть западнаго Инъ-шаня, носящаго названіе Сырунъ-булыкъ, привлекли на себя вниманіе Н. М. своею богатою древесною растительностью, послѣ пройденныхъ унылыхъ безлѣсныхъ степей, и были имъ всесторонне изслѣдованы. Муни-ула, при длинѣ въ 100 верстъ, имѣетъ 25 верстъ ширины; высшія ея точки достигаютъ отъ 8 до 9,000 ф. абсол. высоты. Горы эти вулканическаго происхожденія и на обоихъ склонахъ поросли лѣсомъ.

Къ западу отъ Муни-ула изслѣдованы два хребта, Шейтенъ-ула и Хара-наринъ-ула, ограничивающіе большой сѣверный изгибъ Хуанъ-хэ. Первый изъ нихъ лежитъ къ сѣверу отъ Муни-ула, онъ невысокъ, скалистъ и безводенъ. Западнѣе Шейтенъ-ула, начиная отъ р. Халютай, тянется на протяженіи 370 верстъ второй хребетъ Хара-наринъ-ула, который Н. М. обошелъ весь съ юга и на половину съ сѣвера. Эти горы по своей высотѣ уступаютъ Муни-ула и рѣзко отличаются отъ него по внѣшнему виду. Огромныя гранитныя и гнейсовыя скалы вѣнчаютъ ихъ вершины и разсѣкаютъ скаты, а обширныя розсыпи горныхъ породъ спускаются до самаго дна ущелій. На всемъ своемъ протяженіи Хара-наринъ-ула носитъ печать дикости и безплодія: лѣсовъ совсѣмъ нѣтъ, да и травы очень мало, Хара-наринъ-ула связывается съ Шейтенъ-улою грядою холмовъ, а югозападною своею оконечностью сливается съ пустынею Ала-шаня. Нагорье Гоби, къ сѣверу отъ Хара-наринъ-ула и по сѣверному подножью хребта, носитъ равнинный характеръ и отличается безплодіемъ.

Кромѣ главной площади Гоби, Н. М. еще изслѣдовалъ двѣ ю.-з. части ея: Ордосъ и Ала-шань.

Подъ именемъ Ордоса извѣстна площадь Монголіи, лежащая внутри большаго изгиба Хуанъ-хэ и ограниченная съ юга краевыми хребтами плоскогорія, по которымъ тянется Великая стѣна.

Названіе Ала-шаня или За-Ордоса присвоено части

Гоби, расположенной къ западу отъ изгиба Желтой рѣки и простирающейся до р. Эцзина. Южною условною границею Ала-шаня являются оазисы сѣвернаго склона Нанъ-шаня.

Въ *Ордосѣ* на протяженіи 434 верстъ, Н. М. произведена съемка обширной дуги, описываемой Хуанъхэ между городами Дынь-коу и Бауту. Результатомъ этой работы явился тотъ интересный фактъ, что въ этомъ мѣстѣ Желтая рѣка не развѣтвляется, какъ показывалось на картахъ, а также что она перемѣнила свое русло и течетъ нынѣ по самому старому южному рукаву. Долина ея, имѣющая отъ 30 до 60 верстъ ширины, съ юга окаймлена полосою сыпучихъ песковъ—Кузупчи, которые мѣстами весьма близко подходятъ къ рѣкѣ и обрываются отвѣсною стѣною, футовъ въ 50, а иногда и до 100 вышины.

Ширина Хуанъ-хэ почти вездѣ одинакова; противъ г. Дынь-коу она опредѣлена въ 203 сажени. Глубина столь значительная, что по ней могли бы ходить рѣчные пароходы. Вода Хуанъ-хэ мутная и желтовато-сѣраго цвѣта.

Пески Кузупчи (по монгольски—ошейникъ) состоятъ изъ невысокихъ бугровъ, рѣдко достигающихъ 100 футовъ. Образованіе ихъ объясняется дѣйствіемъ вѣтровъ, поднимающихъ въ воздухѣ песокъ и пыль; задерживаемые стволами низкорослаго хармыка и накопляясь мало по малу, песокъ и пыль образуютъ возвышенія, которыя, будучи обмыты дождемъ, пріобрѣтаютъ видъ кочекъ; выростающіе на нихъ кусты способствуютъ увеличенію высоты и скрѣпляютъ бугры своими корнями. У Дынь-коу Кузупчи близко подходятъ къ берегу Желтой рѣки и, по мнѣнію Пржевальскаго, сливаются съ Ала-шаньскими песками. На правомъ берегу Желтой рѣки на высотѣ Дынь-коу, взамѣнъ песковъ, появляется рядъ холмовъ, которые переходятъ въ скалистый хребетъ Арбусъ-ула.

Въ *Ала-шанѣ* Н. М. изслѣдовалъ какъ пески, такъ и хребты, отдѣляющіе эту область отъ Хуанъ-хэ. Въ этой

части Гоби пески имѣютъ на десятки и сотни верстъ видъ взволнованнаго моря, но мѣстами перерываются солончаками и площадками лёссовой глины. Въ сѣверо-восточномъ углу Ала-шаня открыто обширное озеро самоосадочной соли Джаратай-дабасунъ, поверхность котораго то напоминала ледъ, то была покрыта сѣроватою пылью и сливалась съ пустынею. Соляной пластъ озера достигаетъ отъ 2 до 6 футовъ толщины и отчасти уже разработывается китайцами.

Ала-шаньскій хребетъ, длиною отъ 200 до 250 верстъ, составляетъ какъ бы продолженіе Ордосскаго хребта Арбусъ-ула, такъ какъ Хуанъ-хэ прорывается между ними въ узкой тѣснинѣ. Отдѣльныя вершины нигдѣ рѣзко не поднимаются надъ гребнемъ, онѣ достигаютъ 10,600 и 11,600 ф., но не вступаютъ въ область вѣчныхъ снѣговъ. На западномъ склонѣ этого хребта Н. М. нашелъ три характерныя зоны: степную, занимающую нижнюю полосу горныхъ скатовъ шириною въ 2 версты, лѣсную, лежащую на высотѣ отъ 7,500 до 10,000 фут. и верхнюю альпійскую. Подножье хребта сопровождается полосою степей въ 15 и 20 верстъ ширины, отличающуюся отъ сосѣдней пустыни своею растительностью и усѣянную мелкими валунами.

Присутствіе лѣсовъ и сравнительное богатство травы въ Ала-шаньскомъ хребтѣ объясняется путешественникомъ дождями, приносимыми китайскими муссонами, и удобряющимъ свойствомъ лёссовой пыли, навѣваемой съ пустыни. Не смотря на дожди, хребетъ вообще маловоденъ и даетъ начало лишь двумъ болѣе значительнымъ ручьямъ, теряющимся въ пескахъ.

Западная Гоби, обнимающая обширную площадь отъ Алтая до окраинныхъ хребтовъ Тибета и Куку-нора, раздѣляется Тянь-шанемъ на двѣ части: сѣверную—равнину Чжунгаріи и южную—равнину Восточнаго Туркестана.

Въ *Чжунгарской равнинѣ*, Пржевальскій обслѣдовалъ сѣверную, сѣверо-западную и восточную окраины и пересѣкъ ее изъ Зайсана на Гученъ. Вообще она пред-

ставляется обширною волнистою равниною, постепенно повышающеюся къ востоку. Въ сѣверной и восточной частяхъ, пустыня эта покрыта щебнемъ и гравіемъ, продуктомъ разрушенія сосѣднихъ горъ, на западѣ же и въ особенности на сѣверо-западѣ въ ней преобладаютъ залежи лёссовой глины, а на югѣ залегаютъ сыпучіе пески, покрытые мѣстами солончаками.

Въ частности Н. М. далъ подробное описаніе внутренняго бассейна рѣки Урунгу и озера Улюнгура, имѣющаго 130 верстъ въ окружности и лежащаго на высотѣ 1,600 ф. надъ уровнемъ океана. Болота, солончаки и небольшія озера, сопровождающія восточный берегъ Улюнгура, привели къ заключенію, что это озеро подвергается усыханію, подобно большинству внутреннихъ бассейновъ Центральной Азіи. Древній остатокъ его, озеро Бага-норъ, находящееся въ 15 верстахъ къ юго-востоку, даетъ понятіе о прежнихъ размѣрахъ Улюнгура.

По восточной окраинѣ Чжунгарской равнины Пржевальскій прошелъ отъ нижняго Булгуна на городъ Баркуль. На этомъ пути онъ встрѣтилъ два параллельныхъ Алтаю и Тянь-шаню хребта: Балтыкъ-богдо и Куку или Хара-сырхэ (5,000 ф.). Къ югу отъ послѣдней группы растилается необозримая равнина, составляющая главный рукавъ (шириною въ два перехода), посредствомъ котораго Чжунгарская пустыня соединяется съ Монгольскою Гоби.

Массивную горную *цѣпь Тянь-шаня*, ограничивающую съ запада центрально-азіятское плоскогорье и глубоко врѣзывающуюся въ Гоби, Николай Михайловичъ пересѣкъ въ трехъ мѣстахъ по Бедельскому перевалу, у истоковъ р. Или и между гг. Баркулемъ и Хами. При движеніи изъ Кульджи на нижній Тарим онъ посѣтилъ Юлдусское плато, лежащее среди хребтовъ Тянь-шаня и состоящее изъ Малаго (восточнаго) и Большаго (западнаго) Юлдуса, которые отдѣлены другъ отъ друга хребтомъ, носящимъ разныя названія.

Малый Юлдусъ представляетъ собою возвышенную степную равнину длиною въ 135, а шириною въ 30 верстъ. Краевые его хребты, достигающіе съ небольшимъ 9,000 ф., имѣютъ надъ равниною лишь небольшое превышеніе (отъ 1,000 до 2,000 футовъ). Посрединѣ Малаго Юлдуса по всей его длинѣ протекаетъ рѣка Бага-Юлдусъ-голъ, которая, прорвавшись черезъ горы, входитъ въ Большой Юлдусъ и затѣмъ подъ названіемъ Хайду-гола направляется въ озеро Баграчъ-куль.

Другое плоскогорье, подобное Юлдусу, встрѣчается въ Тянь-шанѣ у города Баркуля, который лежитъ среди возвышенной трехугольной равнины, длиною въ 100 верстъ. Съ сѣвера это плато ограничено хребтомъ Мечинъ-ула, а съ юга Тянь-шанемъ, достигающимъ на перевалѣ по дорогѣ изъ Баркуля въ Хами 8,700 футовъ.

Восточный Туркестанъ принадлежитъ къ тѣмъ частямъ Центральной Азіи, гдѣ Н. М. былъ первымъ изслѣдователемъ, доставившимъ положительныя географическія данныя и снявшимъ завѣсу съ этой невѣдомой до него страны. Передъ экспедиціями Пржевальскаго, въ Вост. Туркестанѣ были обслѣдованы лишь При-тянь-шанскіе оазисы и плодородныя мѣстности по рѣкамъ Кашгаръ и Яркендъ-дарьямъ. Затѣмъ для остальныхъ частей этой обширной географической области лучшимъ источникомъ служила карта Клапрота, составленная по картамъ временъ императора Кіенъ-лунга, по сочиненіямъ пекинскихъ миссіонеровъ, по переводамъ древнихъ китайскихъ авторовъ и по другимъ даннымъ синологовъ. Чтобы дать понятіе о достоинствахъ разсматриваемой нами части этой карты, достаточно указать на положеніе р. Тарима и оз. Лобъ-нора. Таримъ былъ показанъ текущимъ неизмѣнно въ одномъ руслѣ на востокъ, примѣрно, вдоль параллели 40°45′ и впадающимъ въ овальное озеро Лобъ-норъ, лежащее подъ тою-же широтою между 58° и 59° вост. долготы отъ Пулкова. Большое озеро окружено болотами и семью озерами меньшихъ размѣровъ. Разстояніе между

Лобъ-норомъ и Баграчъ-кулемъ не превосходило 120 верстъ, тогда какъ въ дѣйствительности оно втрое больше. Къ юго-востоку отъ Лобъ-нора, въ разстояніи 100 верстъ, показано почти одинаковыхъ съ нимъ размѣровъ озеро Гасъ-норъ, которое между тѣмъ удалено верстъ на 300 и лежитъ на Тибетскомъ плоскогорьѣ. Къ югу отъ Лобъ-нора пустыни Восточнаго Туркестана на картѣ Клапрота простираются на 500 верстъ и окаймлены непосредственно Куэнь-лунемъ, слывшемъ за сѣверную ограду Тибета. Вообще карты Восточнаго Туркестана того времени по точности своей можно уподобить картамъ Европы, составленнымъ древними географами Греціи и Рима. Послѣ путешествій Н. М. въ Восточный Туркестанъ, карта этой части Азіи получила новый видъ и безъ измѣненія остались лишь нѣкоторые контуры и названія.

Обращаясь къ подробностямъ изслѣдованія, начнемъ съ *Тарима*, орошающаго вмѣстѣ съ своими притоками $^2/_3$ всей площади Восточнаго Туркестана. Для первоначальнаго изслѣдованія низовьевъ Тарима и озера Лобъ-нора Н. М. предпринялъ свою вторую экспедицію въ Центральную Азію и уже при движеніи изъ города Курла на югъ могъ убѣдиться въ невѣрности существовавшихъ картъ, встрѣтивъ вмѣсто одного русла Тарима три: Инчике-дарью, Угенъ-дарью и собственно Таримъ, не считая Хайду-гола — истока оз. Баграчъ-Куля, принимающаго названіе Конче-дарьи и также сливающагося съ Таримомъ. Всѣ три рукава Тарима, приблизительно на меридіанѣ 57° вост. долготы отъ Пулкова, поворачиваютъ на юго-востокъ, причемъ Инчике-дарья сливается съ Конче-дарьей, а Угенъ-дарья соединяется съ Таримомъ. Впрочемъ нѣсколько ниже Таримъ снова дѣлится на два рукава, изъ коихъ восточный принимаетъ Конче-дарью. У мѣстечка Айрылгана оба упомянутыхъ рукава соединяются и отсюда Таримъ, принимая южное направленіе, течетъ до самаго Лобъ-нора. Нижнее теченіе рѣки пролегаетъ по пустынѣ съ почвою или глинисто-солонцеватою или состоящей изъ сыпучихъ песковъ. По своей природѣ и бѣдности растительной жизни, Таримская пустыня

принадлежитъ къ наиболѣе дикимъ изъ видѣнныхъ Н. М. Протекая съ значительною быстротою по рыхлой глинистой почвѣ, Таримъ со своими рукавами и притоками вырылъ себѣ глубокія корытообразныя русла.

Собственно Таримъ, составляющій въ среднемъ теченіи самый южный, а въ нижнемъ самый западный изъ рукавовъ, имѣетъ при впаденіи Угенъ-дарьи отъ 50 до 60 саж. ширины (а въ нижнемъ теченіи отъ 30 до 40 саж. ширины) при глубинѣ не менѣе 20 ф. Угенъ и Конче-дарьи представляютъ собою русла шириною отъ 7 до 10 саженъ. По берегамъ нижняго Тарима разсыпаны болота и озера, по большей части искусственнаго происхожденія, образовавшіяся отъ прорытія каналовъ. Берега Тарима покрыты лѣсомъ и кустарникомъ, а по болотамъ растетъ тростникъ. Характеръ сосѣдней мѣстности на обоихъ берегахъ различный: на правомъ берегу голые сыпучіе пески, набросанные холмами, подходятъ къ самой долинѣ; на лѣвомъ же пески довольно рѣдки и почва преимущественно состоитъ изъ рыхлой солонцеватой глины, то совершенно оголенной, то покрытой рѣдкими кустарниками тамариска и саксаула. Скопленіе песковъ на одномъ правомъ берегу Тарима и преобладаніе восточныхъ вѣтровъ обезпечиваютъ ее, по мнѣнію Н. М., отъ засыпанія, которое навѣрное имѣло бы мѣсто при противоположныхъ вѣтрахъ.

Отъ деревни Айрылгана Таримъ, на протяженіи 70 верстъ, течетъ въ одномъ руслѣ и впадаетъ въ озеро Кара-буранъ (черная буря), длиною отъ 30 до 35 верстъ, а шириною отъ 10 до 12 верстъ и глубиною въ 3—4 фута. Берега его отлогіе, покрыты солончаками и далеко затопляются при восточныхъ вѣтрахъ. Изъ Кара-бурана Таримъ выходитъ порядочною рѣкою, но затѣмъ быстро уменьшается въ своихъ размѣрахъ, вслѣдствіе множества отводныхъ канавъ, прорытыхъ мѣстными жителями. Пройдя 20 верстъ, онъ впадаетъ въ озеро Кара-курчинъ или древній *Лобъ-норъ*. По своей формѣ это озеро, или вѣрнѣе тростниковое болото, представляетъ неправильный элипсисъ, сильно вытянутый отъ юго-запада къ сѣверо-востоку.

Глубина озера незначительная и въ среднемъ не болѣе 3—5 футовъ, но вода прозрачная, какъ и въ самомъ Таримѣ. Представляя собою разливъ этой рѣки, Лобъ-норъ отличается отъ внутреннихъ озеръ Азіи тѣмъ, что онъ прѣсноводенъ и только въ восточной его части вода принимаетъ солоноватый вкусъ. Широкій, плоскій поясъ земли съ солонцеватою почвою облегаетъ съ юга берега Кара-бурана и Лобъ-нора, свидѣтельствуя о томъ, что въ былыя времена оба озера составляли одно нераздѣльное цѣлое и занимали гораздо бо̀льшую площадь чѣмъ теперь.

Выбравъ для своихъ астрономическихъ наблюденій дер. Старый Абдалъ, Пржевальскій опредѣлилъ географическое положеніе центра этого древняго бассейна, который оказался подъ 39° 31′ 2″ сѣверной широты и подъ 59° восточной долготы отъ Пулкова; абсолютная высота озера показана въ 2,600 фут., слѣдовательно, Лобъ-норская впадина одна изъ самыхъ низкихъ мѣстъ Азіятскаго плоскогорья.

Результаты изслѣдованій, произведенныхъ Пржевальскимъ въ 1877 и 1885 гг., по массѣ новыхъ данныхъ, противорѣчившихъ тѣмъ представленіямъ, которыя издавна утвердились въ географіи Центральной Азіи, возбудили огромный интересъ среди европейскихъ ученыхъ. Опредѣленное Николаемъ Михайловичемъ новое положеніе Лобъ-нора сначала показалось невѣроятнымъ и такой авторитетъ какъ баронъ Рихтгофенъ, стоявшій во главѣ берлинскаго общества землевѣдѣнія, печатно выразилъ недовѣріе къ открытіямъ Н. М.; онъ нашелъ поддержку въ синологахъ, которые, находясь подъ обаяніемъ китайской учености, не допускаютъ географическихъ открытій въ Китаѣ, а въ особенности разногласій съ существующими въ этой странѣ географическими описаніями. Однако возраженіе Н. М. и двукратное посѣщеніе имъ Лобъ-нора, разсѣяли всѣ сомнѣнія на счетъ этого озера и навсегда установили вѣрное представленіе о теченіи Тарима.

Вмѣстѣ съ Таримомъ путешественникъ обслѣдо-

валъ и другіе притоки Лобъ-нора, о которыхъ до него не имѣлось никакихъ свѣдѣній; изъ нихъ къ Лобъ-норскому бассейну въ настоящее время принадлежатъ только *Черченъ-дарья* съ его притокомъ Чархалыкомъ, впадающая въ Кара-буранъ, недалеко отъ устья Тарима. Остальные два ручья—Джагансай-дарья и Карганъ-булакъ, берущіе начало *во вновь открытомъ хребтѣ Алтынъ-тагѣ*, теряются въ пескахъ, не доходя до озера. Чархалыкъ же при малой водѣ не добѣгаетъ до Черченъ-дарьи.

Эта рѣка, которую Н. М. видѣлъ въ среднемъ и отчасти нижнемъ ея теченіи, представляетъ настоящую рѣку пустыни, извивающуюся среди песковъ широкимъ плёсомъ, достигающимъ мѣстами 200 саж. Главное русло ея имѣетъ отъ 30 до 35 саж. ширины и обозначается струею болѣе быстрой воды; берега *Черченъ-дарьи* сопровождаются полосою весьма бѣдной древесной и кустарной растительности.

Изъ притоковъ Тарима Н. М. принадлежитъ изслѣдованіе *Хотанской рѣки*, не пройденной до него ни однимъ европейцемъ. Она составляется изъ Юрунъ-каша и Кара-каша, питаемыхъ снѣговыми горами окраины Тибета и на столько обильныхъ водою, что рѣка пробила себѣ путь до Тарима. По выходѣ изъ Хотанскаго оазиса, Хотанская рѣка вступаетъ въ сыпучіе пески, среди коихъ она въ половодіе мѣстами разливается до одной версты, при низкой же водѣ русло ея съуживается до 10 и 15 саженъ; Хотанская рѣка, по которой Н. М. проходилъ при этихъ условіяхъ, изсякаетъ въ 77 верстахъ отъ сліянія Юрунъ-каша съ Кара-кашемъ. Въ нижнемъ теченіи вода сохраняется въ ней только въ продолженіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, во время половодья; Хотанская рѣка впадаетъ въ 20 верстахъ ниже устья Яркендъ-дарьи въ Таримъ.

Эту рѣку Пржевальскій видѣлъ вторично близъ сліянія Аксу-дарьи съ Яркендъ-дарьею въ томъ мѣстѣ, гдѣ она собственно возникаетъ. Здѣсь Таримъ имѣлъ 80 саж. ширины и $5^1/_2$ фут. глубины; по словамъ мѣстныхъ перевозчиковъ, рѣка эта даже при низкой

водѣ всегда сохраняла отъ 3 до 4 футовъ глубины. Это приводитъ къ заключенію, что *Таримъ на протяженіи болѣе 700 верстъ до самаго Лобъ-нора доступенъ для пароходовъ, сидящихъ не глубже 3 футовъ*. Трудно предсказать послѣдствія, которыя это открытіе можетъ имѣть для культуры Восточнаго Туркестана, въ особенности если оправдаются предположенія Н. М. о судоходности Яркендъ-дарьи до сліянія съ Кашгаръ-дарьею, Аксу-дарьи до города того же названія и Конче-дарьи до г. Курла, а быть можетъ и до озера Баграчъ-куля.

Пустынная площадь Восточнаго Туркестана трижды пересѣчена Н. М.: на западѣ по Хотанской рѣкѣ, посрединѣ по Тариму и на востокѣ между Хами и Са-чжоу. Кромѣ того онъ ввелъ въ раіонъ своихъ изслѣдованій всю южную окраину Туркестана отъ Са-чжоу до Хотана на протяженіи 1,300 верстъ. Все это огромное пространство между Тянь-шанемъ и краевыми Тибетскими хребтами было до путешествій Пржевальскаго страною совершенно невѣдомою: никто не зналъ о существованіи громадныхъ снѣговыхъ хребтовъ, питающихъ рѣки, по которымъ раскинуты плодородные оазисы.

По описанію Пржевальскаго необъятная площадь, длиною въ 350 верстъ и мѣстами шириною въ 370 верстъ, обнимающая южную часть Восточнаго Туркестана къ югу, отъ Тарима между нижнимъ его теченіемъ и Яркендъ-дарьею наполнена сыпучими песками. Нигдѣ въ средней Азіи отъ Китая до Каспійскаго моря не встрѣчаются такіе обширные пески, занимающіе при томъ первенствующее мѣсто по своей недоступности. Какъ вообще въ пустыняхъ, голые Таримскіе пески намели мѣстами длинные увалы, мѣстами же невысокіе барханы (отъ 20 до 60 фут.); надвѣтренная сторона тѣхъ и другихъ полога, подвѣтренная же, напротивъ, крута́, нерѣдко обрывиста. За исключеніемъ рѣчныхъ долинъ или, вѣрнѣе, узкихъ полосъ, прилегающихъ къ ручьямъ, Таримская пустыня лишена всякой растительности.

По мнѣнію нашего путешественника, нельзя предполагать, чтобы въ Таримскихъ пескахъ существовали возвышенныя гряды; только на Хотанской рѣкѣ, въ 50 верстахъ отъ сліянія Юрунъ-каша и Кара-каша, онъ встрѣтилъ узкій и невысокій (500 фут.) хребетъ Мазаръ-тагъ, простирающійся, по словамъ туземцевъ, до укрѣпленія Маралъ-баши на Кашгарской рѣкѣ.

Къ востоку отъ Тарима пески встрѣчаются гораздо рѣже и не занимаютъ обширныхъ пространствъ. Во многихъ мѣстахъ почва состоитъ изъ рыхлой глины то совершенно оголенной, то поросшей кустами тамариска и саксаула, вокругъ которыхъ вѣтромъ наносятся песчаные бугры.

У города Курла, лежащаго на сѣверной окраинѣ пустыни, отъ Тянь-шаня отдѣляется хребетъ Курукъ-тагъ, заходящій въ юго-восточномъ направленіи верстъ на 200 во внутрь равнины и оканчивающійся песчаными холмами.

Въ этой части Гоби, пустыня, носящая названіе Кушъ-тага, тянется только по южной окраинѣ до Сачжоу. По недоступности и дикости она мало уступаетъ страшнымъ пескамъ Ала-шаня и Ордоса.

Восточная оконечность западной Гоби, пройденная Н. М. изъ Хами въ Сач-жоу и названная имъ Хамійскою пустынею, служитъ переходомъ къ равнинамъ Монголіи. Она пересѣкаетъ путь, соединяющій провинцію Гань-су съ При-тянь-шанскими оазисами. По наблюденіямъ Пржевальскаго, Хамійская пустыня представляетъ обширное вздутіе, имѣющее около 120 верстъ въ поперечникѣ и 5,000 футовъ высоты; эта возвышенность имѣетъ видъ волнистой равнины, по которой разбросаны лёссовые обрывы въ видѣ стѣнъ, столовъ и башенъ; почва ея покрыта галькою, перемѣшаною съ гравіемъ, и лишена всякой растительности. По сѣверной и южной окраинамъ этого вздутія тянутся съ запада на востокъ гряды холмовъ — Бэй-сянь, составляющіе, по предположенію, продолженіе Курукъ-тага.

При преобладаніи пустыни на огромной площади

Восточнаго Туркестана, онъ былъ бы страною необитаемою, еслибъ краевые хребты не являлись собирателями скудной атмосферной влаги, оживляющей оазисы, лежащіе у ихъ подножья. Существованіе многихъ изъ нихъ было извѣстно съ давнихъ поръ, но объ оазисахъ имѣлись лишь скудныя свѣдѣнія и описаніемъ ихъ наука обязана Николаю Михайловичу. У подошвы Тянь-шаня онъ посѣтилъ оазисы Аксу, Курла и Хами, а вдоль южнаго краеваго хребта расположены: Чархалыкъ, Черченъ, Нія, Ясулгунъ, Ой-тогракъ, Кэрія, Чира и нѣсколько мелкихъ.

Въ описаніяхъ оазисовъ Пржевальскій приводитъ ихъ размѣры, численность населенія, родъ его занятій и обычаи. Всѣ оазисы очень густо населены и чрезвычайно плодородны, благодаря рыхлой глинистой почвѣ и искусственному орошенію.

Открытіе оазисовъ и опредѣленіе дѣйствительнаго положенія Лобъ-нора указали направленіе древняго пути изъ Европы въ Китай. Европейскіе ученые не допускали, чтобы пустыни Гоби были проходимы и не могли себѣ объяснить почему путь Марко Поло шелъ мимо Лобъ-нора, тогда какъ это озеро должно было оставаться значительно сѣвернѣе. Съ открытіемъ Алтынъ-тага и южныхъ оазисовъ вопросъ этотъ разрѣшается самъ собою.

Куень-люнь. Къ югу отъ необозримыхъ пустынь Великой Гоби, отъ Памира до большаго изгиба Желтой рѣки, врѣзывающагося въ глубь Монгольскаго плоскогорья, тянется непрерывная гигантская стѣна, на которую европейскіе ученые указывали какъ на одну изъ важнѣйшихъ орографическихъ границъ обширнаго азіятскаго материка. Эта стѣна замыкаетъ высокое Тибетское нагорье, отдѣляя его отъ сравнительно незначительно поднятой пустыни. До изслѣдованій Н. М. положеніе, строеніе и характеръ всей этой длинной цѣпи оставались загадочными и составляли существеннѣйшій пробѣлъ въ географическихъ знаніяхъ.

Сѣверная грань Тибета обозначалась на картахъ

условно, въ видѣ почти прямой линіи, соединявшей Нань-шань съ южною оконечностью несуществующаго Болоръ-тага или, другими словами, нынѣшняго Памира.

Пржевальскій трижды пересѣкъ географическій Куень-люнь по всей его ширинѣ и на очень большомъ протяженіи вдоль сѣверной и южной подошвъ; онъ много разъ поднимался по склонамъ и нерѣдко доходилъ до самаго гребня.

Благодаря его трудамъ, прямолинейный Куень-люнь словно ожилъ, выяснились важнѣйшіе его изгибы, онъ расчленился на отдѣльные хребты, связанные горными узлами и разсѣченные глубокими долинами, и, что всего важнѣе, оправдалась непрерывная связь горъ, тянущихся отъ Памира до Хуанъ-хэ.

Открытіе поднимающагося къ югу отъ Лобъ-нора Алтынъ-тага, принадлежащаго къ этой горной системѣ, сразу выяснило общее очертаніе Тибетской стѣны, которая имѣетъ видъ отлогой дуги, выгнутой на сѣверъ.

Этимъ площадь Тибета на меридіанѣ Лобъ-нора увеличилась на 3^0 по широтѣ и существенно измѣнилась вся фигура огромнаго плоскогорья; западная часть Гоби соотвѣтственно сократилась. Вмѣстѣ съ тѣмъ наблюденія путешественника установили въ этомъ обширномъ поясѣ горъ рѣзкую естественную границу. Нигдѣ на всемъ земномъ шарѣ подобная горная гряда, имѣющая мѣстами всего нѣсколько десятковъ верстъ ширины, не отдѣляетъ двухъ областей столь различныхъ по своему геологическому строенію, топографическому рельефу, абсолютной высотѣ, климату, флорѣ, фаунѣ и пр.

Восточная часть Тибетскаго краеваго хребта, за которымъ осталось названіе Нань-шаня, была изслѣдована Н. М. у восточной оконечности близъ прорыва Хуанъ-хэ, гдѣ эти горы отдѣляютъ пески Ала-шаня отъ Гань-су, и у западной окраины южнѣе оазиса Сачжоу. У Желтой рѣки наружный краевой, т. е. ближайшій къ пустынѣ, хребетъ Нань-шаня, называемый

монголами Момо-шанемъ, постепенно возвышаясь, достигаетъ на перевалѣ 8,600 ф.

Во всемъ этомъ горномъ поясѣ наиболѣе развитый склонъ обращенъ къ сѣверу, къ югу же хребетъ опускается короткимъ скатомъ, переходящимъ въ степную равнину Чагрынъ-гола, одного изъ притоковъ Хуанъ-хэ. Здѣсь на внѣшнемъ хребтѣ рѣзко сказывается вліяніе близкой пустыни: до высоты 7,500 ф. сѣверные скаты совершенно безплодны и лишь выше появляются пастбища.

Къ сѣверо-западу отъ перевала, черезъ который шелъ Н. М., краевая цѣпь растетъ и переходитъ въ снѣговыя горы Куліанъ и Ланъ-чжу, которыя нашъ путешественникъ видѣлъ изъ пустынь Ала-шаня. Такія же горы, окутанныя вѣчными снѣгами, встрѣчаются въ краевомъ хребтѣ Нань-шаня и западнѣе у истоковъ р.р. Эцзина и Толая. Къ югу отъ оазиса Са-чжоу Нань-шань, образовавъ на востокѣ гористое плоскогорье, заключающее въ себѣ *озеро Куку-норъ*, съуживается до 40 верстъ и продолжается въ видѣ двухъ параллельныхъ вѣтвей, связанныхъ луговымъ плоскогорьемъ.

Восточнѣе пути Николая Михайловича обѣ цѣпи сливаются въ высокій вѣчно снѣговой хребетъ (19/т. ф.), окрещенный именемъ знаменитаго Гумбольдта, на западѣ же онъ образуетъ одинъ общій узелъ съ такимъ же массивомъ Анембаръ-ула.

Къ сѣверу отъ краевой гряды Нань-шаня простирается возвышенная равнина, шириною въ 50 верстъ, достигающая отъ 5 до 7,000 ф. высоты и составляющая передовой уступъ Тибета.

Сѣверный скатъ этой части Нань-шаня также болѣе развитъ, нежели южный; на высотѣ отъ $7^1/_2$ до 11/т. ф. онъ покрытъ галькою и большими гранитными валунами, но мѣстами застланъ толщею лёсовой глины, навѣянной съ пустыни. Растительность крайне бѣдна и пыль, покрывающая этотъ скатъ, придаетъ ему мрачный видъ. Между 11 и $12^1/_2$/т. ф. преоблада-

ютъ альпійскіе луга, доставляющіе прекрасный кормъ животнымъ. Выше встрѣчаются однѣ каменныя розсыпи, а на 14,700 ф. начинается граница вѣчнаго снѣга, ниже которой на нѣсколько сотъ саженъ опускаются глетчеры. На противоположномъ, болѣе короткомъ, южномъ склонѣ снѣговая линія не опускается ниже 15,700 ф. Древесной растительности нѣтъ никакой.

На югъ отъ Лобъ-нора, Н. М. открылъ высокій хребетъ (Золотой) Алтынъ-тагъ, составляющій западное продолженіе Нань-шаня и образующій одно изъ звеньевъ Тибетскихъ окраиныхъ горъ. Границами этого хребта нашъ путешественникъ считаетъ массивъ Анембаръ-улы и истоки Черченъ-дарьи, слѣдовательно общая длина его 700 верстъ.

Алтынъ-тагъ осмотрѣнъ на протяженіи 300 верстъ, къ востоку отъ д. Чархалыкъ. Онъ обозначается грядою высокихъ скалистыхъ пиковъ, не переходящихъ однако за предѣлы снѣговой линіи, исключая массива, поднимающагося у истоковъ Черченской рѣки.

Какъ всѣ краевые хребты Тибета, Алтынъ-тагъ вполнѣ развивается къ сторонѣ Лобъ-нора, къ сторонѣ же плато, примыкающаго къ хребту съ юга, обращенъ отлогій и короткій скатъ. Переваливая черезъ Алтынъ-тагъ къ озеру, Пржевальскій почти не замѣтилъ подъема, хотя барометръ показывалъ на перевалѣ 11,000 ф.

Сѣверный скатъ этого хребта на всемъ изслѣдованномъ протяженіи имѣетъ весьма разнообразный рельефъ—между д. Чархалыкомъ и р. Джагансай тянется крутая, издали кажущаяся отвѣсною, стѣна. Далѣе къ востоку до р. Курганъ-булакъ Алтынъ-тагъ стоитъ на уступѣ высотою въ 7,700 ф., довольно быстро опускающемся къ озеру; еще восточнѣе хребетъ посылаетъ на сѣверъ высокіе отроги, которые, постепенно мельчая, сливаются съ песчаными холмами Кумъ-тага. Алтынъ-тагъ, на сколько можно было убѣдиться, бѣденъ водою и потому почти совершенно лишенъ растительности. Маловодіе его объясняется от-

сутствіемъ снѣговыхъ вершинъ и малымъ количествомъ водяныхъ осадковъ, приносимыхъ вѣтрами.

Высокая долина Черченъ-дарьи отдѣляетъ Алтынъ-тагъ отъ другого хребта, не имѣвшаго до Н. М. туземнаго названія и служащаго на протяженіи 400 верстъ окраиною Тибетскаго нагорья. По праву перваго изслѣдователя, Пржевальскій назвалъ этотъ хребетъ „Русскимъ“ и подъ этимъ именемъ онъ сталъ впервые извѣстенъ ученому міру.

Русскій хребетъ, подобно Алтынъ-тагу, дикъ и труднодоступенъ, но грандіозенъ. Высшая его часть у западной оконечности, гдѣ находится громадная вершина (20/т. ф.), по скатамъ которой скользятъ живописные ледники. Въ честь незабвеннаго преобразователя Россіи, Н. М. назвалъ ее горою Царя-Освободителя. Преобладающую горную породу Русскаго хребта составляетъ гранитъ, но онъ заключаетъ въ себѣ золото, а также нефритъ, который высоко цѣнится въ Китаѣ. Растительность этого хребта бѣдная, а деревьевъ на немъ совсѣмъ нѣтъ; однако, благодаря обилію дождей, въ Русскомъ хребтѣ, на высотѣ отъ 10 до $12^1/_2$ т. ф., сѣверные склоны покрыты порядочными альпійскими лугами.

Западное, тоже безъименное, продолженіе Русскаго хребта между прорывами рр. Кэрійской и Юрунъ-кашемъ Н. М. назвалъ—*Кэрійскимъ* хребтомъ. Онъ тянется на 160 верстъ съ востока на западъ и примыкаетъ къ Каранга-тагу, составляющему дальнѣйшее продолженіе Куень-луня.

Кэрійскій хребетъ можетъ быть уподобленъ узкому и весьма крутому валу, острый гребень котораго переходитъ за снѣговую линію. Выдающихся вершинъ нѣтъ, но мѣстами высокія группы достигаютъ приблизительно 19 и 20 т. ф. абсолютной высоты. Къ сѣверу отъ хребта лежатъ предгорья, не превосходящія 8,000 футовъ и наполняющія собою полосу шириною отъ 15 до 20 верстъ. Хорошо орошенные горные скаты на высотѣ $9^1/_2$—11/т. ф. покрыты богатыми

лугами, въ нижнемъ же поясѣ горъ и на предгорьяхъ лѣтніе дожди менѣе обильны и потому растительность болѣе скудная. Въ 30 верстахъ къ сѣверу отъ подножія западной части высокаго Кэрійскаго хребта, стоитъ изолированная горная группа Текеликъ-тагъ; при 50 верстахъ въ длину и 20 въ ширину, она въ серединѣ поднимается выше снѣговой линіи.

Въ сѣверо-восточномъ углу мощнаго поднятія Центральной Азіи, лежащаго къ югу отъ широко раскинувшейся Великой Гоби, Н. М. снята завѣса съ загадочной области *Куку-нора* или Голубаго озера, о которомъ существовали одни преданія. Это озеро посѣщено имъ три раза и, благодаря ему, принадлежитъ нынѣ къ наиболѣе извѣстнымъ частямъ Центральной Азіи.

Куку-норъ представляетъ собою совершенно замкнутый бассейнъ, лежащій на высокой равнинѣ, значительно приподнятой надъ уровнемъ Гоби и окруженной со всѣхъ сторонъ горами. Съ сѣвера Куку-норская равнина опоясывается развѣтвленіями горной системы Нань-шаня, а съ юга безъименными горами, которымъ Н. М. далъ названіе Южно-Куку-норскаго хребта. На западѣ обѣ упомянутыя системы горъ соединяются съ вѣчно-снѣговымъ хребтомъ Риттера, названнаго въ честь знаменитаго географа, на востокѣ же она замыкается пограничнымъ хребтомъ, отдѣляющимъ Куку-норъ отъ населенной китайцами области Гань-су. Хребты, окружающіе Куку-норъ, составляютъ непосредственное продолженіе хребтовъ Тибета, которые, вступивъ въ Собственный Китай, заполняютъ собою страну, дающую начало верхнимъ притокамъ Желтой рѣки.

Самое озеро находится въ восточной части равнины и по очертанію своихъ береговъ напоминаетъ грушу, обращенную широкимъ концомъ къ сѣверо-западу. Оно лежитъ на высотѣ 10,800 ф. надъ уровнемъ моря, имѣетъ въ длину около 100 верстъ, при наибольшей ширинѣ въ 59 верстъ. Наиболѣе глубокая его часть сѣверо-западная, гдѣ Н. М., помощью

промѣровъ, произведенныхъ по льду въ разстояніи трехъ верстъ отъ берега, опредѣлилъ глубину въ 59 ф. Въ юго-восточной части Куку-норъ гораздо мельче и берега его носятъ слѣды постепеннаго возвышенія отъ наносовъ песку.

Небольшое озеро Хара-норъ, лежащее у восточнаго берега Куку-нора, свидѣтельствуетъ объ усыханіи большаго озера, часть котораго оно прежде составляло. Воды озера соленыя и отличаются своимъ замѣчательнымъ голубымъ цвѣтомъ, дѣлающимъ видъ его особенно привлекательнымъ.

Сосѣднія горы оставляютъ около озера лишь узкое пространство, а на югѣ подходятъ къ нему совсѣмъ близко. Къ сѣверу и къ западу отъ Куку-нора прибрежья представляютъ степь, а къ востоку—сыпучіе пески. Озеро не имѣетъ истока, но принимаетъ съ окрестныхъ горъ нѣсколько рѣкъ, которыя описаны Пржевальскимъ. Изъ нихъ первое мѣсто по величинѣ принадлежитъ Бухайнъ-голу, имѣющему, по разсказамъ туземцевъ, 400 верстъ длины, ширина же ея у устья не болѣе 15 саженъ, а нормальная глубина 2 фута; долина этой рѣки достигаетъ въ нижнемъ теченіи отъ 12 до 15 верстъ ширины.

Горы, замыкающія съ сѣвера высокую равнину Куку-нора, состоятъ изъ двухъ параллельныхъ хребтовъ, которымъ Н. М. по рѣкѣ, текущей между ними, далъ названіе *Сѣверно* и *Южно-Тэтунгскихъ горъ*. Оба эти хребта очень высоки, но не поднимаются до линіи вѣчныхъ снѣговъ, за исключеніемъ вершины Конкырь, лежащей въ сѣверномъ хребтѣ, недалеко отъ истоковъ Тэтунгъ-гола; другія двѣ вершины Гаджуръ и Соди-Сороксумъ достигаютъ безъ малаго 14,000 ф., а перевалы, по которымъ проходилъ Н. М., оказались въ Сѣверномъ хребтѣ на высотѣ 11,500 футовъ, а въ Южномъ—12,500 футовъ.

Тэтунгскіе хребты составляютъ переходъ отъ изсушенныхъ пустынь Центральной Азіи къ обильно орошенному Китаю. Уже на сѣверномъ скатѣ Сѣверно-

Тэтунгскаго хребта появляются кустарники, а затѣмъ и лѣса, а на южномъ склонѣ они несравненно значительнѣе. Что же касается до Южно-Тэтунгскаго хребта, то онъ вообще очень богатъ лѣсами, а сѣверные его скаты почти сплошь покрыты дремучимъ боромъ, поднимающимся до высоты $9^1/_2$ и 10 т. ф. Выше этого встрѣчаются рододендры и альпійскіе кустарники, перемѣшанные съ роскошными лугами, которые, начиная съ 12 т. ф., переходятъ въ голыя каменныя розсыпи.

Въ этихъ горахъ растетъ лекарственный ревень, имѣющій широкое примѣненіе въ китайской медицинѣ.

Тэтунгскія горы богаты не только лѣсомъ, но и каменноугольными копями, которыя разрабатываются китайцами у кумирни Чертынтонъ.

Южно Куку-норскій хребетъ длиною въ 500 верстъ отдѣляетъ степи Голубаго озера отъ пустынь Цайдама и Тибета, о которыхъ упоминается ниже. На сѣверномъ его скатѣ попадаются мелкій лѣсъ и кустарники, южный же совершенно голый; въ западной половинѣ хребта растительность исчезаетъ на обоихъ склонахъ. Перевалъ, по которому Пржевальскій пересѣкъ Южно-куку-норскій хребетъ, лежитъ на высотѣ 13,000 футовъ, а отдѣльныя вершины опредѣлены имъ въ 16,000 футовъ.

Съ востока бассейнъ Куку-нора отдѣляется отъ притоковъ Желтой или, вѣрнѣе, Синицской рѣки особымъ хребтомъ, перевалы коего достигаютъ 11,200 и 11,300 ф. Этотъ хребетъ, оставшійся безъ названія, очень невысокъ къ сторонѣ обращенной къ озеру, со стороны же Синицской рѣки онъ принимаетъ грандіозныя формы. Юго-восточнымъ продолженіемъ этого хребта служитъ массивъ Ама-сургу, наполняющій все пространство между Хуанъ-хэ и Синицскою рѣкою. Западную границу Куку-норскаго бассейна, по мнѣнію Н. М., образуетъ вѣчно-снѣговой *хребетъ Риттера*, перпендикулярный къ хребту Гумбольдта.

Въ географическихъ изслѣдованіяхъ, произведен-

ныхъ Н. М. на Куку-норской равнинѣ, нельзя не отмѣтить важнаго указанія на новый геологическій факторъ, способствующій постепенному нивелированію неровностей въ лицѣ пищухи—маленькаго звѣря изъ класса грызуновъ. Это небольшое животное, весьма быстро размножающееся, устраиваетъ себѣ норки подобно кротамъ, и разрыхляя при этомъ почву, оно облегчаетъ смываніе ея дождевыми водами.

Изложивъ въ самомъ сжатомъ видѣ картину Куку-нора, остается еще упомянуть о результатахъ изслѣдованія теченія *Желтой рѣки*, огибающей съ востока массивъ Куку-нора.

Получивъ начало въ Тибетѣ, Желтая рѣка, покинувъ высокое Тибетское нагорье, вступаетъ въ совершенно новую географическую область, гдѣ подъ вліяніемъ геологическихъ и климатическихъ условій мощное Тибетское плато обнажаетъ свой скелетъ и превращается въ дикую альпійскую страну. Здѣсь новорожденная рѣка, то стѣсняемая, то преграждаемая исполинскими горами, прихотливо извивается на всемъ протяженія своего верхняго теченія. Н. М. прошелъ по этой труднодоступной мѣстности 250 верстъ вдоль по Хуанъ-хэ вверхъ отъ г. Гуй-дуй. Особенности этого обширнаго участка составляютъ: высокія недоступныя горы, расположенныя между ними степныя плато, и лабиринтъ глубокихъ ущелій.

Горы образуютъ продолженіе широко развѣтвившейся системы Куень-луня и имѣютъ общее направленіе съ востока на западъ. Въ нихъ лишь отдѣльныя вершины переходятъ за линію вѣчныхъ снѣговъ. Между этими параллельными горными цѣпями залегаютъ степныя плато, занимающія мѣста прежнихъ озеръ, постепенно выливавшихся по мѣрѣ того, какъ Хуанъ-хэ вырывала себѣ глубокую долину. Осушенное дно этихъ озеръ, состоящее изъ древнихъ рѣчныхъ наносовъ и лёссовой глины, въ настоящее время размыто водами, сбѣгающими съ каждаго ущелья, и испещрено глубокими корридорами или траншеями, на днѣ которыхъ текутъ ручьи и рѣки. Благодаря

хорошему орошенію и рыхлой почвѣ, эти траншеи достигаютъ глубины 1,000 и болѣе футовъ, причемъ боковые откосы, нерѣдко совершенно вертикальные, опускаются безъ всякихъ перегибовъ на 500 ф. Эти обрывы, вслѣдствіе вывѣтриванія стѣнокъ, во многихъ мѣстахъ принимаютъ самыя причудливыя формы. По дну траншей и ущелій, а также по ихъ боковымъ обрывамъ, обращеннымъ на сѣверъ, встрѣчаются густыя заросли кустарниковъ и лиственныхъ деревъ, которыя въ верхнихъ частяхъ ущелій замѣняются хвойными.

Н. М. изслѣдовалъ участокъ Желтой рѣки отъ впаденія р. Чурмынъ до г. Гуй-дуй. О непосѣщенномъ имъ верхнемъ теченіи Пржевальскій приводитъ разспросныя свѣдѣнія. По показаніямъ туземцевъ, Хуанъ-хэ сначала, направляясь на востокъ, огибаетъ хребетъ Амне-Мачинъ, потомъ течетъ на нѣкоторомъ протяженіи въ обратную сторону, т. е. на западъ, а затѣмъ принимаетъ сѣверное направленіе, прорывая хребетъ Дзунъ-молунъ, за которымъ въ нее впадаетъ Чурмынь.

Въ этихъ горахъ Хуанъ-хэ мѣстами съуживается въ скалистыхъ берегахъ до 25 саж. и бѣшено катитъ свои волны по огромнымъ валунамъ, устилающимъ ея дно; при устьѣ Чурмыни ширина ея доходитъ до 40 и 50 саж. Ниже Желтая рѣка прорѣзываетъ песчаное плато въ 10,000 ф. абсолютной высоты, по которому она течетъ въ глубокомъ ущельѣ, дно коего почти на полверсты ниже поверхности плато. Вертикальные обрывы, изборожденные футовъ на 500 по отвѣсу, ограничиваютъ съ обѣихъ сторонъ ея долину, имѣющую отъ 2 до 3 верстъ ширины. Сама рѣка извивается по дну ущелья въ особомъ корридорѣ, шириною отъ 80 до 100 саж., замкнутомъ стѣнами въ 200 и 250 ф. высоты.

Далѣе къ сѣверу Хуанъ-хэ, прорвавъ хребетъ, носящій двойное названіе Сянь-си-бей и Джунаръ, вновь прорѣзываетъ песчаное плато, примѣрно прежней высоты, простирающееся до самаго подножія

Южно-Куку-норскаго хребта. Эта высокая равнина, обладающая песчано-глинистою почвою, простирается далеко на западъ, гдѣ отрогъ помянутаго хребта отдѣляетъ отъ нея совершенно замкнутую площадь, называемую туземцами Габасунъ-Гоби. Она при длинѣ въ 100 верстъ и ширинѣ въ 25, содержитъ въ себѣ соленое озеро Далай-дабасу.

Близъ урочища Балекунъ-гоми—перваго населеннаго пункта на Хуанъ-хэ, она поворачиваетъ круто на востокъ, причемъ долина ея, имѣвшая выше видъ траншеи шириною въ 6—8 верстъ и глубиною въ 1,000 ф., съуживается до 2 или 3 верстъ. Отъ названнаго поворота до г. Гуй-дуй размѣры рѣчной долины болѣе не увеличиваются, хотя ширина Хуанъ-хэ у послѣдняго пункта достигаетъ при малой водѣ до 60 саженъ. Теченіе рѣки стѣсняется на сѣверѣ горами Ама-сургу, а на югѣ возвышеннымъ плато.

На участкѣ между Чурмынью и урочищемъ Балекунъ-гоми русло Желтой рѣки имѣетъ всего 300 ф. паденія; далѣе же до г. Гуй-дуй на разстояніи 65 верстъ она опускается на 1,300 фут., вслѣдствіе чего рѣка здѣсь мчится съ ужасною быстротою по глубокому ущелью; на этомъ пространствѣ она недоступна ни для лодокъ, ни для пароходовъ.

Изъ горъ провинціи Гань-су, въ которую вступаетъ верхняя Хуанъ-хэ, Н. М. видѣлъ, кромѣ Тэтунгскихъ хребтовъ, Восточно-Куку-норскаго и его продолженія Ама-Сургу, еще хребетъ, лежащій на правомъ берегу Желтой рѣки къ югу отъ г. Гуй-дуй. Въ этомъ хребтѣ онъ посѣтилъ вершину Джахаръ (16,300 ф.), дающую начало р. Муджикъ-хэ, притоку Хуанъ-хэ. Строеніе хребта у вершины Джахаръ не отличалось отъ горъ, осмотрѣнныхъ на противоположномъ берегу, тѣ же скалы въ альпійскомъ поясѣ и тѣ же толщи лёсса въ среднемъ и нижнемъ поясахъ. Отъ подножія, лежащаго на высотѣ 10 т. ф., до высоты 11,500 ф. росли лѣса, ютившіеся преимущественно въ ущельяхъ; на высотѣ отъ 11,500 фут. до 15,000 фут. держалась альпійская растительность,

сначала кусты, а потомъ травы, выше 15,000 фут. попадались однѣ каменныя розсыпи.

Между расходящимися хребтами Алтынъ-тагъ и центральнымъ Куень-лунемъ залегаетъ обширная равнина *Цайдама*, составляющая совершенно отдѣльную область, изслѣдованіе которой произведено всецѣло Н. М. Цайдамъ образуетъ сѣверный передовой уступъ (9,000 ф. высоты) Тибета, примыкающій на сѣверовостокѣ къ горной системѣ Нань-шаня съ его возвышеннымъ Куку-норскимъ плато, а на востокѣ къ хребтамъ, наполняющимъ горную страну верхнихъ притоковъ Желтой рѣки.

Цайдамъ тянется на 700 верстъ, ширина его въ восточной части не превосходитъ 100 верстъ, а по серединѣ достигаетъ 300 верстъ. На западъ Цайдамская равнина постепенно съуживается и входитъ клиномъ въ „долину вѣтровъ“. Весь Цайдамъ, по описанію Н. М., состоитъ изъ двухъ рѣзко отличающихся другъ отъ друга частей: сѣверной и южной.

Сѣверная часть образуетъ галечную и глинистую пустыню, безплодную и маловодную. Въ сѣверномъ углу находится равнина, называемая монголами Сыртыномъ и отдѣленная отъ Цайдама западными продолженіями хребта Риттера.

Н. М. перевалилъ черезъ этотъ Южно-Сыртынскій хребетъ на высотѣ 12,400 ф. Въ западной половинѣ вышеупомянутой равнины лежатъ соляныя озера Багасыртынъ-норъ, Ихэ-сыртынъ-норъ и Хуйтунъ-норъ, окруженныя высохшими солончаками. Около нихъ встрѣчаются болота, питаемыя родниками и покрытыя пастбищами.

Къ востоку отъ Сыртынской равнины тянутся сыпучіе пески Куку-сай, отдѣленные хребтами Гумбольдта и Риттера отъ Куку-норскаго и Нань-шанскаго нагорья.

Южный Цайдамъ ниже сѣвернаго и отличается отъ него совершенно ровною поверхностью, которая

почти сплошь покрыта солончаками, блестящими на солнцѣ какъ снѣгъ. Среди нихъ довольно часто значительные болотистые участки. Присутствіе солончаковъ и болотъ въ Южномъ Цайдамѣ служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что вся его площадь представляетъ дно озера, высохшаго въ сравнительно мало отдаленную геологическую эпоху.

Орошеніе южнаго Цайдама обильнѣе сѣвернаго. Вдоль южной подошвы Южно-Куку-норскихъ горъ на уступѣ, образованномъ между этимъ хребтомъ и болѣе южными параллельными ему предгоріями, лежитъ цѣлый рядъ соляныхъ озеръ: Ихэ-цайдаминъ-норъ, Бага-цайдаминъ-норъ, Тосо-норъ, Сырхэ-норъ и Дуланъ-норъ. Одинъ только Курлыкъ-норъ прѣсноводный.

Главную артерію восточной части южнаго Цайдама составляетъ р. Баянъ-голъ или по монгольски „богатая рѣка“. Она беретъ начало изъ большаго озера Тосо-норъ, лежащаго въ горахъ Хуанъ-хэ, и течетъ съ сѣверо-востока на сѣверо-западъ на протяженіи 250 верстъ, впадая въ мелководное соленое озеро; названіе его Н. М. не удалось узнать. Равнина, по которой протекаетъ Баянъ-голъ, не смотря на громкое названіе рѣки, состоитъ частью изъ безплодныхъ солончаковъ, мѣстами покрытыхъ слоемъ соли въ дюймъ толщины, а частью изъ площадей, поросшихъ кустами тамариска, или изъ болотинъ, заросшихъ тростникомъ и разными травами, доставляющими кормъ стадамъ.

Южныя горы, давая начало рр. Найджинъ-голу и Уту-мурени, сверхъ того питаютъ подземными водами, просачивающимися черезъ каменныя осыпи, у подошвы, узкій поясъ растительности шириною въ 10, 15 и 20 верстъ. Этотъ поясъ, а также остальныя сырыя мѣста Цайдама покрыты зарослями тамариска, хармыка, тростника и проч. Въ 50 верстахъ къ западу отъ Уту-мурени полоса, орошенная подземными водами, смѣняется солончаками, обнаженными отъ всякой растительности.

Отсюда къ сѣверо-западу и къ сѣверу до Ал-

тынъ-тага простирается обширная площадь, характеризующаяся крайнимъ безводьемъ и безплодіемъ, даже по сравненію съ такою обездоленною природою мѣстности, какъ горный Цайдамъ. Въ этомъ ужасномъ участкѣ только въ видѣ исключенія попадаются подземные ключи, дающіе жизнь небольшимъ оазисамъ.

На всемъ пути черезъ западный Цайдамъ Пржевальскій встрѣтилъ только два оазиса, Гансы и Гасъ, изъ чего онъ выводитъ заключеніе, что въ болѣе удаленныхъ отъ горъ частяхъ пустыни ихъ не существуетъ вовсе.

Дальнѣйшимъ западнымъ продолженіемъ Цайдама слѣдуетъ считать открытую Н. М. „Долину вѣтровъ“. Она ограничивается съ юга Центральнымъ Куень-лунемъ, а съ сѣвера Алтынъ-тагомъ и его отрогомъ Чаменъ-тагомъ, переходящимъ въ трехъ группахъ за линію вѣчныхъ снѣговъ. Длина долины около 400 верстъ, а ширина отъ 20 до 40; западная ея оконечность лежитъ на высотѣ 9,500 ф., а восточная — 12,000 ф. Въ восточной половинѣ „Долины вѣтровъ“ течетъ, въ углубленной ложбинѣ, р. Зайсанъ-Сайту, дважды пропадающая подъ землею и снова появляющаяся въ видѣ ключей.

„Долиною вѣтровъ“, по мнѣнію Н. М., можно бы воспользоваться для кратчайшаго соединенія Восточнаго Туркестана съ Собственнымъ Китаемъ въ обходъ сѣверной подошвы Алтынъ-тага и ужасной пустыни Кумъ-тагъ.

Центральный Куень-лунъ. Вся южная ограда Цайдама, связывающаяся на западѣ съ хребтами западнаго Куень-луня и Алтынъ-тага, впервые изслѣдована Пржевальскимъ. До его путешествій въ Центральную Азію, на географическихъ картахъ совсѣмъ не существовало этой горной системы. Колоссальное сплетеніе хребтовъ изслѣдовано Н. М. почти на протяженіи 12° по долготѣ, начиная отъ меридіана восточной окраины Цайдама до западной оконечности хребта Тогузъ-дабанъ. Въ немъ онъ отыскалъ таинственный Куень-

лунь, составляющій, по словамъ нѣмецкаго ученаго барона Рихтгофена, позвоночный столбъ Азіи, который можно уподобить огромной цѣпи Кордильеровъ Новаго Свѣта.

Присваивая всей системѣ общее названіе Средняго или Центральнаго Куень-луня, Н. М. считаетъ его началомъ тотъ узелъ, гдѣ отдѣляется на востокъ хребетъ Алтынъ-тагъ, а восточною оконечностью, по Рихтгофену, широкое его развѣтвленіе на параллельныя цѣпи, находящіяся подъ 104° вост. долготы отъ Гринвича. Приписываемое этой части Куень-луня значеніе становаго хребта Азіи оправдывается ея огромнымъ протяженіемъ, достигающимъ 40° по долготѣ. Восточныя продолженія этихъ горъ заходятъ далеко на востокъ въ Собственный Китай, прорѣзывая по пути верховья Желтой рѣки. Что же касается до Алтынъ-тага и Нань-шаня, разсматриваемыхъ какъ сѣверная вѣтвь Куень-луня, то она оканчивается у г. Ланъ-чжоу въ Гань-су. Южная вѣтвь также короче центральной и кончается раньше ея, упираясь въ меридіональные хребты верховьевъ Индо-китайскихъ рѣкъ.

Равнымъ образомъ указаніемъ на важное значеніе Центральнаго Куень-луня въ строеніи Азіятскаго материка служитъ мощность его горной системы. Центральный кряжъ Куень-луня на всемъ своемъ протяженіи двойной, а мѣстами даже тройной. Между этими хребтами тянутся длинныя узкія продольныя долины, имѣющія видъ корридоровъ и составляющія отличительную черту всего Центральнаго Куень-луня.

Съ юга къ Центральному Куень-луню примыкаетъ высокое нагорье Тибета, нигдѣ не опускающееся ниже 13,000 ф. надъ уровнемъ моря. Притомъ эта горная система подчиняется, подобно прочимъ окраиннымъ хребтамъ Азіи, общему для нихъ закону, по которому только наружные скаты, въ данномъ случаѣ сѣверные, получаютъ дикій горный характеръ, тогда какъ внутренніе, обращенные къ плоскогорью, сравнительно отлоги и отличаются мягкими формами.

Восточная половина Центральнаго Куень-луня до прорыва цайдамской рѣки Найджинъ-голъ, представляетъ двойную ограду: наружную, прилегающую къ Цайдаму, составляютъ хребты Бурханъ-Будда, Го-шили и Толай, а внутреннюю тибетскую Хара-сай и Шуга. Между ними тянется въ видѣ корридора долина, замкнутая горнымъ узломъ, образуемымъ хребтами Толай и Шуга. Растительность этой долины скудная, и пастбищныхъ мѣстъ въ ней встрѣчается мало, однако, благодаря отсутствію человѣка, здѣсь водится много дикихъ животныхъ. Воды изъ этой долины выносятся на сѣверъ въ Цайдамъ двумя рѣками, прорывающими хребетъ Бурханъ-Будда. Изъ нихъ р. Алакъ-норъ-голъ, вытекающая изъ озера того-же названія, впадаетъ въ Баянъ-голъ.

Хребетъ *Бурханъ-Будда*, достигающій 16 т. ф., господствуетъ на 7 т. ф. надъ равнинами Цайдама и представляется съ сѣвера исполинскимъ стражемъ Тибета. На протяженіи 150 верстъ отъ окрестностей Тосо-нора до прорыва р. Номохунъ-голъ, этотъ хребетъ имѣетъ видъ непрерывнаго гребня, носящаго дикій характеръ, но безъ рѣзко-выдающихся точекъ, переходящихъ за линію вѣчныхъ снѣговъ. Растительность Бурханъ-Будда весьма бѣдная и только на южномъ его склонѣ стелятся тощіе луга. Пройденный Н. М. перевалъ черезъ этотъ хребетъ лежалъ на высотѣ 16,100 футовъ.

Западное продолженіе Бурханъ-Будда составляютъ *Го-шили* и *Толай*, который своими отрогами упирается въ поперечную долину Найджинъ-гола.

Внутренніе хребты *Шуга* и *Хара-сай*, по своему характеру и высотѣ, мало отличаются отъ Бурханъ-Будда, та же мертвенность, тѣ же голые скаты, отливающіе разными цвѣтами, свойственными горнымъ породамъ. На Шугѣ перевалъ лежалъ на высотѣ 15,200 ф., а на Хара-сай—13,200 ф. Въ хребтѣ Шуга Н. М. насчиталъ до пяти вѣчно снѣговыхъ группъ.

Къ юго-западу отъ Шуги, горная система Цент-

ральнаго Куень-луня усиливается новымъ параллельнымъ хребтомъ, третьимъ по счету, которому Пржевальскій далъ названіе хребта *Марко-Поло*, въ память знаменитаго венеціянскаго путешественника XIII вѣка. Хребетъ этотъ отдѣляется отъ Шуги узкою долиною, не шире 6 и 8 верстъ, по которой течетъ р. Шуга-голъ, притокъ Найджинъ-гола, достигающій 300 верстъ длины, при ширинѣ въ нижнемъ теченіи отъ 6 до 8 саж. и глубинѣ въ 1 футъ. Пастбища долины Шуга-гола привлекаютъ массу дикихъ звѣрей, кормящихся здѣсь въ полной безопасности. На лѣвомъ берегу Найджинъ-гола, противъ послѣднихъ отроговъ хребта Толая, поднимается хребетъ, носящій разныя названія, сначала Торай, потомъ Цозсонэ и, наконецъ, Дзуха и тянущійся на соединеніе съ хребтомъ Марко-Поло.

Между упомянутыми хребтами—Трехъ-именнымъ и Марко-Поло, на берегу р. Шуга-гола возникаетъ промежуточный хребетъ, носящій на востокѣ названіе Гурбу-гундзуга, а на западѣ Гурбу-найджи и также направляющійся на соединеніе съ хребтомъ Марко-Поло. Такимъ образомъ, Центральный Куень-лунь отъ верхняго теченія Шуга-гола до прорыва цайдамской р. Уту-муреня состоитъ изъ трехъ параллельныхъ валовъ. Между сѣверною и среднею цѣпями лежитъ возвышенная продольная долина, орошаемая верхнимъ Найджинъ-голомъ, а между среднею и южною образовался тѣсный корридоръ, длиною около 100 верстъ, не расширяющійся свыше пяти верстъ и составляющій какъ-бы продолженіе долины Шуги-гола. Наблюденіе высоты, произведенное Н. М., показало, что дно этого корридора въ средней части возвышается на 14,500 ф. надъ уровнемъ моря. Горы между Найджинъ-голомъ и Уту-муренемъ такъ же голы и безплодны, какъ и лежащія къ востоку отъ первой, но на скатахъ по ручьямъ и въ продольныхъ долинахъ встрѣчаются сносныя пастбища.

Хребетъ Марко-Поло, возникающій у сліянія р. Шуга-гола съ его тибетскимъ притокомъ Уянъ-харза, по предположенію Н. М., тянется на 400 верстъ къ

*

западу. Въ восточной части хребта находятся два перевала, по которымъ проходилъ Пржевальскій: Чюмъ-чюмъ, высотою въ 16,300 ф., и Ангыръ-дакчинъ, высотою въ 15,900 ф. Первый изъ нихъ болѣе удобенъ, такъ какъ по пути къ нему встрѣчаются хорошіе луга. Подобно горамъ Тибета, хребетъ Марко-Поло не имѣетъ скалъ, въ особенности въ верхнемъ своемъ поясѣ. Въ самомъ хребтѣ Н. М. видѣлъ пять снѣговыхъ вершинъ, изъ коихъ высшая имѣетъ отъ 18 до 19 т. ф. Снѣговая линія держится на высотѣ 16,500 ф. Въ общемъ, на сколько можно судить по двумъ путямъ, по которымъ его пересѣкъ Н. М., этотъ хребетъ совершенно безплоденъ какъ на сѣверномъ, такъ и на южномъ склонахъ.

У прорыва Уту-муреня Центральный Куень-лунь образуетъ между параллельными хребтами новыя продольныя долины, изъ коихъ мѣстные монголы называли двѣ: первую, гдѣ беретъ начало р. Уту-мурень, и вторую, орошаемую р. Баты-ганту, притокомъ Уту-муреня, извѣстную среди туземцевъ своими пастбищами и обильными ключами. Послѣдняя долина отдѣляется отъ Цайдама хребтомъ Гарынга-ула, который въ своей крайней снѣговой вершинѣ Джинри достигаетъ 20,000 ф. Отъ этой вершины отходитъ на сѣверо-западъ хребетъ, названный Пржевальскимъ именемъ Колумба. Онъ тянется на 200 верстъ до прорыва р. Зайсанъ-сайту, направляясь къ „Долинѣ вѣтровъ“.

Въ 50 верстахъ къ югу отъ Джинри, Н. М. видѣлъ другой снѣговой хребетъ, отходящій на западъ, который названъ имъ Загадочнымъ, такъ какъ онъ представлялся ему, подобно хребту Марко-Поло, внутреннею оградою Центральнаго Куень-луня. *Хребту Загадочному*, по почину нашего географическаго общества, теперь присвоено имя хребта *„Пржевальскаго“*, въ память рѣдкихъ заслугъ нашего великаго путешественника.

Къ сѣверу отъ хребтовъ Гарынга-ула и Колумба высится *хребетъ Цайдамскій*, длиною въ 320 верстъ. Онъ начинается невысокими холмами, примѣрно въ 100 верстахъ отъ Уту-муреня, и продолжается параллельно

помянутымъ хребтамъ до прорыва Зайсанъ-сайту. Между хребтами Гарынга-ула, Колумба и Цайдамскимъ лежитъ продольная долина, по которой течетъ на сѣверо-западъ Хатынъ-занъ, притокъ Зайсанъ-сайту, берущій начало съ ледниковъ Джинри и прорывающій Цайдамскій хребетъ. Восточная часть этой долины имѣетъ наклонъ къ Цайдаму и постепенно сливается съ нимъ, въ направленіи, по которому изъ ледниковъ Джинри течетъ р. Баянъ-голъ. По своему строенію Цайдамскій хребетъ очень узокъ и имѣетъ всего двѣ снѣжныя вершины.

Къ западу отъ прорыва Зайсанъ-сайту поднимается новый хребетъ, названный *Московскимъ*. Онъ тянется на западъ нѣсколько болѣе 100 верстъ и соединяется съ хребтомъ Токузъ-дабанъ, при помощи котораго Центральный Куень-лунь сливается съ Западнымъ. За исключеніемъ небольшой восточной части, Московскій хребетъ покрытъ сплошными ледниками, особенно обширными на высшемъ пикѣ, наименованномъ *Кремлемъ*.

На плато, лежащемъ къ югу отъ западной оконечности хребта Колумба, Н. М. открылъ озеро, названное имъ *Незамерзающимъ*, такъ какъ оно до того насыщено солью, что даже въ суровую зиму не было покрыто льдомъ. Съ береговъ этого озера, лежащаго на высотѣ 11,700 ф., Пржевальскій увидѣлъ на югъ снѣговой хребетъ, соотвѣтствовавшій Загадочному по своему направленію. Это навело его на мысль, что оба видѣнныхъ имъ хребта представляютъ отдѣльную вѣтвь Центральнаго Куень-луня, которая, судя по остальнымъ вѣтвямъ этого кряжа, тянется далѣе къ западу, на соединеніе съ хребтомъ Русскимъ или Токузъ-дабаномъ.

На югъ отъ Центральнаго Куень-луня грандіозная природа Азіи проявляетъ себя въ массивномъ *плоскогорьѣ Тибета*—странѣ доселѣ еще малоизвѣстной.

До смѣлыхъ путешествій Пржевальскаго вся громадная площадь между 30° и 36° сѣв. широты и 52° и

72° вост. долготы отъ Пулкова (за исключеніемъ южной окраины плоскогорья), оставалась краемъ загадочнымъ, топографія коего была менѣе извѣстна, чѣмъ видимая поверхность луны. Только въ восточной половинѣ Тибета, по пути буддійскихъ богомольцевъ, начиная со второй половины XVII вѣка удалось проѣхать нѣсколькимъ европейцамъ, но ни одинъ изъ нихъ не оставилъ подробнаго описанія пройденной имъ мѣстности. Отсутствіе хоть сколько нибудь систематическихъ и научныхъ свѣдѣній о Тибетѣ, до экспедиціи Н. М., объясняется тѣми преградами, которыя здѣсь ставятъ изслѣдователю природа и люди. Для преодолѣнія ихъ необходимы были: необыкновенная выносливость Пржевальскаго, его рѣдкая энергія и неподражаемая смѣлость, не останавливающаяся ни передъ какими препятствіями.

Сильно изнуряющій человѣка и животныхъ разрѣженный воздухъ тибетскаго нагорья, которое выше вершинъ Монблана и даже Казбека, крайности климата, то слишкомъ сухаго, то слишкомъ влажнаго, отсутствіе топлива, скудный подножный кормъ составляли непреодолимыя для обыкновеннаго человѣка препятствія. Къ этому еще нужно прибавить суевѣріе населенія и его враждебность къ иноземнымъ пришельцамъ, которыхъ оно старается не впускать къ себѣ, задерживать на каждомъ шагу и поскорѣе выпроводить.

Границами обширной площади Тибета служатъ на сѣверѣ Центральный Куень-лунь, на югѣ Гималай, на западѣ Каракорумъ и на востокѣ китайскія провинціи Гань-су и Сы-чуань. Въ этомъ пространствѣ можно отмѣтить три области, рѣзко отличающіяся другъ отъ друга по своему топографическому характеру и органической природѣ: южную, къ которой относятся высокія долины верховьевъ Инда, Сетледжа и Брамапутры; сѣверную, представляющую массивное и пустынное столовидное плато, и восточную—обнимающую альпійскую страну, образуемую уступами высокаго нагорья, спускающагося къ китайской низменности. Гра-

ницею между сѣверною и восточною частями Тибета можетъ служить линія, проведенная отъ озера Тенгринора къ истокамъ Желтой рѣки.

Заслугу Н. М. составляетъ собственно изслѣдованіе сѣверной части Тибета, въ областяхъ, прилегающихъ къ упомянутой пограничной чертѣ. По его описанію, сѣверный Тибетъ является обширнымъ внутреннимъ нагорьемъ Азіи, простирающимся съ запада на востокъ, на 1,000—1,500 верстъ, при ширинѣ свыше 500 верстъ. Абсолютная его высота колеблется между 14,000 и 15,000 футовъ.

По плоскогорью разбросаны хребты, по большей части оріентированные параллельно Куень-луню и холмы, не имѣющіе опредѣленнаго гребня. Хребты, при громадной абсолютной высотѣ, возвышаются лишь незначительно отъ 1,000 до 2,000 ф. надъ поверхностью плоскогорья. Формы хребтовъ Тибета мягкія, скаты отлоги и длинны, вершины куполообразныя, перевалы удободоступны и лишь небольшія отдѣльныя группы достигаютъ линіи вѣчныхъ снѣговъ. Она на внутреннемъ тибетскомъ плато чрезвычайно поднята и лежитъ на высотѣ 16,500—17,000 футовъ. Въ промежуткахъ между горами залегаютъ болѣе или менѣе обширныя равнины, имѣющія видъ замкнутыхъ котловинъ, или раскинутыхъ волнистою гладью между параллельными хребтами.

Очертаніе тибетскихъ горъ, по объясненію Н. М., является результатомъ сильныхъ и постоянныхъ бурь, которыя не только здѣсь, но и въ другихъ частяхъ Центральной Азіи производятъ такое же разрушающее и измѣняющее дѣйствіе, какое творитъ вода въ другихъ частяхъ земнаго шара. Въ теченіе вѣковъ эти неустанныя бури осаждаютъ въ замкнутыхъ котловинахъ громадныя лёссовыя толщи атмосферной пыли, выдуваютъ обширныя площади прежнихъ водяныхъ осадковъ, переносятъ съ мѣста на мѣсто сыпучіе пески, разрушаютъ и сглаживаютъ горные хребты.

Воды восточнаго раіона сѣвернаго Тибета, обслѣ-

дованнаго Н. М., имѣютъ стокъ къ океану, тогда какъ въ западномъ раіонѣ онѣ образуютъ только внутренніе бассейны. Въ области путешествій Пржевальскаго, большая часть рѣкъ были данниками Муръ-усу или верхняго теченія Голубой рѣки,—Янъ-цзи-цзяна китайцевъ. Только въ сѣверо-восточномъ углу тибетскаго нагорья лежатъ истоки Хуанъ-хэ или Желтой рѣки.

Послѣ общей картины Тибета, заимствованной изъ описаній Н. М., обратимся къ главнѣйшимъ частнымъ его изслѣдованіямъ.

Къ югу отъ хребтовъ Марко-Поло, Шуга и Харасая залегаетъ волнистое плато шириною отъ 70 до 100 и болѣе верстъ. Почва его глинистая съ примѣсью песку и гальки и почти совершенно обнажена отъ растительности; мѣстами встрѣчаются соляной налетъ и солончаки. Въ восточной части плато находится окруженная горами *область истоковъ Желтой рѣки*. Южною границею этой равнины служитъ хребетъ *Куку-шили*, тянущійся, по показаніямъ туземцевъ, на 600 верстъ съ запада на востокъ, а къ востоку отъ прорыва Напчитай-уланъ-муреня его продолжаютъ горы Баянъ-хара-ула—„богатыя черныя горы“, служащія водораздѣломъ между истоками Хуанъ-хэ и Муръ-усу или верховьями Голубой рѣки. При огромной абсолютной высотѣ въ 16/т. ф., хребетъ Куку-шили поднимается лишь на 1,000—2,000 ф. надъ равнинами своей сѣверной и южной подошвы. Отдѣльныя вершины не выдаются изъ ровнаго гребня хребта и нигдѣ не переходятъ снѣговую линію. На пологихъ его скатахъ, по большей части луговыхъ и лишь мѣстами оголенныхъ, скалъ совсѣмъ не встрѣчается. Характерную принадлежность растительности горъ Куку-шили составляетъ тибетская осока, растущая преимущественно на сѣверныхъ склонахъ или въ высокихъ долинахъ по всему Тибету и способствующая образованію кочковатыхъ болотъ, называемыхъ монголами мото-шириками. Эти болота обязаны своимъ происхожденіемъ дождямъ и бурямъ; первые доставляютъ лѣтомъ въ большомъ изобиліи воду, задерживаемую гли-

нистою почвою и корнями растеній, а вторыя зимою и весною выдуваютъ весь высохшій слой почвы, не скрѣпленной корнями, образуя такимъ образомъ кочки.

Горы *Баянъ-хара,* составляющія восточное продолженіе хребта Куку-шили, представляютъ возвышенное плато въ 15,000 ф. абсолютной высоты и только на 1,000 ф. превышаютъ котловину истоковъ Хуанъ-хэ, по которой безъ всякаго видимаго порядка разбросаны не высокіе хребты. Весь этотъ лабиринтъ горъ, пологіе скаты которыхъ покрыты мото-шириками, не представляетъ преградъ для путешественника.

Къ югу отъ водораздѣла притоковъ Хуанъ-хэ мѣстность принимаетъ альпійскій характеръ. Горы становятся сразу высокими, хотя не достигаютъ вѣчныхъ снѣговъ, которые здѣсь лежатъ на высотѣ почти 17,000 ф. Внизъ по Муръ-усу горы еще возрастаютъ и надъ самою рѣкою Н. М. видѣлъ вѣчно снѣговую вершину Гату-джу. Орошеніе южнаго склона Баянъ-хара болѣе обильное: во всякомъ ущельѣ текутъ рѣки и растительность становится богаче, попадаются заросли кустарниковъ.

Ровное плато, простирающееся верстъ на 50 къ югу, отдѣляетъ Куку-шили отъ параллельной ему цѣпи *Думбуре,* подходящей своею сѣверо-восточною оконечностью, на берегу Муръ-усу, къ названному выше хребту. По разспроснымъ свѣдѣніямъ, Думбуре протягивается на 450 верстъ къ западу отъ Муръ-усу. Онъ удобопроходимъ и имѣетъ только двѣ небольшія вѣчно снѣговыя группы въ своей восточной части. На сѣверномъ склонѣ много мото-шириковъ.

Отъ Думбуре на берегу Муръ-усу отдѣляется невысокій хребетъ Цаганъ-обо, поворачивающій на западъ и принимающій названіе Кангинъ. На противоположномъ правомъ берегу Муръ-усу высится параллельный Цаганъ-обо хребетъ Дачинъ-дачюмъ.

Въ верстахъ 50 къ югу отъ горъ Кангинъ начинается обширное плато, быть можетъ, какъ говоритъ

Н. М., одно изъ самыхъ высокихъ въ сѣверномъ Тибетѣ. По гребню этого плато тянется въ прямомъ восточно-западномъ направленіи вѣчно снѣговой хребетъ, извѣстный подъ именемъ *Танъ-ла*, названіе котораго можетъ быть пріурочено ко всему плато. При высотѣ перевала на монгольскомъ караванномъ пути въ 16,700 ф., сѣверный подъемъ къ нему тянется на 125 верстъ, а спускъ къ югу имѣетъ 75 верстъ длины. Вѣчно снѣговыя горы, имѣющія на глазъ отъ 19 до 20 т. ф. высоты, не представляютъ однако сплошной линіи на Танъ-ла, хотя ихъ несравненно больше, чѣмъ въ остальныхъ горныхъ цѣпяхъ Тибета, и отдѣльныя снѣговыя вершины лежатъ даже внѣ главнаго хребта, каковы Джома, Дорзы и Меду-кунъ.

По высотѣ своего гребня, превышающаго на 2,100 ф. сосѣднія равнины, Танъ-ла служитъ главнымъ водораздѣломъ внутри Тибета. По разсказамъ туземцевъ, этотъ хребетъ продолжается отъ караваннаго пути на 250 верстъ къ западу и на 200 верстъ къ востоку. Растительность въ немъ бѣдная, а мото-ширики занимаютъ большія площади на обоихъ скатахъ. За Танъла на югъ Н. М. доходилъ до ручья Ніеръ-чунгу, лежащаго на высотѣ 15,500 ф., у подошвы горы Бумза. Отсюда онъ увидѣлъ противъ себя къ югу за р. Напчу вѣчно снѣговую группу Самтынъ-кансыръ. Сводя положеніе этой группы со свѣдѣніями британскаго географическаго бюро въ Индіи, Н. М. призналъ ее принадлежащею къ Трансгималаю, непрерывно протянувшемуся сюда отъ самаго Каракорума. Открытіемъ Самтынъ-кансыра онъ сомкнулъ свои изслѣдованія въ Азіи съ англійскими.

Равнины Тибета, расположенныя между параллельными горными хребтами, обозначаютъ собою долины рѣкъ, а обширная котловина, лежащая на высотѣ 14,000 ф., т. е. выше Альповъ, собираетъ воды, дающія начало Желтой рѣкѣ. Истоки ея были описаны китайцами еще въ началѣ прошлаго столѣтія, но тѣмъ не менѣе открытіе ихъ принадлежитъ Пржевальскому, потому что китайскія данныя о Хуанъ-хэ, какъ всѣ

ихъ географическія свѣдѣнія, были запутаны и лишены всякаго научнаго основанія. Пржевальскій же нашелъ у ея истоковъ, питающую рѣку котловину, которая по китайски называется Синъ-су-хай, а по монгольски *Одонъ-тала* или звѣздная степь. Эта площадь, имѣющая 70 верстъ длины и 20 ширины, покрыта множествомъ кочковатыхъ болотъ (мото-шириковъ), ключей и маленькихъ озеръ, благодаря коимъ степь, вѣроятно, получила названіе звѣздной. При абсолютной высотѣ въ 14,000 ф., Одонъ-тала окружена лишь относительно невысокими горами и въ ея окрестностяхъ нѣтъ вѣчно снѣговыхъ вершинъ.

Въ противорѣчіе китайской географіи, верховья Хуанъ-хэ образуются не одною рѣкою, а сліяніемъ двухъ рѣкъ, несущихъ воды почти въ одинаковомъ объемѣ и соединяющихся подъ прямымъ угломъ у восточной окраины Одонъ-талы. Географическое положеніе точки сліянія, которую Н. М. принимаетъ за начало Хуанъ-хэ, лежитъ, по произведенному имъ наблюденію, подъ 34°, 55′, 3″ сѣв. широты, а по прокладкѣ маршрута, на 96°, 52′ вост. долготы отъ Гринвича. Вновь народившаяся рѣка разбивается на 3—4 рукава шириною отъ 10 до 13 саж. и глубиною около $1^1/_2$ ф. На 25 верстъ ниже соединенія обѣихъ рѣкъ Хуанъ-хэ вступаетъ въ страну своихъ верховыхъ озеръ, южные берега которыхъ были посѣщены Николай Михайловичемъ.

Озеръ всего два и хотя о нихъ упоминается въ китайскихъ источникахъ и они окрещены монгольскими именами, но Н. М. по праву перваго изслѣдователя, назвалъ одно озеромъ *Экспедиціи*, а другое *Русскимъ*. Они имѣютъ элипсоидальную форму и примѣрно около 130 верстъ въ окружности. Въ озерѣ Экспедиціи большая ось направлена съ запада на востокъ, а въ озерѣ Русскомъ съ сѣвера на югъ. Истокъ перваго озера находится въ сѣверномъ придаточномъ заливѣ, откуда Хуанъ-хэ течетъ въ сѣверную часть озера Русскаго. Въ этомъ послѣднемъ, какъ удалось узнать Н. М., истокъ также находится на сѣверѣ. Съ юга озеро

Русское принимаетъ два притока Джагынъ-голъ, длиною въ 150 верстъ, и р. Разбойничью, на берегахъ которой произошло нападеніе разбойниковъ-тангутовъ на малочисленный, но сильный духомъ отрядъ Пржевальскаго. Берега озеръ, за исключеніемъ небольшихъ болотинъ, обставлены горами въ 400 и 600 ф. вышины. Вода ихъ темносиняго цвѣта, съ мутножелтоватыми полосами, обозначающими теченіе Хуанъ-хэ. Благодаря настойчивости и энергіи Н. М., верховья Желтой рѣки теперь хорошо изслѣдованы, кромѣ 400 верстнаго промежутка отъ выхода рѣки изъ Русскаго озера до впаденія р. Чурмыни, для котораго имѣются одни разспросныя свѣдѣнія. На этомъ участкѣ, судя по разности уровней озера Русскаго и р. Чурмыни, Хуанъ-хэ имѣетъ 4,800 ф. паденія.

Остальная часть восточной половины внутренняго тибетскаго плато принадлежитъ бассейну *Муръ-усу*, по монгольски „Большой рѣки“, составляющей верховья знаменитаго Янъ-цзы-цзяна — этой жизненной артеріи Китайской имперіи. Истоки Муръ-усу, по свидѣтельству мѣстныхъ жителей, лежатъ на сѣверномъ склонѣ Танъ-ла, въ 100 верстахъ западнѣе перевала на караванномъ пути. Огибая плато Танъ-ла, Муръ-усу течетъ къ сѣверу-востоку до сліянія съ Напчитай-уланъ-муренемъ, берущимъ начало на южномъ склонѣ хребта Марко-Поло. Муръ-усу на пересѣченіи съ караванною дорогою пройденъ Н. М. въ бродъ (глубиною въ $2^1/_2$ ф.) и имѣетъ отъ 30 до 40 саж. ширины, а въ половодье болѣе 50. Ниже размѣры этой рѣки увеличиваются отъ прибыли водъ, приносимыхъ ею лѣвыми притоками: Токтонай-уланъ-муренемъ, Хапчикъ-уланъ-муренемъ и Напчитай-уланъ-муренемъ.

Послѣдняя рѣка на верхнемъ своемъ теченіи дѣлится на мелководные рукава, изъ коихъ два, шириною въ 8 и 10 саж., были пересѣчены Н. М. Въ своихъ низовьяхъ послѣ прорыва между хребтами Куку-шили и Баянъ-хара, Напчитай-уланъ-мурень становится значительною рѣкою, шириною въ 40 саженъ. Протекая по солонцеватой почвѣ, она приноситъ въ Муръ-усу воду, солоноватую на вкусъ.

У сліянія съ Нанчитаемъ Муръ-усу имѣетъ, согласно наблюденію, произведенному по льду, 108 саж. ширины; разстояніе же между берегами доходитъ до 800 саж. при лѣтнемъ разливѣ, обозначенномъ полосами наносной гальки. Глубина ниже впаденія Напчитай-уланъ-муреня вездѣ значительная, отъ 5 до 7 ф., а мѣстами и болѣе. Отъ впаденія вышеупомянутаго притока, а можетъ быть и выше, Муръ-усу здѣсь болѣе извѣстна подъ тангутскимъ названіемъ Ды-чу или „Коровьей рѣки“, по множеству дикихъ яковъ, бродящихъ по ея берегамъ. Ширина русла въ этомъ мѣстѣ не превосходитъ въ лѣтнее половодіе 50 и 60 саж. Теченіе на этомъ участкѣ становится быстрымъ, во многихъ мѣстахъ образуются пороги и каскады. Бродовъ на рѣкѣ уже не встрѣчается, за исключеніемъ урочища Чамаръ-абданъ, лежащемъ нѣсколько ниже устья р. Напчитай, гдѣ Ды-чу дѣлится на 7 мелкихъ рукавовъ. Протекая на высотѣ 14,600 ф. у сѣверной подошвы Танъ-ла, Ды-чу опускается до 13,100 ф. при устьѣ р. Конъ-чюнъ-чю, берущей начало въ горахъ Баянъ-хара. Устье этой рѣки, находящееся почти на 96° вост. долготы отъ Гринвича, составляетъ внизъ по теченію крайній пунктъ, посѣщенный Николаемъ Михайловичемъ.

Самая южная изъ тибетскихъ рѣкъ, о которой онъ даетъ свѣдѣнія, — Напъ-чу или по монгольски Хара-усу. Впрочемъ, ему удалось видѣть только Санъ-чю, одинъ изъ лѣвыхъ ея притоковъ. Направленіе этой рѣки оправдало на мѣстѣ англійскія свѣдѣнія о существованіи въ вехрнемъ ея теченіи озеръ, изъ коихъ большое Митыкъ-джансу соотвѣтствовало озеру Чаргутъ. Это убѣдило Пржевальскаго что онъ дошелъ до верховьевъ Салуэна. Сопоставляя всѣ эти данныя, Пржевальскій пришелъ къ убѣжденію, что Танъ-ла образуетъ въ Тибетѣ водораздѣлъ для рѣкъ Индо-Китая, принимающихъ въ своихъ среднихъ теченіяхъ южное направленіе, и для двухъ великихъ рѣкъ Китая, прокладывающихъ себѣ путь къ востоку.

Вотъ краткій перечень тѣхъ открытій, которы-

ми Николай Михайловичъ обогатилъ географическую науку.

Попутно съ географическими изслѣдованіями, онъ не упускалъ изъ вида туземнаго населенія, изучалъ особенности его быта и характера. Пустынность и безлюдность мѣстности по которой большею частью ходилъ Пржевальскій и отсутствіе хорошихъ переводчиковъ значительно затрудняли собраніе этнографическаго матеріала. Къ этому надо прибавить, что китайскія власти почти вездѣ возбуждали противъ него народъ и иногда даже настрого запрещали вступать съ русскими въ какія бы то ни было сношенія; наконецъ, на верховьяхъ Желтой рѣки и на хребтѣ Танъ-ла все знакомство Н. М. съ мѣстнымъ населеніемъ ограничилось отраженіемъ нападеній вооруженныхъ шаекъ.

При такихъ отношеніяхъ къ жителямъ, Пржевальскій, разумѣется, не могъ дать полнаго этнографическаго описанія народностей, населяющихъ все громадное пространство отъ Памира до Большаго Хингана. Но это не помѣшало ему тщательно изучить племена Центральной Азіи, неотносившіяся къ нему враждебно, и въ особенности въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ онъ останавливался на болѣе продолжительное время. Пржевальскимъ прекрасно выяснено вліяніе природы страны на характеръ населенія, на его вѣрованія, культуру и образъ жизни.

Обширную географическую область съ однороднымъ населеніемъ представляетъ Восточная Гоби—колыбель монгольскаго народа. Въ своемъ трудѣ „Монголія и страна тангутовъ“ Н. М. отводитъ ему цѣлую главу, даетъ много интересныхъ свѣдѣній объ этомъ племени, игравшемъ видную роль въ исторіи, и указываетъ причины, которыя низвели его до настоящаго положенія.

Суровая и скупая природа Восточной Гоби съ ея унылыми пустынями не могла не вліять на духъ и характеръ монгола. У него, говоритъ Н. М., „пассивная привычка стоитъ на первомъ планѣ. Энергія духа

не воскресаетъ въ немъ при встрѣчѣ съ неизвѣданными трудностями; онъ всегда выбираетъ средства только избѣгнуть ихъ, но не побороть. Здѣсь нѣтъ гибкаго мужественнаго духа европейца, способнаго примѣниться ко всему, бороться со всѣми невзгодами и побѣждать ихъ". Лѣнь и трусость составляютъ общія отличительныя черты монгольскаго народа. Созерцаніе обратилось въ высшій идеалъ монгола и страсть эта нашла полное удовлетвореніе въ буддизмѣ съ его ученіемъ объ аскетизмѣ. Сословіе аскетовъ или ламъ, обнимающее лучшую часть мужскаго населенія, представляетъ собою паразитовъ, которые живутъ на счетъ остальныхъ своихъ собратій.

Пользуясь безграничнымъ вліяніемъ на населеніе, ламы тормозятъ всякій прогрессъ и не даютъ народу выдти изъ глубокаго невѣжества, въ которое онъ погруженъ. Во вліяніи ламъ нашъ путешественникъ видитъ главную причину слабости монголовъ и ихъ покорности китайскому владычеству. Наиболѣе чистымъ потомкомъ древнихъ монголовъ является халхасецъ, сохранившій вмѣстѣ съ тѣмъ почти безъ измѣненій образъ жизни, характеръ и обычаи своихъ предковъ. Этого нельзя сказать про монголовъ, живущихъ вдоль южной окраины Восточной Гоби. Эти монголы, къ коимъ принадлежатъ племена цахаровъ, уротовъ, тумытовъ, приняли уже въ значительной мѣрѣ китайскіе обычаи, и начинаютъ постепенно переходить къ осѣдлому образу жизни. На своемъ пути отъ Пекина въ Ордосъ Пржевальскій встрѣчалъ уже монголовъ, жившихъ въ фанзахъ или юртахъ, въ одной деревнѣ съ китайцами.

Кой-гдѣ они принялись за земледѣліе, которое однако находится у нихъ по большей части въ самомъ жалкомъ состояніи. Кромѣ Восточной Гоби, монголы живутъ еще въ Ордосѣ, въ Ала-шанѣ, Цайдамѣ и въ ограниченномъ числѣ на Куку-норѣ и въ Синиской равнинѣ. Населеніе всѣхъ этихъ областей, по опредѣленію Николая Михайловича, принадлежитъ, подобно нашимъ калмыкамъ, къ монголамъ олютамъ,

и довольно рѣзко отличается отъ сѣверныхъ монголовъ или халхасцевъ. На Ордоскихъ и Ала-шаньскихъ монголахъ болѣе, чѣмъ на ихъ западныхъ сосѣдяхъ Куку-нора и Цайдама, отразилось китайское вліяніе, которое оказало на нихъ развращающее дѣйствіе, такъ какъ, перенявъ всѣ дурныя привычки китайцевъ, они не заимствовали ихъ трудолюбія и по прежнему погрязаютъ въ лѣни и безпечности. Монголы Куку-нора и Цайдама утратили уже нѣсколько свой родовой олютскій типъ и, судя по чертамъ ихъ лица, нельзя сомнѣваться въ значительной примѣси тангутской крови. По своему образу жизни и многимъ обычаямъ цайдамскіе монголы образуютъ переходную степень отъ халхасца къ тангуту.

Тангуты или, какъ ихъ называютъ китайцы, *Сифани* представляютъ народъ, одноплеменный съ тибетцами. Они живутъ въ сѣверо-восточномъ Тибетѣ по теченію рѣки Хуанъ-хэ и Ды-чу, на плоскогоріи Танъ-ла, въ гористыхъ частяхъ Гань-су, на Кукунорѣ и въ небольшомъ числѣ въ Цайдамѣ. По наружности, напоминающей нѣсколько цыганскій типъ, они рѣзко отличаются отъ монголъ. Въ отличіе отъ болѣе культурныхъ сородичей, живущихъ въ Гань-су, всѣ остальные носятъ названіе черныхъ или *хара-тангутъ*, и дѣйствительно имѣютъ болѣе темный цвѣтъ кожи. Ведя кочевой образъ жизни и занимаясь скотоводствомъ наравнѣ съ монголами, тангуты также усердные буддисты, но по своимъ обычаямъ совсѣмъ не похожи на монголовъ.

Тангуты, по оцѣнкѣ Н. М., смышленнѣе, смѣлѣе и энергичнѣе монголовъ. Они проявляютъ во многихъ мѣстностяхъ наклонность къ разбоямъ, нападая на миролюбивыхъ монголовъ, не умѣющихъ давать рѣшительнаго отпора. Гостепріимство, столь распространенное у монголовъ, далеко не такъ широко примѣняется тангутами. Въ то время, какъ монголъ привязанъ исключительно къ сухой безплодной пустынѣ и боится сырости, пагубной для его здоровья, тангутъ, обитающій въ областяхъ, сопредѣльныхъ съ Гоби, но противоположныхъ ей по своимъ физическимъ свойствамъ, сдѣлался

человѣкомъ совсѣмъ другаго закала. Влажность климата, горы, роскошныя пастбища,—вотъ что манитъ къ себѣ тангута, который ненавидитъ пустыню и опасается ея, какъ смертельнаго врага. Не болѣе похожи и домашнія животныя, разводимыя обоими кочевыми народами: верблюдъ монгола, по своимъ свойствамъ, четвероногое воспроизведеніе своего хозяина, а якъ, въ той же степени, соединяетъ въ себѣ преобладающія склонности самихъ тангутовъ. Культурное вліяніе Китая отразилось на Гань-суйскихъ тангутовъ такъ же точно, какъ и на южныхъ монголахъ. Среди ихъ замѣтны попытки перехода къ осѣдлой жизни и въ Тэтунгскихъ горахъ. Н. М. встрѣчалъ тангутовъ, уже живущихъ деревнями въ бревенчатыхъ хижинахъ.

Хара-тангуты Тибета отличаются отъ своихъ соплеменниковъ въ Гань-су и на Куку-норѣ дикостью нравовъ. Съ верховьевъ Желтой рѣки и Муръ-усу они производятъ частые набѣги на Цайдамъ и даже на Куку-норъ. Для защиты отъ нихъ мѣстные монголы построили нѣсколько *хырмъ* или глиняныхъ крѣпостей, куда складываютъ свои пожитки и загоняютъ скотъ при первомъ извѣстіи о появленіи враговъ. Изъ хара-тангутскихъ племенъ Тибета Пржевальскому удалось собрать отрывочныя свѣдѣнія о *голыкахъ,* живущихъ у истоковъ Желтой рѣки и по верховьямъ ея до прорыва въ хребтѣ Амне-мачинъ, и о народѣ *камъ,* обитающемъ по берегамъ рѣки Ды-чу и кочующемъ по всему восточному Тибету отъ Танъ-ла до границы владѣній Далай-ламы. Къ народу камъ принадлежатъ и *граи,* встрѣченные Н. М. на самомъ плато Танъ-ла. Скотоводство и грабежи каравановъ богомольцевъ, направляющихся въ Хлассу, доставляютъ средства къ жизни этимъ разбойничьимъ племенамъ. Голыки вовсе не признаютъ китайскихъ властей, а камы платятъ подати только одинъ разъ въ три года. Въ семейномъ быту тангутъ весьма распространено многомужіе (полиандрія), обычай, укоренившійся, вѣроятно, вслѣдствіе бѣдности населенія.

Къ югу отъ хребта Танъ-ла тангуты смѣняются *тибетцами*, ведущими кочевой образъ жизни и занимающимися также разведеніемъ яковъ и овецъ. Между кочевыми тибетцами и тангутами въ физическомъ складѣ разница не велика, но они отличаются гораздо бо̀льшимъ миролюбіемъ. Въ нравственномъ отношеніи, тибетцы, по мнѣнію Н. М., худшіе изъ кочевниковъ Центральной Азіи, они лишены добродушія и гостепріимства, свойственнаго монголамъ, а въ жадности къ деньгамъ, безсовѣстности и плутовствѣ не уступятъ опытнымъ проходимцамъ большихъ европейскихъ городовъ, что не мѣшаетъ имъ въ точности исполнять всѣ обряды буддистской вѣры.

Населеніе Западной Гоби или восточнаго Туркестана, какъ было еще дознано до путешествій Пржевальскаго, состоитъ изъ самой пестрой смѣси арійскихъ и тюркскихъ племенъ. Здѣсь Н. М. изслѣдовалъ, главнымъ образомъ, населеніе нижняго Тарима и Лобъ-нора, а также южныхъ оазисовъ и окрайныхъ горъ Гоби между Лобъ-норомъ и городомъ Хотаномъ. По нижнему Тариму, начиная отъ сліянія его съ Уген̀ъ-дарьей, мѣстное населеніе, вплоть до пустынь, окружающихъ Лобъ-норъ, носитъ тюркскій типъ съ большой примѣсью монгольскаго и исповѣдываетъ исламъ суннитскаго толка, составляющій преобладающую религію всего восточнаго Туркестана. Источникомъ для пропитанія туземцевъ, пріютившихся среди пустынь лишь по теченію Тарима и по берегамъ озера Лобъ-нора, служитъ рыболовство; въ видѣ подспорья къ нему—скотоводство, а у Лобъ-норцевъ—охота за болотной и водяной птицей, въ особенности во время весенняго и осенняго пролета. Въ умственномъ отношеніи таримскіе тюркомонголы стоятъ выше настоящихъ халхасцевъ. Однако при первомъ знакомствѣ Н. М. далъ объ нихъ слѣдующій отзывъ.

„Бѣдный и слабый Лобъ-норецъ бѣденъ и нравственно. Весь міръ его понятій и желаній заключенъ въ тѣсныя рамки окружающей среды, внѣ которой онъ ничего не знаетъ. Умственныя способности его не

идутъ далѣе того, сколько нужно, чтобы поймать рыбу или утку, да исполнить другія житейскія заботы".

Въ южныхъ оазисахъ восточнаго Туркестана, а также въ Кэрійскихъ горахъ Н. М. встрѣтилъ племя *мачинъ* или *мальчи,* какъ они себя называютъ, которое принадлежитъ къ старожиламъ этого края, прибывшимъ сюда, по мѣстному преданію, въ глубокой древности изъ Индостана. По внѣшнему типу, сохранившемуся лучше у горныхъ мачинцевъ, они представляютъ смѣсь монгольской расы съ арійской, при преобладаніи, какъ кажется, послѣдней. Главное занятіе горныхъ мачинцевъ, разведеніе барановъ и козъ, но помимо сего они обрабатываютъ землю въ удобныхъ мѣстахъ. Что же касается мачинцевъ, живущихъ въ долинахъ, и вообще населенія южныхъ оазисовъ, то оно исключительно земледѣльческое. Обрабатывающая промышленность у мачинцевъ сосредоточивается въ оазисахъ и ограничивается лишь изготовленіемъ предметовъ, необходимыхъ для домашняго обихода.

Такой же мачинскій типъ Н. М. нашелъ среди жителей деревни Полу, лежащей у сѣвернаго подножія Кэрійскаго хребта и основанной по преданію тибетскими выходцами.

Къ этнографическимъ изслѣдованіямъ Пржевальскаго слѣдуетъ еще прибавить очеркъ племеннаго состава населенія Синнинской равнины, представляющей одну изъ людн ѣйшихъ частей Гань-су. Здѣсь Н. М. встрѣтилъ нѣсколько народностей, которыя по своей численности могутъ быть поставлены въ слѣдующемъ порядкѣ: китайцы, дунганы, тангуты, далды, монголы и киргизы. О дунганахъ онъ не разъ упоминаетъ въ описаніяхъ своихъ путешествій, такъ какъ былъ очевидцемъ ихъ борьбы съ китайцами. По его мнѣнію, дунганы представляютъ собою окитаившихся магометанъ, которые по своему типу носятъ несомнѣнные признаки принадлежности къ тюркской расѣ. Что же касается до далдовъ, то Н. М. считаетъ ихъ смѣсью монголовъ съ китайцами.

*

Не ограничиваясь одними географическими и этнографическими изслѣдованіями, Пржевальскій, съ первыхъ же дней своего путешествія по Уссурійскому краю, принялся за изученіе органической жизни. Какъ страстный охотникъ, онъ, естественно, обращалъ наибольшее вниманіе на птицъ и, отличаясь необыкновенною наблюдательностью, изучилъ ихъ характеръ и особенности каждаго вида. На озерѣ Ханка, на Далай-норѣ, въ Гань-су, на Куку-норѣ и Лобъ-норѣ ему удалось не только прослѣдить пролетные пути птицъ въ разныхъ частяхъ Нагорной Азіи, но и выяснить весьма интересный и до тѣхъ поръ загадочный вопросъ объ отношеніи пролетныхъ птицъ къ негостепріимной и безводной центрально-азіятской пустынѣ. Въ послѣдующія свои экспедиціи на Желтую рѣку, Куку-норъ и въ Тибетъ онъ обратилъ вниманіе на млекопитающихъ и частію на хладнокровныхъ позвоночныхъ животныхъ. „Такимъ образомъ, говоритъ академикъ А. А. Штраухъ [1]), составился тотъ колоссальный, несравненный матеріалъ по позвоночнымъ животнымъ Центральной Азіи, который Николай Михайловичъ пожертвовалъ Академіи Наукъ и который, по всей справедливости, составляетъ гордость академическаго музея. Дѣйствительно, матеріалъ этотъ не имѣетъ себѣ равнаго, да навѣрно и долго еще не будетъ имѣть“.

При этомъ, необходимо замѣтить, что путешественникъ-натуралистъ относился къ своему собранію съ рѣдкимъ пониманіемъ дѣла и чрезвычайною систематичностью: онъ заносилъ въ свои дневники всѣ подмѣченныя имъ біологическія явленія и, такимъ образомъ, изъ года въ годъ дополнялъ, вмѣстѣ съ собираніемъ коллекціи, и неоцѣнимыя данныя, относящіяся до жизни центрально-азіятскихъ животныхъ. „Мертвыя числа, показывающія количество приведенныхъ предметовъ, величайшая рѣдкость и большая денежная цѣнность многихъ изъ нихъ—все это блѣднѣетъ передъ

[1]) Въ рѣчи, произнесенной 9-го ноября 1888 г. См. „Памяти Николая Михайловича Пржевальскаго“, изд. Географическаго общества.

тою научною цѣнностью, которую покойный съумѣлъ придать своимъ коллекціямъ, все это блѣднѣетъ передъ тѣмъ обстоятельствомъ, что Николай Михайловичъ поставилъ свой матеріалъ на высоту, соотвѣтствующую тѣмъ важнымъ задачамъ, которыя связаны съ изученіемъ животнаго населенія Центральной Азіи".

До путешествій Пржевальскаго, научныя познанія о фаунѣ Азіи развивались весьма медленно: нашъ соотечественникъ Сѣверцовъ изслѣдовалъ Тянь-шань и Памиръ, академикъ Шренкъ и Радде—Амуръ и Забайкалье, коллекціи миссіонера Давида пролили свѣтъ на животное населеніе самыхъ восточныхъ окраинъ Тибета; Гаджсонъ и нѣкоторые другіе англійскіе путешественники познакомили ученый міръ съ Непаломъ и сопредѣльными ему странами, Яркендская экспедиція—съ восточнымъ Туркестаномъ. Всѣ эти изслѣдованія составляли почти сплошное кольцо, внутри котораго оставалась еще совершенная terra incognita. Туда-то и ворвался Пржевальскій и въ нѣсколько своихъ путешествій доставилъ по всѣмъ отдѣламъ фауны такія богатыя свѣдѣнія, что теперь эта мѣстность можетъ считаться лучше изученною, чѣмъ многія болѣе доступныя и даже культурныя страны.

Собранныя Пржевальскимъ 702 шкуры, въ томъ числѣ многихъ весьма крупныхъ звѣрей, и многочисленные остеологическіе препараты представляютъ чрезвычайно полную картину фауны млекопитающихъ Центральной Азіи и свидѣтельствуютъ, что многіе роды ихъ (сурки, пищухи, лошади, верблюды, нѣкоторыя антилопы) находятся тамъ въ центрѣ своего созданія. Изъ классовъ пресмыкающихъ и земноводныхъ Николай Михайловичъ собралъ до 1,200 экземпляровъ, въ числѣ коихъ преобладаютъ ящерицы по числу видовъ. Пржевальскому принадлежитъ заслуга открытія значительнаго большинства новыхъ формъ рыбъ (75 видовъ въ количествѣ 643 экзем.), водящихся въ водахъ Высокой Азіи, и доставленія въ академическій музей 50 видовъ птицъ, въ числѣ 5,010 экземпляровъ. Всѣ спеціалисты, имѣвшіе случай видѣть зооло-

гическія и ботаническія коллекціи, привезенныя Пржевальскимъ, одинаково удивляются какъ количеству собранныхъ животныхъ и растеній, такъ искусству ихъ препарированія и прекрасному состоянію, въ которомъ доставлены всѣ коллекціи въ Петербургъ изъ отдаленнѣйшихъ странъ Центральной Азіи [1]).

На каждой шкурѣ млекопитающаго или чучелѣ птицы привязывался билетикъ, на которомъ обозначались: латинское названіе вида, время и мѣсто его добычи. Кромѣ того ставили нумеръ, подъ которымъ этотъ видъ былъ занесенъ въ дневникъ. У птицъ отмѣчались цвѣтъ глазъ, клюва и ногъ, а также общая длина и розмахъ крыльевъ; для млекопитающихъ и въ особенности для крупныхъ дѣлались болѣе детальныя измѣренія и для всѣхъ записывались: цвѣтъ глазъ, копытъ или когтей. Пресмыкающія и земноводныя, собираемыя для коллекцій, помѣщались въ спиртъ, въ стеклянныя съ притертыми пробками банки; чаще же въ обыкновенныя бутылки. Этикетки приклеивались на стклянки съ общею помѣткою времени и мѣста сбора; то же самое дѣлалось и для рыбъ, причемъ большимъ экземплярамъ клали этикетки подъ жабры.

Собранная Николаемъ Михайловичемъ зоологическая коллекція еще не обработана и важное значеніе ея не можетъ быть опредѣлено въ настоящее время. Достаточно сказать, что обработка ея начата и разсчитана Академіею наукъ—на три тома, изъ которыхъ первый будетъ содержать млекопитающихъ, второй—птицъ, а третій—всѣхъ хладнокровныхъ позвоночныхъ. Отдѣлъ млекопитающихъ обработываетъ ученый хранитель Зоологическаго музея Императорской академіи наукъ Евгеній Александровичъ Бихнеръ; птицъ—ученый хранитель Зоологическаго музея Ѳедоръ Дмитріевичъ Плеске, пресмыкающихъ и земно-

[1]) Бо́льшая часть звѣрей и птицъ были убиты самимъ Николаемъ Михайловичемъ; препарированіемъ онъ занимался только во время перваго и втораго своихъ путешествій. Впослѣдствіи препарированіемъ занимались отставной унтеръ-офицеръ Коломейцевъ и старшій урядникъ Телешовъ.

водныхъ — академикъ А. А. Штраухъ; рыбы частію обработаны покойнымъ профессоромъ Карломъ Ѳедоровичемъ Кесслеромъ, но нынѣ снова разрабатываются ученымъ хранителемъ Зоологическаго музея Соломономъ Марковичемъ Герценштейномъ. Всѣ три тома будутъ носить одно общее заглавіе: „*Научные результаты путешествій Н. М. Пржевальскаго по Центральной Азіи, изданные на средства, пожалованныя Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ, Императорскою Академіею наукъ*“. При этомъ всѣ лица, обрабатывающія коллекціи, рѣшили ходатайствовать о разрѣшеніи имъ посвятить всѣ три тома памяти Пржевальскаго [1]).

Переходя къ выясненію заслугъ, оказанныхъ Николаемъ Михайловичемъ ботаникѣ, мы не можемъ не привести здѣсь прекраснаго описанія, сдѣланнаго академикомъ К. И. Максимовичемъ о первомъ знакомствѣ съ Пржевальскимъ.

---

[1]) Зоологическій отдѣлъ издается весьма роскошно Имп. Академіею Наукъ, отдѣльными выпусками, въ четвертую долю листа; обложка украшена медалью, присужденною Н. М. Академіею въ 1886 году Хромолитографированныя таблицы исполнены художникомъ Мютцелемъ и напечатаны у Бема въ Берлинѣ, а фототипіи изготовлены фотографомъ Академіи В. Классеномъ.

До сихъ поръ изъ предположенныхъ 20 выпусковъ вышло только шесть. Три выпуска I тома „Млекопитающія“ (136 стр. и 15 таблицъ, въ томъ числѣ 9 хромолитографированныхъ), 1-й выпускъ II тома „Птицы“ (80 страницъ съ 2 хромолит таблицами) и два выпуска второй части III тома—„Рыбы“ (180 стр. и 19 фототипій).

Изъ млекопитающихъ пока обработаны: суслики, сурки, песчаники, мыши, хомяки, полевки и лемминги; для каждаго вида приводится: описаніе животнаго, его шкуры и черепа, а также географическое распространеніе и образъ жизни.

Въ выпускъ птицъ вошли: дерябы, дрозды, рябинники, оляпки, чеканы, горихвостки, варакушки, красношейки, славки и пр Описаніе состоитъ изъ систематической части и отдѣла о географическомъ распространеніи и образѣ жизни сихъ птицъ.

Г. Герценштейнъ даетъ описаніе рыбъ нагорной Азіи, при этомъ для каждаго вида указаны: высота тѣла, длина хвостоваго стебля, форма головы, діаметръ глазъ, особенности челюстей, губъ, усиковъ, плавниковъ, кожи, окраски, плавательнаго пузыря, кишки и половаго различія, а также географическое распространеніе.

„Въ началѣ 1870 года, говоритъ онъ [1]), явился ко мнѣ молодой офицеръ, отрекомендовался Николаемъ Михайловичемъ Пржевальскимъ и объяснилъ, что онъ три года путешествовалъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ и, хотя преимущественно занимался собираніемъ зоологическаго матеріала, но обращалъ вниманіе и на растительность, а вывезенный оттуда гербарій предложилъ Ботаническому саду, съ тѣмъ единственнымъ условіемъ, чтобы растенія были немедленно опредѣлены, а списокъ ихъ сообщенъ ему. Энергическая, талантливая, кипящая жизнью личность Николая Михайловича, его живой умъ, отличная наблюдательность и пламенная любовь къ природѣ, сквозившія въ рѣчахъ его, уже и тогда произвели на меня глубокое впечатлѣніе и навсегда расположили въ его пользу“.

Хотя въ переданныхъ растеніяхъ никакихъ новостей не оказалось, но система и способъ собиранія ихъ отличались новизною и обращали на себя особое вниманіе. Путешественникъ употреблялъ бумагу огромнаго формата, такъ что растенія могли помѣщаться въ ней часто во весь ростъ и оттого получалось о нихъ представленіе болѣе полное и гораздо лучшее, чѣмъ по тѣмъ образчикамъ, которые обыкновенно берутся путешественниками. Высушиваніе производилось на скорую руку, такъ сказать по военному, въ два, три пріема раскладываніемъ листовъ бумаги съ экземплярами растеній на солнцѣ во время привала. Отъ скорой сушки отлично сохранялась свѣжесть красокъ, но за то цвѣты и листья понѣжнѣе иногда морщились или свертывались, чѣмъ, конечно, затруднялось научное изслѣдованіе. Выборъ экземпляровъ свидѣтельствовалъ о хорошемъ знакомствѣ собирателя съ флорою средней Россіи: такъ, русскія породы собирались по одному, по двумъ образчикамъ, мѣстныхъ же или сибирскихъ видовъ имѣлось на лицо по десяти и болѣе экземпляровъ. Къ коллекціи былъ приданъ ре-

[1]) Въ своей рѣчи 9 ноября 1888 г „Памяти Н. М. Пржевальскаго“. Изданіе географич. общества, стр 35.

естръ, содержавшій довольно полныя замѣтки о мѣстонахожденіи, времени сбора, почвѣ, ростѣ, распространеніи и т. д.“

Передавая свои коллекціи въ Ботаническій садъ, Николай Михайловичъ, по присущей ему энергіи, всегда настаивалъ на скорѣйшей ихъ обработкѣ, а между тѣмъ изъ каждаго своего путешествія привозилъ новыя и притомъ значительныя собранія. Первая его экскурсія дала флору юго-восточной Монголіи и прекрасный образчикъ растительности самаго лучшаго участка западной Гань-су. Второе путешествіе познакомило съ роскошнѣйшею частью Монголіи, по южному склону Тянь-шаня, а затѣмъ съ страшною пустынею Тарима и Лобъ-нора. Третья экспедиція, кромѣ средней монгольской флоры, доселѣ неизвѣстной, дала изъ Гань-су богатый гербарій, собранный большею частію на лёссовыхъ отложеніяхъ Куку-нора и верхней Хуанъ-хэ.

„Высокое плоскогорье Сѣвернаго Тибета, говоритъ К. И. Максимовичъ, до сихъ поръ было посѣщаемо Николаемъ Михайловичемъ только зимою. Лишь въ четвертую его экспедицію удалось ему познакомить насъ со своеобразною, рѣдко посѣянною и мелкою растительностью этого необитаемаго и недоступнаго края. Гербарій добывался при необыкновенныхъ лишеніяхъ и трудностяхъ, въ постоянной борьбѣ съ ужаснѣйшимъ климатомъ и отбиваясь отъ нападеній многочисленныхъ вооруженныхъ разбойничьихъ шаекъ. За то получилась единственная въ своемъ родѣ коллекція, равно замѣчательная какъ по новизнѣ, такъ и по миніатюрности растеній... Сѣверно-тибетскій гербарій Пржевальскаго—драгоцѣнность, имѣющаяся только у насъ, и нигдѣ какъ у насъ, и не думаю, чтобы вскорѣ нашелся другой отважный путешественникъ, которому удастся пойти по слѣдамъ Николая Михайловича и продолжать начатое имъ такъ основательно многотрудное дѣло изслѣдованія тибетской флоры“.

Во всѣ четыре экспедиціи было собрано Пржевальскимъ около 1,700 видовъ въ 15,000—16,000 экзем-

плярахъ. Обработка такого матеріала, конечно, потребуетъ не мало времени и усиленнаго труда. Одна механическая работа надъ матеріаломъ до включенія его въ гербарій, а также литографированіе таблицъ потребуетъ не мало времени. Для опредѣленія видовъ, сравненія ихъ и проч. пришлось завязывать переписку съ Англіею и Индіею и только по полученіи отвѣта растеніе окончательно опредѣлялось; „но, конечно, не иначе, какъ послѣ тщательнаго анализа и индійской сравниваемой породы, анализъ которой иногда помѣщался на ряду съ изображеніемъ тибетскаго вида“.

„Самое изслѣдованіе крошечныхъ и часто не полныхъ тибетскихъ растеній требовало значительнаго времени: экземпляры размачивались въ горячей водѣ, расправлялись подъ лупою, анализировались подъ нею-же, рисунки же анализовъ, какъ назначенные въ печать, производились съ возможною тщательностью“. Какъ ни кропотлива эта работа, но К. И. Максимовичу удалось до настоящаго времени сдѣлать весьма многое. Въ концѣ декабря прошлаго 1889 вышли первые выпуски ботаническаго отдѣла „Научныхъ результатовъ путешествій Н. М. Пржевальскаго по Центральной Азіи“. Выпуски эти содержатъ въ себѣ ложецвѣтныя и дискоцвѣтныя растенія и составляютъ начало I тома (Тангутская флора) и II тома (Перечень растеній Монголіи и прилегающей къ ней части Китайскаго Туркестана) [1]).

Тангутскій или тибетскій выпускъ содержитъ 203 вида, между которыми 30 впервые описаны, а съ публикованными раньше въ „Бюллетенѣ Академіи [2])“, 63 новыхъ вида и два новыхъ рода, которые почти всѣ изображены. Главный и самый характерный родъ

---

[1]) Въ первомъ выпускѣ I тома XVIII страницъ введенія и 110 страницъ текста, не считая подробнаго алфавитнаго указателя, подлежащаго, по окончаніи всего тома, замѣнѣ однимъ общимъ реестромъ и затѣмъ 31 таблица.

Во второмъ выпускѣ II тома IV страницы предисловія, 138 страницъ текста, кромѣ реестра, и XIV таблицъ.

[2]) Bulletin de l'Académie Impériale des Sciènces de St. Pétersbourg

Хохлатка (*Corydalis*), съ 19 видами, изъ которыхъ 15 вновь открытыхъ. Оба новые рода принадлежатъ къ семейству крестоцвѣтныхъ, Cruciferae, т. е. сѣверному и горному по преимуществу.

Монгольскій выпускъ имѣетъ 330 видовъ, между которыми 22 новыхъ вида и одинъ новый родъ, которые всѣ и изображены на XIV таблицахъ. Важнѣйшіе роды: *Лютикъ* (*Ranunculus*), съ 20 видами (два новыхъ), *Dontostemon*, шесть видовъ (два новыхъ), *Сагай* (*Pugionium*)—два вида, оба монгольскіе, *Куколица* (*Silene*)—тринадцать видовъ (одинъ новый) и *Парнолистникъ* (*Zygophyllum*), десять видовъ (три новыхъ). Новый родъ отнесенъ къ семейству парнолистниковыхъ, т. е. характерному для пустынь до Сахары и южной Африки. Найденъ онъ въ той поперечной страшно пустынной впадинѣ, считаемой нѣкоторыми геологами за позднѣе всего остальнаго дна высохшій остатокъ обширнаго воднаго бассейна, покрывавшаго когда-то значительную часть Монголіи. Этотъ самый пустынный оврагъ произвелъ и другой новый родъ Potaninia, впервые открытый также Н. М. Пржевальскимъ, изъ семейства розоцвѣтныхъ (*Rosaceae*).

Доказательствомъ тому, какъ здраво смотрѣлъ Пржевальскій на свои путешествія, служитъ то, что онъ называлъ ихъ не болѣе, какъ научными рекогносцировками. Надо замѣтить, что кромѣ неполноты коллекцій въ отношеніи къ собранному проценту однодольныхъ, всѣ доставленные Николаемъ Михайловичемъ новые роды и многіе новые виды были найдены всего однажды и на одномъ мѣстѣ. Не смотря на то, собранная имъ растительность подтверждаетъ его предположеніе о подраздѣленіи Тибета на двѣ половины: западную — столовидную, безъ стока къ океану, и восточную—гористую, съ рѣками, текущими къ морю. Хотя западная половина и посѣщалась только зимою, и единственныя относящіяся къ ней растенія собраны въ альпійскомъ поясѣ Кэрійскаго хребта, тѣмъ не менѣе справедливо кажется признать ея флору за существенно отличную отъ флоры восточной половины.

Общіе обѣимъ половинамъ виды не спускаются на восточную окраину, т. е. въ Гань-су. Свойственныя Гань-су формы хотя и поднимаются, мельчая, на Тибетское нагорье, но нигдѣ не переходятъ на западную половину его. Такимъ образомъ, восточная половина Тибета съ его восточной окраиной имѣетъ флору, нѣсколько напоминающую китайскую. Здѣсь мало видовъ чисто гималайскихъ и чисто монгольскихъ или горно-сибирскихъ, тогда какъ на западной половинѣ нагорья послѣднія двѣ категоріи гораздо многочисленнѣе. Подтвержденія этого вывода можно ожидать, если экспедиціи полковника Пѣвцова удастся собрать гербарій въ западномъ Тибетѣ.

Какъ почти вездѣ въ Азіи, естественныя подраздѣленія совпадаютъ и съ характеромъ населенія, т. е. политическія границы — въ то же время и естественныя. Такъ и въ Тибетѣ: восточная половина населена тангутами, а западная (сѣвернаго Тибета)— тюркскими племенами.

Сосѣднее Тибету сѣверное, гораздо низшее, нагорье также дѣлится на двѣ части: восточную, т. е. Монголію, болѣе плодородную, съ монгольскимъ населеніемъ и болѣе или менѣе сибирскою флорою, и западную — китайскій Туркестанъ, внутренность котораго занята абсолютными пустынями, а флора окраинныхъ хребтовъ примыкаетъ къ растительности русскаго Туркестана и Семирѣчья. Эта мѣстность населена народами тюркскаго племени.

Въ монгольскомъ выпускѣ только флора собственно Монголіи перечислена въ возможной полнотѣ, флора же китайскаго Туркестана приведена вполнѣ лишь въ отношеніи пустынь и степей ея. Такимъ образомъ П томъ представитъ, кромѣ полной флоры Монголіи, полный сводъ нашихъ знаній о растительности пустынь отъ границы Маньчжуріи до предѣловъ русскаго Туркестана, т. е. тамъ, гдѣ эта пустынная флора примыкаетъ къ флорѣ Арало-Каспійской низменности[1]). Раз-

[1]) Изъ письма К. И. Максимовича Н Ѳ. Дубровину 20 янв. 1890 г.

работанный по новѣйшимъ даннымъ II томъ сдѣлается настольною книгою каждаго ботаника, занимающагося флорою Сибири.

„Отрадное чувство встаетъ въ душѣ, говоритъ К. И. Максимовичъ [1]), при мысли, что въ продолженіе 30 съ небольшимъ лѣтъ наука обязана Россіи научнымъ пріобрѣтеніемъ такихъ обширныхъ странъ, какъ Амурскій и Уссурійскій край, Сахалинъ, Туркестанъ, Монголія и сѣверный Тибетъ. Въ первыхъ изъ нихъ вмѣстѣ съ военнымъ занятіемъ явились и ученыя экспедиціи, и едва Европа успѣла узнать, что Амуръ принадлежитъ Россіи, какъ въ печати появились уже труды о флорѣ и фаунѣ его. Впечатлѣніе, особенно въ Англіи, было глубокое: труды эти были толчкомъ для изданій цѣлаго ряда колоніальныхъ флоръ. Еще болѣе глубокимъ уваженіемъ встрѣчены геройскіе подвиги Н. М. Пржевальскаго“.

Его замѣтки о климатѣ, разсѣянныя въ разныхъ мѣстахъ отчетовъ о путешествіи, необычайно подвинули впередъ наши знанія о климатѣ Центральной Азіи и еще болѣе подвинутъ, когда всѣ матеріалы, имъ собранные, будутъ вполнѣ разработаны. Николай Михайловичъ ходилъ по странамъ, о климатѣ которыхъ мы почти ничего не знали, и собранныя имъ данныя радикально измѣнили наши понятія. Такъ, по изслѣдованію Пржевальскаго оказалось, что средняя годовая температура высокаго нагорья Тибета, на 17,5° Цельзія ниже, чѣмъ предполагали.

А. И. Воейковъ [2]) говоритъ: „результаты перваго путешествія, метеорологическія наблюденія котораго напечатаны вполнѣ во второмъ томѣ книги: „Монголія и страна Тангутовъ“, и далѣе разработаны мною въ статьѣ „Климатъ области муссоновъ Восточной Азіи“ [3]), дали мнѣ возможность заключить, что

---

[1]) «Памяти Пржевальскаго». Издан. географич. общества. стр. 44

[2]) Тамъ же, стр. 47.

[3]) Извѣстія Императорскаго русскаго географическаго общества за 1879 г., т. XV.

обширная полоса къ западу отъ Собственнаго Китая имѣетъ еще климатъ муссоновъ, т. е. зимой—сѣверо-западные вѣтры, приносящіе сухую погоду, лѣтомъ—юго-восточные, приносящіе дожди, обильные въ горахъ Нань-шаня (или горахъ Гань-су).

Наблюденія Пржевальскаго дали возможность выдѣлить весну восточной окраины нагорій Азіи и опредѣлить ея характеръ; путешественникомъ открыто, что западный Нань-шань, хотя и значительно выше восточнаго (или горъ Гань-су), но необычайно сухъ и до путешествія Николая Михайловича не было еще извѣстно столь сухаго пустыннаго высокаго хребта. Посѣщеніе Желтой рѣки дало ему возможность сдѣлать весьма важное научное обобщеніе относительно климатическихъ условій этой мѣстности. Экспедиція въ урочище Гасъ и зимняя экспедиція къ озеру Незамерзающему и въ Долину вѣтровъ много прибавила новыхъ свѣдѣній о климатѣ этой части Азіи.

Всѣ собранные матеріалы только частію обработаны и, по желанію Николая Михайловича, трудъ этотъ принялъ на себя ординарный профессоръ А. И. Воейковъ [1]).“ Для оцѣнки сдѣланнаго Пржевальскимъ, говоритъ онъ [2]), для увеличенія нашихъ знаній о климатѣ Азіи, замѣчу слѣдующее: пока продолжались его путешествія, просвѣщеннѣйшія и богатѣйшія страны западной Европы соперничали въ изученіи Африки. Конечно, и изученію климата этой части свѣта было удѣлено мѣсто, но наши знанія о климатѣ Африки подвинулись менѣе трудами этихъ многочисленныхъ путешественниковъ, чѣмъ наши знанія о кли-

[1]) Изданіе будетъ произведено въ слѣдующемъ порядкѣ: сначала будутъ напечатаны маршрутъ и метеорологическіе дневники всѣхъ четырехъ путешествій, затѣмъ замѣтки о климатѣ и погодѣ, разсѣянныя въ текстѣ описанія, и, наконецъ, статья А. И. Воейкова о климатѣ Центральной Азіи отъ сѣвернаго Тибета и Куень-луня на югѣ до Алтая и Саяна на сѣверѣ и отъ границъ собственаго Китая на востокѣ до Памира на западѣ. Изъ этой программы маршрутъ и метеорологическія наблюденія уже оканчиваются печатаніемъ и книга издается на русскомъ и французскомъ языкахъ.

[2]) «Памяти Пржевальскаго» Изданіе географич. общества, стр. 50.

матѣ Центральной Азіи свѣдѣніями, собранными однѣми четырьмя экспедиціями Н. М. Пржевальскаго".

Если ко всему сказанному мы прибавимъ, что Николай Михайловичъ собиралъ экземпляры горныхъ породъ, привозилъ съ собой образчики почвы, то обширность его изслѣдованій дастъ намъ ясное представленіе, почему дѣятельность его была оцѣнена при жизни и почему имѣетъ онъ право на безсмертную благодарность потомства.

Дописывая эти строки, намъ представляется свѣтлый образъ Николая Михайловича — этой даровитой, непорочной и необыкновенно скромной личности. Мощная его внѣшность, сильный умъ, способный обобщать усвоенныя богатыя научныя знанія, пріобрѣтенныя многолѣтнимъ трудомъ и запечатлѣнныя феноменальною памятью, безпредѣльная смѣлость и настойчивость, не останавливавшаяся ни передъ какими препятствіями, любовь къ наукѣ, которую онъ высоко чтилъ и которой посвятилъ всю жизнь—все соединилось въ одномъ стройномъ цѣломъ.

Выразительное и энергичное лицо Н. М., дышавшее добротою, было зеркаломъ его души. Любящій сынъ, нѣжный братъ, преданный другъ, отецъ своихъ спутниковъ, Пржевальскій отличался рѣдкою искренностью и правдивостью, никогда не кривилъ душею, ко всѣмъ относился добродушно и всегда готовъ былъ придти на помощь каждаго, не только друга.

Такое счастливое сочетаніе достоинствъ приковывало къ нему всеобщее расположеніе; всѣ знавшіе Н. М. лишились съ его смертью добраго друга, Россія-же потеряла въ немъ одного изъ лучшихъ своихъ сыновъ, которымъ будетъ всегда гордиться.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Приложеніе № 1.

(Къ стр. 100).

Первая статья анонимнаго автора явилась въ *Извѣстіяхъ Сибирскаго Отдѣла* Р. Г. Об. за 1870 г. (Т. I, № 1, стр. 40—41), слѣдующаго содержанія: «Статья г. Пржевальскаго объ Уссурійскомъ краѣ составляетъ отрывокъ изъ его обширнаго труда. Авторъ провелъ въ этомъ краѣ Восточной Сибири два года, которые посвятилъ на изученіе его, съ полнымъ увлеченіемъ страстнаго охотника, естествоиспытателя и наблюдательностью путешественника. Трудъ его уже въ началѣ представляетъ массу интереснѣйшихъ фактовъ и личныхъ изысканій, которые, къ тому-же, изложены прекраснымъ и увлекательнымъ языкомъ. Нельзя однако не пожалѣть объ одномъ, что авторъ, введя въ свое солидное сочиненіе нѣсколько яркихъ страницъ о населеніи Уссурійскаго казачьяго баталіона, не вездѣ былъ безпристрастенъ, да и сообщаемыя имъ свѣдѣнія о характерѣ населенія и о дѣйствіяхъ администраціи не вполнѣ точны. Такъ напр., говоря о бѣдственномъ положеніи казаковъ, о голодовкахъ, авторъ сообщаетъ о «выколачиваніи» казенныхъ хлѣбныхъ долговъ и совѣтуетъ сложить ихъ; тогда какъ долги эти, на крупную цифру (до 60 т. р.), сложены были еще въ 1869 г. Подобное несправедливое сообщеніе тѣмъ болѣе странно, что авторъ зналъ объ этомъ достовѣрно, по возвращеніи своемъ въ Иркутскъ. Но мы воздержимся входить въ подробную оцѣнку труда г. Пржевальскаго до окончанія его и еще разъ заявляемъ, что сочиненіе это представляетъ во всѣхъ отношеніяхъ величайшій интересъ для читающей публики, желающей познакомиться съ отдаленнымъ и неизвѣстнымъ краемъ, природа котораго описывается г. Пржевальскимъ такъ вѣрно, природа, которая увлекаетъ тамъ и не однихъ естествоиспытателей, стоящихъ, конечно, къ ней ближе».

Затѣмъ второю статьею былъ *Отзывъ А. Л. Сокальскаго о «Путешествіи въ Уссурійскомъ краѣ»* (Изв. Сибир. Отдѣла И. Р. Г. О. 1870 г., т. I, №№ 2 и 3, стр. 73—79).

*

«Вся книга г. Пржевальскаго написана легко, читается съ интересомъ, а нѣкоторыя мѣста положительно увлекаютъ рельефностью и живостью изображеній. Особенно хороша глава VII: «Весна на оз. Ханка». Какъ добросовѣстный натуралистъ, авторъ внесъ въ свой трудъ все, что природа и человѣкъ представляли его наблюдательности въ посѣщенномъ имъ краѣ, хотя уже въ этомъ первомъ трудѣ замѣтно тяготѣніе симпатій автора къ одной отрасли естествознанія и именно къ орнитологіи..... Особенно пріятно видѣть, съ какою строгостью авторъ относится къ явленіямъ и жизни природы и заноситъ въ свою книгу только видѣнное и провѣренное, что, впрочемъ, нельзя сказать о тѣхъ мѣстахъ путешествія, гдѣ авторъ сталкивается съ успѣхами и неуспѣхами русской колонизаціи въ описываемомъ имъ краѣ.

«Только несокрушимою энергіею автора можно объяснить, какъ онъ при служебныхъ занятіяхъ, иногда весьма серьезныхъ и требовавшихъ труда и времени, и при тѣхъ затрудненіяхъ, которыя представляются въ Уссурійскомъ краѣ, на каждомъ шагу, вслѣдствіе недостатка дорогъ, сноснаго помѣщенія и т. п., могъ успѣть исполнить на столько удовлетворительно свою задачу натуралиста, препарировать значительное число птицъ и млекопитающихъ, собрать коллекцію яицъ, растеній и сѣмянъ.

«Съ коллекціею начученныхъ птицъ, г. Пржевальскій познакомилъ здѣшнюю публику въ проѣздъ свой черезъ Иркутскъ, при тѣхъ интересныхъ чтеніяхъ, которыя были имъ даны въ музеѣ Сибирскаго Отдѣла Геогр. Общества, причемъ нельзя было не удивляться тому съ какою тщательностью всѣ экземпляры были сдѣланы и сбережены. Всякій бывшій на Амурѣ пойметъ, какихъ трудовъ стоила одна только эта работа».

Въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» № 327—1870 г., тотчасъ по изданіи книги, появилась статейка подъ заглавіемъ: «Путешествіе въ Уссурійскомъ краѣ 1867—69 г.», сочиненіе Н. Пржевальскаго, въ которой только и рѣчи, что о поселеніи Уссурійскаго казачьяго баталіона и о мѣрахъ къ исправленію бѣдственнаго состоянія населенія.

О томъ же предметѣ авторъ напечаталъ отрывки изъ своей книги въ «Вѣстникѣ Европы», изъ этого рецензентъ выводитъ заключеніе, что Н. М. какъ-бы призналъ именно въ нихъ наибольшую полезность и интересность своего труда» и говоритъ за симъ: «свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ и взгляды его, хотя и брошенные вскользь, имѣютъ то

жгучее значеніе, что какъ только коснулся онъ народа, онъ перестаетъ быть спокойнымъ наблюдателемъ. Между тѣмъ народъ, гдѣ-бы то нибыло, и на Уссури, конечно, также, представляетъ труднѣйшую почву для изслѣдованій, а потому и свѣдѣнія о немъ требуютъ болѣе внимательной оцѣнки».

Далѣе рецензентъ упрекаетъ Н. М. въ томъ, что онъ слишкомъ мрачными красками описалъ нравственное состояніе уссурійскихъ казаковъ и въ ложномъ свѣтѣ выставилъ дѣйствія администраціи, а также критикуетъ мѣры, предлагаемыя Пржевальскимъ для заселенія Уссурійскаго края.

Приложеніе № 2.

(Къ стр. 101).

Письмо Н. М. Пржевальскаго редактору «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей».

23-го октября 1870 г.
г. Иркутскъ.

Господинъ Редакторъ! Въ № 1 Извѣстій Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества помѣщена замѣтка на мою статью объ Уссурійскихъ казакахъ, напечатанную въ майской книжкѣ «Вѣстника Европы».

Въ этой замѣткѣ между прочимъ сказано: «Нельзя не пожалѣть «объ одномъ, что авторъ, введя въ свое солидное сочиненіе нѣсколько «яркихъ страницъ о населеніи Уссурійскаго казачьяго баталіона, не «вездѣ былъ безпристрастенъ, да и сообщаемыя имъ свѣдѣнія о ха«рактерѣ населенія и дѣйствіяхъ администраціи не вполнѣ точны. Такъ «напр., говоря о бѣдственномъ положеніи казаковъ, о голодовкахъ, «авторъ сообщаетъ о *«выколачиваніи»* хлѣбныхъ долговъ и совѣтуетъ «сложить ихъ, тогда какъ долги эти, на крупную сумму (до 60 т. руб.), «сложены были еще въ 1869 г. Подобное несправедливое сообщеніе «тѣмъ болѣе странно, что авторъ зналъ объ этомъ достовѣрно по «возвращеніи своемъ въ Иркутскъ».

Съ переводомъ всего этого на болѣе понятный языкъ выходитъ: авторъ, при описаніи Уссурійскихъ казаковъ, вралъ и вралъ умышленно.

Съ глубокимъ прискорбіемъ прочитаны были мною эти строки, тѣмъ болѣе, что въ описаніи быта Уссурійскихъ казаковъ я еще значительно смягчилъ факты противъ дѣйствительности. Каждый, бывавшій на Уссури и видѣвшій тамошнихъ казаковъ, ихъ нищету, голодъ и полнѣйшую нравственную деморализацію, надѣюсь, согласится со мною въ этомъ случаѣ, если только безпристрастно отнесется къ дѣлу. (Будучи, въ теченіе двухъ лѣтъ, личнымъ свидѣтелемъ всѣхъ бѣдствій, которыя терпѣли Уссурійскіе казаки, видѣвши собственными глазами ихъ отчаянное положеніе, слыша постоянно горькія жалобы и проклятья этихъ несчастныхъ, [1]). Съ своей стороны я считалъ своимъ святымъ долгомъ выставить все это въ надлежащемъ свѣтѣ, и не соображаться съ чьими бы то ни было желаніями или взглядами.

Но едва только моя статья успѣла появиться въ свѣтъ, какъ авторъ вышеприведенной замѣтки, самымъ нецеремоннымъ образомъ укоряетъ меня во лжи умышленной. И на основаніи какихъ же данныхъ? Голословнаго разсказа о томъ, что я долженъ былъ знать о сложеніи съ казаковъ въ 1869 г. 60 тысячъ рублей долга! Но, во-первыхъ, описываемыя мною событія относятся не къ 1869, а къ 1867 и 68 годамъ, и во-вторыхъ, почему авторъ можетъ утверждать, что я долженъ былъ знать о сложеніи вышеозначенныхъ 60 тысячъ, не будучи лицомъ, посвященнымъ въ административныя распоряженія? Да, наконецъ, упомянутая сумма все-таки составляетъ часть того долга, который тяготѣетъ надъ казаками и растетъ, или, по крайней мѣрѣ, росъ до настоящаго времени, съ каждымъ годомъ. Этотъ-то самый долгъ въ 1867 году въ буквальномъ смыслѣ «выбивали» у казаковъ по ихъ собственному же выраженію.

Въ сжатыхъ рамкахъ письма я, конечно, не могу привести въ подробности тѣхъ грустныхъ фактовъ, которыхъ мнѣ лично не разъ приходилось быть свидѣтелемъ во время господства терроризма на Уссури, т. е. въ 1867 году. Но еслибы авторъ библіографической замѣтки видѣлъ, какъ брали у казака продавать его послѣднюю корову, или какъ наказывали старика отца за неисправность дѣтей, или какъ мѣстный докторъ, вскрывая трупы умершихъ, находилъ въ желудкѣ куски сапожной кожи и глины, которую несчастные страдальцы ѣли вмѣсто хлѣба насущнаго,—тогда бы онъ не вздумалъ обвинять во лжи

[1]) Помѣщенное въ скобкахъ было прочитано въ собраніи отдѣла и исключено при посылкѣ въ Вѣдомости.

человѣка, писавшаго эти факты съ голой дѣйствительностью и безпристрастно выставившаго ихъ на публичный судъ....

(Надѣюсь, Милостивый Государь, что Вы не откажетесь помѣстить настоящее письмо *дословно* въ слѣдующемъ же № Извѣстій Сибирскаго Отдѣла.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностію
имѣю честь быть Вашъ покорный слуга
Николай Пржевальскій).

Впрочемъ, какъ кажется, авторъ замѣтки держался въ настоящемъ случаѣ мудраго стариннаго правила: «не слѣдуетъ выносить соръ изъ избы», тѣмъ болѣе изъ такихъ привольныхъ въ этомъ отношеніи мѣстностей, каковы многія окраины нашего широкаго Царства.

Настоящее письмо было прочитано мною въ г. Иркутскѣ въ Общемъ Собраніи Сибирскаго отдѣла Географическаго Общества и предложено къ напечатанію въ тѣхъ-же самыхъ Извѣстіяхъ, въ которыхъ помѣщена и библіографическая замѣтка на мою статью о казакахъ.

Какъ кажется, просьба съ моей стороны была довольно справедлива, но, тѣмъ не менѣе, редакція Извѣстій Сибирскаго Отдѣла не согласилась помѣстить настоящее заявленіе въ своемъ журналѣ. Въ такомъ случаѣ я прошу васъ, милостивый государь, въ интересахъ святой правды, напечатать настоящее письмо въ одномъ изъ ближайшихъ №№ Вашей уважаемой газеты.

Примите увѣренія и проч.

Приложеніе № 3.

(Къ стр. 101).

Замѣтка М. П. Тихменева.

Милостивый государь!

Въ № 334-мъ издаваемой вами газеты помѣщенъ протестъ г. Пржевальскаго противъ обвиненія его, выраженнаго въ библіографической замѣткѣ, напечатанной въ № 1-мъ «Извѣстій Сибирскаго отдѣла Императорскаго Географическаго Общества», въ допущеніи имъ пристрастія и, судя по смыслу замѣтки, умышленной неправды при

описаніи быта Уссурійскаго казачьяго населенія въ статьѣ его «Уссурійскій край», помѣщенной въ майской книжкѣ «Вѣстника Европы».

Будучи близко поставленнымъ, въ теченіе слишкомъ трехлѣтняго пребыванія моего въ При-амурскомъ краѣ, въ должности начальника штаба войскъ Приморской области, къ Уссурійскому казачьему баталіону, я, по моему служебному положенію, имѣлъ полную возможность ознакомиться какъ по оффиціальнымъ документамъ, такъ и по живымъ событіямъ, совершавшимся на моихъ глазахъ, съ дѣйствительнымъ положеніемъ казачьяго населенія во всесторонних проявленіяхъ его гражданской и военной жизни и экономическаго быта.

Изученіе уссурійскаго казачества, какъ наиболѣе поврежденнаго члена въ общемъ болѣзненномъ организмѣ Приморскаго края, обусловливаясь, кромѣ любознательности, главнымъ образомъ моими служебными обязанностями, дало мнѣ огромный запасъ не безъинтересныхъ матеріаловъ какъ для характеристики настоящаго положенія дѣлъ въ Уссурійскомъ краѣ, такъ и для разъясненія въ будущей его исторіи событій, поставленныхъ въ прямую зависимость отъ склада настоящихъ обстоятельствъ.

Матеріалы эти, однакоже, по нѣкоторымъ, весьма уважительнымъ, хотя и не вполнѣ отъ меня зависящимъ, причинамъ я не могъ издать въ томъ именно видѣ, въ какомъ они могли бы быть существенно полезны, съ чѣмъ я, впрочемъ, до нѣкоторой степени, примирился въ виду появившихся въ послѣднее время двухъ замѣчательныхъ, по вѣрности фактовъ и добросовѣстному отношенію къ нимъ, сочиненій о При-амурскомъ краѣ г. Ѳ. Буссе («Очеркъ условій земледѣлія въ Амурскомъ краѣ», въ прибавл. къ «Бирж. Вѣд.» за 1869 годъ) и г. Н. Пржевальскаго («Путешествіе въ Уссурійскомъ краѣ», издан. въ 1870 году).

Я былъ современникомъ и близкимъ свидѣтелемъ трудовъ обоихъ почтенныхъ дѣятелей на Амурѣ; мнѣ хорошо извѣстно, съ какими усиліями добывалось ими каждое новое свѣдѣніе о краѣ, съ какой добросовѣстностью повѣрялся каждый фактъ, и съ какой разборчивостью вносился онъ въ записки, назначенныя для печати.

Ко всему сказанному гг. Буссе и Пржевальскимъ о современномъ гражданскомъ и экономическомъ положеніи При-амурскаго края, въ періодъ съ 1866 и до первой половины 1869 г. включительно, можно прибавить весьма немногое, и то не вполнѣ удобное для напечатанія; возразить-же противъ дѣйствительности заявленныхъ ими фактовъ и

вѣрности сдѣланныхъ заключеній едва-ли рѣшится кто-либо изъ бывшихъ въ томъ краѣ и знакомыхъ съ нимъ не по слухамъ, а по дѣйствительно совершавшимся событіямъ.

Поэтому встрѣтить въ «Извѣстіяхъ Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Географическаго Общества» упрекъ г. Пржевальскому въ пристрастіи и неточности сообщаемыхъ имъ фактовъ, относительно быта и положенія уссурійскаго казачьяго населенія, и обвиненіе его въ умышленномъ преступленіи противъ истины—кажется тѣмъ болѣе страннымъ, что̀ сибирскій отдѣлъ въ ту эпоху, которой касаются изслѣдованія г. Пржевальскаго, не имѣя на Уссури, сколько мнѣ извѣстно, постояннаго корреспондента, не снаряжая туда экспедиціи, не могъ имѣть никакихъ руководящихъ свѣдѣній о положеніи тамошнихъ дѣлъ, которыми бы можно было повѣрить изслѣдованія и выводы г. Пржевальскаго, кромѣ развѣ голословныхъ разсказовъ проѣзжавшихъ по Приморской области курьеровъ, если только ученое Общество давало какую-либо цѣну свѣдѣніямъ, получаемымъ подобнымъ путемъ.

Владѣя, какъ я уже сказалъ выше, весьма обильными, собранными мною на мѣстѣ матеріалами, относительно военнаго, гражданскаго и экономическаго быта уссурійскаго казачьяго населенія, я, для возстановленія истины и огражденія личности г. Пржевальскаго отъ оскорбительныхъ нареканій, безкорыстно трудившагося при изученіи Уссурійскаго края, какъ на пользу самаго края, такъ и въ особенности науки,—считаю долгомъ совѣсти заявить, что въ статьѣ г. Пржевальскаго—«Русское населеніе Уссурійскаго края», напечатанной въ майской книжкѣ «Вѣстника Европы» за 1870 годъ, вошедшей сполна, въ видѣ особой главы, въ описаніе его «Путешествія въ Уссурійскій край» (изд. 1870 г.), нѣтъ ни одного факта, достовѣрность котораго была бы подвержена сомнѣнію и котораго я не могъ бы, въ случаѣ надобности, подтвердить или документально, или свидѣтельствомъ лицъ, проживших̀ъ на Уссури, по служебнымъ или частнымъ дѣламъ, въ средѣ казачьяго населенія по нѣскольку лѣтъ.

Нелишнимъ будетъ также замѣтить, что означенная статья г. Пржевальскаго составлена гораздо скромнѣе, чѣмъ нѣкоторые извѣстные мнѣ оффиціальные отчеты, относительно дѣйствительнаго положенія уссурійскаго казачьяго населенія, отличающіеся обыкновенно, какъ и всякая форменная бумага, своею сдержанностью.

Смѣю надѣяться, что вы, милостивый государь, дадите надлежащую оцѣнку настоящему моему заявленію, такъ какъ, подтверждая

все сказанное г. Пржевальскимъ, относительно уссурійскаго казачества, я дѣйствую прямо въ ущербъ себѣ: будучи поставленъ, по моему служебному положенію въ Приморской области, въ нѣкоторое, до извѣстной степени, вліятельное соотношеніе къ уссурійскому казачьему батальону, я, въ извѣстной мѣрѣ, долженъ принять на себя и отвѣтственность за все совершавшееся на Уссури, въ средѣ казачьяго населенія, въ періодъ 1865—1868 годовъ.

Покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, напечатать это письмо въ одномъ изъ ближайшихъ нумеровъ издаваемой вами газеты.

Примите и проч.

Михаилъ Тихменевъ.

Приложеніе № 4.

(Къ стр. 101).

Письмо М. П. Тихменева генералъ-губернатору Корсакову.

Милостивый государь,

Михаилъ Семеновичъ!

Г. Пржевальскій, письмомъ изъ Иркутска, просилъ меня довести до свѣдѣнія вашего высокопревосходительства письмо его къ редактору «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», напечатанное уже въ прилагаемомъ при семъ 334 нумерѣ названной газеты, и, для предупрежденія различныхъ толкованій, могущихъ исказить истину, представить на ваше благоусмотрѣніе причины, вынудившія г. Пржевальскаго обратиться къ печатному протесту.

Желаніе г. Пржевальскаго довести означенное письмо до свѣдѣнія вашего высокопревосходительства именно чрезъ меня объясняется тѣмъ, что факты, заявленные въ немъ г. Пржевальскимъ, близко мнѣ извѣстны и могутъ быть мною удостовѣрены.

Протестъ г-на Пржевальскаго вызванъ помѣщенною въ Извѣстіяхъ Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества замѣткою на книгу г. Пржевальскаго «Путешествіе въ Южно-Уссурійскій край»,— которая (т. е. замѣтка), упрекая *бездоказательно* г. Пржевальскаго въ умышленной лжи, допущенной имъ при описаніи положенія Уссурійскаго казачьяго населенія, не могла быть оставлена безъ возраженія

въ видахъ какъ возстановленія правды, такъ и огражденія личности автора книги, голословно обвиняемаго ученымъ обществомъ въ преступленіи противъ истины и науки.

Голословное обвиненіе, по нравственному значенію его, принадлежитъ къ разряду поступковъ, несовмѣстныхъ съ достоинствомъ ученаго общества, особенно когда это обвиненіе имѣетъ цѣлью подорвать довѣріе къ честности человѣка, безкорыстно и всецѣло посвятившаго себя на пользу науки. Этимъ объясняется рѣзкость выраженій напечатанной замѣтки г. Пржевальскаго, никогда впрочемъ, сколько мнѣ извѣстно, не желавшаго, въ своихъ ученыхъ изслѣдованіяхъ Уссурійскаго края, затрогивать тѣ стороны быта уссурійскаго казачества, которыя, не составляя особаго интереса для науки, входятъ въ область дѣятельности мѣстной администраціи и выясненіе которыхъ принадлежитъ судебнымъ изслѣдованіямъ. Я съ своей стороны, будучи близко знакомъ съ положеніемъ Уссурійскаго края, считаю дѣломъ совѣсти заявить, что въ книгѣ г. Пржевальскаго я не нашелъ ничего такого, что вызывало-бы сомнѣніе въ истинѣ написаннаго:—факты, заявленные имъ, блѣднѣютъ передъ всѣмъ тѣмъ, что было высказано въ оффиціальномъ отчетѣ доктора Плаксина, командированнаго въ зиму 1867—1868 г. на Уссури, для изслѣдованія быта тамошняго населенія.

Въ виду этого трудно придумать какое-либо объясненіе нескромному отзыву Сибирскаго отдѣла о книгѣ своего ученаго собрата, тѣмъ болѣе, что отдѣлъ въ ту эпоху, которой касаются изысканія г. Пржевальскаго, не имѣя на Уссури ни постояннаго корреспондента, ни снаряжая туда экспедицій, не могъ получать о положеніи тамошнихъ дѣлъ никакихъ руководящихъ свѣдѣній, кромѣ развѣ разсказовъ проѣзжавшихъ по Приморской области курьеровъ, если только подобнаго рода свѣдѣніямъ ученое общество давало какую нибудь цѣну. Оффиціальные-же документы относительно уссурійскаго населенія, получаемые въ Иркутскѣ изъ управленій Приморской области, были, сколько мнѣ извѣстно, болѣе грустны по своимъ подробностямъ, чѣмъ тѣ, которыя помѣщены въ книгѣ г. Пржевальскаго.

Въ интересахъ истины я не считалъ себя въ правѣ отказать просьбѣ г. Пржевальскаго, относительно представленія всего изложеннаго на благоусмотрѣніе вашего высокопревосходительства. Но не смѣя безпокоить васъ, при вашихъ многосложныхъ занятіяхъ, личными объясненіями,—я принялъ на себя смѣлость исполнить все это письменно.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и проч.

Приложеніе № 5.

(Къ стр 104).

Письмо доктора П.... Пржевальскому отъ 21 октября 1870 г.

«Вслѣдствіе письма вашего ко мнѣ отъ 19-го сего октября, препровождаю къ вамъ при семъ 72 рубля, полученные мною за статью мою, напечатанную въ № 12 «Военнаго Сборника» за 1869 годъ подъ заглавіемъ «Приморская область Восточной Сибири»,—каковыя деньги имѣете употребить по своему усмотрѣнію. Приэтомъ, по совѣсти вамъ скажу, что, такъ какъ помянутая статья, заключающая въ себѣ только географическіе и статистическіе матеріалы, извлеченные редакціею «Военнаго Сборника» изъ медико-топографическаго моего описанія Приморской области, представленнаго мною въ главное военно-медицинское управленіе отъ 12-го января 1869 г.,—по этимъ отдѣламъ не есть самостоятельный мой трудъ полностію, а составляетъ въ большей своей части извлеченіе изъ разныхъ источниковъ, главнымъ-же образомъ изъ рукописной академической тетрадки вашей, то означенныя деньги я всегда считалъ не по праву мнѣ принадлежащими, и если держалъ таковыя у себя до сихъ поръ, такъ единственно потому, во-первыхъ, что рѣшительно не зналъ, какъ мнѣ поступить въ этомъ случаѣ, и, во-вторыхъ, по выѣздѣ изъ Николаевска надѣялся встрѣтить васъ въ Иркутскѣ и лично объ этомъ переговорить, ибо я былъ убѣжденъ, что съ появленіемъ моей статьи въ печати—на что я совершенно не разсчитывалъ и въ виду не имѣлъ, чтобы статья моя была напечатана,—вы не оставите этого дѣла безъ протеста.

Теперь-же, объяснившись съ вами лично по этому дѣлу и вполнѣ согласившись на ваши требованія, полагаю, что дѣло это должно остаться безъ всякихъ съ вашей стороны дальнѣйшихъ претензій, какъ вы и сами лично объявили мнѣ о томъ-же.

Приложеніе № 6.

(Къ стр. 184).

Представленіе академиковъ Брандта, Шренка и Штрауха президенту Академіи наукъ графу Литке, читанное въ засѣданіи физико-математическаго отдѣленія 9-го апрѣля 1874 г.

Нижеподписавшіеся академики по части зоологіи, исполнивъ возложенное на нихъ порученіе осмотрѣть и приблизительно оцѣ-

нить составленную подполковникомъ Пржевальскимъ въ трехлѣтнемъ путешествіи его по Монголіи и сѣверному Тибету зоологическую коллекцію, имѣютъ честь представить вашему сіятельству слѣдующее донесеніе.

Коллекція г. Пржевальскаго представляетъ въ научномъ отношеніи огромную важность, ибо впервые знакомитъ насъ съ фауною обширнаго края, вовсе еще не изслѣдованнаго и до сихъ поръ считавшагося почти недоступнымъ. Въ особенности же великъ представляемый ею интересъ для Россіи, такъ какъ означенныя страны отчасти пограничны съ обширными владѣніями ея въ сѣверной и средней Азіи, составляющей естественное и преимущественное поле трудовъ и изслѣдованій русскихъ ученыхъ. Коллекція г. Пржевальскаго содержитъ большое число еще мало извѣстныхъ и весьма рѣдкихъ или даже совершенно новыхъ видовъ и видоизмѣненій животныхъ, ученая разработка которыхъ, безъ сомнѣнія, многимъ обогатитъ науку. Кромѣ того, при своей обширности и при тщательности, съ которою отмѣчены мѣста нахожденія, она даетъ возможность существенно пояснить географическое распредѣленіе животныхъ всей средней и сѣверной Азіи, и такимъ образомъ значительно расширить тѣ свѣдѣнія, которыя шагъ за шагомъ доставили всѣ предшествовавшія путешествія по Сибири и Средней Азіи. Въ виду столь значительной пользы, какой можно справедливо ожидать отъ коллекціи г. Пржевальскаго, въ высшей степени желательно, чтобы она осталась въ Россіи и поступила въ собственность такого учрежденія, при которомъ имѣются и всѣ необходимыя для ея разработки ученыя и литературныя средства и коллекціи,—а таковымъ единственно представляется Музей Академіи Наукъ.

Съ своей стороны г. Пржевальскій готовъ уступить свою коллекцію Музею Академіи при нѣкоторыхъ условіяхъ, изложенныхъ имъ въ прилагаемой при семъ запискѣ. Съ этими условіями, въ интересахъ Музея, можно, по мнѣнію нижеподписавшихся, совершенно согласиться. Единственное лишь затрудненіе составляетъ испрашиваемая имъ за коллекцію сумма въ 10,000 руб., которой, какъ вашему сіятельству извѣстно, въ распоряженіи Академіи не имѣется. Впрочемъ, хотя эта сумма съ перваго взгляда можетъ показаться довольно значительною, однако, по произведенной нами приблизительной и самой низкой оцѣнкѣ предметовъ, она на самомъ дѣлѣ оказывается весьма скромною. И вотъ тому доказательства:

Считая за 37 крупныхъ млекопитающихъ животныхъ, въ томъ числѣ за два огромныхъ дикихъ яка,

нѣсколько весьма вѣроятно новыхъ антилопъ, дикихъ барановъ и проч., по 100 р. за каждое, получимъ . .	3,700 р.
За 93 мелкихъ млекопитающихъ животныхъ, по 5 р. за каждое	465 »
За 15 череповъ крупныхъ млекопитающихъ животныхъ, по 3 р. за каждый	45 »
За 1158 птицъ крупныхъ и мелкихъ, въ томъ числѣ 227 изъ Уссурійскаго края, по 5 р. за каждую (цѣна самая низкая, такъ какъ число крупныхъ, малоизвѣстныхъ или совершенно новыхъ видовъ очень значительно)	5,790 »
За 500 птичьихъ яицъ, изъ коихъ многія составляютъ величайшую рѣдкость или новость, по 1 руб. за каждое	500 »
За 60 пресмыкающихся животныхъ и рыбъ въ спирту, по 5 р. за экземпляръ	300 »
За коллекцію насѣкомыхъ въ 3000 слишкомъ экземпляровъ, считая по 10 к. за каждый	300 »
Итого за всю коллекцію	11,100 р.

Итакъ, при самой низкой оцѣнкѣ коллекціи, въ итогѣ получается цифра, значительно превышающая сумму, испрашиваемую г. Пржевальскимъ. Къ этому нижеподписавшіеся долгомъ считаютъ присовокупить, что, оцѣнивая предметы, они имѣли въ виду лишь дѣйствительную цѣнность ихъ, нисколько не принимая въ соображеніе ни издержки, понесенныя г. Пржевальскимъ на весьма трудную перевозку ихъ по безлюднымъ степямъ и пустынямъ или чрезъ высокіе горные хребты Средней Азіи и т. д., ни безчисленныя трудности, лишенія и опасности, съ которыми было сопряжено самое добываніе предметовъ. Не слѣдуетъ забывать, что въ первобытныхъ, дикихъ странахъ, путешественникъ, обремененный громоздкими коллекціями, на каждомъ шагу встрѣчаетъ неисчислимо болѣе всякаго рода затрудненій и препятствій, чѣмъ не имѣющій коллекцій и проходящій всюду налегкѣ. Путешествіе г. Пржевальскаго по Монголіи и Сѣверному Тибету было поэтому неизмѣримо труднѣе извѣстнаго путешествія въ тѣ же страны миссіонеровъ Гюка и Габе, о которомъ въ свое время такъ много было говорено и писано. Г. Пржевальскій первый вывезъ изъ этихъ недоступныхъ странъ коллекцію естественно-историческихъ предметовъ,—и коллекцію обширную, превосходную. Поэтому и польза

для науки отъ его путешествія будетъ несравненно болѣе, чѣмъ отъ путешествія Гюка и Габе, если только найдется возможность пріобрѣсти его коллекцію для учрежденія, обладающаго всѣми необходимыми пособіями для ученой ея разработки. Какъ частный человѣкъ, Пржевальскій не можетъ, конечно, хранить у себя столь обширной коллекціи, требующей и значительнаго помѣщенія и постояннаго за ней ухода. Если ее поэтому не пріобрѣтетъ наше правительство, то онъ вынужденъ будетъ предложить ее иностраннымъ музеямъ, и тамъ, безъ сомнѣнія, найдутся покупатели и за высшую цѣну. Но грустно подумать, что столь интересная и важная для науки коллекція, составленная огромными трудами и рѣдкою энергіею русскаго путешественника, въ странахъ, намъ же пограничныхъ и до насъ ближе всего касающихся, не останется на долю Россіи, а поступитъ въ какой либо иностранный музей.

На основаніи всего вышеизложеннаго, нижеподписавшіеся имѣютъ честь донести вашему сіятельству, что пріобрѣтеніе собранной г. Пржевальскимъ въ трехлѣтнемъ путешествіи по Монголіи и Сѣверному Тибету зоологической коллекціи, въ интересахъ науки, было бы крайне желательно и что испрашиваемая за нее цѣна 10,000 рублей, по многочисленности, замѣчательности и хорошемъ состояніи предметовъ, должна быть названа весьма умѣренною.

Подписали: *Ѳ. Брандтъ, Л. Шренкъ, А. Штраухъ.*

Приложеніе № 7.

(Къ стр. 184).

Записка Н. М. Пржевальскаго Академіи наукъ отъ 25 марта 1874 г.

Прилагая при семъ списокъ зоологической коллекціи, собранной мною во время путешествія по Монголіи, Гань-су, Куку-нору и Сѣверному Тибету (вмѣстѣ съ остатками моего Уссурійскаго сбора), имѣю честь предложить Академіи пріобрѣсти эту коллекцію у меня покупкою. Изъ прилагаемаго подробнаго списка млекопитающихъ и птицъ, спеціалисты-зоологи могутъ увидѣть на сколько рѣдки и интересны многіе экземпляры, изъ которыхъ иные, быть можетъ, окажутся совершенно новыми для науки.

Условія для продажи, съ моей стороны, слѣдующія:

1) Цѣна *десять тысячъ рублей.* Полученіе этихъ денегъ тотчасъ по доставленіи коллекціи въ Академію.

2) Право за мною, въ теченіе двухъ лѣтъ, описывать птицъ и млекопитающихъ.

3) Если окажется необходимымъ свозить эти экземпляры (конечно, не самые большіе) птицъ и звѣрей за-границу для сравненія, то я могу получать подъ росписку таковые экземпляры, съ обязанностію доставить ихъ обратно цѣлыми и невредимыми.

4) Нѣкоторыя шкуры звѣрей, какъ напримѣръ: Procta gus grunniens, Asinus onager, Ovis Palii и проч. имѣютъ быть сдѣланы чучелами къ ноябрю нынѣшняго года, такъ какъ съ этого времени я намѣренъ приступить къ спеціальному описанію, для чего необходимы чучела.

Съ своей стороны обязуюсь сообщить размѣры (15—20) для каждаго вида крупныхъ млекопитающихъ, а для птицъ измѣренія длины и ширины, описаніе цвѣта глазъ, клюва и ногъ. Словомъ готовъ, какъ очевидецъ, дать возможныя указанія при дѣланіи чучелъ.

По вопросу о покупкѣ коллекціи, прошу дать мнѣ категорическій отвѣтъ не позже 15-го апрѣля, чтобы, въ случаѣ отказа со стороны Академіи, я могъ бы тогда свободно располагать продажею этой коллекціи въ заграничные музеи.

Приложеніе № 8.

(Къ стр. 204).

Записка Н. М. Пржевальскаго Императорскому Русскому Географическому Обществу 14-го января 1876 года.

Географическія изслѣдованія послѣдняго времени, широко раздвинувшія предѣлы нашихъ познаній, относительно Азіятскаго материка, еще мало коснулись его средины, именно тѣхъ громадныхъ плоскогорій, которыя залегли отъ Гималая до Сибири, а съ Востока на Западъ раскинулись отъ Китая до Туранскихъ степей. Въ особенности малоизвѣстны внутреннія части этого обширнаго пространства, и ихъ научное изслѣдованіе стоитъ самымъ очереднымъ вопросомъ географическаго изученія Азіи. Притомъ, мнѣ кажется, что выполненіе такой задачи въ особенности важно для насъ, русскихъ, придвинувшихся теперь къ самому порогу Азіятской terra incognita.

Ознакомившись, въ теченіе трехлѣтняго путешествія, съ Восточною частью великой Средне-Азіятской пустыни, я рѣшаюсь нынѣ

предложить Императорскому Русскому Географическому Обществу планъ новой экспедиціи, которая, подъ моимъ руководствомъ, должна начать свои изслѣдованія съ Восточнаго Тянь-шаня и развернуть ихъ черезъ бассейнъ Лобъ-нора до Гималая.

Наименьшій срокъ, необходимый для такого путешествія—два года, но если окажется необходимымъ, то это время можетъ продлиться еще на одинъ годъ.

Товарищами предстоящаго странствованія и помощниками въ научныхъ работахъ я избралъ: прапорщика Звенигородскаго полка Повало-Швыйковскаго и вольноопредѣляющагося Самогитскаго полка Эклона. Оба эти юноши мнѣ лично хорошо извѣстны и при своей энергіи, вмѣстѣ съ безграничною преданностью дѣлу, могутъ быть самыми надежными и полезными спутниками. Кромѣ того я возьму съ собою переводчика (изъ Забайкалья) и шесть казаковъ, въ числѣ которыхъ будутъ находиться двое, сопровождавшіе меня въ прошлой экспедиціи по Монголіи.

Болѣе подробный планъ предполагаемаго путешествія, въ которое я намѣренъ отправиться наступающею весною, слѣдующій:

Лѣто нынѣшняго года посвящается изслѣдованію Восточнаго Тянь-шаня отъ Кульджи до Хами, если только дойти туда не воспрепятствуютъ политическія обстоятельства; зима будетъ проведена на озерѣ Лобъ-норѣ и въ пустыняхъ къ востоку отъ него, для разрѣшенія такъ давно интересующаго всѣхъ натуралистовъ вопроса—о дикихъ верблюдахъ и лошадяхъ. Весну 1877 года мы пробудемъ на озерѣ Лобъ-норѣ, наблюдая пролетъ птицъ, а затѣмъ двинемся въ Хлассу. Отсюда предпримется изслѣдованіе верхняго теченія Брамапутры и сѣвернаго склона Гималая. Затѣмъ предполагаю отправиться въ Восточный Тибетъ и въ Южный Китай, или, если обстоятельства позволятъ, то послѣ пребыванія въ Восточномъ Тибетѣ, мы направимся вновь на западъ этой страны съ тѣмъ, чтобы черезъ Хотанъ и Кашгаръ пройти въ нашъ Туркестанъ.

Во время путешествія будутъ производиться слѣдующія изслѣдованія:

1) Описанія физико-географическія и этнографическія.

2) Маршрутно-глазомѣрная съемка.

3) Астрономическое опредѣленіе широты, а быть можетъ и долготы.

4) Наблюденія метеорологическія, психрометрическія и гипсометрическія.

5) Спеціальное изученіе млекопитающихъ и птицъ.

6) Собираніе коллекцій: зоологической, ботанической и частью минералогической.

7) Фотографическія съемки, если это окажется возможнымъ.

Двухлѣтняя стоимость предполагаемой экспедиціи будетъ простираться до двадцати пяти тысячъ рублей. Прилагая на оборотѣ подробный разсчетъ этой суммы, я прошу Географическое Общество ходатайствовать передъ высшими властями объ ассигнованіи необходимыхъ денежныхъ средствъ и о разрѣшеніи мнѣ отправиться, съ вышеназванными спутниками, въ новое путешествіе, которое, смѣю надѣяться, не пропадетъ безслѣдно для географіи и естествознанія.

Подробный разсчетъ двухлѣтней стоимости экспедиціи:

		Въ годъ
1. Начальнику экспедиціи	Сверхъ получаемаго содержанія.	1,500 р.
2. Его помощнику . . .		750 »
3. Препаратору		600 »
4. Его содержаніе и верховая лошадь		200 »
5. Переводчикъ съ содержаніемъ		600 »
6. Шесть вольнонаемныхъ казаковъ (жалованья по 20 р. въ мѣсяцъ каждому)		1,440 »
7. На продовольствіе казаковъ (по десяти руб. въ мѣсяцъ на каждаго)		720 »
8. Проводники съ содержаніемъ		1,200 »
9. 14 вьючныхъ верблюдовъ подъ багажъ и коллекціи (по 70 р. каждый съ сѣдломъ)		980 »
10. 9 верховыхъ верблюдовъ: казакамъ, переводчику и двумъ проводникамъ		630 »
11. На погибшихъ верблюдовъ		1,000 »
12. На подарки, пріемъ, угощеніе и непредвидимые расходы		1,500 »
	Итого въ годъ	11,120 »
	Другой годъ	11,120 »
На подъемъ и снаряженіе экспедиціи (фотографія, инструменты и пр.).		2,500 »
	Всего	24,740 р.

Всю эту сумму необходимо получить сполна при отправленіи въ путешествіе; притомъ крайне желательно получить хотя половину денегъ звонкою монетою, которою придется расплачиваться вездѣ заграницею. Между тѣмъ, при покупкѣ серебряныхъ рублей и промѣнѣ ихъ на китайскіе ланы, потеря составляетъ около 30%, а часто и больше.

Приложеніе № 9.

(Къ стр. 208).

Рескриптъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича министру финансовъ статсъ-секретарю Рейтерну.

2 марта 1876 г. № 186.

Михаилъ Христофоровичъ! Изъ препровождаемаго при семъ доклада, представленнаго мнѣ вице-предсѣдателемъ Императорскаго русскаго географическаго общества о предполагаемомъ новомъ путешествіи подполковника Пржевальскаго во Внутреннюю Азію, ваше высокопревосходительство изволите ознакомиться съ подробностями плана этого путешествія и взглядами, выраженными по отношенію къ нему министерствами военнымъ и иностранныхъ дѣлъ и совѣтомъ Императорскаго русскаго географическаго общества.

Присоединяясь къ единодушному одобренію означенными учрежденіями предположеній подполковника Пржевальскаго, я съ своей стороны считаю долгомъ въ настоящемъ случаѣ выразить убѣжденіе, что эта новая русская экспедиція въ глубину Внутренней Азіи, представляя естественное развитіе предшествующей русской географической дѣятельности и несомнѣнную важность въ политическомъ отношеніи, вполнѣ заслуживаетъ вниманія и поддержки правительства.

Императорское русское географическое общество, съ самаго учрежденія, поставивъ цѣлью своей дѣятельности, на первомъ планѣ, наряду съ изслѣдованіемъ Имперіи, изученіе сопредѣльныхъ ей странъ на Востокѣ, во все время своего существованія служило вѣрно рѣшенію этой задачи ясно понятой и логически поставленной и такимъ образомъ стало центромъ, къ которому примкнули и изъ котораго развивались всѣ частныя усилія, направляемыя къ достиженію этой цѣли. Благодаря такому сосредоточенію силъ, географическое общество представило длинный рядъ научныхъ географическихъ открытій и изслѣдованій въ Средней Азіи, поставившихъ его дѣятельность на вы-

сокое мѣсто въ наукѣ и какъ бы преимущественно упрочившихъ за Россіею область географическихъ изслѣдованій въ этой части Азіятскаго материка. Русскіе путешественники въ непрерывной послѣдовательности, одинъ за другимъ, вводя въ область европейской науки обширныя, дотолѣ неизвѣстныя страны на огромномъ протяженіи опоясываемыя русскими владѣніями и частію вошедшія въ составъ послѣднихъ, расчищали путь для доступа въ сферу варварства и застоя началъ образованія, гражданственности и промышленности. Въ этомъ отношеніи труды русскихъ путешественниковъ въ Азіи имѣютъ историческое значеніе и не пройдутъ безслѣдно для установленія и развитія будущихъ взаимныхъ сношеній Имперіи съ сопредѣльными ей азіятскими владѣніями. Становясь на эту точку зрѣнія, я полагаю, что и проектируемая географическимъ обществомъ новая экспедиція Пржевальскаго, при испытанныхъ высокихъ качествахъ путешественника, принесетъ обильные плоды для науки и честь тѣмъ учрежденіямъ, которыя примутъ на себя заботы объ ея осуществленіи.

Въ этихъ видахъ, принимая къ близкому вниманію успѣхи дѣятельности Императорскаго русскаго географическаго общества и не сомнѣваясь въ вашей просвѣщенной готовности содѣйствовать всякому полезному для государства предпріятію, я считаю долгомъ просить ваше высокопревосходительство ходатайствовать передъ Государемъ Императоромъ о назначеніи изъ государственнаго казначейства, въ распоряженіе общества, на экспедицію подполковника Пржевальскаго, согласно представленной имъ смѣтѣ, двадцати четырехъ тысячъ семисотъ сорока рублей.

Приложеніе № 10.

(Къ стр. 217).

Михаилу Александровичу Пыльцову.

Прошу тебя, въ случаѣ если я пропаду во время путешествія, распорядиться моимъ имуществомъ, согласно нижеслѣдующаго.

Вотъ мое имущество:

1. 150 акцій одесской дороги	6,900 р.
2. Въ купеческомъ банкѣ въ Москвѣ	3,500 »
3. Въ общ. взаимнаго кредита въ С.-Петербургѣ .	500 »
4. За Ф.	300 »
Всего . . .	11,200 р.

Эти деньги я распредѣляю слѣдующимъ образомъ:

1) Мамашѣ вкладъ въ купеч. банкѣ, т. е. 3,500 р.

2) Тебѣ сто акцій одесской дороги.

3) Эклону *пятьдесятъ акцій* одесской дороги и 500 р., находящихся во взаимномъ кредитѣ (Такую сумму, т. е. 500 р., Эклонъ имѣетъ въ Московскомъ купеческомъ банкѣ, такъ что я дѣлаю переводъ).

Съ своей стороны, я прошу тебя давать пожизненныя пенсіи: нянькѣ—25 руб. и дядѣ—50 руб. ежегодно. Кромѣ того, когда Николай Ивановичъ окончитъ университетъ, то онъ имѣетъ получить отъ тебя единовременно 300 р., а Ипполитъ при производствѣ въ офицеры 300 р. (все это изъ числа ста акцій). Все это въ случаѣ, если я пропаду въ Тибетѣ.

Теперь-же я прошу тебя исполнить:

1) Когда акціи одесской дороги поднимутся до 60 руб., то продай всѣ мои акціи и деньги положи на проценты въ тотъ-же купеческій банкъ въ Москвѣ.

2) Въ будущемъ 1877 году мамашѣ слѣдуетъ получить пенсію 300 руб. Эти деньги тебѣ вышлетъ Ф. если-же онъ не будетъ въ состояніи уплатить, то возьми такую-же сумму, т. е. 300 руб., изъ моего вклада въ купеческомъ банкѣ; въ 1878 г. сдѣлай то же самое.

Если *сходно* будутъ продаваться Городокъ или Кимборово, то купи мнѣ которое-либо изъ этихъ имѣній, конечно, если покупка будетъ выгодна и потеря отъ продажи акцій не будетъ велика.

Н. Пржевальскій.

Пермь. 8-го іюня 1876 г.

Приложеніе № 11.

(Къ стр. 231).

Письмо капитана генеральнаго штаба А. Н. Куропаткина—Н. М. Пржевальскому.

15 января 1877 г.
г. Курла.

Дорогой соотечественникъ!

Русское посольство прибыло четыре дня тому назадъ въ г. Куйля (Курла). Одною изъ нашихъ заботъ еще по дорогѣ былъ сборъ воз-

можно полныхъ свѣдѣній о васъ и вашихъ спутникахъ. Какъ и слѣдовало ожидать, свѣдѣнія эти мало насъ удовлетворяли. Изъ нихъ то оказывалось, что вы все еще живете въ г. Куйлѣ, занимаясь охотою и рыбною ловлею, и мы надѣялись увидѣться съ вами; то намъ говорили, что вы переѣхали въ кышлакъ *Лобъ*, въ трехъ дняхъ пути отъ г. Куйли, что все еще не отнимало у насъ возможности посѣтить васъ. Съ приближеніемъ къ г. Куйлѣ, до насъ дошелъ слухъ, что вы отправились въ г. Хотанъ, и наконецъ уже въ г. Куйлѣ, послѣ оффиціальнаго запроса, сдѣланнаго мною хакиму этого города, мнѣ было сообщено, что вы находитесь теперь въ мѣстности *Чагчи*, въ 17 дняхъ пути отъ г. Куйли, откуда, оставивъ часть своихъ спутниковъ, собираетесь отправиться въ горы на охоту за дикими верблюдами. Если это свѣдѣніе вѣрно, то мнѣ остается радоваться, что вы уже приступили къ выполненію любопытнѣйшей части задачи, взятой вами на себя, именно къ разрѣшенію вопроса о дикихъ верблюдахъ.

Послѣ полученія этихъ извѣстій, надежда личнаго съ вами свиданія если и не пропала вовсе, то сильно ослабѣла. Поэтому я пользуюсь случаемъ войти съ вами въ сношенія, хотя письменно.

Цѣль нашего посольства состоитъ въ заключеніи договора съ Бадуалетомъ о проведеніи границы между Ферганскою областью и его владѣніями. Въ составъ посольства входятъ: 4 офицера (я, мой братъ артиллеріи капитанъ, штабсъ-капитанъ Старцевъ, штабсъ-капитанъ Сунаргуловъ), врачъ г. Эренъ и натуралистъ г. Вилькенсъ. Конвой состоитъ изъ 30 казаковъ и конныхъ стрѣлковъ. Наше посольство, въ значительно меньшемъ, впрочемъ, составѣ, должно было прибыть въ г. Карашаръ еще $2^1/_2$ мѣсяца тому назадъ; но наше первое движеніе изъ г. Оша къ перевалу Терекъ-Даванскому не было удачно. Вслѣдствіе смутъ, бывшихъ тогда въ горахъ, на насъ (меня, брата, 6 казаковъ и 4 джигита) напала неожиданно значительная шайка кара-киргизовъ и мы успѣли отстояться только благодаря тому, что моему брату удалось убить начальника шайки Ишемъ-бека, и скоро подоспѣла помощь. Въ схваткѣ я былъ раненъ въ правую руку и два мѣсяца долженъ былъ вылежать въ г. Ошѣ, пока явилась возможность снова отправиться въ путь.

7-го октября мы снова выступили изъ г. Оша, перевалили черезъ Терекъ-Даванскій перевалъ (который оказался до 14,000) и 25 октября прибыли въ г. Кашгаръ. Въ Кашгарѣ насъ задержали до 20 ноября, въ ожиданіи разрѣшенія Бадуалета на дальнѣйшее движеніе къ

нему. 21 ноября мы выступили изъ г. Кашгара въ г. Аксу, долиною р. Кашгаръ-Дарьи, черезъ укр. *Маралъ-баши*. Въ г. Аксу мы прибыли 9 декабря. Затѣмъ, пробывъ въ этомъ городѣ 7 дней, мы черезъ г.г. Бай и Куча, прибыли 10-го января въ г. Куйля, сдѣлавъ отъ г. Оша нѣсколько болѣе 1,300 верстъ.

Припоминая длинный путь, совершенный нами, я старался дать себѣ отчетъ въ тѣхъ вопросахъ, изъ помѣченныхъ нами по пути, которые могли бы имѣть для васъ относительный интересъ. Привожу ниже нѣсколько выдержекъ изъ письма моего къ генералу Кауфману.

По дорогѣ изъ г. Кашгара въ г. Аксу, какъ разъ на серединѣ ея, лежитъ на р. Кашгаръ-Дарьѣ довольно значительное укрѣпленіе *Маралъ-баши*. Первыя 80 верстъ, отъ г. Кашгара до кышлака Янгабата, дорога идетъ по культурному оазису г. Кашгара, относительно весьма мало населенному.

Далѣе, на переѣзды отъ кышлака Янгабата до укрѣпленія Маралъ-баши, вмѣсто песчаной степи, показанной на картѣ Средней Азіи (испр. по 1875 годъ), мы встрѣтили *дико растущій* лѣсъ, тянущійся по обѣимъ сторонамъ дороги почти непрерывно 120 верстъ. Этотъ лѣсъ состоитъ главнымъ образомъ изъ особаго вида тополя, называемаго мѣстными жителями *тугракомъ*, затѣмъ изъ *джиды*, *юлгуна* (гребенщика), *куйрюна* (видъ схожій съ саксауломъ), колючки и камыша. Туграки, часто при высотѣ нѣсколькихъ саженъ, достигаютъ до 10—14 вершковъ толщины. Дерево это обыкновенно криво, имѣетъ грубую, узловатую кору, и только въ рѣдкихъ экземплярахъ годно какъ строевой лѣсъ. Мѣстами пройденный нами лѣсъ составляетъ густыя заросли, въ которыхъ даже зимою глазъ проникаетъ только на 50—70 шаговъ вокругъ. Ширину этой лѣсной полосы намъ не удалось опредѣлить съ точностью; мы узнали только что лѣсъ туграковъ сопровождаетъ теченіе р. Кашгаръ-Дарьи, а по разспросамъ можно предполагать, что и теченіе рѣкъ Яркендъ-Дарьи и Хотанъ-Дарьи. Почва между кышлакомъ Янгабатомъ и укрѣпленіемъ Маралъ-баши большею частью болѣе или менѣе солонцеватая. Солонецъ пропитываетъ стволъ туграковъ и выступаетъ въ видѣ бѣлой накипи на стволѣ на мѣстахъ обрубленныхъ вѣтвей.

На дальнѣйшемъ пути мы встрѣтили незначительныя пространства, поросшія туграками, между г.г. Куча и Куйля, ближе къ послѣднему.

Теченіе р. Кашгаръ-Дарьи показано по картѣ не совсѣмъ вѣрно. Рѣка эта въ верхнемъ своемъ теченіи носитъ названіе *Кызылъ-су*. Мы ее встрѣтили въ постѣ Иркештамѣ, постѣ Нагры-Чалды, укрѣпленіи Улугчатѣ, постѣ Уксалырѣ, въ г. Кашгарѣ и далѣе по пути въ Аксу пересѣкли ее два раза: первый въ рабатѣ Купрюкѣ, въ 108 верстахъ отъ Кашгара, гдѣ она еще носитъ названіе Кызылъ-су, и второй разъ, близъ укрѣпленія *Маралъ-Баши*, въ 210 верстахъ отъ Кашгара, гдѣ она уже носитъ названіе *Кашгаръ-Дарьи*. Перемѣна названія повидимому обусловливается перемѣною цвѣта воды. До рабата Купрюкъ и нѣсколько ниже его, цвѣтъ воды красный (Кызылъ-су) отъ растворенной красной глины, которую эта рѣка и прорѣзываетъ. Далѣе, разливаясь по камышамъ, вода фильтруется и дѣлается прозрачною.

Кругомъ укр. *Маралъ-баши* поселено до 100 дворовъ *Дуланъ*, занимающихся земледѣліемъ.

По разспросамъ дулане суть выходцы изъ Джунгаріи, поселившіеся въ Джитышарѣ уже болѣе 100 лѣтъ тому назадъ. Есть основаніе предполагать, что они родственники калмыкамъ.

По преданію, ихъ переселилось въ Джитышаръ болѣе 40,000 семей, которыя и разселились по теченію главныхъ рѣкъ этой страны, въ одну сторону до оз. Лобъ-нора (о чемъ упоминаетъ въ своемъ отчетѣ и подполковникъ Сосновскій), въ другую до г. Хотана.

Въ настоящее время отъ укрѣпленія Маралъ-Баши по теченію р. Кашгаръ-Дарьи, до сліянія ея съ р. Яркендъ-Дарьею и по этой послѣдней до г. Яркенда, разселилось небольшими групами, состоящими изъ разбросанныхъ дворовъ, до 3,000 семействъ Дуланъ, принадлежащихъ къ одному изъ трехъ родовъ: *Чашъ-Ширинъ*, *Бачукъ* и *Бугуръ*. Далѣе по дорогѣ изъ ук. Маралъ-Баши къ г. Аксу мы встрѣтили четыре небольшихъ селенія Дуланъ, въ которыхъ и ночевали.

Имѣя значительное сходство въ костюмѣ, языкѣ и наружности съ коренными обитателями Джитышара, Дулане живутъ въ постройкахъ, отличныхъ по своему виду отъ общаго типа всѣхъ среднеазіятскихъ построекъ, что обусловливается обиліемъ лѣса и камыша въ мѣстностяхъ, занятыхъ Дуланами. Эти постройки какъ бы составляютъ переходъ, отъ юрты запада, къ саклѣ осѣдлаго жителя Средней Азіи.

Они состоятъ изъ плетневаго или камышеваго кузова, обмазаннаго тонкимъ слоемъ глины, съ крышею въ нѣсколько пальцевъ толщины. Сухой и теплый климатъ Джитышара, вмѣстѣ съ обиліемъ топлива, позволяетъ Дуланамъ довольствоваться этими легкими постройками.

Далѣе за г. Куча, въ кышлакахъ Бугурѣ и Янгисарѣ мы встрѣтили снова Дуланъ. По разспросамъ они переселены въ эти кышлаки нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ изъ Маралъ-Баши. Эти переселенцы достигли въ названныхъ кышлакахъ значительнаго благосостоянія, благодаря находящимся въ ихъ владѣніяхъ прекраснымъ пастбищамъ, на которыхъ они разводятъ значительныя стада барановъ.

Я не знаю удалось ли вамъ устроить сообщеніе съ Россіею для отсылки время отъ времени вашихъ замѣтокъ, которыя всѣ, заинтересованные въ дѣлѣ науки и открытій, ждутъ съ нетерпѣніемъ.

Прежде оставленія г. Куйля, я отошлю свою корреспонденцію въ Ташкентъ, черезъ Кашгаръ, и буду радъ служить вамъ, если вы вздумаете прислать мнѣ для отсылки въ Россію письма ваши. Кромѣ того, занимая при Якубъ-бекѣ оффиціальное положеніе русскаго посланца, я, отъ имени туркестанскаго генералъ-губернатора, могу заручиться заранѣе согласіемъ Бадуалета на всѣ ваши требованія, необходимыя для успѣха экспедиціи, какъ въ настоящее время, такъ и на будущее. Напишите подробно, въ чемъ вы имѣете недостатокъ, или терпите стѣсненія: я радъ буду хотя косвенно облегчить выполненіе трудной миссіи, которую вы взяли на себя.

Я хотѣлъ бы переслать вамъ новости о послѣднихъ европейскихъ событіяхъ, но мы сами уже болѣе мѣсяца не имѣемъ никакихъ извѣстій изъ Ташкента и Россіи.

Послѣдніе нумера «Русскаго Инвалида», полученные нами, заканчиваются 8 октябремъ прошлаго года; а «Туркестанскія Вѣдомости» 2 ноябремъ. На случай, если вы имѣете еще болѣе старыя извѣстія, посылаю вамъ 5 нумеровъ «Инвалида», 2 нумера «Турк. Вѣдом.» и 1 нумеръ «Недѣли». Мы ждемъ почту со дня на день, и получивъ свѣжія газеты—перешлемъ ихъ вамъ.

Изъ 43-го нумера «Туркестанскихъ Вѣдомостей» вы увидите какое грозное положеніе приняла Россія по отношенію къ Турціи, для рѣшенія славянскаго вопроса.

Я предполагаю пробыть съ посольствомъ въ Куйлѣ до первыхъ чиселъ февраля. Затѣмъ, какимъ путемъ вернусь въ Ташкентъ—еще не знаю, быть можетъ Юлдусами на Кульджу и далѣе на Вѣрное и Ташкентъ; быть можетъ изъ Аксу на Учь-Турфанъ и далѣе на Вѣрное, быть можетъ, наконецъ, что мнѣ придется возвратиться уже пройденнымъ путемъ, черезъ г. Кашгаръ и Ферганскую область.

Не откажите увѣдомить меня, какіе у васъ планы на будущее,

когда и какимъ путемъ вы разсчитываете вернуться въ Кульджу или Ташкентъ. Не откажите также привести нѣсколько словъ о проходимости Юлдусовъ.

Дай Богъ вамъ здоровья и успѣховъ въ вашемъ трудномъ предпріятіи.

Приложеніе № 12.

(Къ стр. 239).

О современномъ состояніи Восточнаго Туркестана.

6 іюня 1877 г.

Въ добавленіе къ свѣдѣніямъ, изложеннымъ мною въ отчетѣ Географическому Обществу [1]), считаю не лишнимъ прибавить болѣе подробный разсказъ о современномъ положеніи Восточнаго Туркестана или, какъ его иногда называютъ, Джитышара. Данныя, мною собранныя, лишены оффиціальнаго характера, но они, сколько кажется, могутъ пролить нѣкоторый свѣтъ на внутренній строй нынѣшней Кашгаріи, пожалуй, даже болѣе, чѣмъ тѣ свѣдѣнія, которыя добываются съ помощью мѣстныхъ властей, конечно всегда (тѣмъ болѣе въ Азіи) скрывающихъ невыгодную для себя истину. Въ откровенномъ разсказѣ болтливаго простолюдина почти всегда слышится настроеніе массы, ея нужды и мечтанія, такъ что поговорка «гласъ народа—гласъ Божій» въ данномъ случаѣ неоспоримо вѣрна. Правда, находясь, во все время пребыванія во владѣніяхъ Бадуалета, подъ самымъ строгимъ присмотромъ, мы могли лишь изрѣдка, случайно, входить въ сношеніе съ мѣстнымъ населеніемъ, но изъ этихъ случайныхъ, отрывочныхъ свѣдѣній, въ общемъ обрисовались главнѣйшіе контуры внутренней жизни царства Якубъ-бека.

Сложившись, какъ извѣстно, въ послѣднее десятилѣтіе, изъ обломковъ, уцѣлѣвшихъ послѣ поголовной рѣзни китайцевъ и внутренней междоусобицы, нынѣшній Джитышаръ обнимаетъ собою обширное пространство при-Тянь-шаньскихъ и при-Куень-луньскихъ оазисовъ — отъ Кашгара на западъ до Хотана и Кэріи на востокѣ. Извѣстна также исторія коканца Якубъ-бека, который, будучи перво-

---

[1]) Отчетъ этотъ будетъ написанъ мною по прибытіи въ Кульджу. Копія съ него, равно какъ моя маршрутно-глазомѣрная съемка и астрономическія наблюденія, будутъ представлены въ Главный Штабъ.

начально сподручникомъ кашгарскаго правителя, мало по малу захватилъ въ свои руки власть сначала въ Кашгарѣ, а потомъ частію силою, всего-же болѣе коварствомъ, овладѣлъ и всѣмъ Восточнымъ Туркестаномъ. Для вящшаго упроченія своего владычества, новый царь, котораго подданные величаютъ именемъ «Бадуалетъ», т. е. счастливецъ, призналъ себя вассаломъ турецкаго султана, вѣроятно въ томъ разсчетѣ, что въ магометанскомъ мірѣ главнымъ связующимъ началомъ служитъ не государство, а общность религіи, что въ глазахъ каждаго мусульманина Мекка и Константинополь имѣютъ бо́льшую цѣну, нежели родной городъ и даже домашній очагъ.

Дѣломъ завоеванія окончились подвиги Якубъ-бека. Для упроченія новаго царства въ будущемъ, необходимо было организовать его внутренній строй, но здѣсь потребовались иныя способности, нежели смѣлость и хитрость. Этихъ-же способностей не имѣется ни у самого Якубъ-бека, ни у его ближайшихъ помощниковъ.

Начнемъ съ личности самого царя.

Человѣкъ довольно пожилой (56 лѣтъ), много на своемъ вѣку испытавшій, Бадуалетъ вынесъ изъ житейской практики, прежде всего, недовѣріе къ людямъ вообще. Подозрительность—главная черта характера Якубъ-бека; рядомъ съ нею стоятъ жестокость и коварство. Для достиженія своихъ цѣлей Джитышарскій царь не остановится ни передъ-какими жертвами. «Цѣль оправдываетъ средства»—вотъ девизъ внутреннихъ убѣжденій Бадуалета. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно было заключить изъ многократныхъ разсказовъ нашего спутника Заманъ-бека (о немъ рѣчь будетъ впереди), придававшаго большое значеніе подобнымъ качествамъ Якубъ-бека. Отчасти, быть можетъ, это и примѣнимо въ дѣлѣ управленія азіятскихъ царствъ. Жертвы политическія иногда и въ Европѣ бываютъ жертвами искупленія. Но у Якубъ-бека жестокость черезъ край: смертныя казни въ его владѣніяхъ—явленіе самое обыденное..... Пусть даже потоками крови Бадуалетъ зальетъ по́ле своего владычества, лишь-бы на этомъ полѣ взошли ростки будущаго преуспѣянія государства. Но такихъ ростковъ нѣтъ вовсе. Кровавый терроръ въ нынѣшнемъ Джитышарѣ имѣетъ цѣлію одно лишь упроченіе власти самого царя—о народѣ нѣтъ заботы. На него смотрятъ только какъ на рабскую массу, изъ которой можно выжимать лучшіе соки. Притомъ-же Бадуалетъ человѣкъ хотя съ сильною волею, но безъ всякаго образованія, кажется даже безграмотный (не ручаюсь за это свѣдѣніе, полученное мною отъ проговорившагося Заманъ-бека), едва-ли имѣетъ серьезное понятіе

объ управленіи государствомъ, хотя-бы въ духѣ мусульманскихъ правителей вообще. Мелочныя заботы дня [1]) поглощаютъ все вниманіе и время джитышарскаго владыки, о которомъ, къ сожалѣнію, въ Европѣ сложилось слишкомъ высокое мнѣніе. Въ сущности-же кашгарскій царь не болѣе, какъ политическій проходимецъ. Подобныя личности не рѣдкость въ Азіи. Временные ихъ успѣхи на политическомъ поприщѣ свидѣтельствуютъ, всего чаще, не о личныхъ талантахъ самихъ дѣятелей, а скорѣе о невѣжествѣ массы, которую они эксплоатируютъ. Времена безграмотныхъ геніевъ миновали. При удачѣ, разбойникъ можетъ нѣсколько лѣтъ властвовать надъ рабскимъ и невѣжественнымъ населеніемъ, но подобное царство, сплоченное случайно, безъ всякой внутренней жизни, неминуемо падетъ въ близкомъ будущемъ. Не даромъ и англичане такъ скоро охладѣли въ порывахъ своей дружбы къ кашгарскому царю. Практическіе эксплуататоры, вѣроятно, разнюхали съ кѣмъ имѣютъ дѣло и поспѣшили разсчитаться во-время.

Подъ стать самого Бадуалета, является и клика его сподручниковъ, большею частію бѣглыхъ проходимцевъ изъ Кокана, Ташкента, Бухары, даже изъ Индіи и Афганистана. Всѣ они извѣстны мѣстному населенію подъ общимъ именемъ «Анджановъ», служатъ опорою власти Якубъ-бека, являются исполнителями его явныхъ и тайныхъ приказаній. Главнѣйшія должности въ Джитышарѣ розданы этимъ Анджанамъ, или ближайшимъ родственникамъ Бадуалета. Анджаны являются правителями городовъ, начальниками войска, сборщиками податей и составляютъ охранную стражу самого царя, нѣчто въ родѣ опричниковъ. Для мѣстнаго населенія эти люди ненавистны, хуже китайцевъ. Дѣйствительно, въ нынѣшнемъ Джитышарѣ очень плохо жить. Ни личность, ни имущество не обезпечены; шпіонство развито до ужасаю-

[1]) Мелочность доходитъ до того, что Бадуалетъ самъ ежедневно осматриваетъ какъ кормятъ его лошадей, самъ лечитъ своихъ приближенныхъ, слушаетъ всякіе доносы своихъ слугъ, знаетъ какой купецъ что привезъ въ городъ (при этомъ часть товаровъ отбирается даромъ), принимаетъ подарки въ видѣ лошадей, барановъ и проч., отъ самыхъ простыхъ своихъ подданныхъ забираетъ въ гаремъ, по собственному выбору, женщинъ, иногда въ возрастѣ ребенка; заставляетъ приносить къ себѣ на показъ и, если понравятся, то отбираетъ подарки, полученные чиновниками отъ европейцевъ. При томъ-же, постоянно опасаясь за свою жизнь, Якубъ-бекъ живетъ за городомъ въ фанзѣ, окруженной караулами и лагеремъ солдатъ, не спитъ по ночамъ и, какъ сообщалъ намъ Заманъ-бекъ, даже въ мечеть ходитъ со штуцеромъ Винчестера въ рукахъ. Боясь отравленія, джитышарскій царь, пребывая въ г. Курла, выписываетъ для себя провизію (хлѣбъ, рисъ и пр.) изъ Кашгара.

щихъ размѣровъ [1]); каждый боится за завтрашній день. Произволъ господствуетъ во всѣхъ отрасляхъ управленія; правды и суда не существуетъ. Анджаны грабятъ у жителей не только имущество, но даже женъ и дочерей. Подати увеличены до громадныхъ размѣровъ,— притомъ-же собиратели ихъ не забываютъ и себя. Не только на Таримѣ, но даже въ г. Курла, мѣстные жители въ разговорахъ съ нашимъ переводчикомъ и казаками, постоянно проклинали свое правительство и высказывали желаніе подчиниться Россіи. Слухъ объ умиротвореніи нами Кокана и Кульджи прошелъ далеко; дикій азіятецъ началъ понимать, что власть русская есть залогъ спокойствія и благоденствія. Не отъ излишняго патріотизма говорю я такимъ образомъ. Нѣтъ! Когда бывало бѣдные, обобранные калмыки и таримцы украдкою приходили къ намъ и со слезами на глазахъ разсказывали о своей злосчастной участи, завидуя въ то же время своимъ за-Тянь-шаньскимъ собратьямъ—тогда я вѣрилъ, что успѣхи русскаго оружія въ Азіи есть (суть) не только успѣхи политическіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и человѣчески-гуманные.

Штуцерная пуля и нарѣзная пушка приносятъ здѣсь тѣ зачатки цивилизаціи, которые инымъ путемъ, вѣроятно, еще долго не попали бы въ окаменѣлый строй Средне-Азіятскихъ ханствъ.

Для большей характеристики главныхъ сподручниковъ Бадуалета, разскажу хотя вкратцѣ объ одномъ изъ ближайшихъ совѣтниковъ Якубъ-бека, о нѣкоемъ Заманъ-бекѣ, почти неотлучно находившемся при насъ во все время путешествія на Лобъ-норъ, т. е. цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ. Этотъ Заманъ-бекъ родомъ изъ г. Нухи въ Закавказьи и, вѣроятно, армянинъ по происхожденію [2]), вслѣдствіе какихъ-то обстоятельствъ бѣжалъ въ Константинополь и былъ посланъ оттуда въ Кашгарію, въ качествѣ агента турецкаго правительства. Какимъ именно агентомъ могъ быть человѣкъ безъ всякаго образованія—не знаю;

---

[1]) До чего доходитъ шпіонство, можно судить изъ того, что Бадуалетъ самъ напередъ получаетъ и прочитываетъ письма, адресованныя его подчиненнымъ.

[2]) Для любопытства кто именно такой нынѣшній чуть не первый министръ Якубъ-бека, можно навести справки въ г. Нухѣ Заманъ-бекъ говорилъ намъ, что переселился оттуда въ Турцію въ 1870 году, что въ Нухѣ имѣетъ домъ и родныхъ; былъ въ русской службѣ, кажется судьею въ той-же Нухѣ. На мой вопросъ объ его національности, Заманъ-бекъ отвѣчалъ, что онъ потомокъ крестоносцевъ По наружности отличается тучностью, средняго роста, брюнетъ, съ огромнымъ носомъ; возрастъ около 40 лѣтъ.

видно и въ Турціи поняли, что для новаго вассала, каковъ кашгарскій царь, всякій европейскій олухъ [1]) будетъ пригоденъ. Дѣйствительно, Заманъ-бекъ, кромѣ присущихъ всѣмъ азіятцамъ хитрости и лѣни, не отличается никакими другими качествами; образованія нѣтъ ни малѣйшаго, по русски умѣетъ лишь читать да писать. По собственному своему признанію, турецкій агентъ прежде даже и не зналъ, что на свѣтѣ существуетъ Кашгарія. Сюда явился онъ вмѣстѣ со второю экспедиціею Форсейта (въ 1874 году, кажется) и хотя не имѣетъ опредѣленной должности, но постоянно находится при Бадуалетѣ и считается однимъ изъ лучшихъ его совѣтниковъ. Въ качествѣ довѣреннаго лица Заманъ-бекъ былъ отправленъ съ нами на Лобъ-норъ, конечно, для наблюденія за тѣмъ, что мы станемъ дѣлать. Дорогою и на самомъ Лобъ-норѣ нашъ спутникъ, вѣроятно отъ скуки, четыре раза женился, въ томъ числѣ, однажды на 10-ти лѣтней дѣвочкѣ, ростомъ въ три фута. По возвращеніи съ Лобъ-нора, Заманъ-бекъ посланъ былъ Бадуалетомъ проводить насъ за р. Хайду-голъ; далѣе на Юлдусъ Якубъ-бекъ не рѣшился отпустить своего любимца, опасаясь, чтобы онъ не удралъ съ нами въ Россію. Нынѣшнимъ лѣтомъ тотъ-же Заманъ-бекъ отправляется вновь въ Турцію посломъ отъ кашгарскаго царя, съ поздравленіемъ къ султану Гамиду. Вотъ какого рода посланники являются въ Европу изъ Азіятскихъ царствъ!

Другой, извѣстный намъ, сподвижникъ Бадуалета — Токсабай былъ въ юности конюхомъ, понравился Якубъ-беку, попалъ къ нему въ «бачи» и, наконецъ, сдѣланъ былъ правителемъ Курла, Карашара и Лобъ-нора. Этотъ губернаторъ, получившій воспитаніе на конюшнѣ и совершенно безграмотный, тѣмъ не менѣе пользуется правомъ казнить смертію своихъ подчиненныхъ. Въ особенности доставалось отъ него калмыкамъ, живущимъ по рѣкѣ Хайду-голу. Съ этими несчастными Анджаны обращаются хуже, чѣмъ съ животными [2]). Грабятъ и отнимаютъ послѣдняго барана, послѣдній мѣшокъ муки и за малѣйшее сопротивленіе или ослушаніе отрубаютъ голову. Въ городѣ Корла постоянно имѣется нѣсколько ямъ, въ готовности принять трупы каз-

---

[1]) Я говорю такъ про Заманъ-бека какъ про лицо оффиціальное. Лично я ему весьма благодаренъ за тѣ услуги, которыя онъ намъ оказывалъ во время путешествія на Лобъ-норъ Съ Заманъ-бекомъ намъ было здѣсь гораздо лучше, нежели съ кѣмъ-либо изъ другихъ довѣренныхъ Бадуалета—конечно на столько, на сколько можетъ быть лучше въ дурномъ обществѣ.

[2]) Нынѣшнею зимою Якубъ-бекъ послалъ своего любимца Токсабая на войну противъ китайцевъ и назначилъ его, кажется, начальникомъ укрѣпленія Диванги, недавно взятаго китайскими войсками.

ненныхъ. Эти ямы, часто для своихъ же собратій, копаютъ калмыки. Доведенные до отчаянія, они пѣшкомъ бѣгутъ къ намъ на Или, рискуя дорогою погибнуть съ голоду, или быть схваченными и неминуемо казненными.

Не довѣряя мѣстному населенію и для удержанія его въ покорности, Якубъ-бекъ, по примѣру временъ китайскаго владычества, выстроилъ въ городахъ (какъ напримѣръ: въ Корла, въ Карашарѣ, вѣроятно и въ другихъ) глиняныя крѣпости, въ которыхъ помѣщаются гарнизоны, отдѣльно отъ жителей. Подобный-же глиняный фортъ возведенъ даже и на Лобъ-норѣ, для наблюденія за тамошнимъ населеніемъ.

Дѣйствительно, въ данномъ случаѣ Бадуалету есть изъ-за чего хлопотать. Рѣшительно вездѣ, при всякомъ удобномъ случаѣ, жители проклинаютъ своего царя, и говорили намъ, что при китайцахъ было несравненно лучше. Такой-же духъ господствуетъ и въ войскахъ, набранныхъ изъ туземцевъ [1]). Китайцы ненавистны для нихъ только какъ «кафиры» вообще. Не будь подобной религіозной розни, нынѣшніе враги Джитышара были-бы встрѣчены мѣстнымъ населеніемъ съ распростертыми объятіями. Притомъ-же война, отвлекая лучшія силы народа, до извѣстной степени тормозитъ духъ недовольства массы и служитъ такимъ образомъ на пользу, конечно временную, для самого Якубъ-бека.

Впрочемъ шансы на успѣхъ съ этой стороны весьма сомнительны. Войска Бадуалета, сколько мы ихъ видѣли, ничуть не лучше китайскихъ [2]), но за то на сторонѣ послѣднихъ стоитъ сила матеріальная.

---

[1]) Слѣдуя изъ г. Корла обратно въ Тянь-шань, намъ пришлось нѣсколько верстъ идти вмѣстѣ съ отрядомъ войскъ Якубъ-бека, отправлявшихся на войну противъ китайцевъ. Во время пути нѣсколько солдатъ, (уроженцевъ г. Кучи), подъѣхали къ нашимъ казакамъ и завели разговоръ. Послѣ нѣсколькихъ фразъ, джитышарскіе воины начали самыми скверными словами ругать своего царя и въ добавокъ объяснили, что идутъ теперь на войну только изъ страха смертной казни за ослушаніе; при первомъ-же удобномъ случаѣ удерутъ съ поля битвы, куда глаза глядятъ. Фактъ малозначительный самъ по себѣ, но достаточно характеризующій духъ Якубъ-бекова воинства.

[2]) Войска Бадуалета набираются изъ туземцевъ, начальники—Анджаны. Въ настоящее время, въ мѣстностяхъ, ближайшихъ къ театру военныхъ дѣйствій, кажется, требуются на войну всѣ, способные носить оружіе. Даже слуги Якубъ-бека, число которыхъ до пяти сотъ, вооружены.

Вооруженіе войскъ, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которыхъ мы видѣли, весьма плохое: старыя, англійскія, гладкоствольныя ружья, часто обрѣзан-

Обстоятельства начинаютъ оправдывать подобное предположеніе. Въ началѣ апрѣля нынѣшняго года, китайцы взяли укрѣпленные проходы черезъ Тянь-шань—Дабангу и Токсумъ; вслѣдъ затѣмъ овладѣли Турфаномъ. Весьма вѣроятно, что вскорѣ китайцами будутъ покорены Карашаръ и Корла [1]). Тогда Якубъ-беку невозможно будетъ защищаться въ открытыхъ при-Тянь-шаньскихъ оазисахъ и побѣдители, безъ особеннаго труда, дойдутъ до Кашгара. Мѣстное населеніе, мало въ чемъ повинное, конечно поплатится при этомъ, быть можетъ даже поголовною рѣзнею, а Бадуалетъ съ ближайшими приверженцами улепетнетъ въ чужія страны, если ранѣе того не найдетъ себѣ достойнаго конца.

Въ общемъ резюмируя всю сумму наблюденій и впечатлѣній, вынесенныхъ мною изъ шестимѣсячнаго пребыванія въ предѣлахъ Джитышара, можно придти къ слѣдующему, мнѣ кажется, достаточно вѣроятному выводу: *царство Якубъ-бека падетъ въ близкомъ будущемъ*. Всего вѣрнѣе, оно будетъ покорено китайцами; въ случаѣ-же какихъ-либо мирныхъ комбинацій съ этой стороны, что, впрочемъ, весьма сомнительно—внутри самаго Джитышара неминуемо вспыхнетъ возстаніе, для котораго имѣются, даже черезъ край, всѣ готовые элементы, но которое теперь задерживается военнымъ терроромъ и общностью мусульманскаго дѣла, въ борьбѣ противъ китайцевъ.

Для Россіи настоящее время есть наиболѣе благопріятное, чтобы возможно выгоднѣе обставить свои отношенія къ Восточному Туркестану. На всякое наше требованіе, Якубъ-бекъ теперь непремѣнно согласится. Въ раіонѣ моего путешествія—если только Кульджа останется за Россіею—хорошо бы было перенести теперь-же нашу границу съ хребта Наратъ на хребетъ Далынъ-дабанъ, чтобы закрѣпить въ

ныя для удобства верховой ѣзды, нарѣзныя ружья (крайне плохія) кашгарской фабрикаціи, охотничьи двухстволки и ружья фитильныя. У Анджановъ хорошіе европейскіе штуцеры (системы Снейдера и др.), но они содержатся крайне небрежно. На нашихъ глазахъ одинъ изъ офицеровъ, желая вымыть свое ружье, прямо зачерпнулъ стволомъ (не отнимая его отъ ложи) воды изъ канавы и началъ протирать желѣзнымъ шомполомъ. На тѣхъ-же шомполахъ солдаты сплошь и рядомъ жарятъ баранину. При томъ, во время пути, ружье часто вѣшается сбоку сѣдла, гдѣ подвергается всякимъ толчкамъ и ударамъ. Вообще, въ рукахъ азіятцевъ хорошія европейскія ружья не могутъ сохраниться въ исправности, даже и короткое время.

[1]) По свѣдѣніямъ, полученнымъ мною на дняхъ отъ бѣглыхъ калмыковъ, китайцы идутъ уже на Карашаръ, который оставленъ жителями и войсками, тѣ и другіе бѣжали въ г. Корла.

наше владѣніе никому не принадлежащіе оба Юлдуса, съ ихъ превосходными пастбищами, на которыхъ могутъ свободно усѣсться многія тысячи калмыковъ, во всякомъ случаѣ, болѣе тяготѣющихъ къ намъ, нежели къ фанатикамъ-мусульманамъ.

Полковникъ Пржевальскій.

6-го іюня 1877 года
Плато Малый Юлдусъ въ Тянь-шанѣ

Приложеніе № 13.

(Къ стр. 241)

Письмо М. В. Пѣвцова—Н. М. Пржевальскому.

Омскъ, 23 іюля 1877 г.

Милостивый Государь

Николай Михайловичъ!

Получивъ вчера ваше письмо, спѣшу сообщить вамъ просимыя свѣдѣнія. Вы желаете направиться въ г. Гученъ изъ Кульджи окольнымъ путемъ, минуя Шихо и Манасъ. Отъ нашей границы, изъ Зайсанскаго поста, есть два пути въ Гученъ. Одинъ, кратчайшій, которымъ шелъ Сосновскій въ 1875 г., идетъ отъ кумирни Матэня, что близъ границы, прямо на Ю. В. по пустынной и маловодной мѣстности. По этому пути движеніе возможно только съ хорошимъ проводникомъ. Длина его около 500 верстъ. Другой путь, болѣе кружный, по которому слѣдовалъ въ минувшемъ году я, идетъ изъ Зайсанскаго поста на г. Булунъ-Тогой, далѣе р. Урунгу до подножія Ю. Алтая, потомъ по пустынной же мѣстности ведетъ прямо на югъ къ подножію Тянь-Шаня, близъ котораго стоитъ Гученъ. Длина этого пути 850 верстъ. Отъ поста до Ю. Алтая и въ особенности по р. Урунгу дорога эта хороша, но далѣе идетъ пустынею и въ 60 верстахъ отъ Гучена пересѣкаетъ полосу зыбучихъ песковъ въ 50 верстъ ширины.

Какимъ-бы вы изъ этихъ двухъ окольныхъ путей не направились, вамъ не избѣжать столкновенія съ китайцами: вы обойдете только Шихо и Манасъ, но на всемъ пространствѣ отъ Гучена до самаго Хами повсюду будете встрѣчать густое китайское населеніе, нынѣ живущее въ этихъ мѣстахъ. Путь, идущій изъ Хами чрезъ Баркуль, Читай-сянь и Гученъ, по сѣверному подножію Тянь-Шаня, служитъ въ настоящее время коммуникаціонной линіей китайскимъ войскамъ,

дѣйствующимъ на крайнемъ западѣ имперіи, и по этому пути безпрерывно движутся обозы съ запасами для арміи и подходятъ подкрѣпленія, и на каждой станціи разставлены войска пикетами, а потому, повторяю, вамъ невозможно будетъ избѣжать столкновенія съ китайцами, если вы направились въ Хами, даже отъ Гучена по сѣв. подножію Тянь-Шаня.

Мнѣ кажется, для избѣжанія столкновеній съ китайцами, не лучше-ли будетъ вамъ идти въ Хами по южную сторону хребта, по дорогѣ, которая проходитъ почти у самаго подножія. Въ прошедшемъ году по этой дорогѣ шла изъ Хами въ Турфанъ цѣлая дивизія китайскихъ войскъ. Этотъ путь короче и, по всей вѣроятности, удобнѣе для васъ, потому что едва-ли тамъ живетъ китайское населеніе. Эта страна была прежде жилищемъ мусульманъ. Кромѣ того, слѣдуя по этому пути, вы пройдете по мѣстности, намъ совершенно неизвѣстной, тогда какъ сѣверный путь отъ Гучена до Хами изслѣдованъ, по крайней мѣрѣ въ топографическомъ отношеніи, довольно хорошо г. Матусовскимъ. Что же касается городовъ Манаса, Урумци и Турфана, чрезъ которые пролегаетъ этотъ путь, то ихъ можно миновать окольными дорогами, тѣмъ болѣе, что вы идете на вьюкахъ и потому для васъ вездѣ дорога.

Вамъ хорошо извѣстно, какъ ведется у китайцевъ развѣдывательная служба и вы, вѣроятно, согласитесь съ тѣмъ, что мимо пункта, занимаемаго китайцами, можно провести въ нѣсколько сотъ человѣкъ отрядъ и они не замѣтятъ. Я не думаю, чтобы вамъ невозможно было окончательно миновать лежащихъ на помянутомъ пути городовъ, обходя ихъ окольными путями.

Потанинъ зимовалъ въ Кобдо и 19 марта пошелъ оттуда прямо въ Баркуль, надѣясь достигнуть въ маѣ Хами, а потомъ пойдетъ прямо изъ Хами въ Улясутай. Едва-ли его пропустятъ въ Баркулѣ. Въ прошломъ году наши бійскіе купцы были не только задержаны тамъ, но еще побиты и ограблены китайскими солдатами-мародерами. Вы, вѣроятно, съ нимъ уже не встрѣтитесь. Эта экспедиція очень скудно снаряжена и участники ея терпятъ давно уже во всемъ нужду и ни одна живая душа не хочетъ оказать никакого содѣйствія бѣднымъ труженикамъ науки!

О моихъ прошлогднихъ занятіяхъ могу сообщить, что мною былъ снятъ маршрутъ пройденнаго пути въ масштабѣ 5 вер. въ дюймѣ, опредѣлены широты и долготы 6 пунктовъ, въ томъ числѣ и положеніе Гучена, а также опредѣлены въ 4-хъ пунктахъ по пути ма-

гнитное наклоненіе и склоненіе и измѣрено барометрически посредствомъ соотвѣтственныхъ наблюденій высоты 15 пунктовъ. Я занимался также геологическими и естественно-историческими изслѣдованіями, хотя въ послѣдней области не могу не признать себя еще очень слабымъ. Мною было собрано 98 видовъ птицъ, 21 видъ млекопитающихъ и около 1,000 видовъ растеній, исключительно цвѣтковыхъ. Кромѣ того порядочная минералогическая коллекція.

На Тянь-Шанѣ я былъ въ прошломъ году и опредѣлялъ высоту снѣжной линіи, но на г. Богдо не бывалъ, потому что она далеко отъ Гучена. Это самая высокая вершина въ Тянь-Шанѣ къ востоку отъ меридіана Урумци. Положеніе ея мнѣ хотѣлось опредѣлить посредствомъ астрономической засѣчки, но, къ сожалѣнію, и этого не удалось, потому что съ другого пункта ее совсѣмъ не было видно. Флора Тянь-Шаня весьма богата видами, а также и фауна, хотя я, по недостатку времени, не могъ видѣть отсюда многаго интереснаго.

Очень сожалѣю, что по краткости времени не могу сообщить вамъ болѣе подробныхъ свѣдѣній и карты пройденнаго въ прошломъ году пути, потому что у меня только одинъ ея экземпляръ. Посылаю только отчетную карточку, которая, быть можетъ, и не окажется излишнею для васъ.

Позвольте пожелать вамъ полнаго успѣха въ вашемъ многотрудномъ предпріятіи, а также добраго здоровья въ пути.

Съ истиннымъ почтеніемъ вашъ покорный слуга

М. Пѣвцовъ.

P. S. Высоч. приказомъ отъ 17 апрѣля вы произведены въ полковники, съ чѣмъ и имѣю честь поздравить.

Приложеніе № 14.

(Къ стр. 262).

Записка Н. М. Пржевальскаго о предполагаемой экспедиціи въ Тибетъ.

24-го августа 1878 года.

Важность изслѣдованія Тибета: а) въ отношеніи политическомъ. Изъ всѣхъ мѣстностей Внутренней Азіи, болѣе или менѣе подвергнувшихся въ послѣднее время изслѣдованію европейцевъ, главнымъ

образомъ русскихъ, одинъ Тибетъ представляетъ еще страну почти совершенно невѣдомую. Попытки англичанъ изъ Индіи, начавшіяся сотню лѣтъ тому назадъ [1]), не привели до сихъ поръ къ желаемому результату. За исключеніемъ Ладака, гдѣ съ недавняго времени пребываетъ англійскій коммиссаръ, въ Собственный Тибетъ изъ-за Гималая не рѣшаются проникнуть даже одинокіе ученые, и калькутскія власти принуждены прибѣгнуть къ тайной посылкѣ пундитовъ (обученыхъ индусовъ), чтобы получить хотя кой-какія свѣдѣнія о недоступномъ сосѣдѣ.

Такой-же неуспѣхъ выпалъ и на долю миссіонеровъ, пытавшихся, съ свойственною имъ смѣлостію и энергіею, пробраться въ Тибетъ съ востока, т. е. со стороны Китая. Даже власть послѣдняго въ Тибетѣ только номинальная, и вассальная зависимость Далай-Ламы отъ Богдохана выражается лишь въ подаркахъ, посылаемыхъ изъ Хлассы въ Пекинъ.

Между тѣмъ, духовное владычество Далай-Ламы, не уступая въ силѣ средневѣковой власти папъ, широко раскидывается по всей Внутренней, Восточной и Южной Азіи. На поклоненіе своему духовному владыкѣ, даже болѣе воплощенному божеству, ежегодно стекаются въ Хлассу многія тысячи пилигримовъ и изъ холодныхъ пустынь Монголіи, и изъ жаркихъ странъ Индо-Китая. У Далай-Ламскаго престола сталкиваются люди, чуждые другъ другу по происхожденію и языку, по нравамъ и образу жизни. Общее для нихъ только одно—религія, но эта пружина, какъ учитъ исторія, достаточно сильна бываетъ для того, чтобы двинуть массы даже на историческій подвигъ. Правда, кроткій буддизмъ едва-ли способенъ сдѣлать то, что сдѣлало Магометанство, но все-таки, въ опытныхъ и талантливыхъ рукахъ, духовная власть, располагающая 250-ю милліонами послѣдователей, составляетъ силу страшную. Приласкать ея, задобрить, а если будетъ возможно, то и подружиться—вотъ въ чемъ, мнѣ кажется, Россія можетъ найти для себя немаловажную выгоду. Обстоятельства намъ вполнѣ благопріятствуютъ: изолированный Тибетъ пока еще не имѣетъ друзей; русское имя, сколько мнѣ приходилось слышать въ самой глубинѣ Азіи, пользуется симпатіею; наконецъ, вблизи нашей границы и подъ большимъ нашимъ вліяніемъ находится городъ Урга, священный для буддистовъ, въ особенности для монголовъ. Эти послѣдніе всею душою ненавидятъ китайцевъ, и подобное настроеніе

[1]) Путешествіе Богля въ 1774 году, Торнера въ 1783 г., Маннинга въ 1811 г., Пембертона въ 1828 г. и др.

трехъ милліоновъ номадовъ, при случаѣ, можетъ также пригодиться въ нашу пользу.

б) Въ отношеніи научномъ. Для научныхъ изслѣдованій, Тибетъ представляетъ такое обѣтованное мѣсто, какъ немногія изъ другихъ странъ земнаго шара. Ученый путешественникъ несомнѣнно найдетъ здѣсь богатую добычу по географіи, этнографіи и естествознанію. Прежнее мое путешествіе черезъ Куку-норъ до верховьевъ Голубой рѣки и недавнее изслѣдованіе Лобъ-нора ясно показали, что для этихъ частей Азіи совершенно невѣрны географическія карты, составленныя, главнымъ образомъ, по китайскимъ источникамъ. То же самое несомнѣнно будетъ и для всего Сѣвернаго Тибета. Съ другой стороны, много-ли мы знаемъ объ естественныхъ произведеніяхъ этой страны, достигающей столь высокаго поднятія надъ уровнемъ моря и южными своими частями, лежащей въ подтропической зонѣ? Наконецъ, изученіе туземнаго населенія, его образа жизни, отношеній къ своимъ сосѣдямъ и рядомъ съ тѣмъ, ознакомленіе съ буддизмомъ въ самомъ центрѣ его развитія и силы—все это представляетъ такой многосторонній интересъ, ради котораго можно, не задумываясь, рискнуть на всѣ невзгоды труднаго путешествія. Притомъ, научныя изслѣдованія—какъ весьма справедливо выражено въ письмѣ товарища министра иностранныхъ дѣлъ г-ну военному министру, отъ 6-го іюня настоящаго года—будутъ маскировать политическія цѣли экспедиціи и отклонятъ всякія подозрѣнія нашихъ недруговъ.

Составъ экспедиціи. Но для того, чтобы достигнуть успѣха въ дѣлѣ, которое, по самому своему характеру, во многомъ зависитъ отъ случайныхъ обстоятельствъ и счастія, прежде всего необходимъ строгій выборъ лицъ, участвующихъ въ путешествіи. Если-бы правительству угодно было поручить мнѣ предполагаемую въ Тибетѣ экспедицію—какъ объ этомъ упомянуто въ томъ-же письмѣ товарища министра иностранныхъ дѣлъ—то главнымъ, съ моей стороны, условіемъ былобы право личнаго выбора спутниковъ. По опыту прежнихъ путешествій я знаю на сколько отъ состава экспедиціи зависитъ самый ея успѣхъ. Дурной, или негодный къ дѣлу человѣкъ, попавшій въ число путешественниковъ, всегда будетъ великою помѣхою и, что весьма важно, отъ подобной личности уже невозможно избавиться, забравшись въ глубь чужаго государства. Наоборотъ, люди энергичные и преданные дѣлу могутъ, при маломъ числѣ, исполнить многое.

Малочисленность каравана составляетъ даже одно изъ весьма важныхъ условій, такъ какъ съ малымъ числомъ людей и животныхъ

иногда только и можно пройти по дикой, ненаселенной пустынѣ, гдѣ приходится продовольствоваться лишь охотою, а по временамъ нельзя имѣть достаточно воды, чтобы попоить верблюдовъ.

По моему мнѣнію, составъ экспедиціи, для изслѣдованія Тибета, въ научномъ и политическомъ отношеніяхъ, долженъ быть слѣдующій.

a) Начальникъ экспедиціи.

b) Два его помощника. Одинъ для подмоги въ научныхъ наблюденіяхъ, другой для собиранія свѣдѣній политическихъ.

c) Препараторъ для естественно-историческихъ коллекцій.

d) Два переводчика. Одинъ для мусульманскихъ языковъ, другой для языка тибетскаго.

e) Два проводника изъ туземцевъ.

f) Семь казаковъ, всего лучше Забайкальскихъ.

Стоимость экспедиціи. Стоимость содержанія этихъ чиновъ, равно какъ и расходы на самое путешествіе, можно опредѣлить, принимая въ соображеніе смѣту, составленную мною для Лобъ-норской экспедиціи, а именно:

		Содержаніе въ годъ.
Начальнику экспедиціи .	Сверхъ получаемаго на службѣ содержанія.	1,500 р.
Помощнику		750 »
Другому помощнику . .		750 »
Препараторъ		600 »
Его содержаніе и верховая лошадь		200 »
Переводчикъ съ содержаніемъ и лошадью		600 »
Другой переводчикъ		600 »
Семь казаковъ (жалованья сверхъ обыкновеннаго казеннаго содержанія, по 20 руб. въ мѣсяцъ каждому) . .		1,800 »
Продовольствіе казаковъ (по 10 рублей въ мѣсяцъ на каждаго).		840 »
Проводники съ содержаніемъ и лошадьми, или верблюдами.		1,200 »
20 вьючныхъ верблюдовъ (подъ багажъ и коллекціи) по 70 рублей каждый съ сѣдломъ		1,400 »
7 верховыхъ верблюдовъ для казаковъ		490 »
На погибшихъ верблюдовъ		1,200 »
На подарки, пріемъ, угощеніе и непредвидѣнные расходы		1,500 »
Итого въ одинъ годъ . .		13,310 р.
другой годъ . .		13,310 »

На подъемъ и добавочное снаряженіе въ экспедицію 1,200 р.

Всего . . . 27,810 р.

Осталось отъ Лобъ-норской экспедиціи:

Наличными деньгами . . . . . 5,520 р.

23 верблюда съ сѣдлами . . . . . 1,600 »

Различнаго снаряженія, около . . . . . 2,200 »

Всего . . . 9,320 р.

Вычтя эту сумму изъ общей смѣты, получимъ 18,490 рублей, которые необходимо затратить, въ добавокъ къ оставшимся отъ Лобъ-норской экспедиціи средствамъ, для новаго двухлѣтняго путешествія въ Тибетъ. Половину этой суммы слѣдуетъ выдать звонкою монетою, такъ какъ въ настоящее время покупка китайскаго серебра на кредитные рубли обойдется весьма дорого.

Сверхъ того, потребуются прогоны: для начальника экспедиціи, двухъ его помощниковъ и на одну тройку для перевозки багажа. Получаемое на службѣ содержаніе, какъ начальнику экспедиціи, такъ и обоимъ его помощникамъ, имѣетъ быть выдано впередъ за два года и притомъ звонкою монетою. Если-же помощникомъ для развѣдки политическихъ дѣлъ будетъ лицо, не состоящее въ коронной службѣ, въ такомъ случаѣ придется назначить ему добавочное содержаніе сверхъ того, которое показано въ моемъ разсчетѣ. Считаю также долгомъ оговорить, что въ общій разсчетъ включены лишь обыкновенные подарки, какъ-то: часы, ружья, револьверы, зеркала и т. п. Если-же правительство пожелаетъ послать Далай-Ламѣ, его сподручнику Баньцинь-Эрдени, равно какъ и китайскому резиденту въ Хлассѣ, какія либо цѣнныя вещи, то ихъ покупка должна быть произведена изъ особыхъ средствъ.

Вышеприведенный разсчетъ сдѣланъ въ виду тѣхъ условій, что научныя и политическія изслѣдованія экспедиціи будутъ производиться рядомъ одни съ другими, что ни въ ту, ни въ другую сторону не будетъ дано излишняго перевѣса. Правда, обѣ эти цѣли не всегда окажутся согласны, иногда даже могутъ исключать одна другую—въ такомъ случаѣ придется жертвовать меньшимъ большему, смотря по условіямъ обстановки.

Если-же правительство пожелаетъ организовать политическія изслѣдованія на болѣе широкихъ началахъ и, поручивъ ихъ особому лицу, отдѣлить его обстановку и программу дѣйствій отъ изслѣдо-

ваній научныхъ, тогда стоимость собственно ученыхъ изысканій въ Тибетѣ будетъ гораздо меньше. Считая подобную экспедицію продолженіемъ моего путешествія, прерваннаго болѣзнею, я буду просить, въ добавокъ къ оставшимся средствамъ, кромѣ прогоновъ, 11,120 рублей [1]), т. е. такую сумму, которая согласно разсчету Лобъ-норской экспедиціи, слѣдуетъ для третьяго года путешествія.

Программа изслѣдованій. Программа научныхъ работъ экспедиціи будетъ также самая, которая уже практиковалась мною во время путешествій въ Монголіи и на Лобъ-норѣ, а именно·

1. Маршрутно-глазомѣрная съемка.

2. Астрономическія опредѣленія широты и долготы.

3. Метеорологическія наблюденія ежедневно четыре раза.

4. Барометрическое опредѣленіе высотъ.

5. Изслѣдованія физико-географическія и этнографическія.

6. Спеціально зоологическія изслѣдованія и ботаническія преимущественно по отношенію географическаго распредѣленія растеній.

7. Составленіе коллекцій: зоологической, ботанической и частью минералогической. Что же касается до программы изслѣдованій политическихъ, то указаніе ихъ въ главныхъ чертахъ необходимо получить отъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Самый образъ дѣйствій будетъ зависѣтъ отъ обстоятельствъ, которыя могутъ выясниться лишь на мѣстѣ. Во всякомъ случаѣ, полученныя инструкціи не должны стѣснять изслѣдователя.

Срокъ путешествія. Пути слѣдованія. Срокъ предполагаемой экспедиціи долженъ быть не менѣе какъ двухлѣтній, именно потому, что необходимо пройдти почти три тысячи верстъ, большею частію по пустынямъ, чтобы достичь самаго мѣста дѣйствія, т. е. Хлассы. Правда, самый путь до столицы Тибета несомнѣнно доставитъ богатые научные матеріалы, но путешественникъ уже достаточно здѣсь утомится, такъ что трудность изслѣдованія Тибета много заключается и въ удаленности этой страны отъ нашихъ владѣній.

Основываясь на опытѣ своихъ прежнихъ путешествій, я прихожу къ тому убѣжденію, что въ настоящее время для насъ въ Тибетъ возможны только два пути: одинъ изъ Кяхты черезъ Урчу и Кукуноръ, а другой изъ Зайсанскаго поста, или изъ какого либо другаго

[1]) Половину этой суммы необходимо получить звонкою монетою.

пограничнаго пункта Западной Сибири, на Хами, Са-чжеу и далѣе на верховья Голубой рѣки. За каждымъ изъ двухъ этихъ направленій есть свои выгоды и невыгоды. Безспорно, всего легче попасть въ Тибетъ изъ Урги черезъ Куку-норъ; тѣмъ болѣе, что этотъ путь мнѣ знакомъ до верховьевъ Голубой рѣки, откуда только одинъ мѣсяцъ пути (около 800 верстъ) до Хлассы. Притомъ по этой дорогѣ, ежегодно проходимой монгольскими богомольцами, безъ всякаго затрудненія можно достать проводниковъ и вьючныхъ животныхъ. За то описываемый путь болѣе длинный (около 4,000 верстъ), а главное, будучи пройденъ мною, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже взадъ и впередъ, мало можетъ представить новаго для науки.

Путь черезъ Хами болѣе трудный, такъ какъ придется, въ первой его половинѣ, идти по мѣстностямъ, бывшимъ недавно театромъ Дунганскаго возстанія и потому разореннымъ. Здѣсь неминуемо встрѣтятся большія затрудненія относительно проводниковъ и вьючныхъ животныхъ. Тѣмъ болѣе, что китайскія власти, какъ то показало мое недавнее пребываніе въ Гученѣ, едва-ли будутъ оказывать должное содѣйствіе. За то движеніе на Хами и отсюда черезъ Са-чжеу на верховья Голубой рѣки къ тому пункту, откуда я возвратился въ прошлую именно свою экспедицію, представитъ большой научный интересъ тѣмъ, что дастъ возможность окончательно опредѣлить положеніе Сѣверной окраины нагорья и связать въ одно цѣлое мои прежнія географическія и естественно-историческія изслѣдованія въ Монголіи и на Лобъ-норѣ. Вотъ почему, не смотря на большія трудности, я выбралъ бы путь въ Тибетъ черезъ Хами. Тѣмъ болѣе, что въ Зайсанскомъ посту оставлено мною полное снаряженіе экспедиціи, заводить которое вновь, въ Кяхтѣ или Ургѣ, придется съ значительными затратами. Наконецъ, проектируемый путь на 1,200 верстъ короче Ургинскаго [1]) и до Гучена мнѣ хорошо извѣстенъ.

Что же касается до путей изъ нашего Туркестанскаго края въ Хлассу черезъ Хотанъ, или черезъ Лобъ-норъ, то оба они, по моему мнѣнію, въ настоящее время невозможны. Сколько мы могли узнать изъ разспросовъ приближенныхъ Якубъ-бека, во время правленія этого послѣдняго, сношеній между Восточнымъ Туркестаномъ и Собственнымъ Тибетомъ не происходило. Довольно оживленный путь

---

[1]) Отъ Кяхты черезъ Ургу до верховьевъ Голубой рѣки (устье Напчитай-Уланъ Муренъ) 3,220 верстъ; отсюда до Хлассы около 800; всего до 4,000. Отъ Зайсана черезъ Гученъ до Хами 1,830 верстъ, отсюда черезъ Са-чжеу до верховьевъ Голубой рѣки около 1,000 в., до Хлассы, слѣдовательно всего 2,830 верстъ.

шелъ, какъ извѣстно, только черезъ Ладакъ въ Индію. Черезъ Лобъ-норъ послѣдніе караваны богомольцевъ ходили въ Хлассу до Дунганскаго возстанія, т. е. 16 лѣтъ тому назадъ. Притомъ, на Лобъ-норѣ невозможно теперь достать свѣжихъ вьючныхъ животныхъ (верблюдовъ или яковъ), необходимыхъ для Тибетской пустыни, если же вести ихъ сюда изъ Карашара или изъ Курло, то они испортятся на болотахъ Тарима, пока дойдутъ до мѣста своего назначенія. Наконецъ, для Лобъ-норскаго пути, да вѣроятно также и для Хотанскаго, теперь едва-ли возможно достать проводниковъ; мы, по крайней мѣрѣ, не могли найти таковыхъ.

Прилагая при семъ карту нашего Лобъ-норскаго путешествія [1]), я позволю себѣ обратить вниманіе на то обстоятельство, что отъ крайняго пункта нашего пути—ключа Чаглыкъ-булакъ до города Сачжеу оставалось менѣе 300 верстъ, и не болѣе 600 верстъ до того мѣста на Голубой рѣкѣ, отъ котораго мы вернулись въ 1873 году. Между тѣмъ возвращеніе въ Кульджу и обходъ черезъ Гученъ и Хами до того же самаго Са-чжеу составляютъ около 3,000 верстъ. Если-бы была какая либо возможность пробраться впередъ до Сачжеу или до верховьевъ Голубой рѣки, то неужели-бы мы не воспользовались этимъ и не избавили-бы себя отъ труднаго обхода?

Другое дѣло для обратнаго пути изъ Хлассы. Тогда гораздо болѣе шансовъ найти отсюда проводниковъ въ Хотанъ или на Лобъ-норъ, такъ какъ въ Азіи мѣстныя власти, въ особенности китайскія, всегда охотно выпроваживаютъ отъ себя европейцевъ.

Остановившись окончательно на пути изъ Зайсана черезъ Хами, можно предложить, въ самыхъ общихъ чертахъ, слѣдующій планъ путешествія.

Въ февралѣ или мартѣ будущаго года выступленіе изъ Зайсанскаго поста черезъ Гученъ, Хами и Са-чжеу; въ октябрѣ или ноябрѣ прибытіе въ Хлассу. Слѣдующая затѣмъ зима, равно какъ весна и лѣто 1880 г., посвящаются изслѣдованію Собственнаго Тибета. Осенью обратный путь на Хотанъ; если-же туда пробраться нельзя, то движеніе черезъ Южный Китай въ Хань-коу. Наконецъ, если ни тотъ, ни другой пути будутъ невозможны, тогда придется возвращаться черезъ Куку-норъ на Ургу, или черезъ Лобъ-норъ изъ Цайдама, смотря по обстоятельствамъ.

---

[1]) На той же картѣ синею чертою показанъ предполагаемый мною путь въ Тибетъ.

Приложеніе № 15.

(Къ стр. 268).

Письмо Н. М. Пржевальскаго конференціи Императорской Академіи наукъ.

6 ноября 1878 г.
С.-Петербургъ.

Во время моего послѣдняго путешествія въ Восточномъ Туркестанѣ, на Лобъ-норѣ и въ Западной Чжунгаріи собраны слѣдующія зоологическія коллекціи:

1) Млекопитающихъ 45 видовъ; изъ нихъ шкуръ крупныхъ и средней величины 34, мелкихъ—85, череповъ около 25 штукъ.

2) Птицъ 206 видовъ, въ числѣ 606 экземпляровъ; птичьихъ яицъ 41 изъ 17 гнѣздъ.

3) Пресмыкающихся 18 видовъ, въ числѣ около 120 экземпляровъ.

4) Рыбъ 17 видовъ, въ числѣ около 80 экземпляровъ.

Подробный каталогъ всему сбору будетъ переданъ мною академику А. А. Штрауху по окончательной разработкѣ орнитологической коллекціи. Теперь упомяну только, что между привезенными предметами, нѣкоторые совершенно новы для науки, другіе же проливаютъ свѣтъ на географическое распространеніе животныхъ въ мало-извѣданныхъ странахъ Центральной Азіи.

Признавая, что академическіи музей составляетъ наилучшее хранилище для отечественныхъ коллекцій, которыя, будучи въ частныхъ рукахъ, легко могутъ подвергнуться порчѣ или даже совсѣмъ погибнуть, я предлагаю Академіи наукъ принять безплатно въ собственность музея всю привезенную мною зоологическую коллекцію. За собою-же желаю сохранить право обработки ея орнитологическаго отдѣла.

Что-же касается до млекопитающихъ, какъ нынѣ собранныхъ, такъ равно и привезенныхъ изъ прежняго моего путешествія по Монголіи и Гань-су и до сихъ поръ еще не описанныхъ, то въ виду предстоящаго для меня новаго двухлѣтняго путешествія въ Тибетъ, было-бы весьма желательно поручить, не откладывая на дальнѣйшее время, обработку моихъ млекопитающихъ кому-либо изъ нашихъ ученыхъ зоологовъ. Съ своей стороны, я приложилъ-бы къ этому труду

все, что касается до географическаго распространенія и образа жизни животныхъ, мною наблюдавшихся.

Подобное сочиненіе, дополненное результатами предстоящаго моего путешествія, если таковое удастся, будетъ обнимать обширный, доселѣ зоологически неизвѣстныи раіонъ Центрально-Азіятскихъ пустынь. Оно можетъ появиться въ свѣтъ или отдѣльною книгою, или четвертымъ томомъ моего путешествія по Монголіи и странѣ Тангутовъ. Въ послѣднемъ случаѣ географическое общество вѣроятно не откажется похлопотать о денежныхъ средствахъ, необходимыхъ для изданія книги.

Приложеніе № 16.

(Къ стр. 376).

Отношеніе Пржевальскаго въ Совѣтъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

9 февраля 1883 года
С.-Петербургъ.

Описаніе моего путешествія въ Тибетъ окончено, печатается и мѣсяца черезъ два книга эта будетъ готова. Теперь, когда результаты совершенной экспедиціи уже частью воплощены, да позволено мнѣ будетъ поднять вопросъ о новомъ путешествіи.

Не смотря на удачу трехъ моихъ экспедицій въ Центральной Азіи и почтенныя здѣсь изслѣдованія другихъ путешественниковъ, въ особенности русскихъ,—внутри Азіятскаго материка, именно на высокомъ нагорьѣ Тибета, все еще считается площадь, болѣе 20.000 кв. геогр. миль, почти совершенно невѣдомая. Приблизительныя границы этого неизвѣстнаго пространства намѣчаются на Югѣ 30°, на Сѣверѣ 39° сѣв. шир., а по долготѣ 82° и 102°, считая къ Востоку Гринвичскаго меридіана. Бо̀льшую, Западную, часть такой terra incognita занимаетъ поднятое на страшную абсолютную высоту (отъ 14—15.000 фут.) столовидное плато Сѣвернаго Тибета; меньшая, восточная, половина представляетъ собою грандіозную альпійскую страну переходныхъ уступовъ отъ Тибета къ Собственному Китаю.

На вышеуказанной площади лишь кой-гдѣ удалось побывать европейскимъ путешественникамъ: въ XIV вѣкѣ изъ Китая въ Хлассу пробрался монахъ *Odorico di Pordenone*, бывшій первый изъ европейцевъ въ Тибетѣ; въ 1661 г. миссіонеры *Груберъ* и *Дорвиль* прослѣдо-

вали изъ Пекина въ г. Агру на Гангѣ; 1723—1736 г.г. голландецъ *Самуилъ-ванъ-де-Путте* прошелъ изъ Индіи черезъ Хлассу въ Пекинъ и обратно; въ 1845 и 1846 гг. миссіонеры *Гюкъ* и *Габе* проѣхали изъ Сѣвернаго Китая черезъ Сининъ въ Хлассу и оттуда черезъ Восточный Тибетъ и Южный Китай въ Кантонъ. Но никто изъ этихъ путешественниковъ, приблизительно слѣдовавшихъ однимъ и тѣмъ же путемъ монгольскихъ богомольцевъ, не оставилъ подробнаго описанія своего путешествія по Сѣверному Тибету. Гораздо плодотворнѣе въ этомъ отношеніи были начавшіяся съ 1865 года изслѣдованія пундитовъ (обученныхъ съемкѣ браминовъ), снаряжавшихся секретно Остъ-Индскимъ геодезическимъ бюро. Изъ этихъ пундитовъ *Наинъ-Сингъ* въ 1873 г. прошелъ по Сѣверному Тибету отъ Ладака до Хлассы; другой пундитъ, ранѣе того, пробрался изъ Ладака въ г. Кэрію; еще одинъ изъ пундитовъ обошелъ оз. Тенгри-норъ; затѣмъ въ только что вышедшей «Proceedings of the Royal Geographical Society. London. February 1883 г. p. 99—101» заявлено, что въ Индію недавно возвратился пундитъ, четыре года пробывшій въ Тибетѣ и пробравшійся изъ Хлассы черезъ Цайдамъ въ Са-чжеу; обратно же прослѣдовавшій черезъ вост. Цайдамъ въ г. Та-туинъ-лу (въ Сы-чуанѣ) и отсюда, черезъ гг. Чашту, Четангъ и Гіанце, въ Дарджелингъ. Кромѣ того въ восточной окраинѣ той же невѣдомой площади Сѣв. Тибета, изъ Батана въ Чашту, проѣхалъ въ 1862 г. миссіонеръ *Desgodins*. Наконецъ мнѣ дважды пришлось побывать въ Сѣв. Тибетѣ по пути изъ Куку-нора черезъ восточный Цайдамъ въ Хлассу [1]) частью изслѣдовать верховья Желтой рѣки; взглянуть на Тибетскую окраину (Алтынъ-тагъ) близъ Лобъ-нора и пройдти изъ Са-чжеу въ восточный Цайдамъ.

Вотъ полный перечень тѣхъ изслѣдованій, которыя когда либо были произведены въ Сѣв. Тибетѣ и которыя, конечно, даютъ лишь самый скудный матеріалъ относительно географическаго и естественно-историческаго познанія этой интересной страны.

Продолжая разъ принятую на себя задачу—изслѣдованіе Центральной Азіи, я считаю своимъ нравственнымъ долгомъ, помимо страстнаго къ тому желанія, вновь отправиться въ Тибетъ и поработать тамъ, на сколько хватитъ силъ и умѣнья, для пользы географической науки. Двинуться въ путь разсчитываю, если не встрѣтится особенныхъ препятствій, въ іюнѣ нынѣшняго года.

Опытъ предшествовавшихъ моихъ путешествій показалъ, что

---

[1]) До этого города мы не дошли въ послѣдній разъ 250 верстъ.

одно изъ главныхъ затрудненій при такихъ экспедиціяхъ состоитъ въ необходимости таскать съ собою весь багажъ, какъ въ видѣ различныхъ запасовъ, такъ и въ видѣ собираемыхъ коллекцій. Въ особенности чувствительно подобное безполезное тасканіе вьюковъ на высокомъ нагорьѣ Сѣвернаго Тибета, гдѣ, въ разрѣженномъ воздухѣ, мускулы человѣка и животныхъ отказываются служить какъ слѣдуетъ. Поэтому въ нынѣшнее путешествіе, я намѣренъ приступить къ изслѣдованію Тибета, устраивая въ благопріятныхъ мѣстностяхъ этапные пункты, на которыхъ будутъ оставаться, подъ присмотромъ и карауломъ нѣсколькихъ казаковъ, лишніе верблюды и лишній багажъ. Экспедиціонный же отрядъ, на легкѣ, будетъ производить болѣе или менѣе продолжительныя экскурсіи по радіусамъ отъ складочнаго пункта. При такомъ способѣ путешествія потребуется въ составъ экспедиціи нѣсколько лишнихъ людей, за то является бо̀льшая гарантія успѣха самихъ изслѣдованій.

Исходнымъ пунктомъ проектируемаго путешествія назначается Кяхта и Урга. Тамъ я разсчитываю окончательно снарядиться и, въ концѣ августа или въ началѣ сентября нынѣшняго года, двинуться въ путь черезъ Ала-шань и Куку-норъ въ Цайдамъ. Если же будетъ возможно, что впрочемъ весьма сомнительно, то изъ Урги мы пойдемъ на Хами и отсюда черезъ Са-чжеу попадемъ въ тотъ же Цайдамъ. Здѣсь въ хырмѣ Дзунъ-Засакъ (у подножія Бурханъ-Будда) устроенъ будетъ складочный пунктъ экспедиціи. Сами же мы, т. е. я и мои помощники [1]), отправимся, вѣроятно въ февралѣ 1884 года, на истоки Желтой рѣки и далѣе сколько возможно къ гг. Чамту и Батану. Если обстоятельства будутъ благопріятствовать, то весна и лѣто 1884 г. посвящены будутъ изслѣдованію страны Си-фаней, лежащей между Куку-норомъ на сѣверѣ и Батаномъ на югѣ. Здѣсь несомнѣнно найдется богатѣйшая естественно-историческая добыча. Если же проникнуть далеко въ горную страну Си-фаней не удастся, то мы займемся изслѣдованіемъ восточной части Сѣвернаго Тибетскаго плато. Къ осени вернемся на свой складъ и перетащимъ весь багажъ въ Западный Цайдамъ въ урочище Гастъ, гдѣ будетъ устроенъ новый этапъ.

Отсюда попытаемся пройти черезъ Сѣверный Тибетъ по направленію къ Хлассѣ, въ которую, если насъ пустятъ, то пойдемъ, если же нѣтъ—то и въ сторонѣ оставимъ; но до озера Тенгри-норъ добраться

---

[1]) Одинъ изъ нихъ будетъ оставленъ на пунктѣ складочномъ, гдѣ также необходимо производить изслѣдованія и кромѣ того развѣдывать казаками.

постараемся. Отъ Тенгри-нора, смотря по обстоятельствамъ, пойдемъ или въ Тибетскую провинцію Дзангъ и далѣе вверхъ по Брамапутрѣ, или повернемъ на Сѣв.-Западъ къ Ладаку, быть можетъ по пути пундита Наинъ-Синга; пройдя озеро Дангра-юмъ-чо, направимся къ своему складу въ Гастѣ, чтобы пересѣчь Тибетское плато по новому направленію. Изъ Гаста, куда вѣроятно прибудемъ весною 1885 года, одна партія пойдетъ на Лобъ-норъ, другая же въ г. Кэрію и отсюда черезъ г. Черченъ также на Лобъ-норъ. Соединившись здѣсь, вновь направимся на Тибетское плато къ Кара-коруму [1]), а отсюда внизъ по Хотанской рѣкѣ и черезъ г. Аксу на озеро Иссыкъ-куль въ родные предѣлы. Таковъ въ самыхъ общихъ чертахъ планъ предполагаемаго путешествія. Въ зависимости отъ различныхъ обстоятельствъ, планъ этотъ, конечно, можетъ болѣе или менѣе измѣниться, но во всякомъ случаѣ главною своею задачею я ставлю изслѣдованіе Сѣвернаго Тибета.

Теперь о личномъ составѣ экспедиціи и о средствахъ, необходимыхъ для выполненія предполагаемаго путешествія.

Помощниками моими будутъ прежніе спутники—офицеры: 145 пѣхотнаго Новочеркаскаго Его Величества полка Подпоручикъ *Роборовскій* и 7-го гренадерскаго Самогитскаго полка Подпоручикъ *Эклонъ;* кромѣ того, въ видахъ необходимости оставлять одного изъ помощниковъ на складахъ, я беру третьимъ себѣ помощникомъ 2-го пѣхотнаго Софійскаго Его Величества полка вольноопредѣляющагося *Козлова,* который вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ и препараторомъ. Переводчикъ пойдетъ прежній, именно Кульджинскій Таранча *Абдулъ-Юсуповъ;* наконецъ, нижнихъ чиновъ въ экспедицію, *всѣхъ по моему выбору,* потребно будетъ пятнадцать, а именно: 3 солдатъ изъ Московскаго военнаго округа для сопровожденія экспедиціоннаго багажа въ передній путь и коллекцій при возвращеніи изъ путешествія; 3 солдатъ изъ Восточно-Сибирскихъ линейныхъ баталіоновъ и 9 казаковъ изъ Забайкальскаго казачьяго войска.

Расходы на экспедицію распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

		Въ годъ
Начальнику экспедиціи	Сверхъ получаемаго по службѣ содержанія	1,500 р.
Двумъ помощникамъ, каждому по 750 р.		1,500 »
Препараторъ		600 »
Переводчикъ		500 »

[1]) Складочный пунктъ устроенъ будетъ въ Черченѣ или Кэріи.

15 нижнихъ чиновъ (солдатъ и казаковъ): жалованья (сверхъ получаемаго по службѣ содержанія) по 20 руб. въ мѣсяцъ каждому—всего	3,600 р.
Продовольствіе переводчика, препаратора и 15 нижнихъ чиновъ, считая по 10 р. въ мѣсяцъ на каждаго . .	2,040 »
Проводники и, по временамъ, переводчики изъ туземцевъ	1,200 »
35 вьючныхъ верблюдовъ, 15 подъ верхъ нижнимъ чинамъ и 5 запасныхъ [1]), считая каждаго верблюда по 35 ланъ (105 кред. рублей)—всего	5,775 »
Вьючныя сѣдла на 35 верблюдовъ съ веревками для увязыванія вьюковъ по 15 руб. каждое	525 »
2 верховыхъ лошади переводчику и препаратору; черезъ $^1/_2$ года смѣна этихъ лошадей.	250 »
На подарки, пріемъ и угощеніе	1,000 »
На непредвидѣнные расходы	1,000 »
Итого въ одинъ годъ	19,490 р.
другой годъ . . .	19,490 »
На снаряженіе экспедиціи (научные инструменты, оружіе, препараты для коллекцій, фотографія, аптека, палатки, вьючныя принадлежности и пр.)	2,000 р.
На подъемъ . Начальнику экспедиціи	1,200 »
Обоимъ помощникамъ по 500 р. . .	1,000 »
Препаратору	300 »
Переводчику	100 »
Всего на два года путешествія	43,580 р.

Всю эту сумму необходимо получить здѣсь сполна и, по примѣру предыдущаго путешествія, хотя 10.000 руб. золотомъ по номинальной цѣнѣ.

Мнѣ и моимъ помощникамъ, равно какъ и всѣмъ нижнимъ чинамъ экспедиціи, имѣетъ быть сохранено все получаемое по службѣ содержаніе съ выдачею таковаго, по примѣру прежнихъ путешествій, мнѣ и обоимъ офицерамъ звонкою монетою и за два года впередъ.

Двойные прогоны по положенію имѣютъ быть выданы отъ С.-Пе-

[1]) Всѣ эти верблюды придутъ въ негодность по истеченіи одного года путешествія.

тербурга до Кяхты; а при возвращеніи и обратно, мнѣ и обоимъ офицерамъ и вольноопредѣляющемуся Козлову. Сверхъ того, для перевоза багажа экспедиціи и командированныхъ отсюда нижнихъ чиновъ, имѣютъ быть выданы ординарные прогоны на двѣ тройки отъ С.-Петербурга до Кяхты и обратно въ С.-Петербургъ отъ того пограничнаго пункта, въ который вернется экспедиція. Переводчику Абдулу-Юсупову также имѣютъ быть выданы прогоны на двѣ лошади отъ Кульджи до Кяхты и обратно въ Кульджу при возвращеніи изъ путешествія.

Представляя вышеизложенный проектъ на благоусмотрѣніе Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, имѣю честь покорнѣйше просить ходатайства онаго: передъ г. министромъ финансовъ объ отпускѣ исчисленныхъ денежныхъ средствъ и передъ г. министромъ иностранныхъ дѣлъ по предмету полученія паспорта въ Пекинѣ. Относительно же командированія какъ меня лично, такъ равно моихъ помощниковъ и нижнихъ чиновъ экспедиціи, я буду ходатайствовать передъ г. военнымъ министромъ послѣ того, какъ вопросъ о путешествіи будетъ рѣшенъ въ принципѣ, и потребная на экспедицію сумма будетъ разрѣшена къ отпуску.

Почетный членъ общества. *Н. Пржевальскій.*

Приложеніе № 17.

(Къ стр. 431)

Дипломъ Императорской Германской Академіи естественныхъ и медицинскихъ наукъ.

Въ благополучное царствованіе

ВИЛЬГЕЛЬМА ПЕРВАГО

возстановителя Германской Имперіи и достославнаго императора покровителя нашей ученѣйшей Академіи.

Императорской Германской, имени Леопольда-Каролины Академіи естественныхъ и медицинскихъ наукъ,

основанной въ 1652-мъ году въ Швейнфуртѣ,

освященной основными законами въ 1677-мъ году

и украшенной названіемъ Императорской Академіи естественныхъ и медицинскихъ наукъ

Императоромъ

ЛЕОПОЛЬДОМЪ ПЕРВЫМЪ

затѣмъ, тѣмъ-же Императоромъ въ 1687-мъ году

и Императоромъ

КАРЛОМЪ СЕДЬМЫМЪ

въ 1742-мъ году расширенной въ своихъ привилегіяхъ.

Президентъ

дворянинъ священной Римской Имперіи лейбъ-медикъ и Императорскій Пфальцграфъ

Карлъ Германнъ Кноблаухъ

привѣтствуетъ

благороднѣйшаго и извѣстнѣйшаго мужа

Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКАГО

согласно постановленію Академіи

18-го іюля 1886 года,

дѣйствительнымъ членомъ Академіи.

Избравъ, съ основанія своего, девизомъ «Всегда за дѣломъ», Академія желаетъ, чтобы и всѣ, вновь принимаемые въ ея составъ, всегда имѣли его въ виду; такъ и въ настоящемъ случаѣ, она предлагаетъ по примѣру предковъ соблюдать этотъ девизъ, освященный временемъ. Естественныя и медицинскія науки—обширны и силъ одного человѣка недостаточно, чтобы изучить ихъ, въ ихъ необъятномъ разнообразіи—то есть дѣло упорной работы общества многихъ ученыхъ мужей. Посему намъ очень пріятно, что ты, выдающійся мужъ, чьи познанія и изслѣдованія въ области естествовѣдѣнія были давно уже признаны и оцѣнены всѣми образованными людьми, приступаешь къ нашему обществу. Свидѣтельствуя настоящимъ торжественнымъ привѣтствіемъ, объ избраніи твоемъ въ число членовъ Императорской Академіи естественныхъ и медицинскихъ наукъ, надѣюсь, что это новое избраніе послужитъ на пользу наукѣ, честью для нашей Академіи и радостью для тѣхъ, къ обществу которыхъ ты симъ причисленъ.

Президентъ Академіи Д-ръ Кноблаухъ.

Приложеніе № 18.

(Къ стр. 449).

Инструкція управляющему селомъ Слободою.

1-го августа 1888 года.
С. Слобода

На время моего отъѣзда въ экспедицію прошу васъ при исполненіи своихъ обязанностей по хозяйству, сверхъ словесныхъ указаній, мною вамъ данныхъ, руководствоваться слѣдующимъ:

1. Завѣдываніе домашнимъ хозяйствомъ и скотомъ поручаю Макарьевнѣ; все остальное вамъ. Прошу дѣйствовать по обоюдному согласію въ случаяхъ совмѣстныхъ распоряженій.

2. Рабочихъ нанимайте какъ прежде, по своему усмотрѣнію. Старосту нужно подыскать непремѣнно.

3. Охота и рыбная ловля въ моихъ владѣніяхъ *безусловно* воспрещаются для кого бы то ни было; разрѣшается лишь ловля рыбы удочкою. Во вновь купленной части озера Сопшо ловля рыбы даже удочкою воспрещается, равно какъ воспрещается ѣзда въ лодкахъ по всему оз. Сопшо, за исключеніемъ лишь учителей Слободы, которымъ мною это разрѣшено только для ловли удочкою.

4. Лицамъ постороннимъ, кто бы они ни были, пребываніе въ моемъ домѣ въ видѣ временнаго постоя (хотя бы и на однѣ сутки) не дозволяется.

5. Пастьба скота священникамъ и причту на моихъ выгонахъ не дозволяется, исключая тѣхъ причетниковъ, которымъ нынѣшнимъ лѣтомъ это разрѣшено.

6. Во всѣхъ сношеніяхъ съ крестьянами никакія заискиванія не допускаются; жертвуйте всегда денежнымъ интересомъ въ пользу власти; но всегда поступайте справедливо и честно.

7. Пастьба крестьянскаго скота въ бору за Мышаковымъ и Петраковымъ, равно какъ и со стороны Рудни, Клеметъ и Гуково по возможности воспрещается.

8. Мѣсто для пастьбы телятъ перемѣнить какъ мною указано.

9. Осенью обвязать соломою всѣ фруктовыя деревья.

10. Черезъ два мѣсяца посылайте подробный отчетъ прихода и расхода Евгенію Михайловичу; однажды въ годъ ѣздите сами къ

нему въ Москву за указаніями по хозяйству въ вопросахъ болѣе важныхъ.

11. Въ три мѣсяца разъ пишите мнѣ въ общихъ чертахъ о ходѣ хозяйства и вообще о положеніи Слободы; адресъ будетъ сообщенъ изъ Каракола; прошу написать мнѣ въ этотъ городъ 1 сентября и 1 октября 1888 г.

12. Разсчетъ за хлѣбъ, картофель и пр. съ Пашеткинымъ дѣлайте по доставкѣ ему хлѣба. Вырученныя деньги, за исключеніемъ необходимыхъ на текущіе расходы по хозяйству, отвозите или отсылайте къ Евгенію Михайловичу.

На текущіе расходы берите у Пашеткина, окончательный разсчетъ дѣлайте послѣ доставки хлѣба, покупки телятъ. Цѣну на рожь кладите ту же, какъ и Милетинскій въ Баклаковѣ. Овесъ продавайте въ Порѣчьѣ. Чистый доходъ, за исключеніемъ денегъ на расходы по ремонту дома и пр., отвозите ежегодно Евгенію Михайловичу въ концѣ зимы (послѣ окончательнаго разсчета съ Пашеткинымъ).

13. Жалованье Макарьевнѣ слѣдуетъ платить съ 1 янв. 1888 г. (разсчитана мною по 1 янв. 1888 г.) по 5 руб. въ мѣсяцъ. Сверхъ того, ежегодно съ 1-го января того же 1888 г. выдавайте Макарьевнѣ 25 р. пенсіи.

14. Ежегодно (къ 18 августа) страховать усадьбу; весною страховать въ Смоленскѣ рожь отъ градобитія. Картофелемъ засѣвайте отъ 10—12 десятинъ; увеличеніе посѣва картофеля сдѣлать лишь по указанію опыта, если урожай будетъ хорошъ и уборка не представитъ затрудненій въ наймѣ поденщиковъ. Во всякомъ случаѣ получите объ этомъ указанія отъ Евгенія Михайловича.

15. Кушанье вамъ будетъ готовить Андреевна; чай и сахаръ покупайте, частью (для угощенія) на счетъ экономіи сколько будетъ нужно. Макарьевнѣ ежемѣсячно выдавайте 5 ф. сахару и $^1/_2$ ф. чаю.

16. Къ праздникамъ Рождества и Святой давайте наградныя деньги работникамъ и работницамъ по 1 руб. годовымъ и по 50 коп. мѣсячнымъ.

17. Дрова зимою рубить не гдѣ попало, а въ одномъ мѣстѣ на болотахъ въ Гостятинѣ или за озеромъ Сопша.

18. Рубки лѣса нашего избѣгайте, лучше купить гдѣ нибудь бревна, если понадобятся.

19. Строго блюсти, чтобы нигдѣ въ моихъ водахъ крестьяне не мочили пеньки.

20. Имѣющихся жеребятъ воспитать для моей ѣзды по возвращеніи изъ путешествія. Кобылъ случать съ заводскими жеребцами (у Милетинскаго).

21. Когда будутъ пріѣзжать въ слободу гости· Александра Ивановна (Пыльцова) или же вообще кто либо изъ моихъ родныхъ, то высылайте, по ихъ указанію, лошадей. На время пребыванія этихъ гостей въ Слободѣ нанимать повара Архипа готовить кушанья. То же когда пріѣдутъ Костя Воеводскій и Коля Пыльцовъ, впрочемъ для нихъ можетъ готовить Андреевна.

22. Рыбную ловлю для себя, Макарьевны и Пашеткина можете производить въ теченіе круглаго года.

Добавленіе

1. Кромѣ Макарьевны выдавайте Андреевнѣ, Васильевнѣ и кучеру по 2 ф. сахару и $^1/_4$ ф. чаю ежемѣсячно.

2. Въ случаѣ если Макарьевна по слабости или болѣзни не въ состояніи будетъ слѣдить за домашнимъ хозяйствомъ (скотомъ, птицею и пр., что именно мнѣ и было бы желательно для сохраненія здоровья Макарьевны же), тогда за этимъ хозяйствомъ пусть смотрятъ Васильевна и Андреевна; въ случаѣ же ихъ непригодности, нужно будетъ нанять еще кого либо. Вообще объ этомъ посовѣтуйтесь съ Евгеніемъ Михайловичемъ при поѣздкѣ съ отчетомъ въ Москву.

3. Зимою $18\frac{88}{89}$ г. пустите въ озеро Сопшо сотню или даже болѣе судаковъ; купите ихъ на Щучьемъ озерѣ (Пашеткинъ не откажетъ заказать тамъ) и перевезите въ кадкахъ съ водою.

4. Для озера Сопшо наймите сторожа и вообще устройте караульни какъ на этомъ озерѣ, такъ и на Петроковскомъ.

5. Вычистить прудъ (на которомъ стоялъ заводъ) до глубины 2 аршинъ въ задней и въ одну сажень въ передней (къ заводу) половинѣ; поставить при томъ новый ставъ. Работу эту предпринять, если расходъ не будетъ превышать четырехъ сотъ рублей.

6. Въ новомъ домѣ произвести нижеслѣдующія работы.

a) Поправить конопатку снаружи и внутри обить тесомъ.

b) Сдвинуть полы и потолки.

c) Оштукатурить весь низъ дома и выкрасить въ желтую краску весь полъ; оклеить обоями стѣны нижняго этажа (тамъ, гдѣ будетъ штукатурка).

(Чистку пруда произвести лѣтомъ 1889 г.; конопатку и обшивку дома произвести весною 1889 г.; штукатуренье—лѣтомъ того же 1889 года; оклейку обоями и крашенье половъ—лѣтомъ 1890 г).

7. Деньги на чистку пруда и работы въ домѣ имѣете получить отъ Евгенія Михайловича.

8. Боровину не косить, кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ посажены березы. Весною 1889 г. по низкому мѣсту боровины наторкать ракитнику. Ракитнику наторкать и на мѣстѣ завода.

9. Оставленное въ сундукѣ платье и оружіе пересматривать однажды въ три мѣсяца; лѣтомъ платье просушивать.

10. Если Пашеткинъ не согласится платить за кабакъ 600 руб. аренды, то, узнавъ объ этомъ заранѣе, объявить о сдачѣ кабака на 600 руб. въ годъ желающимъ.

11. Осенью прошу переписать эту инструкцію для Евгенія Михайловича.

12. Въ экспедицію прошу мнѣ писать чистую правду, не утаивая невзгодъ, которыя могутъ случиться въ Слободѣ.

Н. Пржевальскій.

1 августа 1888 г.
Слобода.

Для сада.

1. Будущею (1889 г.) весною привезти на время хорошаго садовника; съ нимъ и за тѣмъ по его указаніямъ исполнить въ саду необходимыя работы (подстрижку деревьевъ, пересадку кустовъ и пр).

2. Выписать весною [1]) 1889 года отъ Регеля изъ Петербурга:
А) для грунтового сарая:

a) Пять черешень, выведенныхъ въ кадкахъ
b) Двѣ сливы, выведенныя въ кадкахъ
Цѣною и тѣ и другія отъ 3—4 р. за экземпляръ

} Въ каталогѣ Регеля на 1888 г. на страницѣ 6-й.

В) для сада: (отъ Регеля же)

c) 30 экземп. вишенъ—по 75 за экз. . . . (тамъ же стр. 6).

d) 15 яблонь разныхъ для посадки отъ 60—70 коп. за экз. (тамъ же стр. 1). 30 вишенъ посадить на продолженіе трехъ начатыхъ вишневыхъ рядовъ (тамъ, гдѣ была нынѣче посѣяна вика).

---

[1]) Если мнѣ не удастся теперь это заказать для высылки.

3) Для защиты грунтоваго сарая отъ вешнихъ морозовъ, сѣверную сторону крыши не разбирать до конца мая, на южную сшить изъ рогожъ (въ нѣсколько частей) покрывало и покрывать имъ въ морозныя ночи.

4. Два куста жасмина (взять изъ подъ дома) высадить по одиночкѣ въ клумбы по угламъ балкона.

5. Если Рижскія сливы вымерзнутъ вновь, то не замѣнять ихъ *ничѣмъ*.

6. Крайнюю къ озерку гряду малины выбрать, равно какъ и третью гряду между яблонями.

7. Шесть грядъ клубники вправо отъ парниковъ выбросить и насадить здѣсь крыжовникъ.

8. Съ дорожки, ведущей къ флигельку въ саду высадить крыжовникъ и сливы. Высаженныя сливы посадить на лужку къ Лейбиному огороду; оставить между каждыми двумя яблонями только по одной сливѣ и по одному кусту крыжовника. Три густыхъ высокихъ куста крыжовника, сидящихъ слѣва на средней части дорожки, пересадить между кустами барбариса.

9. Четыре гряды малины возлѣ флигелька въ саду выбросить вонъ и мѣсто это оставить подъ лугъ.

10. Подсаживать ельникъ возлѣ ограды и въ рощѣ, также и березки.

11. Ольху на берегу пруда въ саду вырубить.

12. Вырубить также двѣ дички яблони за амбаромъ (одну назади куртины, другую возлѣ дорожки отъ воротъ).

13. Въ проходѣ отъ воротъ между амбарами посадить два куста сирени.

14. Ландрина, если издохнетъ, похоронить въ саду возлѣ большихъ березъ за вторымъ прудкомъ.

На дворѣ между домомъ и кухнею высадить красную березу, пересадить ее въ садъ къ дальнему мостику и взамѣнъ ея посадить (въ шахматѣ) 8 тополей изъ числа мною указанныхъ.

Насадить куртину сирени возлѣ 4 тополей противъ ледника, посадить также сирени тамъ, гдѣ была кухня Пашеткина.

Приложеніе № 19.

(Къ стр. 469).

Рѣчь подполковника Ярослава Ивановича Королькова, произнесенная надъ могилой Н. М. Пржевальскаго.

Господа!

Я позволяю себѣ просить вниманія вашего на нѣсколько минутъ.

20-е октября настоящаго года будетъ, безспорно, причислено къ числу скорбныхъ дней всѣмъ образованнымъ міромъ. Особенною-же скорбію скажется день этотъ во всемъ нашемъ Отечествѣ, ибо въ этотъ день оно лишилось одного изъ извѣстнѣйшихъ труженниковъ на поприщѣ науки изъ числа сыновъ своихъ: Николая Михайловича Пржевальскаго.

Съ 1871 г., въ теченіе 17-ти лѣтъ, Николай Михайловичъ сдѣлалъ четыре путешествія по Центральной Азіи, пройдя по ней въ сложности $29^1/_2$ т. верстъ и израсходовавъ на это почти 8 лѣтъ; причемъ остальныя 9 лѣтъ были посвящены работамъ по изданію главнѣйшихъ результатовъ путешествій. Теперь, какъ вамъ извѣстно, смерть застала его какъ разъ за окончаніемъ приготовленій къ 5-му его путешествію, имѣвшему задачей дополнить то, что оставалось еще отъ прежнихъ четырехъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить еще самое первое путешествіе въ 1866 и 1867-мъ гг. въ Уссурійскій край, хотя оно покойнымъ обыкновенно и не считалось въ ряду остальныхъ. Восемь лѣтъ путешествій по дикимъ и, въ большинствѣ случаевъ, совершенно неизвѣстнымъ странамъ, во многихъ частяхъ которыхъ и нога европейца не бывала, до прихода туда экспедиціи Николая Михайловича, дали цѣлые томы матеріаловъ, научная разработка которыхъ производится многими учеными спеціалистами и донынѣ.

Высоконравственная личность и доброта сердца съ одной стороны, а съ другой желѣзная воля и энергія естественно не могли не произвесть сильнаго впечатлѣнія и на жителей посѣщенныхъ Николаемъ Михайловичемъ странъ и не только познакомили дикарей этихъ мѣстъ съ именемъ русскимъ, но внушили чувство глубокаго уваженія къ этому дорогому всѣмъ намъ имени.

Господа! На нашу долю выпала честь упокоить на нашей землѣ прахъ великаго русскаго работника. Не только вся Россія, весь міръ, которому извѣстно имя Пржевальскаго, будутъ смотрѣть на эту могилу. Естественно, господа, что обстоятельство это возлагаетъ на

насъ, каракольцевъ, и святую обязанность передъ Отечествомъ и всѣмъ образованнымъ міромъ озаботиться не только о сохраненіи самой могилы, но еще и объ украшеніи ея и притомъ такомъ, которое-бы соотвѣтствовало славѣ великаго русскаго путешественника и изслѣдователя Центральной Азіи, въ ней погребеннаго, которое-бы соотвѣтствовало и славѣ Россіи, пронесенной покойнымъ на десятки тысячъ верстъ, среди милліоновъ людей.

Настоящее мѣсто вѣчнаго упокоенія останковъ великаго труженика славы русскаго имени выбрано согласно воли покойнаго друзьями его, помощниками, дѣлившими съ нимъ труды и опасности путешествій его.

Господа, я еще разъ повторяю: на насъ, каракольцахъ, лежатъ дальнѣйшія заботы о передачѣ потомству, изъ поколѣнія въ поколѣніе, дорогой для каждаго русскаго могилы.

Покажемъ-же дѣломъ, господа, что сдѣланное для славы русскаго имени дорого намъ, ибо мы русскіе.

Въ заключеніе скажемъ покойному: да въ мірѣ почіетъ прахъ твой, великій работникъ славы Отечества нашего! Мы предадимъ потомкамъ нашимъ воспоминаніе о тебѣ, какъ объ одномъ изъ достойнѣйшихъ сыновъ нашей родины святой!.....

Приложеніе № 20.

(Къ стр. 469).

Нѣсколько словъ, сказанныхъ докторомъ Ив Ив Крыжановскимъ при преданіи землѣ тѣла Н. М. Пржевальскаго.

Придите, послѣднее цѣлованіе дадимъ, братіе, умершему!

Разставаясь другъ съ другомъ, мы обыкновенно говоримъ на прощаньи: «до пріятнаго свиданія». Провожая теперь славнаго русскаго путешественника въ другую загробную жизнь, мы имѣемъ полное право сказать ему на прощаньи нашу земную обыденную фразу: «до пріятнаго свиданія». И скажемъ это потому, что хотя тѣлесный его образъ и скроется скоро изъ глазъ нашихъ, но внутренній духъ его, обезсмертившій себѣ всемірную ученую славу, никогда для насъ не умретъ. Онъ постоянно будетъ витать надъ русскою землей; онъ выдвинетъ изъ среды русскаго народа подобныхъ себѣ отважныхъ и

неутомимыхъ изслѣдователей природы и постоянно будетъ служить для нихъ путеводною звѣздой на трудномъ и тернистомъ пути ученой славы.

Итакъ,—до пріятнаго свиданія, доблестный русскій генералъ! Покойся мирнымъ сномъ въ той части нашей земли, для изученія которой ты принесъ въ жертву всѣ твои силы и самую жизнь!

22 Августа 1878.

Ермил Сергеевич!

Я сказал вчера в семье Макарьевых, что я Вас очень люблю и что Вы мне как-то близки. Но вышло как-то неловко, очень грубо. Вы все любите Макарьева как-то иначе... А Тина даже сказала, что я Вас любил из-за денег. Ермил Сергеевич, я Вас люблю искренно, я даже не знаю, как это выразить, но это чувство — самое святое. Прощайте, прощайте, дорогой! Я Вас никогда не забуду.

Фотография В. Буссель С.-Петербург, Невский пр. № 72

А ныне Всеподданнейше Вам
пишу Константин Макарьев
ка о граде церкви. на лучшем
месте. Теперь Свободна
стала для нового дара
Вашего. обывателя. Поволь-
ского помещика раздан
ливших (на Далнем самых
ливших) Крестьянам и
главное предвижжим нашим
шкей (т.е. всем Гимназиям)
на руках капитала.
Деньги сии при сем
посылаю. Молю Мака-
рьевскую обществе деревянной
ограды; на правой деревян
ной крест. На будущий
год посадить благодать
цветов. Прошу сделать

отраду хорошую..... А мне
бы хотелось когда-нибудь и самой
нашей увидать мету.
Да Вы меня извините покорнейшую
Сколько Вам за шитье.
Сколько за Вашу некрасивость. Варвара Ивановна
свидетельствует Вашу
Немовую они меня знают
и благодарят Вас Корнеева
Макарьевна тысяча сабо,
и еще что-нибудь хорошее
вещей на тонкую Дениза
Макарьевна (12 или 13 хо-
дит в русской серой) орли-
ную у Евгении Михай-
ловны. Надеждина тоже
хорошую. Бонбоньерку умоляю
не забывайте Вашей
Макарьевны: Сал 1 января 1883 г.

Фотопия В. Киасен, С. Петербург, Кадетская лин. № 12.

на день ее смерти, т.е. пенсии
25 рублей и сколько-то рублей
в месяц, всего за 2 месяца
65 рублей (с пенсией).
Когда же будет на театре
Карпенко? Васильева и Ан-
дреева если управятся, то пуб-
лика джентльмэн: если ска-
зать, что пьеса будет хо-
рошо Карпенко — сколько ни
Карпенко и не учитывая фамилии
а принимая как неизвестную
пьесу, я полагаю хорошо, гово-
рю лучше будет сказать.
Дай Бог Вам выздоро-
веть поскорее все Ваше
семейство. Еще раз
Карпенко если Вам
пьеса понравится
будет
предпочтение Дано Вам
А. Суворин

Типография В. Киршбаума. С.-Петербург. Забалканский пр. № 12

Ин-та русского языка
и МО. яз. и Мышления АН. СССР

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ТЕКСТѢ.

Алфавитный указатель собственныхъ именъ упоминаемыхъ въ текстѣ.

А.

Акимовъ, Василій Петровичъ, начальникъ Варшавскаго юнкерскаго училища, а потомъ генералъ-лейтенантъ и директоръ Павловскаго военнаго училища, 35, 39, 40, 54, 66, 72, 77, 202, 211.

Александровичъ, директоръ Варшавскаго ботаническаго сада, 39.

Александръ II, Императоръ, 179, 182, 354.

Андраши, графъ, 210.

Анненковъ, Михаилъ-Николаевичъ, генералъ-лейтенантъ генер. шт., 456

Анносовъ, казакъ, спутникъ Николая Михайловича, 277.

Анучинъ, Дмитрій Гавриловичъ, сенаторъ, бывшій генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, 383.

Артамоновъ, Николай Дмитріевичъ, генералъ-маіоръ генер. шт., 421.

Артамоновъ, поручикъ, 448.

Б.

Бабкинъ, подполковникъ, 78.

Барабашъ, Яковъ Федоровичъ, генералъ-маіоръ генер. шт., губерн. Тургайской обл., 348.

Барановъ, Іосифъ Гавриловичъ, генералъ-маіоръ въ отставкѣ, 78.

Баркманъ, А. Г., членъ географическаго общества, 34.

Барсовъ, докторъ, 465

Бартъ, путешественникъ, 482.

Баторій, Стефанъ, король Польскій, 1.

Батмаевъ-Бату, переводчикъ экспедиціоннаго отряда, 219.

Безобразовъ, Владиміръ Павловичъ, академикъ, 34.

Беневскій, Аркадій Семеновичъ, генералъ-маіоръ генер. шт., воен. губернаторъ Амурской области, 45.

Бильдерлингъ, Александръ Александровичъ, генералъ-маіоръ, начальникъ Николаевскаго кавалерійскаго училища, 211, 434, 473

Бихнеръ, Евгеній Александровичъ, ученый хранитель зоологическаго музея, 466, 534.

Бобровскій, Павелъ Осиповичъ, генералъ-лейтенантъ, завѣдывавшій юнкерскими училищами, а нынѣ Начальникъ Юридической Академіи, 54

Богль, путешественникъ, 580.

Большевъ, Андрей Александровичъ, полковникъ, корпуса воен. топографовъ, 421, 480.

Большевъ, Валентинъ Андреевичъ, 42.

Брандтъ, академикъ, 184, 556, 559.

Бунге, Николай Христіановичъ, бывшій министръ финансовъ, а нынѣ предсѣдатель комитета министровъ, 376.
Бунге, профессоръ, 191, 485.
Буссе Ѳ., 552.
Бѣлобородовъ, унтеръ-офицеръ, 70.
Бѣльцовъ, Владиміръ Алексѣевичъ, генералъ-маіоръ, начальникъ инженеровъ Виленскаго воен. округа, 109, 118, 187, 192, 204, 262, 369, 374.
Бюцовъ, Евгеній Карловичъ, Т. Сов., бывшій посланникъ въ Пекинѣ, нынѣ въ Тегеранѣ, 223, 224, 250, 251, 252, 253.

В.

Ванновскій, Петръ Семеновичъ, генералъ-адъютантъ, военный министръ, 376, 420, 438, 472.
Векманъ, лейтенантъ, 65.
Венюковъ, Михаилъ Ивановичъ, ген.-маіоръ въ отставкѣ, 145, 190, 378, 476.
Веселовскій, Константинъ Степановичъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, непремѣнный секретарь Академіи наукъ, 361, 419, 425, 427, 431, 433, 440.
Вилькенсъ, натуралистъ, 566.
Владиміръ Александровичъ, Великій Князь, 433.
Влангали, Александръ Егоровичъ, Статсъ-секретарь, бывшій нашъ посланникъ въ Китаѣ, нынѣ товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ, 90, 91, 92, 93, 108, 111, 114, 115, 116, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 151, 169, 327.
Воеводскій, Константинъ, кадетъ 2-го корпуса, 452, 597.
Воейковъ, А. И., профессоръ, 541, 542.

Г.

Габе, миссіонеръ, 589.
Гаджсонъ, путешественникъ, 533.
Галецкій, купецъ, 80.
Гармаевъ-Джамбалъ, казакъ, спутникъ Николая Михайловича, 277.
Гегингеръ, садовникъ, 358.
Георгіевскій, 428.
Георгій Александровичъ, Великій Князь, 433, 434.
Герценштейнъ, Соломонъ Марковичъ, ученый хранитель зоологическаго музея, 535.
Гейденъ, Ѳедоръ Логгиновичъ, графъ, бывшій начальникъ главнаго штаба, нынѣ финляндскій генералъ-губернаторъ, 46, 96, 211, 241.
Гейнсъ, Александръ Константиновичъ, генералъ-лейтенантъ генер. шт. 93.
Гирсъ, Николай Карловичъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, Статсъ-секретарь, министръ иностранныхъ дѣлъ, 211, 256.
Глинка, Леонтій Алексѣевичъ, смоленскій помѣщикъ, 364.
Горловъ, бывшій военный агентъ въ Лондонѣ, генералъ-лейтенантъ въ отставкѣ, 195.
Гостиловичъ, Христина, супруга Григорія Пржевальскаго, 2.
Грейгъ, Самуилъ Алексѣевичъ, генералъ-адъютантъ, бывшій министръ финансовъ, 268.
Груберъ, миссіонеръ, 588.
Гриммъ, Н. В. 421.
Губановъ, старшій адъютантъ Приморской области, 78.
Гукеръ, путешественникъ, 482.
Гумболдтъ, ученый и путешественникъ, 484.
Гюкъ, миссіонеръ, 589

Д.

Давидъ, путешественникъ, 533.
Дадай, цайдамецъ, 329, 330.
Даниловичъ, Григорій Григорьевичъ, генералъ-адъютантъ, воспитатель Августѣйшихъ дѣтей, 361, 381, 383, 443.
Дельмаръ-Морганъ, англичанинъ, 261, 262, 264, 360.
Денисовъ, Ефимъ Сергѣевичъ, управляющій Слободою—имѣніемъ Нико-

лая Михайловича, 16, 372, 409, 423, 430, 448, 449, 451, 454, 466.
Добрэ, французъ, геологъ, 378.
Долгоруковъ, Василій Михаиловичъ, князь, Тайн. Сов., Витебскій губернаторъ, 2.
Домбровскій, учитель Смоленской гимназіи, 15.
Дорвиль, миссіонеръ, 588
Доронинъ, учитель Смоленской гимназіи, 14.
Доссъ, художникъ, 213.

Е.

Егоровъ, унтеръ-офицеръ, спутникъ Николая Михайловича, 276, 277, 299, 300, 355.
Екатерина Михайловна, Великая Княгиня, 354.

Ж.

Жардецкая, переводчица, 424.
Желтухинъ, офицеръ генеральнаго штаба, 35, 40.

З.

Завадовская, Елисавета, урожденная Каретникова, 6, 7.
Заикинъ, деньщикъ Н. М. Пржевальскаго, 42, 43.
Заманъ-бекъ, 228, 229, 230, 232, 234, 571, 572, 573, 574.
Зевюлинскій, Дмитрій Прохоровичъ, учитель Николая Михайловича, 11.
Зечени, венгерскій графъ, 273, 274, 296, 318, 319, 333, 351.
Зейдлеръ, содержательница пансіона, 5

И.

Ивановъ, Григорій Ивановичъ, воен. губернаторъ Семирѣченской обл., генералъ-маіоръ генер. шт., 374, 421.
Ивановъ, ун.-офицеръ, спутникъ Николая Михайловича, 401.
Иринчиновъ, Дондокъ, бурятъ, спутникъ Николая Михайловича, 145, 193, 222, 254, 277, 296, 299, 300, 353, 385, 401, 403, 420, 447, 448.
Исаковъ, Николай Васильевичъ, генералъ-адъютантъ, бывшій главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній, нынѣ членъ Госуд. Совѣта, 45, 46
Ишемъ-бекъ, начальникъ шайки разбойниковъ, 566.

К.

Казакевичъ, Петръ Васильевичъ, адмиралъ, генер.-адъютантъ, 359.
Казнаковъ, Николай Геннадіевичъ, генералъ-адъютантъ, бывшій генералъ-губернаторъ Зап. Сибири, 219.
Калмынинъ, Петръ, спутникъ Николая Михайловича, 277.
Камбы, лама, китаецъ, 304, 335.
Каразинъ, художникъ, 196.
Каретникова, Ксенія Ефимовна, 5, 6, 7.
Каретниковъ, Александръ Алексѣевичъ, 9.
Каретниковъ, Алексѣй Степановичъ, дѣдъ Николая Михайловича, 4, 5, 6, 7, 9.
Каретниковъ, Гавріилъ Алексѣевичъ, 9.
Каретниковъ, Павелъ Алексѣевичъ, 9, 11, 16, 54, 243
Каульбарсъ, Александръ Васильевичъ, баронъ, ген.-маіоръ, ком. 1-й бригады 1-й Кав. дивизіи, 2, 421
Каульбарсъ, Николай Васильевичъ, баронъ, ген.-маіоръ генер. шт., 421.
Кауфманъ, генералъ-адъютантъ, бывшій Туркестанск. ген.-губернаторъ, 212, 223, 228, 229, 234, 237, 256, 567.
Кеслеръ, профессоръ, 214, 535.
Кехеръ, Робертъ, препараторъ, 44, 48, 53.
Классенъ, В. фотографъ Академіи наукъ, 535.
Клевецкій, Дмитрій Захаровичъ, генералъ-лейтенантъ, 85
Кноблаухъ, президентъ Императорской Германской академіи, естест-

венныхъ и медицинскихъ наукъ, 594.
Ковалевскій, географъ и путешественникъ, 485.
Коверскій, Эдуардъ Авреліановичъ, генералъ-маіоръ генеральнаго штаба, 421.
Козловъ, Петръ Кузьмичъ, спутникъ Николая Михайловича, подпоручикъ Лейбъ - Екатеринославскаго грен. полка, 371, 376, 377, 382, 383, 385, 387, 395, 399, 400, 413, 420, 423, 424, 439, 450, 451, 452, 457, 459, 461, 462, 465, 466, 591, 593,
Коломейцовъ, Андрей, препараторъ, спутникъ Николая Михайловича, 276, 277, 280, 285, 296, 299, 534.
Колпаковскій, Герасимъ Алексѣевичъ, генералъ отъ инфантеріи, членъ военнаго совѣта, 471, 472.
Константинъ Николаевичъ, Великій Князь, 182, 184, 208, 210, 212, 268, 354, 355, 476, 563
Корольковъ, полковникъ, 469, 600.
Корсаковъ, Михаилъ Семеновичъ, восточно-сибирскій генералъ-губернаторъ, 49, 53, 84, 101, 554.
Корфъ, Павелъ Леопольдовичъ, баронъ, бывшій Петербургскій городской голова, 356.
Кошкинъ, Епифанъ, ямщикъ, 221.
Кояндеръ, Александръ Ивановичъ, нашъ повѣренный въ дѣлахъ въ Пекинѣ, нынѣ дипломатич. агентъ въ Египтѣ, 235, 271, 272, 273, 274, 275, 293, 294, 322, 333.
Красовская, въ замужествѣ за Кузмою Ѳомичемъ Пржевальскимъ, 3.
Кроунвальдъ, художникъ, 192.
Крупениковъ, Константинъ Павловичъ, 457.
Крускопфъ, М. П., лейтенантъ, 79.
Крыжановскій, Ив Ив., докторъ, 464 465, 469, 601
Кукель, генералъ-маіоръ, начальникъ штаба восточно-сибирскаго военнаго округа, 49.
Кумани, дѣйствит. стат. совѣт., посланникъ въ Пекинѣ, 443.
Кунстъ, гамбургскій купецъ, 79, 80.
Куропаткинъ, Алексѣй Николаевичъ, генералъ-маіоръ ген. шт., 231, 232, 233, 565

Л.

Лауницъ, Михаилъ Васильевичъ, генералъ-лейтенантъ, нач. 1-й кавал. дивизіи, 28, 34, 35, 40, 95.
Леонтьевъ, генералъ-лейтенантъ, начальникъ академіи Ген. Шт., 46, 47.
Лесли, Смоленскій помѣщикъ, 5.
Ливингстонъ, путешественникъ, 482.
Липинскій, Василій Іосифовичъ, генералъ-маіоръ, команд 2-й бригады 2-й грен. дивизіи, 51, 52.
Литке, графъ, ген.-адъют., вице-предсѣдатель Императорскаго русскаго географическаго общества, 91, 92, 93, 96, 97, 102, 116, 139, 141, 142, 143, 360, 556.
Лушниковъ, Александръ Михайловичъ, кяхтинскій купецъ, 367, 401, 430.
Лыкошинъ, директоръ Смоленской гимназіи, 14.

М.

Макарьевна, Ольга, няня Николая Михайловича, 8, 12, 17, 371, 447, 449, 450, 451, 454, 455, 595, 596, 597.
Максимовичъ, Карлъ Ивановичъ, академикъ, 191, 351, 427, 535, 537, 538, 540, 541.
Мальтъ-Бренъ, географъ, 213.
Маннингъ, путешественникъ, 580.
Марковъ, Иванъ, слуга Николая Михайловича, 25, 97.
Марко-Поло, путешественникъ, 499, 515.
Марте, географъ, 484
Махонинъ, Сергѣй Михайловичъ, 457.
Матусовскій, Зиновій Лаврентіевичъ, подполковникъ корпуса воен. топографовъ, 242, 578.

Мерхелева, Марія, 359.
Мещериновъ, Григорій Васильевичъ, генералъ-адъютантъ, бывшій помощникъ начальника гл штаба, команд. войскамп Казанскаго военнаго округа, 46, 47.
Милетинскій, землевладѣлецъ 596, 597
Милютинъ, Дмитрій Алексѣевичъ, графъ, бывшій воен. министръ, 93, 96, 142, 181, 206, 207, 211, 240, 477.
Мирковичъ, Михаилъ Федоровичъ, генералъ-лейтенантъ, помощникъ начальника гл. штаба, 374.
Минквицъ, генералъ-адъютантъ, начальникъ штаба Варшавскаго военнаго округа, 46.
Можайскій, И., авторъ стихотворенія 467.
Муравьевъ-Амурскій, Николай Николаевичъ, графъ, генералъ-адъют, бывшій ген.-губернаторъ Вост. Сибири, 50.
Мютцель, художникъ, 535.

Н.

Назаровъ, Александръ Егоровичъ, полковникъ генер. шт., 421.
Наинъ-Сингъ, пундитъ 589, 591
Наполеонъ I, 1.
Нахтигаль, географъ, 350, 362.
Немира, Владиміръ Ѳомичъ, подполковникъ 20-го Турк. лин баталіона 18, 38, 43.
Нефедовъ, ун.-офицеръ, спутникъ Николая Михайловича, 401, 450, 466.
Ней, французскій маршалъ, 1.
Николаевъ, спутникъ Ник. Мих., 55.
Николай Александровичъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ, 433, 434, 439, 443, 480, 535.
Николай Николаевичъ Младшій, Великій Князь, 215.
Нильсонъ, бывшій командиръ Полоцкаго пѣхотнаго полка, генералъ-лейтенантъ въ отставкѣ, 30, 31, 33, 34.

О.

Овсяниковъ, Филиппъ Васильевичъ. академикъ, 427.
Овсяный, Николай Романовичъ, полковникъ, воспитатель кн. Черногорскаго, 421.
Остенъ-Сакенъ, Федоръ Романовичъ, баронъ, директоръ департ. внутр. сношеній министерства иностран. дѣлъ, почетный членъ Императорской Академіи наукъ, 89, 90, 100, 102, 211, 431.
Остроумовъ, докторъ, 429.

П.

Паладій, священникъ нашей миссіи въ Китаѣ, 235.
Палибинъ, помѣщикъ Ельнинскаго уѣзда, 4.
Паровальскій, Корнило, предокъ Николая Михайловича, 1, 2.
Пашеткинъ, Харитонъ Павловичъ, арендаторъ винокуреннаго завода, въ Слободѣ—имѣніи Николая Михайловича, 371, 430, 596, 597, 598, 599.
Пембертонъ, путешественникъ, 580.
Переваловъ, М, кяхтинскій купецъ, 347
Петровъ, Николай Ивановичъ, генералъ-маіоръ, начальникъ штаба шефа жандармовъ, 348.
Плаксинъ, докторъ, 78, 555.
Плеске, Ѳедоръ Дмитріевичъ, ученый хранитель музея Академіи наукъ, 453, 466, 534.
Помпелли, путешественникъ, 176, 177.
Петровскій, Николай Федоровичъ, консулъ въ Кашгарѣ, 400, 410, 413, 422, 431, 436.
Повало-Швыйковскій, смоленскій помѣщикъ, 9.
Повало-Швыйковскій, Евграфъ Михайловичъ, спутникъ Н. М Пржевальскаго, поручикъ въ отставкѣ, 203, 204, 213, 217, 220, 227, 561.
Попова, дѣвица, 78

Поповъ, художникъ, 189.
Порденоне, монахъ, 588.
Потанинъ, путешественникъ, 276, 578.
Потемкина, Александра Алексѣевна, урожденная Каретникова, 6.
Потемкинъ, Павелъ Николаевичъ, капитанъ-лейтенантъ, 6.
Пржевальская, Елена Алексѣевна, мать Николая Михайловича, 5, 6, 7, 8, 9.
Пржевальская, Софья Алексѣевна, супруга Владиміра Михайловича Пржевальскаго, 424, 429, 451.
Пржевальскій, Антоній, 3.
Пржевальскій, Владиміръ Владиміровичъ, 33, 371, 466.
Пржевальскій, Владиміръ Михайловичъ, извѣстный Москов. присяжный повѣренный, 7, 9, 10, 11, 12, 14, 17, 18, 26, 68, 72, 75, 83, 216, 235, 244, 248, 255, 275, 282, 287, 292, 304, 429, 466.
Пржевальскій, Григорій, 2
Пржевальскій, Дмитрій, 3.
Пржевальскій, Евгеній Михайловичъ, подполковникъ, преподав. математики въ Александр. воен. училищѣ, 11, 68, 72, 75, 77, 80, 466, 595, 596, 597, 598.
Пржевальскій, Иванъ, 2.
Пржевальскій, Кузьма, 3.
Пржевальскій, Лаврентій, 3.
Пржевальскій, Левъ, 2.
Пржевальскій, Леонтій, 2.
Пржевальскій, Мартынъ, 3.
Пржевальскій, Михаилъ Кузмичъ, 2, 3, 4, 6, 7, 9
Пржевальскій, Ѳома, 3.
Протопоповъ, Михаилъ, кяхтинскій мѣщанинъ, 400, 420.
Проценко, Александръ Петровичъ, генералъ-маіоръ въ запасѣ, бывшій Семипалатинскій губернаторъ, 224, 233, 348, 349.
Пфифіусъ, Е., погр. комиссаръ 347.
Пыльцовъ, Михаилъ Александровичъ, штабсъ-капитанъ въ отставкѣ, сначала спутникъ, а потомъ зять Николая Михайловича, 41, 95, 96, 98, 105, 110, 112, 116, 117, 130, 133, 134, 135, 141, 142, 167, 168, 172, 181, 183, 186, 187, 188, 189, 193, 194, 196, 199, 200, 203, 204, 210, 211, 212, 213, 216, 217, 219, 223, 225, 226, 230, 238, 242, 243, 244, 246, 247, 248, 249, 254, 259, 261, 401, 564, 597.
Пыльцовъ, Николай, 597.
Пѣвцовъ, Михаилъ Васильевичъ, полковникъ генеральнаго штаба, путешественникъ, 241, 482, 540, 577, 579.

Р.

Радде, путешественникъ, 533.
Рашевскій, 349, 353.
Регель, Эдуардъ Людвиговичъ, 598.
Рейтернъ, Михаилъ Христофоровичъ, графъ, бывшій министръ финансовъ, 184, 186, 208, 563.
Риттеръ, географъ, 484.
Рихтгофенъ, баронъ, путешественникъ и географъ, 177, 260, 261, 262, 264, 265, 266, 475, 495, 513.
Роборовскій, Всеволодъ Ивановичъ, поруч. Лейбъ-Новочер. Е. В. полка, спутникъ Николая Михайловича, 269, 270, 276, 277, 280, 285, 335, 336, 348, 353, 367, 368, 369, 376, 382, 383, 385 387, 392, 393, 394, 397, 399, 400, 401, 413, 414, 415, 420, 423, 424, 426, 429, 439, 450, 453, 457, 458, 459, 460, 461, 462, 463, 464, 465, 466, 468, 469, 591.
Ронсіеръ, вице-адмиралъ, 201.
Россъ, капитанъ, путешественникъ, 482.
Румянцовъ, ефрейторъ, спутникъ Николая Михайловича, 276, 277, 367.

С.

Сабанѣевъ, одинъ изъ издателей журнала „Природа“, 180.
Сапѣга, Николай, староста велижскій и суражскій, 2.
Сафоновъ, купецъ, 80.
Севрюкова, смоленская помѣщица, 7.

Севрюковъ, смоленскій помѣщикъ, 6.
Семевскій, Михаилъ Ивановичъ, тайн совѣт., редакторъ „Русск. Ст.“, 355.
Семеновъ, Петръ Петровичъ, тайн. совѣт., сенаторъ, вице-предсѣдатель Императорскаго русскаго географическаго общества, 48, 49, 51, 52, 53, 89, 94, 102, 206, 208, 210, 211, 268, 348, 350, 351, 355, 366, 469.
Семичевъ, Петръ, 10.
Сердечный, докторъ Департ. Удѣловъ, 16, 383, 457.
Сигизмундъ III, король польскій, 2.
Скобелевъ, Михаилъ Дмитріевичъ, генералъ-адъютантъ, 359.
Сколковъ, генералъ-адъютантъ, 84, 85.
Сокальскій, А. Л. 547.
Сосновскій, подполковникъ генер. шт., 568, 577.
Софьяно, Леонидъ Петровичъ, генералъ-адъютантъ, товарищъ генералъ-фельдцейхмейстера, 50.
Срезневскій, В. И., бывшій секретарь геогр. общ., 348, 349.
Старицкій, Константинъ Степановичъ, капитанъ 1-го ранга, 79.
Старцевъ, штабсъ-капитанъ 566.
Стебницкій, Іеронимъ Ивановичъ, генералъ-лейтенантъ, начальн Воен.-Топограф. Отд. гл. штаба, 421.
Степановъ, Михаилъ Петровичъ, полковникъ, помощн нач. отдѣленія гл. управл. казачьихъ войскъ, 78, 79, 196, 347.
Стэнлей, англичанинъ, 475, 482.
Стрекалова, А. Н., 359.
Сунаргуловъ, штабсъ-капитанъ, 566
Сѣверцовъ, зоологъ, путешественникъ, 276, 533.
Сѣряковъ, граверъ, 189.

Т.

Тачановскій, В. К., консерваторъ Варшавскаго музея, 39, 43, 195, 200, 354,
Телешовъ, Пантелей, казакъ, спутникъ Николая Михайловича, 33, 277, 385, 391, 399, 401, 420, 422, 423, 430, 450, 462, 534.
Тизенгаузенъ, Александръ Евгеніевичъ, баронъ, подполковникъ генер. шт., 421, 477.
Тилло, Алексѣй Андреевичъ, генералъ-маіоръ генер. шт. начальникъ штаба 1-го армейскаго корпуса 421.
Тимковскій, путешественникъ 485.
Тихменевъ, Михаилъ Петровичъ, генералъ въ отставкѣ, 65, 70, 78, 100, 101, 103, 105, 108, 110, 111, 144, 146 147, 348, 551, 554.
Токсабай, кашгарецъ 574.
Толпыго, Александра Ивановна, замужемъ за М. А. Пыльцовымъ, 187, 383.
Толпыго, Елена Алексѣевна, мать Николая Михайловича Пржевальскаго, 10, 248.
Толпыго, Иванъ Демьяновичъ, мужъ Елены Алексѣевны, 10, 248, 383.
Толпыго, Ипполитъ Ивановичъ, докторъ, 10.
Толпыго, Николай Ивановичъ, инженеръ путей сообщенія, 10, 275, 364, 430, 435, 456, 457.
Толстой, Дмитрій Андреевичъ, графъ, бывшій министръ внутр. дѣлъ и президентъ Императорской Академіи наукъ, 376, 440.
Торнеръ, путешественникъ, 580.

У.

Уваровъ, авторъ изслѣдованія „Меряне и ихъ бытъ“, 182.
Урусовъ, Михей, спутникъ Николая Михайловича, 277, 297.
Усольцевъ, 100.

Ф.

Фаминцынъ, Андрей Сергѣевичъ, академикъ, 427.
Фатѣевъ, Іоасафъ Львовичъ, полковн., помощн. начальника отдѣленія гл. управл. казачьихъ войскъ, 12, 18, 32, 37, 39, 40, 41, 52, 54, 59, 77, 81, 83, 87,

95, 97, 98, 110, 112, 118, 119, 122, 127, 128, 138, 152, 154, 157, 159, 168, 176, 180, 181, 182, 189, 192, 196, 197, 198, 199, 202, 203, 204, 209, 210, 212, 213, 215, 218, 219, 223, 248, 249, 262, 269, 270, 349, 365, 373, 380, 384, 386, 401, 428, 437, 448.

Фельдманъ, Ѳедоръ Александровичъ, генералъ-лейтенантъ, управл. дѣлами Воен Учен. Комитета главн. штаба, 16, 26, 37, 51, 52, 87, 195, 372, 421, 435, 436, 449, 452, 456, 457.

Форсейтъ, путешественникъ, 228, 262.

Францъ-Іосифъ, австрійскій императоръ, 179, 182.

Фуругельмъ, контръ-адмиралъ, командующій войсками Приморской области, 77.

Фусъ, путешественникъ, 485.

Х.

Хацитовскій, штабсъ-капитанъ, 463.

Хотинскій, юнкеръ Варшавскаго училища, 41.

Ц.

Ценгъ, маркизъ, китайскій министръ, 443.

Ч.

Чабаевъ, Панфилъ, казакъ, спутникъ Николая Михайловича, 145, 154, 193, 220, 222

Ченгеры, генералъ-лейтенантъ, 18.

Черкесовъ, генералъ-маіоръ, начальникъ штаба Восточно-Сибирскаго округа, 104.

Черницкій, генералъ-лейтенантъ, помощникъ начальника штаба Варшавскаго военнаго округа, 35, 45, 46.

Ш.

Шарнгорстъ, Константинъ Васильевичъ, профессоръ геодезіи Никол академіи Ген. Штаба, 421, 481.

Швецовъ, кяхтинскій купецъ, 347.

Шишмарева, Марія Николаевна, 421.

Шишмаревъ, Яковъ Порфирьевичъ, дѣйств. стат. совѣт., ген. консулъ въ Ургѣ, 160, 212, 282, 431.

Шмидтъ, Фридрихъ Готлибовичъ, академикъ, 427

Шренкъ, Леопольдъ Ивановичъ, академикъ, 184, 427, 532, 556, 559.

Штакельбергъ, А Ѳ., баронъ, членъ географическаго общества, 34.

Штраухъ, Александръ Александровичъ, академикъ, 44, 104, 200, 214, 276, 360, 425, 426, 532, 535, 556, 559, 587.

Э.

Эклонъ, Федоръ Леонтьевичъ, поручикъ Ростовскаго грен. полка, спутникъ Николая Михайловича, 195, 201, 202, 203, 210, 211, 213, 216, 219, 220, 222, 227, 236, 239, 241, 245, 246, 269, 270, 276, 277, 280, 285, 300, 335, 348, 353, 364, 367, 369, 376, 379, 398, 401, 561, 565, 591.

Эліасъ, путешественникъ, 183.

Энгель, инженеръ, капитанъ, 40.

Эренъ, врачъ, 566.

Этолинъ, А. А., лейтенантъ, 79.

Ю.

Юскевичъ, поручикъ, 31.

Юсуповъ, Абдулъ-Басидъ, переводчикъ, спутникъ Николая Михайловича, 277, 316, 335, 336, 353, 385, 389, 400, 403, 591, 593.

Я.

Ягуновъ, Николай Яковлевичъ, первый спутникъ Николая Михайловича, впослѣдствіе поручикъ Кексгольмскаго грен. Им. Австрійскаго полка, 53, 62, 78, 95, 196, 199, 200, 215, 317, 401.

Якубъ-бекъ кашгарскій, 222, 223, 227, 228, 229, 231, 232, 234, 235, 236, 237, 239, 240, 243, 265, 569, 570, 571, 572, 573, 574, 575, 576, 585.